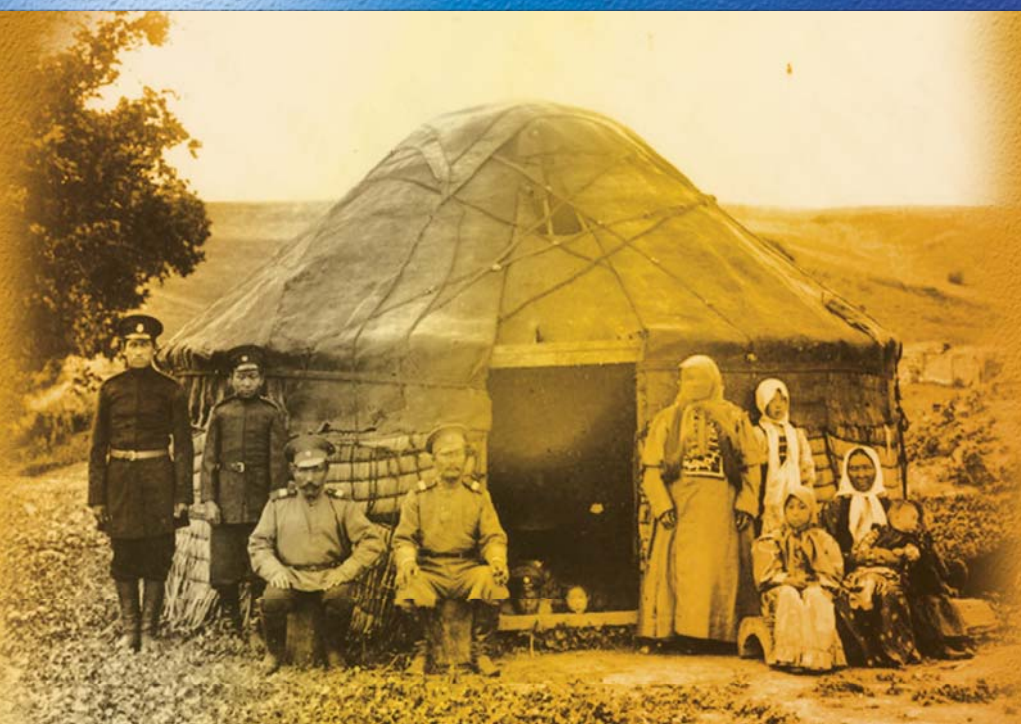

К. Н. Максимов

**КАЛМЫКИ
В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
(XVII – середина XX в.)**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

К. Н. МАКСИМОВ

**КАЛМЫКИ
В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
(XVII – середина XX в.)**

**РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2016
Издательство Южного научного центра РАН**

УДК 94(470.47)

М 171

Печатается по решению Ученого совета ФГБУН
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Научный редактор:
академик РАН Г. Г. Матишов

Рецензенты:

доктор исторических наук А. В. Венков
доктор исторических наук Е. Ф. Кринко
доктор исторических наук У. Б. Очиров

Максимов К. Н.

М 171 Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.).
– Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 584 с. (ил.).

ISBN

В книге впервые комплексно освещаются история миграции части калмыков на Дон, процессы военной интеграции и инкорпорирования их в состав донского казачества. Особое внимание уделено военной службе и участию их в составе донских военных частей в охране южных рубежей России, защите ее интересов и суверенитета. Исследовано участие калмыков в составе донских строевых и ополченских казачьих полков в Отечественной войне 1812 года, Русско-японской войне 1904–1905 гг., в мировых войнах XX века. История калмыков на Дону показана на протяжении трех веков.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросами истории казачества и народов России.

УДК 94(470.47)

ISBN 978-5-4358-0132-3

© Максимов К. Н., 2016

© КИГИ РАН, 2016

**Russian Academy of Sciences
Southern Scientific Center
Kalmyk Institute for Humanities**

K. Maksimov

Kalmyk Incorporation into the Don Cossacks

(middle of the 17th century – middle of the 20th century)

**ROSTOV-ON-DON, 2016
SSC RAS Publishing
2016**

UDC 94(470.47)

M 20

Published by the decision of the Academic Council
of the Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Science editor
academician RAS G. Matishov

Reviewers:
Dr (History) A. Venkov
Dr (History) E. Krynko
Dr (History) U. Ochirov

Maksimov, K.

M 20 Kalmyk Incorporation into the Don Cossacks (middle of the 17th
century – middle of the 20th century). Rostov-on-Don: SSC RAS
Publishers, 2016. 576 p., 32 p. il. (in Russian)
ISBN 978-5-4358-0132-3

This book comprehensively covers the history of part of the Kalmyks' migration to the Don region, military integration processes and their incorporation into the Don Cossacks. Special attention is paid to the military service, and Kalmyk participation as a part of the Don military units designed to protect the southern borders of Russia, to defend its interests and sovereignty. The book uncovers Kalmyk participation in the Don Cossack combatant and militia regiments in the war of 1812, in the Russian-Japanese War of 1904–1905, and in the world wars of the XXth century. The book examines three centuries of history of the Don Kalmyks.

The issue is designed for a wide range of readers interested in the history of the Cossacks and the peoples of Russia.

UDC 94(470.47)

ISBN 978-5-4358-0132-3

© K. Maksimov, 2016

© KIH RAS, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Примечания	19

Глава I.

ВЗАИМОВЫГОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ВОЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАЛМЫКОВ С ДОНСКИМИ КАЗАКАМИ В XVII–XVIII веках

1.1. Взаимоотношения калмыков с казаками в XVII в. и совместное их участие в защите и упрочении южных рубежей России	21
1.2. Военная интеграция калмыков с донскими казаками в XVIII в. Инкорпорирование части калмыков в состав Войска Донского	52
Примечания	91

Глава II.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ И КАЛМЫКИ В ВОЙНАХ РОССИИ НАЧАЛА XIX в.

2.1. Административные реформы на Дону и организация системы управления калмыцким населением	96
2.2. Донские калмыки в составе казачьих полков в походах и войнах России начала XIX в.	107
Примечания	124

Глава III.

КАЛМЫКИ-КАЗАКИ ДОНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

3.1. Калмыки в составе донских полков в боевых действиях российской армии против французов и их союзников летом 1812 г.	126
3.2. Участие калмыков с донскими казаками в контрнаступлении российской армии осенью – зимой 1812 г.	156
3.3. Калмыки-казаки в составе донских полков в Заграничных походах 1813–1814 годов	182
Примечания	204

Глава IV.

КАЛМЫЦКИЙ ОКРУГ В СОСТАВЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО

4.1. Административные реформы на Дону и образование Калмыцкого округа в составе Войска Донского	210
4.2. Реформы на Дону в 1860-х годах	250
Примечания	269

Глава V.

ОБРАЗОВАНИЕ САЛЬСКОГО ОКРУГА И ПРИЧИСЛЕНИЕ К НЕМУ КАЛМЫЦКИХ СТАНИЦ

5.1. Подготовительные мероприятия и образование нового округа на Дону	272
5.2. Калмыцкие станицы Сальского округа на рубеже XIX–XX веков ...	283
Примечания	301

Глава VI.

КАЛМЫКИ-КАЗАКИ ДОНА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВОЙН НАЧАЛА XX ВЕКА

6.1. Социально-экономическое положение калмыков-казаков области Войска Донского накануне Первой мировой войны	302
6.2. Калмыки в войнах России начала XX века	315
6.2.1. Калмыки-казаки в составе 4-й Донской казачьей дивизии в Русско-японской войне 1904–1905 гг.	315
6.2.2. Калмыки-казаки в составе донских военных частей в кампании 1914–1915 гг. Первой мировой войны	326
6.2.3. Боевые действия донских казачьих полков в 1916 г.	373
6.2.4. Помощь фронту и мобилизация калмыков на тыловые работы действующей армии	391
6.2.5. Калмыки-казаки Дона в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны	413
Примечания	451

Глава VII.

ДОНСКИЕ КАЛМЫКИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1920–1943 гг.)

7.1. Установление советской власти в калмыцких станицах и формирование ее органов управления. Изменения в административно-территориальном устройстве Сальского округа	459
7.2. Образование Калмыцкого района в Сальском округе	485
7.3. Калмыцкий район Ростовской области в 1930-х годах	500
7.4. Калмыцкий район в годы Великой Отечественной войны	528
Примечания	555
Заключение	560
Библиография	564

TABLE OF CONTENTS

Introduction	9
Comments	19

Chapter 1.

MUTUALLY BENEFICIAL COOPERATION AND MILITARY INTEGRATION OF KALMYKS INTO THE DON COSSACKS in the 17th – 18th centuries

1.1. Relationships between the Kalmyks and the Cossacs in the XVIIth century. Their joint participation in the protection and strengthening the southern borders of Russia	21
1.2. Military integration of the Kalmyks with the Don Cossacks in the XVIIIth century. Incorporation of the Kalmyks into the Don Cossack Host	52
Comments	91

Chapter 2.

DON COSSACKS' AND KALMYKS' PARTICIPATION IN THE WARS OF RUSSIA IN THE EARLY 19th CENTURY

2.1. Administrative reforms in the Don region and organization of the Kalmyk people administration system	97
2.2. Don Kalmyks as a part of the Cossack regiments during military campaigns and wars in Russia in the beginning of the XIXth century	107
Comments	124

Chapter 3.

DON KALMYKS IN THE PATRIOTIC WAR of 1812

3.1. Kalmyks as a part of the Don regiments in summer combat operations of the Russian Army against the French and their allies in 1812	126
3.2. Conjoint actions of the Kalmyks with the Don Cossacks in the Russian Army counteroffensive operation in autumn and winter of 1812	156
3.3. Kalmyks as a part of the Don regiments in foreign campaigns of 1813–1814s	182
Comments	204

Chapter 4.

KALMYK OKRUG (DISTRICT) AS A PART OF THE DON ARMY

4.1. Administrative reforms in the Don region and the formation of the Kalmyk district within the Don Cossack Host	210
4.2. Reforms in the Don region in 1860s	250
Comments	269

Chapter 5.

THE FORMATION OF THE Salsk DISTRICT AND ATTRIBUTING TO IT OF KALMYK STANITSAS

5.1. Preliminary arrangements and the formation of a new district in the Don region	272
5.2. Kalmyk stanitsas of the Salsk district at the turn of XIXth – XXth centuries	283
Comments	301

Chapter 6.

THE DON KALMYKS BEFORE AND DURING THE MILITARY EVENTS OF THE BEGINNING OF THE 20th century

6.1. Socio-economic situation of the Kalmyk Cossacks of the Don Cossack Host on the eve of the First World War	302
6.2. Kalmyks in the wars of Russia in the early XXth century	315
6.2.1. Kalmyk Cossacks as a part of the 4th Don Cossack Division in the Russo-Japanese war of the 1904–1905s.	315
6.2.2. Kalmyk Cossacks in the Don military units during the campaign of (1914–1915) of the First World War	326
6.2.3. Combat operations of the Don Cossack regiments in 1916	373
6.2.4. Assistance to the front and mobilization of the Kalmyks to the rearward of the field forces	391
6.2.5. Don Kalmyk Cossacks during the revolutionary events of the 1917 and the Civil War	413
Comments	451

Chapter 7. DON KALMYKS DURING THE SOVIET ERA. (1920–1943)

7.1. The establishment of the Soviet government in Kalmyk stanitsas. The formation of governing bodies. Changes of the administrative-territorial structure of the Salsk district	459
7.2. The formation of the Kalmyk raion in Salsk district	485
7.3. Kalmyk raion of the Rostov oblast (region) in 1930s.	500
7.4. Kalmyk raion during the Great Patriotic War	528
Comments	555
Conclusion	560
Bibliography	564

ВВЕДЕНИЕ

Ойраты по мере продвижения вглубь России, в пределах которой за ними закрепился этноним «калмыки», заинтересованно вступали в контакт с казачьим отрядом Ермака, служилыми казаками уральских, сибирских городов. Последние сыграли конструктивную роль в установлении и развитии взаимоотношений калмыков с местными учреждениями, официальных контактов с высшими государственными органами власти России. Служилые казаки внесли существенный вклад в дело добровольного принятия калмыками российского подданства, которое уже в начале XVII в. приобрело положение де-факто, а с середины того же века – де-юре.

Интеграция Калмыцкого ханства с Россией началась с военно-политического союза. Калмыцкая конница уже с 40-х годов XVII в. активно включилась вместе с казачьими отрядами Дона на защиту геополитических интересов России и безопасности её южных рубежей. Участие калмыков в войнах России, упрочении её позиций в юго-западном направлении являлось весьма эффективным. Постепенно оно приобрело организованный характер, регламентированный порядок, и стало восприниматься как исполнение гражданского долга. В связи с этим во взаимоотношениях и взаимодействии донских казаков и калмыков наступает качественно новый этап, характеризовавшийся не только упрочением их военного союза, но и миграцией на Дон – переходом в середине XVII в. части калмыков в казачество, вступлением в иное социокультурное пространство, интегрированием в казачье сообщество Дона.

К концу XVIII в. часть калмыцкого населения, представлявшая крупную этническую группу, окончательно укрепились на Дону, освоившись в иной геополитической и социокультурной среде, инкорпорировалась в состав донского казачества. Калмыки, оказавшись в новом ареале обитания, иноэтнической атмосфере, другой социально-общественной обстановке, начали втягиваться в межэтнические, хозяйственные, торговые, культурные, бытовые взаимоотношения с местным населением. В результате процесса аккультурации произошло формирование новой устойчивой локальной этнической

группы — донских калмыков. Они, инкорпорировавшись в состав донского казачьего общества, приобрели равностатусное положение с казачеством и типичные формы его социальной, военной организации и управления. Атаман Войска Донского генерал-лейтенант М. И. Платов в ноябре 1804 г. писал в Министерство внутренних дел: «Калмыки есть вообще при Войске Донском сем находятся более ста лет под управлением и распоряжением здешнего правительства наравне с казаками» [1]. Поэтому не случайно в переписи населения 1873 г. калмыки значились в числе коренных жителей Дона.

Процессы межэтнической интеграции способствовали достаточно быстрому овладению калмыками русским языком. Билингвизм, образовательная политика государства и властей области Войска Донского способствовали более эффективному взаимодействию и взаимообогащению этнокультур, формированию новых этнокультурных и этнопсихологических традиций, упрочению межэтнических отношений в многонациональном регионе. Обитавшая здесь локальная группа калмыков, несмотря на интенсивную аккультурацию, изменение общественного уклада и во многом благодаря диверсификационной этнической политике властей Дона, смогла сохранить свою национальную и конфессиональную идентичность. Поэтому история донской локальной группы калмыков исследуется нами как часть социума Дона и Калмыкии в контексте их истории и российской — отечественной истории.

Калмыки-казаки в составе донских казачьих полков, артиллерийских рот, отдельных и особых сотен несли службу в разных регионах России и за её пределами. Со второй половины XVII в. и на протяжении XVIII в. они вместе с донскими казаками, отстаивая геополитические интересы страны, участвовали во всех войнах России, которые ей пришлось вести длительное время. В первой четверти XVIII в. донские полки в составе российской армии принимали участие в крупных баталиях со шведами, ставших судьбоносными для России, а также многочисленных войнах с Турцией, Персией, закрепляя российские позиции на юге и побережье Черного моря. На рубеже XVIII–XIX веков они воевали на стороне антифранцузских коалиций. Донские казаки, в том числе и калмыки, участвуя с народами

Введение

России в Отечественной войне 1812 года против армии Наполеона и его союзников, а также в заграничных походах, приумножили свою боевую славу.

В Отечественной войне 1812 г. против французов воевало более 1,5 тыс. донских калмыков в составе 42 строевых полков и свыше 1,2 тыс. человек в 22 казачьих ополченских полках. Калмыки-казаки вместе с донскими казаками участвовали в одной из самых масштабных и решающих батальей Отечественной войны 1812 года – Бородинском сражении, а также в заграничных походах 1813–1814 гг. против французской армии. В составе донских полков они с боями дошли до Парижа и вошли в него.

В ноябре 1846 г. генерал от кавалерии Максим Григорьевич Власов, участник войн с Наполеоном в качестве командира донского полка своего имени и командира бригады, будучи наказным атаманом Войска Донского, писал судье Калмыцкого правления подполковнику Маркову: «Между калмыками, бывшими в Донских казачьих полках противу турок, французов, шведов и поляков, находилось много храбрых воинов, удостоенных отличий и даже производства в офицерские чины. Из числа их последних ныне нет ни одного в живых, но я желаю знать, нет ли от них наследников, кои имеют право пользоваться преимуществами заслуг своих отцов» [2].

Активная интеграция калмыцкого населения с казачеством, трансформация его общественно-бытовой жизни, хозяйственной деятельности, унификация управления и поземельного устройства произошли во второй половине XIX века с образованием Сальского округа – единого территориального объединения с представителями других народов Дона.

Во всех войнах России XIX и первой половины XX в., как и в предыдущей многовековой ее истории, калмыки-казаки вместе с донскими казаками активно участвовали в защите и отстаивании интересов Отечества. Значительное количество калмыков-казачков сражалось в Крымской войне 1853–1856 гг., на полях битвы Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой войны 1914–1918 гг. В годы революционных событий и Гражданской войны калмыки-казаки, как и все российское общество, оказались в бифуркационном состоянии.

В результате Октябрьской революции 1917 г., повернувшей ход исторического развития России, после Гражданской войны на Юге России и Дону, в том числе и в калмыцких станицах, в начале 1920 г., окончательно установилась советская власть. С образованием Калмыцкого района, ставшего не только объединительным центром, но и культурно-национальной автономией, прекратился отток калмыков из Ростовской области. К началу Великой Отечественной войны район представлял уже достаточно развитую административно-территориальную единицу в Ростовской области.

Историография истории донских калмыков весьма ограничена и сведения о них представлены фрагментарно в отдельных публикациях отечественных историков, изданных большей частью до начала XX века. К наиболее ценным произведениям, располагающим сведениями по истории калмыцкого населения на Дону за небольшой период времени, следует отнести труды академика Г. Г. Матишова, Н. А. Маслаковца, И. Ф. Богдановича, И. И. Попова, Н. Н. Пальмова, А. П. Пронштейна, В. В. Богачева, В. Б. Броневского, А. И. Ригельмана, С. Г. Гмелина, С. Номикосова, А. А. Гордеева, П. Н. Краснова и др. [3]. В их сочинениях кратко изложена история поселения части калмыков в донских степях, даны сведения о численности калмыцкого населения и хозяйственной деятельности, культуре и быте в основном в 40–70-е годы XIX в.

В историографию о донских калмыках местных авторов входят работы, появившиеся в основном в 90-е годы XX века. В частности, к ним следует отнести труды К. П. Шовунова, в которых обзорно дается история появления калмыцких казачьих поселений не только на Дону, но и в других регионах страны, а также имеются сведения о социально-экономическом состоянии калмыков-казаков за период до конца XIX в. До этого же времени краткое освещение в его работах получили вопросы участия калмыков-казаков в защите Отечества. В монографии У. Б. Очирова значительное внимание уделено участию калмыков в Гражданской войне, боевым действиям двух донских калмыцких казачьих полков. Из новых работ особый интерес представляет исследование В. Т. Тепкеева, в котором значительное место отведено вопросу установления взаимоотношений калмыков

Введение

с народами Юга России, в том числе и с донскими казаками. Автор на основе выявленных источников подтверждает правомерность утверждений о том, что официальные контакты между калмыками и казаками стали складываться в начале 40-х годов XVII в.

В статьях М. И. Гучинова и В. П. Дарбаковой сделана попытка рассмотреть отношения калмыков с донскими казаками во второй половине XVII в. и этническую структуру донских калмыков. В таких новейших трудах, как «Очерки истории Калмыцкой АССР» и трехтомная «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», «Очерки истории и культуры казачества Юга России», из-за отсутствия фундаментальных исследований, даются лишь отрывочные сведения по отдельным вопросам истории, религии, культуры и быта донских калмыков, которые, в сущности, принципиальных изменений не претерпели от основного Поволжского калмыцкого социума [4].

Об Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии ныне имеется весьма обширная отечественная и зарубежная историография. В массиве этой литературы немало трудов, в которых значительное внимание уделено участию донских казаков в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Наиболее обширная информация о донских казаках, в том числе и калмыках-казаках, представлена в многотомном труде В. Б. Броневского. Он писал, что в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах участвовало 55 тыс. донских казаков и наряду с ними сражались калмыки. Ценные сведения о количестве донских полков в армиях, корпусах, о боевых действиях отдельных казачьих полков содержатся в трудах А. И. Михайловского-Данилевского, Д. П. Бутурлина, А. Пивоварова, А. И. Сапожникова и др. [5].

В отдельных работах встречаются лишь общие фразы, констатирующие то, что донские калмыки участвовали в Отечественной войне 1812 г. В «Очерках истории Калмыцкой АССР» (Ч. 1) авторы ограничились буквально одним небольшим предложением: «Донские калмыки были мобилизованы в казачьи сотни войскового атамана М. И. Платова» [6]. Это объясняется тем, что в советскую эпоху история калмыков-казаков Дона была предана забвению, поскольку считалось, что они в основной своей массе участвовали в Граждан-

ской войне на стороне белого движения. В связи с ограниченностью исследований история донских калмыков не получила достаточного освещения и в 1-м томе трехтомной «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [7].

Историк К. П. Шовунов лишь вскользь коснулся вопроса о начале формирования ополчения на Дону в период Отечественной войны 1812 г., ограничившись констатацией того, что в ополчение должны были быть привлечены и калмыки [8]. Истории участия калмыков в войнах с наполеоновской Францией посвящена книга К. Н. Максимова и У. Б. Очирова, изданная к 200-летию Отечественной войны 1812 г. В ней авторы проследили и проанализировали боевой путь калмыцких национальных полков, службу донских калмыков в составе донских казачьих полков в годы наполеоновских войн [9].

В первой половине XX в. России, защищая свои интересы, территорию, независимость и суверенитет, пришлось участвовать в малых и крупных войнах – в Русско-японской, двух мирового масштаба, последствия которых имели глобальное, геополитическое значение. Они оказали принципиальное влияние на судьбы и последующее развитие многих стран, в том числе и России. В начале века Япония, движимая захватническими замыслами на Дальнем Востоке, в частности, притязаниями на Корею и Китай, спровоцировала Россию на войну. По истории этой войны имеется достаточно литературы, но только в книге старшего адъютанта штаба 4-й Донской казачьей дивизии Ф. Ростовцева даны сведения об участии в ней калмыков-казаков Дона [10].

В богатейшей отечественной историографии Первой мировой войны, в частности, участия в ней донского казачества [11], отсутствуют какие-либо сведения о калмыках-казаках, сражавшихся в составе донских казачьих полков, отдельных и особых сотен, артиллерийских батарей. Между тем более 4-х тыс. калмыков-казаков несли военную службу и воевали на фронтах Первой мировой войны в качестве офицеров, младших командиров, рядовых казаков в составе донских казачьих полков. Многие из них за ратные подвиги были награждены орденами, почетным Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами, Георгиевскими медалями. Более 10 тыс. калмыков было мобилизовано на прифронтовые тыловые работы для строи-

Введение

тельства инженерных сооружений, дорог, выполнения разгрузочно-погрузочных работ в портах, на железнодорожных станциях. Калмыки оказывали помощь фронту лошадьми, другими видами скота на продовольственные и транспортные нужды армии.

Тема участия донских казаков в Гражданской войне получила достаточно широкое освещение в трудах А. В. Венкова, П. Н. Краснова, С. А. Кислицына, В. П. Трута, Л. П. Решетникова, Р. Г. Гакуева и др. [12]. Однако в их фундаментальных исследованиях, к сожалению, калмыкам-казакам, воевавшим в составе Донской армии против большевиков, не уделено необходимого внимания. В литературе не получили освещение также вопросы беженцев и эмиграции донских калмыков за границу во время великого русского исхода.

В историографии истории Дона советского периода донское калмыцкое население вообще не упоминается, хотя в Ростовской области существовал Калмыцкий район с развитой экономикой и социальной инфраструктурой. В годы Великой Отечественной войны из этого района были мобилизованы на фронт более 4 тыс. человек, в том числе свыше 2 тыс. калмыков. Территория района зимой 1942–1943 гг. являлась ареной крупнейших сражений, там проходила линия оборонительного узла немцев.

Историки располагают богатейшей источниковой базой для изучения истории калмыков-казаков Дона с середины XVII до середины XX века, то есть с момента поселения части калмыков на донских землях и до ликвидации Калмыцкого района и депортации его автохтонного населения в 1943–1944 гг. К ней относятся разнообразные как по видам, так и происхождению и содержанию опубликованные и неопубликованные исторические источники. Значительный массив документальных материалов по истории донских калмыков отложился во многих фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Государственного архива Астраханской области, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Национального архива Республики Калмы-

кия, в Информационном центре Министерства внутренних дел Республики Калмыкия, фондах музеев, библиотек.

Основной источниковой базой данного труда, в котором сделана попытка комплексно осветить историю калмыков в составе донского казачества на протяжении трех веков, явились документальные источники, выявленные в 20 фондах Ростовского государственного областного архива. Наиболее ценные и полные сведения по истории калмыков на Дону представлены в документах фондов № 46 (Атаманская канцелярия) и № 309 (Калмыцкое правление), № 353 (областной Войска Донского статистический комитет). По истории калмыцкого населения Дона советского периода документы отложились также в фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области. Сохранившиеся протоколы, решения, справки Калмыцкого райкома партии (фонд 51), материалы пленумов, отделов Ростовского обкома ВКП(б) (фонд 9) позволили изучить составы, раскрыть деятельность партийных и советских органов в годы социалистического строительства и Великой Отечественной войны, осветить вопросы развития экономики, социальной инфраструктуры района.

В данном исследовании автор на основе богатейших документальных источников, обнаруженных в фондах Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Ростовской области, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, впервые осветил участие калмыков-казаков в составе донских казачьих военных частей в Отечественной войне 1812 г., Первой мировой войне, Великой Отечественной войне.

В документальных материалах (отчетах, докладах канцелярии и атаманов Войска Донского, боевых донесениях, журналах боевых действий, рапортах командиров полков, корпусов, дивизий и т. д.), хранящихся в фондах указанных архивов, содержится ценная информация по годам о военном сословии донских калмыков (служилых, отставных, малолетках), прохождении ими службы в строевых, рабочих полках, во внутренней и кордонной службах, в Атаманском полку, конно-артиллерийских ротах, отдельных и особых сотнях, о боевых действиях, наградных документах.

Введение

В обнаруженных комплексах документов, к сожалению, удалось выявить лишь отрывочные сведения по периодам, годам о количестве калмыков-казаков в донских полках, об участии их в сражениях, о раненых, погибших, награжденных, поскольку в общих списках, в отчетах в большинстве случаев они не выделялись из общей массы служивых казаков по национальному признаку. По фамилии, имени и отчеству трудно их определить, так как у значительной части донских калмыков наследственные семейные наименования и личные имена постепенно русифицировались. Поэтому автор, по крупицам собирая из выявленных исторических источников, различных по происхождению и содержанию, попытался приподнять завесу над малоизученной страницей истории – участии калмыков-казаков в составе донских полков в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 годов, Первой мировой войне. Как свидетельствуют исторические источники, донские калмыки, имея равноправное положение с казаками, активно участвовали в военных событиях начала XIX и первой половины XX в., определявших судьбы народов и государств.

В массиве использованных источников особую ценность представляют документы фонда 2007 (Штаб Верховного главнокомандования. Канцелярия походного атамана при Его императорском величестве) Российского государственного военно-исторического архива. В нем отложились материалы статистического характера, содержащие сведения о боевых действиях всех казачьих частей с начала Первой мировой войны по январь 1917 г. В отчете о боевой деятельности донских казачьих полков имеется информация о численности офицеров, казаков, выступивших в поход, пополнении, а также данные о награжденных, погибших и раненых, без вести пропавших, попавших в плен. Здесь же приводятся данные о взятых каждым донским полком трофеях, пленных. В отдельных делах имеются списки калмыков-казаков по некоторым донским полкам.

На основе этих материалов, которые впервые вводятся в научный оборот, в данном труде освещается участие калмыков в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Эти источники свидетельствуют, что славные дела народа, участвовавшего в защите интересов и безопас-

ности Отечества, достойны быть запечатленными на скрижалях нашей истории, чтобы они не были преданы забвению, чтобы жили в сердцах потомков, вызывая восхищение, жило величие народного подвига.

Автором широко использованы статистические материалы (справочники, сборники, труды и периодические издания статистических органов), периодическая печать (газета «Астраханский листок»), «Донские областные ведомости», Памятные книжки, газета Калмыцкого района «Улан малч» («Красный животновод») и др. В научный оборот введены исторические источники законодательного характера, нормативные акты военных ведомств, командований армиями, официальная переписка военных должностных лиц, опубликованные в документальных сборниках. Многие сведения по теме исследования извлечены из отечественной и зарубежной мемуарной и эпистолярной литературы [13]. Ценность последних заключается в том, что их авторы являлись непосредственными участниками, современниками и очевидцами тех драматических и величественных событий. Для освещения исследуемой темы многие факты и данные почерпнуты автором из популярных, научных книг авторов XIX – начала XX вв. Особую ценность представляют юбилейные, ведомственные издания. Перечень использованных исторических источников и литературы указывается в научно-справочном аппарате данной книги.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность кандидату юридических наук В. К. Максимову, оказавшему помощь в подборе и подготовке материалов к данному труду, а также О. Минаеву, Б. Федорову за предоставленные отдельные иллюстрации. Слова искренней благодарности приношу Н. А. Чумаковой, директору Государственного архива Ростовской области, заведующей М. В. Новиковой и сотрудникам читального зала этого архива за помощь в выявлении и при работе с документальными источниками, а также сотрудникам читальных залов Центра документации новейшей истории Ростовской области, Национального архива Республики Калмыкия, Государственного архива Астраханской области и Российского государственного военно-исторического архива.

Примечания:

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1. Л. 128.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО). Ф. 309. Оп. 1. Д. 1640. Л. 1.
3. *Матишов Г. Г.* Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории. Ростов на/Д, 2013; *Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск, 1874; *Богданович И. Ф.* Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в Войске Донском. Составленные по распоряжению высочайше утвержденного Комитета о устройстве Войска Донского, сенатором генерал-лейтенантом Богдановичем и прикомандированными к нему офицерами того же войска. С картою и рисунками. Новочеркасск, 1835; *Попов И. И.* Донские калмыки. Новочеркасск, 1919; *Номикосов С.* Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884; *Пальмов Н. Н.* Очерки истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992; *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961; *В. В. Богачев.* Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919; *Гмелин С. Г.* Путешествия по России для исследования трех царств естества / Пер. с нем. СПб., 1771; *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. М., 1846; *Гордеев А. А.* История казачества. М., 2007; *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007; *Казачество великое, бесстрашное.* СПб., 2008 и др.
4. *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992; *Он же.* Очерки военной истории калмыков (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста, 1991; *Очилов У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста, 2006; *Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. 1. Дооктябрьский период.* М., 1967; *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 томах. Т. 1; Т. 3.* Элиста, 2009; *Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / Под ред. академика Г. Г. Матишова, профессора И. О. Тюменцева.* Волгоград, 2014; *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014; *Эрдниева У. Э., Максимов К. Н.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Изд. 4-е, перераб. и доп. Элиста, 2007; *Гучинов М. И.* Об отношении калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века // *Вестник института.* № 3. Элиста, 1968; *Дарбакова В. П.* К вопросу об этнической структуре донских калмыков // *Труды молодых ученых Калмыкии.* Вып. 3. Элиста, 1973 и др.
5. *Броневский В. Б.* История Войска Донского. Описание Донской земли, Кавказских Минеральных вод. Ч. I–IV. СПб., 1834; *Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. Т. I–VII. СПб., 1850; *Бутурлин Д. П.* История нашего императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1. СПб., 1837; Ч. 2. СПб., 1838; *Пивоваров А.* Донские казаки. Краткий сборник рассказов из военной истории донцов, о их храбрости, находчивости в бою, преданности

- долгу и проч. Новочеркасск, 1892; *Сапожников А. И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012 и др.
6. Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. 1. С. 251.
 7. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 томах. Элиста, 2009. Т. 1. С. 639 – 640.
 8. *Шовунов К.П.* Калмыки в составе российского казачества. С. 232.
 9. *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012.
 10. *Воскобойников Г. Л.* Казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Ростов-на-Дону, 1995; *Добрынин В. В.* Донцы в Маньчжурии. Путевые, походные и боевые воспоминания и краткая историческая справка 3-й Донской казачьей батареи. Новочеркасск, 1907; *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007; История Русско-японской войны. Т. III. Редакторы-издатели М. Е. Бархатов и В. В. Функе. СПб., 1907; *Рыжкова Н. В.* Донское казачество в войнах начала XX века. М., 2008; *Ростовцев Ф.* 4-я Донская казачья дивизия в Русско-японской войне. Киев, 1910 и др.
 11. *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Изд. 3-е. В 3 т. Госвоениздат НКО СССР. М., 1938; *Астахов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; *Барбара Такман.* Августовские пушки. / Пер. с нем. М., 1972; *Хейстингс М.* Первая мировая война: Катастрофа 1914 года / Пер. с англ. М., 2014; *Воскобойников Г. Л.* Казачество в Первой мировой войне. 1914–1918 гг. М., 1994; *Гордеев А. А.* История казачества. М., 2007; *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007; *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976 и др.
 12. *Венков А. В.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014; *Он же.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008; *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте; В донской станице при большевиках; Всевеликое Войско Донское. М., 2003; *Кислицын С. А.* Указ и шашки: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015; *Трут В. П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007; *Гакуев Р. Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012; *Казачий Дон: Пять веков воинской славы.* М., 2010; *Решетников Л. П.* Русский Лемнос. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012 и др.
 13. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002; *Врангель П. Н.* Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). Часть 2. М., 1992; *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2014; *Гурко В. И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917 / Пер. с англ. М., 2007; *Городовиков О. И.* В боях и походах. Воспоминания. М., 1979; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. От Сталинграда до Берлина. М., 2005; *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939–1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1957 и др.

Глава I.

ВЗАИМОВЫГОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ВОЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАЛМЫКОВ С ДОНСКИМИ КАЗАКАМИ В XVII–XVIII ВЕКАХ

1.1. Взаимоотношения калмыков с казаками в XVII в. и совместное их участие в защите и упрочении южных рубежей России

С целью расширения владений и сферы торговли крупные промышленники и купцы Строгановы, как известно, при поддержке царя Ивана IV в начале 1580-х годов направили атаманов Ермака Тимофеева, Ивана Кольцо и других с 540 донскими и приволжскими казаками, служилыми людьми в поход вглубь Сибири. В это время две большие группы калмыков – северо-западная (дербетского тайши Далай-Батыра и торгутского тайши Хо-Орлюка) и юго-восточная (хошутского тайши Байбагаса и чоросского тайши Хара-Хулы), покинув пределы Джунгарии, дошли до верховья Иртыша, где временно осталась вторая группа. Первая группа ойратов двинулась в сторону рек Туры, Тобола, ведя оживленную торговлю с народами Сибири и с её покорителями – казаками, со строгановскими купцами. Поэтому первые встречи калмыков с казаками Дона и Приволжья восходят, пожалуй, к началу 80-х годов XVI столетия, когда началось покорение Сибири, особенно с захватом казаками города Искера и началом их торговли с азиатскими странами. Действительно, в Есиповской летописи указывается, что в 1581 г. калмыки находились уже в районе указанных рек [1]. В связи с этим сложившееся в историографии мнение о том, что калмыки вступили в контакт с казаками только в 40-х годах XVII столетия, поселившись между Волгой и Доном [2], на мой взгляд, не совсем соответствует имеющимся свидетельствам в литературе и фактам в некоторых исторических источниках.

Ойраты (калмыки), не определившись с выбором постоянного места обитания, продолжая движение в поисках более пригодных природных условий для кочевой жизнедеятельности, не вмешивались в дела покорителей Сибири и сибирского хана Кучума. Об этом свидетельствует Н. Я. Бичурин, утверждавший, что чоросский тайша

Хара-Хула и торгутский тайша Хо-Орлюк, занимаясь внутренними делами, мало обращали внимания на границы, то есть на приближение казаков и их борьбу с «киргизцами» [3]. Об осторожной политике калмыков в ходе экспедиционной войны России с Сибирским ханством подтверждается и другим фактом. В августе 1598 г. помощник тарского воеводы А. Воейков, передвигаясь по Барабинским степям с небольшим отрядом (всего 400 ратных людей и казаков) в поисках Кучума, обнаружил, что в двух днях пути от кочевий сибирского хана находится крупное сосредоточение воинов-калмыков численностью до 5 тыс. человек. Однако калмыки не проявили агрессивности и военных столкновений с казаками не произошло. Но в необходимых случаях в тактических целях ойраты использовали кучумовичей [4].

В предотвращении военного конфликта между калмыками и казаками, в их сближении в 1580-х годах, по всей вероятности, сыграли следующие факторы. С одной стороны, нежелание калмыков вступать в вооруженное противостояние с казаками, покорявшими с «огненным боем» народов Сибири. С другой стороны – настороженное отношение казаков к большой массе воинственных кочевников, медленно двигавшихся вглубь России. В начальный период покорения Сибири, по свидетельству М. С. Соловьева, малочисленные отряды казаков «с огненным боем легко одолевали рассеянные ряды туземцев и заставляли их платить ясак». Но с калмыками, прикочевывшими в степные края Западной Сибири и спокойно расселившимися в верховьях Иртыша, Ишима и Тобола, «нельзя было легко разделяться ... Появление калмыков было тем опаснее, что владычество русских в Сибири еще далеко не было упрочено» [5]. Помимо этого, известный писатель и историк Е. П. Савельев предполагал, что «на казаков, как на своих покровителей, они (калмыки. – К. М.) смотрели ещё со времен Ермака, принявшего в Сибири их сторону в борьбе тайши Аблая (автор, видимо, имел в виду его предков – К. М.) с киргизцами» [6]. Поэтому не случайно весьма преклонного возраста Аблай, сын хопута Байбагаса, внук чоросского тайши Хара-Хулы, «ревностно желая иметь» на память панцирь Ермака, обратился с просьбой к царю Алексею Михайловичу. По указанию царя тобольский воевода князь Хилков, заполучив кольчугу Ермака от потомков сибирского мур-

зы Кондаула, поручил стрелецкому сотнику Ремезову доставить её Аблаю. Кольчуга, врученная ему 18 июня 1651 г., как описывал историк А. Попов, «состояла из железных колец, удивительно по пяти между собою сплетенных в длину два аршина, а ширины в плечах аршин с четвертью, на груди и спине был Государственный герб – орел золотой, по рукавам и подолу опушка медная шириной в три вершка» [7].

Особую роль в установлении и развитии взаимоотношений России с калмыками в начале XVII в. сыграли служилые казаки, выходцы из Дона и Волги, сибирских городов, в том числе Игнаш Емананков, Баженка Костянтинов, Игнаш Кудров, Томила Алексеев, Аника Черный и другие из администрации тарского воеводы (С. И. Гагарин, затем И. В. Мосальский), томского воеводы (В. В. Волынский), которые неоднократно выезжали в калмыцкие улусы и встречались в 1606–1608 гг. с главными тайшами, склоняя их к принятию российского подданства и закреплению его шертью (присягой, договором).

В интенсивном и результативном обмене делегациями между калмыцкими тайшами и воеводами сибирских городов, приведшем в феврале 1608 г. к первому официальному приему калмыцкой делегации царем Василием Ивановичем Шуйским, особые заслуги принадлежали указанным служилым казакам. По велению царя Приказ Казанского дворца, предварительно проведя встречи официальных представителей воеводств сибирских городов с калмыцкими тайшами и признав их устные договорные соглашения вполне обоснованными, 20 августа 1609 г. направил от имени государя Василия Шуйского Грамоту тарскому воеводе И. В. Мосальскому с указанием вести активную политику по введению калмыков в состав Российского государства. В Грамоте указывалось, что царь запретил воеводам нападать на калмыков и велел им «кочевати на нашей земле безо всякие боязни. И они б, калмыцкие тайши, были под нашею царскою высокою рукою и нам, великому государю, служили и прямили во всем, и к шерти их велели привести, и заклады у них в город Тару взяли, и ясак бы они с себя давали лошадьми. А будет тайши лутчие люди похотят ехати к нам к Москве самим, и они бы к нам ехали безо всякого опасенья» [8]. Приказ Казанского дворца 20 августа 1609 г. направил

И. В. Мосальскому вторую грамоту с предложением ускорить на тех же условиях оформление подданства Хо-Орлюка и других калмыцких тайшей, переговоры с которыми велись ещё с 1607 г. [9] Таким образом, с августа 1609 г. на правовой основе начался этап официального добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России.

Междоусобица в России, длившаяся с 17 июля 1610 по 7 февраля 1613 г., оказалось для нее чрезвычайно сложным и трудным периодом. Калмыцкие дела фактически были отложены до лучших времен. В это время и калмыки, почувствовав себя несколько безопаснее после победы над халхасским Алтын-ханом и казаками, не проявляли особой активности в продолжении диалога с представителями российской власти в Сибири.

Казаки, поддержав вступление Михаила Федоровича Романова на царский престол, с чувством высокого долга активно включились в государственную службу, в том числе и в сибирских воеводствах, деятельно участвуя в упрочении позиций России в Сибири, присоединении её народов. Новый этап в развитии взаимоотношений и в попытке ввести калмыков в российское подданство начался с 1615 г. и связан с именами тарских служилых казаков Власки Калашникова, Ивана Куницына. Положительные результаты их неоднократных миссий к калмыкам были обстоятельно рассмотрены 31 декабря 1616 г. на заседании Боярской думы с участием царя Михаила Федоровича. Боярская дума приговорила: «... вперед ссылатца с колмацкими людьми и приводить их под государеву руку». В соответствии с вердиктом Боярской думы царем был принят указ аналогичного содержания и разослан в сибирские города. Выполняя приговор Боярской думы и названный указ царя, тобольский воевода И. С. Куракин в мае 1617 г. направил казачьего атамана (служилого) Ивана Савельева и служилого казака Первушку Петрова вместе с прибывшим послом Буга от Далай-тайши к «большому Багатырю-тайши и всем колмацким людям, чтоб они были под государевою рукою и с товары своими со всякими, что у них ведутца, в государевы города торговых своих людей посылали».

Группа И. Савельева, пробыв два месяца в стане дербетского тайши Далай-Батыра, вернулась в сентябре в Тобольск с положитель-

ным ответом в сопровождении калмыцких послов Буга и Коодана. Калмыцкая делегация в сопровождении тобольских служилых казаков И. Савельева и П. Петрова в декабре 1617 г. отбыла в Москву, и 29 марта 1618 г. была принята царем Михаилом Федоровичем. Царю и Боярской думе дьяком Посольского приказа С. Романчуковым была составлена записка о приеме калмыцких послов в 1608 г. царем Василием Шуйским. Эта делегация Михаилом Романовым была принята и одарена царскими подарками наравне с предыдущей.

По результатам этой аудиенции и по решению Боярской думы калмыцкие послы получили в руки первый официальный нормативный документ от Российского государства – Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича (14 апреля 1618 г.) калмыцкому тайше Далай-Батыру, составленную на русском и татарском языках, закрепляющую факт пребывания калмыков (группы дербетов) в российском подданстве [10]. В этом акте в общих чертах были определены политика взаимоотношений России с калмыками («быть в любви и в дружбе – во всем береженье держати»), основные условия нахождения в составе единого государства. Россия брала калмыков тайши Далай-Батыра не только под свое покровительство, но и закрепляла их под свое подданство, устанавливая жалованье и призрение, гарантируя защиту от всех недругов, свободу передвижения и торговли в отчинных сибирских землях. Калмыки по Жалованной грамоте должны были не только находиться «под нашего царского величества высокою рукою», но и «нам, Великому государю, служили и прямили, и на непослушников наших, куда вам наше царское повеление будет, со своими ратными людьми ходили ...».

Содержание Жалованной грамоты от 14 апреля 1618 г. раскрывало несколько изменившуюся политику России по отношению к калмыкам. Если до 1618 г. царская администрация требовала от калмыцких послов в качестве основных обязательных условий нахождения в составе Российского государства, помимо верной службы, заложников (аманатов) и выплату определенной дани, то позднее главным условием становится военная служба. Это вполне отвечало и интересам России в упрочении её позиций в Сибири.

Аналогичную Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича получило 25 мая 1620 г. посольство чоросского тайши Хара-Хулы. Успешному завершению миссии этой калмыцкой делегации способствовала активная деятельность посланника тобольского воеводы казачьего атамана И. Белоголова, участвовавшего в переговорах с Хара-Хулой, а затем сопровождавшего калмыцких послов в Москву.

1620 год завершился устной договоренностью представителей хошутовского тайши Байбагаса, торгутского тайши Хо-Орлюка, их сыновей, братьев с воеводами Tobольска (М. М. Годуновым) и Уфы (О. Я. Прончищевым) о закреплении факта нахождения их в составе России и свободной торговли в сибирских городах. Результаты этих договоров, доложенные в письменном виде указанными воеводами в Приказ Казанского дворца, в январе 1621 г. были рассмотрены и одобрены царем и Боярской думой. Заслушав отчет каждого воеводы в отдельности, Боярская дума записала: «Государь указал и бояре приговорили, что воеводы добро учинили, что колмаков привели под государеву руку...». В целях закрепления калмыков договорными отношениями в решении Боярской думы предлагалось: «учнут приезжать ... послов колматцких отпустить к Москве».

В 1621 г. активность по закреплению договорных взаимоотношений с калмыками проявила администрация томского воеводства (воевода И. Ф. Шаховский), направив в марте к ним посольство в составе казака Ивана Широкого и толмача Дружинки Ермолина. В 1620-х годах сибирские города установили официальные взаимоотношения со многими калмыцкими тайшами небольших групп, упорядочив с ними торговые и территориальные вопросы по кочевьям. Итоги развивающихся отношений с калмыками на протяжении десяти лет Посольский приказ подвел после аудиенции в начале июля 1630 г. калмыцкой делегации у царя Михаила Федоровича. Посольский приказ Грамотой от 12 июля 1630 г. проинформировал сибирские города и от имени царя дал указание продолжать политику по закреплению калмыков в составе Российского государства. Прежде всего, им предписывалось быть принципиальными и последовательными в территориальном вопросе: «Всем им кочевать на прежних местех в Сибири, где они преж сего кочевали ...». Вместе с тем предлагалось учитывать,

«где им (калмыкам. – *К. М.*) лутче кочевать и в которых местех, чтоб их от нашие государские милости не отогнать и не ожесточить» [11].

Посольский приказ, постоянно держа на контроле и напоминая воеводам сибирских городов о необходимости неукоснительного выполнения и соблюдения договоренностей 1630 года, своевременно информировал о развивающихся калмыцких делах царя Михаила Федоровича и святейшего государя патриарха Филарета Никитича, которые непосредственно курировали внешнеполитическое ведомство. Это свидетельствовало о том, что Российское государство придавало серьезное значение развитию взаимоотношений с калмыками, закреплению их в российском подданстве. В этом процессе конструктивную роль играли представители казаков, служивших в воеводствах сибирских городов, главным образом выполняя посольские поручения к калмыцким тайшам, добиваясь взаимопонимания и положительных результатов при переговорах с ними.

В 1630-х годах служилые казаки сибирских городов продолжали вести активную дипломатическую миссию с калмыцкими тайшами по закреплению их в составе России. Так, в 1638 г. тобольская администрация, узнав о проявлении интересов Хо-Орлюка к Астрахани, с целью закреплению взаимоотношений направила к нему поочередно две делегации во главе с казаками Лучкой Выходцовым и Петрушкой Филипповым. Действительно, Хо-Орлюк с детьми, опасаясь нападения «дальних калмыков» (джунгарских), уже в 1636 г. перешел на правый берег Яика, окончательно вытеснив Больших Ногаев. Здесь калмыки вступили в контакт с яицкими казаками и кочевали по «астраханской стороне» до самой Камыш-Самары. О появлении калмыков на Волге донские казаки своевременно сообщали царю Михаилу Федоровичу в войсковой отписке о военных действиях против Больших Ногаев и соединившихся с ними крымцев от 21 ноября 1636 г. В ней говорилось, что донские казаки воевали с ногаями и привели их к покорности. А под Астрахань идти пока не собираются, поскольку узнали, что там кочуют калмыки. Как свидетельствуют источники, донские казаки и калмыки установили взаимоотношения уже в конце 30 – начале 40-х годов XVII века. В царской грамоте от 17 ноября 1643 г., адресованной астраханским воеводам князьям

Репнину и Волконскому, предписывалось «послать войско на Яик против донских казаков, грабивших по Каспийскому морю и Волге и имевших сношения с калмыками» [12].

Летом 1642 г. донские казаки, как известно, вынужденно оставили Азов, который был осажден ими и взят в конце 1641 г. у турок. Турки, вернувшись в Азов, возобновили набеги на близлежащие к Азову казачьи населенные пункты, в первую очередь подвергли в 1643 г. разрушению городок Монастырский, осадили город Раздоры. В это трудное время донские казаки обратились за помощью не только к Москве, но и к астраханским стрельцам, терским, гребенским казакам, к кабардинскому князю Муцалу Сенгелевичу Черкасскому. Не исключено, что в конце 1642 г. или в начале 1643 г. казаки, получив информацию о предстоящем нападении турок и их союзников, беспокоясь о серьезной угрозе вытеснения с Дона, могли обратиться за помощью и к калмыкам, появившимся на «астраханской стороне» и не проявлявшим особой агрессивности к своим соседям-казакам. Н. А. Маслаковец, автор книги «Физическое и статистическое описание кочевых донских калмыков» (Новочеркасск, 1874), писал, что казаки в 1642 г. обратились к калмыкам за помощью в борьбе с азовцами и крымцами. Это же отмечали И. Ф. Богданович и С. Г. Сватиков, заявляя, что калмыки вошли в сношение с Донским Войском впервые в 1642 г. Мое предположение – в конце 1642 г., поскольку в первой половине 1642 г. казаки не собирались вступать в военный конфликт ни с турками, ни с их союзниками, подданными. Наше мнение подтверждается сведениями из «Актów исторических...» (1841 г. – С. 476–477). В них указывается, что донские казаки, ожидая нападения азовцев и крымцев на Раздоры, решили «послать в Калмыки с подарками с сукнами и с поречными, чтоб их к себе призвать на помощь» [13].

Несмотря на разногласия в этом вопросе, казаки договорились и отправили к калмыцким тайшам трёх казаков и трёх татар-толмачей с подарками, с обращением призвать калмыков на помощь. Поэтому не случайно Крымское ханство уже в 1643 г. начало проявлять озабоченность по поводу сближения донских казаков с калмыками. А Турция, видя упрочение позиции казаков на Дону и считая, что это-

му способствует их союз с Калмыцким ханством, в 1644 г. направила протестную грамоту царю Михаилу Федоровичу.

На помощь туркам против донских казаков в 1643–1646 гг. пришли азовские, крымские, ногайские татары, темрюцкие черкесы [14]. Можно предположить, что поход Хо-Орлюка в 1644 г. на казыевские улусы, возможно, был связан и с необходимостью оказания помощи донским казакам. В пользу этого предположения говорит то, что Ерке-тайша, внук Хо-Орлюка, участвовавший в этом походе, весь январь 1644 г. держал в напряжении ногайские улусы, не давая им выступить в поход. По мнению историка Т. И. Беликова, Хо-Орлюк шел на помощь своему внуку Ерке. Калмыки и донские казаки, по утверждению И. Ф. Богдановича, с 1644 г. установили постоянную связь между собой. 23 апреля 1646 г. стольник, воевода А. В. Бутурлин из Воронежа сообщал царю Алексею Михайловичу о том, что «прикочевали де к реке к Дону, меж речки Иловлы и казачья городка Голубых, калмыки многие люди». Ждан Кондырев в отписке царю, по его поручению набиравший вольнонаемных в Воронеже для отправки их на Дон, отмечал, что калмыки пришли на Дон с согласия казаков. Далее он добавлял, что, по всей вероятности, об этом известно казачьей станице (делегации), отбывшей недавно в Москву [15].

После поражения и гибели Хо-Орлюка торгутов возглавил его сын Дайчин, который из Тибета прибыл в свои улусы только во второй половине 1647 г. С его прибытием началась активная подготовка калмыков в поход на Крым. По пути намечалось вернуть улус Урмаметева Больших Ногаев в российское подданство, заключить союз с донскими казаками и двинуться на Крым. В связи с этим Крымское ханство, видимо, не без основания подозревало российскую власть в организации похода калмыков. В конце января 1648 г. 40-тысячное (в войсковой отписке Донского станичного атамана Панкрата Степанова от 7 февраля 1648 г. царю Алексею Михайловичу указывалось 30 тыс.) калмыцкое войско появилось под городом Черкасском и переправилось через Дон на Крымскую сторону. Калмыцкие тайши, установив мирные взаимоотношения со своими донскими соседями, освободили всех пленных казаков, попытались привлечь Войско Донское на свою сторону. Казаки, отказавшись от совместного по-

хода, все же в том году заключили с калмыками договор о беспрепятственном их пропуске через Дон, о ненападении друг на друга, совместных действиях при обороне и наступлении против Крыма.

Выполняя условия договоренности, калмыцкие тайши оказывали всяческую помощь государевым людям и донским казакам, выполнявшим различные поручения властей. В расспросных речах в Посольский приказ от 9 мая 1648 г. казаки Василий Моисеев и Корнила Яковлев указывали, что посланцы Астрахани и Войска Донского к Большим Ногаям в количестве 20 стрельцов во главе с Микитой Юдиным на обратном пути были ограблены татарами. Придя в калмыцкие улусы, они получили от тайшей коней, корм, шубы, стрелы и отправлены в Астрахань и на Дон. В конце лета следующего года на Волгу к калмыкам прибыли посланцы от донских казаков с предложением заключить союз о совместном выступлении против татар. На призыв казаков о помощи калмыки прибыли на Дон и в сентябре ждали выступления в совместный поход под Азов и на Крым. Однако, как указано в расспросной речи атамана Прокофья Иванова от 8 октября 1649 г., после примирения казаков с турками, когда к ним прибыли турецкие послы, поход был отменен [16].

В связи с угрозой нападения крымского хана Ислам-Гирея III в союзе с Запорожским войском донские казаки весной 1650 г. обратились за помощью к Москве и одновременно направили в калмыцкие улусы своих посланцев. Царская администрация, не располагая военной возможностью помочь, порекомендовала казакам обратиться к калмыкам и призвать их на помощь. В расспросной речи атамана Федота Федорова, есаула Герасима Филонова и 9 казаков от 10 апреля 1650 г. в Посольский приказ, в ведении которого Войско Донское находилось с 1623 г., на имя царя сообщалось, что они прибыли по поручению Войска Донского. В ней отмечалось, что калмыцкие улусы ныне кочуют «меж реки Дону и Волги к Царицыну и к Саратову и к казачьим городкам, к Чиру и к Сарпе; а пришли нынешнею осенью». Далее они сообщали, что калмыцкие тайши в 1649 г. прислали своих послов в Войско Донское с предложением жить «с ними в миру и совете; а будет де Крымской и Запорожские черкасы с Хмельницким придут на их казачьи городки войною, и они де, калмыки, с ними, дон-

скими казаками, учнут стоять на Крымского и Черкас заодно. А будет Крымской с Черкасы придут войною на них, калмыков, и они-б, донские казаки, им, калмыкам, помогали и стояли-б с ними друг за друга вместе заодно. И донские де атаманы и казаки тех калмыцких присыльщиков отпустили з Дону опять назад в Калмыки, а с ними к тайшам послали своих донских казаков Карпа Федосеева с товарищи, 3-х человек. И те де казаки у калмыцких тайшей так же договорились в улусах, что им, казакам, с ними, калмыцкими людьми, быть в миру и в совете. И ныне де, съезжаясь с ними, с калмыцкими людьми, донские казаки торгуют, а дурна им от них никакова нет» [17].

Одним из важных результатов боевого содружества и торговых связей явилось заключение между казаками и калмыками длительного «оборонительного и наступательного союза с принесением взаимных клятв в соблюдении договора и в поддержании на будущее время постоянно дружественных между собой отношений». В связи с этим не случайно уже в 1653 г. калмыки предотвратили крупный готовившийся поход крымских татар, которых поддерживала Турция, против донских казаков.

Именно в этот период с учетом сложной военной обстановки на юго-западе страны и готовности калмыков принять участие в борьбе против Турции и Крымского ханства было ускорено положительное решение территориального и торгового вопросов, которое из-за несогласованности позиций обеих сторон затянулось более чем на десять лет. Несмотря на чрезвычайную загруженность в связи с началом войны с Речью Посполитой (результат присоединения Украины с Богданом Хмельницким) и Турцией, Посольский приказ в 1654 г. серьезное внимание уделил дипломатической подготовке проекта шерти между калмыками и Россией, подписанной 4 февраля 1655 г. По этому нормативному письменному документу калмыки закреплялись в российском подданстве, сохраняли самостоятельность и самоуправление внутри Российского государства, но с соблюдением и обязательным выполнением условий, в основном носивших военно-политический характер.

В связи с подписанием 4 февраля 1655 г. калмыками шертной записи Посольский приказ по указанию царя Алексея Михайлови-

ча подготовил и в апреле того же года разослал Грамоту воеводам Астрахани, Казани и других поволжских городов. В ней центральная власть впервые официально закрепляла определенную территорию за калмыками – «улусам их велено кочевать по Волге по ногайской стороне, и по Ахтубе, и по Белужью или близко наших городов, где они кочевать похотят», – и дала указание, запрещавшее русским людям, башкирцам и иностранцам «чинить дурно» калмыкам.

В соответствии с данной шертной записью «быть с государевыми ратными людьми вместе» 15 марта того же года последовал указ царя Алексея Михайловича о подготовке калмыков и донских казаков к предстоящему совместному походу против Крымского ханства. Для организации и координации действий по формированию и использованию калмыцких ратников против Крымского ханства и Турции Посольский приказ направил к тайше Дайчину дворянина Зиму Волкова, а к тайше Лаузану – астраханца Ивана Горохова (вскоре ставшего руководителем Калмыцкого приказа). Калмыцкие полки должны были идти на соединение с донскими казаками и с гетманом войска Запорожского – Богданом Хмельницким. В связи с этим царской грамотой от 29 марта 1655 г. поручалось Войску Донскому, атаману Осипу Петрову пропускать к калмыцким тайшам посланцев Богдана Хмельницкого «без всякого задержания и зацепки». В соответствии с последовавшей царской грамотой от 5 мая 1655 г. в Калмыцкое ханство выехали донские казаки Иван Разин и Петр Шевырев с целью подготовки калмыков к выступлению в поход на Крым. Патриарх Никон, ознакомившись с этой грамотой и сделав на ней пометы, благословил всех, в том числе и калмыков, выступающих в поход [18].

С этого времени началась активная подготовка калмыков и казаков к совместному походу на Крым. В расспросных речах атамана Павла Федорова и казаков его станицы от 11 декабря 1655 г. указывалось, что для выступления в поход калмыки придут на Дон и к городу Черкасску, как на Волге станет лед. В этом документе сообщалось, что крымскому хану стало известно о том, что «калмыки царскому величеству доби́ли челом и хотят приходить с ними, донскими казаками, вместе на их крымские улусы войною. И по вестям крымский хан выходил с ратными людьми за Перекоп, и того оберегался го-

раздо, чтоб калмыки на них не пришли, а от калмыков де крымские люди добре страшны». Крымский хан, ожидая нападения казаков и калмыков, вынужден был отказать польскому королю в просимой помощи против русских войск [19].

В это время крымский хан и персидский шах, обеспокоенные появлением на южных границах России сильной и мобильной калмыцкой конницы, которая начала действовать совместно с казаками, попытались привлечь калмыков на свою сторону. С этой целью в 1656–1657 гг. крымский хан трижды направлял своих послов к тайшам Дайчину и Лаузану. Калмыцкие тайши, не давая прямого ответа, в свою очередь, видимо, для изучения обстановки направляли к нему своих представителей. Донские казаки внимательно следили за дипломатическими контактами Крыма с калмыками и докладывали о них царю. Несмотря на обмен посланцами, как отмечалось в отписке стольника и воеводы Василия Григорьевича Фефилатьева от 18 марта 1656 г., калмыцкий тайша Лаузан в феврале 1656 г. совершил удачный поход на Крым и разорил Урмаметовы улусы. Помимо этого набега, по словам пленных ногайских татар, «по зиме (1659 г.) де приходили калмыки и три улуса ногайские Шейдяковых погромили и трех мурз убили и улусных людей побили, иных поймали, а из-под Азова конские стада отогнали». В расспросной речи атамана Фрола Минаева от 23 мая 1660 г. добавлялось, что «калмыцкие послы присланы были в Крым по зиме же, и те послы в Крыме засажены». Это в какой-то степени подтвердил в Посольском приказе доставленный пленный татарин Бегбетка: «У крымского хана с калмыками ссылки нет, потому что меж ими война» [20]. Таким образом, калмыцкие тайши не нарушили условия февральской 1655 г. шерти, и их действия были однозначны: они находятся в вечном послушании и подданстве у русского царя и готовы бороться с противниками его государства.

В этой сложной ситуации астраханский воевода В. Г. Ромодановский, выполняя указание центральной власти, все же организовал подписание калмыцкими тайшами Мончаком и Манжиком новой шертной грамоты (30 марта 1657 г.), направленной на упрочение военного союза. Россия, признав с одобрением факт добровольного оформления калмыков в её составе, повторно от имени великого го-

сударя законодательно закрепила Грамотой Посольского приказа от 6 июля 1657 г. за своими подданными территорию: «им летом кочевать от Астрахани вверх по Волге по обе стороны и на перевозках бы их нигде не задерживали ...», а также предоставила им право беспошлинной торговли в городах Поволжья. Одна из главных обязанностей калмыков как подданных заключалась в участии в войнах и охране границ России – «идти в Крым войною вместе с астраханскими служивыми людьми». Действительно, калмыки в том же году выступили в поход под Азов и нанесли поражение казыевским татарам, находившимся под протекторатом Турции. В результате этого похода они захватили более одной тысячи пленных и 15 тыс. лошадей [21].

Неудачные военные действия русско-украинской армии против войск Польши и Крыма, поражение казаков вместе с государевыми ратными людьми в начале 1661 г. при попытке овладеть городком, построенным крымцами в устье Донца, сложная обстановка на юго-востоке страны заставили царскую администрацию в начале 1661 г. принять ряд экстренных мер по мобилизации военных ресурсов, где немаловажное значение придавалось и использованию калмыцкой конницы против польских и крымско-турецких войск. В связи с этим центральной власти пришлось улаживать несколько осложнившиеся взаимоотношения между казаками и калмыками. В царской грамоте, направленной в 1661 г. Посольским приказом Войску Донскому, указывалось, что в нынешнем году калмыцкий тайша Мончак бил челом государю и жаловался на донских казаков: «Казаки чинят шкоду большую калмыкам, требуют ясыр, лошадей, дальше терпеть от вас не вмошь». Посольский приказ предлагал, чтобы казаки не отгоняли калмыков «от наших, государские, руки, жили с ними в миру и совете, ссылке, а шкод и задоров им не чинили, а то что взяли сыскать и вернуть калмыкам и виновных наказать».

В начале 1661 г. Калмыцкое ханство первым предприняло меры к налаживанию взаимоотношений с казаками. В феврале к донским казакам прибыл Мончак (Пунчук), старший сын тайши Дайчина, с целью заключения союза. В ответ донские казаки к Дайчину направили для подписания письменного договора станичного атамана Федора Будана, возглавлявшего в апреле – мае 1660 г. делегацию казаков

к царю, и казака Степана Разина. В этом письменном договоре Мончак собственноручно сделал калмыцким письмом приписку: «А с донскими казаки Федором Буданом, по нашей Дайчинову и Пунчукову велению, вверился родственный нам человек Дазан Кашка, что промышлять над Крымскими людьми и над их улусы ратным нашим калмыкам с Донскими казаки заодно, и хитрости меж себя никакие не чинить» [22].

В целях подготовки калмыков к войне на южных рубежах, сохранения мирных отношений между казаками и калмыцкими улусами, а также привлечения к выполнению царского дипломатического поручения в том же месяце к тайше Дайчину прибыл представитель центральной власти И. С. Горохов, думный дьяк Посольского приказа. В это время в ставке Дайчина всё еще находились указанные донские посланцы. Основная задача представителей центра и Дона заключалась в согласовании плана совместных военных выступлений калмыков и донских казаков против турецко-крымских войск.

И. С. Горохов передал тайше указ царя Алексея Михайловича, «чтобы Дайчин тайша послал к крымскому хану спрещение, чтобы крымский хан от польского короля отстал и помочи ему не чинил», а в случае если крымский хан не отстанет и не прекратит военные действия против России, «то калмыки будут воевать крымские юрты». Дайчин, выслушав И. Горохова, ответил, что «калмыки служат великому государю, воюют улусы послушных Крыму ногаев; мы были и под Азовом, а по реке Кабану и теперь рады исполнить повеление великого государя, пошлем своих людей на Крым, а после большой воды пойду сам с детьми и племянниками, стану станом на Дону подле козачьих городков и буду промышлять над Крымом». Царь Алексей Михайлович в мае специальным указом одобрил действия донской делегации и Дайчина. О выполнении обязательства и царского дипломатического поручения Дайчином в апреле 1662 г. русские посланники Якушкин и Гаврилов доложили в Посольский приказ. Они писали, что калмыцкие посланники от Дайчина сообщили крымскому хану, что калмыки в настоящее время с царем Московским находятся в мире и в Астрахань ими даны аманаты. Если хан Магмет Гирей хочет с тайшами быть в мире, то пусть вернет ногайцев, насильно пере-

веденных с улусами в Крым. Если их не вернут, то калмыки угрожали походом на Крым совместно с русскими ратными людьми. Все эти факты говорят о том, что Калмыцкое ханство довольно активно защищало интересы Российского государства на юге не только военным путем, но и дипломатическими средствами. Внешние сношения оно вело с Турцией и Крымским ханством, Польшей лишь по поручению центральной власти России. Это подтверждает грамота царей и великих князей Ионна и Петра Алексеевичей от 28 октября 1684 г., направленная на Дон в связи с получением сведений о пребывании в Польше по просьбе короля 200 донских казаков и 70 калмыков. В ней категорически запрещалось казакам и калмыкам «на будущее время такого самовольства» [23].

По результатам переговоров И. С. Горохова и тайшей Дайчина и Мончака 8 июня 1661 года, в присутствии князя К. М. Черкасского, уполномоченного по военным делам от царской администрации в ставке главного калмыцкого тайши, были подтверждены предыдущие шерты 1655 и 1657 гг., а также выработаны новые условия договора. Согласно дополнительным статьям, в шерты, данной царю Алексею Михайловичу от имени тайшей Дайчина и Мончака их поверенными, калмыки должны были «идти войною ратным нашим калмыцким людем нынешнего 169 (1661 г.) году июня с первого на десять числа на крымские улусы, и с Крымским ханом в миру и в соединении нам не быть, а Великого государя с людьми быть в вечном миру и в соединении, и вспоможение русским людем везде чинить неоплошно». По результатам договора была составлена роспись калмыцких войск в составе 6 групп общей численностью 9 900 человек, которые направлялись в военный поход против врагов России. Об этом Посольский приказ сообщил Войску Донскому царской грамотой от 21 июля 1661 г. В грамоте подчеркивалось, что с калмыками достигнута договоренность о выступлении их с государевыми ратными людьми на помощь донским казакам для участия в походе против Крымского ханства [24].

Согласно этому договору, подписанному 16 июня того же года тайшей Мончаком, по сообщению астраханского воеводы боярина князя Г. С. Черкасского осенью 1661 г. в Москву, «Дайчин и Мон-

чак тайши послали ратных людей под Крым и Азов и под Басней. А Манжик тайша ходил на Малые и Большие ногай улусы, которые кочуют под Кабардой, и под Кумыки». А в следующем докладе царю говорилось: «Калмыцкого Мончака тайши и ратные люди Будан (имелось в виду, видимо, донского атамана Федора Будана, – *К. М.*) и Черен, да Серен с товарищи убили под Крымом крымского Сарп-мурзу, который хаживал на твои, Великого Государя, украинские города войною со многими крымскими людьми, да крымских людей, которые с ним и с Крыма выезжали на бой, побили семь тысяч и многие крымские улусы в полон поймали и животинные стада отогнали». Помимо этого, удачные походы против крымских татар и ногайцев были совершены в 1660–1663 гг. донскими казаками совместно с калмыками, что способствовало упрочению их взаимоотношений. В связи с этим крымский хан, неоднократно направляя послов в Калмыцкое ханство, стал настойчиво искать пути привлечения калмыков на свою сторону. Тайша Мончак, отвергнув домогательства крымчан, писал в Посольский приказ: «Крымский де хан присылает к нему, Мончаку – тайше, людей своих безпрестанно, чтоб он с ним, ханом, был в соединенье, а великого государя с людьми в войне. И от того де крымский хан сулит ему, Мончаку, подарки большие. И он, де Мончак, для великого государя милости в том крымскому хану отказал» [25].

Окончательное решение территориальной проблемы, определившее постоянное место обитания калмыков, и закрепление их в составе России шертными записями 1655, 1657 и 1661 гг., имеющими юридическую силу законов, способствовали консолидации калмыцкого этноса вокруг единого правителя. Калмыки обрели постоянную и обширную территорию – оба берега Волги (имеется в виду право- и левобережные стороны), от Астрахани до Царицына и Самары, к степи Придонья, – по которой они могли беспрепятственно и спокойно кочевать, вести беспощинную торговлю, способствующую не только развитию экономики в регионе, экономических связей, но и организованному участию в защите интересов и безопасности России, а также укреплению взаимоотношений между народами юга страны, в том числе и с донским казачеством.

Таким образом, в открытии новой страницы в истории калмыцкого народа и в инкорпорации его в общеисторическое пространство России заметную роль сыграли донские казаки.

Калмыки Поволжья к 50–60-м годам XVII в. в административно-социальном отношении представляли собой уже обособившийся, самостоятельный социум, объединенный единым этническим составом, идеологически сплоченный на основе официальной религии – буддизма, со сложившейся определенной социально-политической структурой организации и управления. С этого времени в Поволжье завершился процесс формирования калмыцкого этнополитического образования в форме номадного феодального ханства, которое в 1664 г. высшие органы государственной власти России признали и «конституировали», вручив правителю ханства клейноды.

Участие калмыков в войнах России, защите её южных рубежей, приобретая характер обязательного гражданского долга и организованный порядок, становится весьма эффективным. В связи с этим во взаимоотношениях и взаимодействиях донских казаков и калмыков наступает качественно новый этап, характеризовавшийся не только упрочением их военного союза, но и миграцией части калмыков на Дон и переходом их в казачество, в иное этносоциальное окружение, интегрированием в казачий социум и адаптацией к условиям новой социокультурной среды.

Калмыки, окончательно войдя в состав России, укрепив свою государственность, в первые же годы совместно с казаками начали активно защищать интересы и безопасность Российского государства. К этому времени близилась к концу продолжавшаяся с 1656 г. русско-польская война, но переговоры между воюющими сторонами затягивались (длились с июля 1664 г. до начала января 1667 г.). Вплоть до подписания Андрусовского перемирия (30 января 1667 г.) не прекращались военные действия между Польшей, Крымским ханством и Правобережной Украиной, с одной стороны, и Россией и Левобережной Украиной – с другой. В этой обстановке Россия использовала и калмыцкую конницу как внушительную военную силу.

В первой половине мая 1665 г. в сопровождении думного дворянина Я. Т. Хитрова 17-тысячный отряд калмыков ханства прибыл

в Левобережную Украину на помощь русским войскам и запорожским казакам. Одна часть калмыцких всадников, в количестве 10 тыс., была направлена против польских войск к Белой Церкви, появление которой для поляков оказалось полной неожиданностью. Гетман Левобережной Украины И. М. Брюховецкий в своей отписке от 25 мая 1665 г. царю Алексею Михайловичу отмечал, что калмыки поляков «так знатно поразили, что едва с табором к Белой Церкви, таборище загеши, утекли», а калмыки, взяв богатые трофеи, «щастливо назад возвратились». А другая группа, в составе 7 тыс. всадников, вместе «с запорожцы были под Перекопом, и крымских людей побили, и полон (русских и украинских пленников) многой отбили и добычу себе многую учинили» [26].

Активные боевые действия калмыцкой конницы стали одним из весомых аргументов русской делегации при переговорах с поляками о союзе в связи с угрозой нападения на Россию Турции и Крыма после Андрусовского перемирия. В октябре 1667 г. А. Л. Ордин-Нащокин, глава Посольского приказа, говорил полякам, что «от бусурманского прихода царского величества войска готовы, ... калмыки также наготове» [27].

В ходе октябрьских переговоров глава иностранного ведомства А. Л. Ордин-Нащокин пообещал полякам, что «для отвлечения сил неприятельских калмыки и донские казаки будут воевать Крым» [28]. Действительно, уже в следующем году объединенные силы запорожских, донских казаков и калмыков нанесли Крыму ряд серьезных поражений, только в одном походе было побито около 3 тыс. и взято в плен 500 татар, «а после третьего похода ходил четвертым на город Бахчисарай» [29]. А в июле 1670 г. командир объединенного отряда донских, запорожских казаков и калмыков И. Серко сообщал белгородскому воеводе Г. Г. Ромодановскому, что «калмыки на Перекоуп у Крым увойшедши, неприятелям нашим много беды учинили».

Однако в это время восставшие донские и запорожские казаки, которые под предводительством Степана Разина и Васьки Уса двигались к Царицыну, по пути разгромили и разграбили несколько калмыцких улусов, кочевавших между Доном и Волгой, силой их присоединили к своему войску. Поэтому они уже летом 1670 г. значились

в числе «изменников с башкирцами». Хан Аюка, не присоединяясь к восставшим и не вступая с ними в вооруженный конфликт, фактически блокировал и заставил их уйти в донские степи. Но все же по требованию царской администрации Аюка вынужден был выделить на подавление восставших казаков 25-тысячный конный отряд, а тайша Солом-Церен – 1,5 тыс. воинов. Тайши Дугар и Бок, накануне откочевавшие на Дон, в какой-то степени пытались помочь разинцам, нападая на выставленные заставы Аюки, отряд Солом-Церена [30].

После умирения бунта Разина 24 августа 1671 г. в Черкасске донской атаман Корнилий Яковлев и его сподвижник Михайло Самаренин от имени казаков на Кругу в присутствии полковника Г. Косогова и дьяка Посольского приказа А. Богданова присягнули на верность службы царю. В тексте первой присяги, вписанной в книгу Посольского приказа, также имелся пункт о том, что «с калмыками нам, атаманам и ясаулам и казакам и всему войску, служа великому государю своему, ссылки имети для того, чтоб они, калмыки, попрежнему с нами, атаманы и казаки, царскому величеству служили». Тем самым Войско Донское прочно закреплялось в составе России, и калмыки оказались привязанными к этой присяге казаков. В результате этого вскоре после состоявшихся переговоров были подтверждены прежние взаимные обязательства и заключен новый договор не только о взаимодействии против общих врагов, но и о возможном поселении желающих калмыков на Дону. В нем указывалось: «А которые их калмыцкие люди, прикочевав, похотят у них жить на Дону, и им за тех людей не стоять и у них, казаков, назад не просить». К тому же в декабре 1671 г. донские казаки (атаман Корнилий Яковлевич Яковлев) предупредили калмыцких тайшей Дугара, Бока и Аюку и одновременно известили астраханского воеводу Ивана Богдановича Милославского о том, что крымский хан с огромным войском, подойдя под Азов на помощь ногайцам, собирается в поход на калмыцкие улусы. Казаки об этом доложили и в Посольский приказ, за что заслужили от царя Алексея Михайловича похвалу.

Это обстоятельство позволило ещё более укрепить военный союз между казаками и калмыками. Совместное их выступление положительно отразилось особенно в летних и осенних кампаниях 1672 и

1673 гг. В августе 1672 г. по просьбе донского атамана К. Яковлева двухтысячный отряд калмыков выступил вместе с казаками под Азов и, по словам атамана, «истребили много турок» и «около 400 взяли в плен да угнали 9 тысяч голов скота». Царь Алексей Михайлович в грамоте от 5 ноября 1672 г. донцам сообщал, что «1 октября тайша Аюка с калмыцкими улусными людьми ходил под Азов, и промыслом своим многих людей побили и животинные стада отогнали, и в полон взяли азовского Паши брата, да азовцев 50 человек ... И как к вам ся Наша Великого государя грамота придет, и вы бы, атаманы и козаки и все войско, и впредь служа нам, Великому государю, над Азовом и над Калачинскими башнями, с калмыцкими улусными людьми всякой воинской промысел чинили, сколько вам Господь Бог помощи подаст». В том же месяце по велению Алексея Михайловича 3 тыс. калмыков с донскими казаками повторно выступили под Азов. В 1673 г., когда Турция принудила короля Польши Михайла Вишневецкого «к постыдному для него замирению», «царь Алексей Михайлович повелел своему войску казакам и великому числу калмыкам в границах турецких, как-то: около Азова и в прочих местах набегу делать, которые и разоряли все, около лежащие места». В соответствии с указанием царя 5-тысячный отряд калмыцких воинов под начальством Мазан-Батыра участвовал в совместном походе с казаками и войском воеводы И. С. Хитрово «над турецкими войсками и над Крымом».

Калмыки не только участвовали в совместных походах с казаками, но и предпринимали по поручению царской администрации самостоятельные выступления. Весной 1675 г. хан Аюка направил 7-тысячный отряд калмыцких воинов во главе с зайсангами Кашкой, Мазан-Батыром, Алдаром «в Крым войною, и те ... его калмыки ... Мелебашев Крым и улусы воевали». В 1675 г. донские казаки под начальством походного атамана Фрола Минаева и 1-тысячный отряд калмыков под предводительством Мазана-Батыра разбили крымскую заставу и пленили до 500 человек. В отписке царю Алексею Михайловичу донских атаманов и казаков от 6 сентября 1675 г. указывалось, что казаки и калмыки «многих азовских людей побили и языков поимали, и скот отогнали и многих людей христианской веры из не-

воли выручили». За этот удачный поход государь пожаловал калмыкам сукно и шапки [31].

В ходе Русско-турецкой войны (1677–1681 гг.), в июне 1677 г., 100-тысячная турецкая армия под командованием Ибрагима-паши вторглась на территорию Правобережной Украины и вновь в начале августа осадила город Чигирин. В крупном сражении под Чигирином вместе с казаками под командованием князя Ф. Ю. Ромодановского участвовал 3-тысячный отряд калмыков, а в следующем году на Чигиринских высотах калмыцкие отряды в количестве 5 тыс. человек воевали в составе армии под командованием князя К. М. Черкасского. Украинский гетман И. Самойлович, описывая ход военных действий под крепостью, отмечал: «... князь Каспулат Муцалович Черкасский ... с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей стояли мужественно, как им воинская храбрость повелевала, и за то достойны суть похвалы». В 1679 г. царь Федор Алексеевич поручил донским казакам и калмыкам охранять границы от турок по Муравской дороге. Активно действовали значительные силы калмыцких конников в военных баталиях 1678–1680 гг. [32].

По общему мнению исследователей истории калмыцкого народа, к началу 30-х годов XVII в. к Волге прикочевали улусы торгутского тайши Хо-Орлюка в количестве около 50 тыс. кибиток. Подавляющее большинство населения его владения составляли торгуты и оставшееся незначительное количество чоросов, хошутов. Тем не менее, население формировавшегося Калмыцкого ханства как по количеству, так и по составу весьма длительное время находилось в динамичном состоянии. В 40-х годах XVII в. в Поволжье торгутские улусы пополнились несколькими дербетскими улусами, прибывшими из Джунгарии, а в 1663 г. тремя тысячами кибиток хошутского владельца Конделень-Убаши с четырьмя сыновьями. В 1674 г. прибыли ещё 4 тыс. кибиток дербетского владельца Солом-Церена. Поэтому, по всей вероятности, дербетский нойон Лабан-Дондук, потомок Солом-Церена, в 1744 г. правильно писал астраханскому губернатору В. Н. Татищеву о том, что «когда прибыл Солом-Церен нас стало уже 7 тыс. кибиток». Таким образом, эти факты свидетельствуют о том, что в формировании населения Калмыцкого ханства, подвергшегося институцио-

нализации высшей российской властью в середине 1660-х годов как этнополитическое образование, участвовали четыре субэтнические группы – торгуты, дербеты, чоросы и хошуты, правители которых были связаны тесными родственными узами. Поэтому феодальное номадное ханство, на мой взгляд, в историческом и правовом отношении, несмотря на численное преобладание торгутов, в литературе правомерно утвердилось как Калмыцкое.

Заметные изменения в количественном составе населения Калмыцкого ханства за счет притока улусов из Джунгарии произошли в годы правления хана Аюки. Это объясняется, видимо, не только междоусобной борьбой в Джунгарском ханстве, но и надеждой прибывающих на лояльность правителя Аюки, воспитывавшегося до 12 лет при дворе джунгарского хана Эрдэни Батур-хунтайджи, деда по материнской линии. В первый же год правления Аюки (1671 г.) из Джунгарии прикочевала его родная сестра Дорджи-Араптан с 1 тыс. подвластных ей кибиток. Её муж Очирту-Цецен-хан, правитель джунгарских хошутов, погиб там в междоусобной борьбе. В 70-80-х годах XVII века прикочевали и вошли в состав Калмыцкого ханства группы дербетских владельцев Даян-Омбо и Баамбуша, а группа зюнгарского нойона Цаган-Батура перешла на Дон.

В 1671 г. Аюка, победив на Алтае хошутского тайши Аблая, вернул себе улусы своего деда Дайчина в Приуралье. Окрепнув экономически и политически, хан Аюка решил избавиться от своих ближайших родственников, которые помогали ему утвердиться во власти, в борьбе за расширение владений, считая, что они могут стать его потенциальными конкурентами. Предчувствуя такую развязку, троюродные его братья Дугар и Бок со своими улусами в 1669–1670 гг. откочевали на Дон, где были приняты казаками и заключен мирный договор с атаманом войска Донского К. Яковлевым. Но осенью 1672 г. Аюка, расправившись с непокорными тайшами, вернул улусы Дугара и его сына Церена на Волгу, а их самих выдал в Астрахань как сторонников сепаратистских тенденций. Улусы тайши Бока все же остались в Войске Донском и стали основателями донского казачьего поселения калмыков [33].

А. П. Пронштейн писал, что калмыки появились на Дону в середине XVII века. Они сначала поселились в пустынных сальских и манычских степях, незадолго перед этим оставленных кочевниками там Большими Ногаями и ушедшими за реку Ею. Вскоре калмыки расширили свои кочевья на запад до побережья Азовского моря, дав обязательство оберегать Задонскую сторону в Предкавказских равнинах [34].

Прибывшие на Дон калмыки, по всей вероятности, с целью закрепления там и исключения со стороны хана насильственного возвращения начали принимать православную веру. В связи с этим уже в новой шертной записи, данной в январе 1677 г. тайшами Аюкой и Замсой по случаю вступления на престол Федора Алексеевича, по настоянию представителей царской власти появился совершенно новый пункт, гласивший: «А буде которые калмыки по своим желательствам в православную христианскую веру крестятся, и тех, для православных христианских веры, нам тайшам и улусным нашим людям не просить, и об них Великому Государю не бить челом; а некрещеных калмыков ... и тех беглецов некрещеных отдавать нам назад» [35]. Это положение, за исключением пункта о возврате некрещеных, вновь полностью было воспроизведено в присяге, данной Аюкой в январе 1683 г. великим государям Иоанну и Петру Алексеевичам на втором году их царствования [36]. Правда, в доступной нам литературе нет точных количественных сведений о крещеных калмыках к этому времени ни на Дону, ни в других регионах. Данные, приведенные историком А. В. Цюрюмовым (со ссылкой на книгу архимандрита, ученого-востоковеда Гурия), о том, что «всего к 1686 г. на Дону были крещены и определены в казачество 1200 калмыков», не совсем верные. На указанной странице работы Гурия речь идет о прикочевавших на Дон в 1686 г. «до 200 калмыцких семейств, которые и были приняты в казачье сословие». Это подтверждается и в работах И. Ф. Богдановича и С. Г. Сватикова, которые отметили, что в 1686 г. на Дон прикочевало до 200 калмыцких кибиток (семейств) [37]. К тому же калмыки, принятые в казачество, не подлежали обязательному крещению.

Несмотря на начавшийся отток калмыцкого населения с берегов Волги на Дон, к концу XVII века в Калмыцком ханстве, по данным историков А. Г. Митирова и М. М. Батмаева, насчитывалось до 90–

100 тыс. кибиток [38]. Однако эти данные вызывают некоторое сомнение, поскольку они никакими источниками не подтверждены.

С ростом населения, естественно, значительно увеличивалось поголовье скота в Калмыцком ханстве, что влекло за собой не только сокращение территории для кочевий улусам, но и ухудшение пастбищ. Помимо того, с развитием Калмыцкого ханства и активным его участием в российских военных действиях, заметно возросли государственные и военные расходы. А все это тяжелым бременем в виде податей (налогов), поставок лошадей и набора молодых воинов ложилось на владельцев улусов. В этих условиях соседние просторные донские степи с богатыми травостоем и водопоями были весьма привлекательны и заманчивы для кочевников-скотоводов. Мелких улусовладельцев, по всей вероятности, прельщала возможность получения постоянных земель для кочевий, государственного жалования, самостоятельного ведения своего хозяйства. Важным фактором, помимо всего изложенного, в стремлении перейти на Дон служило получение калмыками равностатусного положения в казачестве. В связи с этим причины откочевки части калмыков на Дон следует видеть не только в деспотизме хана Аюки, как это трактуется в историографии, но и в значительной степени в указанных выше факторах. Так, в 1690 г. с прибытием на Дон улусов Четеря (внук Солом-Церена) и Батыр-Черкеса (сын Солом-Церена), в которых было 800 человек, способных носить оружие, – ранее прикочевывавшие сюда калмыки получили для кочевья территорию между Доном и Донцом. Они, обосновываясь на новой территории, организовали для совершения буддийского богослужения передвижной хурул (кибиточный).

Старший и младший цари Иоанн и Петр Алексеевичи, одобрив переход указанных калмыцких улусов на Дон, прислали Четерю и его зятю по ружью с порохом и свинца. Батыр-Черкес, кроме ружья, еще получил чернобурку и кречета. А с 1694 г. донским калмыкам наравне с казаками, получавшими царское жалованье с 1618 г., установили постоянное жалованье по 500 рублей в год из общей казачьей казны, сумма которой составляла 5100 рублей, и 10 пудов железа. Царской администрацией и атаманами Войска Донского это положение неукоснительно выполнялось. В марте 1712 г. государственная

казна, направив донским казакам 7 тыс. четвертей провианта и денежное жалованье за текущий год в сумме 17142 руб., в сопроводительном письме специально оговорила – «да и калмыкам, которые служат царю, и живут у вас на Дону, прислано денег по 500 руб.». Хотя к этому времени эта сумма должна была увеличена, поскольку с момента её установления количество служилых калмыков-казачков возросло с 600 до 750 человек.

Не менее важными условиями процесса перехода на Дон явились доброжелательные и заинтересованные отношения казаков к калмыкам, как к умелым, храбрым воинам, не раз доказывавшим это в совместных походах и сражениях против враждебных кубанских, крымских татар и турок. Казаки, высоко оценивая боевые качества калмыков, увидели в них надежных соратников. По свидетельству В. Б. Броневского, в октябре 1694 г. войсковой атаман Ф. Минаев через делегацию донских казаков, в состав которой входили 4 калмыка, во главе с атаманом зимовой станицы доносил царю о том, что на Дон перешли еще 47 калмыцких семей и укрепились поруками. Далее указывалось: «Куда же мы вместе с ними пойдем, они калмыки будут «наши крылья и бодрость, а неприятелем страх и досада»». Тем самым «донские казаки, любя соседей (калмыков. – К. М.) за удалство, охотно принимали их беглых» [39].

В условиях необходимости прочного утверждения позиций на Дону, закрепления Приазовья и Правобережной Кубани в составе России царская администрация проявляла заинтересованность в укреплении донского казачества. В связи с этим она поощряла и поддерживала донское руководство в политике притока калмыков на Дон. Поэтому проявленная инициатива руководством Войска Донского по организации оседания на Дону улусов владельцев Ильбека-Батыра, Етисана-Батыра, Четеря (около 1 тыс. человек), Черкеса-Батыра (по словам Мунко-Темира, более 5000 человек), 200 калмыцких (кибиток) семей, прикочевавших в 1680-1690-х годах с берегов Волги на Дон, а также из Джунгарии, минуя Калмыцкое ханство, в 1687 г. джунгарского улуса Чаган (Чаган)-Батыра, получила государственное одобрение. Уже в следующем году Чаган-Батыр со своими воинами и казаками по царскому указу от 14 августа 1688 г. участвовал в походе «на

р. Медведицу и над городком, в котором сидят, собравшись с донских городков, воры и раскольщики... и чинить промысл» [40].

В 1693 г. в Войске Донском наравне с казаками уже служило 600 калмыков-казаков в строевых полках. Таким образом, вполне можно согласиться с мнением историков о том, что в формировании населения Донской земли, наряду с казаками и малороссиянами, обращенными в крестьян, приняли участие и кочевые калмыки. Неслучайно путешественник С. Г. Гмелин, повествуя о донских казаках, замечал, что «теперь немало так же попадаются таких, у коих начертание лица отчасти калмыцкое, отчасти казацкое». Об этом же писал профессор Санкт-Петербургского педагогического института Е. Зябловский [41].

Как раз в эти годы Россия, как известно, в целях обеспечения безопасности южных границ предприняла несколько попыток выйти к Черному морю. В первом походе на Крым князя В. В. Голицына 1687 года приняли участие донские казаки и калмыки под командованием атамана Фрола Минаева. После этого неудачного похода боярин князь Василий Васильевич Голицын в сентябре 1688 г. стал готовиться к новому выступлению на крымских татар. В связи с этим царской грамотой царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей от 25 декабря 1688 г. предписывалось атаману Запорожского войска Ивану Степановичу Мазепе с малороссийской ратью, калмыцкому тайше Чагану с войском до 2 тыс. человек, атаману Фролу Минаеву с казаками до 500 человек сосредоточиться к 1 марта 1689 г. в Новобогородицком городке. Армия князя В. В. Голицына, выступив в мае в поход, потерпела неудачу, дойдя до Перекопа, вернулась вместе с конницей Чаган-тайши [42].

Однако первый поход Петра I на Азов состоялся лишь в 1695 г., в котором приняли участие донские казаки вместе с калмыками. Еще накануне похода в марте им пришлось отбивать нападение азовцев на Черкасск и преследовать их, «чтоб дальнейшие намерения азовские узнать и по возможности над ними, азовцами, поиски учинить. А еще из Азова послали к калмыкам, к Аюкаю тайше, подарки, панцири и ружья, и вспоможения просили». 16 мая 1696 г. в осаде Азова вместе с московской ратью приняли участие до 4 тыс. донских казаков и калмыков. Петр I отвел «калмыкам место при Каланче внутри циркум-

валационной линии». 10 июня турки и татары под руководством султана нурадина и паши Муртазы напали на лагерь русских войск. Но, потерпев поражение, они отступили верст на 10 до реки Кагальник. Муртаза и нурадин, как писал известный историк А. Г. Попов, едва избежали плена, но последний «от Дичилея калмыка между плечами в хребет был ранен» [43].

Перед подготовкой к повторному штурму Азова в июле к основным силам русских подошли новые отряды казаков и 400 донских калмыков. Петр I, не достигнув цели – взятия Азова, отвел войска и сразу же стал готовиться к повторному выступлению. В ноябре последовал его указ о формировании сухопутной армии, в состав которой включались 5 тыс. казаков и калмыков донского войскового атамана Фрола Минаева и 3 тыс. воинов Калмыцкого ханства.

Значимой победой русского оружия над турками стало взятие в июле 1696 г. крепостей Азов (3700 человек взяли в плен и выпустили 5900 жителей) и Лютик (200 человек). В азовском сражении приняли участие 5120 донских казаков и калмыков под предводительством походного атамана Лукьяна Савина совместно с московским полком в авангарде генерала Патрика Гордона. Второй 3-тысячный отряд волжских калмыков вошел в состав большого полка воеводы боярина А. С. Шеина, удостоенного Петром I самых высоких наград за эту кампанию. Отмечая заслуги калмыцких воинов во взятии Азова, царь приказал выдать «Аюке и иным тайшам и улусным людям из Приказу Казенного дворца ... десять портиц обьярей разных цветов, мерою по 5 аршин...» [44], а рядовым калмыкам, как и всему рядовому составу армии, выдали по золотой копейке.

Придавая важное стратегическое значение Азову для дальнейшего продвижения к Черному морю, хотя он был значительно разрушен («понеже фортеция Азова разорена внутри и выжжена до основания»), 20 октября 1696 г. Боярская дума на «Преображенском сиденье о делах» приговорила: в Азов направить из низовых городов 3 тыс. семей, а также «коннице быть 400 с калмыками». В том же году по поручению Петра I хан Аюка направил под Азов 3000 кибиток (до 10 тыс. человек) для охраны пограничной линии и борьбы с азовцами. Петр I, завершив осаду Азова и получив выход к морю на

юге, убедившись в необходимости сильного флота в борьбе с Турцией, приступил к его созданию [45].

В связи со значительным притоком калмыков и активным их участием совместно с казаками в походах на Кубань и Крым последовал в 1694 г. официальный акт Круга войска Донского по инкорпорации донских калмыков в состав казачества. Этот процесс стал более интенсивным с отводом земель для кочевий между Доном и Северским Донцом, а также с назначением им наравне с казаками государственного жалованья. Донские казаки охотно принимали к себе откочевавших калмыков, которые, прельщаясь вольной казачьей жизнью, изобилием и привольными лугами, избегая наказания за неповиновение тайшам, уходили на Дон от своих владельцев многими семьями с женами, детьми и со своим имуществом. Несмотря на запрещение, значительное приращение количества калмыков на Дону началось с 1699 г. [46].

С этого времени, по утверждениям С. Г. Сватикова и В. Б. Броневского, на Дону образовалось донское поселение базовых, юртовых калмыков со смешанным этногенетическим составом (представители торгутов, дербетов, хошутов, небольшой группы хойтов и др.) [47]. А в 1699 г. состав донских калмыков значительно пополнился джунгарскими улусами братьев Цаган-Батыра – Баахан-тайши, Цюрюм-Батыра, Даши-Батыра (Батур-тайджи недолго находился в Калмыцком ханстве), прибывшими из Джунгарии.

Во время азовских походов Баахан-тайше, участвовавшему в сражениях со своим отрядом калмыков вместе с казаками, удалось встретиться с Петром I и получить его официальное разрешение на кочевье на Дону близ Черкаска и несение службы наряду с казаками. По утверждению В. В. Богачева и И. И. Попова, со ссылкой на предание донских калмыков, одним из представителей донских княжеских родов был Батур-тайджи (родоначальник зюнгарцев): его сын – Санджи-Джаб, внук – Санджи Арши, правнук – Цэбэдин. По мнению И. И. Попова, 1-я сотня Верхнего улуса называлась его именем – Цэбэдине-кинской. Праправнук Батур-тайджи – Джимбэ-Шарап. У последнего были три сына: Букани (у него 4 дочери), Намджил (гелюнг), Ганджанг (его сын – Эренджен или Ринчен). У Эренджена – сын Санджи-Джаб, проживавший с семьей в 1-й сотне Верхнего улуса. Последние пред-

ставители этой линии, по сведениям указанных авторов, «считались донским правительством, как простые калмыки-казаки, а потому не имели решительно никакого влияния на их управление» [48].

Постепенная перекочевка отдельных групп калмыков с берегов Волги на Дон, укрывательство казаками и отказ их выдавать вызывали недовольство у Аюки и улусовладельцев. Совершенно прав был профессор Н. Н. Пальмов, писавший, что «беглые калмыки находили покровительство у казачества, и на этой почве больше происходили крупные столкновения Аюки с казаками» [49]. В 1670–1680-х годах заметно участились между ними взаимные набеги, сопровождавшиеся вплоть до кровопролитных столкновений и угона пленных, скота. Главные причины этих временных агрессивных взаимоотношений, на мой взгляд, заключались в том, что, с одной стороны, калмыцкие тайши, мстя казакам, которые придерживались своих неписаных правил – «С Дона выдачи нет», за прием беглых калмыков и улусов, грабили и разоряли их селения, а с другой, – провоцировали казаков на ответные набеги с целью устрашения сородичей, а также желанием вызвать у казаков неприязненное отношение к калмыкам, сдержанность к их приему. Однако центральная власть эти противоречия между калмыками и казаками считала не принципиальными, как «мимошедшие ссоры», и предлагала казакам увещевать калмыков «служить вместе».

Все же царской администрации в напряженной обстановке на юге страны пришлось вмешаться и приступить к улаживанию взаимоотношений между калмыками и казаками. По поручению царя Федора Алексеевича Посольский приказ, в ведении которого с 1623 г. находилось Войско Донское, настойчиво предложил князю К. М. Черкасскому и стольнику К. Козлову, руководству Дона (к ним с грамотой был послан Иван Маслов) примирить калмыков с донцами, убедить казаков, чтобы они «с калмыками ссор и задоров не чинили и войною на них не ходили». Вслед за этим же последовал 31 июля 1677 г. строгий царский указ, адресованный донским казакам, «о принятии мер на прекращение своевольных нападений со стороны казаков на калмыков и о том, чтобы казаки жили с последними в мире и совете», поскольку калмыки «у нас, великого государя, в вечном подданстве». Вскоре взаимоотношения между ними урегулировались, и в 1682 г.

атаман Войска Донского Ф. Минаев писал в Посольский приказ, что с калмыками донские казаки «ныне в миру и задоров между них никаких нет ... приезжали в войско на Дон из калмыцких улусов многие калмыки и пригнали на продажу быки и овцы, и на Дону меняли на запасы и вино». Далее он добавлял: «Мы, холопи твои, с калмыцким Аюкаем и с иными тайшами помирились вечным миром, и после де того Мазан Батыр пошел с сыном своим и с калмыками под Азов войною и из Паншина городка Васька Пятиизбенский с товарищи пошли вверх по Дону [на] крымскую сторону» [50]. Помимо этого, донские казаки в начале 1690 г. официально приняли прикочевавшего тайшу Черкеса со своим улусом в количестве до 5 тыс. человек и разрешили ему кочевать между Доном и Северским Донцом.

Последними в XVII веке совместными военными действиями казаков и калмыков стали походы в июле и в конце 1697 г. В июле донским казакам и калмыкам, находившимся под Азовом в составе войск А. С. Шеина, пришлось выдержать 11-часовой бой с турками и с их вассалами. Одержав победу над ними, «донские казаки и калмыки пустились следом и на берегах Кагальника устроили бегущим кровавую баню. Рубили их и топили и только из великой милости в плен брали». После ухода войск Алексея Семеновича Шеина состоялся ответный поход объединенного отряда донских казаков (130 человек) и калмыков (500 человек) под командой походного атамана М. Фролова против татар Казыевского улуса. В грамоте царя Петра Алексеевича от 26 января 1698 г., одоблившей совместные действия казаков и калмыков, отмечалось, что в результате похода «побили много бусурман, отогнали конские табуны, взяли языков, вернулись целыми и невредимыми». Помимо этого, в следующем же году трехсотенный конный отряд казаков и калмыков пришел под Азов на помощь воеводе князю Якову Федоровичу Долгорукому, за что Посольский приказ грамотой от имени царя от 27 мая 1698 г. выразил им похвалу. Буквально через год, в 1700 г., отряд казаков и калмыков численностью до 700 человек настиг и полностью разгромил на реке Соляной крупный отряд кубанских татар, возвращавшийся с богатой добычей после их очередного набега на русские поселения, расположенные близ Камышина [51].

Таким образом, история калмыцкого этноса в XVII веке завершилась прибытием и закреплением его на берегах Волги, полной инкорпорацией Калмыцкого ханства в состав Российского государства. Во второй половине XVII века началась миграция части калмыков на Дон, где с казаками у них сложились добрые взаимоотношения. Эффективным оказался их боевой союз, особенно совместные военные действия с донским казачеством и в составе иррегулярных войск по защите и упрочению границ юга страны.

1.2. Военная интеграция калмыков с донскими казаками в XVIII веке. Инкорпорирование части калмыков в состав Войска Донского

Великие реформы начала XVIII века в России связаны с деяниями Петра I. Ключевое звено в стратегии петровских преобразований заключалось, как известно, в определении политического статуса России в Европе, стабилизации её государственных рубежей, размежевании зон влияния как с западными соседями, в первую очередь со Швецией и Польшей, так и с южными, прежде всего с Турцией, вассальным ей Крымом и Персией. Для решения этих стратегических задач Петр I использовал все национальные силы, все имеющиеся средства в стране, в том числе людские и материальные ресурсы Калмыцкого ханства. Участвуя в войнах России этого времени, окраинное её население, в том числе и калмыки, выставляло в помощь регулярной армии свои национальные войска. Ежегодно в среднем донские казаки направляли на театр военных действий до 5 тыс., малороссийские казаки – до 15 тыс., слободские казаки – до 10 тыс. и калмыки – до 15 тыс. человек [52].

Сложившиеся в петровскую эпоху черты культа сильной личности – вождя, «отца нации» – характеризовали и Калмыцкое ханство в лице его лидера Аюки. Возвышению авторитета калмыцкого хана способствовали не только его личные качества как талантливого руководителя, прагматичного государственного деятеля, но и доверительное к нему отношение Петра I. Личность Аюки по масштабу и

влиянию на калмыцкое общество была вполне сопоставима с личностью Петра I в Российском государстве.

XVII век в международных отношениях России завершился подписанием в Стамбуле перемирия с Турцией на 30 лет, согласно которому город Азов остался за Россией, а «кубанская сторона» признавалась вассалом Турции. Но конец этого века ознаменовался и началом длительной Северной войны России со Швецией. 9 августа 1700 г. Петр I, объявив войну Швеции и ее союзникам, приказал всем казачьим войскам, в том числе и донским казакам вместе с калмыками, и хану Аюке быть готовыми к выступлению в поход. Уже в ноябре 1700 г., как свидетельствовал историк Б. С. Тельпуховский, в штурме крепости Нарвы и в боях со шведами участвовала 5-тысячная иррегулярная конница графа Б. П. Шереметева, представленная в основном донскими казачьими полками, в состав которых входили и калмыки. По утверждению историка, А. Г. Шкварова, в декабре под Новгородом кавалерия Шереметева насчитывала до 20 тыс. казаков [53].

Калмыцкое ханство, несмотря на начавшуюся в нем междоусобную борьбу, откочёвку в 1701 г. в Джунгарию сына Аюки Санджаба с улусом в 15 тыс. кибиток, а также на Дон дербетских улусов Мунко-Темира, его сына Четеря и брата Черкеса, по требованию Петра I срочно сформировало и направило на прибалтийский театр военных действий внушительную калмыцкую конницу. До шведов даже дошли слухи, что в январе 1701 г. в Москве состоялся смотр Петром I прибывшего 30-тысячного калмыцкого (ханского и донского) и татарского войска. В том же году донцы и калмыки под командованием Максима Фролова, действуя в составе войск Б. П. Шереметева, сыграли заметную роль в разгроме отряда Шлиппенбаха у селения Эрестфера, а также довольно успешно участвовали и в других боевых сражениях против шведов.

В 1702 г. в Новгород прибыли пятисотенный отряд Мунко-Темира, улусы которого кочевали на Дону, и с Дона 1000 казаков, 1200 донских калмыков, в том числе 345 юртовых (приписанных к Войску Донскому). В апреле 1702 г. по распоряжению Посольского приказа все они вошли в корпус Б. П. Шереметева и приняли участие в июльском сражении при Гуммельсгофе против войска Шлиппенбаха, за-

вершившемся полным разгромом шведов. Из 6-тысячной шведской пехоты осталось лишь 500 человек, и Шлиппенбах потерял всю артиллерию и знамена полков. Б. П. Шереметев в отчете Петру I по поводу победы писал: «... желание твое исполнили ... Пошлю в разные стороны отряды калмыков и козаков для конфузии неприятеля» [54].

В августе-октябре 1702 г. калмыцкие конники в составе корпуса Н. Г. фон Вердена участвовали в Лифляндии во взятии городов Вольмара и Алыста, Вендена, а в мае 1703 г. – городов Копорье, Ямбурга и Мариенбурга. В это же время (октябрь 1702 г. и май 1703 г.) были взяты крепости Нотебург (Шлиссельбург) и Ниеншанц. В августе 1703 г. калмыцкие конники армии Б. П. Шереметева, как отмечалось, «пошли гостить в Эстонии таким же образом, как гостили прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы, и гостили по-прежнему». Войска Б. П. Шереметева, разгромив в Эстляндии шведские войска под командованием генерала Шлиппенбаха, в сентябре 1703 г. взяли города Везенберг, Вейсентштейн, Феллин, Обер-Пален и Руин, а в июле-августе 1704 г. – старые отечественные города Дерпт и Нарву [55].

Петр I, видимо, учитывая роль калмыков в назревавших военных событиях, в охране южных границ, обратил внимание на укрепление их положения в составе Войска Донского. В грамоте Петра Алексеевича от 19 февраля 1703 г. войсковому атаману Лукьяну Максимовичу Максимову сообщалось, что в феврале этого года к царю прибыла делегация в составе 26 человек от калмыцкого тайши Менко-Темира, его сына Четера и брата Черкеса, тайши Цюрюм-Батыра, улусы которых кочуют на Дону. Они были приняты царем и отпущены с грамотой и жалованием. Донским атаманам и казакам предлагалось впредь посланцев для челобития от калмыков включать в состав казачьих зимовых станиц (делегаций) и разрешать им вести переписку с государственными учреждениями в установленном порядке через азовскую почту.

В царской грамоте от 2 марта 1703 г., одоблившей направление калмыков Балхаша и Батыра в Крым и Запорожье с разведывательной целью, с тем, чтобы «принять предосторожности против замыслов крымского хана и запорожских казаков», сообщалось о прибытии в

составе зимовой станиции представителя от калмыцких тайшей зайсанга Кочугея с товарищами. Далее в ней речь шла о прикочевавших к Азову калмыцких улусов Мазана и его сына Септена, а также Ямана, Бока Эрке Тасурхая, и о необходимости их закрепления на Дону. Особое значение придавалось прибытию к донским казакам Гунделека, сына хана Аюки, с целью согласования военных действий «для отвращения неприятельского прихода».

В связи с откочевкой на Волгу в 1704 г. тайши Менко-Темира положение оставшихся на Дону тайшей Деद्याла, Адяки, Болгака, Кичиня и Кады было урегулировано царской грамотой от 18 июля того же года. Все государственное жалованье, которое предназначалось Мунко-Темиру, подлежало раздаче указанным оставшимся тайшам. Кроме того, им разрешалось не только кочевать около Черкаска и Азова, получать государственное жалованье, служить наравне с казаками, но и проживать в крепостях. По переписи 1710 г. население Азова составляло 11630 человек, в том числе значились и калмыки. В том же году на Дону кочевало до 10 тыс. калмыцких кибиток (семей). С учреждением в 1701 г. в Азове епархии разрешалось и кочевым народам принимать православную веру [56].

В 1705 г. положение России на западном направлении и внутри государства несколько осложнилось. Во-первых, в усиленной поддержке нуждался польский король Август II. В июне того же года в Курляндии потерпел поражение Б. П. Шереметев (8 драгунских и 3 пехотных полка) от шведского 9-тысячного отряда генерала Адама Левенгаупта. Карл XII двинулся в поход на Гродно, где сосредоточивалась русская армия, и в конце декабря осадил его. В сентябре 1706 г. Август II капитулировал перед Карлом XII и заключил с ним унижительный мирный договор. В стране начались бунты уфимских башкир и стрельцов в Астрахани, в подавлении которых, наряду с регулярной армией под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева, участвовала «многотысячная калмыцкая конница тайши Аюки» [57].

В этой обстановке с целью укрепления юго-западной границы Петр I увеличил армию путем проведения очередного рекрутского набора, а также мобилизации и калмыков, передвинул армию на за-

пад. В августе 1706 г. прибыл 8-тысячный отряд калмыков и донских казаков в Киев, где в это время находились Петр I и А. Д. Меншиков. 18 октября А. Д. Меншиков под Калишем (Калицем) разбил 28-тысячную шведскую группировку во главе с генералом Мардефельдом, который был пленен вместе с 4735 солдатами и офицерами. На поле битвы осталось убитыми более 6 тыс. шведов. «Ханские» калмыки (4 тыс. человек) в этом бою вместе с московской конницей бились на правом фланге под непосредственным командованием А. Д. Меншикова, а донские казаки и калмыки (6 тыс. человек) под руководством генерала Карла Эвальда Ренне [58].

1707 год оказался для России еще более сложным: с запада нависла угроза вторжения Карла XII, а на востоке продолжался большой бунт башкир, татар, чувашей, удмуртов, поднялось восстание казаков под предводительством станичного атамана К. А. Булавина. Казанский вице-губернатор Н. А. Кудрявцев 7 января 1708 г. писал царю: «Башкирское воровство умножается, и татары Казанского уезда многие пристали, и многие пригородки закамские ...» В январе 1708 г. стольник Степан Бахметев получил приказ от царя выехать к Аюке и обеспечить выступление 20 тыс. калмыков против башкирцев. Аюка, выделив требуемое количество воинов, оперативно выполнил поручение Петра I. Однако С. Бахметев вынужден был разделить воинов-калмыков на два отряда: 10 тыс. отправил под Саратов против восставших казаков, которых калмыки разгромили тем же летом, а другие 10 тыс. отправились с Бахметевым на башкирцев [59].

Кроме того, в феврале 1708 г. астраханский воевода боярин П. М. Апраксин послал на помощь осажденной Терской крепости 1200 солдат, несколько сот верных татар и 3 тыс. калмыков. 26 февраля крепость была освобождена, а восставшие полностью разгромлены. В соответствии с царской грамотой от 28 апреля 1708 г. в мае в Азов был направлен конный отряд донских казаков и калмыков для охраны от восставших булавинцев, которому 6 и 7 июля вместе с войском пришлось отражать нападение 5-тысячного, как сказано в ведомости, «воровского собрания от вора Кондрашки Булавина». В результате двухдневного боя 423 булавинца погибло, 400 утонуло и 60 попало в плен. В отряде Войска Донского 10 человек были ра-

нены и 1 человек (калмык) погиб. После этого сражения в Азове был оставлен полк конной службы донских казаков численностью 574 человека, в том числе 157 калмыков [60].

В соответствии с административно-территориальной реформой, проведенной Петром I, в декабре 1708 г. создается Азовская губерния во главе с генерал-губернатором Ф. М. Апраксиным, в состав которой были включены донские земли. С этого времени войсковой атаман Дона стал назначаться царем. В церковном отношении Дон был подчинен Воронежскому митрополиту. В 1716 г. Петр I, переводя Войско Донское из ведения Посольского приказа в распоряжение Сената, окончательно ввел его в единую систему управления территориями страны.

Петр I, внимательно следя за передвижением Карла XII, продолжал укреплять Санкт-Петербург и Москву, армию и координировать действия русских войск. Обеспечение безопасности южных границ России Петр I поручил казанскому губернатору П. М. Апраксину и хану Аюке, выделив последнему необходимое вооружение – пушки и снаряды к ним. 14–17 июня 1708 г. Карл XII переправился через Березину, а в начале июля – через Днепр и вступил в Могилев. В августе 1708 г. произошла первая боевая встреча русских со шведским авангардом под командованием генерала Росса. В ночь на 30 августа у местечка Доброе, на речке Черная Напа, русские войска под командованием генералов М. М. Голицына и Г. Флюка атаковали шведов. Об исходе этого сражения Петр I писал своим приближенным: «По двучасном непрестанном огне Голицын и Флюк неприятелей сбили и с 3000 трупов, кроме раненых, положили, знамена и прочее побрали ... и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал» [61].

В этих битвах в составе русской регулярной армии сражалась и калмыцкая конница. В бою со шведами, насчитывавшими 6 полков конницы и 4 тыс. пехоты, недалеко от Белина 22 сентября 1708 г. в составе русского корпуса, в котором было 10 тыс. регулярных войск, под командованием генерала Р. Х. Боура приняли участие 6 тыс. калмыков. Остготландский королевский полк, возглавляемый Карлом XII, был окружен калмыками и полностью уничтожен. Сам король чудом

спасся от плена. Вплоть до Смоленска калмыки вместе с русскими конными частями вели арьергардные военные действия с наступающими войсками противника, изматывая его силы и нанося ему серьезный урон [62].

Карл XII, не дождавшись генерала А. Левенгаупта, как известно, 14 сентября повернул к Украине, чтобы подкрепить армию свежими силами, и подтолкнуть крымских татар и Турцию против России. В этой обстановке военный совет русской армии решил прикрыть направление на Брянск войсками Шереметева, направить в тыл шведской армии 5-тысячный кавалерийский отряд Р. Х. Баура, разгромить корпус Левенгаупта до подхода к главным силам. Группировка Левенгаупта была настигнута летучим отрядом (корволантом) Петра I 27 сентября 1708 г. недалеко от города Пропойска, при деревне Лесной. 28 сентября корволант Петра I в 12 тыс. человек и подоспевший отряд Баура нанесли шведам сокрушительное поражение. По шведским источникам известно, что казаки и калмыки совершили неожиданный обходной рейд в левый фланг лагеря Левенгаупта. Внеся панику, пограбив, казаки и калмыки стремительно отошли. Левенгаупт оставил на поле боя убитыми 8,5 тыс. солдат из 16 тыс., остальные, пересев на обозных лошадей, бежали. После сражения донские казаки вместе с калмыками под командованием Максима Фролова преследовали разбитых шведов. Петр I писал приближенным: «оного неприятеля словив, побили наголову, так что трупов с 8000 на месте осталось (кроме, что по лесам от ран померло и калмыки побили); обоз весь, с 7000 повозок с боевыми припасами и продовольствием, 17 пушек, 44 знамени и штандарта, поле осталось нам и захвачено в плен 45 офицеров и 700 нижних чинов ... достальные шведы побежали вниз по реке Соже и в шести милях вплавь за реку переплыли, за которыми сзади калмыки гнали и зело много побили». По воспоминаниям шведских офицеров: «... добрую милю нас преследовали калмыки, которые начали грабить обоз... Под утро многие были переколоты калмыками... » [63].

Петр I, определив намерения шведов и загородив путь им к Москве, заставил Карла идти к русской столице через Полтаву, где и последовала, как писал историк А. И. Заозерский, развязка драмы. Од-

ним из генеральных сражений в Северной войне 1700–1721 гг. стала Полтавская битва, состоявшаяся 26–27 июня 1709 г. (на два дня ранее согласованного обеими сторонами срока). Как писал историк Б. Б. Кафенгауз, Петр I, «не довольствуясь своей армией, численно превосходившей армию шведов, вызвал 40 тыс. калмыков, не поспевших, правда, к моменту боя, но известие о приближении которых заставило Карла ускорить сражение». Дату битвы в одностороннем порядке изменил Карл XII, узнав от перебежчика унтер-офицера Семеновского полка Немчина о диспозиции русских войск, и о том, что Петр I ждет калмыцких конников, которые, по словам изменника, «когда придут, то до генеральной баталии не допустят и всю армию его королевского величества могут по рукам разобрать» [64].

Готовясь к этому сражению, Петр I принимал все меры для улучшения внешнеполитической обстановки, особенно нейтрализации Турции и Крыма, и увеличения и оснащения армии, в том числе и иррегулярной части войска, особенно кавалерии. В связи с этим он, зная о том, что более 30 тыс. калмыков находятся на различных театрах военных действий, в том числе в войне со шведами 8 тыс., дал указание казанскому губернатору П. М. Апраксину, чтобы он приложил все усилия, «дабы от Аюки получить ... к маю месяцу ... к главной армии калмык ... тысячи три». Поэтому, не подвергая сомнению сведения Б. Кафенгауза о 40 тыс. калмыков, вызванных к Полтаве, можно предположить, что Петр I намеренно дезинформировал противника.

Задание Петра I П. М. Апраксин выполнил и направил к нему конный отряд в количестве 3300 человек во главе с Чагдорджабом, сыном хана Аюки. Однако калмыцкая конница несколько задержалась в пути по вине сопровождавшего стольника С. Бахметева, который распорядился выступить ей против действовавшего в районе Бузулука отряда булавинцев. Вторая причина опоздания калмыков к сражению, дополнительно запрошенных к тем частям, которые действовали в составе регулярных российских войск, заключалась в указанном выше факторе – переносе Карлом XII срока битвы. Все же калмыцкие конники успели к заключительному этапу «генеральной баталии». Для преследования и пленения остатков шведской армии Петр I сформировал специальный сводный отряд под командованием

А. Д. Меншикова, в состав которого вошло и «легкое конное войско калмыков, бывшее при фельдмаршале-лейтенанте Гальце». Ещё накануне Полтавской битвы калмыцкие конные отряды (ханские и донские) вместе с казаками, частями регулярного войска участвовали в нападениях на шведов. По свидетельству историков П. А. Кротова и А. Г. Шкварова, а также по шведским источникам, донские казаки и калмыки участвовали в Полтавской битве. Кротов пишет, что «казаки и калмыки занимали лесные массивы, окружавшие поле битвы и полевые укрепления... На левом фланге 2-тысячный отряд казаков, калмыков и татар принял самое серьезное участие в конном сражении и преследовании бегущих до Малобудищенского леса и далее. Казацкие, калмыцкие и татарские всадники преследовали спасавшихся бегством шведов и их союзников вплоть до неприятельского обоза у деревни Пушкаревки» [65].

В Полтавской битве донские полки и калмыки действовали в составе конницы А. Д. Меншикова (23 полка и эскадрон), выполнявшей роль авангарда на передовой позиции. На первом этапе боя, 26 июня, кавалеристы Меншикова захватили 14 шведских знамен и штандартов, разбили колонну Шлиппенбаха и взяли его в плен, а также шведский резервный отряд численностью 4 тыс. человек. 27 июня 1709 г. кавалерия А. Д. Меншикова сражалась на левом фланге, где на поле боя шведы оставили убитыми 9234 солдата и офицера. На следующий день, 28 июня, корпус Меншикова начал преследовать остатки армии Карла XII. На переправе на Днепре у Переволочны 29–30 июня русской армии сдались 18794 солдат и 1160 офицеров, весь шведский генералитет во главе с фельдмаршалом Реншельдом и министром Пипером. Российская армия потеряла в этой битве 4635 человек убитыми и ранеными [66]. Итак, завершился первый период Северной войны, решивший важнейшие политические и стратегические задачи. В 1710 г. 2 тыс. донских казаков и калмыков в составе войска Шереметева участвовали в осаде и взятии Риги, Ревеля, Пернова и других городов Лифляндии и Эстляндии, а затем в занятии Кексгольма и Выборга.

В связи с объявлением в ноябре 1710 г. Турцией войны России, в которой должен был принять участие и Карл XII, дипломат

граф С. Л. Рагузинский в своих «мнениях» писал: «Первое наше наступление доведется показать на Кубани из Азова с калмыками и донскими казаками, чтоб силы анатолийские туда поход свой восприяли и диверсию учинили». Петр I, предпринимая дипломатические меры к предотвращению столкновения с турками, приступил к наращиванию военных сил на южных рубежах. Помимо оставленных калмыцких конников (в основном донских) в составе корпуса П. М. Апраксина под Полтавой, хан Аюка, согласно договору-обязательству от 5 сентября 1710 г., пообещал Петру I направить к Азову и Таганрогу, где находился тысячный отряд донских казаков, 10-тысячную калмыцкую конницу. В январе 1711 г. для охраны южных уездов и приближения калмыков к театру будущих военных действий этот 10-тысячный отряд направился кочевать «к Дону против Манацкого городка, которой [находился] недалеко от Черкасского, во главе с Дондук-Омбо и двумя тайшами с Чиметем Батырем, да Четерем Мункотемировым сыном» [67]. Этот внушительный военный контингент калмыков в начале 1711 г. стал главным сдерживающим фактором против выступления кубанских татар на помощь крымчанам.

Кроме того, в июне 1711 г. Аюка направил в распоряжение генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, организатора обороны Азовско-Кубанского направления, 20,5 тыс. калмыцких всадников под командованием своего сына Чагдорджаба. Из них 14 тыс. человек во главе с Дондук-Омбо 29 августа вместе с драгунами (3,5 тыс.) под руководством князя П. Г. Львова были посланы для преследования и уничтожения кубанских татар. Потери последних составили: убитыми и утонувшими – около 17 тыс. человек, пленными – до 3 тыс. Помимо того, победители угнали 120 тыс. голов крупного рогатого скота и 227 тыс. голов овец. В те же дни калмыцкий отряд полностью уничтожил кубанских грабителей мурзы Чар-Аслана в количестве 7 тыс. татар и 4 тыс. некрасовцев, возвращавшихся из набега на города и села Саратовского и Пензенского уездов, отбив у них до 2 тыс. русских полоняников [68].

Россия заключила в июле 1711 г. мирный договор с Турцией, условия которого были подтверждены в 1713 г. (возвращали Турции Азов и Таганрог). В обстановке продолжавшейся Северной войны

царская администрация внимательно следила за обстановкой на Дону и в Калмыцком ханстве. Когда в начале 1713 г. на Дон вернулись 33 бывшие юртовские калмыцкие кибитки, ушедшие на Волгу во время Булавинского восстания, и вместе с ними 7 новых семей, Петр I во избежание конфликта удовлетворил просьбу хана Аюки и предложил донским казакам вернуть этих калмыков.

Несмотря на мирные соглашения, крымские и кубанские татары, подстрекаемые Турцией, продолжали совершать набеги на южные селения России. Донской походный атаман Аксен Орлов, будучи 5 октября 1717 г. с легкой станицей у царя, доложил ему о том, что отряд донских казаков вместе с юртовыми татарами и калмыками численностью до 5 тыс. человек во главе с войсковым атаманом Василием Фроловым выступил против напавшего на Дон кубанского султана Бахты-Гирея-Дели. В результате боя было нанесено поражение татарам и «взято 4 языка, одного бея, отбито русского полону разных городов и уездов мужского и женского полу старых, средних и малых младенцев с 1500 человек» [69].

В конце июля 1714 г. Петр I, одержав у мыса Гангут крупную победу над шведским флотом, стал готовиться к завершающему этапу Северной войны. Так, согласно указу Правительствующего сената от 7 января 1720 г., был утвержден очередной мобилизационный план. В указе говорилось: «Понеже настает ныне время к военному приготовлению против шведов и их союзников, того ради, дабы все служилые чины прежних служб всего Российского государства, и его царского величества подданной Войска Запорожского с обеих сторон Днепра – гетман г-н Скоропадский со всеми малороссийскими войсками и слободские полки, также донские, гребенские, яицкие, терские казаки, чугуевские калмыки и Аюки хана калмыцкой были к походу, когда впредь указом повелено будет, во всякой готовности, и для этого лошадей кормили, и ружье и запасы и прочее, что подлежит, готовили бы заранее, со временем, чего ради во всех губерниях и провинциях сей указ и публикуется». Важными предпосылками удачного завершения Северной войны стали окрепнувший российский флот и ряд его блистательных побед. Согласно Ништадтскому мирному договору, подписанному 30 августа 1721 г., Швеция уступа-

ла России в полное «неотрицаемое вечное владение и собственность Ингерманландию, часть Карелии, всю Эстляндию и Лифляндию с городами Рига, Ревель, Дерпт, Нарва, Выборг, Кексгольм, а также с островами Эзель и Даго» [70]. Россия возвратила Швеции княжество Финляндское.

В эпоху Петра Великого казаков, способных носить оружие, исчислялось до 30 тыс., но из них около 10 тыс. человек погибло в войнах со шведами и во время булавинского восстания. В годы Северной войны на военную и охранную службу были привлечены значительные силы Калмыцкого ханства (около 8 тыс. против Швеции, почти 20 тыс. против Турции, на южных границах 6 тыс., направлены на подавление восстаний 20 тыс. человек) [71].

Завершив Северную войну, Петр I вновь обратил свой взор на юг – на Каспийское море, западные и южные берега которого принадлежали Персии. Готовясь к Персидскому походу, Петр I в марте 1721 г. перевел Войско Донское из ведения Сената в Казачью экспедицию Военной коллегии, то есть включил его в состав государственной армии как иррегулярное войско. С этого времени участие казаков в походах регулярных войск и вообще в вооруженной обороне государства стало определяться исключительно указаниями центральной государственной власти, общегосударственными интересами. Петр I одновременно окончательно узаконил выборность войсковых атаманов и ввел институт наказных атаманов, назначаемых верховной властью.

В мае 1722 г. Петр I выехал из Москвы в Астрахань, к месту сбора армии. 20 июня по пути следования в армию царь остановился в Саратове для встречи и переговоров с ханом Аюкой по вопросу участия калмыков в этом походе. Для предстоящей войны Петр I предложил выделить 10-тысячный отряд калмыков. Но Аюка не располагал такой возможностью, поскольку ханство ещё не успело оправиться от предыдущих войн. Петр I согласился с доводами хана и установил задание выставить калмыцкую конницу численностью до 7 тыс., которая с августа того же года во главе Бату, внуком Аюки, активно включилась в боевые действия против Персии в составе 22-тысячной регулярной русской конницы.

Помимо того, в Персидском походе в августе – сентябре 1722 г. вместе с 9 тыс. казаков под начальством походного атамана Ивана Матвеевича Краснощекова и полковника Данилы Ефремова участвовало 4 тыс. донских калмыков (юртовые и кочевые). Первоначально они, находясь в авангарде, нанесли поражение 10-тысячному отряду оттемишского султана Махмуда. Затем на завершающем этапе экспедиции по указанию Петра I калмыки вторглись за Терек и разгромили владения указанного султана и вернулись с богатой добычей. За удачный поход в Дагестан донцы Ивана Краснощекова в награду получили от государственной казны 26,5 тыс. рублей [72].

После заключения в сентябре 1723 г. Петербургского мирного договора между Персией и Россией донские калмыки продолжали вместе с казаками нести внутреннюю службу. Они участвовали в строительстве крепости Святого Креста, заложенной Петром I, охраняли вместе с 1003 казаками, ежегодно сменяемыми, южные рубежи, боролись с набегами крымских и кубанских татар. В соответствии с указами Правительствующего сената от 6 октября, 2, 3 и 9 ноября 1724 г. и 11 января 1725 г., подписанными императором Петром I, должны были подготовиться к отправке в марте 1725 г. в крепость Св. Креста нерегулярные конные и оружейные войска – донские казаки до 3 тыс. (в это число входило 200 юртовых калмыков), донские калмыки до 500 (кочевавшие только вблизи Черкасска, владельцы тайшей Четеря и Солом-Доржи), яицкие до 1 тыс., слободские до 1 тыс., бунчуковые до 1 тыс. казаков. В крепости они поступали в распоряжение генерал-лейтенанта Матюшкина и должны были ждать дальнейших распоряжений.

За ходом подготовки и отправки казаков и калмыков к месту службы контролировала Военная коллегия. В это же время, в 1724 г., было переселено на Кавказ по 500 семейств донских казаков на р. Аграхань и в Гребень на Тереке. Переселенные на Аграхань казаки не прижились вследствие неблагоприятных климатических условий – местной лихорадки. Переселенные в 1736 г. из Аграхани на Гребень донские казаки образовали впоследствии Терское семейное войско. Возможно, с этим связано появление локальной группы терских калмыков, поскольку в составе аграханцев-переселенцев были и донские калмыцкие семьи.

В соответствии с указом императрицы Екатерины I от 9 февраля 1725 г. указанная группа нерегулярного войска, в том числе донские казаки и калмыки под начальством походного атамана И. М. Краснощекова, выступила в крепость Святого Креста только в мае 1725 г. В крепости казаки и калмыки несли караульную службу, совершали походы в горы, вылазки за «языком». Жалованье рядовые казаки, в том числе и юртовые калмыки, получали по 5 руб., а донские калмыки кочевых улусов – по 3 рубля. За год пребывания у многих казаков и калмыков пали лошади, одежда обносилась. Поэтому генерал-майор Кропотов в феврале 1726 г. обратился в Военную коллегию с просьбой заменить эту группу (3 тыс. казаков и 500 калмыков) и прислать взамен ее в таком же количестве новую партию казаков и калмыков.

Выполняя указ Правительствующего сената от 28 февраля 1726 г., подписанный императрицей Екатериной I, Военная коллегия разослала приказ. В нем говорилось: «Послать на Дон и вам войсковому атаману и казакам грамоту, в которой велеть нарядить с Дону казаков против прежнего наряду 3 тыс., да с ними калмыков доброконных и оружейных, кои близ Черкасского, 500 человек, выбрав к ним походного атамана и старшин указанное число и отправить всех тех казаков и калмыков к крепости Святого Креста в марте сего 1726 году, и велеть им явиться командующему там генералитету, и когда они к той крепости придут, тогда обретающихся там донских казаков и калмыков, кои отправлены в прошлом 1725 году, отпустить на Дон».

Калмыки, пешие ежегодно сменяясь, конные через два года, вместе с казаками служили в крепости Св. Креста вплоть до 1729 г. За службу в Низовом корпусе в 1726–1728 гг. калмыки-казаки получили денежное жалованье в сумме 3 тыс. руб. и за каждый год на «подъем» по 600 руб. На смену предыдущей группы в апреле 1729 г. в соответствии с приказом Военной коллегии от 2 декабря 1728 г. отбыли в Низовой корпус к крепостям Св. Креста и Дербент 2 тыс. донских казаков, 200 калмыков из улусов, кочевавших вблизи Черкасска, и 500 яицких казаков [73].

Участие калмыков в Русско-персидской войне, как отмечают отечественные историки, было последним их крупным вкладом в борьбу России за укрепление южных государственных границ в период

правления хана Аюки. С его смертью и в обстановке начавшейся междоусобной борьбы за власть царская администрация стала способствовать оттоку калмыков из ханства на Дон. В 1725 г. астраханский губернатор А. П. Волынский, в соответствии с указанием Правительствующего сената, данным еще в 1716 г., принимать калмыков с женами и детьми на Дон и склонять их к крещению «ласкою, а не принуждением», неофициально разрешил дербетовскому владельцу Четерю вернуться на Дон.

Помимо улуса Четеря, в том же году на Дон ушло до 2 тыс. киби-ток, которые были размещены у Черкаска и причислены в соответствии с указом императора от 5 октября 1715 г. к донским калмыкам, находившимся в ведении Войска Донского. Буквально через полгода это положение было подтверждено указом Сената от 15 марта 1716 г. В нем указывалось: «ежели калмыки подлинно на Дону из давних лет жили и служили с донскими казаками вместе, а в 1709 году забрал их калмыцкой Чемет-паша насильством, велеть жить по прежнему на Дону, а к Аюке хану не отдавать, для того, что в прошлом 1715 году Октября 5 дня, по его Царского Величества указу и по грамоте к ним войску Донскому посланной, велено тем калмыкам, которые обретаются на Дону из давних лет, жить по прежнему с ними с донскими казаками».

Однако через год указом Правительствующего сената от 14 января 1717 г. предписывалось «бежавших калмыков на Дон от хана Аюки отсылать к нему и впредь таких не принимать». Но здесь же добавлялось: «... а которых пожелают креститься, тех не возвращать, но крестить и размещать на службу и жительство не вблизи улусов хана». Тем не менее грамотой от 5 мая 1724 г., известив войскового атамана Андрея Ивановича Лопатина и Войско Донское, Петр I разрешил тайше Солом-Доржи со своим улусом поселиться и кочевать на Дону, служить наряду с казаками и получать жалованье. К этому времени на Дону уже находилось до 14 тыс. калмыцких кибиток, из них 10 тыс. юртовых («базовых») донских калмыков.

Военная коллегия грамотой от 18 июля 1729 г., принятой в соответствии с указом высшего органа государственного управления России того времени – Верховного тайного совета, всех юртовых

калмыков окончательно причислила к Войску Донскому [74]. Однако в административном отношении калмыцкие улусы, приравненные к станицам, имели черты автономности, т. е. улусовладельцы (нойоны – атаманы), сохраняли традиционные формы управления своими подвластными. К середине XVIII века калмыцкие улусы, вошедшие в состав войска Донского, по территориальному признаку кочевий представляли три группы – Верхний, Средний и Нижний. Калмыцкое население улусов наделялось правами казачества. Улусы (станицы) делились на сотни во главе с сотником. С этого времени донские атаманы, приравняв калмыцкое общество к казачьему, не стали признавать нойонов улусовладельцами, то есть фактически отменили обязательные отношения в калмыцких улусах Дона.

Хан Дондук-Омбо (1735–1741 гг.), благодаря своим военным заслугам и авторитету, пользуясь поддержкой императрицы Анны Иоанновны, озабоченный оттоком калмыков на Дон, особенно после ухода в 1733 г. улуса Баахан-тайши, добился заключения договора в 1735 г. с донским войсковым старшиной Д. Ефремовым. Договаривающиеся стороны пришли к соглашению о том, что «пришедшим в Черкасск до его ханства из разных владений калмыкам быть при войске Донском, и ему, Дондук-Омбо, их не требовать», а калмыки, перекочевавшие на Дон после 1736 г., подлежали возвращению в ханство. Условия этих обязательств легли в основу указа Коллегии иностранных дел, принятого 4 февраля 1736 г. от имени императрицы. В нем говорилось: «Всех зашедших на Дон калмыков, как находившихся на действительной службе и отправляющих оную наравне с донскими казаками, оставить при Войске. Ушедших с Дону в калмыцкие улусы, возвратить на Дон обратно; если же калмыцкие тайши сих ушедших или сведенных, добровольно не выдадут, и в последствии найдутся в их улусах такие калмыки, которые откочевали на Дон до 1736 года, то Войску Донскому позволено будет учинить баранту, то есть взять силою столько калмыков, сколько от калмыков бежало к владельцам. Тех же, кои пришли на Дон после 1736 г., казаки должны без утайки возвратить их владельцам».

В том же году с Дона, согласно указанному договору, в Калмыцкое ханство вернулись 116 кибиток. «А дабы побегии на будущее вре-

мя совершенно прекратить, то калмыкам, идущим из улусов на Дон, получать пашпорты за подписанием хана или его наместника; а живущих на Дону и желающих по делам своим ехать в ханские улусы, брать пашпорты за подписанием Войскового атамана. Если же и за сим кто либо из калмыков явится без таковых пашпортов на Дону, или в улусах ханских, у таковых, по отбирании лошадей и всего имущества, какое с ним будет находиться, отсылать за караулом на прежние места», – гласил указ императрицы [75].

Помимо этого, в апреле 1737 г. последовал новый указ императрицы Анны Иоанновны, запрещавший войсковому наказному атаману Ивану Ивановичу Фролову принимать калмыков к крещению, за исключением «искренне желающих принять православие», то есть первое положение оказалось формальным. Хотя незадолго до этого, 3 мая 1734 г., по её же указу Военная коллегия приказала генералу фон Вейсбаху: «Прибывших в донские казачьи городки из калмыцких улусов, желающих воспринять христианскую греческого исповедания веру калмыков, в силу указа 1725 г., принимая, крестить и от обид охранять, чего смотреть тебе войсковому атаману [Андрею Ивановичу Лопатину], а по городкам станичным атаманам, и в прочем во всем с ними поступать как оной наш, императорского величества, указ повелевает, и жить им, крещеным калмыкам, в станицах с казаками обще, дабы прочие ко вступлению в православную веру имели желание». В соответствии с этим указом Лопатин 22 июня 1734 г. издал приказ, в котором говорилось: «По Хопру от Букановской до Михайловской станиц о защите калмыков, принявших православие, от обид, о надзоре за соблюдением ими христианских норм». Эти законные гарантии способствовали беспрепятственному принятию православия калмыками на Дону. Калмыцкий тайша Батуджаб (после крещения – Петр Петров), улус которого численностью 650 кибиток находился при крепости Святой Анны, со всем семейством (супруга, двое сыновей – Убаши и Сан, дочь – Кооку) в 1744 г. принял православие. С 1734 г. по приказу Военной коллегии 101 калмык его улуса служил в этой крепости вместе с 263 азовскими казаками. В челобитной Батуджаба на имя императрицы по поводу строительства деревянного дома в Черкасске говорилось, что его отец Баахан-тайши

Джаб и брат Зумбе служили при Войске Донском и участвовали во всех походах в 1702–1728 гг.

Впоследствии (в 1804 г.) внуки Батуджаба – Джалцан и Габун Шарап, претендуя на владение зюнгарскими 360 кибитками донских калмыков, вступили в тяжбу с донским атаманом М. И. Платовым. Переписка по жалобам Джалцана и Габун Шарапа на имя императора и министра внутренних дел длилась до 1827 года. По этому поводу атаман Войска Донского М. И. Платов в ноябре 1804 г. писал в министерство внутренних дел: «Калмыки есть вообще при Войске Донском сем находятся более ста лет под управлением и распоряжением здешнего правительства наравне с казаками ... и Джалцан и Габун Шарап несправедливо присваивают себе звание владельцев». Академик Г. Г. Матишов справедливо считает, что «издревле на территории Войска Донского селились три народности: собственно казаки, калмыки и русские крестьяне; они считаются коренным населением» [76].

В 1733 г. после смерти короля Польши Августа II Россия открыто вмешалась в дела престолонаследия, поддерживая кандидатуру сына умершего короля – Августа III. С этой целью Анна Иоанновна направила в Польшу войска под командованием генерал-аншефа П. П. Леси (Ласси), а генерал-фельдмаршала Кристофа Миниха, в состав армии которого входили 5 тыс. донских казаков и калмыков во главе с походным атаманом Тихоном Ворониным, под Данциг (Гданск), где находился другой претендент на польский престол – С. Лещинский.

В войне России с Турцией и Крымом, начавшейся в 1735 г., активное участие приняли донские казаки, ханские и донские калмыки в составе Днепровской и Донской армий, особенно при штурме в 1736 г. Азова, а затем и в его охране, в 1737 г. – крепости Очакова. Конницы Калмыцкого ханства, численность которой достигала от 20 тыс. до 40 тыс., донские казаки и калмыки, ведя боевые действия против подвластных Турции кубанских татар, участвуя в сражениях в составе русской армии, сыграли огромную роль в кампаниях Русско-турецкой войны (1735–1739 гг.). Осенью 1736 г. 6100 донских казаков и калмыков, находившиеся под Перекопом, приняли деятельное участие в осаде и штурме Азова. Затем по приказанию генерала

П. П. Леси группа численностью до 2 тыс. казаков и калмыков под командованием походного атамана И. Краснощекова выступила в погоню за двумя отрядами татар, которые возвращались из набега на южные селения России. Донцы, нагнав и разбив их между речками Конские и Молочные Воды, близ местечка Волчий Буерак, освободили до 1 тысячи русских пленных и вернули 400 лошадей.

В мае 1736 г. 40-тысячная армия под командованием генерала П. П. Леси, в состав которой входила калмыцкая конница, выступила из Таганрога к Генчи и Арабату. 25 июля калмыки и казаки разгромили татар при Карасу-Базаре и пленили до 1600 человек, взяли множество скота. В это же время конница хана Дондук-Омбо между реками Кубань и Орпъ нанесла поражение ногайским татарам. С 1 по 14 декабря 1736 г. пройдя вдоль Кубани до Азова, калмыцкая конница (25 тыс.) и донские казаки (3963 чел.) разгромили улусы и город Копыл – столицу султана Бахты-Гирея (хотя к этому времени султана не было в живых, город в документах продолжали называть его столицей), уничтожили до 20 тыс. и пленили до 10 тыс. татар, взяли до 20 тыс. лошадей. Помимо того, до 5 тыс. донских казаков и калмыков входило в состав отряда, сопровождавшего по берегу Азовского моря русскую флотилию под командованием вице-адмирала Бредаля, идущую вдоль берега к месту сражения с турецким флотом. Одновременно донские казаки принимали меры предосторожности. В начале января 1737 г. войсковой наказный атаман И. И. Фролов снарядил и отправил отряд донских казаков и калмыков для пресечения возможного вторжения на территорию Войска Донского со стороны реки Донец крымских и казанских татар.

Очередной поход в Крым под руководством фельдмаршала П. П. Леси был предпринят в начале 1738 г. Местом сбора 6-тысячной калмыцкой и донской коннице под командованием походного атамана И. М. Краснощекова была назначена местность «на речке Миусе около бывшей Павловской крепости». Кроме того, в отряде донского старшины И. И. Фролова численностью до 900 казаков, находились 200 донских калмыков [77]. В результате этих походов донские казаки и калмыки отбили малых ногайцев от кубанских татар и вернули их в российское подданство.

Разорительные походы Дондук-Омбо вызвали ответную агрессивную реакцию у крымских и кубанских татар. Осенью 1736 года по просьбе хана донские казаки во главе с атаманом И. М. Краснощековым пришли на помощь Калмыцкому ханству и предотвратили набег крупных сил кубанских татар. В ноябре 1737 г. по повелению Анны Иоанновны 20-тысячный отряд калмыков во главе с ханом вместе с казаками атаманов И. М. Краснощекова и Д. Ефремова провели ответный успешный поход против кубанских татар. После их разгрома и успешного самостоятельного похода весной 1738 г. Дондук-Омбо, а также в связи с возвращением Азова заметно уменьшилась опасность набегов крымских и кубанских татар, как писала Анна Иоанновна, «донским нашим городкам чрез приходящее лето от них опасения не будет».

Однако с известием о подготовке татар к набегу на калмыцкие улусы, царская администрация принимает меры по защите «калмыцкого хана Дондук-Омбо от неприятельских нападений». Именным указом от 13 сентября 1739 г. императрица Анна Иоанновна прикрепила небольшой отряд полковника Лукьяна Бобарыкина «при подданном нашем калмыцком хане Дондук-Омбе, ради всегдашнего охранения оного хана с нарочно определенной командою». Далее в указе говорилось, что в случае нападения врагов команде Бобарыкина следует обороняться вместе с войском хана, при серьезной опасности хан с улусами должен был перейти на Дон, к Царицынской линии, или в Астрахань, Кизлярскую крепость. Всем ближайшим городам и воинским гарнизонам предлагалось принимать участие в отражении нападения неприятеля на калмыцкие улусы [78].

Однако и после указа 1736 г. приток калмыков на Дон не приостановился. Несмотря на просьбы Дондук-Даши, назначенного наместником ханства в июле 1741 г., во время аудиенции у Елизаветы Петровны 17 июня и 16 сентября 1742 г. о возвращении дербетовского улуса Лабан-Дондука, кочевавшего на Дону, положительный ответ сразу же не последовал.

Видимо, учитывалось, что в это время шла русско-шведская война. Более 6 тыс. донских казаков вместе с юртовыми калмыками (до 500 человек) под начальством армейского бригадира И. М. Красно-

щекова (погиб 12 августа 1742 г.), а затем Степана Ефремова, походного атамана, активно участвовали до окончания этой войны (вернулись из Финляндии только в сентябре 1743 г.). Помимо того, в 1741–1742 гг. при Остзее находилось 3 тыс. донских казаков и калмыков. В состав командования (походный атаман, 2 полковника, 13 есаулов, 13 хорунжих, 10 сотников) этого отряда входили 8 калмыцких старшин на правах сотников. Деятельное участие донских казаков (в том числе и калмыков) в русско-шведской войне по достоинству было оценено высшей властью государства. Императрица Елизавета Петровна пожаловала донским казакам белое знамя с надписью «За подвиги в Шведскую войну в 1741–1743 годах» [79].

Елизавета I внимательно вникала в дела донских калмыков и принимала участие в решении судьбы даже до одного человека. 13 апреля 1742 г. она подписала указ об определении в казаки Войска Донского крещеного калмыка Федота Яковлева. В грамоте отмечалось, что с 12 лет калмык Федот Яковлев был крещен и находится как крепостной у донского казака Якова Сафонова. В связи с тем, что Ф. Яковлев обратился в Военную коллегия с просьбой приравнять его к казакам и дать возможность ему служить наравне с ними, Елизавета Петровна предложила войсковому атаману Д. Ефремову эту просьбу рассмотреть и принять положительное решение.

Немаловажную роль в затягивании решения проблемы возвращения калмыков с Дона, возможно, сыграло прибытие в октябре 1742 г. в Москву донской легкой станицы во главе со станичным атаманом Андреем Авдеевым. В составе его делегации находились два донских калмыка – Гечюль и Челей, которые наравне с казаками получили от императрицы Елизаветы I жалованье по 27,5 руб. и на подводу по 2,4 руб.

Только через год, после настоятельной просьбы астраханского губернатора В. Н. Татищева, 16 декабря 1743 г. Елизавета Петровна подписала указ о переводе дербетовского улуса Лабан-Дондука с Дона к Волге. Императрица, дав поручения Коллегии иностранных дел, наместнику Дондук-Даше и владельцу улуса Лабан-Дондуку, организацию перекочевки этого улуса возложила на В. Н. Татищева, и ему должны были помочь бригадир Царицынской линии Кольцов и войсковой атаман Войска Донского.

Однако это не помешало в 1744 г. войсковому атаману Д. Е. Ефремову с официального разрешения центральной власти включить в состав Войска Донского прикочевавших около 400 калмыцких кибиток. Данила Ефремов был сторонником закрепления калмыков на Дону и их службы в Войске Донском. Он еще в 1738 г. предлагал калмыцкому хану Дондук-Омбо со всеми улусами прикочевать к Дону. Когда в 1743 г. 34 базовых калмыка Войска Донского, служивших с казаками в Черкасске, изъявили желание принять православную веру, то они были направлены для наставления к православию и крещения в Санкт-Петербург к епископу Никодиму.

В 1740-х и в начале 1750-х гг. донские калмыки вместе с казаками продолжали служить в крепостях Кизляре (4 тыс. чел.), Святой Анны, в Лифляндии, Вязьме, Дорогобуже, Смоленске (6 тыс. чел.), ходили в походы в Кабарду, Оренбург, в Казанскую губернию (1755 г.) для подавления башкирского восстания. Так, в 1746 г. в Лифляндии и Эстляндии, кроме 530 донских калмыков в составе 6-тысячного корпуса «доброконных и оружейных» донских казаков, направленных, согласно императорскому указу от 13 января 1746 г., находился тысячный отряд ханских калмыков, снаряженный в соответствии с указом Елизаветы I от 22 января того же года. Кроме того, казакам и калмыкам приходилось нести внутреннюю службу. 30 марта 1747 г. войсковой атаман Д. Е. Ефремов, опасаясь нападения с Крымской стороны, укрепил малочисленные заставы, «стоявшие на Миосе (Миусе) и в Таганроге, тысячной командой из казаков и калмыков» [80].

20 декабря 1749 г. Елизавета Петровна приняла донскую делегацию во главе с войсковым атаманом Д. Е. Ефремовым, в состав которой входили старшины, есаулы, хорунжие, сотники и рядовые казаки и калмыки. Удовлетворив просьбы казаков об упорядочении прохождения их службы, императрица, учитывая заслуги донских казаков в защите отечества, вручила каждому члену делегации денежное вознаграждение и дополнительно еще деньги на ковш и саблю. В числе 6 есаулов от Елизаветы I получил жалованье в сумме 60 руб. и 15 руб. на саблю калмык Черен (Церен). Рядовые (25 человек) казаки и калмыки получили жалованье по 33 руб. и на саблю по 7 руб. 50 коп. Елизавета Петровна, выполняя свое обещание, буквально через 3 не-

дели, 9 января 1750 г., подписала указ о направлении в Лифляндский корпус тысячной команды (800 казаков и 200 калмыков) во главе с походным атаманом Осипом Дмитриевым и полковником Гаврилой Грековым на смену находившейся там такой же донской команды.

В связи с попыткой коменданта крепости Св. Анны Вырубова подчинить себе донских калмыков Правительствующий сенат от имени Елизаветы I грамотами от 25 июня и 15 октября 1745 г., направленными Войску Донскому, указал «табунам Дорджи-Бардумана, Азамада Тайгана-Басту, умершего калмыка мурзы сына Лаузана, гецеля Басту Тюгуса быть в ведомстве у вас, в Войске вашем, по прежнему, а в команде бригадира Вырубова не быть». Далее предлагалось, чтобы впредь теперь всех калмыков как крещеных, так и некрещеных призывали по нарядам вместе с казаками и выдавали им хлебное и денежное жалованье, пороха, свинца наравне с теми же казаками.

Вслед за этими актами с целью вовлечения донских калмыков в православие последовал новый указ от 18 июля 1746 г., разрешавший войсковому атаману выдавать пособие принявшим крещение калмыкам – на семью зайсанга и нойона по 5 руб., рядового – по 2 руб. 50 коп. Но в связи необходимостью укрепления крепости Ставрополя и увеличения там численности войска 23 июля 1747 г. императрица Елизавета Петровна подписала новый указ «О направлении калмыков, приходящих из наместниковых улусов и Дербетова владения, если они пожелают принять крещение, в Ставрополь для поселения и о возвращении не желающих подчиниться этому требованию к их владельцам». Императрица разрешила войсковому атаману оставлять на Дону крещеных калмыков лишь в исключительных случаях.

В результате неоднократных апелляций в высшие властные инстанции и вмешательства Коллегии иностранных дел Дондук-Даши удалось в 1748 г. добиться возвращения в ханство 852 кибиток, в 1754 г. – 336 калмыцких кибиток с общей численностью в 1515 человек обоего пола, откочевавших после 1736 г. [81].

Активное участие приняли калмыки (ставропольские и чугуевские – 2 калмыцкие роты, донские и ханские) вместе с донскими казаками в Семилетней войне (1756–1762 гг.). В соответствии с указом Правительствующего сената от 2 августа 1754 г. выступающим каза-

кам от Войска Донского на войну в дальние места устанавливалась ежегодная доплата сверх окладного жалования: походному атаману – 200, полковым командирам – по 100, есаулам, хорунжим, квартирмейстерам и полковому писарю – по 18, писарям обозным, казакам и калмыкам – по 12 рублей.

На театре боевых действий этой войны находилось 5 350 калмыков, в том числе 4 тыс. ханские, 450 калмыков в составе 18 донских казачьих полков, в Чугуевском полку – 200, Ставропольском – 500 человек, в Павловском отряде – 180 человек. Как отмечал генерал П. Н. Краснов, за семь лет войны успешно воевали 16 тыс. казаков и калмыков, сведенных в 10 полков (И. Грекова, А. Луковкина, Б. Луковкина, Машлыгина, Орлова, Поздеева, Попова, Краснощекова, Дячкина, Бобрикова) под командованием генерал-майора Д. Ефремова. В числе первых вступили на немецкую землю, по словам немецкого пастора Тере, «несколько тысяч казаков и калмыков, с длинными бородами и суровым взглядом, невиданным вооружением – луками, стрелами и пиками – проходили по улице. Вид их был страшен и вместе с тем величествен. Они тихо и в порядке прошли город и разместились по деревням, где им были отведены квартиры» [82].

В 1762 г. 10 донских казачьих полков бригадира Ф. И. Краснощекова (сына Ивана Матвеевича Краснощекова) были сняты и отправлены на Дон. Только в полку самого бригадира числились 200 калмыков-казаков, в том числе 2 атамана, 2 есаула, 2 сотника и 3 хорунжих.

В эти же годы в составе 50-тысячной армии генерала П. А. Румянцева, прикрывавшей границы России между Днепром и Доном, успешно действовали против татар 10 тыс. казаков и 20 тыс. ханских калмыков. Помимо того, весной 1764 г. 8 донских казачьих полков, в состав которых входили и юртовые калмыки, срочно отправили через Киев в формируемые корпуса легкого войска к границам Смоленска и Курляндии.

В Турецкой и Польской войнах (1764–1774 гг.) приняли участие свыше 40 донских казачьих полков (Агеева, Бузина, Т. Грекова, Денисова, Головы, Горбакова, Дмитриева, Дячкина, Зазерского, Иловайского, Карпова, Клованского, Леонова, Д. Мартынова, М. Поздеева, Попова, Пушкарева, Ребрикова, Сарычева, Серебрякова, Н. Су-

лина, Л. Сулина, Сычева, Устинова, Янова, Яновского и др.), личный состав которых составлял до 22 тыс. человек (в том числе более 600 калмыков). В это же время недалеко от Смоленска, в Красном Селе, дислоцировалась донская калмыцкая конница, которая летом 1765 г. вместе с казачьей пятисотенной командой была отправлена на Дон. В том же году, когда кубанские татары и кабардинцы предприняли попытку напасть на крепости Моздок, Кизляр и казачьи городки, навстречу им выступили 6 тыс. донских казаков и столько же калмыков, 500 волжских казаков и предотвратили набег [83].

С вступлением на российский царский трон Екатерины II и приходом к руководству иностранным ведомством канцлера М. И. Воронцова несколько корректируется политика царской администрации по отношению к Калмыцкому ханству. Наметилась тенденция к ограничению власти руководителя Калмыцкого ханства, пресечению междоусобной борьбы внутри ханства, «к прекращению происходивших между ими несогласий», для того чтобы «целостность их и что они доныне остались совокупными, а не пришли в рассеяние...». Но ограничение ханской власти осуществлялось путем усиления роли коллегиального, судебного, представительного органа Калмыкии – Зарго, положение о котором Екатерина II утвердила в 1762 г.

Эта новая политика царской администрации получила закрепление в двух документах, принятых в один день, 12 августа 1762 г.: в Грамоте Екатерины II наместнику ханства Убаши и в письме канцлера М. И. Воронцова дербетовскому тайше Галдан-Церену (младший сын Лабан-Дондука), запрещавшем ему кочевать отдельно от улусов ханства. Все вопросы о перекочевке подлежали разрешению в Зарго и уполномоченным по калмыцким делам А. Д. Бахтеевым. С этого времени и после ухода в 1771 г. значительной части калмыков в Китай почти до конца XVIII века прекратился их массовый отток из Поволжья на Дон.

В 1768 г. на Дону числилось служилых казаков 18 667 человек. В русско-турецкой войне (1768–1774 гг.) участвовали до 6 тыс. донских казаков и калмыков. Кроме того, в это время на Днепровской линии находились 1503, в Кизляре – 500 во главе с походным атаманом Осипом Даниловым, в Польше – 2 196, на Сибирских линиях – 561,

на Царицынской линии – 601, в Черкасске на карауле – 629, на миусских заставах – 120, в Новочеркасской и Борисоглебской крепостях – 140, в Ростове – 152, на заставах по реке Сал между Кубанью и Доном – 200 донских казаков и калмыков [84].

В этой войне на Северном Кавказе и на Кубани существенную роль сыграла 20 тыс. конница Калмыцкого ханства, направленная, согласно рескрипту Екатерины II от 31 декабря 1768 г., в распоряжение генерал-аншефа графа П. А. Румянцева. Дополнительно к этому высочайшими двумя грамотами императрицы Екатерины II от 15 января 1769 г., направленными наместнику Калмыцкого ханства Убаши и начальнику Моздокской линии генерал-майору Ивану Федоровичу де Медему, предписывалось им обоим «воинский поиск против кубанских народов». Екатерина II поручала наместнику, помимо 20 тыс. всадников, отправленных в распоряжение генерала Румянцева, собрать еще необходимое количество воинов и «действовать против живущих на Кубани и в тамошних горах турецких подданных, стараясь всякий вред им причинить, и не только обессилить, но и вовсе истребить». Далее указывалось, что калмыцкое войско будет подкреплено командой регулярных войск, пушками и казаками под начальством генерал-майора И. Ф. де Медема, а также на помощь им подойдут донские казаки.

Помимо того, генерал-майор И. Ф. де Медема грамотой императрицы уведомлялся о том, что к нему направляется калмыцкое войско под начальством самого наместника Убаши. «Калмыки, коих соберется для поисков без сумнения весьма великое число, чтоб с успехом действовать могли, требуют по состоянию своему и одобрения, и действительного подкрепления». Екатерина II советовала генералу, как необходимо относиться к наместнику. Она писала: «Здесь столько однако же неизменно признается дать вам знать, что калмыки хотя при армиях уже не однажды и находились, но предводителями их были владельцы, которые в команде всякого генерала без затруднения быть могли, а вы напротив того будете обращаться с начальником всего народа. Все дело, конечно, надобно, чтоб от вас зависело. Но надобно ж при том сколько возможно щадить и нежность его честолюбия, то есть не отдавать ему приказов, которые не

только его, но и владельцев и весь народ могут привести в уныние и в нерадение, когда из того приметится, что он в вашу волю предан. А вместо того с ним советовать и приводить его нечувствительно к исполнению принимаемых ваших намерений, употребляя к тому и подполковника Кишенкова, как уже к калмыкам привычного» [85].

С целью приближения к театру военных действий и обеспечения безопасности со стороны киргиз-кайсаков в рескрипте предлагалось наместнику перевести всех калмыцких улусов с Луговой на Нагорную сторону Волги (правую). Однако наместник Убаши значительную часть улусов под усиленной охраной оставил на левой стороне Волги, мотивируя это опасностью нападения кабардинцев. А сам Убаши по повелению императрицы Екатерины II с 10-тысячной конницей двинулся на соединение с корпусом генерал-майора И. Ф. де Медема. В июле 1769 г. калмыцкое войско под начальством наместника, придя к театру военных действий, полностью разгромило вторгнувшуюся в пределы России большую группу кубанских татар и прошло через все их земли. В результате калмыки взяли более 30 тыс. голов скота и много пленных кубанских салтанаульских татар.

В апреле 1770 г. отдельный отряд калмыцкой конницы разгромил 6-тысячную группу кубанских татар. В том же году в составе 2-й армии (34 тыс. человек) под командованием графа П.И. Панина 12 тыс. казаков и 5 тыс. калмыков штурмовали и взяли крепость Бендеры вместе с 11794 солдатами при 548 орудиях, которую упорно обороняли турки [86].

Однако боевые действия калмыцкого войска осенью 1770 г. были прерваны из-за конфликта между командующим корпусом генералом И. Ф. де Медемом и наместником Убаши. Генерал не прислушался к советам императрицы о внимательном и чутком отношении к правителю калмыков. В результате наместник под видом необходимости ремонта лошадей, пополнения продовольственного запаса снял свое войско с театра военных действий и увел его на Волгу, где стал активно готовиться к откочевке в Джунгарию.

Несмотря на уход в 1771 г. в Китай значительной части калмыков, оставшееся мужское население продолжало привлекаться к участию в ратных делах России, особенно калмыки-казаки, находивши-

еся в различных регионах – на Дону, Яике, в Ставрополе, Чугуеве, Азове. После заключения Кчук-Кайнарджийского мирного договора Россия в целях укрепления южных границ в 1777 г. создала азовско-моздокскую охранительную линию и расселила на ней казаков и калмыков, а также по Дону до Царицынской линии. Так, в 1777 г. по указанию князя Г. А. Потемкина-Таврического из Астраханской губернии на Моздокскую линию были переселены 200 калмыцких кибиток (семей) и в 1788 г. с Дона – 128 кибиток. Все 328 кибиток с численностью 775 калмыков, принявших православие, были причислены к Моздокскому полку, постоянно в его строю находилось 50 калмыков-казаков. Помимо этого, на новой заставе за Доном, созданной с целью предотвращения нападения татар, находился отряд донских казаков и калмыков во главе с войсковым старшиной Афанасием Кутейниковым.

Необходимость стабилизации обстановки в Крыму вынуждала держать там значительные военные силы. В марте 1778 г. Кубанский корпус генерал-поручика А. В. Суворова в Приазовье был пополнен тысячной калмыцкой конницей дербетовских улусов под начальством владельца Одерги (в документах – Эдерги), а также калмыками-казаками в составе донских казачьих полков М. Грекова и Ф. Грекова, отправленных в Грузинскую экспедицию. Кроме того, в соответствии с указом Екатерины II от 22 июня 1790 г. отряд численностью 350 донских калмыков-казаков во главе с Якупом Асановым в сопровождении казака Василия Миронова отбыл в Екатеринославскую армию [87].

В это время на Дону калмыцкое население, причисленное к Войску Донскому, составляло более 10 тыс. человек, в том числе почти 5 тыс. мужчин. Из них способных к военной службе в качестве казаков числилось по 4-й ревизии до 1 тыс. человек, из которых формировали отдельные сотни и присоединяли к казачьим полкам. Те, которые не могли служить, составляли особые сотни, так называемые «таранники» (название от рыбы тарани), предназначенные для работы в войсковых рыбозаводах. Калмыки продолжали по-прежнему нести военную службу и получать денежное и хлебное жалованье наравне с казаками. Так, в определении войсковой канцелярии за 1777 г. ука-

зывалось: «Здешним юртовым калмыкам Верхнего, Нижнего и Зюнгарского улусов выплатить ежегодное жалованье 669 руб. и столько же четвертей хлеба».

Донские калмыки, принявшие православие, пользовались также льготами. Так, приказами войскового атамана Алексея Иловайского от 17 июля и 12 августа 1782 г. крещеным калмыкам Василию, Григорию и Ивану Петровым, Федору Скунову были предоставлены различные льготы на 7 лет. Крепостные девушки славянской национальности, вышедшие с разрешения хозяина замуж за калмыка-казака, приобретали статус вольной казачки. В феврале 1782 г. «девка Матрена крестьянского общества села Поверина вотчины обершталмейстера и действительного камергера Нарышкина, вышедшая замуж в станицу Михайловскую за вольного калмыка-казака Ивана Алексеева», перейдя в казачество, приобрела положение вольного человека [88].

В 1788 году, после смерти владельца Ценден-Дорджи, дербетовский улус, кочевавший вблизи Дона в количестве 4881 кибитки, переведенный в 1786 г. в казенное ведомство и приписанный князем Г. А. Потемкиным-Таврическим к владениям Войска Донского, остался на Дону «впредь до дальнейших повелений». В соответствии с указом Екатерины II от 19 апреля 1793 г. предусматривалась возможность оставления его на Дону. Эта группа дербетов стала называться Большим Дербетом во главе с правителем Екремом Хапчуковым, дальним родственником прежнего владельца, а оставшаяся часть с 687 кибитками – Малым Дербетом – под управлением Бабула, сына Цеден-Дорджи. По указу Правительствующего сената от 2 сентября 1798 г., принятому в соответствии с высочайшим рескриптом императора Павла I от 30 августа, калмыки Большедербетовской орды с владельцем Екремом и другие группы, находившиеся в пределах донской территории, были причислены к Войску Донскому для отправления службы наравне с казаками. Хотя уже годом ранее Сенат поручал генерал-лейтенанту А. И. Иловайскому снарядить и отправить на кордонную службу 195 донских калмыков [89].

Донским казакам и калмыкам, входящим в состав 18 полков (Атаманского под командованием А. И. Иловайского, Н. Астахова, И. Гре-

кова, П. Денисова, Деткова, И. Исаева, Каршина, Киреева, Кошкина, Кумшатского, Курсакова, Кутейникова, Мартынова 2-го, В. Орлова 2-го, М. Платова, Сычева, Янова и Давыдова), первыми пришлось участвовать в русско-турецкой войне (1787–1791 гг.). Затем количество донских полков на этом театре военных действий было увеличено до 32, личный состав которых насчитывал 20 тыс. казаков (в том числе до 600 калмыков-казаков). Эти донские полки во главе с походными атаманами бригадирами В. П. Орловым и М. И. Платовым, Ф. П. Денисовым и И. Исаевым в составе русской армии участвовали в штурме и взятии крепостей Очаков, Паланка, Аккерман, Исакча, Измаил, а также в разгроме турок при Мачине.

В Русско-шведской войне, разразившейся в 1788 г., известно участие двух донских полков – Леонова и Поздеева. В Русско-польской войне 1792–1796 гг. в составе русских войск под начальством А. В. Суворова были задействованы 18 донских казачьих полков – Бокова, А. Денисова, В. Денисова, Б. Грекова, Кульбакова, Мешкова, Пантелеева, Ребрикова, Родионова, Сарынова, Яновского и др. общей численностью личного состава до 10 тыс. казаков, в том числе свыше 400 калмыков. Казачий отряд в количестве 5 полков под командованием генерала Федора Петровича Денисова, в состав которых входили и калмыки, отличился в боевых действиях против поляков, особенно в 1794–1795 гг. На завершающем этапе войны поляки сдались без боя, и польский король Станислав Понятовский отрекся от престола. В одном из последних боевых сражений в 1796 г. донским казакам отряда А. К. Денисова 6-го, состоявшего из 6 полков, удалось пленить предводителя польских повстанцев Тадеуша Костюшко. Таким образом, по повелению государственной власти донские казаки вместе с калмыками, по имеющимся сведениям в документах Государственного архива Ростовской области [90], с 1722 по 1798 год участвовали в 108 походах.

Следует заметить, что к концу XVIII века в некоторых регионах возникла проблема с комплектованием полков иррегулярных войск казаками. Дело оказалось в том, что, по докладу Саратовского коменданта полковника Камбрита, казаки, уходя в отставку, переходили в мещанство со всем семейством. Камбрит, обращаясь в Правитель-

ствующий сенат, просил отставных казаков не переводить в мещанство, а оставлять их в звании отставных казаков, с тем чтобы их детьми можно было пополнять казачьи полки. Правительствующий сенат под председательством генерал-прокурора П. В. Лопухина, рассмотрев 2 и 6 сентября 1798 г. предложение Саратовского коменданта, объявил высочайший указ императора, предписавший гражданским губернаторам тех мест, где проживают казаки, чтобы после положенного срока службы отставных казаков не определять в мещанство. Причина заключалась в том, что казачьи полки не комплектовались рекрутами, а пополнялись из казаков «сами собою» [91].

У донских калмыков в первой половине XVIII в. начала складываться традиционная система местного административного управления. Калмыцкое кочевье делилось на улусы, приравненные к станицам, во главе с владельцем (князем) в статусе станичного атамана, аймачное (сотенное) во главе с сотником. До этого времени управляли аймаками зайсанги (владельцы), являясь исполнителями распоряжений войсковой администрации Войска Донского. По документальным источникам видно, что уже в конце XVIII в. аймаками (сотнями) в улусах управляли выбранные аймачным обществом сотники. В 1798 г. в Среднем улусе 1-й сотней руководил Цебден Санжаршинов, 2-й – Джалчин-Менкя Татжинов, 3-й – Габун-Гецул Будуджапов, 4-й – Габун-Шарап Ганчинов; в Верхнем улусе 1-й сотней руководил Цеден Аршинов, 2-й – Арши Цебеков, 3-й – Бчининов, 4-й – Юндон Джалов, 5-й – Геликов, 6-й – Джемсан Бчеринов; в Нижнем улусе 1-й сотней руководил Санчи Чулчинов, 2-й – Сонки Телтеев, 3-й – Басан Сакчилов, 4-й – Содном Данжинов; Верхней Таранниковской сотней – Менгелтя Уртаев, Нижней Таранниковской сотней – Сарпа Ишинов.

Общее управление донскими улусами калмыков до конца XVIII в. осуществлял атаман Войска Донского через свою канцелярию. Лишь по именному указу Павла I от 16 февраля 1799 г., данному генерал-лейтенанту Д. И. Иловайскому 1-му, управление улусами стало возлагаться на коллегиальный орган – Правление (учреждено по указу Сената от 16 февраля 1799 г. в составе генерал-майора, штаб-офицера и владельцев улусов), подчиненное Донской войсковой канцелярии.

Этим же указом Правлению поручалось: «1) Сделать поголовную перепись, в которой означить по кибиткам или по селениям всех калмык с помечением их лет; 2) Всех, кои найдутся в таких летах, что служить могут, разделить на части по образу Донскому, оставляя подростков на перемену престарелых и выслуживших положенное время; 3) К сим частям определить начальников из калмыков же, стараться приучать их к службе и к повиновению; 4) Наблюдать между ними порядок, благоустройство, разбирать и решать все между ими споры, жалобы и иски; 5) Правление оное подчинено быть должно Войска Донского канцелярии; 6) Два чиновника от Войска Донского, в помянутое правление определяемые, должны будут наблюдать за поведением владельца и калмыков». С этого времени калмыки, оставшиеся в пределах земли Войска Донского, были окончательно причислены к донскому казачьему войску в статусе военно-служилого сословия. Однако, несмотря на трансформацию социального положения, калмыки сохраняли свои этнографические особенности.

Неожиданным препятствием к оседанию калмыков (большедербетовцев) на Дону оказалась попытка провести учетную перепись. Калмыки не называли возраст, дату рождения, не всех членов семьи включали в переписной лист, а казаки-переписчики искажали фамилии, имена калмыков. Больше всего, по всей вероятности, дербеты негативно восприняли известие о причислении мужчин к военному сословию казачества и в связи с этим необходимостью несения военной службы наравне с казаками. Но все же правлению удалось провести перепись и разделить калмыцкое население на 5 групп. Одна группа осталась в личной собственности Е. Хапчукова (кибиток – 57, представителей духовенства – 13, служилых – 37, 19-летних – 2, от 18 лет и моложе – 66, неспособных к службе – 1, свыше 45 лет – 26 человек). А 4 группы, каждая из которых была причислена к одному хурулу, были объединены в «Правую руку» («Барун гар») и «Левую руку» («Зюн гар»).

В одной части «Правой руки» с хурулом Ламаин и с 6 сотнями имелось: кибиток – 955, служителей духовенства – 410, служилых казаков – 556, малолеток (19 и 20-летних) – 7, от 18 лет и моложе – 1108, неспособных к службе – 27, свыше 45 лет – 367; общее число

населения мужского пола – 2475 человек. Во второй части «Правой руки» с хурулом Эки (Ики) и с 7 сотнями имелось: кибиток – 1127, служителей духовенства – 478, служилых казаков – 604, малолеток – 9, от 18 лет и моложе – 1447, неспособных к службе – 39, свыше 45 лет – 431; общее население мужского пола – 3008 человек. Таким образом, в «Правой руке» числилось 13 сотен, 2082 кибитки с населением 5483 душ мужского пола (служилых казаков – 1160, малолеток – 16, от 18 лет и моложе – 2555, неспособных к службе – 66, свыше 45 лет, т. е. отставных – 798), служителей духовенства – 888 человек.

В одну часть «Левой руки» с хурулом Дунду и 3 сотнями входили: кибиток – 842, служителей духовенства – 341, служилых казаков – 380, малолеток – 11, от 18 лет и моложе – 855, неспособных к службе – 24, свыше 45 лет – 280, население мужского пола – 1891 человек. В другой части «Левой руки» с хурулом Бага и 4 сотнями насчитывалось: кибиток – 743, служителей духовенства – 374, служилых казаков – 439, малолеток – 14, от 18 лет и моложе – 904, неспособных к службе – 23, свыше 45 лет – 252, население мужского пола – 2006 человек. Таким образом, в «Левую руку» входили 7 сотен, 1585 кибиток с населением 3897 душ мужского пола (служилых казаков – 819, малолеток – 25, от 18 лет и моложе – 1763, отставных казаков – 532), служителей духовенства – 715 человек. Всего под управлением Хапчукова до разделения числились: 20 сотен, 4 хурула с духовенством – 1616 человек, кибиток – 3724 с населением мужского пола – 9525 человек (служилых казаков – 2016, малолеток – 43, от 18 лет и моложе – 4380, неспособных к службе – 114, отставных, т. е. свыше 45 лет – 1356 человек [92].

Однако в мае 1800 г. первая партия, одна из 5 частей – большедербетовцы в количестве 97 кибиток во главе с владельцем Екремом Хапчуковым и ламой Савин-Бакшой, сетуя на грубое обращение донских властей и произвол назначенных 4 приставов над калмыками, покинули пределы Дона и перекочевали к Волге. Тем не менее, на Дону оставалось еще значительное количество калмыцкого населения – около 19 тыс. человек. В статистическом сборнике Войска Донского (вып. 11. Новочеркасск, 1912) отмечалось: «Орда была большая: при одном владельце, четырех хурулах [в них духовенства –

1616 человек], 20 сотнях, она состояла из 3764 кибиток и заключала в себе до 9525 душ мужского пола», из них годные к службе – 2016 человек, отставные – 1356, малолеток от 17 до 19 лет – 4423, негодные к службе – 114 человек, 47 зайсангов». Вскоре откочевали на Волгу еще 1657 дербетовских кибиток.

После этого последовали два указа императора Павла I от 13 и 19 июня 1800 г., где по второму указу поручалось астраханскому губернатору генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу: «Если калмыки не согласятся возвратиться на прежнее свое кочевье, то оставить их в малом Дербете, ибо для государства никакой разницы не делает, кочуют ли они в малом, или на большом дербете, лишь бы не выходили из наших границ». Затем в Малые Дербеты прибыл бригад-майор подполковник Сухорнинов для оглашения открытого листа, подписанного Павлом I 22 июня 1800 г. В нем говорилось: «Дошли до сведения Моего, что Калмыцкая орда Большого Дербета, имевшая свое кочевье на землях Войска Донского удалилась оттуда к Малому Дербету, находя себе в оном выгоды, то, не видя в сем поступке ничего противного подданству их престолу Моему, не сомневаюсь в верности их, тем более, что самопроизвольно вошли в Мое подданство, во всех случаях покровительствовать их буду и позволяю остаться кочевать в Малом Дербете или в другом каком месте, где заблагорассудите себе выгоднее, не выходя однако из границ Империи нашей, для чего посылаю Моего бригад-майора подполковника Сухорнинова, в оную Калмыцкую орду, дабы вручить им сей Мой лист, означающий волю Мою, за собственноручным Моим подписанием». Но для Войска Донского разница оказалась заметной. В результате ухода калмыков, как писал В. Б. Броневский, «Донское войско лишилось 9457 добрых конников (имелось в виду мужское население. – К. М.), храбростью отличных, к службе всегда готовых и ревностных, как необходимых для хозяев пастухов и коновалов войску весьма полезных» [93].

Что касается общей численности калмыков на Дону до откочевки дербетов, по моим подсчетам, там проживало около 20 тыс. человек, из них учтенных по V ревизии населения России, проведенной в 1794–1795 годах, числилось 13622 человека (15,4 % всей численности калмыков страны), в том числе: мужчин – 6772, женщин – 6850. По

данным ведомости 1798 г., подписанной генерал-майором Д. Е. Грековым 1-м, числилось 2262 служилых калмыка-казака, из них проходили службу 402, в том числе в 22 донских полках – 215 человек, а также в полках на Кубани – 39, в Польше – 74, в Атаманском полку – 30, в общественных табунах уже служили табунщиками 44 человека. В числе служилых казаков значились: отставные – 41, подлежащие отставке по выслуге лет – 483, атаманов – 3, сотников (поручиков по указу от 22 сентября 1798 г.) – 12, пятидесятников – 6, есаулов (ротмистров) – 2, гелюнгов – 281, гецулей – 16, малолеток – 172 (17 лет – 54, 18 лет – 52, 19 лет – 66), всего военного звания – 1793 человека. В это время население земли Войска Донского по ревизии составляло 359252 человека (в том числе калмыков – 3,8 %). Служилых казаков вместе с малороссиянами, поступившими в казаки, числилось 30476 человек (калмыков – 7,42 %), малолеток – 1 144 (калмыков – 15 %).

По данным В. Б. Броневского, на начало XIX века (точнее в 1802 г.) калмыков на Дону числилось 16415 человек обоего пола, в том числе военного сословия, т. е. служилых, отставных и малолеток – 6050 калмыков-казаков. Калмыки, как и все донское казачество, были разделены на 4 разряда: 1) малолетки – до 19-летнего возраста; 2) несовершеннолетние – достигшие 19 лет, которые вносились в списки и 2 года оставались дома и при достижении 21 года вносились в разряд служилых; 3) служилые до 60 лет; 4) отставные, т. е. получившие отставку, инвалиды, больные [94].

После Пугачевского бунта в 1775 г. Екатерина II учредила на Дону гражданское правительство – Войсковую канцелярию с судебными и хозяйственными функциями, подчиненную Главнокомандующему Донским войском князю Г. А. Потемкину. Образованному Войсковому гражданскому правительству во главе с Г. А. Потемкиным, начальником иррегулярных войск, в качестве помощников императрица назначила двух старшин неперенных, 4 неперенных члена, а также и 2 комиссара, избираемых сроком на 1 год. Атаманом в канцелярию были назначены 2 есаула, 1 войсковой дьяк, 2 дьяка, 6 писарей, полковой есаул и 24 казака в караульную службу. Войсковой атаман Алексей Иванович Иловайский, являвшийся одновременно председателем Войсковой канцелярии, занимался только военными

делами и подчинялся Главнокомандующему, а в вопросах военной сферы – Военной коллегии. С учреждением Войсковой канцелярии утратил свое бывшее значение Войсковой круг – коллегиальный орган наподобие веча. С этого времени Войсковой круг стал собираться только по случаю торжеств и церковных праздников.

Нововведения коснулись и вопросов производства к военным чинам. Командирам полков (полковникам) присваивался штаб-офицерский чин, но ниже секунд-майора, но выше капитана. При производстве их к званию полковника выдавался Военной коллегией патент. Есаулы и сотники приравнивались к обер-офицерам. Войсковому атаману разрешили иметь при себе для внутренней службы один казачий полк, получивший официальное название – Атаманский, который был учрежден еще в феврале 1775 г. Численность его личного состава вдвое превышала обыкновенного строевого казачьего полка. Полк, постоянно находясь при атамане, постепенно приобретает статус его личной «гвардии».

Павел I, вступив на престол, высочайшим рескриптом от 6 июля 1797 г. поручил войсковому атаману Василию Петровичу Орлову ликвидировать Войсковое гражданское правительство и восстановить в Войске Донском прежний образ правления – Войсковую канцелярию, реформированную князем Г. А. Потемкиным. В том же году император повелел создать в войске Дона для постоянной службы две конные артиллерийские роты, которые были сформированы уже в следующем году. Роты комплектовались по типу армейских конноартиллерийских рот по 12 орудий на каждую: шесть 6-фунтовых пушек и шесть 10-фунтовых единорогов с прицельной дальностью стрельбы 800–900 метров.

В 1798 г. Павел I указом от 22 сентября все казачьи офицерские чины Войска Донского окончательно приравнивал к общеармейским чинам – казачий полковник был приравнен к армейскому полковнику, войсковой старшина стал называться майором и мог быть произведен в подполковники, есаул сравнивался с ротмистром, сотник – с поручиком, хорунжий – с корнетом. Все казачьи офицеры и чиновники присутственных мест в соответствии с «Табелью о рангах» получили возможность приобретать статус потомственных дворян. Калмыки-

казаки, удостоенные офицерских чинов, получили возможность пользоваться этим правом лишь с 40-х годов XIX в.

В 1801 г. всех военнослужащих казаков, в том числе и служилых калмыков, одели в новую однообразную форму одежды, приобретаемой за свой счет. Вместо различных зипунов и азиатских платьев были введены куртки и чекмени, шаровары с алыми лампасами. Калмык-казак, присягнувший на верность службы, должен был носить военный мундир обыкновенного казачьего покроя, надлежащее вооружение (два пистолета, саблю, пику) и иметь строевую лошадь. Все это приобреталось также за свой счет.

До этого времени, как свидетельствуют историки В. В. Богачев и И. И. Попов, донской калмыцкий мужчина летом носил рубашку (киилг) и шаровары (шалвр), пошитые из синей прочной ткани (дабы). Опоясывались поясом (бюсэ) с серебряным или металлическим набором. Поверх рубашки надевался также весь простроченный бюшмуд (бешмет). Головным убором являлась казачья фуражка с красным околышем, или национальная шапка, похожая на польскую конфедератку, с четырехугольным верхом из желтого сукна (хаджилга) и красным помпоном (зала). Поверх надевали халат с отложным красным воротником. На ногах носили особые, очень удобные для верховой езды, но малопригодные для ходьбы сапоги с внутренними и наружными каблуками. Могли носить такую оригинальную одежду, как пошитую из жеребьячьих кож шерстью наружу доху (ергак). Зимой носили шубу (дэвл), теплую шапку, пошитую из желтого сукна, с отворачивающимися на лоб и уши краями.

Калмычки-казачки носили национальную одежду. Нижнюю одежду (платье) составляла короткая, немного ниже колен спускающаяся рубашка (киилг-терлиг) и шаровары (шалвр). Поверх этого молодые женщины надевали длинную до щиколоток безрукавку (цегдг) и платье (берзе) с длинными рукавами из шелковой ткани, женщины постарше носили еще особые халаты (культ или хутцн). Они причесывали волосы на прямой пробор и заплетали наперед две косы, которые вкладывали в накосники (шиверлики). А девушки заплетали сзади одну косу, причем височные пряди лежали незаплетенными по обеим сторонам головы. Головным убором служили шапки напо-

добие мужских (бюшлэчи и хаджилга) или специальные, сшитые из парчи (алтн халвн). Зимняя одежда – шуба (дэвл), чулки, сапоги.

Донские служилые калмыки, как и местные казаки, стали носить форму, введенную в 1801 г. (с полковыми различиями). Шапка меховая из черной смушки с красным суконным шлыком, свисавшим направо, с кожаным подбородным ремнем, застегивавшимся справа на луженую пуговицу. В парадной форме к шапке полагались белый султан (носили слева) и этишкет, как на кивере у пехоты. Вне строя казаки носили фуражку с высокой мягкой тульей из синего сукна (околыш красный, козырек из черной кожи с черным подбородным ремнем, который застегивался на обтяжную или металлическую пуговицу на левой стороне). Полукафтан из темно-синего сукна, застегивался на груди на крючки, носился с 1 сентября по 1 мая. Воротник, погоны и прямые обшлага были темно-синие с красной выпушкой. Кафтан (чекмень) имел длинные полы, покроем верхней части как у полукафтана. Часто кафтан был без погон, для утепления пристегивали подкладку или подбивали мехом. В начале 1812 г. вместо высоких и скошенных воротников ввели низкие и прямые. Шаровары из темно-синего сукна, широкие, на выпуск, с однорядным красным лампасом. Кушак красный шерстяной. Сапоги короткие без шпор. Следует отметить, что в этот период гражданская мужская одежда донских калмыков уже не отличалась ничем от одежды казаков.

Калмыки на Дону до середины XIX в., сохранив свой традиционный уклад жизни, в основном жили в войлочных кибитках (гэр). Кибитка имела форму перевернутой воронки и состояла из нескольких частей решетчатого остова (от 6 до 8 решеток), на которые укладывались стропила из легких жердей, составляющие крышу, причем тонкие концы сходились в круг, образуя дымовое отверстие. Покрова изготавливались из войлока (кошма), двери были деревянные или закрывались кошмой с высоким порогом. Кибитка при кочевом образе жизни была очень удобна для разборки и транспортировки.

Вооружение донского казака состояло: из пика с красным древком без флюгера с темляком в виде ремня из красной юфти с кистью на конце; сабли произвольной формы с темляком из красной юфти с красной кожаной кисточкой на конце; пистолета в кобуре на поясной

портупее или ружья разных образцов. Некоторые казаки, в основном калмыки, не располагали пистолетами, имели только сабли и пики. Снаряжение из черной кожи (на перевязи лядунки – вензель императора Александра I в венке и цепочка). На практике казаки использовали снаряжение восточного образца с перевязями и портупеями из ремней, тесмонок и шнуров.

Форма одежды конных артиллеристов почти не отличалась от формы одежды строевого казака. Они носили синего цвета куртки с выпушкой на воротнике и шаровары с выкладкой из красного сукна, заправленные в сапоги, шапку, пошитую из черных смушек, высотой в 5 вершков, с красным верхом. Артиллеристы были вооружены саблями и пистолетами.

Конское снаряжение казачьего образца: чепрак и подушка были темно-синие с красной обкладкой по краю. У урядников и офицеров форма несколько отличалась. Урядники носили обмундирование, как у казаков, но на воротнике и в обшлагах серебряные галуны, султан с черным верхом, сапоги со шпорами. Вооружение – сабля и пара пистолетов. У офицеров было аналогичное обмундирование, но на воротнике и обшлагах кафтанов и полукафтанов полагалось иметь по одной с каждой стороны вышитой серебряной петлице с украшением в виде листьев и цветов, на плечах серебряные шнуры, свитые вдвое, наподобие жгута. Султан волосяной белый с примесью черного и оранжевого цвета у основания. Этишкет серебряный. Сапоги со шпорами. Лядуночная перевязь украшалась серебряными бляхами и цепочками. Темляк представлял черную тесьму с серебряной прострочкой по краям, с плоской серебряной кистью. Вооружение – сабля и пара пистолетов.

Генеральское обмундирование и вооружение представляло, как и у казачьих офицеров, но на воротнике, обшлагах и карманных клапанах кафтана полагалось иметь серебряное шитье в виде дубовых листьев, как у армейских генералов. К парадной форме добавлялся особог вида султан из пучка прямых белых страусиных перьев, с примесью у основания черных и оранжевых петушиных перьев, вставленный в металлическую трубку (челенгу), украшенную накладным черным двуглавым орлом и серебряным орлиным крылом [95].

Примечания:

1. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М., 1983. С. 82, 83; *Трепавлов В. В.* История Ногайской орды. М., 2001. С. 412, 413; Сибирские летописи, изданные Императорской археографической комиссией. СПб., 1907. С. 60, 111, 242.
2. *Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание кочевых донских калмыков. Новочеркасск, 1874. С. 10–11; *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992. С. 32.
3. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Изд. 2-е. Элиста, 1991. С. 31.
4. *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 218–219; *Митиров А. Г.* Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 61; *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 143.
5. *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга VI. История России с древнейших времен. Том 11/12. М., 1991. Т. 12. С. 559.
6. *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М., 2007. С. 338.
7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 5-е. В 3-х книгах. Кн. 3 (тома IX, X, XI и XII). СПб., 1845. Т. IX. Гл. VI. С. 241, 242; *Попов А. Г.* История о Донском войске. 1812 год. Часть 1. Новочеркасск, 1814. С. 164–165.
8. Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636. Сборник документов. М., 1959. С. 34.
9. Там же. С. 36.
10. Там же. С. 55, 70–73.
11. Там же. С. 148, 155–158, 173, 174.
12. Донские дела. Кн. 2. СПб., 1906. С. 509; *Кеппен П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России. СПб., 1861. С. 277.
13. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. 1613–1645. СПб., 1841. С. 476 – 477.
14. *Венков А. В.* Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М., 2009. С. 175; *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Издание Донской исторической комиссии. Новочеркасск, 1924. С. 33.
15. Донские дела. Кн. 2. СПб., 1906. С. 786, 880; *Батмаев М. М.* Калмыки в XVI–XVII веках. Элиста, 1993. С. 95; Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л.13 об.
16. Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. С. 800, 830, 840; Кн. 4. СПб., 1913. С. 4, 279; Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 196, 198.
17. Донские дела. Кн. 4. СПб., 1913. С. 439, 454 – 455; *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. С. 10; *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 341; *Венков А. В.* Указ. соч. С. 193; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д.1740. Л. 15.
18. Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. 1. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 112; Донские дела. Кн. 4. СПб.. 1913. С. 902, 903, 919, 920–921, 925, 928, 929.
19. Донские дела. Кн. 5. Петроград, 1917. С. 54–55.

20. *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX в.). Элиста, 1965. С. 18; *Донские дела.* Кн. 5. Петроград, 1917. С. 14, 131–132, 556, 674, 689, 715.
21. *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992. С. 43.
22. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 76; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 17–17 об.
23. *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VI, т. 11/12. С. 86–90, 555–558; *Кичиков М. Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С. 19; *Никитин В. Ф.* Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 222; *Донские дела.* Кн. 5. Петроград, 1917. С. 846–847, 863; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 129.
24. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. СПб., 1830. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. 1: с 1649 по 1675 г. С. 531–532, № 300. (Далее – ПСЗ Российской империи); *Донские дел.* Кн. 5. Петроград, 1917. С. 923–924.
25. *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 21, 22; *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 345; Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. 1. С. 135.
26. *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 27.
27. *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VI, т. 11/12. С. 177.
28. Там же.
29. *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 31.
30. *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 355; Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. 1. С. 137.
31. *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 361, 362; *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 72; *Броневский В. Б.* История Войска Донского, описание Донской земли, Кавказских Минеральных вод. Ч. 1. СПб., 1834. С. 181, 188, 189; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 79, 91;
32. *Чонов Е. Ч.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 г. Очерк, статьи, биография. Элиста, 2006. С. 17; *Митиров А. Г.* Указ. соч. С. 100; *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 41–45; *Броневский В. Б.* Указ. соч. Ч. I. С. 194.
33. См.: *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. С. 12; *Митиров А. Г.* Указ. соч. С. 96–97; *Шовунов К. П.* Указ. соч. С. 36; *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. С. 83; *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. Элиста, 1993. С. 102; *Попов И. И.* Донские калмыки. Новочеркасск, 1919. С. 14 и др.
34. *Пронштейн А. П.* Земля донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 72.
35. ПСЗ Российской империи. Т. 2, № 672. С. 84.
36. Там же. № 990. С. 497.
37. *Цюрюмов А. В.* Указ. соч. С. 116; *Иеромонах Гурий.* Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда. Отдельные оттиски из журн. «Мисс. обозр.» № 1–4. С. 1; *Архимандрит Гурий.* Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Том 1. Калмыки. Казань, 1915. С. 606; *Сватиков С. Г.* Указ. соч. С. 23; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 29 об.

38. Митиров А. Г. Истоки. Элиста, 2002. С. 11; Батмаев М. М. Указ. соч. С. 105.
39. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 269; Броневский В. Б. Указ. соч. Ч. I. С. 206, 207; Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. С. 275–277; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 30, 33 –33 об.
40. Шкваров А. Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям» казачьим СПб., 2012. С. 66.
41. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества / Пер. с нем. – СПб., 1771. С. 260; Землеописание Российской империи для всех состояний. Санкт-Петербургского педагогического института ординарного профессора Евдокима Зябловского. Часть VI. СПб., 1810. С. 428.
42. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 148–150; Шкваров А. Г. Указ. соч. С. 255.
43. Венков А. В. Указ. соч. С. 240; Попов А. Г. Указ. соч. С. 155 – 157.
44. Беликов Т. И. Указ. соч. С. 48; Пашков Б. Г. Русь – Россия – Российская империя: Хроника правлений и событий, 862 – 1917 гг. 2-е изд. М., 1997. С. 356–357; Венков А. В. Указ. соч. С. 253, 273, 290.
45. Ригельман А. И. Указ. соч. С. 77–78; Попов А. Г. Указ. соч. С. 155–157; Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13/14. С. 521; Архимандрит Гурий. Очерки по истории распространения христианства ... С. 617.
46. Маслаковец Н. А. Указ. соч. С. 13–14; Броневский В. Б. Указ. соч. Ч. III. С. 68–69.
47. Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 23; Дарбакова В. П. К вопросу об этногенетической структуре донских калмыков / Труды молодых ученых Калмыкии. Выпуск III. Элиста, 1973. С. 68–75; Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007. С. 228, 229.
48. Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа... С. 150–151, 221, 226–227; Богачев В. В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 301; Попов И. И. Донские калмыки. Новочеркасск, 1919. С. 21–22.
49. Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа ... С. 216.
50. Гучинов М. И. Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века /Вестник института. № 3. Элиста, 1968. С. 71,73; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 97–98.
51. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 186, 187. Чононов Е. Ч. Указ. соч. С. 17, 18; Венков А. В. Указ. соч. С. 308.
52. История русской армии. Т. 1. СПб., 2003. С. 223.
53. Пашков Б. Г. Указ. соч. С. 359, 360; Ригельман А. И. Указ. соч. С. 102–103; Полковник Тельпуховский Б. С. Северная война. 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 34; Шкваров А. Г. Указ. соч. С. 265.
54. Соловьев С. М. Сочинения. Книга VII. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М., 1991. Т. 14. С. 618; Шовунов К. П. Указ. соч. С. 218.
55. Соловьев С. М. Сочинения. Книга VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М., 1993. Т. 15. С. 8, 9, 10; Беликов Т. И. Указ. соч. С. 55; Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 271.

56. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 194–195, 209, 210, 237; *Бурлака В. О.* Азов – город с тысячелетней историей. Вып. 10. Азов, 2005. С. 172, 179; *Бюлер Ф. А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. Статья 1 / Отечественные записки. Т. XLIX. Науки и искусства. СПб., 1846. С. 36.
57. История СССР / Под. ред. Б. Д. Грекова и др. 2-е изд. М., 1947. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. С. 570.
58. *Пашков Б. Г.* Указ. соч. С. 362; *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 57–58; *Попов А. Г.* Указ. соч. С. 262.
59. *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга VIII. Т. 15. С. 168, 169, 187.
60. Там же. С. 167; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 263; Т. 3. Новочеркасск, 1894. С. 306; *Перепечаяева Л. Б.* Азов – пограничная крепость России. Конец XVII – нач. XIX в. Вып. 11. Азов, 2006. С. 164.
61. *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга VIII. Т. 15. С. 199; Полковник Тельпуховский Б. С. Указ. соч. С. 66.
62. *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 59.
63. *Тельпуховский Б. С.* Указ. соч. С. 117; *Шкваров А. Г.* Указ. соч. С. 293.
64. *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга VIII. Т. 15. С. 200; *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 109; *Кафенгауз Б. Б.* Северная война и Ништадтский мир (1700–1721). М.–Л., 1944. С. 33–34, 38.
65. *Шкваров А. Г.* Указ. соч. С. 301.
66. *Тельпуховский Б. С.* Указ. соч. С. 129–130; *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 41; *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 60 – 63.
67. ПСЗ Российской империи. Т. 4. № 2291. С. 548.
68. *Беликов Т. И.* Указ. соч. С. 67 – 68.
69. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 274, 276, 279–280.
70. *Пашков Б. Г.* Указ. соч. С. 379.
71. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 284; *Богачев В. В.* Указ. соч. С. 279.
72. *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007. С. 148, 149; Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 3. Новочеркасск, 1902. С. 6; *Никитин В. Ф.* Указ. соч. С. 282; Государственный архив Ростовской области (Далее – ГА РО). Ф. 341. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.
73. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 317, 320; Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. С. 1, 5, 6–8, 11, 31, 32, 60; Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 11. Часть 3. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. Гл. ред. генерал-лейтенант Д. А. Скалон. Составители: А. И. Никольский и Н. А. Чернощев. СПб., 1907. С. 75.
74. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 312; ПСЗ Российской империи. Т. V. № 3001. С. 202; *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга IX. История России с древнейших времен. Тома 17–18. М., 1993. Том 18. С. 355; *Кеппен П.* Указ. соч. С. 286; *Казин В. Х.* Казачьи войска (хроника гвардейских казачьих частей). СПб., 1912. С. 53.
75. *Броневский В. Б.* Указ. соч. Ч. III. С. 79; Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1. Л. 14.

Глава I. Взаимовыгодное сотрудничество и военная интеграция калмыков...

76. ГА РО. Ф. 338. Оп. 1 Д. 134. Л. 9 – 9 об.; РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1. Л. 77, 128; *Матишов Г. Г.* Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории. Ростов на/Д, 2013. С. 62.
77. *Броневский В. Б.* Указ. Соч. Ч. II. С. 6, 12, 14, 19, 25; ГА РО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 812. Л. 1–2 об.; Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 3. С. 12–13, 14, 16; Военно-исторический журнал. № 2 (610). 2011. С.63–64.
78. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 2. Ч. 1. С. 89, 163, 228–229, 235, 312, 313; Ч. 2. С. 371, 374; Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864. С. 193.
79. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 3. С. 21.
80. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 2. Ч. 1. С. 249, 273, 274, 292, 304, 321; Т. 2. Ч. 2. С. 369–371, 379, 409, 411, 447, 481, 557, 567, 694, 747, 749; ГА РО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 493. Л. 1; Д. 518. Л. 1 – 1 об.
81. *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. С. 14, 154; *Броневский В. Б.* Указ. соч. Ч. III. С. 80; ГА РО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 836. Л. 1 об.; РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1. Л. 49 об.; Ф. 796. Оп. 24. Д. 349 и 360; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 45.
82. *Краснов П. Н.* Указ. соч. С. 159, 160; *Ригельман А. И.* Указ. соч. С.119.
83. *Казин В. Х.* Указ. соч. С. 103.
84. *Пашков Б. Г.* Указ. соч. С. 433–434; *Ригельман А. И.* Указ. соч. С. 118; ГА РО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 583. Л. 1 – 1 об.
85. Русский архив. 1915. М., 1915. С. 169, 170, 172, 175 – 176, 182.
86. *Броневский В. Б.* Указ. соч. Ч. II. С. 78; Русский архив. М., 1915. С.169, 170, 172, 175–176, 182; *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. С 1816 по 1826 год. СПб., 1829. С. 159.
87. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 11. Новочеркасск, 1912. С. 29; *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С.225; ГА РО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 633. Л.3; Д. 699. Л. 40.
88. *Дебу И.* Указ. соч. С. 63–64; ГА РО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 273. Л. 1; Д. 667. Л. 36; Д. 153. Л.6 об.
89. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1. Л. 159–160; Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1303. Л. 7; Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 76.
90. ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 207.
91. РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1303. Л. 6.
92. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1 Д. 1740 Л. 49–49 об., 50–50 об., 51–51 об.; ПСЗ Российской империи. Т. XXV. № 18860. С. 568.
93. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 53 об. – 54.
94. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1. Л. 133–134; Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 11. С. 44–45; *Броневский В. Б.* Указ. соч. Ч. III. С. 13, 68–69, 79, 80, 81, 83; *Кабузан В. М.* Указ. соч. С. 76, 181, 225; Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. 331. Оп. 1. Д. 192. Л. 60 – 69.
95. *Жилов М. С.* Материалы для истории артиллерии Войска Донского. Новочеркасск, 1914. С. 257–258.

Глава II.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ И КАЛМЫКИ В ВОЙНАХ РОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

2.1. Административные реформы на Дону и организация системы управления калмыцким населением

В условиях сложной международной обстановки, связанной с притязаниями Наполеона на мировое господство, Россия вынуждена была присоединиться в конце XVIII века к антифранцузской коалиции. Павел I начал свое правление с нейтралитета в отношении Франции, но который оказался недолгим. В 1798 г. император России активно поддержал европейскую коалицию против Франции, и к западной границе направил значительные военные силы, в том числе 22 донских казачьих полка численностью 22934 человека (в их числе свыше 500 калмыков), под командованием атамана Войска Донского генерала В. П. Орлова. Из них 10 полков были переданы в состав корпусов А. Г. Розенберга (вскоре вместо него был назначен А. В. Суворов) и А. М. Римского-Корсакова, ускоренным маршем двигавшихся на европейский театр военных действий. Казачьи полки Денисова 5-го, И. К. Краснова, Молчанова, И. И. Грекова 8-го, Семерникова, З. Е. Сычева 2-го, О. Поздеева 1-го и М. О. Поздеева 2-го, С. Туроверова, Курнакова (их личный состав 18 штаб-офицеров, 112 обер-офицеров и 4032 казака, в том числе около 150 калмыков) под начальством А. К. Денисова 6-го в группе союзной русско-австрийской армии под командой А. В. Суворова отличились в Северной Италии, особенно в сражениях в апреле-мае 1799 г. на берегах рек Адда, Тидоне, Треббия, а полки Грекова, Поздеева 1-го, Молчанова, Семерникова – у городов Бергамо, Милан, Турин, Александрия, Маренго и Нови. Затем пешим 500 донским казакам и отряду егерей под руководством П. И. Багратиона в авангарде пришлось непосредственно участвовать в знаменитом альпийском переходе А. В. Суворова через Сен-Готардский перевал. Впоследствии генерал А. К. Денисов вспоминал, что донским полкам пришлось участвовать «во всем трудном движении войск А. В. Суворова через горы, Сен-Готард, к Альторфу».

Донские казаки, по его воспоминаниям, «бились в жестоких боях с неприятелем в долине Муттень, у Швандена, Глариса, участвовали в бедственном переходе через гору Ринген-Копф, в спуске к Планцу и движении к Фельдкирху». По поводу этих побед А. В. Суворов писал Павлу I: «Войсковой атаман Денисов, також армии полковник Греков заслуживают с прочими донскими полковниками вашего ... высоко-монаршего внимания» [1].

Основные силы указанных донских полков численностью свыше 4 тыс. казаков во главе с походным атаманом А. К. Денисовым оставались у подножья, прикрывая тыл армии, но затем их оперативно перебросили в авангард наступающего войска А. В. Суворова. В результате этого сражения не только были разгромлены французы, но и спасен русский армейский корпус А. М. Римского-Корсакова, в составе которого находились 3 донских казачьих полка (Ф. Н. Астахова 4-го, Кумшатского и Курнакова) численностью до 1 тыс. человек, в том числе до 40 калмыков. Прибывших из этого похода на Дон казаков на целый год освободили от военной службы.

На 1 января 1801 г. на Дону по списку числилось 40 023 служилых казака, в том числе 1793 калмыка. Из числа служилых казаков 15 813 человек уже находились на внешней и внутренней службе, в том числе 1036 калмыков. В это время после длительных походов временно свободных от службы числилось 24 210 казаков, в том числе 757 калмыков.

Павел I, прервав дипломатические отношения с Великобританией и поддерживая идею сближения с Францией, решился на фантастический поход. 12 января 1801 г. он писал атаману Донского Войска Василию Петровичу Орлову: «Англичане приготовляются сделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих – шведов и датчан; я готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар и может быть чувствительнее и где меньше ожидают. От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да вас туда [от Дона до Оренбурга] месяц, итого четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему ... Соберите войско к задним станицам, и тогда, уведомив меня, ожидайте повеления идти к Оренбургу, куда пришед, опять ожидайте, другого – идти далее». Есмь ваш благосклонный Павел.

Вместе с донскими казаками в поход должны были выступить осевшие на Дону калмыки «самоисправными лошадьми и оружием, невзирая на очередь». Вскоре, в феврале 1801 г., по указу императора Павла I 41 полк и 2 роты артиллерии, в том числе калмыцкий полк Асанова (численностью 510 служилых донских калмыков), выступили в так называвшийся «восточный поход» (на Индию). В их состав входили 22,5 тыс. казаков «одвуконь», 510 офицеров, 501 артиллерист, собранных почти поголовно, с оружием и запасами провианта на полтора месяца. Оставшиеся свободные казаки (1 200 чел., в том числе 247 калмыков) были распределены и направлены на пополнение 45 полков, находившихся на внешней службе: на Кавказ, где дислоцировались 9 полков, на кордонные линии (3 полка) и в донские полки (33 полка), находившиеся в различных соединениях российской армии. Итак, к весне 1801 г., т. е. к возвращению более 22 тыс. казаков из прерванного похода, на внутренней, внешней и кордонной службе находились 17013 казака, в том числе 1283 калмыка.

Поход проходил в зимний (февраль – март) период почти месяц, под руководством донского атамана генерала В. П. Орлова. Казачий экспедиционный корпус, разделенный на 4 части во главе с генерал-майорами М. И. Платовым (13 полков), А. К. Денисовым 6-м (10 полков), Г. А. Боковым (10 полков) и И. Бузиным (8 полков), двигался в направлении Оренбурга ускоренным маршем – по 80 км в сутки. Артиллерией командовал полковник А. А. Карпов 2-й. С восшествием на престол Александра I поход был прерван, и в апреле того же года по указу императора казаки и калмыки возвратились на Дон. Донские полки в этом походе менее чем за месяц прошли 685 верст до реки Иргиза [2].

В 1800 г. весной возвратившиеся с Дона на Волгу, как указано выше, дербетовские калмыки численностью около 2 тыс. кибиток (9457 человек) по указу Павла I от 15 июня того же года были причислены к Малым Дербетам. К этому времени в Малых Дербетах числилось уже 3 302 кибитки (владелец Чучей Тундутов), в Больших Дербетах – 609 кибиток (владелец Габун-Шарап). Помимо того, в связи с наращиванием численности казачьих войск, к донским калмыкам стали присоединять в соответствии с прошениями их сороди-

чей, компактно проживавших в других регионах. Так, в 1802 г. чугуевские и доломановские калмыки, кочевавшие в Мариупольском уезде, обратились с просьбой в центральные органы власти и к войсковому атаману Дона о причислении их к Войску Донскому. Именным указом императора Александра I от 21 апреля 1803 г., данным Правительствующему сенату, прошение крещеных чугуевских, находившихся с 1669 г. в Чугуеве на поселении, а затем в Екатеринославском войске, и беляевских калмыков (406 ревизских душ мужского пола) было удовлетворено. С переводом их на земли Войска Донского они были причислены к донским казакам с обязанностью несения военной службы наравне с ними. Но они временно освобождались от взимания с них казенных податей [3].

Таким образом, в XVIII в. калмыки вместе с донскими казаками принимали активное участие в войнах России, защите её рубежей. К концу этого столетия на Дону сложилось стабильное калмыцкое население, инкорпорированное как равностатусное с казаками в состав Войска Донского, со своим административным устройством и управлением. В соответствии с новым положением существенно трансформировалась социальная структура донского калмыцкого населения – утвердилось военное сословие – служилые калмыки-казаки. Впоследствии калмыки, сражаясь в составе Лейб-гвардии Казачьего, Атаманского, донских строевых и ополченских полков, артиллерийских рот в грозные дни Отечественной войны 1812 г. и участвуя в заграничных походах, прославились вместе с казаками.

Реформы Александра I по укреплению высшего и центрального государственного аппарата на основе принципа единоначалия, тесно связавшие его с местными учреждениями, коснулись служб и войсковой канцелярии Войска Донского. Указом Александра I от 29 сентября 1802 г. административной реформе подверглась войсковая канцелярия. Она была поделена на три экспедиции: воинскую, возглавляемую непосредственно войсковым атаманом; гражданскую и экономическую, руководимые одним из непременных членов и одним ассессором. Председателем правления канцелярии являлся войсковой атаман. Руководили работой канцелярии два непременных члена, ко-

которые выбирались дворянством и утверждались императором, и четыре ассессора, избранные дворянским собранием сроком на три года и утвержденные Правительствующим сенатом. За точным исполнением законов по гражданским и экономическим делам наблюдал прокурор, назначаемый императором.

Воинская экспедиция, подчиненная Военной коллегии, контролировала соблюдение очередности отбывания строевой службы казаков, в том числе и калмыков-казаков. Она вела учет всех чинов служилых и отставных казаков, малолеток по Войску, а также составляла наряды и по ним вела очередные призывы их на военную службу. Она занималась также переводом из строевой службы на внутреннюю, а также решением вопросов по отставкам, составлением отчетов по Войску и представлением их в Военную коллегию, впоследствии – в Военное министерство.

Вся территория Войска Донского была поделена на 7 округов (Черкасский, Первый Донской, Второй Донской, Усть-Медведицкий, Хоперский – станица Алексеевская, Донецкий – станица Каменская, Миусский – станица Голодаевка) и Калмыцкое кочевье. Сыскное начальство, установленное как орган управления в середине 1770-х годов, было преобразовано в окружное управление, которое наделялось и правами первой инстанции уездного и земского судов с полномочиями следствия и правосудия, во главе с бывшим сыскным начальником.

Большие села, прежде называвшиеся городками, стали именоваться станицами, а деревни без церкви – хуторами. Помимо этого, были учреждены полиция во главе с полицмейстером, утверждаемым Сенатом по представлению атамана и Министерства внутренних дел, и должности войскового казначея, архитектора, землемера, комиссаров для заведования магазинами и почтой. Рядовые казаки на сходах избирали станичных атаманов и старшин на правах старост и сотских, решали мирские дела (раздел сенокосов, полей и проч.).

В результате реформы от 29 сентября существенные изменения произошли в военном устройстве Войска Донского. До 1802 г. пятисотенные казачьи полки имели следующий состав: командир пол-

ка – 1 (полковник или войсковой старшина), есаулы – 5, сотники – 5, хорунжие – 5, квартирмейстер – 1, писарь – 1, урядники – 11, казаки – 472 человека. К сентябрю 1802 г. в Войске Донском состояло способных к службе лиц: генералов – 15, штаб-офицеров – 177, обер-офицеров: есаулов, сотников, хорунжих и квартирмейстеров – 902; 40797 урядников и казаков, «полагая в то число и 1157 калмыков». Высочайшим указом Правительствующему сенату от 29 сентября 1802 г. устанавливалось иметь в Войске Донском тысячный Атаманский полк, Лейб-гвардии Казачий и строевых 60 комплектных полков. В последних по штатному расписанию предусматривалось: 60 полковников, есаулов – 300, сотников – 330, хорунжих – 300, квартирмейстеров – 60. Однако численность личного состава казачьего полка в августе 1803 г. была увеличена до 578 человек, а Лейб-гвардии Казачьего и Атаманского – до 1 тысячи. В штат донского казачьего полка входили: командир – 1, есаулы – 5, хорунжие – 5, сотники – 5, квартирмейстер – 1, писарь – 1; урядники: старшие – 5, младшие – 5; казаки – 550, а также 561 строевая и 561 выучная лошадь. В указе императора отмечалось: «Те из них, которые не на походной службе будут находиться, могут быть употреблены, как и отставные, нести могущих внутреннюю службу, в присутственные места и в другие должности» [4]. В личный состав конноартиллерийской роты входили 257 человек, в том числе штаб-офицер – 1, обер-офицеры – 6, старшие урядники – 14, младшие урядники – 12, казаки – 224 (в их числе до 10 калмыков-казаков).

По Высочайшему указу императора от 28 июля 1802 г. срок военной службы был установлен: для офицеров до 15 лет, рядовых казаков – до 25–30 (25 в полевой и 5 во внутренней) лет. Донские казачьи полки до 1820 г. оставались на службе в мирное время на западной границе 3 года, на Кавказе и во внутренних губерниях – 2 года, и после этих сроков сменялись другими. Сменившийся полк возвращался на Дон и расформировывался, а казаки распускались по домам и ждали новой мобилизации по очередным спискам. Казак, которому по очереди предстояло идти на службу, мог нанимать за себя другого (отец за себя мог отправить своего сына или же отец мог пойти вместо сына, а также братья могли заменить друг друга).

В соответствии с положением 1798 г. о переписи малолеток, детей рядовых казаков (в том числе и калмыков-казаков), урядников, а также лиц, не состоявших в духовном звании, по достижении 17 лет начинали приобщать к военной подготовке и участию в отправлении станичных повинностей. А в 19 лет их записывали в казаки-малолетки, приводили к присяге, заносили в списки и оставляли на 2 года дома до выхода на службу, т.е. до включения в разряд служилых, в связи с необходимостью подготовки снаряжения к службе за свой счет.

При комплектовании полков соблюдались условия: поступившие из малолеток составляли не более одной третьей или четвертой части личного состава полка, основную же его часть должны были представлять старослужащие казаки. В военное время полк находился на службе столько, сколько требовали обстоятельства. В отличие от обычных строевых полков служба казаков в Атаманском полку, который с 1803 г. не подлежал расформированию, и в 2 конноартиллерийских ротах являлась постоянной, смену производили лишь по частям. Личный состав Атаманского полка (по штату 136 урядников и 1094 казака, в том числе 91 калмык) и артиллерийских рот формировался самым войсковым атаманом из наиболее рослых, физически крепких, ловких мужчин, и при этом учитывалась их материальная обеспеченность.

Каждый казак освобождался от налогов за надел земли и от податей, но за это обязан был всегда быть готовым выступить на службу, имея свое снаряжение (оружие, одежду), стоимость которого составляла 33 руб. 39 коп., и двух лошадей (по 40 руб. каждая). На период службы казак от казны получал жалованье, фураж для строевой лошади и 75 руб. на вычную лошадь. К числу льгот донских казаков относились: беспошлинная ловля рыбы на донских реках; добывание соли в Манычских озерах; курение вина.

В соответствии с указом Александра I от 12 сентября 1804 г. казаки, занимавшиеся торговлей и промышленностью в более или менее крупных размерах, освобождались от отбывания воинской повинности. За время пребывания их сверстников на службе они

вносили в войсковую казну по сто рублей за каждый выпадавший на их долю очередной год полевой службы. Однако впоследствии канцелярия правления Войска Донского, анализируя это положение, отмечала, что данный взнос негативно сказывается на комплектовании полков, ибо «платная сумма несоразмерна даже с необходимыми издержками каждого казака вообще на исправление себя при выходе на службу».

На казачьи полки в мирное время возлагалась служба пограничной стражи, конной полиции, конвоирование колодников и поселенцев. С началом устройства Кавказской кордонной линии казачьи полки несли службу по ее обслуживанию на протяжении от границы Дона до Грузии. Помимо донских полков, на этой линии (в Кизляре, Прохладной, у Невинного мыса, Баталпашинской переправы, Сухого Дуба) несли службу 5 калмыцких пятисотенных полков Астраханской губернии. Казачий полк, как правило, нес службу на кордонной линии протяженностью до 140–160 км. Только на западной границе в начале XIX века несли кордонную службу 11 казачьих полков, в личном составе которых числилось до 250 калмыков-казаков [5].

С увеличением калмыцкого населения на Дону администрация Войска Донского в начале XIX века приступила к определению постоянной территории для кочевий и к введению общеказачьих порядков в улусах, унификации в них структуры управления и превращению её в составную часть административной системы Дона. Калмыки, кочевавшие на войсковых землях, входили в общий состав казачьего населения Донского Войска и несли службу наравне с казаками. В 1803 г. распоряжением войскового атамана М. И. Платова донские калмыки, кочевавшие по всему пространству земли Войска Донского, территориально были объединены. Впервые им отводилась определенная территория для кочевий по левой стороне Дона – в Задонской степи: весной – по рекам Кагальник и Сал; летом – по рекам Куберле и Гашун; осенью – в окрестностях Манычских озер; зимою – по реке Маныч. Но эти меры для полного закрепления на отведенном пространстве и для установления внутреннего устройства кочевых калмыков на Дону оказались недостаточны.

В 1806 г. администрации Войска Донского пришлось кочевья донских калмыков распределить на улусы – Верхний, Средний и Нижний. В основу такого территориального устройства калмыков-казаков, по всей вероятности, были положены донские традиции разделения казачьих поселений и казаков на «верховых» и «низовых». Улусы делились на сотни (амиг, аймак), хотоны.

Верхнему улусу, состоящему из 4 аймаков (сотен), отвели земли по левой стороне реки Сал, выше слободы Несмеяновой, по речке Малой Куберле и далее по рекам Большой и Малый Гашун. Средний (5 аймаков) улус и части Нижнего (4 аймака) улуса получили земли по реке Манычу, начиная с местечка Мечеть вверх и по притокам Маныча до устья Большого Егорлыка. Остальной части Нижнего улуса и Беляевской сотне закрепили земли по рекам Кагальник, Ельбузда и Ея. Верхняя и Нижняя Таранниковские сотни получили свободное кочевье. Однако из этих земель, отведенных для калмыцких кочевий в Задонской степи (получивших название «Кочевья калмыков, состоящих в войске Донском»), исключались наделы казачьих и помещичьих хуторов. Поэтому в Калмыцком кочевье по сравнению с соседними округами размеры земель на душу населения были значительно меньше и составляли всего 2 десятины удобной земли.

В Верхний улус входили сотни (аймаки – амиг): Харьковская (Цевднякин), Рынцановская (Зюнгар), Бембдякинская (Ики-Чонос), Намровская (Ики-Бурул); в Средний улус – Верхне-Таранниковская, Чоносовская (Бага-Чонос), Нижне-Таранниковская, Балдырская (Потаповская), Беляевская (Белява); в Нижний улус – Эркетинская (Эркетна), Бултуковская (Богшрахинская). Багутовская (Багуда), Бурульская (Бага-Бурул). Харьковская и Рынцановская сотни считались зюнгарскими; Бембдякинская, Чоносовская, Намровская и Бурульская – дербетовскими; Эркетинская, Бултуковская и Багутовская – торгутскими; Балдырская, Беляевская, Верхне- и Нижне-Таранниковские – считались смешанного происхождения.

Атаман Войска Донского М. И. Платов внес некоторые изменения также в местное управление калмыков. Он возложил управление Калмыцким кочевьем, всеми улусами на пристава, назначаемо-

го донским атаманом из числа штаб-офицеров (в чине войскового старшины), и его помощника в чине обер-офицера (есаул, сотник). Система управления в аймаках и хотонах улусов с 1803 г. состояла из сотников, пятидесятников, хотонных приказных, избиравшихся в соответствии с элементами общинной демократии из служилых или зажиточных калмыков на собрании населения сотен и хотонов. Избранные сотники, пятидесятники и приказные утверждались приставом. В хотонах действовала система круговой поруки. В каждой сотне имелся выборный судья, который при рассмотрении гражданских дел руководствовался нормами калмыцкого обычного права. Уголовные дела рассматривались и решались, как обычно всего населения Дона, т. е. по государственному законодательству в присутственных местах. В калмыцком обществе активную роль играло духовенство. В каждом улусе имелись хурулы. Всего их в начале XIX века насчитывалось 20 (в Верхнем улусе – 7, Среднем – 8, Нижнем – 5).

В соответствии с Положением 1806 г. устанавливались следующие правила: 1) кочевье – сотня могла занимать не более 20 кв. верст; 2) никто из калмыков без разрешения не должен был переходить с места на место и оставлять определенного для кочевья района; 3) сотникам и судьям вменялось в неперемennую обязанность наблюдать за положением дел в своей сотне [6]. Донское калмыцкое население, занимаясь скотоводством, в пределах территории своих аймаков вело традиционный кочевнический образ жизни. Но оно постепенно начало переходить к стационарному хозяйствованию (заготавливать для скота на зиму сено, строить затишья (базы) из камышитовых плит, сараи из дерна и накрывать их камышом).

В калмыцких кочевьях имелись прекрасные источники воды, а также многочисленные колодцы. Одним из них был, известный в Нижнем улусе (3-я сотня), «Гремучий колодец» суточный объем воды, которого доходил до 100 тыс. ведер. Верхний улус снабжался водой из рек Большой Гашун, Джурак, Джюрюк-Сал и Сал, а также из балок Мокрая и Сухая Савда и Артобул. Через Средний улус протекали реки Сал, Большой Гашун и Малый Гашун, Большая и Малая Куберле, пролегалa балка Амта с богатыми источниками воды. В Нижнем улусе, где были самые лучшие природные условия, на-

селение снабжалось водой из рек Сал, Маныч и Большая Куберле, из источников балок Зундова, Ряска и Потапова.

Благоприятные природные условия Дона давали возможность калмыкам так же, как и местному населению, заниматься традиционным хозяйством – экстенсивным животноводством, в связи с особенным спросом – коневодством. «С начала XVIII века, после того как на Дон докатилась волна передвигающихся с востока на запад калмыков, – писал крупный специалист по коневодству А. Ф. Басов, – положение в коневодстве на Дону начало резко меняться. Калмыки привели с собой огромное количество лошадей монгольской породы. Такой поток, прежде всего, увеличил общее количество конского поголовья на Дону и одновременно придал ему определенный тип. Монгольская (калмыцкая) лошадь и послужила тем фундаментом, на основе которого создавалась донская лошадь» [7].

В 1810 г. на территории Войска Донского числилось: 153 899 лошадей, в том числе у калмыков – 17 800; 448 815 голов крупного рогатого скота (у калмыков – 22 680); 693 970 овец (у калмыков – 39 100). Накануне (1811 г.) Отечественной войны в Войске Донском имелось: 169 628 лошадей (у калмыков – 18 900), 419 135 голов крупного рогатого скота (у калмыков – 21 780), 879 309 голов овец (у калмыков – 45 200). Помимо этих видов скота, калмыки занимались разведением верблюдов, которых в 1811 г. насчитывалось около 5 тысяч голов. Верблюды служили основным гужевым транспортом при ведении калмыками по-прежнему кочевнического образа жизни. Так что донские казаки, в том числе и калмыки-казаки, в годы войн смогли оказывать российской армии ощутимую помощь в пополнении кавалерии лошадьми, а также волами для обозов, а также поставлять на продовольственные нужды.

Несмотря на иноэтническое окружение, интеграционные процессы, внесение коррективы в формы социальной организации, заимствование новых элементов хозяйствования и культуры, донские калмыки как часть этноса, не теряя факторы национальной самоидентификации, благодаря толерантности казаков активно начали адаптироваться в новую социокультурную среду.

2.2. Донские калмыки в составе казачьих полков в походах и войнах России начала XIX века

Россия в начале XIX в. втянулась в войны: на юге в Закавказье – с Персией и Турцией, на западе – в группе коалиции с Францией, а также со Швецией в 1808-1809 гг.

В 1805 г. Россия в союзе с Австрией вступила в новую войну с Францией. В отряде П. И. Багратиона Подольской армии под начальством М. И. Кутузова, двигавшейся в октябре 1805 г. на соединение с австрийской армией генерала К. Макка, находились донские казачьи полки: на правом крыле № 2 А. Г. Сысоева, на левом крыле № 3 В. Е. Ханженкова и, по мнению историка Е. В. Мезенцева, А. И. Исаева 3-го, по утверждению А. И. Сапожникова, полк Д. М. Киселева 2-го.

Однако до подхода М. И. Кутузова французы оружили армию Макка и принудили австрийцев капитулировать. В этой ситуации Кутузов, спасая свою армию, под прикрытием арьергарда Багратиона вынужден был отходить на восток навстречу корпусу Ф. Ф. Буксегвена. Прикрывая отступление Подольской армии, арьергард П. И. Багратиона 4 ноября 1805 г. при Шёнграбене вступил в сражение с французскими войсками под командованием маршала И. Мюрата. В этой битве отличились донские полки Сысоева 1-го и Ханженкова 1-го. В результате благополучного исхода этого сражения отряду Багратиона удалось соединиться с основными частями армии М. И. Кутузова, и всей армии выйти из окружения. Донские полки, находясь в составе арьергарда и отражая атаки франузов, смогли захватить в плен 3 офицеров и 50 рядовых.

Всего в боевых действиях в первой войне (1805 г.) с Францией, по данным генерал-майора В.Т. Денисова 7-го, сражались 10 донских казачьих полков: Атаманский, Лейб-гвардии Казачий (командир – полковник П. А. Чернозубов 5-й), полковника П. М. Гордеева 1-го, подполковника П. Г. Денисова 14-го, подполковника А. И. Исаева 3-го, подполковника А. Г. Сысоева 1-го, подполковника В. Е. Ханженкова 1-го, войскового старшины Т. А. Малахова 1-го, войскового старшины Д. М. Киселева 2-го, войскового старшины Ф. Ф. Мелентьева 3-го.

В этих полках служило и участвовало в походах до 300 калмыков-казаков. По сведениям, сохранившимся в документах Государственного архива Ростовской области, в составе полка А. Г. Сысоева 1-го служил Петись Зундугинов из 4-й сотни Нижнего улуса, который в боях кампании 1805 года был ранен ружейной пулей в левую руку. Умер он в 1854 г. в возрасте 73 лет [8].

За подвиги, проявленные 4 ноября 1805 г. у Шёнграбена при выходе из окружения превосходящей силы французской армии под командованием маршала Мюрата (Иоахима-Наполеона), и соединение отряда П. И. Багратиона с основными частями армии М. И. Кутузова, император Александр I пожаловал 6 полкам, в том числе и донским А. Г. Сысоева 1-го и В. Е. Ханженкова 1-го, Георгиевские знамена с надписью «За подвиги при Шёнграбене 4 ноября 1805 года в сражении 5-тысячного корпуса с неприятельским, состоявшим из 30 тысяч». Георгиевское знамя полка Сысоева 1-го в сентябре 1807 г. получил его сын и преемник на посту командира полка В. А. Сысоев 3-й. В том же месяце полк был распушен и знамя передано в войсковую канцелярию Войска Донского. Пять офицеров полка Сысоева 1-го были награждены орденами Св. Анны 3-й степени, сам А. Г. Сысоев – орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Кроме этого, казаки получили от императора еще памятные медали с надписью «Пять против тридцати» и по 2 рубля. Всего на службе в российской армии в это время находились 32 донских казачьих полка и 2 конноартиллерийские роты. В каждом полку служили более 25 и в артиллерийской роте – 3–4 калмыка-казака.

Донские казачьи полки А. И. Исаева 3-го, Т. А. Малахова 1-го, П. М. Гордеева 1-го, находясь в авангарде 3-й колонны соединенной армии союзников, приняли 8 и 16 ноября 1805 г. участие в сражениях при Рауснице (Русинове) и Вишау. В составе австрийского авангарда под командованием фельдмаршала-лейтенанта М. Кинмайера находились донские казачьи полки войскового старшины Ф. Ф. Мелентьева 1-го и подполковника А. Г. Сысоева 1-го. В первую колонну авангарда генерал-лейтенанта Д. С. Дохтурова входил полк подполковника П. Г. Денисова 14-го, в отряд П. И. Багратиона – донские полки войскового старшины Д. М. Киселева 2-го, войскового старшины

Т. А. Малахова, подполковника В. Е. Ханженкова, в отряд Л. Й. Лихтенштейна – полки полковника П. М. Гордеева 1-го и подполковника А. И. Исаева 3-го.

В составе союзных войск, принявших участие в сражении под Аустерлицом 19–20 ноября 1805 г., находились указанные донские полки (Лейб-гвардии Казачий, полковника П. М. Гордеева 1-го, подполковников П. Г. Денисова 14-го, А. И. Исаева 3-го, А. Г. Сысоева 1-го, В. Е. Ханженкова, войсковых старшин Д. М. Киселева 2-го, Т. А. Малахова 1-го, Ф. Ф. Мелентьева 3-го). Они же составили арьергард отступавшей русской армии. Российский армейский корпус в этой битве потерял 21 тыс. убитыми, ранеными и пленными, а всего в первую французскую войну – 26 840 человек. В докладной генерал-майора В. Т. Денисова 7-го, составленной в июне 1806 г., указывалось, что из отправленных в мае 1805 г. в заграничный поход вернулись на Дон 10 казачьих полков (имелось в виду указанные 9 и Атаманский). В каждом полку осталось до 12 офицеров и урядников, 260 казаков и 20 калмыков, то есть потери личного состава полков составили до 50 %.

В 1806 г. на Дону в казачьем войске числилось 11 генералов, 26 полковников, 35 подполковников, 98 майоров и войсковых старшин, 1 034 есаулов, хорунжих и сотников, 1 301 урядник, 45 850 служилых казаков, из них в строевых полках и командах находились 29 599 человек. В составе донского казачьего войска числились 1 422 калмыка, из них служили в строевых полках и командах 1 064 (91 – в Атаманском полку), в невоенных полках – 358 человек [9].

Наполеон, захватив Австрию, Пруссию, всю свою агрессивную политику направил против России. В сложной международной обстановке Россия, понимая военную угрозу со стороны Франции, начала предпринимать меры мобилизационного характера. Александр I Высочайшим манифестом от 30 ноября 1806 г. объявил о формировании в стране народного ополчения. 13 февраля 1807 г. главный пристав калмыцкого народа полковник А. И. Ахвердов созвал съезд улусных владельцев, духовенства и зайсангов, на котором решили выставить в ополчение по одному калмыку от двух кибиток, снабдив ополченца имеющимся дома оружием. Калмыки Астраханской губернии вы-

ступили в поход «одвуконь», собрав на каждые 10 человек одного вьючного верблюда, на одного воина два барана на продовольствие. Калмыцкое ополчение в составе 5 196 человек (10 полков), 11 тыс. лошадей, 520 верблюдов, отары 10 500 овец, имея на вооружении 1 620 ружей, 517 сабель, 1 318 пик и т. д., в апреле отправилось к пристани Подпольной на Дону для формирования полков и комплектования их командного состава штаб- и унтер-офицерами из Войска Донского, а затем двинулось к месту сбора – в Орловскую и Курскую губернии.

После Тильзитского мира, заключенного в июне 1807 г. между Францией и Россией, 15 донских полков перебросили на Дунай, где с 1806 г. шла война с Османской империей. Калмыцкое ополчение Астраханской губернии было отправлено в свои улусы. По имеющимся сведениям, при возвращении ополченцы Малодербетовского улуса Э. Тундутова потеряли 8 человек и 289 лошадей.

В войне 4-й антифранцузской коалиции в 1806 г. в составе русской армии в разных соединениях предполагалось использовать одну конноартиллерийскую роту и 14 донских казачьих полков: подполковника Г. Д. Иловайского 9-го, войскового старшины О. В. Иловайского 10-го, войскового старшины В. И. Ефремова 3-го, войскового старшины А. Н. Папузина, полковника А. Е. Грекова 9-го, войскового старшины Т. Д. Грекова 18-го, подполковника В. Е. Попова 5-го, подполковника Т. А. Малахова, подполковника Д. Р. Андропова 1-го, подполковника А. Г. Сысоева 1-го (с февраля 1807 г. войскового старшины В. А. Сысоева 3-го), войскового старшины Д. М. Киселева 2-го, полковника И. Ф. Чернозубова 4-го, подполковника И. Т. Карасева и подполковника Х. П. Кирсанова. В личном составе указанных полков числилось до 252 калмыков-казаков. По боевому расписанию русской армии на 1806 г. эти полки были включены в корпуса генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена и генерала от инфантерии Ф. Ф. Буксегвена.

А 6 донских казачьих полков: подполковника И. И. Андриянова 2-го, полковника П. М. Гордеева 1-го, подполковника Ф. А. Кутейникова 4-го, Воронина (Слюсарева 2-го), майора С. И. Пантелеева 2-го, полковника М. И. Родионова 2-го находились на границе с Пруссией. 3 донских полка (полковника А. Е. Грекова 4-го, войскового старши-

ны И. В. Грекова 21-го и майора Ф. Ф. Мелентьева 3-го) несли службу в других регионах страны.

В войне 4-й коалиции впервые в ноябре 1806 г. с французами при г. Ловиче столкнулся донской полк В. Е. Попова 5-го, входивший в 6-ю дивизию генерал-майора А. К. Седморацкого. 13 января 1807 г. один отряд (генерал-майора И. И. Маркова), из трех авангарда русской армии Л. Л. Беннигсена, вступил в бой под Морунгеном с превосходящими силами войска маршала Ж. Бернадота. Немалую роль в спасении людей и артиллерии отряда И. И. Маркова сыграли казаки полка А. Г. Сысоева.

В январе 1807 г. 8 донских казачьих полков (Иловайского 9-го, Андропова 1-го, Сысоева 1-го, Малахова, Грекова 18-го, Ефремова 3-го, Киселева, Папузина) были сведены в корпус под командованием атамана М. И. Платова. Полки корпуса, в составе которых воевали более 150 калмыков, отличились в сражениях 26-27 января (7–8 февраля) 1807 г. при городе Прейсиш-Эйлау и захватили в плен 550 солдат противника.

Полки М. И. Платова действовали на левом фланге русского войска под командованием генерал-лейтенанта А. И. Остермана-Толстого против корпуса Даву. Французы в этой битве потеряли 30 тыс. убитыми (в том числе 6 генералов) и 12 тыс. ранеными (в том числе 11 генералов), 960 человек пленными. Потери русского войска составили 12 тыс. убитыми и почти 8 тыс. ранеными (в том числе 9 генералов и 70 офицеров). После отбытия П. И. Багратиона в Петербург временное командование арьергардом принял М. И. Платов. С возвращением в середине февраля Багратиона в армию у М. И. Платова остались лишь казачьи полки, которые Л. Л. Беннигсен направил против поляков.

В начале 1807 г. в списке личного состава Войска Донского значились 12 генералов, 25 полковников, 33 подполковника, 97 майоров и войсковых старшин, 1 013 есаулов, хорунжих, 1 468 урядников, 46 042 казака, из них в боевых полках и командах служили 36 680 человек. В этом же списке были учтены 1 420 калмыков-казаков, из них 1 009 человек проходили службу в военных полках и командах, 173 человека занимали различные военные должности.

В феврале 1807 г. русская армия под командованием генерала Л. Л. Беннигсена пополнилась еще 13 донскими полками (генерал-майоров П. Д. Иловайского 2-го, И. Д. Иловайского 4-го и Н. В. Иловайского 5-го, В. Т. Денисова 7-го, Атаманским, подполковников С. А. Белогородцева и С. Д. Иловайского 8-го, полковников И. А. Карпова 1-го и Д. Е. Кутейникова 2-го, войскового старшины С. С. Сулина 7-го, майоров Ф. А. Барабанщикова, Н. С. Сулина 9-го и И. А. Селиванова 2-го) общей численностью 6 464 человека, в том числе 541 офицер (в Атаманском полку 124 офицера, в артиллерийской роте 35 офицеров) и 5 923 нижних чинов. Лейб-гвардии Казачий полк под командованием П. А. Чернозубова 5-го, Атаманский полк постоянно находились в авангарде корпуса генерала П. И. Багратиона и участвовали в крупных сражениях при Гронау, Ландсберге, Гутштадте, Велау и Фридланде. Таким образом, в этой войне против французов приняли непосредственное участие 28 донских казачьих полков, в личном составе которых находились более 500 калмыков-казаков (в полках от 16 до 20 человек), и 2-я Донская конноартиллерийская рота войскового старшины Ребрикова 5-го, а 6 донских полков по-прежнему дислоцировались на границе с Пруссией [10].

В боях с марта по июнь 1807 г. под Ортельсбургом, Малгой, Гутштадтом, на Гейльсбергской позиции, при Битенене, у Юргайчана донские казаки взяли в плен 5 обер-офицеров и 48 унтер-офицеров, 351 человек нижних чинов, захватили обоз и походную канцелярию маршала М. Нея. В этих сражениях самое активное участие принимали и решали их исход донские полки: Атаманский (только в его составе 91 калмык), Лейб-гвардии Казачий, Иловайского 2-го, Иловайского 4-го, Иловайского 5-го, Карпова 1-го (погиб 13 марта, полк принял Ф. Н. Астахов 4-й), Иловайского 8-го, Иловайского 9-го, Д. Р. Андронova (И. И. Исаева 2-го), Сысоева 3-го, Грекова 9-го, Грекова 18-го, Ефремова 3-го, Иловайского 10-го, Селиванова 2-го, Белогородцева, Сулина 7-го (погиб 24 мая, полк принял А. К. Денисов 6-й). В составе названных полков сражалось с врагом более 300 калмыков-казаков, не считая Ставропольского калмыцкого полка, успевшего присоединиться к корпусу атамана М. И. Платова и принять участие в сражениях.

Всего в войне 1806–1807 гг., закончившейся подписанием 25 июня 1807 г. Тильзитского договора о мире, донцы взяли в плен французских: 9 штаб-офицеров, 130 обер-офицеров, нижних чинов – 4 196 человек. Донские казачьи полки потеряли убитыми: 3 штаб-офицеров, 21 обер-офицера, 34 урядника, 397 казаков. За эту военную кампанию 30 августа 1811 г. император Александр I пожаловал Войску Донскому Георгиевское знамя с надписью «Верноподданному Войску Донскому, за оказанные заслуги в продолжение кампании против французов 1807 года». После Тильзитского мира 15 донских казачьих полков перебросили на Дунай, где с 1806 г. шла война с Османской империей.

В затяжной Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. на берегах Дуная в общей сложности активные боевые действия вели 14 донских казачьих полков атамана М. И. Платова (Атаманский, Л. К. Денисова 4-го, А. К. Денисова 6-го, В. Т. Денисова 7-го, И. А. Карпова, П. М. Гордеева 1-го, С. Д. Иловайского 8-го, Т. Д. Иловайского 11-го, Иловайского 5-го, Иловайского 2-го, Ефремова 3-го, Ф. А. Кутейникова 4-го, Д. Е. Кутейникова 2-го, П. М. Грекова 8-го) общей численностью личного состава 7961 человек, в том числе до 350 калмыков, и 1 артиллерийская рота. Из них 6 полков под командованием генерал-майора А. К. Денисова находились в корпусе генерала А. Ф. Ланжерона (в октябре 1808 г. его сменил генерал С. М. Каменский). Русские войска нанесли туркам ряд крупных поражений в 1809, 1810 и 1811 годах, особенно при сражениях под Гирсово, Бабадага, Браиловым, Силистрии, Россевато, Рущуком и Ахалкалаки, в которых отличились донские полки под командованием М. И. Платова. В мае 1812 г. война с Турцией закончилась подписанием в Бухаресте мирного договора.

В эти же годы (1808–1809) четыре донских полка (Лейб-гвардии Казачий, подполковников И. Н. Лащилина 1-го и И. И. Исаева 2-го, войскового старшины Д. М. Киселева 2-го, в личном составе которых насчитывалось до 2 тыс. казаков, в том числе 73 калмыка) участвовали в войне со Швецией. Особо отличился Лейб-гвардии Казачий полк В. В. Орлова-Денисова (в командование вступил в июле 1808 г.) в

сражениях при Гельсингфорсе, Каскэ и деревне Эмос. После удачных походов и овладения Аландскими островами и городом Умео русскими войсками под командованием Барклая де Толли война завершилась в сентябре 1809 г. подписанием мирного договора со Швецией. В это же время 8 полков находились на Кавказской линии, 5 полков в Грузии, 3 полка в Крыму [11].

Отбывая службу в казачьих полках, донские калмыки сложили песню:

«Как переправимся через Гашун,
Вспоминается своя земля и Ея воды,
Как едем верхом рядами,
Чернеется впереди деревянный лагерь,
Три выстроенные рядами лагеря
Чернеются в голубоватой дымке.
Как переедем Куберле,
Дадим отдых себе и коням.
Как переправимся через Маныч,
Заструится пот со лба.
Нас родившие отцы и матери!
Живите счастливо по законам веры.
Город Новочеркасск
Хоть и красив, но очень труден.
Выступая из Новочеркасска,
Садимся на огневую машину.
На берегу Черного моря
Стоял я на карауле;
На берегу Белого моря
Стоял на часах.
Долго длится зимняя ночь
И прохладная серая шинель».

Историк И. И. Попов, анализируя песенный фольклор донских калмыков, в которых отражалась их военная служба, писал, что «коротко и очень красиво, звуча по-калмыцки, говорит эта песня о многотрудной службе казака-калмыка»:

«От Перми до Тавриды,
От Финских хладных берегов
До пламенной Колхиды» [12].

Донские калмыки, переведенные в конце XVIII века в казачье сословие и введенные в Войско Донское, как было показано выше, несли военную службу наравне с казаками в разных регионах. С увеличением калмыцкого населения на Дону возрастала и численность служилых донских калмыков-казаков. В 1808 г. в списке 49 536 служилых донских казаков числилось уже 1 767 калмыков, из них находились в строевых частях 1 128, в том числе 91 – в Атаманском полку, на разных военных должностях – 174 человека. В 1810 г. на Дону на учете находились 48 919 служилых казаков, в том числе в списке – 1 754 калмыка-казака, из них в строевых частях – 1 133 (в Атаманском полку – 91 калмык), на разных военных должностях – 173 человека. Небольшое уменьшение в 1810 г. численности донских служилых казаков и в том числе калмыков, видимо, было связано с участием и гибелью их в войнах.

К 1812 г. в военном устройстве Войска Донского произошли некоторые изменения. В штат казачьего полка, кроме Атаманского, входили: 1 генерал, 16 офицеров, 10 строевых урядников, из них 5 старших, заменявших вахмистров, 1 нестроевой урядник (он же писарь, полковой адъютант), 25 драбантов (денщиков) и 550 казаков. Полк делился на 5 сотен, которые, как и полк, именовались по фамилии своих командиров. В полку числилась 561 строевая лошадь и столько же выючных вместо обоза. В штате полка не предусматривались лекарь, фельдшер, священник, трубач, зав. хозяйственной частью (этим занимался квартирмейстер), полковая канцелярия (все делопроизводство возлагалось на писаря) [13].

На начало 1812 г. донские казачьи полки, согласно представленному отчету в Военную коллегию, располагались и несли службу в различных регионах страны. В Санкт-Петербурге дислоцировался Лейб-гвардии Казачий полк генерала В. В. Орлова-Денисова, Москве – полк войскового старшины И. В. Грекова 21-го. В Херсонской и Таврической губерниях располагались полки подполковников П. В. Янова 2-го и А. Ф. Мелентьева 2-го, войскового старшины А. Ф. Чикиле-

ва 1-го, в Финляндии – полки подполковника И. Н. Лащилина 1-го, полковника И. И. Исаева 2-го, подполковника Д. М. Киселева 2-го, в Гродно – полк С. Д. Иловайского 8-го, в Виленской области – полки подполковника И. А. Селиванова 2-го, полковника М. И. Родионова 2-го, генерал-майоров В. Т. Денисова 7-го и И. Д. Иловайского 4-го, подполковника И. И. Платова 4-го, в Минской – Атаманский полк (командир – полковник С. Ф. Балабин 2-й), в Волынской – полки полковника Д. И. Иловайского 1-го, подполковника И. И. Андриянова 2-го, полковника П. М. Гордеева 1-го, в Подольской – полки полковника Г. А. Дячкина, генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го, 2-я конно-артиллерийская рота войскового старшины П. В. Суворова 2-го, в Белостокской – полки генерал-майоров А. К. Денисова 6-го и А. А. Карпова 2-го, в Галиции – полк подполковника И. Ф. Слюсарева 2-го.

В Молдавской армии числились полки полковника Г. А. Луковкина 2-го, войскового старшины П. А. Киреева 2-го, А. И. Исаева 4-го, подполковника Ф. Н. Астахова 4-го, подполковника Ф. М. Кутейникова 4-го, полковника А. Е. Грекова 4-го, полковника Н. Г. Мельникова 5-го, генерал-майора П. М. Грекова 8-го, майора Ф. Ф. Мелентьева 3-го, майора С. И. Пантелеева 2-го. В январе из Молдавской армии поближе к западной границе перебросили полки полковников В. А. Сысоева 3-го, В. Д. Иловайского 12-го и Т. Д. Иловайского 11-го, подполковника Ф. А. Барабанщикова 2-го, войскового старшины М. А. Власова 2-го и 1-ю артиллерийскую роту войскового старшины П. Ф. Тацына. В Киевской области размещался полк войскового старшины М. Д. Платова 5-го.

На Кавказской линии дислоцировались полки войсковых старшин М. С. Агеева 3-го, З. Л. Краснова 3-го и А. Е. Сафонова 1-го, майора П. И. Рябина 1-го, полковника И. Петрова, подполковников Т. С. Ильина 1-го и Н. Б. Рубашкина, войсковых старшин П. З. Сычова 3-го и Г. С. Самойлова 1-го, подполковника Ф. И. Араканцева 1-го, войскового старшины Г. И. Молчанова 2-го. В Грузии находились полки подполковников М. Ф. Балабина 1-го и И. М. Агеева 2-го, войскового старшины И. А. Поздеева 8-го, подполковников Е. М. Ежова 1-го, Ф. Р. Богачева 1-го и Ф. А. Извалова, майора А. К. Данилова и войскового старшины Д. В. Попова 16-го, в Персии – полк войс-

кового старшины И. П. Сысоева 2-го. В Казанской губернии находилась 1 команда численностью 200 казаков под командованием есаула В. Ф. Тацына, в Новочеркасске – рабочие полки полковника А. А. Ягодина 2-го и войскового старшины А. М. Гревцова 2-го. Все указанные полки (61) имели полный комплект: 28 чиновников (командир полка, штаб и обер-офицеры, урядники, писари), 550 казаков. В Лейб-гвардии Казачьем полку числилось 80 чиновников и 404 казака (в том числе 12 калмыков), в Атаманском – соответственно – 123 и 1 107 (в том числе 91 калмык-казак), в артиллерии – 69 и 464 (в том числе до 12 калмыков). Во всех донских казачьих полках и командах насчитывался 38 531 казак, в том числе 1475 калмыков-казаков. По списку на 1 января 1812 г. на Дону числилось 46 907 служилых казаков (по данным И. Ф. Богдановича – 49 633), в том числе 1 740 калмыков-казаков [14].

Согласно ведомости, поданной 3 марта 1812 г. императору Александру I, донские полки были распределены и состояли в следующих воинских соединениях на западной границе империи:

1-я Западная армия (главнокомандующий – генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли):

В корпусе генерал-лейтенанта графа П. Х. Витгенштейна – полки полковника М. И. Родионова 2-го и майора И. А. Селиванова 2-го;

В корпусе генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута – полки генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го, подполковника И. И. Платова 4-го;

В корпусе генерал-лейтенанта П. К. Эссена – полки Атаманский (командир – С. Ф. Балабин), генерал-майоров Л. К. Денисова 4-го, В. Т. Денисова 7-го и А. А. Карпова 2-го, полковника П. М. Гордеева 1-го, подполковника С. Д. Иловайского 8-го, 2-я рота конной артиллерии войскового старшины П. В. Суворова 2-го.

2-я Западная армия (главнокомандующий – генерала от инфантерии П. И. Багратион): полки генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го, полковников Г. А. Дячкина, В. А. Сысоева 3-го, О. В. Иловайского 10-го, Т. Д. Иловайского 11-го и В. Д. Иловайского 12-го, подполковников И. Ф. Слюсарева 2-го, И. И. Андриянова 2-го и Ф. А. Барабанщикова, войсковых старшин М. А. Власова 2-го и М. Д. Платова 5-го, 1-я рота конной артиллерии есаула П. Ф. Тацына.

Молдавская (Дунайская) армия (командующий – с апреля 1812 г. адмирал П. В. Чичагов): полки генерал-майора П. М. Грекова 8-го, полковников Г. А. Луковкина 2-го и Н. Г. Мельникова 5-го, подполковников Ф. А. Кутейникова 4-го и Ф. Н. Астахова 4-го, майоров А. И. Исаева 4-го, Мелентьева 1-го и С. И. Пантелеева 2-го, войскового старшины П. А. Киреева 2-го.

В Новороссийском краю под командой генерал-лейтенанта герцога Э. И. Ришелье – в Одессе полки подполковников П. В. Янова 2-го и А. Ф. Мелентьева 2-го, в Таврии – полк войскового старшины А. Ф. Чикилева 1-го.

Значительное количество донских полков находилось на Кавказской линии, в Грузии, Персии под командой генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева – полки подполковников Т. С. Ильина 1-го, Ф. И. Араканцева 1-го, М. Ф. Балабина 1-го, Е. М. Ежова 1-го, И. М. Агеева 2-го, Ф. А. Извалова 1-го и Ф. Р. Богачева 1-го, майоров П. И. Рябинина 1-го, А. К. Данилова и И. П. Сысоева 2-го, войсковых старшин М. С. Агеева 3-го, З. Л. Краснова 3-го, А. Е. Сафонова 1-го, Л. М. Петрова 1-го, Н. Б. Рубашкина, П. З. Сычова 3-го, Г. С. Самойлова 1-го, Г. И. Молчанова 2-го, И. А. Поздеева 8-го и Д. В. Попова 16-го.

В Финляндии находились донские полки полковника И. И. Исаева 2-го, подполковника И. Н. Лащилина и войскового старшины Д. М. Киселева 2-го. В Москве располагались полки подполковников М. Г. Власова 3-го (в его полку числилось 18 калмыков-казаков) и К. И. Харитонов 7-го, войскового старшины И. В. Грекова 21-го; в Казани – 2 сотни под командой есаула В. Ф. Тацына 5-го; в Новочеркасске – 2 рабочих полка полковника А. А. Ягодина 2-го и войскового старшины А. М. Гревцова 2-го, которые были подготовлены к переводу на западную границу.

22 марта 1812 г. военный министр Барклай де Толли уведомил атамана Войска Донского М. И. Платова о том, что данное расписание донских казачьих войск по армиям и корпусам апробировано (одобрено). В этой же депеше министр сообщал атаману М. И. Платову, что по высочайшему его Императорского величества повелению он обязан: «Сколько можно поспешил с выездом к месту вашего назначения» (имелось в виду на западную границу. – К. М.).

В личный состав указанных 63 донских полков, 2 сотен и 2 конно-артиллерийских рот входили 1 316 калмыков-казаков. Помимо этого, в небольших военных отрядах, сформированных из казаков донских полков, а также в различных командировках находились 108 казачьих офицеров и 2 267 нижних чинов. Несмотря на небольшой прирост донского населения, из-за постоянных войн все же численность служилых казаков на Дону с 1806 г. (45850 человек) до 1812 г. (45 167 человек) осталась почти без изменений (по данным И. Ф. Богдановича, – соответственно 48 712 и 49 633), служилых калмыков-казаков – соответственно 1 422 и 1 740 человек [15].

В условиях сложной международной обстановки и надвигавшейся войны с Францией, провоцируемой Наполеоном, Россия стала предпринимать меры оборонительного характера. Она, прежде всего, приступила к развертыванию армии на возможных направления вторжения противника. Многие донские казачьи полки из прежних мест дислокации срочно перебрасывались к соединениям западного фронта.

На западной границе России, в полосе между Россиенами и Лидой (протяженностью 200 км на северной стороне Полесья), по состоянию на 1 (13) июня 1812 г., дислоцировалась 1-я Западная армия (главнокомандующий – генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли) в составе 6 пехотных и 3 кавалерийских корпусов, общая численность которых достигала до 130 тыс. человек, при 558 орудиях. В ней числились уже 12 донских казачьих полков, из них 3 (полковника М. И. Родионова 2-го, подполковников И. И. Платова 4-го и И. А. Селиванова 2-го) в кавалерии генерал-майора П. Д. Каховского, состоявшей в 1-м пехотном корпусе генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна, располагавшемся у Кейдан и прикрывавшем путь на Петербург. Лейб-гвардии Казачий полк генерал-майора В. В. Орлова-Денисова был придан 3-му пехотному корпусу генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го, размещенному у Новых Трок.

2-й корпус К. Ф. Багговута стоял у Оржишек, 4-й корпус графа П. А. Шувалова – у Олькеник, 5-й корпус великого князя Константина Павловича (впоследствии Н. И. Лавров) – у Свенцяи, 6-й корпус Д. С. Дохтурова – у Лиды. Кавалерия располагалась во втором ряду:

1-й кавалерийский корпус Ф. П. Уварова – в Вилькомире, 2-й кавалерийский корпус Ф. К. Корфа – в Сморгони, 3-й кавалерийский корпус графа Н. И. Панина 2-го – у Лебиды. В эту армию входил Ставропольский калмыцкий полк.

Летучий казачий корпус генерала от кавалерии М. И. Платова с 11 июня 1812 г. дислоцировался у Гродно (до этого находился в Белостоке). В его корпус входили 7 донских полков (Атаманский – командир полковник С. Ф. Балабин 2-й, подполковника С. Д. Иловайского 8-го (полковника Т. Д. Грекова 18-го), генерал-майора А. К. Денисова 6-го (подполковника И. Г. Мельникова 3-го), генерал-майора В. Т. Денисова 7-го, генерал-майора И. К. Краснова 1-го (бывший полковника П. М. Гордеева 1-го), подполковника М. Г. Власова 3-го (затем передан 6-му корпусу), подполковника К. И. Харитонова 7-го) и 2-я донская артиллерийская рота войскового старшины П. В. Суворова 2-го. Полк генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го и 500 донских казаков (почти полк) на пограничных постах временно были оставлены в Белостоке. И. И. Иловайский внимательно следил за передвижением французских корпусов в Польше и докладывал М. И. Платову.

Личный состав 13 донских полков и 1 артиллерийской роты, 1 отряда представлял 8,5 тыс. казаков (в том числе 350 калмыков). С началом боевых действий донским казачьим полкам отводилась роль партизанских отрядов. Они должны были выполнять задачи разведывательного характера, действовать на флангах и в тылу неприятеля, постоянно беспокоить противника, нападая на его обозы, коммуникации, продовольственные склады, уничтожая аванпосты, разведчиков, фуражиров. В письме П. И. Багратиона от 29 июня 1812 г. предписывалось М. И. Платову (после присоединения к его армии) «беспокоить правый фланг и тыл неприятеля», а всем остальным казачьим полкам, состоящим под командою генерал-майора Иловайского 5-го, «при моем (Багратиона. – К. М.) отступлении прикрывать будут мой левый фланг». Хотя отряд Н. В. Иловайского в начале июня приказом военного министра был подчинен М. И. Платову, как состоявший при 2-й армии, отчитывался о всех своих действиях и о наблюдениях за передвижением французских войск перед П. И. Багратионом.

2-я Западная армия (главнокомандующий – генерал от инфантерии П. И. Багратион), развернутая между Бугом и Неманом (протяженностью 100 км), имела 270 орудий, 2 пехотных и 1 кавалерийский корпус численностью личного состава 45–48 тыс. человек. 7-й пехотный корпус Н. Н. Раевского располагался у Ново-Двора, 8-й корпус Н. М. Бороzdина – у Волковыска, 4-й кавалерийский корпус К. К. Сиверса – у Зельвы. Вскоре к армии подошла дивизия Д. П. Неверовского.

Во 2-ю армию входил находившийся у Белостока казачий корпус генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го в составе 9 полков, в том числе 8 донских (Иловайского 5-го – командир войсковой старшина И. Г. Давыдов 3-й, полковника О. В. Иловайского 10-го, полковника Т. Д. Иловайского 11-го, полковника В. Д. Иловайского 12-го, полковника В. А. Сысоева 3-го, генерал-майора А. А. Карпова 2-го, подполковника И. И. Андриянова 2-го, подполковника И. Ф. Слюсарева 2-го – с 15 июня войскового старшины Г. Г. Мельникова 4-го) и 1-я Донская конноартиллерийская рота майора П. Ф. Тацына (211 казаков, 341 лошадь). Личный состав донских полков и артиллерийской роты насчитывал более 4 тыс. казаков, в том числе до 300 калмыков.

3-я Резервная, или Обсервационная, армия (главнокомандующий – генерал от кавалерии А. П. Тормасов), дислоцированная на Волини, в южной части Полесья, имела 46 тыс. человек при 164 орудиях. Армия состояла из пехотных корпусов С. М. Каменского, Е. И. Маркова, Ф. В. Сакена, кавалерийского корпуса К. О. Ламберта, 9 казачьих полков. В число последних входили 1-й и 2-й Калмыцкие полки, 5 донских полков (полковника Г. А. Дячкина, подполковника Ф. А. Барабанщикова 2-го, войсковых старшин А. Ф. Чикилева 1-го (в начале июня прибыл из Евпатории), М. А. Власова 2-го и М. Д. Платова 5-го), личный состав которых составлял до 2,5 тыс. человек, в том числе до 150 калмыков.

Всего на западных границах империи в составе 3 армий были сосредоточены 27 донских казачьих полков и 2 конноартиллерийские роты, пятисотенный отряд. Общая численность их личного состава составляла почти 15 тыс. казаков, в том числе до 750 калмыков (в среднем в каждом полку от 16 до 30 человек).

Дунайская армия (главнокомандующий – адмирал П. В. Чичагов), прикрывавшая южный фланг западного фронта, располага-

лась в Валахии, имея 52 214 человек при 241 орудии. В ее составе числились 12 казачьих полков под командованием генерал-майора П. М. Грекова 8-го, в том числе 10 донских (полковника А. Е. Грекова 4-го, майоров С. И. Пантелеева 2-го и Ф. Ф. Мелентьева 3-го, полковника Н. Г. Мельникова 5-го, генерал-майора П. М. Грекова 8-го, подполковника Ф. А. Кутейникова 4-го, полковника Г. А. Луковкина 2-го, подполковника И. Г. Турчанинова 1-го, войскового старшины П. А. Киреева 2-го и полковника Е. Н. Астахова 5-го).

Правый (северный) фланг западного фронта прикрывал финляндский корпус (командующий – генерал-лейтенант Ф. Ф. Штейнгель), дислоцированный на русско-финляндской границе. В его состав входили 3 донских казачьих полка (полковника И. И. Исаева 2-го, подполковника И. Н. Лащилина 1-го, подполковника Д. М. Киселева 2-го). Всего в 12 указанных донских полках службу несли почти 5,5 тыс. казаков, в том числе до 300 калмыков.

Во второй Резервный корпус (командующий – генерал-лейтенант Ф. Ф. Эртель), который располагался в Бобруйске, входили 3 донских казачьих полка (полковника В. А. Быхалова 1-го, войсковых старшин И. В. Грекова 21-го и Д. Д. Комиссарова 1-го). Во время движения к Смоленску П. И. Багратион присоединил их к своей армии. В личном составе (свыше 1,5 тыс. казаков) этих полков числилось более 70 калмыков.

Кроме 41 полка (имея в виду и 500-й отряд в команде Иловайского 4-го), входившего в состав армий западного фронта и в Финляндскую группу, дислоцировались еще 2 полка в Херсонской и Таврической губерниях, Новочеркасске – 2 (А. А. Ягодина 2-го и А. М. Гревцова 2-го), а также 20 донских казачьих полков – на Кавказской линии, в Грузии и Персии (И. П. Сысоева 2-го) под командованием генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева, две сотни – в Казани. Таким образом, Войско Донское к началу Отечественной войны располагало 64 полками и 2 конноартиллерийскими ротами. Эти данные подтверждаются сведениями, имеющимися в издании – «Столетие Военного министерства» [16].

На 1 июня 1812 г. по списку на Дону числилось 46025 служилых казаков (в том числе 1740 калмыков), из них в 64 полках, 2 артиллерийских ротах и 1 команде находились 38315 человек (в том числе 1504

калмыка), из них в Атаманском полку 1 097 (в том числе 91 калмык) человек. На предстоящем театре военных действий располагались 40 донских полков и на Кавказской линии – 20, в Грузии и Персии (майора И.П. Сысоева 2-го), 2 (подполковников П.В. Янова 2-го и А. Ф. Мелентьева 2-го) – в Одессе и Таврической губернии, 2 (полковника А. А. Ягодина и войскового старшины А. М. Гревцова) – в Новочеркасске, 1 (Гревцова 21-го) – в Минской губернии, команда в составе 200 казаков (три отряда) – в Казанской губернии, 5-сотенный отряд казаков – в 1-й армии, команда в составе 105 казаков – в Таганроге.

Таким образом, общая численность казачьих войск в российской армии к началу Отечественной войны 1812 г. составляла до 117 тыс. человек, в том числе по списку 49153 донских казаков (11 генералов, 25 полковников, 38 подполковников, 70 майоров и войсковых старшин, 1 296 есаулов, хорунжих, сотников, 1 688 урядников и писарей, 46505 рядовых казаков). Донские казачьи полки, как правило, по штатному расписанию должны были иметь: Лейб-гвардии Казачий – 593 казака и 78 чиновников (командный состав); Атаманский – 1097 казаков и 130 чиновников; строевые полки – 550 казаков и 28 чиновников; артиллерийская рота (орудийная прислуга, обоз для перевозки боеприпасов, кузница) – 464 казака и 75 чиновников.

Однако к середине июня 1812 г. в донских полках ощущался некомплект личного состава и лошадей. Например, к этому времени численность Атаманского полка составляла 880, в остальных казачьих полках в среднем – по 440 человек. Так, в июне 1812 г. в донских казачьих полках генерал-майора Иловайского 5-го для пополнения требовалось 3 обер-офицера и 109 казаков, полковника Иловайского 10-го – 64 казака, войскового старшины Платова 5-го – 74 казака, войскового старшины Власова 2-го – 3 обер-офицера и 56 казаков, полковника Сысоева 3-го – 44 казака, генерал-майора Карпова 2-го – 2 обер-офицера и 55 казаков, подполковника Слюсарева 2-го – 53 казака, подполковника Андриянова 2-го – 71 казак, Мельникова 4-го – 58 казаков, подполковника Барабанщикова 2-го – 43 казака, Иловайского 11-го – 35 казаков, Иловайского 12-го – 1 обер-офицер и 39 казаков. В полку Грекова 18-го, например, в наличии находилось 424 казака из 534, строевых лошадей – 463 из 562 и т. д. [17].

Примечания

1. Записки донского атамана Денисова. СПб.: ВРИД, 1999. С. 138; А. В. Суворов. Документы. Т. IV. М., 1953. С. 100
2. Казачий Дон: Пять веков воинской славы. М., 2010. С. 58–59; Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 252; Записки донского атамана Денисова. С. 92, 138; А. В. Суворов. Документы. Т. IV. М., 1953. С. 100; *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 468 – 470; *Казин В. Х.* Указ. соч. С. 104; *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 71–72; *Гордеев А. А.* История казачества. М., 2007. С. 325; *Лелина Е. И.* Павел I без ретуши: [антология]. СПб., 2010. С. 250–251; *Агафонов А. И.* Донские казаки. Грудь в крестах ... Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – нач. XX вв. Ростов-на-Дону, 2009. С. 268–269.
3. ПСЗ Российской империи. Т. XXVII (1803). № 20718. С. 547.
4. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 13. Новочеркасск, 1915. С. 67, 68–69; Кеппен П. Указ. соч. С. 298; Столетие Военного министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Спб., 1902. С. 235; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 193. Л. 51.
5. *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 468; Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство). Изд. РГУ, 1977. С. 32; *Бабенышев П. В.* Донские казаки в войне 1812 г. Очерк. Ростов-на-Дону, 1940. С. 40 – 41; РГВИА. Ф. 331. Оп.1. Д. 182. Л. 7–8; *Гордеев А. А.* Указ. соч. С. 330, 336–337; *Броневский В. Б.* Указ. соч. Ч. II. С. 165–167; Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 13. С. 81.
6. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 11. С. 45–46.
7. *Басов А. Ф.* Донская лошадь. М.-Л., 1935. С. 8.
8. ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 35. Л. 35; *Сапожников А. И.* Казачество в наполеоновских войнах // Эпоха 1812 года. Исследования. Историография. VI: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 166. С. 1 –16; *Мезенцев Е. В.* Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008. С. 13–137, 151, 159, 169, 171.
9. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 168 –169, 209, 253; ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 357. Л. 2, 3.
10. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 168. Л. 1, 2, 6; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д.1729. Л. 163; *Лесин В. И.* Генерал Ермолов. М., 2011. С. 5 –61; Русско-калмыцкий календарь на 1912 год. Астрахань, 1912. С. 35–38.
11. *Казин В. Х.* Указ. соч. С. 56, 104, 105; *Чуйкевич П. А.* Подвиг казаков в Пруссии. Новочеркасск, 1902. С. 58–59; *Сапожников А. И.* Указ. соч. С. 16–28; Казачество великое и бесстрашное. АО «Славия». СПб., 2008. С. 239.

Глава II. Донские казаки и калмыки в войнах России начала XIX в.

12. *Краснов П. Н.* Указ. соч. С. 237; *Богачев В. В.* Указ. соч. С. 302; *Попов И. И.* Донские калмыки. Новочеркасск, 1919. С.22.
13. ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 461. Л. 1; Д. 472. Л. 1; Ф. 46. Оп. 1. Д. 168. Л. 1; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 163; Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 13. С. 70.
14. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 2, 4–5; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1729. Л. 163.
15. *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 2. СПб., 1859. С. 518–521; Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Изд. Областного правления Войска Донского. Новочеркасск, 1891. С. 94; ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 357. Л. 2; Ф. 46. Оп. 1. Д. 271. Л. 32–32 об.; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1729. Л. 163.
16. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. Т. IV. Ч. 1. Кн. II. Отд. 2. С. 262; *Сапожников А. И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012. С. 75 – 76.
17. *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1974. С. 97–98; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 178, 188, 191; *Гарин Ф. А.* Изгнание Наполеона. Документы, воспоминания. М., 1948. С. 48,51; *Броневский В. Б.* Указ. соч. Ч. II. С. 192; Отечественная война и русское общество. 1812 – 1912. Юбилейное издание. Т. 3. М., 1912. С. 140; ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 461. Л. 1; Д. 472. Л. 1; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 46 – 647, 53; Д. 3343. Л. 2; Ф. 103. Оп. 3. Д. 432. Л. 106, 112, 149, 154, 157; Д. 861. Л. 48, 49, 60.

Глава III.

КАЛМЫКИ-КАЗАКИ ДОНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

3.1. Калмыки в составе донских полков в боевых действиях русской армии против французов и их союзников летом 1812 года

1 июня 1812 г. военный министр, главнокомандующий 1-й Западной армии Барклай де Толли сообщил атаману М. И. Платову о том, что «на случай начала войны вы получите предписание от П. И. Багратиона». Это предписание главнокомандующего 2-й Западной армии, адресованное атаману М. И. Платову, последовало уже 3 июня. В нем указывалось: «По всем доходящим сведениям должны вскоре ожидать разрыва с Франциею и начала военных действий, посему и предлагаю Вашему высокопревосходительству к неперемennomу исполнению:

1-е. Стараться всеми мерами узнавать заблаговременно о всех неприятельских предприятиях, против которых принять нужные предосторожности.

2-е. До открытия войны остерегаться дать повод к неудовольствию противной стороны, отнюдь не задирать ссоры и строго наблюдать, дабы на соседственную границу никто из войска нашего не смел переходить за каким бы то предлогом не было, на всякие уже наглые неприятельские покушения на наши предъявления встретить силою орудия.

3-е. Озаботиться заблаговременно, чтобы казенные деньги и запасы, находящиеся в Белостокской области, отправлены были бы первыми с получением сего в Вильну, а последней через Лиду на Ольшаны.

4-е. Озаботиться об отправке волов и горячего вина.

5-е. ... получить продовольствие в Белостокской области.

6-е. По начатии военных действий исполнить в точности следующее:

а) Беспокоить неприятеля денно и ношно.

б) Действовать ему в тыл и во фланги, стараться овладеть его транспортами и истреблять в тылу неприятельском все, что только можете ...

в) Отнимать у неприятеля все способы». Далее сообщалось, что 6 июня штаб-квартира Багратиона будет уже находиться в городе Волковыске Гродненской области, поэтому все донесения следует адресовать туда [2].

Наполеон, нарушив миролюбивые обещания, в 22 часа 11 (23) июня 1812 года начал переправлять корпуса Луи Даву, Мишеля Нея, Шарля Удино, Этьена Нансути, Людовика Монбрена и Императорскую гвардию через реку Неман у деревни Понемунь, недалеко от Ковно. Начальник главного штаба 1-й Западной армии генерал-лейтенант Н. И. Лавров уже на следующий день сообщал атаману М. И. Платову о том, что 12 июня 1812 г. «неприятель сделал на нашу сторону переправу выше Ковно в верстах 6 ниже местечка Понемуни. Пехотою переправляется перевозными людьми и малой части кавалерии уже на нашей стороне, и пехоты много...; с казаками уже была перестрелка, с правой стороны у него слышно было четыре пушечных выстрела, но где в каком месте неизвестно. Неприятель наводит однако переправы пантонный мост» [3]. Приказывалось М. И. Платову собрать всех казаков и действовать на правой стороне реки.

Войска вице-короля Италии Евгения Богарне и генерала Жерома Бонапарта форсировали Неман 18 июня у селения Прены и города Гродно. Таким образом, Наполеон 12 –18 июня 1812 г. со всей своей армией вторгся в пределы России. Как отмечал Н. Н. Раевский в письме А. Н. Самойлову: «Неприятель начал свою переправу у Ковно и Олиты». В первый день начала переправы с польскими уланами столкнулся разъезд Лейб-гвардии Казачьего донского полка (командир – В. В. Орлов-Денисов) под командованием хорунжего Жмурина (в отдельных изданиях ротмистра А. Н. Рубашкина), который под натиском превосходящих сил противника вынужден был отступить. Через несколько дней, 17 июня (29), в «Северной почте» сообщалось: «Корпусы под начальством фельдмаршалов: Нея, Удино, Макдональда, князя Понятовского и гвардия перешли Неман в одно время в Юрбурге, Ковно, Олитте и Мерече... Происходили некоторые сшибки, в которых гвардейские казаки себя отличили».

В связи с внезапным нападением наполеоновских войск Александр I в письме председателю Государственного совета и Комитета министров фельдмаршалу Н. И. Салтыкову от 13 июня отмечал: «Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань» и применить все «способы к отражению силы силою». Эти же идеи были заложены в приказе по армиям об открытии войны против французов, подписанном Александром I. В нем указывалось, что «французский император нападением на наши войска при Ковно открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы наши против сил неприятельских» [4].

В обстановке начавшихся боевых действий корпус атамана М. И. Платова (по официальным данным, в его состав входили полки: Атаманский, И. Д. Иловайского 4-го, Н. В. Иловайского 5-го, С. Д. Иловайского 8-го, О. В. Иловайского 10-го, М. Г. Власова 3-го, А. К. Денисова 6-го, В. Т. Денисова 7-го, И. К. Краснова 1-го, А. А. Карпова 2-го, К. И. Харитонов 7-го, Г. Г. Мельникова 4-го, Н. Г. Мельникова 5-го, Г. А. Луковкина 2-го, 1-я конноартиллерийская рота П. Ф. Тацына), отступая по приказу Баркляя де Толли от Гродно (в ночь с 16 на 17 июня) через Лиду, Щучин и Сморгони, должен был выйти к Свенцянам – к месту сосредоточения всех соединений 1-й Западной армии. Возможно, по плану Баркляя де Толли предполагалось дать французам генеральное сражение. Однако М. И. Платов, миновав Лиду и дойдя до Ольшаны, вынужден был повернуть на юг, перейти через Неман и присоединиться к находившейся по соседству 2-й Западной армии П. И. Багратиона. 19 июня М. И. Платов получил рескрипт Александра I, официально разрешавший находиться при 2-й Западной армии, прикрывать ее отступление, то есть выполнять роль арьергарда, всячески нанося вред коммуникациям противника.

Во 2-й Западной армии находились донские полки: Т. Д. Иловайского 11-го, В. Д. Иловайского 12-го, В. А. Сысоева 3-го, Г. А. Дячкина, М. Д. Платова 5-го, Ф. А. Барабанщикова 2-го, М. А. Власова 2-го, А. Ф. Чикилева 1-го, П. В. Янова 1-го, И. И. Андриянова 2-го, а

также и присоединенные: В. А. Быхалова 1-го, И. В. Грекова 21-го и Д. Д. Комиссарова 1-го. Таким образом, во 2-й Западной армии оказались 27 донских казачьих полков и 1-я донская конноартиллерийская рота, личный состав которых представлял почти 14 тыс. казаков, в том числе до 750 калмыков.

Корпус М. И. Платова, как сообщал П. И. Багратион 20 июня (2 июля) Александру I, фактически уже с первых дней войны выступал в роли арьергарда 2-й Западной армии. Багратион писал, что войска противника, которые «прикрыты казаками корпуса генерала Платова», из Гродно идут к Вильно и скоро покажутся в Бельцах. Как впоследствии вспоминал участник Отечественной войны 1812 г. полковник М. М. Петров: «24 июня [6 июля] 1812 года присоединяясь у Столбцов к армии князя Багратиона и перейдя через Бобруйск к Старому Быхову на Днепр, мы маневрировали одним нашим егерским полком с атаманом Платовым при его 20 донских, Уральских, Татарских, Калмыцких и Башкирских полках, из 16 орудий донской артиллерии его около Могилева, Копыса, Орши, Любавичей и Рудни до Бабанович и Поречья» [5].

Казачьи полки М. И. Платова, вплотную подойдя ко 2-й Западной армии, идущей на соединение с 1-й Западной (в ней находились донские полки лейб-гвардии Казачий – генерал-майора В. В. Орлова-Денисова, подполковника И. А. Селиванова 2-го, подполковника И. И. Платова 4-го, полковника М. И. Родионова 2-го (в их личном составе было 84 калмыка-казака), а также 1-й Бугский и 1-й Тептярский), впервые завязали арьергардные бои с противником 14 и 16 июня. 21 июня (3 июля) отряд генерала М. И. Платова при селении Закревчизне вступил в сражение с авангардом корпуса Л.-Н. Даву под командованием генерала К.-П. Пажоля. Неприятель потерял убитыми до 100 человек, пленными 22 солдата и офицера. 26 июня (8 июля) у населенного пункта Кореличи донские полки генерал-майоров Н. В. Иловайского 5-го и А. А. Карпова 2-го отразили атаку частей дивизии уланов генерала К. Турно и захватили в плен более 250 человек. По свидетельству П. Н. Краснова, в этих боях участвовали полки Атаманский, полковника В. А. Сысоева 3-го, генерал-майора И. К. Краснова 1-го, полковников О. В. Иловайского 10-го

и Т. Д. Иловайского 11-го (в составе каждого из них находилось до 20-30 калмыков), а также Перекопский татарский.

Донские полки атамана М. И. Платова, находясь вместе с гренадерской дивизией генерал-майора М. С. Воронцова и отрядом генерал-майора И. В. Васильчикова, почти месяц в арьергарде 2-й Западной армии, не только прикрывали её фланги и тылы, но и выполняли разведывательные функции, обеспечивая удачное маневрирование армии П. И. Багратиона. Генерал И. Ф. Паскевич позднее вспоминал: «Казаки везде высматривали, о всем давали знать и под предводительством Платова дрались необыкновенно». По сохранившимся документам видно, что донские казачьи полки Карпова 2-го, полковника В. А. Быхалова 2-го, Сысоева 3-го, Краснова 1-го, войскового старшины Д. Д. Комиссарова 1-го, Балабина 2-го, подполковника К. И. Харитонova 7-го внимательно следили за продвижением противника и подробно докладывали Багратиону. Так, 22 июня (4 июля) 1812 г. полковник В. А. Сысоев 3-й докладывал командиру 7-го корпуса генерал-лейтенанту Н. Н. Раевскому, что отряд его полка под командой войскового старшины М. Г. Чернозубова 8-го встретил и разбил небольшой отряд неприятеля и, взяв в плен 4 человека, отправил их командиру корпуса [6].

В это же время в 3-ю Западную (Обсервационную) армию, согласно данным некоторых источников, входили донские полки войскового старшины Г. И. Молчанова 2-го, Д. И. Каршина 4-го, подполковников Т. С. Ильина 1-го и Ф. И. Араканцева 1-го, войскового старшины А. Е. Сафонова 1-го, Апостолова, войскового старшины Г. С. Самойлова 1-го, полковника А. А. Ягодина 4-го (в личный состав указанных полков входило 143 калмыка-казака).

В середине июля Дунайская армия, куда входили донские полки полковника А. Е. Грекова 4-го, генерал-майора П. М. Грекова 8-го, майора С. И. Пантелеева 2-го, полковника Н. Г. Мельникова 5-го, подполковника Ф. А. Кутейникова 4-го (в его полку служило 30 калмыков), войскового старшины П. А. Киреева 2-го, майора Ф. Ф. Мелентьева 3-го, подполковника И. Г. Турчанинова 1-го (полк подполковника Е. Н. Астахова 5-го остался в Молдавии), конноартиллерийская рота, выступила из Бухареста на соединение с 3-й Западной армией. В указанных 9 донских полках числилось 156 калмыков-казаков.

В отдельном Грузинском корпусе еще оставались полки войсковых старшин З. Л. Краснова 3-го, И. А. Поздеева 8-го, Д. В. Попова 16-го, И. П. Сысоева 2-го и М. С. Агеева 3-го, подполковников М. Ф. Балабина 1-го, Е. М. Ежова 1-го, Ф. А. Извалова и Ф. Р. Богачева 1-го, майора А. К. Данилова; в Финляндии – полковника И. И. Исаева 2-го, подполковника И. Н. Лащилина 1-го и войскового старшины Д. М. Киселева 2-го. Кроме них, в разных регионах России дислоцировались еще 9 донских казачьих полков.

Атаман М. И. Платов, прикрывая отступление 2-й Западной армии на Несвиж, 26 июня получил предписание П. И. Багратиона задержать противника в местечке Мир до отступления его армии из Несвижа по Слуцкой дороге к Тимковичам. Главнокомандующий пообещал подкрепить М. И. Платова 3 конными и 2 пехотными полками. В разгар боя эта помощь подоспела во время. Крупное сражение между корпусом М. И. Платова и французской кавалерийской дивизией генерала А. Рожнецкого, усиленной бригадами К. Турно и Д. Дзевановского, произошло 27–28 июня (9–10 июля) под деревней Мир. В этой битве донские казаки отбили атаки 6 полков авангарда короля вестфальского Жерома Бонапарта, разгромили из них 3 уланских полка генерала Турно и кавалерийскую дивизию Рожнецкого. По данным П. И. Багратиона, противник потерял убитыми множество людей – «поле, покрытое трупами мертвых неприятелей», пленными подполковников А. Радзиминского и Суминского, 26 штаб- и обер-офицеров, более 350 нижних чинов. Генерал Турно, «спасшийся бегством, в сем деле был ранен». У казаков безвозвратные потери составили 25 человек. В результате этого сражения 2-я Западная армия получила кратковременный отдых и продолжила спокойный отход в заданном направлении.

По случаю этой победы 28 июня генерал Н. Н. Раевский, командир 7-го пехотного корпуса 2-й Западной армии, писал графу А. Н. Самойлову: «у нас вчерась первая была стычка. Три полка кавалерийских насунулись [на] Платова. Платов их истребил. Начало прекрасное». Более подробно об этом писал начальник штаба 2-й армии генерал-адъютант Э. Сен-При директору Особой канцелярии Барклая де Толли А. А. Закревскому: «Мы идем на Слуцк и успели, однако,

дать пощечину полякам: 3-м уланским полкам, которые пожаловали к нам из Новогрудка вслед за нами. Платов их жестоко проучил и разбил их одними казаками в прах. Начало хорошее, дай Бог и вперед».

В этом сражении, по докладу М. И. Платова, представленному 29 июня военному министру, главнокомандующему 1-й Западной армии Барклаю де Толли, и по рапорту П. И. Багратиона Александру I, приняли участие донские полки: Атаманский, генерал-майоров Иловайского 5-го и Карпова 2-го, полковников Иловайского 10-го, Иловайского 11-го и Иловайского 12-го, Грекова 10-го, Сысоева 3-го, 2-я рота донской артиллерии под командованием П. В. Суворова 2-го, Симферопольский татарский и Ставропольский калмыцкий полки, ахтырские гусары и киевские драгуны. К этому сражению 28 июня вовремя подоспел летучий отряд генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го в составе донских полков подполковников Грекова 18-го и Харитонов 7-го, Перекопского татарского, находившийся на правом берегу Немана в местечке Камень для поддержания связи с отрядом генерала И. С. Дорохова.

В составе указанных 10 донских казачьих полков и летучего отряда (в каждом полку до 20, Атаманском – 91 калмык), 2-й артиллерийской роты участвовали в этом бою более 250 донских калмыков, не считая пятисотенного Ставропольского калмыцкого полка. Факт участия калмыков в этом сражении подтверждается и воспоминаниями английского генерала Роберта Томаса Вильсона, находившегося в 1812 г. в ставке главнокомандующего российской армии и участвовавшего во многих боевых событиях кампании. Он писал, что казаки взяли «в плен триста человек, с которыми обошлись весьма гуманно, хоть и отправили во внутренние губернии под охраной калмыков» [7].

Количественное превосходство противника и быстрый темп его наступления побудили Александра I обратиться с манифестами от 6 июля 1812 г. «О создании ополчения для подкрепления войск и защиты Отечества» к народам России и отдельно к жителям Москвы. Почти одновременно, согласно манифесту Александра I от 18 июля и указу от 31 июля, были организованы три округа ополчения и создан особый Комитет по делам ополчений при императоре в составе

генерала от артиллерии А. А. Аракчеева, министра полиции генерал-лейтенанта А. Д. Балашева и государственного секретаря адмирала А. С. Шишкова [8].

В Новочеркасске царский манифест от 6 июля и соответствующий указ Правительствующего сената были получены 20 июля. Несмотря на то, что в манифесте императора не предусматривалось образование Донского округа ополчения, Войсковая канцелярия Войска Донского вечером того же дня приняла решение «во исполнение означенного высочайшего е. и. в. манифеста» собрать всеобщее воинское ополчение. Об этом был уведомлен атаман М. И. Платов, находившийся в действующей армии. Вскоре, 26 июля, М. И. Платов прислал предписание, предлагавшее срочно сформировать ополчение и направить форсированным маршем, делая переходы в день по 30–35 км, к 1-й Западной армии. Всеми вопросами организации ополчения на Дону занимался прибывший из армии генерал-лейтенант А. К. Денисов 6-й, назначенный на время отсутствия атамана М. И. Платова войсковым наказным атаманом. Подготовкой и сбором калмыков-казakov в ополченские полки занимались улусные правления во главе с приставом, который выполнял указания наказного атамана и отчитывался перед ним. Срочно подготовленные 2 рабочих полка полковника А. А. Ягодина 2-го и войскового старшины А. М. Гревцова 2-го из служилых казаков уже 30 августа были отправлены к М. Платову, затем вскоре из служилых казаков полки войсковых старшин И. Г. Попова 13-го и В. А. Кутейникова 6-го.

Войсковая канцелярия обратилась с призывом вступать в ополчение со своим оружием не только к казакам, но и донским калмыкам. Начальник Войсковой канцелярии генерал-майор Н. Н. Курнаков в донесении войсковому атаману генералу от кавалерии М. И. Платову отмечал, что «приставу над калмыками предписано собрать немедленно сотенных атаманов и с ними исчислить также всех могущих носить оружие калмык, не исключая ни гелюнгов, ни гицулей, ни отставных, ни льготных, ни бедных, ни малолетков, полагая до 17-летнего возраста, кроме сущих калек, равномерно весьма дряхлых и одержимых иногда жестокими болезнями, неспособных к походу, и о числе их тотчас донести сюда с нарочным; а самому ему с сотенными началь-

никами стараться всевозможно всех их вооружить, заимствуясь для неимущих один у другого оружием». Далее приставу предлагалось собрать оставшихся пеших и безоружных калмыков, а также тех, которые находились в кочевьях, и быть готовыми к выступлению в поход в течение 24 часов. Все служилые и отставные казаки, находившиеся на кордонах, на различной внутренней службе, были отозваны для сбора в поход [9].

Между тем конница М. И. Платова, отличавшаяся мобильностью и маневренностью, ведя основными силами арьергардные сражения, успевала небольшими отрядами действовать и по тылам французской армии. Иногда ей приходилось выступать и в авангарде 2-й Западной армии, идущей на соединение с 1-й армией. Так, 2 июля конница атамана М. И. Платова в составе полков Атаманского, Краснова 1-го, Иловайского 4-го, Кутейникова 2-го, Карпова 2-го, Иловайского 5-го, Иловайского 12-го, И. Г. Мельникова 3-го (назначен вместо убывшего на Дон А. К. Денисова 6-го), 2-й донской конноартиллерийской роты, отряда И. В. Васильчикова (ахтырские гусары, киевские драгуны и литовские уланы) у местечка Романова сдержала до ночи 3 июля натиск кавалерийского авангарда маршала Даву (5-й Польский корпус в составе 7 полков под командованием Ю. Понятовского). В этом бою казаки разгромили 1-й польский конно-егерский полк полковника К. Пшебендовского, 12-й уланский полк, при этом захватила штандарт полка, взяли в плен 17 обер-офицеров и 31 унтер-офицера, 1 доктора, более 350 нижних чинов. В составе указанных донских полков сражались с противником до 200 калмыков-казаков.

П. И. Багратион, докладывая об этом бое казаков и его результатах, писал Александру I: «я приказал генералу от кавалерии Платову, наступая на неприятеля, удержать непременно местечко Романово до ночи 3-го числа [15 июля]... Остатки неприятельской кавалерии... были равно разбиты и преследуемы до наступавшей ночи. В деле сем, два полка лучшие из всей кавалерии неприятельской, Первой Шасерской и Конногвардейской, истреблены совершенно». В следующем донесении императору он отмечал, что «разбитие неприятельского авангарда при Романове, из семи полков состоявшего, и совершенное истребление двух лучших из оных, ... остановило покушения непри-

ательские на арьергард вверенной мне армии, и с того времени, преследуя меня издалека, не имеет дерзости делать нападений более». Позднее А. П. Ермолов писал: «Генерал Платов наказал польскую кавалерию при местечке Мире и при местечке Романове, дерзнувшую сразиться. Судьба сохранила нам врожденное превосходство над поляками; казакам первым предоставила честь возобновить в сердцах их сие чувство» [10] .

В это время (2 июля) 1-я Западная армия Барклая де Толли оставила Дрисский лагерь, переправилась через Двину и двинулась двумя потоками к Витебску. Для охраны пути на Петербург в районе Покаяевцы был оставлен 1-й корпус Витгенштейна, куда входили 3 донских казачьих полка (полковника М. И. Родионова 2-го, подполковников И. А. Селиванова 2-го и И. И. Платова 4-го), которые постоянно находились в арьергарде корпуса. В эти же дни при местечке Друя отряд под командованием генерал-майора Я. П. Кульнева 2-го (из корпуса Витгенштейна), в составе донского полка И. И. Платова 4-го и Гродненского гусарского полка полковника Ф. В. Ридигера, разгромил 11-й конно-егерский и 10-й польский гусарский полки, взял в плен генерала Ж. М. Сен-Женьеса, 3 офицеров, 139 рядовых, около 100 раненых и убитых остались на поле боя. Потери казаков составили – 2 убитых, 19 раненых. За победу в этом бою И. И. Платов 4-й был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, есаулы Алексей Русин, Василий Золотарев, Василий Мельников, Ефрем Сычев, хорунжие Семен Сидоров, Илья Ховаев (калмык), полка подполковника К. И. Харитонов 7-го казак А.Г. Кузнецов и многие другие пожалованы Знаками отличия Военного ордена. 6 июля Барклай де Толли сообщал императору, что донские казаки разбили 9 неприятельских полков и взяли в плен 30 штаб-офицеров и до 900 рядовых.

Отряду полковника Сысоева 3-го, вступившего в командование после ранения генерал-майора Иловайского 5-го, в составе пяти казачьих полков (Н. В. Иловайского 5-го, И. В. Иловайского 10-го, Т. Д. Иловайского 11-го, И. И. Андриянова 2-го, В. А. Сысоева 3-го), в которых числилось до 120 калмыков, 9 июля (21 июля) удалось при минимальных потерях в местечке Дашковке, недалеко от Могилева

на Днепре, разгромить авангард маршала Л.-Н. Даву, захватить более 200 пленных, в том числе 8 обер-офицеров, командира (полковника) 3-го конно-егерского полка, задержать на некоторое время продвижение противника на Могилев. За успехи в сражении при Могилеве, по имеющимся архивным сведениям, из полка подполковника Андриянова 2-го были представлены к награждению 3 урядника и 6 рядовых казаков, в том числе калмык Улан Аджинов, из полка полковника Иловайского 10-го в числе представленных к награждению был калмык урядник Садчиков (по другим документам Санчиков), из других полков – калмыки-казаки Кука Джиганов и Бултук Шарاپов [11].

Через день, 11 июля (23 июля), у деревни Салтановка П. И. Багратион дал сражение всему корпусу Даву, в котором приняли участие 12 донских казачьих полков (генералов Краснова 1-го, Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, Кутейникова 2-го, Карпова 2-го, полковников Сысоева 3-го, Балабина 2-го, Иловайского 11-го, Иловайского 12-го, подполковников Грекова 18-го, Харитонова 7-го, Мельникова 3-го, в составе которых числилось до 250 калмыков-казаков), вторая донская артиллерийская рота П. В. Суворова под общим командованием атамана М. И. Платова, 2 татарских, Ставропольский калмыцкий, 1-й Башкирский полки, отряд генерал-майора И. С. Дорохова, составленный из 1-го егерского и Изюмского гусарского полков.

П. И. Багратион 13 июля об этом сражении писал: «Третьего дня у меня было жаркое дело, и потурил крепко я Даву и Мортье. Он потерял пехоты одной 5000 человек и два полка кавалерии. Наш урон невелик – славно мы дрались – истинно, неслыханно. Спасибо, они меня тешат, что неприятель имел под ружьем 60000, а я дрался с корпусом Раевского. Не токмо не уступил ему место, но прогнал 6 верст в лес. Он там остановился, я далее не пошел – там мы и разошлись» [12]. Затем П. И. Багратион, переправившись 12 июля на левый берег Днепра, направился на соединение с 1-й армией.

12–15 июля (24–27 июля) корпус М. И. Платова, разделившись на небольшие группы (полки подполковника Мельникова 3-го, генерал-майора Денисова 7-го, Харитонова 7-го и отряд подполковника П. А. Чуйкевича в количестве 700 казаков и 50 калмыков) прошелся по тылам противника в районе Могилева и Орши, Шклова и Копыси.

В этом походе казаки уничтожили более 2 тыс. солдат неприятеля, взяли в плен 13 офицеров и 630 нижних чинов. В середине июля войска М. И. Платова с 11 донскими, 2 татарскими, Ставропольским калмыцким и 1-м Башкирским полками, 2-й ротой Донской артиллерии и отрядом генерал-майора И. С. Дорохова (1-й егерский и гусарский полки), двигавшиеся в авангарде 2-й армии, первыми встретились 16 июля (28 июля) в районе Рудни, недалеко от Смоленска, с войсками 1-й Западной армии.

15 июля (27 июля) 3-я армия А. П. Тормасова, в составе которой находились 5 донских казачьих полков (полковника Г. А. Дячкина, подполковника Ф. А. Барабанщикова, войсковых старшин А. Ф. Чикилева, М. А. Власова 2-го и М. Д. Платова 5-го численностью до 2 тыс. казаков, в том числе до 100 калмыков), в Кобрине нанесла поражение 4 тысячной Саксонской бригаде. В результате этого боя были убиты до 1 тыс. человек противника, взяты в плен вместе с командиром генералом Г. Х. Кленгелем и 4 знаменами, 76 офицеров, 2382 нижних чина, 8 орудий.

В эти же дни удача сопутствовала и корпусу П. Х. Витгенштейна, имевшему 3 донских полка (полковника М. И. Родионова 2-го, подполковников И. И. Платова 4-го и И. А. Селиванова 2-го численностью свыше 1200 казаков, в том числе до 60 калмыков). В течение 18–20 июля ему удалось нанести поражение корпусу Н.-Ш. Удино в Клястицах, заставив его отступить к Полоцку, при этом уничтожить до 10 тыс. человек и до 3 тыс. захватить в плен, приостановить движение французов на Псков, предотвратить наступление неприятеля на Петербург. По поводу этих двух сражений П. И. Багратион писал Ф. В. Растопчину: «Словом сказать, во всяком случае, где повстречались, там их порядочно откатали». По донесениям Барклая де Толли от 22 июля и Багратиона от 23 июля Александру I, 1-я и 2-я Западные армии в 10 часов 21 июля (2 августа) 1812 г. соединились в Смоленске. Тем самым успешно была решена ближайшая стратегическая задача – соединение обеих армий, составивших единую силу [13]. Следующая стратегическая задача российской армии состояла в том, чтобы вступить в генеральное сражение с противником и предопределить исход войны.

Донской казачий корпус атамана М. И. Платова в составе 11 донских полков, влившись в состав 1-й армии Баркляя де Толли, составил её авангард. А во 2-й армии остались 10 донских полков (лейб-гвардии Казачий под командованием генерал-майора В. В. Орлова-Денисова, генерал-майоров Иловайского 4-го и Денисова 7-го, подполковника Андриянова 2-го, полковников Иловайского 11-го, Иловайского 10-го, Иловайского 12-го, Сысоева 3-го, подполковника Чернозубова 8-го, полковника Мельникова 5-го).

Через несколько дней, 27 июля (8 августа), между деревнями Лешни и Молево Болото отряд (полки В. Т. Денисова 7-го, подполковника И. Г. Мельникова 3-го (погиб в этом бою и его заменил войсковой старшина И. И. Жиров), Н. В. Иловайского 5-го, подполковника Т. Д. Грекова 18-го, К. И. Харитонов 7-го, Атаманского, в составе которых находилось до 170 калмыков, при поддержке 2-й донской роты артиллерии, Симферопольского татарского полка и 200 башкир) из корпуса атамана М.И. Платова под общим командованием Кутейникова 2-го атаковал кавалерийский корпус генерала О. Ф. Себастьяни и с помощью подоспевшего отряда в составе трех гусарских полков генерал-майора П. П. Палена нанес ему значительный урон, захватив ценные документы французского генерала, взяв в плен 1 полковника и 1 подполковника, 1 майора, 7 обер-офицеров и более 300 рядовых. В Атаманском полку отметили особо отличившегося в бою 27 июля калмыка-казака урядника Сергея Алексеевича Сарынова и представили к производству в офицеры – в хорунжие. В этом бою указанные донские полки и артиллерийская рота понесли заметные потери: погибло 23 казака (в том числе подполковник Мельников 3-й, хорунжий Агеев и есаул Чукарин), ранено – 82 человека; убито 103 лошади, ранено – 98.

Победы конницы атамана М. И. Платова в первый месяц войны имели огромное значение в моральном отношении, способствуя поднятию духа населения и солдат отступающей русской армии. Впоследствии бывший командир 26-й пехотной дивизии 2-й Западной армии в чине генерал-майора, И. Ф. Паскевич-Эриванский (будущий фельдмаршал и князь Эриванский), вспоминая эти дни, писал о том, что действия атамана М. И. Платова имели «большие последствия в нравственном отношении» [14].

3 августа крупная группировка французской армии (1, 2 и 3-й кавалерийские корпуса под командованием Мюрата (Иохима Наполеона) до 15 тыс. и 3-й пехотный корпус М. Нея), переправившись на левый берег Днепра, на дороге Ляды – Красный до Смоленска атаковала отряд генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского, в составе которого были донские казачьи полки Быхалова, Грекова 21-го и Комиссарова 1-го, присоединенные ко 2-й армии из 2-го резервного корпуса генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля. Под напором превосходящих сил Д. П. Неверовскому пришлось отступить до Смоленска, но сумел избежать разгрома. В последующие дни (4–5 августа) Неверовскому вместе с подошедшим корпусом генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского и отрядом В. А. Сысоева 3-го (4 донских полка с ротой артиллерии) пришлось отражать атаки противника до подхода к Смоленску основных сил русской армии. Особенно ожесточенные сражения произошли в те дни под г. Красным и в пригороде Смоленска. В указанных донских полках и артиллерийской роте сражалось более 50 калмыков-казаков.

Несмотря на упорное сопротивление частей российской армии, Смоленск после двухдневного боя был оставлен. Потери русской армии в этом сражении составили до 6 тыс., французской – до 15 тыс. человек. 6 августа обе Западные армии, сохранив свои силы, начали отступать по Московской дороге к Соловьевой переправе через Днепр. 6–7 августа арьергард российской армии в составе 4 донских полков (Карпова 2-го, Г. А. Луковкина 2-го, И. В. Грекова 21-го, С. Г. Чернозубова 5-го) под командованием генерал-майора А. А. Карпова 2-го, 5-тысячного отряда генерала П. А. Тучкова 3-го и с подошедшим на помощь 1-м кавалерийским корпусом графа В. В. Орлова-Денисова провели крупное сражение у деревни Лубино (15 км от Смоленска). В двухдневном бою войска Нея, Мюрата и Жюно (из 32 тыс. участвовавших) потеряли убитыми и ранеными около 8 800 человек, усиленный отряд П. А. Тучкова (из 17 тыс.) – около 5 тыс. человек. Тем самым была дана возможность 1-й и 2-й Западным армиям спокойно отойти на Дорогобуж, а затем к Вязьме. Таким образом, в сражении у Лубино с самого начала участвовали 4 донских казачьих полка под командованием генерал-майора А. А. Карпова 2-го вместе с сильным

отрядом А. И. Горчакова, 7 августа отходившим последним от Смоленска. Потери у казаков были незначительны: в полку Карпова 2-го погиб 1 казак, Луковкина 2-го – 4. Затем к ним подошли на помощь другие части, в том числе и 1-й кавалерийский корпус 1-й Западной армии В.В. Орлова-Денисова. В его составе находились лейб-гвардии Казачий и 4 строевых донских полка, причем первый отличился в этом сражении. В числе представленных к награждению казаков лейб-гвардии Казачьего полка были 2 калмыка. В составе 9 донских полков, участвовавших в этом бою, сражались до 160 калмыков-казачков.

В эти же дни корпус П. Х. Витгенштейна сдерживал натиск и вел бои при Свольне с войсками маршалов Ш.-Н. Удино, Ж.-С. Макдональда и Л. Г. Сен-Сира. В этих боях отличился донской казачий полк М. И. Родионова 2-го (в его личном составе было 18 калмыков). На помощь Витгенштейну из Финляндии на судах Балтийского военноморского флота перебрасывался корпус генерала Ф. Ф. Штейнгеля, в составе которого находились донские полки Киселева 2-го, Лащилина и Исаева 2-го.

В указанных сражениях был отмечен также донской казачий полк подполковника М. Г. Власова 3-го, прикрывавший вместе с полком В. Т. Денисова 7-го отступление арьергарда П. П. Коновницына. Приказом начальника Главного штаба 1-й армии генерал-майора А. П. Ермолова от 24 августа 1812 г. от имени Главнокомандующего каждой сотне этого полка для награждения казаков были выделены по три Знака отличия Военного ордена «за храбрость, неоднократно оказанную в делах авангарда». Донские казачьи полки атамана М. И. Платова, постоянно находясь в арьергарде 2-й Западной армии и после соединения обеих армий, понесли существенные потери, особенно 15–16 августа в бою у сел Рыбки, Гриднева, Колоцкого монастыря, где погиб генерал-майор И. К. Краснов 1-й, командовавший казачьим корпусом. А 14 августа в боях с сильным авангардом Мюрата полки Карпова 2-го, Грекова 21-го, Иловайского 9-го и Кутейникова 4-го, входившие в арьергард 2-й Западной армии под командованием генерал-майора К. К. Сиверса, потеряли убитыми 32 и ранеными 47 казаков. После этих сражений М. И. Платов писал, что

«были такие потери в донских полках, каких не было во всех делах их с начала войны 1812 года» [15].

8–9 августа 1 и 2-я Западные армии под прикрытием арьергарда в составе трех корпусов генерал-адъютанта Ф. К. Корфа и казачьего корпуса М. И. Платова перешли на левый берег Днепра и двинулись по направлению к Дорогобужу, где предполагалось дать неприятелю сражение. Однако российская армия, не вступая в бой, продолжила отступление и лишь 22 августа (3 сентября) окончательно остановилась и избрала позицию для генерального сражения у деревни Бородино, в 12 верстах от Можайска. В это время (20 августа 1812 г.) главнокомандующим всеми армиями был назначен генерал от инфантерии М. И. Кутузов.

В период движения армий от Смоленска до Бородина в арьергарде постоянно находилась конница М. И. Платова (после отправки М. И. Платова в Москву, с 18 августа казачий корпус возглавлял генерал-майор И. К. Краснов 1-й, а после его смертельного ранения, с 24 августа – генерал-майор Н. В. Иловайский 5-й). По распоряжению М. И. Кутузова 19 августа был сформирован общий арьергард 1-й и 2-й армий под командованием генерал-лейтенанта П. П. Коновницына. В него от 2-й армии вошли 10 полков Войска Донского (бригады М. Г. Власова 3-го, В. Т. Денисова 7-го и отряд А. А. Карпова 2-го), 3 егерских полка, Ахтырский гусарский, Литовский уланский полки и 1-я Донская конная артиллерийская рота под общим командованием генерал-майора К. К. Сиверса.

Донские полки продолжали успешно вести арьергардные бои. 19 августа при дер. Колесники отряд полковника О. В. Иловайского 10-го в составе 3 донских полков отразил нападение неприятеля на арьергард генерал-майора К. К. Сиверса, куда входил отряд А. А. Карпова 2-го, и захватил в плен до 100 человек. В эти же дни (с 17 по 24 августа) отряд генерал-майора К. А. Крейца в составе 4 полков, в том числе донской полк И. И. Андриянова 2-го и артиллерийская рота П. В. Суворова, находясь на правой стороне (северной) стороне объединенного арьергарда, провел удачные бои под Царево-Займищем, городом Гжатском, деревнями Лескино, Журавлево, Мышкино и Глазово. В ходе этих сражений отряд взял в плен 1 штаб-офицера, 2 капи-

танов и 260 рядовых. В указанных боях особенно отличились донской полк подполковника Андриянова 2-го и 2-я Донская конноартиллерийская рота. Командир отряда генерал-майор К. А. Крейц ходатайствовал о награждении П. В. Суворова и войскового старшину Емцова Золотой саблей «За храбрость», а также выделить по одному Знаку отличия Военного ордена на каждую сотню полка Андриянова 2-го.

За успешные боевые действия в арьергардных сражениях с 17–24 августа 1812 г. генерал-лейтенант П. П. Коновницын, командир центрального арьергарда армии, представил генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го, командира Атаманского полка полковника С. Ф. Балабина 2-го и командира 2-й Донской артиллерийской роты войскового старшины П. В. Суворова 2-го к награждению орденами. За этот небольшой период только Атаманский полк потерял убитыми 1 урядника и 2 казаков, ранеными – 1 урядника и 12 казаков. Полковник Балабин, в свою очередь, ходатайствовал перед генерал-лейтенантом П. П. Коновницыным о награждении 7 командиров и 12 казаков своего полка, в том числе калмыка-казака Шарапа Чурюмова, отличившихся в боях с 17 по 25 августа 1812 г. [16].

Об упорном сопротивлении накануне Бородинского сражения арьергарда российской армии, состоявшего преимущественно из донских полков, позднее вспоминал Мишель Комб, лейтенант 8-го конно-егерского полка французской армии. Он писал: «В следующие два дня, 5 и 6 сентября, мы продвинулись вперед лишь на очень небольшое расстояние, так как русская армия всюду оказывала нам самое решительное сопротивление, пользуясь всеми удобными для артиллерии позициями для того, чтобы громить из пушек, и прикрывая свое отступление частью цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир» [17].

В августе 1812 г., то есть накануне Бородинского сражения, в действующей российской армии против войск Наполеона, с учетом переброшенных в июле-августе полков с Кавказской линии и из других регионов, находились 48 донских полков и две артиллерийские роты. К театру военных действий были переведены с Кавказской линии полки полковника А. Е. Грекова 9-го и войскового старшины А. Н. Рубашкина 1-го, из Подольской губернии – полк полковника

Г. А. Дячкина, из Галиции – полк войскового старшины М. Д. Платова 5-го, из Херсонской и Таврической губерний – полк войскового старшины А. Ф. Чикилева 1-го, из Финляндии – полк полковника И. И. Исаева 2-го пополнил корпус Ф. Ф. Эртеля.

По списку в 48 донских полках и 2 артиллерийских ротах числилось 29470 казаков (по данным академика Е. В. Тарле, со ссылкой на графа К. Ф. Толя, – 30 тыс.), в том числе 1358 калмыков. Однако эти полки к началу августа понесли существенные потери. Так, в донских полках Андриянова 2-го, Барабанщикова 2-го, Власова 2-го, Дячкина, Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Иловайского 12-го, Карпова 2-го, Платова 5-го, Г. Г. Мельникова 4-го (до середины июня И. Ф. Слюсарева 2-го), Сысоева 3-го общий некомплект составлял 457 человек (почти полновесный полк), в госпиталях находилось 144 казака. В Атаманском полку осталось всего до 75 процентов казаков и строевых лошадей.

В это время находившиеся в Новочеркасске полнокомплектные полки полковника А. А. Ягодина 2-го и войскового старшины А. М. Гревцова 2-го (в их составе до 40 калмыков), выступили к театру военных действий. Оставались лишь в Мозыре – полк А. Е. Сафонова 1-го, в Персии – И. П. Сысоева 2-го. По-прежнему дислоцировались на Кавказской линии донские казачьи полки войскового старшины М. С. Агеева 3-го, майора П. И. Рябинина 1-го, подполковника Т. С. Ильина 1-го, войсковых старшин П. З. Сычова 3-го и Г. С. Самойлова 1-го, подполковника Ф. И. Араканцева 1-го, войскового старшины Г. И. Молчанова 2-го и в Грузии – подполковников М. Ф. Балабина 1-го, И. М. Агеева 2-го и Е. М. Ежова 1-го, войскового старшины И. А. Поздеева 8-го, подполковников Ф. Р. Богачева 1-го и Ф. А. Извалова, майора А. К. Данилова (с 28 мая 1812 г. войскового старшины В. И. Миллера), войскового старшины Д. В. Попова 16-го, в личном составе которых находились до 340 калмыков-казаков. В августе 1812 г. во всех донских строевых полках и командах по списку находилось 40123 казака (83,6 % от всех служилых), в том числе 1508 калмыков (86,6 % от всех служилых) [18].

В генеральном сражении при селе Бородино 24–26 августа (5–7 сентября) 1812 г. в 1-ю Западную армию (главнокомандую-

щий – генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, начальник штаба – генерал-майор А. П. Ермолов), наряду с 6 пехотными и 3 кавалерийскими корпусами, входили иррегулярные войска (командующий – генерал от кавалерии М. И. Платов, вернувшийся из Москвы 25 августа) в количестве 4 бригад:

1-я бригада (командир – подполковник М. Г. Власов 3-й) состояла из донских казачьих полков подполковника И. И. Андриянова 2-го, войскового старшины М. Г. Чернозубова 8-го, подполковника М. Г. Власова 3-го (командир – есаул С. В. Андронов), Перекопского конно-татарского полка (подполковник князь А. Хункалов 1-й);

во 2-й бригаде (командир – генерал-майор Н. В. Иловайский 5-й, он же командир полка) числились донские казачьи полки войскового старшины И. Г. Давыдова 3-го и подполковника Т. Д. Грекова 18-го (командир – подполковник А. С. Греков 26-й);

в 3-ю бригаду (командир – генерал-майор В. Т. Денисов 7-й) наряду с полком самого Денисова 7-го (полком командовал войсковой старшина Г. П. Победнов 1-й), входил полк войскового старшины И. И. Жирова;

в 5-й бригаде (командир – генерал-майор Д. Е. Кутейников 2-й) числились полк подполковника К. И. Харитонova 7-го и Симферопольский конно-татарский полк подполковника князя К. Балатукова 1-го.

Помимо указанных бригад в 1-й армии числились: Атаманский полк, разделенный на две части (одной командовал С. Ф. Балабин, другая под командованием есаула С. И. Пантелеева находилась при атамане), и 2-я Донская артиллерийская рота войскового старшины П. В. Суворова. Кроме того, в 1-м резервном кавалерийском корпусе генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова находился лейб-гвардии Казачий полк под командованием генерал-майора В. В. Орлова-Денисова (он же командир 2-й кавалерийской бригады). Атаман М. И. Платов накануне докладывал П. И. Багратиону, что в его полках «состоит теперь не более как по 300 чел., а в Атаманском – не более 700». На 17 августа в корпусе атамана М. И. Платова числились 15 штаб-офицеров, 117 обер-офицеров, 141 унтер-офицер, 3123 рядовых, всего с обслуживающим персоналом – 4694 человека, а также 3984

лошади. В указанных 13 (в том числе Атаманском и лейб-гвардии Казачьем) донских казачьих полках, артиллерийской роте числилось до 315 калмыков-казаков.

Во 2-й Западной армии (главнокомандующий – генерал от инфантерии князь П. И. Багратион, начальник штаба – генерал-майор Э. Ф. Сен-При) иррегулярные войска (командующий – генерал-майор А. А. Карпов 2-й) состояли из донских казачьих полков полковника А. И. Быхалова 1-го, войскового старшины И. В. Грекова 21-го (командовал – войсковой старшина В. И. Васильев), полковника О. В. Иловайского 10-го, полковника Т. Д. Иловайского 11-го, войскового старшины Д. Д. Комиссарова 1-го, подполковника Г. Г. Мельникова 4-го, А. А. Карпова 2-го (командовал полком – войсковой старшина П. А. Калинин), полковника В. А. Сысоева 3-го (командовал полком – есаул Т. Т. Рыковский). В личный состав этих 8 донских полков входило 3016 человек, в том числе до 200 калмыков-казаков.

М. И. Кутузов, готовясь к сражению при Бородино, расположил войска на позиции в боевой порядок четырьмя группами (право крыло, центр, левое крыло и резервы) и имевшиеся донские казачьи полки распределил между ними, в составе которых имелись свыше 500 калмыков (более 400 числились в других полках вне Бородино). Три казачьих полка под командованием генерал-майора И. Д. Иловайского 12-го (генерал-майора Иловайского 4-го, полковника Иловайского 12-го, Ставропольский калмыцкий) и Казанский драгунский полк еще 21 июля генерал от кавалерии М. И. Платов по указанию Барклая де Толли передал в отдельный отряд генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винценгероде, поддерживающий связь с корпусом П. Х. Витгенштейна. В корпус последнего, прикрывавший направление в сторону Петербурга, входили донские полки полковника М. И. Родионова 2-го и подполковника И. И. Платова 4-го.

На левом фланге российской армии на Бородинском поле, где бои развернулись уже 24 августа (5 сентября), участвовал отряд генерал-майора А. А. Карпова 2-го в составе указанных 8 донских полков. По поводу событий этого дня М. И. Кутузов 25 августа жене писал, что «вчерась на моем левом фланге было дело адское; мы несколько раз прогоняли и удерживали место, кончилось уже в темную ночь» [19].

На следующий день отряд Карпова 2-го был усилен еще 2 полками и придан 3-му пехотному корпусу генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го для обороны старой Смоленской дороги, ведущей на Можайск. Этот отряд в составе полков – А. А. Карпова 2-го (полком командовал войсковой старшина П. А. Калинин), О. В. Иловайского 10-го, Т. Д. Иловайского 11-го, В. А. Сысоева 3-го, И. В. Грекова 21-го, Г. Г. Мельникова 4-го, А. И. Быхалова 1-го, Ф. А. Барабанщикова 2-го, Д. Д. Комиссарова 1-го, (1 полк не удалось установить), в личном составе которых находилось более 200 донских калмыков-казачков, наблюдая за Старой Смоленской дорогой, весь день 26 августа (7 сентября) сражался с 5-м Польским армейским корпусом маршала Ю. А. Понятовского, не давая ему обойти левый фланг российской позиции.

За мужество и отвагу в трехдневных сражениях (24–26 августа) из этих полков были представлены к воинским наградам 167 казаков и офицеров (10 есаулов, 10 сотников, 2 войсковых старшин, 5 хорунжих, 1 капитан). В представлении А. А. Карпов 2-й отмечал, что казаки действовали «с неустрашимой и отличною храбростью: поражали противника пиками, расстраивали тыл его и брали довольно число в плен». В числе представленных к награждению казаков из Иловайского 11-го полка значился калмык Гибигов. Командиры полков, «командуя вверенными им полками, несмотря на сильные пушечные и оружейные выстрелы, находились всегда впереди оных и воочию подавали подчиненным своим пример, ... сами много раз бросались в колонные неприятельские, своеручно поражали оногo». В данном представлении А. А. Карпова 2-го наряду с другими указаны полки В. А. Быхалова 1-го, Д. Д. Комиссарова 1-го и Ф. А. Барабанщикова 2-го, а также количество представленных чинов к награждению из этих полков. Поэтому невозможно согласиться с утверждением историков В. А. Бессонова и А. И. Попова о том, что в сражениях 24–26 августа 1812 г. не участвовали полки Быхалова и Комиссарова. Наше мнение подтверждается и сведениями Н. П. Поликарпова, который на основании первоисточников перечислил донские полки (Сысоева 3-го, Быхалова 1-го, Грекова 21-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Карпова 2-го, Комиссарова и Мельникова 4-го)

отряда генерал-майора А. А. Карпова, участвовавшие в сражениях 24 августа при деревне Доронино и Шеврадино, 25 августа в Утицком лесу [20].

В резерве правого крыла армии М. И. Кутузов расположил 1-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова. В него входили гвардейская кавалерийская дивизия генерал-майора В. В. Орлова-Денисова и (в том числе лейб-гвардии Казачий полк в составе трех эскадронов под командованием полковника И. Е. Ефремова и гвардейская Черноморская сотня); всего 27 эскадронов, 1 сотня и 12 конных орудий. Слева от корпуса Уварова находилась конница генерала от кавалерии М. И. Платова в составе 9 полков (Атаманского, подполковника И. И. Андриянова 2-го, войскового старшины М. Г. Чернозубова 8-го, подполковника М. Г. Власова 3-го, генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го, подполковника Т. Д. Грекова 18-го, генерал-майора В. Т. Денисова 7-го, войскового старшины И. И. Жирова, подполковника К. И. Харитонов 7-го), разделенных на 4 бригады (командиры – подполковник М. Г. Власов 3-й, генерал-майоры Н. В. Иловайский 5-й, В. Т. Денисов 7-й и Д. Е. Кутейников 2-й), и 2-й артиллерийской роты (в ней 5 калмыков) войскового старшины П. В. Суворова. В личном составе указанных донских полков числилось до 200 калмыков-казаков. Помимо донских полков, в корпус Платова входили Перекопский и Симферопольский конно-татарские, 1-й Башкирский, 1-й Бугский и 1-й Тептярский полки.

Донские полки бригады М. Г. Власова 3-го и пятисотенный отряд из Атамановского полка под командованием С. Ф. Балабина, менее пострадавшие в предыдущих августовских боях (погибли 2, ранены 18 человек, потери лошадей 43 головы), численностью почти до 1800 человек, в том числе до 120 калмыков-казаков, М. И. Платов выделил в особую группу для оперативного маневрирования.

По данным книги графа А. И. Коновницына, изданной в 1912 году, указывается, что в отряде М. И. Платова числилось 14 казачьих полков, в том числе 8 донских, и 2-я Донская артиллерийская рота. В первой бригаде остались полки Н. В. Иловайского 5-го, И. И. Андриянова 2-го и М. Г. Чернозубова 8-го (бывший полк И. К. Краснова 1-го); во второй – полки В. Т. Денисова 7-го, М. Г. Власова 3-го

и Т. Д. Грекова 18-го; в третьей – полки К. И. Харитонов 7-го и И. И. Жирова. Кроме них, при М. И. Платове имелся Атаманский полк, разделенный на две части. Две сотни (в ней до 25 калмыков) Атаманского полка под командованием есаула С. И. Пантелеева постоянно находились при атамане. Пятисотенный отряд (в нем до 60 калмыков) Атаманского полка под командованием полковника С. Ф. Балабина 2-го был выдвинут вправо от занимаемой позиции за 15 верст с целью «наблюдения за неприятельским движением, дабы он не мог зайти за фланг нашей армии», – писал М. И. Платов М. И. Кутузову. Подполковнику М. Г. Власову 3-му, который с полками 1-й казачьей бригады находился в нижнем течении реки Колочи при соединении с Москвой-рекой, М. И. Платов приказал «связываться постами с полковником Балабиным и в случае надобности подкреплять его».

По воспоминаниям участника Бородинского сражения Ф. Н. Глинки, «другие донцы рыскали по течению Колочи до слияния её с Москвою, оберегая всю ту сторону к Старому и Малому Беззубову». М. И. Кутузов еще 23 августа (4 сентября) 1812 г. докладывал Александру I о том, что «казачьи наши форпосты от меня в 30-ти верстах, и боковые дороги наблюдаются весьма рачительно». 24 августа казачьи разъезды полка Андриянова 2-го проникли в тыл врага и захватили более 20 французских кавалеристов.

Всего в Бородинском сражении участвовали 20 донских полков (лейб-гвардии Казачий, Атаманский, Карпова 2-го, Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Денисова 7-го, Власова 3-го, Сысоева 3-го, Грекова 18-го, Грекова 21-го, Мельникова 4-го, Быхалова 1-го, Комиссарова 1-го, Андриянова 2-го, Чернозубова 8-го, Харитонов 7-го, Жирова 1-го, Барабанщикова 2-го и М. Д. Платова 5-го) и обе донские артиллерийские роты П. Ф. Тацына и П. В. Суворова. Общая численность названных полков до 7 тысяч казаков, в том числе до 500 калмыков-казаков. Помимо того, в соединении Винцингероде и Вингенштейна, находившиеся на Петербургском направлении, входили донские полки И. Д. Иловайского 4-го, Иловайского 12-го, Родионова 2-го и Платова 4-го.

По данным Н. А. Троицкого, в Бородинском сражении участвовало до 11 тыс. донских казаков, а в корпусе атамана М. И. Платова

было всего 4,5 тыс. сабель, а по данным поручика Генштаба Неелова и историков П. А. Ниве, А. Геруа, Д. П. Бутурлина, Н. Иванова, корпус М. И. Платова состоял из 14 казачьих полков с численностью личного состава до 5,5 тыс. человек. Поскольку подвижные две части Атаманского полка не учитывались, фактически у М. И. Платова находилось 15 полков. Между тем в журнале боевых действий было зафиксировано, что на 25 августа (6 сентября) в российской армии на Бородинском поле находились «под ружьем: линейного войска с артиллерией 95 000, казаков 7000, ополчения Московского 7000, Смоленского 3000. Всего под ружьем 112000 человек. При сей армии находилось 640 орудий артиллерии». В рескрипте Александра I М. И. Кутузову от 24 августа указывалось, что в обеих армиях должно быть 113323 человека, а с учетом не включенных в рапорта «число армий составлять будет сто двадцать тысяч человек». В официальных сведениях о составе соединенных русских армий при селе Бородино на 24–26 августа 1812 года отмечалось: «Всего на 24 августа в армиях состояло около 123,5 тыс. человек и 624 орудия. С учетом потерь, понесенных русскими войсками 24 и 25 августа, поступивших в эти дни пополнений соединенные армии утром 26 августа насчитывали около 117,5 тыс. человек» [21].

Один из участников Бородинского сражения И. П. Липранди, обер-квартирмейстер 6-го корпуса генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова, писал, что «с наступлением полдня 25 августа каждый осознал, что он стал на месте для встречи врага. Торжественное шествие по всему лагерю священнослужителей с иконой Смоленской Божьей Матери, в сопровождении, как лунь, седого фельдмаршала, генералов Барклая, Багратиона, Беннигсена, Платова, корпусных и других генералов, с обнаженными головами, внезапно изменило чувства всех и каждого. Никто не остался равнодушным. Религиозные верования встрепенулись в каждом по его исповеданию» [22].

Бородинское сражение началось на рассвете 26 августа (7 сентября) открытием французами артиллерийского огня по левому флангу русской армии – по Багратионовым флешам. Затем с 6 часов утра началась массированная атака основных сил корпусов Л.-Н. Даву, Мюрата (Иоахим-Наполеона), М. Нея, А. Ж. Жюно на Багратионовые флешы, особенно с усилением давления на южную флешь, где с

24 августа (5 сентября) держала оборону 2-я Сводная гренадерская дивизия генерал-майора М. С. Воронцова. В состав его дивизии входила 1-я донская конноартиллерийская рота майора П. Ф. Тацына с 12 орудиями и 211 казаками (на 23 августа). В кульминационном сражении 26 августа на Багратионовых флешах, длившемся более 6 часов, войска Багратиона выдержали, как вспоминал Ф. Н. Глинка, один из участников Бородинского сражения, 6 атак противника. Только после 7-й атаки под напором превосходящих сил французов защитники флешей (в том числе и артиллеристы) под начальством генерала П. П. Коновницына, принявшего командование после ранения Багратиона, отступили за Семеновский овраг и устроили сильный артиллерийский заслон, позволивший приостановить продвижение французов. В официальных известиях из армии от 27 августа (8 сентября) сообщалось: «В 4 часа неприятель, пользуясь густым туманом, начал свое движение к нашему левому флангу. Вскоре после того битва стала всеобщей и продолжалась до ночи. Основные усилия были направлены на наш левый фланг. Атака флешей была наисильнейшей и оборона их самой ожесточенной» [23].

Накануне Бородинского сражения 1-я Донская артиллерийская рота со всеми орудиями из корпуса А. А. Карпова 2-го была передана 2-й Сводно-гренадерской дивизии генерал-майора М. С. Воронцова, входившей в корпус генерал-лейтенанта А. И. Горчакова. После Бородинского сражения в списке личного состава 1-й артиллерийской роты майора П. Ф. Тацына из 211 казаков осталось 186, из них 19 урядников и 167 казаков (в том числе калмыки Ананчи Калидинов, Ачи Свинухов, Керчи Аржинов и Тихон Чаманов, Степан Качиров). Все они были представлены командованием к наградам. По ведомости накануне сражения, т. е. на 23 августа, в его роте числилось 211 человек, 341 лошадь (строевых – 176, артиллерийских – 144, верховых для офицеров и адъютантов – 21). За умелое руководство ротой и проявленное мужество в Бородинской битве генерал М. С. Воронцов представил майора П. Ф. Тацына к присвоению очередного воинского звания, а одного есаула и двух хорунжих – к орденам. В представлении отмечалось, что П. Ф. Тацын, «командуя ротой с примерною неустрашимостью, храбростью и мужеством, давал на-

правление орудиям, быстро становился на места ему назначенные, с чрезвычайною поспешностью и устройством действовал своими орудиями по батареям, неприятельскому фронту; сбил две батареи и наносил великий вред идущим к укреплению неприятельским колоннам». А есаул (текст в данном источнике утрачен, а по сведениям историка А. И. Сапожникова, – Г. В. Салтысов) представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени с бантом, хорунжие Я. М. Калашников, Г. Г. Бондарев и П. И. Волошеневский, действовавшие «с неустрашимостью своими орудиями действовали против неприятеля и цельными выстрелами наносили великий вред колоннам французским», были представлены к следующим воинским чинам [24].

По приказу М. И. Кутузова конница М. И. Платова (полки Иловайского 5-го, Грекова 18-го, Харитонов 7-го, Денисова 7-го, Жирова, часть Атаманского полка в количестве 2 сотен казаков (в том числе до 25 калмыков) под командованием есаула М. И. Пантелеева, Симферопольский конно-татарский) с 10 часов 30 минут (в черновом варианте докладной на имя Главнокомандующего, написанной собственноручно М. И. Платовым, указано «7 час.» – К. М.) до 15 часов 26 августа (7 сентября) вместе с кавалерийским корпусом Ф. П. Уварова, перейдя речку Колочу, провела удачный рейд в тыл левого фланга французской армии (пехоты итальянского вице-короля Евгения), позволивший на время отвлечь значительные силы Наполеона и ослабить массированную атаку на Семеновские флеши. Наполеон вынужден был против казаков Платова и корпуса Уварова выделить 5 тыс. кавалерии и 10,5 тыс. пехоты. Французские атаки в центре на время приостановились. За это время русские войска получили небольшую передышку и возможность перегруппироваться. «Атака эта не произвела ничего решительного в частном, – писал Ф. Н. Глинка, – но последствия её были весьма важны для целого» [25].

В рапорте на имя М. И. Кутузова М. И. Платов писал, что в 7 часов утра 26 августа, оставив пятисотенный отряд из Атаманского полка под командованием полковника Балабина 2-го и полк Власова 3-го для наблюдения за противником, сам выступил из лагерного расположения и двинулся на левый фланг неприятельской армии. Опрокинул его кавалерию и до подхода Уварова взял в плен до 200 кон-

ных и пехотных стрелков. С прибытием Уварова вступили в бой полк Власова 3-го и отряд Балабина 2-го. По результатам удачного рейда (в нем участвовало до 4 500 казаков, в том числе почти 110–120 калмыков) в тыл противника М. И. Платов представил к награждению Иловайского 5-го, подполковника Харитонов 7-го, Денисова 7-го, полковника Атаманского полка Балабина 2-го, подполковника Власова 3-го, командира Симферопольского полка подполковника князя К. Балатукова, а также войсковых старшин Г. П. Победнова и И. И. Жирова. Из этих же полков были представлены к награждению 2 войсковых старшин, 9 есаулов, 11 хорунжих, 11 сотников. В опубликованном рапорте отсутствуют фамилии Иловайского 5-го и Балабина 2-го [26].

Из 1 000 французских пленных, взятых 26 августа при Бородинском сражении, на долю корпуса М. И. Платова пришлось до 450–500 человек [135]. Но П. Н. Краснов с огорчением, несколько преувеличивая возможное значение рейда казаков атамана М. Платова в тыл французов, писал: «Набег казаков Платова в тыл Бородинской позиции Наполеона мог бы сломить все силы Наполеона и даровать нам полную победу. Но этому помешала некоторая жадность казаков. Едва увидели наши деды богатства наполеоновского обоза, как забыли и цель, и назначение набега» [27].

Все же Наполеон остался недоволен результатами сражения на Бородинском поле. Генерал французской армии Арман де Коленкур в своих мемуарах, описывая итоги Бородинской битвы, отмечал: «Никаких пленных, никаких трофеев – вот что больше всего раздражало императора, и он часто жаловался на это» [28]. Но потери с обеих сторон оказались огромными. По данным А. Геруа, в Бородинском сражении российская армия потеряла убитыми, пропавшими без вести 58 тыс. человек, в том числе 22 генерала, а французская – более 50 тыс. человек, в том числе 49 генералов. Из 7 тыс. казаков корпусов А. А. Карпова 2-го и М. И. Платова, по данным Р. Т. Вильсона со ссылкой на генерал-квартирмейстера К. Ф. Толя, после Бородинского сражения осталось 6 тыс. человек [29]. В основном большие потери понесли донские полки корпуса Карпова 2-го. Корпус М. И. Платова находился в резерве и участвовал лишь в рейде в тыл левого фланга неприятеля.

По данным А. Афанасьева, составленным в 1912 г. на основании подлинных документов, в Бородинском сражении 26 августа 1812 г. из 1-й Западной армии участвовали донские казачьи полки корпуса атамана М. И. Платова: Атаманский (командир – С. Ф. Балабин 2-й), И. Д. Иловайского 4-го, С. Д. Иловайского 8-го, Т. Д. Грекова 18-го, А. К. Денисова 6-го, В. Т. Денисова 7-го, К. И. Харитонов 7-го, М. Г. Власова 3-го под общим командованием генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го, а также в этот отряд входили 1-й Бугский, 2-й Бугский, 9-й Уланский Бугский и Тептярский (князь К. Балатуков), Ставропольский калмыцкий, Башкирский, Симферопольский и Перекопский татарские полки (майор Н. А. Темиров), 2-я Донская конноартиллерийская рота П. В. Суворова 2-го.

Из 2-й Западной армии, по его же данным, сражались в этот день на Бородинском поле донские казачьи полки генерал-майора А. А. Карпова 2-го, полковников В. А. Сысоева 3-го, В. А. Быхалова, О. В. Иловайского 10-го, Т. Д. Иловайского 11-го, В. Д. Иловайского 12-го, войсковых старшин И. В. Грекова 21-го, Д. Д. Комиссарова 1-го, Г. Г. Мельникова 4-го, а также 1-я Донская конноартиллерийская рота майора П. Ф. Тацына. По наградным материалам, выявленным мною в фонде 103 РГВИА, в числе отличившихся полков в боях 24–26 августа (5–7 сентября) 1812 г., отмечен, кроме названных выше, и полк полковника Ф. А. Барабанщикова 2-го. После Бородинского сражения часть донских полков находилась в арьергарде всей русской армии под командованием атамана М. И. Платова, затем генерала М. А. Милорадовича, другие присоединились к партизанским отрядам [30].

Сведения об участии калмыков-казачей в Бородинском сражении, можно было бы получить из единицы хранения под № 681 «Списки нижних чинов, участвовавших в сражении при Бородине в 1812 году», которая была зафиксирована в описи № 1 фонда 309 – «Калмыцкое (окружное) правление области Войска Донского» Государственного архива Ростовской области. К большому сожалению, это дело № 681 уничтожено (списано) по акту № 1 «О недостатке документальных материалов» от 14 апреля 1953 г. По объяснению работников Государственного архива Ростовской области это дело не вернулось из Омска, где документы Ростовского госархива находились в эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

По отрывочным архивным сведениям, калмык-казак сотник Федор Казмиевич Саринев служил в полку войскового старшины М. Д. Платова 5-го в Киевской губернии, и накануне августа 1812 года полк был переброшен на западный фронт, где 25–26 августа он принимал участие в Бородинском сражении. Донской калмык Гавриил Алексеевич Ирхин, по имеющимся сведениям в документах, с 1789 по 1805 г. находился на строевой внутренней службе, с 11 июля 1809 по 1815 г. участвовал в боях против французов, с 1 июля 1816 г. – 18 марта 1817 г. служил в строевом полку в Финляндии [31].

Участник Бородинского сражения поручик Апшеронского пехотного полка Ф. Н. Глинка, описывая ход грандиозной битвы на Бородинском поле, отмечал: «Все смешалось и перепуталось, но никто не переставал драться! Конные, пешие, артиллеристы, люди разных вер и народов, схватывались толпами, в одиночку, резались, боролись и дрались насмерть! На девяти европейских языках раздавались крики: соплеменные нам по славянству уроженцы Иллирии, дети Неаполя и немцы дрались с подмосковной Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар!» [32].

После Бородинского сражения 27 августа (8 сентября) 1812 г. отходившие на Можайск российские войска по распоряжению М. И. Кутузова прикрывал усиленный арьергард под командованием генерала от кавалерии М. И. Платова. В него по диспозиции 1-й и 2-й Западным армиям на 27 августа, подписанной генерал-квартирмейстером М. С. Вистецким, были включены казачий корпус М. И. Платова, часть I-го кавалерийского корпуса Ф. П. Уварова, 3 егерских полка генерала П. П. Пассека, 4-я пехотная дивизия и 2-я конная рота Донской конной артиллерии. Арьергард покинул Бородинскую позицию в 4 часа утра 27 августа и двинулся вслед за армией только через несколько часов после отхода главных сил за Можайск, где они расположились на высоте при деревне Землино (главная квартира в деревне Леутинской). А для отвлечения и введения в заблуждение кавалерийского корпуса Себастьяни, преследующего русскую армию, М. И. Кутузов оставил на Рязанской дороге два донских полка под общим командованием полковника И. Е. Ефремова, командира лейб-гвардии Казачьего полка. Отряду Ефремова удалось отвлечь и вести

французский корпус до города Бронниц. Тем временем российская армия уходила по маршруту, намеченному М. И. Кутузовым в соответствии со стратегическим планом дальнейшего ведения войны.

Под сильным давлением превосходящих сил (4 кавалерийских корпусов и пехотной дивизии) войска маршала И. Мюрата атаману Платову 28 августа (9 сентября) пришлось отступить к селу Моденово, находившемуся в трех километрах западнее от расположения соединенной (Главной) армии Кутузова. 10 сентября 1812 г. в 10 час. М. И. Платов вынужден был оставить Можайск. В журнале военных действий 1-й и 2-й Западных армий от 28 августа имеется запись о том, что «арьергард наш, составленный из полков егерских 4-го, 33-го, 30-го и 48-го, 1-го кавалерийского корпуса при конной артиллерии роты Геринга и несколько казачьих полков, невзирая на превосходство неприятельского авангарда, следовавшего за ним после Бородинского сражения, удерживал оный на каждом шагу так, что армия наша в отступном движении ее ни мало потревожена не была». Тем не менее М. И. Кутузов, отстранив 29 августа М.И. Платова от командования, назначил начальником арьергарда генерала от инфантерии М. А. Милорадовича, исполнявшего обязанности главнокомандующего 2-й Западной армии, подкрепив его 11-м и 36-м егерскими, Бутырским, Томским, Софийским и Либавским пехотными полками и 23-й артиллерийской ротой Л. Л. Гулевича.

Слишком быстрое оставление Можайска без упорного сопротивления, по предположению отдельных историков, явилось предлогом для отстранения М. И. Платова от командования арьергардом. По мнению же В. М. Безотосного, основной причиной опалы донского атамана стало его участие в «генеральской оппозиции», выступавшей против нового главнокомандующего [33].

Значение Бородинского сражения и роль М. И. Кутузова в этой баталии по достоинству оценил император Александр I в рескрипте от 12 сентября 1812 года. В нем Александр I, отмечая «знаменитый подвиг» М. И. Кутузова «в отражении главных сил неприятельских», в вознаграждение его достоинств и трудов присвоил ему чин генерал-фельдмаршала с вручением ста тысяч рублей. «Всем бывшим в сём сражении нижним чинам» царь пожаловал «по пять рублей на человека» [34].

3.2. Участие калмыков с донскими казаками в контрнаступлении российской армии осенью – зимой 1812 года

С освобождением от командования М. И. Платов получил возможность основательно заняться делами ополчения на Дону. К тому же ему стало известно о том, что сроки формирования и выступления с Дона ополченских полков несколько затягиваются. Поэтому, воспользовавшись возможностью отъезда в Главную квартиру, он срочно начал предпринимать меры по ускорению формирования на Дону ополченских полков. До этого М. Платов вынужден был еще 22 августа 1812 г. направить генералу А. К. Денисову 6-му предписание о том, чтобы он ускорил выступление полков ополчения к Москве. Несколькими днями позже он, одобрив предпринятые наказным атаманом меры по подготовке ополчения, писал: «Чтобы все наряженные из Войска служилые, отставные чиновники и казаки, и, словом, согласно вышеупомянутому отношению Войсковой канцелярии, все приготовленные к ополчению, при тех самых господах генералах и полковниках, кои назначены, высланы были по получении сего в 24 часа в поход». При этом он не рекомендовал включать в ополченские полки «17-ти и 18-тилетних выростков, ибо они по молодости лет будут составлять только счет, оставить их в домах для несения внутренней службы и надзора за имуществом; включить же в число выступающих в поход только девятнадцати и двадцатилетних выростков». Далее он предлагал, чтобы полки двигались форсированным маршем к Москве, проходя в сутки не менее 60 верст, а в плохую погоду до – 50 [35].

1 сентября 1812 г. А. К. Денисов направил М. И. Платову донесение. В нем сообщалось «о выступлении приготовленного на Дону общего ополчения, состоящего из 24 комплектных полков и конной артиллерии с 6-ю орудиями, укомплектованных надлежащим числом людей, лошадей и всех принадлежностей, из служилых и отставных генералитета штаб- и обер-офицеров, урядников, полковых писарей, казаков и 19-летних по 20-му году малолетков, по переписи книги уже записанных и на верность службы присягу принявших, равно из сих же сортов и калмыков, и из двух рабочих полков, я того

же числа предписал частным начальникам выступить ополчению сему по объявлению повеления из домов их непременно в 24 часа и поспешнейше следовать на сборные места». Далее он добавлял, что собрал и отправляет полки полковников А. Ф. Слюсарева 1-го, И. А. Андриянова 1-го, Ильи Чернозубова 5-го, Степана Чернозубова 4-го, подполковника Н. С. Сулина 9-го, майоров И. И. Данилова и С. М. Ежова 2-го, войсковых старшин Грекова 14-го, Т. В. Ребрикова 3-го, И. И. Андриянова 3-го, Петра Грекова, а также обер-офицеров, урядников, полковых писарей, казаков и калмыков, «способных всех без изъятия, кроме сущих калек» [36].

11-12 сентября на пополнение российской армии с Дона двинулись к Тарутинскому лагерю полки генерал-майора А. В. Иловайского 3-го, полковника И. И. Кошкина 1-го, войскового старшины А. Д. Грекова 17-го, генерал-майора Б. А. Грекова 3-го и полковника С. А. Белогородцева 1-го. На следующий день (13-14 сентября) вслед за ними выступили полки полковника А. Ф. Слюсарева 1-го, полковника Г. Д. Иловайского 9-го, войсковых старшин К. И. Шамшева 2-го, Я. А. Траилина, С. М. Ежова и И. М. Сучилина. А 16 сентября последовали полки генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го, полковников И. А. Андриянова 1-го и П. П. Попова 3-го, войсковых старшин В. Т. Ребрикова 3-го и И. И. Андриянова 3-го, полковника И. Ф. Чернозубова 5-го. Полурота артиллерии под командой войскового старшины Петра Грекова 22-го по прибытии была расформирована с целью пополнения действующих двух донских артиллерийских рот. 17-18 сентября отправились к месту сбора последние полки полковников С. Г. Чернозубова 4-го и С. Е. Грекова 5-го, подполковника Н. С. Сулина 9-го, войскового старшины А. Е. Галицына (бывший подполковник П. П. Шумкова), войскового старшины И. И. Данилова 2-го.

В 22 ополченских полках (12695 чел.) и 4 полках (полковника А. А. Ягодина 2-го, войсковых старшин А. М. Гревцова 2-го, В. А. Кутейникова 6-го и И. Г. Попова 13-го) из служилых людей (2770 чел.) насчитывалось 15465 донских казаков, в том числе 1268 калмыков (служилых – 61, отставных – 921, малолеток 19–20-летних – 286). Они были вооружены ружьями, пиками, саблями, пистолетами, а калмыки имели еще луки со стрелами и арканы [37].

О формировании ополченских полков и о выступлении их в действующую армию наказный атаман А. К. Денисов 18 сентября 1812 г. доложил главнокомандующему российскими армиями М. И. Кутузову. А М. И. Платову он писал: «В прочем уважая настоящим экстренным военным обстоятельством, требующим неусыпного бодрствования, никакие другие обыкновенные по домашней жизни нужды чиновников и казаков не были уважаемы, и они пошли в сие общее ополчение, кроме однако же человек с лишним ста, потерпевших пред выступлением в поход пожарное разорение». Калмыки-ополченцы попали в полки всех трех групп генерал-майоров А. В. Иловайского 3-го, Д. Е. Грекова 1-го и Б. А. Грекова 3-го. В каждом ополченском полку числились командир, 16 офицеров, 10 урядников, 551 казак, в том числе от 50 до 60 калмыков. На снаряжение ополченцев торговые и состоятельные казаки, в том числе и калмыки, пожертвовали 93 600 руб., 4139 лошадей, 16 тыс. волов на продовольствие войск и на подъем «воинских тяжестей». Нуждающимся казакам была оказана помощь в приобретении оружия, одежды, снаряжения, лошадей. К 1 ноября 1812 г. жители только 2-го Донского округа, куда по ополчению и сдаче пожертвований были причислены калмыки, собрали и сдали 2 140 быков и яловых коров. Донское дворянство выставило 3 тыс. ратников, из числа принадлежащих им крестьян, снабдив их оружием, одеждой и провиантом на полгода. Кроме того, каждому выдали по 3 рубля. Однако ополченцы-крестьяне были оставлены на Дону [38].

Народные песни свидетельствуют, что калмыки-казаки, участвуя в Отечественной войне 1812 года, сражались, по подлинному их выражению, с «имеющими носы в четверть», французами. Вот одна из песен, записанная И. И. Поповым:

«На трех Манычских курганах
Собирал войско генерал Матвей.
А собранных генералом Матвеем
Инспектировал Андрей Митрич,
Проинспектированных Андреем Митричем
Отправлял на службу сотник Аля.
Как отправил нас на службу сотник Аля,

Мы ехали, печалась о домашних.
Воду Старого Дона переехали мы с помощью верных коней,
А через воду молодого Дона переправлялись мы силой молитвы.
Может ли вода глубочайшей реки
Иссякнуть, входя в сыпучие пески?
Сияние восходящего солнца
Можно ли затмить ладонью руки?
Точно так же и услышав тот прекрасный приказ (о походе),
Наши сердца наполнились удовлетворением».

Автор записи И. И. Попов в подстрочнике отмечал, что великая обязанность служить Отечеству заставила калмыков забыть все личные дела, все личные интересы [39].

Тем временем в конце сентября 1812 г. под Москвой действовало уже 36 казачьих полков (Грекова 1-го, Власова 3-го, Попова 13-го, Сысоева 3-го, Грекова 21-го, Чернозубова 4-го, Ягодина 2-го, Карпова 2-го, Иловайского 5-го (командующий – войсковой старшина Давыдов), Исаева 2-го, Мельникова 4-го (командующий – Калинин), Иловайского 10-го, Сучилина 2-го, Грекова 18-го, Табунщикова, Андриянова 2-го, Харитонов 7-го, лейб-гвардии Казачий, Атаманский, Быхалова 1-го, Траилина, Жирова, Барабанщикова, Ефремова и др.), в составе которых находились более 600 калмыков-казачков, 7 кавалерийских, несколько эскадронов и 5 полков пехоты, которые оседлали все дороги и непрерывно беспокоили противника, нанося ему чувствительные потери.

В числе 135 человек первого партизанского отряда Д. В. Давыдова действовали 80 донских казаков и 50 гусар, 5 штаб и унтер-офицеров. Первые налеты на воинские подразделения французов, проведенные Давыдовым 14 и 16 сентября 1812 г., оказались весьма удачными. Отряд Давыдова 16 сентября (28 сентября) разгромил в Царево-Займище одну из тыловых частей противника и взял в плен свыше 150 солдат, 2 офицеров, 10 повозок с продовольствием, оружие и патроны. Полк Андриянова 2-го 14 сентября при селении Вишне-вском уничтожил крупный отряд врага и взял в плен 500 человек. Активно вел боевые действия Атаманский полк (в нем числился 91

калмык) под командованием полковника С. Ф. Балабина 2-го. В приказе М. И. Кутузова от 20 сентября 1812 г. отмечалось: «Вчерашнего числа напав с храбрыми казаками в селе Климовом на 4 неприятельских эскадрона при 4 орудиях, разбил оные, положи на месте до 200 и взяв в плен 85 человек, из коих 44 кирасира. Такой храбрый поступок г. полковника Балабина и неустрашимость казаков, с каковою они наносят неприятелю поражение, поставляю на вид армиям, ставя всегда приятным долгом отдавать достойным справедливость». Помимо этого, М. И. Кутузов в рапорте Александру I отметил особо отличившиеся донские полки из отряда графа В. В. Орлова-Денисова (Карпова 2-го, Сысоева 3-го, Балабина 2-го, Власова 3-го, Ефремова, Грекова 18-го, Харитонова 7-го, Мельникова 4-го, Иловайского 5-го, Иловайского 10-го, в составе которых воевало до 260 калмыков-казачков), а также есаулов Кошкина, Золотарева, Бегидова, Сагитова, Анохина, Грекова и Пантелеева, сотника Секретьева и калмыков Сальнинова и Садчикова, хорунжих Захарова, Белогородцева, Денекова, Филатова, войскового старшины Ребреева в бою 22 сентября при Спас-Купле. «Казаки, особливо гвардейцы Орлова-Денисова, – писал Р. Т. Вильсон, – бесстрашно атаквали даже кирасир, пытавшихся создать завесу для колонн, двигавшихся вдоль опушки леса к Спас-Купле... У неприятеля были убиты генералы Дери и Фишер и еще две тысячи человек; взяты в плен один генерал, две тысячи солдат и офицеров, один орел, 38 пушек, 40 двуколок, весь обоз и много непригодных лошадей. Но самым главным было вызволение из уже подожженной церкви трехсот раненых».

В это же время успешно действовали донские полки полковника И. Е. Ефремова и подполковника И. И. Андриянова 2-го на Рязанской, Серпуховской и Коломенских дорогах. Полки генерал-майора В. Д. Иловайского 12-го, подполковника М. Г. Чернозубова 8-го и войскового старшины Г. П. Победнова, входившие в отряд Винцингероде, разбили противника у селения Химки, взяли в плен 270 человек, и у Колоцкого монастыря на Смоленской дороге, взяв в плен 3 офицеров, 186 рядовых. Полк Чернозубова 8-го в течение трех недель сентября-октября 1812 г., оперируя между Можайском и Гжатском, по Ярославской дороге, захватил в плен 83 офицера, 3425 ниж-

них чинов, большое число экипажей. Донские полки Винцингероде, прикрывая Троицкую, Петербургскую и Ярославскую дороги, не позволяли свободно действовать французским разъездам и фуражирам.

В окрестностях Москвы партизанскими методами успешно действовали донские полки И. Д. Иловайского 4-го, Т. Д. Иловайского 11-го, Д. Д. Комиссарова 1-го, И. И. Жирова 1-го, не давая покоя противнику. В указанных 7 донских полках находилось до 150 калмыков. За 33 дня пребывания Наполеона в Москве было уничтожено до 30 тыс. французов. «Казаки и легкая кавалерия, – писал Р.Т. Вильсон – и так уже действовали по всем пригородам возле застав, прерывая сообщения между неприятельскими корпусами и не давая им фуражироваться, кроме как в составе очень больших партий».

Донские полки действовали партизанскими методами не только вокруг Москвы, но и вдали от нее. В корпусе Витгенштейна, находившемся по ту сторону реки Двины, боевыми делами прославились полки М. И. Родионова 2-го, И. А. Селиванова 2-го и И. И. Платова 4-го, в составе которых воевали более 50 калмыков-казаков.

5–6 сентября 1812 г. на Днестре произошло соединение армий П. В. Чичагова и А. П. Тормасова. Общее командование 3-й Западной армией было возложено на адмирала П. В. Чичагова, штаб которого расположился в Бресте. В 1-й корпус армии генерала К. О. Ламберта входили донские полки полковника А. Е. Грекова 4-го, подполковника А. Ф. Чикилева 1-го и полковника Ф. А. Барабанщикова 2-го; во 2-й корпус генерал-лейтенанта И. И. Маркова – полковника Г. А. Дячкина, 2-й Калмыцкий полк; в 3-й корпус генерала от инфантерии А.Ф. Ланжерона – полковника П. М. Грекова 8-го; в 4-й корпус генерал-лейтенанта И. И. Эссена – полковника М. А. Власова 2-го и 1-й Калмыцкий; в корпусе генерал-лейтенанта А. Л. Воинова – войскового старшины П. А. Киреева 2-го и полковника С. И. Пантелеева 2-го; в корпусе генерал-майора М. Л. Булатова – подполковника И. Г. Мельникова 3-го и полковника Ф. А. Кутейникова 4-го; в отряд генерал-майора Г. Г. Энгельгардта – полковника Н. Г. Мельникова 5-го. Кроме них, в резервном корпусе генерал-лейтенанта И. В. Сабанеева числились донские полки полковника Г.А. Луковкина 2-го, полковника Г. Г. Мельникова 4-го.

В первые же дни командования адмирал сформировал отряд под начальством полковника А. И. Чернышева и направил его в рейд по территории герцогства Варшавского в тыл «Великой армии» с целью уничтожения провианта и фуража противника. Отряд А.И. Чернышева в составе 2 эскадронов Александрийского гусарского, 2 эскадронов Татарского, 3 эскадронов Чугуевского уланского полков, донских казачьих полков войсковых старшин А. Ф. Чикилева и М. А. Власова 2-го, полковника Г. А. Луковкина 2-го, 1-го Калмыцкого полка, 4 орудий 15-й конной артиллерийской роты (всего около 1800 чел.), пройдя по тылам свыше 400 км, успешно справился с поставленной задачей. В указанных донских полках находилось более 60 калмыков-казаков [40].

Вскоре в российскую армию стали прибывать донские ополченские полки. В конце сентября (29-го) с Дона прибыли в Тарутино первые хорошо вооруженные 4 полка, а также 2 отряда численностью до 830 человек (в их числе 53 калмыка) для пополнения сражающихся донских строевых полков. На подходе были ещё 20 ополченских полков, которые, по записи в журнале боевых действий, «находились в самом лучшем состоянии». Роберт Вильсон 4 (16) октября 1812 г. писал лорду Каткарту: «Полки донских казаков подходят беспрестанно; они все без изъятия в наилучшем порядке и гораздо сильнее, нежели мы думали». Прибывшие ополченские полки войскового старшины В. А. Кутейникова 6-го (сформирован из служилых казаков), полковника П. П. Попова 3-го, майора С. М. Ежова 2-го, войскового старшины Т. В. Ребрикова 3-го, войскового старшины И. М. Сучилина 2-го и полковника А. А. Ягодина 2-го (в их составе до 280 калмыков-казаков) под командованием генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го уже 6 октября приняли участие в Тарутинском сражении против авангарда французской армии под командованием И. Мюрата. Помимо этих полков, в баталии 6 октября (18 октября н. ст.) при Тарутине, ставшей поворотным моментом для русской армии, участвовал отдельный казачий корпус генерал-майора В. В. Орлова-Денисова. В состав его корпуса входили 10 строевых донских полков (генерал-майоров А. А. Карпова 2-го и Н. В. Иловайского 5-го, полковников Чернозубова 4-го, Г. Г. Мельникова 4-го, В. А. Сысоева 3-го и

О. В. Иловайского 10-го, Атаманский, подполковника Т. Д. Грекова 18-го, С. И. Платова и В. А. Кутейникова 6-го, в которых числилось до 200 калмыков-казаков) и 20-й егерский, 2 драгунских, 1 гусарский, 1 уланский полки и 1,5 донской роты конной артиллерии под командованием П. Ф. Тацына.

Дежурный генерал соединенных армий П. А. Кикин, один из участников этого сражения, 7 октября писал брату: «Неприятель нимало не держался, в беспорядке начал отступать и был прогнан за 15 верст, оставляя большое число своего обоза. Потеря его состоит в одном штандарте, 15 офицерах и до 600 пленных, по сие время приведенных. Значительный же урон его был в пушках, которые казаки брали, как грибы, и взято, по словам их, более 30. Но, так как они ко мне еще не доставлены, то достоверного числа сказать не могу. День сей, то есть 6 октября, не так важен потерей неприятельскою, сколько последствиями своими, ибо придает духа нашим и произведет сильное негодование с их стороны» [41].

Согласно по не полным данным В. В. Орлова-Денисова, представленным 7 октября в рапорте М. И. Кутузову, в ходе этого сражения казаки потеряли 173 человека, из них убитыми – 23, ранеными – 145, пропавшими без вести – 5. Потери противника составили только убитыми до 2,5 тыс., пленными – 31 офицер и 475 нижних чинов. В журнале военных действий Главной квартиры по итогам сражения была сделана запись: «Казаки под командою графа Орлова-Денисова ... ударили столь быстро на беспечного неприятеля, что он, долго не державшись, предпринял ретираду, которая скоро потом сделалась бегством. Легкие наши войска с артиллериею, подкрепляемые конницею и пехотою, преследовали отступающего в большом беспорядке неприятеля за село Вороново. Потеря его в сей день состоит до 2000 пленными, до 2500 на месте оставленными, в том числе командовавший гвардиею короля Неаполитанского генерал Дери, одного почетного штандарта 1-го кирасирского полка, 38 орудий, 40 зарядных ящиков, всего обоза ... Наша же потеря не превышает 300 человек убитыми и ранеными, но чувствительна смертию храброго и достойного генерал-лейтенанта Багговута, убитого с начала действия ядром, когда обходил левый неприятельский фланг» [42].

Роберт Вильсон по поводу этого сражения 6 (18 октября) писал лорду Каткарту: «Казаки произвели нападение на неприятеля на рассвете и с таким стремлением, что завладели 18 пушками ... Казаки отменно отличились. Они не только что взяли пушки ..., но атаковали и побили множество неприятельских кирасиров и карабинеров и взяли почетный штандарт, данный 1-му полку кирасирской дивизии, и на коем надписи: Ульм, Ауэрштат, Иена, Эйлау и Вагром. Все в армии единогласно отдавали полную справедливость отличным подвигам казаков ... Казаки, особливо гвардейцы Орлова-Денисова, бесстрашно атаковали даже кирасир, пытавшихся создать завесу для колонн, двигавшихся вдоль опушки леса к Спас-Купле ... У неприятеля были убиты генералы Дери и Фишер и еще две тысячи человек; взяты в плен один генерал, две тысячи солдат и офицеров, один орел, 38 пушек, 40 дуколок; весь обоз и много непригодных лошадей» [43].

За успешные боевые действия и за захват 19 пушек и штандарта 1-го французского кирасирского полка командир донского казачьего полка (в нем было 30 калмыков, из них Манжики и Шиханов были награждены Знаками отличия Военного ордена) полковник В. А. Сысоев 3-й в декабре был произведен в генерал-майоры, В. А. Кутейников 6-й, П. В. Суворов, А. А. Карпов 2-й, С. И. Платов награждены орденом Св. Георгия 4-й класса. По оценкам историков, корпус В. В. Орлова-Денисова, разгромив французский лагерь и захватив 38 орудий, внес существенный вклад в итоговый успех боя. М. И. Кутузов 7 октября писал жене: «Бог мне даровал победу вчерась при Чернишне (приток реки Нары недалеко от Тарутино)... Первый раз французы потеряли столько пушек и первый раз бежали, как зайцы». А вот как вспоминал о Тарутинском сражении французский офицер Тирион: «Несмотря на все свое мужество, он (Мюрат) был вынужден отступить перед превосходящими силами противника, так как хотя мы и сохранили свою организацию, сохранили еще названия своих корпусов и дивизий, но дивизиями уже не были ... Увы! Мы были только остатками этих прекрасных многочисленных корпусов, вторгнувшихся в Россию. Эскадроны в 130 человек теперь имели от 18 до 30 человек, и число людей в дивизиях не достигало нормы таковых даже для полка». Французский офицер Гриуа после Тарутинского

сражения с горечью сказал: «Это дело было только предвестием наших бед; начиналось злосчастное отступление [44].

А на следующий день, 8 октября, отряд генерала Е. И. Чаплица, входивший в 3-ю Западную армию П. В. Чичагова, в составе донского полка полковника Г. А. Дячкина, 2-го Калмыцкого, Павлоградского гусарского полков (28 и 32-го егерские полки, эскадрон Тверского драгунского полка и конная артиллерийская рота капитана Арнольди не участвовали) у города Слоним разгромил польский полк и пленил его командира генерала Я. Конопку. Особенно в этом сражении отличился полк Г. А. Дячкина, которому впоследствии (8 сентября 1813 г.) император пожаловал Георгиевское знамя с надписью «Храброму Донскому казачьему Дячкина полку за дело у Слонима 8 октября 1812 года».

После Слонимского сражения командующий П. В. Чичагов послал донской казачий полк майора С. И. Пантелеева 2-го под командованием полковника А. И. Чернышева в рейд по тылам противника в Минской губернии и в Лепеле сообщить П. Х. Витгенштейну «о своем марше на Минск и Березину». Этот полк, повстречав отряд противника, конвоировавший пленных, разбил его и освободил из французского плена генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винцингероде, генерал-майора А. С. Свечина 3-го, ротмистра Л. А. Нарышкина, есаула Князева и военного комиссионера ПолUTOва, захватил 13 повозок, 6 солдат. За эту экспедицию А. И. Чернышев был произведен в генерал-майоры, С. И. Пантелеев награжден орденом Св. Георгия 4-го класса [45].

Указанные выше военные части входили в состав 3-й Западной армии адмирала П. В. Чичагова, которая, как указано выше, была составлена из 3-й Западной (Обсервационной) и Молдавской армий. Всего под командованием адмирала после соединения обеих армий состояло войск: кавалерии – 36 579 (в том числе 1 455 офицеров) и пехоты – 96 286 человек (в том числе 2 659 офицеров). После марша с боями от Бреста-Литовска до Березины (г. Борисов) в ноябре наличных сил у адмирала осталось всего 32 тыс., из них 12 тыс. кавалерии. К 10 октября 1812 г. в 3-ю Западную армию входили три самостоятельные соединения: Обсервационная армия (командир – генерал-лейтенант

Ф. В. Остен-Сакен), находившаяся в районе Бреста; основные силы армии, выдвинутые к Березине; 2-й резервный корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля у Мозыря.

В Обсервационную армию входили казачьи полки: 1-й корпус (донской казачий полк войскового старшины М. А. Власова 2-го – 450 (офицеров – 20, остальные нижние чины), Уральский 4-й полк – 478 (офицеров – 15), Калмыцкий 1-й полк – 433 (офицеров – 10), Калмыцкий 2-й полк – 453 (офицеров – 12), Башкирский 2-й полк – 408 (офицеров – 9) чел.); 2-й корпус (донской казачий полк подполковника И. Г. Турчанинова – 412 (офицеров – 13) чел. и 3-й корпус (донской казачий полк – войскового старшины М. Д. Платова 5-го – 412 (офицеров – 13) чел.). Ожидалось прибытие казачьих полков подполковников Е. Н. Астахова 5-го (бывший Ф. Н. Астахова 4-го) – 470 (офицеров – 17) чел. и Ф. А. Кутейникова 4-го – 507 (офицеров – 16) чел., 9-го Черноморского – 431 (офицеров – 13) человек.

В авангарде (командир – генерал-адъютант К. О. Ламберт) армии П. В. Чичагова действовали казачьи полки генерал-майора П. М. Грекова 8-го – 443 (офицеров – 14), полковника Н. Г. Мельникова 5-го – 416 (офицеров – 15), подполковника Ф. А. Барабанщикова 2-го – 412 (офицеров – 13), полковника А. Е. Грекова 4-го – 486 (офицеров – 16) человек. В 1-й и 2-й кавалерийские корпуса под общей командой генерала от инфантерии А. Ф. Ланжерона входили донские полки Г. А. Дячкина (офицеров – 13, нижних чинов – 425) и А. Ф. Чикилева (офицеров – 13, нижних чинов – 399); в 3-й корпус генерал-лейтенанта А. Л. Воинова – донской полк П. А. Киреева 2-го (офицеров – 15, нижних чинов – 425); в резерве находились донские полки Г. А. Луковкина 2-го (офицеров – 21, нижних чинов – 491), С. И. Пантелеева 2-го (офицеров – 19, нижних чинов – 463), Ф. Ф. Мелентьева 3-го (офицеров – 21, нижних чинов – 401).

В отдельном резервном корпусе генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля состояли донские полки И. И. Исаева 2-го (офицеров – 19, нижних чинов – 422), А. Е. Грекова 9-го (офицеров – 15, нижних чинов – 405), С. И. Семенченкова (офицеров – 11, нижних чинов – 399). Таким образом, в состав 3-й Западной армии адмирала П.В. Чичагова входили 18 хорошо укомплектованных донских полков, в личном составе

которых состояло 263 офицера, 7252 нижних чина, в том числе 308 калмыков-казаков.

13 и 15 ноября 1812 г. авангард Ламберта, в состав которого входили и указанные донские полки, атаковал польского генерала Ф. К. Косецкого и разбил его, а также еще уничтожил два польских отряда на дорогах в Мир и в Несвиж. В результате этого боя корпус Косецкого потерял тысячу убитыми и 3 тыс. сложили оружие, 2 штандарта и 2 пушки. 16 ноября авангард генерала Ламберта вошел в Минск, где противник оставил огромное количество запасов провианта, оружия, обмундирования и снаряжения. По имеющимся сведениям, полк Грекова 4-го в ноябре 1812 г. понес значительные потери, в числе убитых указывались калмыки-казаки Макуш (фамилия неразборчива) и Зодбинов. После получения в ноябре пополнения 43 казаков в нем числилось 416 казаков из 502, а всего с января по ноябрь полк получил пополнение 132 человека.

В составе соединений генерала от инфантерии А. Ф. Ланжерона успешно действовали донские казачьи полки Г. А. Дячкина, А. Ф. Чикилева, П. А. Киреева, Г. А. Луковкина 2-го, С. И. Пантелеева и Ф. Ф. Мелентьева. Полк Г. А. Луковкина 2-го отличился в ноябре особенно при преследовании арьергарда дивизии Я. Г. Домбровского. В отдельном корпусе генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля отмечались боевые успехи донских полков полковников И. И. Исаева 2-го, А. Е. Грекова 9-го, войскового старшины С. И. Семенченкова [46].

В период с 29 сентября по 11 октября в Тарутинский лагерь с Дона прибыли 24 полка. 5 октября 1812 г. М. И. Платов, вступивший в конце сентября 1812 г. в командование корпусом из полков донского ополчения, доносил М. И. Кутузову о том, что на днях с Дону прибыли 9 полков, из которых полк войскового старшины И. Г. Попова 13-го отправлен в партизанский отряд подполковника Д. В. Давыдова к Вязьме, 2 полка – полковника И. А. Андриянова 1-го и войскового старшины И. И. Андриянова 3-го – в Калугу в корпус генерал-лейтенанта В. Ф. Шепелева в сторону Брянска, полк войскового старшины А. М. Гревцова 2-го передан в партизанский отряд лейб-гвардии капитана А. Н. Сеславина. Остальные 5 полков (полковника А. А. Ягодина 2-го – в отряд генерала А. А. Карпова 2-го, войскового

старшины В. А. Кутейникова 6-го – на левый фланг авангарда армии под командованием генерала М. А. Милорадовича, полковника С. Г. Чернозубова 4-го, майора С. М. Ежова 2-го – на правый фланг, войскового старшины И. М. Сучилина 2-го – в центр авангарда) были определены в отряд генерала А. А. Карпова, действовавший в составе авангарда армии.

Далее сообщалось, что прибывают еще 3 полка под командой генерал-майора Б.А. Грекова 3-го и 3 полка под командой генерал-майора А. В. Иловайского 3-го, которые будут направлены на левый фланг армии к генералам А. А. Карпову и М. А. Милорадовичу. В действующую армию Кутузова к 11 октября 1812 г. подошли остальные 9 ополченские полки. Таким образом, к октябрю российская армия пополнилась 26 донскими полками (22 ополченских и 4 из служилых казаков – Попова 13-го, Кутейникова 6-го, Ягодина 2-го и Гревцова 2-го) и полуротой конной артиллерии, которая была расформирована и поступила на пополнение 1 и 2-й рот донской артиллерии.

11 ополченских полков поступило в корпус атамана М. И. Платова, у которого в первой половине октября уже было сосредоточено 17 казачьих полков с численностью до 10 тыс. человек. Столько же ополченских полков пополнило отряд генерала А. А. Карпова. В составе армейских партизанских отрядов действовали 36 донских полков, в том числе 4 ополченских. Крупными партизанскими отрядами командовали донские офицеры: полковник И. И. Ефремов, подполковник М. Г. Чернозубов 8-й, подполковник Г. П. Победнов, подполковник К. И. Харитонов 7-й, полковник Т. Д. Иловайский 11-й. В авангарде Главной армии под командованием генерала М. А. Милорадовича находились 3 ополченских полка, в том числе Грекова 3-го, который в ноябре-декабре 1812 г. понес значительные потери и в нем к концу года некомплект составлял 96 человек (в декабре в числе умерших от ран указывались калмыки-казаки Жиза Казминов и Шарап Лизунов).

Всего в донские ополченские полки были призваны 1268 калмыков-казаков. Только в полках войсковых старшин И. И. Данилова 2-го и А. Е. Галицына, подполковника Н. С. Сулина 9-го, сформированных во 2-м Донском округе, числилось 12 обер-офицеров, 8 уряд-

ников, 693 казака и 88 калмыков. В октябре 1812 г. во всех донских строевых полках и командах находилось 43 843 казака (94,8 % от всех служилых) и 1596 калмыков (92 % от всех служилых) [47].

При отступлении французской армии (3–7 октября 1812 г.), когда изменились условия ведения боевых действий, М. И. Кутузов поручил атаману М. И. Платову командование казачьим корпусом. Одновременно поставил ему задачу стараться «выиграть марш над неприятелем, бегущим перед вами, так, чтобы главными силами вашими по удобности делать на отступающие головы его колонн, нападая во время марша, и беспрестанные ночные тревоги. Сие самое предписано гр. Орлову-Денисову делать слева по большой дороге».

Корпус генерала от кавалерии М. И. Платова, который пополнился многими другими казачьими полками из состава Главной армии, активно действовал в сражениях под Малоярославцем. По указанию М. И. Кутузова 11(23) октября М. И. Платов с казачьими полками и ротой конной артиллерии выступил вместе с корпусом Д. С. Дохтурова на Боровскую дорогу к Малоярославцу, одновременно прикрыв Калужскую. На рассвете 12 октября 17 казачьих полков (Грекова 1-го, Грекова 2-го, Чернозубова 4-го, Ягодина 2-го, Иловайского 5-го (командующий – Давыдов), Карпова 2-го, Мельникова 4-го, Калинина, Иловайского 10-го, Кутейникова 6-го, Сучилина 2-го, Сысоева 3-го, Рубашкина, Табунщикова, Болдырева, Исаева 2-го, Ежова 2-го) и донская артиллерийская рота № 2 уже контролировали дорогу от Боровска до Малоярославца. К ним форсированным маршем подошли еще 3 донских полка во главе с полковником Ефремовым, а также должны были подойти 2 полка из корпуса Д. С. Дохтурова.

Донской отряд (6 полков) генерал-майора А. В. Иловайского 3-го, отряд (4 полка) генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го, отряд (3 полка) полковника Г. Д. Иловайского 9-го в ночь с 12 на 13 октября совершили нападение на тылы и фланги французской армии, стремившейся прорваться через Медын к Калуге. В журнале военных действий Главной квартиры отмечалось, что 11 октября казачьим полковником Иловайским 9-м были разбиты передовые части противника, которые намеривались через Медынь пройти на Калугу. По этому поводу М. И. Платов в донесении Александру I после 13(25) октября писал:

«Первый отряд под командой генерал-майора Алексея Иловайского у Малоярославца, разбив неприятеля с жестоким поражением, отбил у него 11 пушек; другой, находившийся в самом тылу неприятеля близ г. Боровска под командой генерал-майора Кутейникова 2-го, напав на него, положил на месте и взял в плен довольно количество, в том числе одного неприятельского дипломатика с картами и нужными бумагами, открывшими неприятельские замыслы, писанные рукою Бертье; а третий под командою полковника Г. Д. Иловайского 9-го впереди Медыни отбил 5 пушек, побил довольно и взял в числе плененных неприятельского генерала Хацкевича» (Тадеуша Тышкевича, впоследствии находившегося в качестве пленного в Астрахани. — К. М.) [48]. Казаки атамана Платова 13 октября на рассвете, действуя в тылу французов, оказались подле самого императорского лагеря и чуть было не пленили Наполеона. Однако, по словам П. Н. Краснова, их отвлекла артиллерийская батарея, которую они решили уничтожить (11 пушек успели увезти, 29 испортили). За боевые успехи в этих сражениях Иловайский 9-й и Быхалов 1-й были награждены орденом Св. Георгия 4-го класса.

После сражения под Малоярославцем, 14 (26) октября французская армия начала отступление по Старой Смоленской дороге к Боровску, Верее, затем через Можайск и Вязьму на Смоленск. Если главные силы русской армии двигались севернее и южнее и её авангард М. А. Милорадовича параллельно Старой Смоленской дороге по пути отступления французов, то донские полки атамана М. И. Платова с отрядами партизан, в составе которых были 36 казачьих полков, небольшими пехотными частями занимались преследованием противника. В указанных 36 полках, действовавших партизанскими методами, находилось свыше 500 калмыков-казаков. В. Б. Броневский писал, что в партизанской борьбе наряду с казаками участвовали калмыки, башкирцы, не давая покоя французам.

16 (28) октября 1812 г. М. И. Кутузов в рапорте Александру I писал, что отход противника по Смоленской дороге неослабно контролируется всеми соединениями русской армии, в том числе полками М. И. Платова ведется «наблюдение поблизости движения неприятельские... А чтобы совершенно затруднить отступной его марш,

усилены партизаны, с сей стороны действующие, да сверх сих назначается летучий корпус, состоящий из новоприбывших полтавских казаков, перемешенных с донскими казаками...». Казачьим отрядам А. А. Карпова 2-го (6 полков) и В. В. Орлова-Денисова (3 полка) была поставлена задача «упреждать сколько возможно неприятельский марш, истреблять мосты, переправы и стараться наносить ему всевозможный вред». К отряду Орлова-Денисова присоединились полки Иловайского 9-го (в нем оказались полки полковников Быхалова 1-го, Иловайского 9-го, Иловайского 11-го, Мельникова 4-го и Ягодина 2-го, войскового старшины Я. А. Траилина, Нежинский драгунский при 4 орудиях донской артиллерии).

На рассвете 19 (31) октября у Колоцкого монастыря казаки бригад генералов Иловайского 5-го, Кутейникова 2-го, Иловайского 3-го, Денисова 7-го со своей артиллерией атаковали авангард противника под командованием Л. Н. Даву и уничтожили более двух батальонов пехоты, захватили 20 орудий и большой обоз, два знамени. 22 октября войска А. П. Ермолова, М. А. Милорадовича, шедшие в авангарде, совместно с некоторыми донскими казачьими полками, отряды М. И. Платова и А. А. Карпова выиграли бой под Вязьмой. 24 октября М. И. Кутузов докладывал Александру I о результатах сражения при Вязьме. Он писал, что «легкие войска под командою генерала от кавалерии Платова гнали неприятеля от Вязьмы до Еренина. В дополнение общей трофеи (убито до 6 тыс. и в плен взято 2500 солдат и офицеров неприятеля, в том числе генерал Пеллетье) казаки взяли в плен более 1 тыс. человек, 3 пушки и одно знамя... и начали преследовать бегущего по правому берегу Днепра неприятеля». Н. Н. Раевский 23 октября описал так: «Казаки его преследуют кругом, французы мрут с голоду, подрывают ящики, и с 12-го мы имеем их до 60-ти пушек, и великий Наполеон сделал набег на Россию, не разочтя способов, потерял свою славу и бежит, как заяц» [49].

После этого сражения казачьи полки М. И. Платова и В. В. Орлова-Денисова, в составе которых, как отмечал В. Б. Броневский, находились и калмыки, действуя совместно с партизанскими отрядами, решительнее стали преследовать и истреблять отступавшего противника, вплоть до Смоленска и перехода через Неман последних

остатков французской армии. Особенно чувствительные удары нанесли отступающей армии Наполеона партизанские отряды и казаки атамана М. Платова в октябре-ноябре при сражениях у сел Ляхово и Красное, на реке Вопь. По поводу этих побед М. И. Платов докладывал главнокомандующему М. И. Кутузову: «в двудневное поражение 26-го и 27-го чисел [октября] неприятельского корпуса вице-короля Евгения отбито шестьдесят две пушки, но теперь по верному счету оказалось шестьдесят четыре... Отправивши по велению вашей светлости для преследования неприятеля по большой дороге, идущей из Дорогобужа на Смоленск, пять донских казачьих полков при генерал-майоре Грекове 1 придал ему присланные ко мне от господина генерала Милородовича шесть эскадронов драгун и первый егерский полк. Я преследую теперь с находящимися при мне тремя бригадами, двадцатым егерским полком и донскою конною артиллериею по пятам разбитого неприятеля, ретирующегося к Духовщине, поражаю и тесню его с тылу и с флангов жестоко, – надеюсь на бога, что до Духовщины поражен будет корпус сей до остатка, ибо генерал-майор Иловайский 12 с бригадою его, заскакал уже в Духовщину, и будет поражать неприятеля при оном городе ». М. И. Кутузов в переписке с Витгенштейном отмечал: «Успехи нашего оружия доставляют нам ежедневно выгоды и значительные победы ... Генерал Платов, не давая времени отдохнуть 4-му французскому корпусу, отбил у него при переправе через реку Вопу на Духовской дороге 23 орудия и несколько сот пленных» [50].

Донские казачьи полки генерал-майора Иловайского 12-го, полковника С. Е. Грекова 5-го, полковника Харитонов 7-го, генерал-майора Иловайского 3-го, генерал-майора Денисова 7-го, генерал-майора Грекова 1-го, Тарасова 2-го под общим командованием генерал-лейтенанта Мартынова, преследуя корпус вице-короля Евгения Наполеона, следовавший от Дорогобужа до Духовщины, 26–27 октября (7–8 ноября) уничтожили до 6 тыс. солдат противника. Помимо этого, захватили 1 знамя, 64 орудия и более 3,5 тыс. пленных, в том числе генерала Никола-Антуана Самсона (по отдельным документам – Сансона), помощника начальника Главного штаба армии Наполеона, директора топографического депо.

В тот же день, благодаря эффективным действиям донской конной артиллерии под командованием войскового старшины Кирпичева, казаки отбили у неприятеля еще 23 орудия, а 28 октября – 1 тыс. пленных и 2 орудия. Ощутимый удар нанесли партизанские отряды совместно с донскими полками французской бригаде генерала Ж. П. Ожеро, отступавшей по Ельнинской дороге, у деревни Ляхово. В этом сражении участвовали названные донские полки отряда полковника Г. Д. Иловайского 9-го, из отрядов Сеславина и Давыдова – Гревцова 2-го и Попова 13-го, Быхалова 1-го, Ягодина 2-го, Мельникова 4-го, Траилина, Иловайского 11-го, лейб-гвардии Казачий. В результате капитуляции Ожеро были взяты в плен 1 генерал, 60 офицеров и 2 тыс. солдат. Корпус В. В. Орлова-Денисова 1 ноября в Пронине взял в плен 1 300 человек, захватил 1 тыс. лошадей, 400 подвод с продовольствием, стадо скота.

При освобождении Смоленска 3 ноября 15 казачьим полкам М. И. Платова достались 157 пушек противника и много пленных. Платовский корпус, оставив Смоленск, вслед за противником двинулся к Дубровне. По пути 8, 10, 11, 15 ноября казаки участвовали в разгроме частей французской армии в Орше, Борисове, при деревне Ушакове, где они взяли в плен 12 тыс. человек, в том числе 2 генералов, более 150 офицеров, 31 орудие. В этих сражениях особо отличились полки Луковкина, Горина, Грекова 8-го, Кутейникова 8-го, в личном составе которых было 67 калмыков-казаков, и др.

Учитывая заслуги М. И. Платова в разгроме противника, 29 октября 1812 года император Александр I подписал указ. В нем говорилось: «В знак признательности нашей к Войску Донскому и во изъявление особенного благоволения нашего к усердной службе и ревностным трудом атамана оного, генерала от кавалерии Платова, способствующего вверенными ему силами поражению врага отечества, возводим мы его с потомством в графское Российской империи достоинство. И потому повелеваем Правительствующему сенату заготовить генералу Платову на графское достоинство диплом и поднести оный к нашему подписанию». Император Александр – графу Платову. Затем император Александр I в тот же день прислал ему письмо с сообщением о том, что «в знак признательности моей к

Войску Донскому и во изъявление особенного моего благоволения к заслугам вашим признал я справедливым возвести вас с потомством в графское достоинство, на что и доставлен будет вам установленным порядком диплом из Сената» [51].

Деятельное участие приняли казаки в преследовании и разгроме остатков наполеоновской армии на Березине. Атаман М. И. Платов и генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов в авангарде генерала М. А. Милорадовича активно преследовали противника, идущего к переправе на Березину. В ноябре 1812 г. М. И. Платов с 15 казачьими и 1-м егерским полками, двумя артиллерийскими ротами оперировал по правому берегу Днепра в тесном взаимодействии с отрядом генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова, в состав которого входили 9 полков (6 казачьих, 2 калмыцких и Сумской гусарский). В сражении 3 ноября 1812 г. при городе Красном отличились донские полки Иловайского 9-го, Иловайского 11-го, Быхалова 1-го, Ягодина 2-го, Мельникова 4-го, Траилина, лейб-гвардии Казачий, Чернозубова 4-го, Грекова 3-го. Только из последнего полка были представлены к награждению 17 нижних чинов (к сожалению, указано лишь количество, список не приложен). А в группе представленных к награждению казаков лейб-гвардии Казачьего полка значился калмык Авилка Касархин. В последующие дни эти полки активно действовали в летучем отряде генерал-майора Н. М. Бороздина 2-го. В трехдневных боях только под Красным французская армия потеряла 19 тыс. пленными и до 10 тыс. человек убитыми, 209 орудий. Потери русской армии составили до 2 тыс. человек убитыми и ранеными.

20 ноября 1812 г. М. И. Кутузов докладывал императору, что 13 и 14 ноября Витгенштейн и Платов при Березине взяли в плен 1 подполковника, 36 офицеров и до 2 тыс. нижних чинов, а 15–16 ноября, отрезав у Борисово неприятельский авангард, взяли в плен 5 генералов, 5 полковников, 15 подполковников, 254 офицера, до 9 тыс. нижних чинов, 2 штандарта и 4 пушки. В сражении 28 ноября, настигнув корпус маршала К. Виктора на переправе у Студянки на Березине, казаки М. И. Платова изрядно изрубили солдат противника и отбили 12 пушек, взяли в плен более 1 тыс. нижних чинов, множество офицеров и большую часть неприятельского обоза, где находились почти все

вывезенные из Москвы сокровища. На переправах Березины в целом французы потеряли до 25 тыс. человек убитыми и ранеными и до 24 тыс. пленными (в том числе 5 генералов и 427 офицеров), 4 знамени и 22 орудия. Донские казачьи полки, по докладу М. И. Платова, представленному в декабре М. И. Кутузову, в ходе военной кампании с 13 октября по 2 декабря 1812 года захватили более 30 знамен и штандартов, 547 орудий противника, более 70 тыс. пленных, в том числе 10 генералов и более 4 тыс. штаб и обер-офицеров [52].

Потери французской армии в целом за всю военную кампанию в России, как писал А. И. Михайловский-Данилевский, превышали 600 тыс. человек, из них 48 генералов, 4 000 офицеров и до 200 тыс. нижних чинов остались пленными, 306 тыс. трупов сожжено и зарыто, 15 тыс. трупов были сложены в Ковно на льду Немана и спущены по реке. Более 1 000 захваченных орудий свезены в Москву и сложены в Кремле, до 100 знамен, штандартов размещены в Казанском соборе в Петербурге. М. И. Кутузов, подводя итоги войны с французами в России, 16 декабря 1812 г. из Вильно писал своей дочери Е. Тизенгаузен: «Неприятель повсюду очистил границы. Надобно заметить, что Карл XII вошел в Россию с 40 000 войска, а вышел обратно с 8 000. Наполеон же прибыл с 480 000, а убежал с 20 000, оставив нам, по крайней мере, 150 000 пленными и 850 пушек» [53].

9 декабря 1812 г. Г. Шемиот писал Г. Траубенбергу: «Наконец прогнали мы жестокого врага нашего за границу; со стыдом он ретируется. Такой ретирады еще не бывало, даже его величество (Наполеон) сам принужден был биванировать в коляске, окруженной остатками гвардии своей... Гвардии его осталось не более 4000 человек, прочая же армия состояла из сброда всех наций, из каждого полка от 30 до 40 человек, без порядка, без субординации, – одним словом, орда, голодом преследуемая, сопровождала его. Ретирада его похожа была на травленного собаками оленя, он не смел и оглядываться, столь опасность была близка. Вот как скоро унизилась гордость человека, мечтавшего быть завоевателем всей Европы, – доказательство, что мы, смертные, при самом великом разуме не что иное, как слабые люди, и что не должно давать волю самолюбию своему. Какую славу приобрела теперь Россия. Нигде в истории не видно, чтоб из 500 тыс.

армии в шесть месяцев осталось менее 30 000, и то нищие, которые иногда еще защищаются, чтоб не лишиться последнего, ибо весьма мало осталось у них награбленной добычи» [54].

25 декабря 1812 г. Александр I возвестил народу, армии о благополучном окончании Отечественной войны. В Манифесте подчеркивалось: «... надеясь на крепкую доблесть Богом вверенного Нам народа, в чем и не обманулись. Какой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! ... Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя ни имущества своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к Отечеству, колико любовью к Богу» [55].

За боевые заслуги император высочайше пожаловал Войску Донскому знамя – белое с изображением государственного герба в золотом шитье, – обвитое снизу пальмовыми и масличными ветвями, а сверху – дугообразной лентой ордена св. Георгия, по которой вышита надпись «Верноподданному Войску Донскому, в ознаменование подвигов, оказанных в последнюю французскую войну в 1812, 1813 и 1814 годах». Каждому участнику Бородинского сражения император пожаловал по 5 рублей. Многие донские казачьи полки получили знамена с изображением государственного герба и соответствующими надписями. Всем раненым и бедным донским казакам-участникам Отечественной войны 1812 г. Российское государство установило пенсию на общую сумму в год 20 тыс. руб. (а годовое денежное довольствие войска Донского составляло 21311 руб.). За годы войны правительство России выделило казачьим полкам на приобретение выючных лошадей: в 1812 г. – 135 757 руб. 97 коп., 1813 г. – 1 116 758 руб. 80 коп., 1814 г. – 4 501 631 руб. 37 коп., а также выдали за убитых лошадей: в 1812 г. – 1 756 руб., 1813 г. – 101 920 руб., 1814 г. – 379 498 руб. 45 коп. Эта помощь государства оказалась весьма ощутимой и своевременной, поскольку к концу 1812 г. у донских казаков значительно сократилось поголовье скота. Только за период Отечественной войны на Дону лошадей уменьшилось почти на 20 %, составив 138429 (у калмыков – около 15 тыс.), крупного рогатого скота – на

37 %, составив 271405 голов (у калмыков – 16400), овец – на 46 %, составив 469295 голов (у калмыков – 29800 голов) [56].

По не полным данным, составленным Калмыцким правлением в 1836 г., на Дону еще находились 12 калмыков – участников Отечественной войны 1812 года из 15, удостоенных ордена Св. Анны. Одним из них, по данным на 1846 г., был сотник Чукур Джамбинов, награжденный орденом Св. Анны 4-й степени, житель 1-й сотни Верхнего улуса. По данным Калмыцкого правления на 1846 г., только из участников войны Верхнего улуса офицерские чины получили хорунжий Земчи Самтонов (3-я сотня), сотник Наджику-Самтон Гилюнов (1-я сотня), есаул Нарма Гардилов (1-я сотня), сотник Чукур Джамбинов (1-я сотня), урядник Улан-Габун Гецулов. В списках участников этой же войны и раненых в ней, составленных в 1854–1855 гг. далеко по не полным данным и не по всем сотням, значились фамилии и имена 19 калмыков-казачков: 3-й сотни Нижнего улуса – Текун Тарбинов, 2-й сотни того же улуса – Бютсен Джамбинов и Басан Харцыгинов, 4-й сотни того же улуса – Давашка Зондугинов, Калач Каджинов и урядник Менко Неминов; 3-й сотни Среднего улуса – Куте Болдырев, Куюка Частинов, Буря Хасыров, Халгон Басанов, Кашка Семкин, Зодба Чурюмов, Бембет Макугинов, Архака Чурюмов, Басан Нияшов, Декта Джамбинов, 5-й сотни Среднего улуса – Недш Уштуков; 4-й сотни Верхнего улуса – Улядык Шишинов и Монтык Башалынов [57].

«Представители национальных меньшинств и отдельных групп, – писал академик Е. В. Тарле, – не уступали коренному русскому населению в желании защищать общее отечество. Донские казаки, башкиры, татары, уральские казаки, народы Кавказа сражались, судя по всем отзывам, замечательно стойко и мужественно. Герой Багратион достойно представлял Грузию. Калмыки (составившие Ставропольский калмыцкий полк [академик упустил из виду 1-й и 2-й Калмыцкие полки. – К. М.]) прославились своей храбростью в 1812 г.: их «летучие отряды» особенно отличились во вторую половину войны, при преследовании отступавшего неприятеля» [58].

Александр I, по достоинству оценивая заслуги донского казачества в Отечественной войне 1812 года, высочайшим манифестом от

13 апреля 1813 г. выразил свою монаршую признательность и благоволение Войску Донскому. В нем говорилось: «Объявляем всенародно. На Дон в нижняя и верхняя юрты, нашим атаманам и казакам, Войску, атаману графу Платову, правительству войска Донского и всему оному верноподданному Нам войску. Донское наше воинство, в настоящую ныне с французами войну, усердием, подвижностью и храбрыми действиями своими оказало важные Отечеству услуги. Поголовное ополчение и прибытие оно в знатных силах в Нашей армии было толь поспешное и скорое, какое тогда токмо бывает, когда совершенная к исполнению долга своего ревность всех и каждого одушевляет и движет. Мужественная и неутомимая бдительность войскового атамана графа Платова, тако же и сподвижавшихся с ним всех войска сего храбрых генералов, офицеров и всех вообще донских урядников и казаков, много способствовали к преодолению великих сил неприятельских и к одержанию над ним полных и знаменитых побед. Они непрестанными на него нападениями и частыми с ним битвами везде возбраняли ему способы к продольствию и чрез то провели всю многочисленную конницу его в совершенное изнурение и ничтожество. Когда потом, после многих бедственных для него сражений, был он победоносным Нашим воинством поражен, обращен в бегство и преследован тогда на пути, в новых с ним жарких сражениях, отбито у него бывшим под предводительством атамана графа Платова донскими казаками знатное число артиллерии с многими взятыми в плен генералами, их офицерами и солдатами. Сверх сего неприятель, беспрестанно ими беспокоимый, принужден был многие орудия свои, со всеми к ним принадлежностями, затоплять в болотах и реках, иги не успевши и того сделать, оставлять Нам в добычу, так что в продолжение бегства своего за пределы России претерпел всеконечное и совершенное истребление. Толь знаменитые заслуги и подвиги Донского войска Нашего налагают на Нас долг перед целым светом засвидетельствовать справедливую Нашу к нему признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу его в его памяти потомков. Пребываем ко всему Донскому воинству Императорского Нашего милостью благосклонны». Александр [59].

Действительно, в Отечественную войну с вторгшимся врагом воевали «не только все донские служилые казаки, но большая часть отставных, кои имели еще силу управлять конем, равно и молодые юноши от 17-летнего возраста». 8 октября 1813 г. Александр I пожаловал донским полкам генерал-майора М. Г. Власова 3-го, генерал-майора Т. Д. Грекова 18-го, полковников Т. Д. Иловайского 11-го и И. И. Жирова 1-го Георгиевские знамена с надписью «За отличную храбрость и поражение неприятеля в Отечественную войну 1812 года», 17 июля 1814 г. – Атаманскому полку бунчук и знамя с надписью «За отличную храбрость, за отличие в Отечественной войне 1812 года», 13 января 1816 г. – полкам полковников Г. Г. Мельникова 4-го и Н. Г. Мельникова 5-го знамена «За отличие» с надписью «За подвиги, оказанные в Отечественную войну, при Вязьме, Краоне, Лаоне и Арсисе».

Отмечая заслуги и благородный поступок донских казаков, М. И. Кутузов 23 декабря 1812 г. писал Амвросию, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому: «Храбрые донские казаки возвращают Богу похищенное из храмов его сокровище ... сие серебро, бывшее иногда украшением святых ликов... Предводитель войска донских казаков граф Матвей Иванович Платов, и вместе с ним все его воины и я желаем, чтоб сии слитки, составляющие весу 40 пудов серебра, были обращены в изображения четырех евангелистов... На подножии каждого изваяния должна быть вырезана следующая надпись: Усердное приношение Войска Донского» [60].

Армия Наполеона, потерпев сокрушительное поражение, начиная от Москвы до западной границы России и на переправе через реку Березину, едва смогла вывести за пределы России лишь менее 5 % солдат от ее общей численности. В начале похода в Россию, например, как писали Хохберг и Штейнмюллер, в 9-м корпусе армии маршала Нея насчитывалось 12500 человек. После обратной переправы через Березину в этом корпусе осталось всего 200 человек. В боях при преследовании французов и русская армия понесла значительные потери. При выходе из Тарутино армия Кутузов насчитывала свыше 100 тыс. человек при 620 орудиях. К началу декабря 1812 г. в ней при Вильне осталось около 42 тыс. солдат при 200 орудиях [61].

В это время в действующей российской армии находились 57 донских казачьих полков (22 – в корпусе М.И. Платова, 12 – в корпусе Витгенштейна, 8 – в армии Чичагова, 9 – в авангарде Милорадовича (Карпова 2-го, Грекова 3-го, Чернозубова 4-го, Грекова 21-го, Жирова, Попова, Слюсарева, Ежова и Кошкина общей численностью 2100 казаков, в том числе 172 калмыка), 3 – (Данилова, Андриянова 2-го и Андриянова 3-го) в отряде Васильчикова, 3 – в корпусе С. А. Тучкова 2-го) и 2 роты конной артиллерии.

6 декабря 1812 г. авангард армии П. В. Чичагова, состоявший в основном из донских полков, разгромил противника у Сморгони и захватил 3 тыс. пленных и 25 пушек. Затем, преследуя его, захватил еще 36 пушек, а на следующий – 31 орудие. 10 декабря авангард армии Чичагова вместе с частями генерала Н. М. Бороздина и П. В. Голенищева-Кутузова вошел в Вильно.

Однако донские полки в зимний период понесли заметные потери, особенно пострадали казачьи полки корпуса атамана М. И. Платова. 11 декабря он докладывал главнокомандующему М. И. Кутузову, что в течение полутора месяцев преследования противника его полки серьезно пострадали, в них очень много обмороженных и больных казаков. В каждом полку оставалось до 250 казаков и всего до 150 лошадей, т. е. до эскадрона, а в некоторых – до 60 всадников, в Атаманском полку – 400 казаков. Например, если в начале отступления французской армии из Москвы в донских полках войскового старшины М. А. Власова 2-го числилось 450 казаков (офицеров 20), то к концу 1812 г. в нем осталось 200 человек и еще 18 раненых казаков находились в госпиталях; в полку подполковника И. Г. Турчанинова 1-го из 412 осталось 200; в полку генерал-майора П. М. Грекова 8-го из 443 – 250, в полку полковника А. Е. Грекова 4-го (с 16 августа командир – полковник А. А. Кутейников) из 486 – 250; в полку полковника Н. Г. Мельникова 5-го из 416 – 250; в полку подполковника Ф. А. Барabanщикова 2-го из 412 – 250; в полку полковника Г. А. Дячкина из 438 – 250; в полку войскового старшины А. Ф. Чикилева 1-го из 412 – 200; в полку войскового старшины П. А. Киреева 2-го из 440 – 250; в полку полковника Г. А. Луковкина 2-го из 512 – 250; в полку подполковника С. И. Пантелеева 2-го из 482 – 250; в полку полковни-

ка И. И. Исаева 2-го из 441 – 250; в полку полковника А. Е. Грекова 9-го из 420 – 250; в полку войскового старшины С. И. Семенченкова из 410 – 250 казаков; в полку подполковника И. И. Андриянова 2-го из 418 – 293 и т. д. На пополнение этих полков в декабре 1812 г. с Дона прибыли 2 488 казаков, в том числе 92 калмыка. За этот период значительно сократился личный состав и двух калмыцких полков: в 1-м Калмыцком – с 433 (10 офицеров) человек до 200, во 2-м Калмыцком – с 453 (офицеров 12) до 200, то есть их потери составили 486 человек, или почти 55 % [62].

Армия П. В. Чичагова уменьшилась вдвое: в ней осталось лишь 17 тыс. человек. Лучше всего сохранил силы граф П. Х. Витгенштейн, у которого вместо прежних 40 тыс. было все еще 34 тыс. солдат. В основном большие потери были связаны с болезнями из-за стужи, плохого питания, недостатка фуража, теплой одежды. Тем не менее, перед Заграничным походом в донских казачьих полках и командах состояли 17 генералов, 28 полковников, 51 подполковник, 78 майоров и войсковых старшин, 1480 есаулов, сотников, хорунжих, 1934 урядника и писаря, 44 297 служилых казаков и 1807 калмыков. А всего в это время в Войске Донском по списку числилось 48 693 служилых казаков, в том числе 1954 калмыка [63].

2 декабря 1812 г. корпус М. И. Платова в соответствии с предписанием М. И. Кутузова «следовать за неприятелем до самой Вислы» выступил в поход. В это же время, т. е. в конце ноября – начале декабря 1812 г., донские полки (Г. А. Дячкина, П. А. Киреева 2-го, П. М. Грекова 8-го, И. И. Исаева 2-го, Н. Г. Мельникова 5-го, А. Е. Грекова 4-го, Г. А. Луковкина 2-го, Ф. А. Барабанщикова 2-го) преследовали остатки французского войска в авангарде под командованием Е. И. Чаплица армии адмирала П. В. Чичагова. В корпусе генерал-майора С. А. Тучкова 2-го главного авангарда русской армии под командой генерал-лейтенанта Ф.Ф. Винцингероде действовали донские казачьи полки полковника А. Е. Грекова 9-го (434 казака), войскового старшины С. И. Семенченкова (369 казаков), команды подполковника И. В. Грекова 21-го (121 чел.) и И. И. Исаева 2-го (111 чел.). В личном составе этих полков и команд числилось до 160 калмыков-казаков.

3.3. Калмыки-казаки в составе донских полков в Заграничных походах 1813–1814 годов

После изгнания французской армии из пределов России и выхода к границе на начало 1813 г. было составлено новое расписание всей действующей российской армии (Главнокомандующий – генерал-фельдмаршал князь М. И. Голенищев-Кутузов, начальник штаба – генерал-адъютант князь П. М. Волконский, генерал-квартирмейстер – генерал-майор барон К. Ф. Толь), разделенной на 5 частей.

Командование главным авангардом центральной части армии возлагалось на генерал-лейтенанта барона Ф. Ф. Винцингероде и начальника его штаба генерал-майора Ренне. В непосредственный авангард генерал-майора С. Н. Ланского, состоящий из 17 казачьих полков, вошли донские – войскового старшины И. Г. Попова 13-го (250 казаков), полковника А. Е. Грекова 9-го (250), генерал-майора В. Д. Иловайского 12-го (250 казаков), подполковника И. В. Грекова 21-го (250), войскового старшины С. И. Семенченкова (250), подполковника Ф. А. Кутейникова 4-го (250). В число 8 полков летучего корпуса генерал-лейтенанта графа П. П. Палена включили 2 донских – войскового старшины М. А. Власова 2-го (250 казаков) и полковника И. И. Исаева 2-го (250), а в колонну, состоящую из 15 полков, генерала от инфантерии М. А. Милорадовича – полковника А. Ф. Слюсарева 1-го (250), И. Ф. Чернозубова 4-го (250), А. А. Карпова 2-го (250 казаков). Численность личного состава указанных 11 донских полков составляла 2750 казаков (в том числе до 130 калмыков) вместо 6 тыс.

В правое крыло (командир – адмирал П. В. Чичагов) Главной армии входил корпус атамана генерала от кавалерии М. И. Платова, состоящий из 20 донских казачьих полков (полковника В. А. Быхалова 1-го, войскового старшины А. М. Гревцова 2-го, генерал-майоров В. Т. Денисова 7-го и В. А. Сысоева 3-го, полковника Т. Д. Грекова 18-го, полковника М. Г. Власова 3-го, подполковника Н. С. Сулина 9-го, войскового старшины Д. Д. Комиссарова, полковника Т. Д. Иловайского 11-го, войскового старшины И. И. Жирова, полковника С. А. Белгородцева 1-го, полковника Г. Г. Мельникова 4-го, генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го, полковника И. И. Андриянова

2-го, генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го, войскового старшины Т. В. Ребрикова 3-го, генерал-майора А. В. Иловайского 3-го, полковника К. И. Харитонов 7-го, войскового старшины В. А. Кутейникова 6-го, Атаманский). Кроме них в корпус входили Симферопольский татарский, Перекопский татарский и 2-й Башкирский полки. В каждом донском полку числилось до 250 казаков, Атаманском – 400, в двух артиллерийских ротах имелось всего 16 орудий и 200 казаков, то есть их численный состав (5550 казаков, в том числе до 400 калмыков) перед походом за границу сократился ровно вдвое.

В 1-й авангард (командир – генерал-майор И. Д. Иловайский 4-й) армии генерала от кавалерии графа П. Х. Витгенштейна были зачислены казачьи полки подполковников И. И. Платова 4-го и И. Н. Лащина, генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го, войсковых старшин А. Д. Грекова 17-го и И. М. Сучилина 2-го, полковников А. А. Ягодина 2-го и Г. Д. Иловайского 9-го; во втором авангарде под командованием генерал-майора Шепелева – полковника М. И. Родионова 2-го, подполковника М. Г. Чернозубова 8-го и 2-я рота донской конной артиллерии, Ставропольский калмыцкий полк. Личный состав каждого донского полка не превышал 250 человек, за исключением Калмыцкого – 200 человек. В корпусе генерал-лейтенанта Ф. Ф. Левиза из донских казачьих полков числился всего 1 – подполковника И. А. Селиванова 2-го (297 казаков). В указанных 10 донских полках и артиллерийской роте численность личного состава не превышала более 3 тыс. казаков, в том числе до 200 калмыков.

В центральную часть Молдавской или 3-й Западной армии (командующий – адмирал П. В. Чичагов, начальник штаба – генерал-майор И. В. Сабанеев) входили казачьи полки полковника Г. А. Луковкина 2-го (250 казаков), подполковников Ф. А. Барабанщикова 2-го (250) и С. И. Пантелеева 2-го (250). В ее авангарде под командованием генерал-лейтенанта Е. И. Чаплица действовали донские полки полковника И. И. Исаева 2-го, генерал-майора П. М. Грекова 8-го, полковника А. Е. Грекова 4-го, войскового старшины П. А. Киреева 2-го, полковников Г. А. Дячкина и Н. Г. Мельникова 5-го общей численностью 1 500 казаков (в том числе до 100 калмыков), сведенные в дивизию во главе с генерал-майором П. М. Грековым 8-м.

В числе 15 полков и 2 артиллерийских рот правого крыла отдельного корпуса генерал-лейтенанта барона Ф. В. Сакена находился 1-й Калмыцкий полк (200 чел.), в составе его левого крыла – донской полк войскового старшины М. А. Власова 2-го (200 казаков). В корпус генерал-лейтенанта Волконского 1-го, состоящий из 13 полков и 4 артиллерийских рот, были зачислены донской полк А. Ф. Чикилева 1-го (командующий – есаул С. Н. Грицыхин, 200 казаков) и 2-й Калмыцкий полк (200 человек). В корпусе (9 полков и 4 артиллерийские роты) генерал-лейтенанта графа П. К. Мусина-Пушкина находился донской полк подполковника И. Г. Турчанинова (200 казаков).

Личный состав российской армии к этому времени составил 135 110 человек при 968 орудиях. В ее кавалерию входили 77 казачьих полков (из них 53 донских), 2 донские конные артиллерийские роты, общая численность личного состава которых составляла не более 14 тыс. человек, Ставропольский калмыцкий, 1-й и 2-й Калмыцкие полки. Но вскоре донские полки были пополнены за счет новых поступлений и расформированных ополченских полков [64].

К 1 декабря 1812 г., по отчетным данным в Государственную Военную коллегия о состоянии Войска Донского, по списку числилось служилых казаков – 46209, из них в полках и командах 43840, 344 больных; калмыков-казаков – 1 734 человека, из них 1 596 во всех донских казачьих командах, полках и конноартиллерийских ротах, а также в Атаманском полку – 91, на разных военных должностях – 106 человек, больных – 14, 6 калмыков ждали очередного призыва. Отставных калмыков-казаков значилось 580 человек. В связи с этим нельзя согласиться ничем необоснованным утверждением К. П. Шовунова о том, что «к 1812 г. категория служилых казаков калмыцкого происхождения на Дону достигла трех тысяч» [65].

По имеющимся официальным отчетным сведениям канцелярии Войска Донского, на 1 января 1812 г. числилось 1740 служилых калмыков-казаков, из них 1475 проходили службу в строевых полках и командах, на внутренней службе были заняты 182 человека. Историк К. П. Шовунов имел в виду, возможно, общее количество участников калмыков-казаков Отечественной войны 1812 г., которое (все же менее трех тысяч – в пределах 2800 чел.) состояло не только из

служилых, но из отставных до 50 лет и малолеток с 19 лет. Последние две категории участников были включены в состав 22 донских ополченских полков и полуроты конной артиллерии. После изгнания французов из России все донские ополченские полки продолжали воевать. Лишь в июне 1813 г. 4 полка (И. А. Андриянова 1-го, Грекова 3-го, И. И. Кошкина 1-го, А. Е. Галицына – бывший П. П. Шумкова) были расформированы, а их личный состав обращен на пополнение других донских полков.

С выходом на границу России главнокомандующий князь М. И. Кутузов подписал и обнародовал приказ по армии. В нем говорилось: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед; два месяца сряду рука ваша каждодневно карала врагов. Путь их усеян трупами. Сам вождь их в бегстве своем не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских: тысячи падали разом и погибали...

Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы, и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйствах и неистовствах, унижающих солдата ... Объявляя о сем остаюсь совершенно уверенным, что сия священная воля будет выполнена каждым солдатом в полной мере...» [66].

В ноябре-декабре 1812 г. русская армия перешла в наступление. 24 казачьих полка в составе 3-й Западной армии и корпуса графа П. Х. Витгенштейна, продолжая преследовать отступающего противника, 28 ноября захватили город Вильно, и впереди армии двинулись в главном направлении наступления – на Кенигсберг и Данциг. Затем 24 полка М. И. Платова подчинили 3-й (Северной) армии под командованием П. В. Чичагова, 10 полков – корпусу генерала А. И. Чернышева, двигавшемуся на Кенигсберг и Данциг. 9 казачьих полков оставались в составе главных сил М. И. Кутузова.

Казачьи полки генерал-майора М. И. Родионова 2-го, М. Г. Чернозубова 8-го, И. Н. Лащилина 1-го, И. А. Селиванова 2-го (в их составе находилось около 60 калмыков-казаков), приняв участие в штурме 4 января 1813 г. г. Кенигсберга, захватили ряд прусских городов и блокировали Данциг. «Получено известие, – писал Ф. Н. Глинка, – что граф Платов, обложивший Данциг, разбил сделанную на него большую вылазку». После взятия Данцига, в штурме которого в составе пехотного корпуса генерал-лейтенанта Левиза приняли участие 10 донских казачьих полков под командованием генерал-майора С. Е. Грекова 5-го, главнокомандующий М. И. Кутузов писал М. И. Платову: «Сражение, бывшее 23 числа сего месяца под Данцигом, есть новый опыт усердия, ревности и отличной храбрости Донцов, Вами предводительствуемых. Услуги, оказанные Вами Отечеству в продолжение нынешней кампании, не имеют примеров. Вы доказали целой Европе могущество и силу обитателей Богом благословенного Дона...» [67].

В конце января 1813 г. из-под Данцига М.И. Платов был отозван в Главную квартиру Александра I. 17 января 1813 г. генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов писал атаману М. И. Платову: «Государь император приглашает вас в Главную его императорского величества квартиру, которая 25-го сего месяца быть имеет при личном с вами свидании, его величество желает переговорить с вашим сиятельством касательно донского войска и поблагодарить вас за все личные труды в сию кампанию...» [68].

Донские казачьи полки, находившиеся в составе корпуса М. И. Платова, поступили под команду графа Витгенштейна и были распределены по разным корпусам и отрядам. Витгенштейн сформировал из них под командованием генерал-майоров А. И. Чернышева и А. Х. Бенкендорфа, полковника Ф. К. Теттенборна (в скором времени произведенного в генералы) три летучих отряда для действий в тылу и на левом фланге армии вице-короля Италии Евгения Богарне, отступавшей к Познани. В отряд Чернышева вошли донские полки генерал-майора Сысоева 3-го, полковников Грекова 18-го, Власова 3-го, Иловайского 11-го и И. Е. Ефремова (лейб-гвардии Казачий), войскового старшины Жирова, полковника Быхалова и 2 орудия дон-

ской конной артиллерии, 2 эскадрона Финляндского драгунского, 2 батальона Изюмского гусарского полков.

Под команду А. Х. Бенкендорфа поступили 6 донских полков (генерал-майора Иловайского 4-го, полковника Андриянова 2-го, подполковника Лащилина 1-го, войскового старшины Кутейникова 6-го, генерал-майора Иловайского 12-го, войскового старшины Т. В. Ребрикова 3-го, полроты донской артиллерии, Ставропольский калмыцкий, Башкирский полки). В отряд полковника Ф. К. Теттенборна попали 4 донских полка (генерал-майора Денисова 7-го, полковника Сулина 9-го, войсковых старшин Гревцова 2-го и Комиссарова), 2 батальона Изюмского гусарского полка. В личном составе донских полков и артиллерии указанных отрядов числилось до 130 калмыков-казаков.

Летучие отряды конницы казаков, егерей, действуя впереди главных сил, уничтожали отдельные группы врага, склады с боеприпасами и продовольствием, доставляли ценные сведения о противнике. Донские полки И. Е. Ефремова, Сулина 9-го, В. А. Быхалова, Денисова 7-го, Сысоева 3-го, Грекова 18-го, Власова 3-го, Иловайского 11-го, Жирова, входившие в отряды под командованием указанных генералов, в начале февраля 1813 г. вышли к Одеру и заняли ряд важных населенных пунктов (Цирк, Вритцен, Циндорф, Тацдорф). А 20 февраля они уже участвовали в штурме и взятии Берлина, где отличились донские полки отряда А. И. Чернышева. 9 марта полки Денисова 7-го (полком командовал войсковой старшина Г. П. Победнов) и Гревцова 2-го участвовали в занятии Гамбурга, затем Бремена. 21 марта отряды А. И. Чернышева и В. К. Дёрнберга (накануне вместе с отрядом полковника Теттенборна поступили под командование генерал-лейтенанта Л. Вальмодена), заняв г. Люнебург, захватили в плен генерала Морана, трех полковников, 80 офицеров и 2200 нижних чинов, 3 знамени, 9 орудий и большой обоз.

В это же время успешно действовали отряды генерала Ф. В. Остен-Сакена в Варшавском герцогстве. Его донские полки Чернозубова и Луковкина захватили крепости Ченстохова (с 56 офицерами и более 1 тыс. рядовыми) и Краков. В осаде и взятии крепости Торна на Висле участвовали 5 донских казачьих полков, где были взяты в плен

2 генерала, 135 офицеров, около 2 тыс. нижних чинов, 52 орудия и боевые припасы.

В сражениях в апреле под Люценом отличились полки Иловайского 12-го и Кутейникова 4-го. В числе представленных казаков из полка Кутейникова 4-го к награждению Знаком отличия Военного ордена были указаны калмыки Иван Саранцев и Кивлей Каранчев, которые, как сказано в представлении, «в действиях противу неприятеля они, будучи охотниками в стрелках, первые бросаясь на оногo поражали пиками и тем подавали пример товарищам своим».

В мае под Бауценом успешно действовали 8 донских полков под командованием Грекова 8-го. По имеющимся сведениям Атаманского полка, в списке 15 казаков, поданных для награждения Знаком отличия Военного ордена, указаны калмыки Иван Чалбан и Чурюм Еренцынов, которые, «первыми бросавшись храбро на неприятеля, поражали его и тем подавали пример товарищам своим». Из полка войскового старшины А. Д. Грекова 17-го урядник калмык Алей Асанов, полка полковника Н. Г. Мельникова 5-го урядник калмык Улуснов, полка войскового старшины П. А. Киреева калмык-казак Мактыев и другие были награждены таким же военным знаком. В этих двух сражениях в союзной армии выбыло из строя около 25 тыс. человек, из армии Наполеона – почти 30 тыс.

После баталий под Магдебургом и Гальбертштадтом между Наполеоном и союзными войсками 23 мая (7 июня) 1813 г. в Плесвице было подписано на 6 недель перемирие. В сражениях под Магдебургом и Гальберштадтом активно действовал отряд А. И. Чернышева, в состав которого входили донские полки Сысоева 3-го, Грекова 18-го, Грекова 26-го, Ежова 1-го, Власова 3-го, Иловайского 11-го и Жирова общей численностью до 2000 казаков, в том числе около 120 калмыков. Только при Гальбертштадте донские полки отбили у противника 14 орудий. Из этих полков 142 нижних чина были представлены к награждению Знаком отличия Военного ордена [69].

В первый же день перемирия, 8 июня 1813 г., Главнокомандующий всеми армиями генерал от инфантерии Барклай де Толли подписал приказ по армиям. Согласно этому приказу, 83 казачьих полка, в том числе 65 донских, распределялись по корпусам. 4 ополченских

полка расформировывались и 1 ополченский полк передавался в резерв. Приказ гласил: «Для лучшего порядка и устройства при армии казачьих полков признавая полезным, чтоб оные в армии и каждом корпусе или отряде управляемы были особыми начальниками из чиновников сего же войска, я нахожу нужным сделать по сему предмету следующее постановление: 1-е. К каждому корпусу определяется число казачьих полков по мере надобности и будет зависеть от моего усмотрения. 2-е. Все казачьи полки, в каждом корпусе состоящие, управляются частными и бригадными начальниками...».

В соответствии с этим приказом 6 донских полков (генерал-майора Грекова 8-го, подполковника И. В. Грекова 21-го, полковника Кутейникова 8-го, подполковника Селиванова 2-го, полковника Исаева 2-го, войскового старшины Чикилева 2-го), а также Тептярский 1-й и 1 артиллерийская рота под общим командованием П. М. Грекова 8-го были подчинены генералу от инфантерии графу А. Ф. Ланжерону.

8 донских полков (лейб-гвардии Казачий, генерал-майора Родионова 2-го, Иловайского 1-го, полковника Ягодина 2-го, полковника Д. Ф. Горина 1-го, Грекова 2-го, майора Ежова 2-го, подполковника Попова 13-го) и Ставропольский калмыцкий – командующему Главной армии генералу от кавалерии графу П.Х. Витгенштейну;

4 донских полка (Атаманский, войскового старшины С. С. Грекова 36-го – бывший генерал-майора И. Ф. Чернозубова 4-го, войскового старшины Ребрикова 3-го, полковника Иловайского 12-го), 2-й и 3-й Украинские выделялись в резерв его императорского высочества;

5 донских полков (генерал-майора Карпова 2-го, генерал-майора Луковкина, полковника Чернозубова 5-го – бывший генерал-лейтенанта Н. В. Иловайского 5-го, подполковника Кутейникова 4-го, полковника Семенченкова) и Украинский 4-й, Башкирский 2-й, Калмыцкий 2-й были подчинены генерал-лейтенанту барону Ф. В. Остен-Сакену;

4 донских полка (генерал-майора Иловайского 4-го, полковника Барабанщикова 2-го, подполковника Пантелеева 2-го, войскового старшины Д. С. Ребреева – бывший С. А. Белогордцева 1-го) и Бугский 1-й, Уральский 3-й, волонтерский Яхонтова – генерал-лейтенанту барону Ф. Ф. Винцингероде;

7 донских полков (генерал-майора Иловайского 3-го, полковника Быхалова 1-го, полковника Грекова 9-го, генерал-майора Дячкина, полковника Мельникова 5-го, полковника Иловайского 10-го, войскового старшины Кутейникова 6-го) и Ямской Тверской – генерал-лейтенанту Ф. В. Бюлову;

12 донских полков (генерал-майора Денисова 7-го, полковника Власова 3-го, полковника Андриянова 2-го, подполковника И. Н. Лащилина 1-го, полковника Мельникова 4-го, полковника Грекова 18-го, генерал-майора Сысоева 3-го, полковника Иловайского 11-го, подполковника Жирова 1-го, подполковника Гревцова 2-го, подполковника Сулина 9-го, войскового старшины Комиссарова) и Башкирский 1-й – генерал-лейтенанту графу Л. Вальмодену;

6 донских полков (генерал-майора Грекова 5-го, войскового старшины Грекова 17-го, полковника Харитонов 7-го, подполковника Чернозубова 8-го – бывший генерал-майора И. К. Краснова 1-го, генерал-майора Иловайского 9-го, войскового старшины Сучилина 2-го) и Перекопский татарский, Симферопольский татарский – генералу от кавалерии принцу Александру Виртембергскому;

6 донских полков (подполковника И. Г. Турчанинова, войскового старшины Власова 2-го, войскового старшины Данилова 2-го, войскового старшины Андриянова 3-го, войскового старшины К. И. Шамшева 2-го, войскового старшины М. Д. Платова 5-го) и Уральский 1-й, Калмыцкий 1-й – генералу от инфантерии Д. С. Дохтурову;

3 донских полка (войскового старшины Киреева 2-го, полковника И. И. Платова 4-го, войскового старшины С. Д. Табунщикова – бывший Я. А. Траилина) и 3-й Бугский, Тульский определялись в конвой при Главной квартире всех армий;

по 1 полку – в конвой при Главной квартире графа Витгенштейна и в распоряжение генерала интенданта всех армий для конвоирования транспортов и при магазинах;

1 донской полк (полковника П. П. Попова 3-го) и 1-й Украинский – в распоряжение военного генерал-полицмейстера генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля;

4 ополченских донских казачьих полка (генерал-майора Б. А. Грекова 3-го, полковника И. А. Андриянова 1-го, полковника И. И. Кош-

кина, войскового старшины А. Е. Галицына) подлежали расформированию и распределению их личного состава по другим полкам.

Полк полковника А. Ф. Слюсарева выводился в резерв под командованием цесаревича Константина Павловича.

Кроме того, в мае-июне 1813 г. в действующую армию в Германию для пополнения донских казачьих полков прибыли с Дона 4 запасных полка, укомплектованных 19-летними «малолетками», общей численностью 2 тыс. человек, в том числе 126 калмыков.

Таким образом, в середине 1813 г. во всей действующей российской армии, занятой в военных действиях, находились 63 донских казачьих полка, в том числе 18 ополченских и 2 конноартиллерийские роты. Общая численность их личного состава достигала до 30 тыс. казаков (еще свыше 10 тыс. человек служили в полках, дислоцированных в различных регионах страны), в том числе 1 508 калмыков-казаков в строевых полках. Во второй половине 1813 г. в донские полки на фронт прибыли 1 485 казаков, в том числе 220 калмыков, которые дополнили сильно пострадавшие полки И. И. Исаева 2-го (в его полку числились 1 обер-офицер, 3 урядника и 67 нижних чинов), И. В. Грекова 21-го (только 13 нижних чинов), Д. Д. Комиссарова 1-го (1 обер-офицер и 51 нижний чин). А всего в том году в строевых донских полках и командах служили 1 716 калмыков-казаков и в Атаманском полку – 91 человек, занимали различные военные должности – 104 человека, а также в ополченских полках осталось свыше 900 калмыков-казаков [70]. Таким образом, во второй половине 1813 г. в донских строевых и ополченских полках продолжали воевать против наполеоновской армии почти 2800 калмыков-казаков.

30 июля (11 августа) 1813 г. между противоборствующими сторонами возобновились военные действия. Донские полки были распределены в соединения Главной (Богемской), Силезской и Северной армий.

В кавалерию графа Палена корпуса Витгенштейна Главной армии вошли 4 донских полка общей численностью 1545 казаков. В резерв Главной армии был выделен кавалерийский корпус князя Голицына, в составе которого числились лейб-гвардии Казачий, а также 3 донских полка общей численностью 1669 казаков.

В Силезскую армию включили корпус барона Остен-Сакена (кавалерия Васильчикова, в ее составе было 8 донских, 1-й Калмыцкий, 1-й Украинский, 1-й Башкирский полки общей численностью 4524 человека) и корпус графа Ланжерона (кавалерия барона Корфа, в ее составе было 5 донских, 3 украинских, 1 калмыцкий полк общей численностью 4276 человек).

В Северную армию вошли корпус Винцингероде (кавалерия графа Мантейфеля в составе 5 донских, 1 Уральского и 1 Бугского полков общей численностью 2604 человека) и корпус Воронцова (кавалерия графа Орурка в составе 6 донских, 1 Ямской и 1 Башкирский численностью 3376 человек). К последнему корпусу был причислен отряд А. И. Чернышева из 5 донских полков численностью 2048 казаков. В корпус графа Вальмодена вошли 4 донских полка общей численностью 1415 казаков, в корпус Бюлова – 2 донских полка численностью 440 казаков. Кроме них, в блокаде Штеттина стояли 2 донских полка численностью 634 казака [71].

14 августа донские полки бригады А. А. Карпова 2-го в составе Силезской армии под командованием маршала Г. Л. Блюхера участвовали в сражениях при Кацбахе, а 15 августа отряд А. И. Чернышева в составе Северной армии сражался при Гагельсберге. Казаки нанесли поражение противнику и взяли в плен 140 офицеров, более 8 тыс. солдат и 58 орудий.

17–19 августа в битве под Кульмом против французского корпуса Ж.-Д. Вандамма отличился полк В. Д. Иловайского 12-го российского корпуса А. И. Остермана-Толстого (после его ранения вступил в командование генерал-лейтенант А. П. Ермолов), входившего в Богемскую армию под командованием князя К. Ф. Шварценберга. Полк Иловайского 12-го, «презирая ружейные и картечные выстрелы, атаковал сильную пехотную колонну, разбил оную совершенно, взял восемь орудий и захватил в плен командующего корпусом» и дивизионного генерала Ф. Аксо. На десятиверстном пути преследования неприятеля казаки отбили еще одну пушку и взяли в плен до 400 человек. За подвиги в этом бою генерал Иловайский 12-й был награжден орденом Св. Анны 1-й степени, хорунжий И. С. Александров – орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, есаул Р. А. Бирюков

произведен в войсковые старшины. В эти же дни отряд А. И. Чернышева, состоявший из донских полков Сысоева 3-го, Жирова 1-го, Грекова 18-го, Власова 3-го, Балабина 2-го, 6 эскадронов регулярной кавалерии при 4 орудиях донской артиллерии капитана Лишина, занял г. Кассель и упразднил Вестфальское королевство Жерома Бонапарта [72].

В сентябре по высочайшему указу Александра I был сформирован корпус под командованием атамана М. И. Платова в составе Атаманского, Грекова 5-го, Чернозубова 5-го, Чикилева 1-го, Тептярского и Черноморского полков, а также 3-й роты донской артиллерии с 10 орудиями под командованием подполковника И. И. Кирпичева. Рота комплектовалась из прибывшего пополнения с Дона, кроме того, 1-я и 2-я артиллерийские роты передали ей 45 человек (1 штаб-офицер, 2 обер-офицера, 6 урядников и 36 рядовых казаков).

Казачьему корпусу была поставлена задача – действовать в тылу неприятеля и опережать отступающую французскую армию. Накануне сражения при Лейпциге корпус М. И. Платова усилили полками подполковника Г. А. Костина 4-го (бывший Грекова 1-го), генерал-майора О. В. Иловайского 10-го, Ягодина 2-го, двумя эскадронами венгерских гусар и двумя эскадронами австрийских драгун, 3-м Оренбургским казачьим и 1-м Башкирским полками. 15 сентября 1813 г. донские полки корпуса М. И. Платова провели успешное сражение при Михельсдорфе. По имеющимся сведениям о казаках, представленных к наградам, в группе чинов полка Иловайского 10-го значился сотник Санчиков (калмык), который ранее неоднократно награждался за ратные успехи. В это время на территории Польши находился корпус барона Беннигсена, в состав которого входили 4 донских и 4 башкирских полка, 1 уральский полк общей численностью 3130 человек.

В битве под Лейпцигом 4–7 (16–19) октября 1813 г. эффективно действовали и отличились донские казачьи полки. 4 октября в корпусе Ланжерона Силезской армии на северной стороне Лейпцига при местечке Мекерне сражался полк полковника И. А. Селиванова 2-го, в корпусе Сакена в битве участвовали полки Г. А. Луковкина, Ф. М. Кутейникова 4-го (полком командовал есаул Илья Пахомов),

А. А. Карпова 2-го (полком командовал есаул Золотарев). На западной стороне Лейпцига в австрийском корпусе находился партизанский отряд генерала Тилемана, в состав которого входил донской полк подполковника Т. В. Ребрикова 3-го.

В этот же день, 4 октября, корпус М. И. Платова с остатками 6 полков (Атаманского, Г. А. Костина 4-го, О. В. Иловайского 10-го, А. А. Ягодина 2-го, Чернозубова 5-го и А. Ф. Чикелева 1-го) находился на правом фланге Главной армии, сосредоточенной к югу от Лейпцига. При Главной армии под командованием генерал-лейтенанта Палена стояли донские полки генералов В. Д. Иловайского 12-го и П. М. Грекова 8-го (полком командовал войсковой старшина Золотарев 7-й).

5 октября в Лейпцигском сражении приняли участие полки Атаманский, генерала Г. А. Луковкина, подполковника С. И. Семенченкова, С. С. Грекова 36-го (полком командовал войсковой страшина М. Е. Киреев 5-й), А. А. Карпова 2-го, Иловайского 9-го (полком командовал войсковой старшина Семилетов), Ф. М. Кутейникова 6-го.

6 октября в войсках армии Беннигсена находились донские полки М. А. Власова 2-го, И. И. Андриянова 3-го, К. И. Шамшева 2-го; в войсках шведского наследного принца Карла-Юхана – И. Д. Иловайского 4-го, Ф. А. Барабанщикова 2-го, Г. А. Дячкина, И. Н. Лащилина, Г. Г. Мельникова 4-го, Д. С. Ребреева.

Таким образом, в боях 4–6 октября 1813 года под Лейпцигом участвовали донские полки: лейб-гвардии Казачий генерал-лейтенанта графа В. В. Орлова-Денисова (командующий – полковник И. Е. Ефремов), который находился в конвое императора, Атаманский, А. А. Карпова 2-го (командующий – есаул Золотарев), Г. А. Костина 4-го (бывший Грекова 1-го), генерал-майора Г. М. Луковкина, Ф. А. Кутейникова 4-го (командующий – есаул Илья Пахомов), С. И. Семенченкова, С. С. Грекова 36-го, генерал-майора Г. Д. Иловайского 9-го, полковника И. А. Селиванова 2-го, И. В. Грекова 21-го, И. И. Исаева 2-го, полковника А. А. Кутейникова 8-го, генерал-майора В. Д. Иловайского 12-го, подполковника В. Т. Ребрикова 3-го, Т. Б. Эльмурзина – бывший А. Ф. Чикилева, полковника Д. Ф. Горина 1-го – бывший Ф. Ф. Мелентьева 3-го, войскового старшины

Д. С. Ребреева 2-го – бывший С. А. Белогородцева 1-го, генерал-майора Г. А. Дячкина, полковника И. Н. Лащилина, И. Д. Иловайского 4-го, О. В. Иловайского 10-го, полковника Ф. А. Барабанщикова 2-го, полковника Г. Г. Мельникова 4-го, полковника Н. Г. Мельникова 5-го, П. М. Грекова 8-го (полком командовал войсковой старшина А. И. Золотарев 7-й), А. А. Ягодина 2-го, И. И. Андриянова 3-го, М. А. Власова 2-го, К. И. Шамшева 2-го, С. Д. Табунщикова, войскового старшины В. И. Золотарева 8-го – бывший И. И. Платова 4-го, П. А. Киреева 2-го, Чернозубова 5-го. Помимо них, сражались части и другие полки в составе различных соединений, а также две донские конные артиллерийские роты.

В этой битве только корпус М. И. Платова пленил 2,5 тыс. человек, и наградой атаману был высший орден – орден Святого Андрея Первозванного, генерал-майору Луковкину – орден Святого Георгия 3-го класса. После этого сражения великий князь Константин писал Барклаю де Толли, что из 20 Знаков отличия Военного ордена, пожалованных казакам лейб-гвардии Казачьего полка, остались 3 креста, в том числе (крест № 2382) умершего от ран Майды Бользанова (калмыка-казака). Лейб-гвардии Казачий полк под командованием полковника И. Е. Ефремова в критический момент атаковал и с помощью подоспевших подразделений опрокинул французскую кавалерию, двигавшуюся к ставке союзных монархов. За этот подвиг И. Е. Ефремов был награжден крестом ордена Св. Георгия 3-го класса, командир полка генерал В. В. Орлов-Денисов – орденом Св. Владимира 2-й степени и австрийским орденом Марии-Терезии.

Судя по количеству казачьих полков (свыше 37), принявших участие в Лейпцигском сражении, по имеющимся отрывочным сведениям о раненых и погибших донских калмыках под Лейпцигом, в этой баталии участвовали в составе донских полков до 700 калмыков-казачков. Из названных выше донских калмыков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г., далеко по не полным поздним данным, 5 человек были ранены под Лейпцигом, двое (Имшия Лузанов и Джембо Гицуль Неминов) из полка Золотарева 8-го за проявленные подвиги удостоились ордена Св. Анны 3-го класса, хорунжий Ургапов из полка Семенченкова был представлен к повышению в чине [73].

В этой битве российская армия, составлявшая половину всего союзного войска (127 тыс. человек), потеряла убитыми на поле брани до 22 тыс. солдат (Пруссия – 16 тыс., Австрия – 12 тыс.). Наполеон, потерпев сокрушительное поражение под Лейпцигом и отступив во Франкфурт-на-Рейне, безуспешно пытался задержать союзные войска на реке Рейн. После Лейпцига французскую армию сразу же стали преследовать отряды М. И. Платова, В. Д. Иловайского, В. В. Орлова-Денисова и А. И. Чернышева. За успешные боевые действия на территории Германии большое количество донских казаков было награждено Знаками отличия Воинского ордена. В числе награжденных, по имеющимся сведениям, только из одного полка – Атаманского были удостоены наград калмыки Манджик Чульчинов и Степан Насонов. При блокаде и штурме крепости Майнца отличились донские полки И. И. Исаева 2-го, С. М. Ежова 2-го, часть 2-й донской конноартиллерийской роты, находившиеся всю зиму 1813/1814 года на аванпостах. По ходатайству командующего 5-м Германским корпусом генерал-лейтенантом Саксен-Кобургским значительная часть личного состава указанных двух полков была представлена к награждению. В конце декабря успешно действовали за Рейном в боях при местечках Пуше, Шарм, г. Эпинал донские полки Атаманский, полковника Платова 6-го, Желтоножкина, Костина 4-го, подполковника Карпова 3-го под командованием генералов Грекова 8-го и Иловайского 10-го. В результате этих боев донские казачьи полки взяли в плен до 500 человек, в том числе 1 генерала и 30 офицеров.

В ноябре-декабре 1813 г. отряд генерала Бенкендорфа в составе донских полков Андриянова 2-го, полковника С. Ф. Балабина 2-го (бывший Т. Д. Иловайского 11-го), Барабанщикова 2-го, генерал-майора М. Г. Власова 3-го, Грекова 9-го, Дячкина, полковника И. И. Жирова, полковника И. Н. Лащилина, Мельникова 4-го, Мельникова 5-го, Сысоева 3-го, а также 1-го Бугского, 1-го Башкирского, Тульского пехотного, 2-го егерского, Павлоградского гусарского полков, при 10 орудиях донской артиллерии освободил территорию Нидерландов от французского господства.

К концу 1813 г. вся Европа к востоку от французской границы была освобождена от наполеоновских войск. По этому поводу Алек-

сандр I в приказе по армии отмечал: «Мы уже спасли, прославили Отечество наше, возвратили свободу и независимость Европе. Остается увенчать великий подвиг вожденным миром».

В начале 1814 г. войска союзных держав были разделены на три армии: Главной армией командовал князь К. Ф. Шварценберг; Силезской армией – фельдмаршал Г. Л. Блюхер; Северной – шведский наследный принц Карл-Юхан. По расписанию российской армии на 1814 г., дислоцированной на левом берегу Рейна, казачьи полки были распределены в следующем порядке.

В состав 1-го кавалерийского корпуса вошли: донские полки В. Д. Иловайского 12-го, Т. В. Ребрикова 3-го, М. А. Власова 2-го, Чернушкина 2-го, Н. Г. Мельникова 5-го, Андреева 2-го, а также казачьи полки – 2-й Бугский и 4-й Башкирский;

во 2-й кавкорпус – донские полки Т. Д. Иловайского 11-го, А. Е. Грекова 9-го, Ф. А. Барабанщикова, И. Н. Лащилина 1-го, Ребреева 2-го, Г. А. Дячкина;

в 3-й кавкорпус – донские полки А. А. Карпова 2-го, Г. А. Луковкина 2-го, С. И. Семенченкова, Ф. А. Кутейникова 4-го, Г. Д. Иловайского 9-го, А. Е. Грекова 4-го, казачий полк – 2-й Калмыцкий.

Корпус атамана М. И. Платова состоял из донских полков – Атаманского, П. М. Грекова 8-го, И. В. Иловайского 10-го, Г. А. Костина 4-го, А. А. Ягодина 2-го, И. Г. Попова 13-го, С. И. Пантелеева 2-го, В. А. Сысоева 3-го, Т. Д. Грекова 18-го, С. Ф. Балабина 2-го, И. И. Жирова, а также из казачьих полков – 4-го Уральского, 1-го Тептярского. 3-го Оренбургского, Черноморского, 1-го Башкирского. В его распоряжении находились 1-я и 2-я донские артиллерийские роты. В личном составе указанных 29 донских полков и 2 артиллерийских ротах числилось почти 400 калмыков-казаков.

Российская армия в составе коалиционных войск, решительно перейдя в наступление и разгромив 13 марта два французских корпуса при Фер-Шампенуазе, взяла в плен 10 тыс. человек, 80 пушек, 200 зарядных ящиков, весь обоз. 18 марта, дав последнее сражение под стенами Парижа, союзные войска 19 (31) марта 1814 г. вступили в него. Франция капитулировала. Главнокомандующий всеми российскими армиями М. Б. Барклай де Толли за взятие Парижа получил высшее воинское звание – генерал-фельдмаршала.

За бои под Парижем только в одном казачьем полку (Денисова 7-го), были награждены Знаками отличия Военного ордена 59 казаков, в том числе донские калмыки Сарап Цебеков и Чурюм Харцымнов. Первым вошел в Париж полк генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го. Донские казачьи полки расположились биваком в городском саду, на Елисейских полях. Очевидец этой картины князь Н. Б. Голицын, участник Отечественной войны, увидев улицы Парижа в марте 1814 г., впоследствии вспоминал: «Что мне казалось всего удивительнее, я бы еще с большим основанием чем Венецианский Дож мог отвечать – «то, что я здесь», разумеется, победителем и действительно, видя всех этих калмыков и башкирцев, которые бродили по улицам щеголявшего Парижа, составляя совершенную противоположность с лицами и костюмами парижан». К. Н. Батюшков, известный русский поэт, в письме Н. И. Гнедичу от 27 марта 1814 г. из окрестностей Парижа отмечал, что парижане проявили к нам удивительный интерес, «которые взапуски делали мне странные вопросы: Какая длинная лошадь! Степная, верно, лошадь степей! ... Ах, боже мой, какой калмык!» [74].

В начале апреля 1814 г. российские войска уже начали готовиться к отбытию на родину. 6 апреля 1814 г. атаман М. И. Платов получил от Барклая де Толли предписание готовить казачьи полки к отправке в Россию четырьмя колоннами, оставив в действующей армии 6 казачьих полков. М. И. Платов принял решение временно оставить во Франции донские полки полковников Ягодина 2-го и Гревцова 2-го, подполковников Пантелеева 2-го и Костина 4-го, войскового страшины Попова 13-го, а также 3-й казачий Оренбургский полк. Командирами колонн он назначил генерал-майоров И. Д. Иловайского 4-го, Денисова 7-го, Иловайского 3-го и Грекова 8-го. Все казачьи полки должны были следовать в Россию под общим командованием генерала от кавалерии М. И. Платова. К месту сбора в Кобленц стали подтягиваться из разных мест полки Грекова 18-го, Власова 3-го, Балабина 2-го, Жирова, Ребреева и 1-я донская артиллерийская рота. Полк Рябинкина последовал в Майнц. Полки Ежова 2-го, Исаева 2-го, Ставропольский калмыцкий должны были присоединиться в пути к третьей колонне. 10 казачьих полков выдвигались из Данцига.

В первую колонну генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го вошли казачьи полки Иловайского 4-го, Иловайского 12-го, Мельникова 5-го, Балабина 2-го, Барабанщикова 2-го, Власова 2-го, Киреева, Золотарева, Рябинкина, Уральский 4-й, Тульский 1-й, Тептярский 1-й, Башкирский 4-й, Башкирский 7-й, Тептярский 2-й, Волонтерский Яхонтова, Барона фон Бадена и 2-я донская артиллерийская рота.

В состав 2-й колонны генерал-майора В. Т. Денисова 7-го были включены казачьи полки Денисова 7-го, Лащилина 1-го, Дячкина, Чернозубова 5-го, Жирова, Семенченкова, Кутейникова 4-го, Исаева 2-го, Комиссарова, Сулина 9-го, Быхалова 1-го, Чернушкина, Табунщикова, Желтоножкина, Оренбургский атаманский, Башкирский 1-й, Ставропольский калмыцкий, Андриянова 2-го и Кутейникова 6-го.

В третьей колонне под командованием генерал-майора А. В. Иловайского 3-го следовали Атаманский, Иловайского 3-го, Грекова 9-го, Сучилина 9-го, Ребрикова 3-го, Ежова 2-го, Грекова 18-го, Власова 3-го, Ребреева, Данилова 2-го, Костина 2-го, Грекова 5-го, Грекова 17-го, Сучилина 2-го, Харитонов 7-го, Карпова 2-го, Иловайского 9-го, Луконина, Степана Грекова 26-го, Симферопольский татарский, 1-я донская артиллерийская рота.

В четвертую колонну генерал-майора П. М. Грекова 8-го вошли казачьи полки Грекова 8-го, Грекова 21-го, Мельникова 4-го, Сысоева 3-го, Селиванова 2-го, Горина, Рубашкина, Кутейникова 8-го, Чернозубова 8-го, Бугский 3-й, Бугский 1-й, Бугский 2-й, Перекопский татарский и 2-й Калмыцкий.

После подписания Парижского договора 18 (30) мая 1814 г. в начале июля 1814 г. 53 донских полка и 2 артиллерийские роты двинулись в обратный путь к границам России, только 4 полка (Ягодина 2-го, Гревцова 2-го, Пантелева 2-го и Попова 13-го) временно остались в действующей российской армии во Франции [75]. По возвращении в пределы России небольшое количество донских полков (в том числе Сулина 9-го) осталось на наших границах, остальные вернулись на Дон. В это время на службе в донских полках и командах по списку числилось 45513 казаков, в том числе 1730 калмыков-казаков, на внутренней службе – 1562 казака. К концу 1814 г. в строевых донских полках и командах фактически осталось 29032 казака, в

том числе 1520 калмыков, в Атаманском полку – 1000 казаков, в том числе 91 калмык, отправлены на временный отдых – 14817 казаков, в том числе 135 калмыков.

28 октября 1814 г. Александр I подписал указ «О роспуске ополчения». В нем отмечалось: «С возвращением армий наших в пределы отечества указали мы генерал-фельдмаршалу графу Барклаю-де-Толли и генералу графу Беннигсену распустить по домам и достальное ополчение, во внутренних губерниях российских на защиту в 1812 г. собранное, но бывшее доселе за границу. Правительствующий сенат не оставит известить о том кого следует, изъявив благодарность нашу всем чинам ополчения за ревность и усердие, оказанные ими во время службы; изъявить купно с тем желание наше, чтобы воины в недрах семейственных наслаждались среди трудов и промыслов, прежнему состоянию их приличных, полным благом и спокойствием. Александр» [76].

8 (20) апреля 1814 г. Наполеон отправился в изгнание на Эльбу. Однако, почти через год, 8 (20) марта 1815 г., он тайно покинул остров и прибыл в Париж, и вступил в войну с армией коалиции. В решающем сражении при Ватерлоо (18 июня 1815 г.), к которому российские войска не успели, окончательно решилась судьба Наполеона ссылкой на остров Святой Елены.

Велики заслуги донского казачества в защите Отечества в войне 1812–1814 годов. От западных границ России до Парижа казачьи полки графа М. И. Платова нанесли французской армии ощутимый урон: в боях уничтожили 18366 солдат и офицеров, взяли в плен 10 генералов, 1 тыс. офицеров и 39511 солдат; захватили 115 знамен, 364 пушки и 1066 зарядных ящиков. Указом императора Александра I от 19 ноября 1817 г. было пожаловано Войску Донскому Георгиевское знамя с надписью «В ознаменование подвигов, оказанных в последнюю французскую войну в 1812, 1813 и 1814 годах». По итогам войны в России военнопленных французской армии оказалось более 330 тыс. человек. Расходы на их содержание в 1812–1814 гг. составили 330414 руб. 01 коп. [77].

30 августа 1814 г. Александр I подписал всемилостивейший манифест «Об учреждении крестов для духовенства, а для воинства,

дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях». По этому манифесту день Победы в Отечественной войне 1812 г. должен был праздноваться ежегодно в день Рождества Христова. Все участники войны награждались бронзовой памятной медалью на аверсе, которой обозначалась дата «1812 год», на реверсе – надпись «Не нам, не нам, а имени твоему». Для духовенства учреждался наперсный крест – Крест с рисунками медали 1812 года, который должны были носить все священнослужители, начиная от верховного пастыря до рядового священника на своих персях. Благородное дворянство (на ленте Владимирской медали) и купечество (на ленте ордена Святой Анны) награждались бронзовой медалью. Согласно манифесту, с крестьян снимались все недоимки, штрафы. Всякие казенные, уголовные дела, за исключением по обвинению в убийствах, разбоях и грабежах, прекращались. Меры наказания осужденным значительно снижались: осужденные на казнь – в ссылку, на каторжные работы – на простые поселения и т. д. А также была учреждена медаль за взятие Парижа, где на аверсе имелся барельеф императора Александра I, на реверсе – надпись «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» [78].

Путь к этой победе у казаков оказался нелегким, много сил и жизней им пришлось положить на её алтарь. В 1812–1813 гг. Войско Донское с учетом служилых, отставных казаков, малолеток с 19 лет, мобилизованных в поголовное ополчение, выставило до 60 тыс. воинов, в том числе до 2800 калмыков-казаков. По данным же П. В. Бабенышева, в боевых действиях этой войны участвовало около 40 тыс. донских казаков. Потери в Отечественной войне с французами составили до 22 тыс. (36,6 %) казаков, в том числе до 1020 (35,5 %) калмыков-казаков. Во время войны численность только служилых донских казаков с 1 июля 1812 г. к 1 июля 1815 г., несмотря на пополнение за счет подростков после 17-летнего возраста, уменьшилась с 47765 (в том числе 1740 калмыков) до 34503 (в том числе 1523 калмыка) человек, и лишь к 1819 г. она достигла довоенного уровня – 47786 человек. Потери мужского населения в военное лихолетье существенно отразились впоследствии на демографической ситуации на Дону. В частности, количество служилых калмыков-казаков достигло в 1818 г. всего 1033 человек, в 1820 г. – 1179, в 1821 г. – 1217, в 1822 г. – 1419 человек и отставных – 1221 [79].

В годы войны только в полках А. А. Кутейникова 8-го (в его полку осталось всего 197 казаков), войскового старшины Т. М. Чернушкина 2-го (бывший П. П. Попова 3-го), Н. С. Сулина 9-го, И. И. Андриянова 2-го, войскового старшины А. Е. Сафонова, О. В. Иловайского 10-го, В. Д. Иловайского 12-го, Н. Г. Мельникова 5-го, В. А. Сысоева 3-го, Грекова 14-го, Г. Г. Мельникова 4-го, П. М. Грекова 8-го, полковника Д. Ф. Горина 1-го (бывший Ф. Ф. Мелентьева 3-го), С. Г. Чернозубова 5-го, Т. Д. Грекова 18-го, И. И. Жирова 1-го, М. А. Власова 2-го, А. Е. Грекова 9-го, В. Т. Денисова 7-го, И. Д. Иловайского 4-го, Г. А. Луковкина 2-го погибли и пропали без вести 2210 казаков и 118 калмыков-казаков.

По имеющимся сведениям, в других 11 донских полках, прибывших из Заграничного похода, потери погибших и без вести пропавших составили 920 казаков и 50 калмыков-казаков. Например, если на 1 июля 1812 г. в полку подполковника Андриянова 2-го числились в наличии 2 штаб-офицера, 18 обер-офицеров, 23 урядника, 1 писарь, 597 казаков, 468 строевых лошадей и 531 вьючная лошадь, то к 1 февраля 1813 г. в нем остались 1 штаб-офицер, 9 обер-офицеров, 9 урядников, 293 казака (всего около 50 %), 302 строевые лошади и 553 вьючные лошади.

Атаманский полк на 1 февраля 1812 г. по списку имел 4 штаб-офицера, 29 обер-офицеров, 71 урядника, 1055 казаков, 1159 строевых и 230 вьючных лошадей, а к Бородинскому сражению располагал в наличии 4 штаб-офицерами, 29 обер-офицерами, 52 урядниками, 790 казаками, 875 строевыми и 201 вьючной лошадей. В полках Исаева 2-го к концу 1813 г. осталось всего 182 казака, С. М. Ежова 2-го – 264, Селиванова 2-го – 274, Грекова 21-го – 276, Сучилина 2-го – 275 казаков. В полках Грекова 5-го, Чернозубова 8-го, Хартенова 7-го к началу марта 1814 г. некомплект в людях составлял 300 человек, в лошадях – 487 голов [80].

Вскоре после завершения Заграничного похода казачьи полки возвратились на Дон и после небольшого отдыха отправлены в разные регионы страны, в которых они несли службу накануне войны. В августе–сентябре 1814 г. из Заграничного похода, как выше отмечено, прибыли на Дон четыре колонны 53 казачьих полка под общим командованием генерала от кавалерии М. И. Платова. 4 донских полка еще оставались за границей.

В 1815 г. продолжали нести службу в Херсонской и Таврической губерниях донские казачьи полки подполковников П. В. Янова 2-го и А. Ф. Мелентьева 2-го; в Финляндии – подполковника Д. М. Киселева 2-го; на турецкой границе – Е. Н. Астахова 5-го; в Персии – С. С. Краснянского 3-го (бывший И. П. Сысоева 2-го); в Грузии – подполковника И. М. Агеева 2-го, войскового старшины П. С. Вершинина 2-го (бывший М. Ф. Балабина 1-го), войскового старшины И. А. Поздеева 8-го, полковника Е. М. Ежова 1-го, подполковника З. Л. Краснова 3-го, подполковника Ф. А. Извалова 1-го, войскового старшины В. И. Миллера 2-го (бывший А. К. Данилова), подполковника Д. В. Попова 16-го; на Кавказской линии – войскового старшины М. С. Агеева 3-го, подполковника Т. С. Ильина 1-го, войскового старшины П. З. Сычова 3-го, войскового старшины Г. С. Самойлова 3-го, подполковника Ф. И. Араканцева 1-го, войскового старшины Г. И. Молчанова 2-го.

В разных районах на границе России служили донские казачьи полки М. Д. Платова 5-го, И. Г. Турчанинова 1-го, лейб-гвардии Казачий, П. А. Киреева 2-го, С. И. Пантелеева 2-го, М. И. Родионова 2-го, М. Г. Власова 3-го, В. А. Быхалова 1-го, К. И. Харитонова 7-го, Д. Д. Комиссарова 1-го, А. А. Ягодина 2-го, А. М. Гревцова 2-го, В. А. Кутейникова 6-го, И. Г. Попова 13-го. В середине 1815 г. к этим полкам были добавлены еще Г. А. Костина 4-го, А. С. Грекова 26-го, С. Д. Лазарева 3-го, В. Ф. Тацына 5-го, А. И. Тарасова, Карпова 3-го, Карпова 4-го, В. В. Терентьева (бывший А. Е. Сафонова 1-го), С. С. Грекова 36-го, полковника П. Я. Желтоножкина 1-го (бывший С. Г. Чернозубова 4-го), В. А. Сысоева 3-го, И. И. Жирова 1-го, И. Г. Турчанинова 1-го, Д. И. Каршина 4-го. В личный состав последних 4 полков входили 1 генерал, 1 полковник, 2 войсковых старшин, 63 обер-офицеров, 2094 казака и 86 калмыков. В указанных 48 донских полках вся численность личного состава на 1 июля 1815 г. составляла 24903 казака, в том числе 995 калмыков (в строевых полках – 881, в лейб-гвардии Казачьем – 10, Атаманском – 92, в артиллерийских ротах – 12). Оставшиеся за границей донские казачьи полки окончательно были возвращены в Россию высочайшим рескриптом Александра I от 20 июля 1816 г. [81].

Примечания:

1. Государственный архив Ростовской области (Далее – ГА РО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 270. Л. 23–23 об., 24, 47, 47 об.
2. Там же.
3. Герои Отечественной войны 1812 года. Т. 2. СПб., 1899. С. 42; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. М., 1962. С. 14; Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. 1812–1912 гг. Юбилейное изд. СПб., 1912. С. 14; *Быкадоров И. Ф.* Казаки в Отечественной войне 1812 года. М., 2008. С. 79; *Гарин Ф. А.* Изгнание Наполеона. Документы, воспоминания. М., 1948. С. 40; К чести России. Из частной переписки 1812 года. Сост., авт. предисл. и примеч. М. Бойцов; худож. В. Корольков. М., 1988. С. 46.
4. *Казин В. Х.* Казачьи войска (хроника гвардейских казачьих частей). СПб., 1912. С. 105–106; *Петров М. М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Исторического музея. Составители: Ф. А. Петров и др. М. 1991. С. 177; *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 54, 58–59.
5. *Паскевич И. Ф.* Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 82; Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. 103. Оп. 3. Д. 326. Л. 3.
6. ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 357. Л. 2; Д. 461. Л. 1; Д. 472. Л. 1; Ф. 46. Оп. 1. Д. 254а. Л. 50; *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859. С. 135, 162, 233; Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XIII. Боевые действия в 1812 г. (Июнь месяц). СПб., 1910. Док. № 88. С. 89; *Там же.* Т. XIV. Боевые действия в 1812 г. (Июль месяц). СПб., 1910. Док. № 261. С. 272–273; *Вильсон Роберт Томас.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году / Пер. с англ. М., 2008. С. 73–74; Донские казаки в 1812 году. Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. Ростов-на-Дону, 1954. Док. № 63. С. 100; Российская история. № 5. 2011. С. 124; *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 69–71, 72–73.
7. 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 82; Народное ополчение в Отечественной войне ... С. 14, 17–18, 46.
8. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. М., 1962. С. 474–475; Донские казаки в 1812 г. Сб. документов ... С. 176, 183.
9. *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 71, 76–77, 79.
10. РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 725. Л. 13, 85; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 105. Л. 1, 3; Донские казаки в 1812 г. Сб. документов ... С. 114–116; Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Т. XIV. Боевые действия в 1812 г. (Июль месяц). СПб., 1910. С. 16, 40, 86–90; *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 71, 76–77, 79.
11. К чести России из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 51.
12. РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 583. Л. 27–28; *Божерянов И. Н.* Поход в Москву Наполеона и бегство его из России. М., 1912. С. 47; *Безотосный В. М.* Дон-

Глава III. Калмыки-казаки Дона в Отечественной войне 1812 года

- ской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне значимых событий. М., 1999. С. 70; *Быкадоров И. Ф.* Очерк участия Донского войска в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Новочеркасск, 1911. С. 59–62; К чести России ... С. 56; Отечественная война 1812 года. Отдел 1. ... Т. XIV. С. 198, 207, 267, 273.
13. *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007. С. 253–255; *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1974. С. 107; К чести России ... С. 46; *Михайловский-Данилевский А. И.* Отечественная война. 1812–1912 гг. Юбилейное издание. СПб., 1912. С. 36; Отечественная война 1812 года. Отдел 1... Т. XIV. Документ № 261. С. 273; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 107. Ч. 41. Л. 43–44; *Ахшарумов Д. И.* Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 79.
 14. Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. Док. № 72. С. 84; Памятная книжка области Войска Донского на 1912 год. Новочеркасск, 1912. С. 16; *Быкадоров И. Ф.* Казаки в Отечественной войне 1812 г. М., 2008. С. 138; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 107. Ч. 49. Л. 86 – 88.
 15. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св.0. Д.7. Л. 7, 12, 14.
 16. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: В 2 кн. Кн. 1: Нашествие на Москву /Пер. с фран. и нем. М., 2004. С. 197.
 17. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 70, 72 – 73; Ф. 103. Оп. 3. Д. 432. Л. 103–164; Д. 861. Л. 52; Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 7. Л. 7, 12, 14; *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 2009. С. 69; Бородино: Документальная хроника / Состав.: А. М. Валькович, А. П. Капитонов. М., 2004. С. 37, 45, 105, 239, 240, 298.
 18. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 259. Л. 30 – 30 об.; К чести России... С. 72.
 19. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 123–127; Д. 10. Ч.1. Л. 120–121; *Земцов В. Н., Попов А. И.* Бородино. Южный фланг. М., 2009. С. 51; *Поликарпов Н. П.* К истории Отечественной войны 1812 года. По первоисточникам. Вып. 3. События на Бородинской позиции с 22 по 24 августа 1812 г. М., 1911. С. 107.
 20. *Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне значимых событий. М., 1999. С. 75–76; Бородино: Документальная хроника ... С. 10, 75, 99, 314, 321, 322; 1812. Бородинская битва. М., 2009. С. 28; Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XVI. Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). СПб., 1911. С. 108–110; Опыт описания Бородинского сражения. Состоящего при штабе 6-го пехотного корпуса, Генштаба поручика Неелова. М., 1839. С. 9; Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года. Состав войск и их численность. Составители А. Васильев и др. М., 1997. С. 34–35, 50; *Коновницын А. И.* Подвиги славных предков в годину Отечественной войны. Посвящается потомкам. СПб., 1912. Приложение. С. 5; *Троцкий Н. А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 166–167; *Поликарпов Н. П.* К истории Отечественной войны 1812 года. По первоисточникам. Вып. 3. События на Бородинской позиции с 22 по 24 августа 1812 г. М., 1911. С. 30, 107;

- Бородино. Документы ... С. 99; *Толь К. Ф.* Описание битвы при селе Бородине, 24 и 26 августа 1812 года. СПб., 1839. С. 10; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 123 – 127; Д. 10. Ч. 1. Л. 120 – 121; Д. 107. Ч. 49. Л. 95.
21. *Липранди И. П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы или кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? Извлечено исключительно из иноземных писателей. М., 1867. С. IV.
22. Бородино: Документальная хроника ... С. 325 – 326.
23. *Жилин П. А.* Указ. соч. С. 153–157; Бородино: Документальная хроника ... С. 81, 235; *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. М., 1987. С. 334–336; РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 942. Л. 60–62.
24. *Глинка Ф. Н.* Указ. соч. С. 325; *Сапожников А. И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М., 2012. С. 248.
25. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 254. Л. 1, 3, 4–6; Бородино. Документы ... Документ № 88. С. 100 – 101; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 376–378.
26. *Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. С. 82.
27. *Краснов П. Н.* Указ. соч. С. 261.
28. *Коленкур А. де.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию / Пер. с фран. М., 2002. С. 203.
29. *Жилин П. А.* Указ. соч. С. 155; *Краснов П. Н.* Указ. соч. С. 261; *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 389; *Коленкур А. де.* Указ. соч. С. 203; *Геруа А.* Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 61; *Вильсон Роберт Томас.* Указ. соч. С. 151.
30. *Афанасьев А.* Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. Диспозиция, подлинные донесения князя Кутузова, Барклая де Толли, Ермолова, Коновницына, Раевского, Дохтурова и других старших начальников, с приложением боевого расписания русской армии и плана сражения. М., 1912. С. 14, 16–17; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 123–127.
31. ГА РО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 38. Л. 126 об., 131.
32. 1812. Бородинская битва ... С. 105, 250.
33. *Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. С. 72–74, 80–84.
34. Бородино: Документальная хроника ... С. 115, 123, 126; *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 243, 378; Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XV. Боевые действия в 1812 г. (Июнь–декабрь). СПб., 1911. Документ № 2. С. 23.
35. Донские казаки в 1812 году. Сборник документов ... С. 182, 183.
36. *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 2. Нашествие Наполеона на Россию. М., 2009. С. 541–542; Донские казаки в 1812 году. Сб. документов... С. 182, 183; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 104. Л. 11–13, 28–30; Д. 260. Л. 28; РГВИА. Ф. 489. Д. 3034. Л. 92.
37. ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 172. Л. 118–118 об.; Ф. 46. Оп. 1. Д. 104. Л. 47, 48.
38. Донские казаки в 1812 году. Сб. документов ... С. 178–180, 187–189; *Быкадоров И. Ф.* Очерк участия Донского войска в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Новочеркасск, 1911. С. 60.

Глава III. Калмыки-казаки Дона в Отечественной войне 1812 года

39. *Богачев В. В.* Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 303–304; *Попов И. И.* Донские калмыки. Новочеркасск, 1919. С. 20.
40. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I (июль – октябрь 1812 г.). Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1954. С. 326, 346–347; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 11. Л. 8, 10, 58–59, 69; *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 402, 406, 419–421, 426, 430; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 772–773; *Бабенышев П. В.* Указ. соч. С. 103–104; *Вильсон Роберт Томас.* Указ. соч. С. 159, 181.
41. К чести России... С. 149.
42. Отечественная война 1812 года. Отдел 1. ... Т. XV. Док. № 3. С. 55.
43. *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 207, 209–210; *Вильсон Роберт Томас.* Указ. соч. С. 181.
44. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: В 2-х кн. Кн. 1: Нашествие в Москву / Пер. с фран. и нем. – М., 2004. С. 389, 391.
45. *Казин В. Х.* Указ. соч. С. 56; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–3; *Божерянов И. Н.* Война русского народа с Наполеоном. 1812 г. СПб., 1910. С. 104; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 774; *Бессонов В. А.* Тарутинское сражение // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. V: Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2006. С. 123; *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 479, 480, 487, 488;
46. Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XXI. Боевые действия в 1812 г. (Декабрь месяц). СПб., 1914. С. 348–358; *Вильсон Роберт Томас.* Указ. соч. С. 236–237, 239, 241, 256; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3324. Л. 3, 21, 32.
47. *Жилин П. А.* Указ. соч. С. 211; *Безотосный В. М.* Указ. соч. С. 96; Отечественная война 1812 г. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XIX. Боевые действия в 1812 г. СПб., 1912. С. 22–23; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 91, 92; Д. 3324. Л. 42, 43.
48. Народное ополчение в Отечественной войне ... С. 477; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 7. Л. 150–156; *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 497, 511, 513, 539.
49. Кутузов М. И. Письма, записки. М., 1989. С. 367, 379, 384, 388; К чести России ... С. 158; *Броневский В. Б.* Указ. соч. Ч. II. С. 199.
50. Кутузов М. И. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2 (октябрь – декабрь 1812 г.). Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1955. С. 308; Донские казаки в 1812 году. Сб. документов. С. 60.
51. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 8. Л. 51–53; Д. 48. Л. 385, 408; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 285, 286; Отечественная война 1812 года. Отдел 1. ... Т. XV. Док. № 3. С. 59.
52. *Безотосный В. М.* Указ. соч. С. 104; *Краснов П. Н.* Указ. соч. С. 273; Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XXI. Боевые действия в 1812 г. (Декабрь месяц). СПб., 1914. С. 339–347; Т. XIX. СПб., 1912. С. 183, 193, 205, 341; Т. 1. XV. СПб., 1911. С. 77; Кутузов М. И. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. С. 421; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 8. Л. 51–53, 83, 104, 123; Оп. 208 в. Св. 47. Д. 4(6). Л. 354.

53. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. 1812–1912 гг. С. 199; М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1 (июль – октябрь 1812 г.). Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1954. С. XXVII.
54. Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). М., 2006. С. 371–372.
55. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. 1812–1912 гг. С. 206.
56. Управление генерал-интенданта Канкрин. Генеральный сокращенный отчет по армиям за походы против французов. 1812, 1813 и 1814 годов. Варшава, 1815. С. 178, 180.
57. Бородино. Документы ... Док. № 129. С. 133; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–3; Д. 1640. Л. 6 об., 12, 15, 15 об., 20, 20 об., 21; Оп. 3. Д. 35. Л. 8, 25–26, 29, 35, 51–56.
58. Тарле Е. В. Указ. соч. С. 239.
59. Коновницын А. И. Подвиги славных предков в годину Отечественной войны. Посвящается потомкам. СПб., 1912. С. 50–51.
60. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 12. Новочеркасск, 1914. С. 164; Там же. Вып. 13. С. 87; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 3. Новочеркасск, 1893. С. 248; Казин В. Х. Указ. соч. С. 56; Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. С. 95; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 379.
61. Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка правительственных лиц и учреждений. Т. XXI. Боевые действия в 1812 г. (Декабрь месяц). СПб., 1914. С. 348–358, 422–455; Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: В 2-х кн. Кн. 2. Бегство / Пер. с фр. и нем. яз. – М., 2004. С. 287, 310.
62. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 263. Л. 22–22 об.; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 103–104, 129 об.; Д. 3241. Л. 2.
63. Ниве П. А. Отечественная война. Т. 5. СПб., 1912. С. 777, 781; ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 576. Л. 1; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 11.
64. Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка правительственных лиц и учреждений. Т. XXI. С. 317–320, 418, 422–423, 432–439, 444–447, 450–457.
65. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 46–47, 53, 70, 72–73, 132; Ф. 331. Оп. 1. Д. 192. Л. 98; Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XVII. Боевые действия в 1812 г. СПб., 1911. С. 53–59; Ниве П. А. Отечественная война. Т. 1. СПб., 1912. С. 28; ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 576. Л. 1; Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста, 1992. С. 230.
66. Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 283–284.
67. Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 344; Глинка Ф. Н. Указ. соч. С. 70; РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 204. Л. 10.
68. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. 2546. Л. 16.
69. Быкадоров И. Ф. Казаки в Отечественной войне 1812 года. М., 2008. С. 225–236; Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С. 1, 4, 5; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 23.

Глава III. Калмыки-казаки Дона в Отечественной войне 1812 года

- Л. 8–9; Д. 27. Ч. 2. Л. 2–23, 115–116, 163, 165–165 об.; Оп. 1/208 в. Св. 47. Д. 4(6). Л. 95.
70. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 292. Л. 8–8 об.; Ф. 341. Оп. 1. Д. 576. Л. 1, 3 об.; РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 204. Л. 2–9; Ф. 395. Оп. 307/147. Д. 2. Л. 32.
71. *Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. Т. VI. Описание войны 1813 года. СПб., 1850. С. 165–168. (Ведомость в приложении на стр. 164–165).
72. Поход русской армии в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 239, 254, 255; *Сапожников А. И.* Казачество в наполеоновских войнах // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VI: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2007. С. 82–89.
73. *Жиров М. С.* Участие донских полков в боях под Лейпцигом 4–6 октября 1813 года / Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. XII. С. 26–42; Там же. Вып. XIII. С. 2, 3; *Жилин П. А.* Указ. соч. С. 340; ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 35. Л. 8, 51–56; Оп. 1. Д. 105. Л. 1об.; РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 а. Св. 0. Д. 72. Л. 298; Оп. 1/208 в. Св. 47. Д. 4(6). Л. 455.
74. *Коновницын А. И.* Указ. соч. С. 33, 35; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 72; Ф. 46. Оп. 1. Д. 288. Л. 2, 6, 7, 8; Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 82. Л. 46–47; *Голицын Н. Б.* Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Н. Б. Голицына. М., 1838. С. 92; К чести России ... С. 203, 224.
75. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 301. Л. 1, 2, 5, 8 об., 60, 60 об., 61, 61 об.
76. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3037. Л. 57, 116; Народное ополчение в Отечественной войне... С. 38.
77. *Быкадоров И. Ф.* Очерк участия Донского войска в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Новочеркасск, 1911. С. 168; *Жилин П. А.* Указ. соч. С. 375; *Казин В. Х.* Указ. соч. С. 57; Управление генерал-интенданта Канкрин ... С.177; РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 3037. Л. 57, 116.
78. *Коновницын А. И.* Указ. соч. С. 55–60; *Божерянов И. Н.* Война русского народа с Наполеоном 1812 г. СПб.. 1910. С. 104.
79. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. С. 95; *Бабенышев П. В.* Донские казаки в войне 1812 г. Очерк. Ростов-на-Дону, 1940. С. 61; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 192. Л. 208; Д. 194. Л. 301; Д. 241. Л. 198; Д. 357. Л. 337.
80. Труды Областного Донского Войска статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск. 1867. С. 3; Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. С. 94; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 53; Д. 3039. Л. 3, 56; Д. 3037. Л. 5 об., 113; Д. 3240. Л. 39; Д. 3241. Л. 2; Д. 3275. Л. 7, 45; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 301. Л. 73.
81. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3039. Л. 8, 28, 36, 56, 58; Акты, относящиеся к истории Войска Донского ... Т. 3. С. 248; *Жиров М. С.* Материалы для истории артиллерии Войска Донского. Новочеркасск, 1914. С. 26.

Глава IV.

КАЛМЫЦКИЙ ОКРУГ В СОСТАВЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО

4.1. Административные реформы на Дону и образование Калмыцкого округа в составе Войска Донского

После завершения войны царская администрация приступила к реформе управления в Войске Донском, в том числе и калмыцкими кочевьями. С этой целью в мае 1819 г. манифестом императора Александра I был образован Комитет по устройству Войска Донского под руководством представителя от императора генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта А. И. Чернышева. В состав Комитета были включены: войсковой атаман А. К. Денисов, генерал-лейтенант А. А. Карпов, генерал-майор Е. И. Черевков, полковник И. И. Андриянов, подполковник Шамшев и статский советник В. И. Болгарский. Впоследствии указом императора из Комитета были выведены Карпов и Черевков, вместо них включены генералы А. В. Иловайский и Д. Е. Кутейников.

По решению указанного Комитета от 20 августа 1819 г. должность пристава над калмыцким народом, учрежденная в 1799 г., временно сохранялась. Но пристав вводился в систему военного управления Войска Донского и в вопросах установления и соблюдения очередности калмыков на военную службу, учета малолеток наделялся полномочиями военного окружного начальника. В его подчинении находились помощник и письмоводитель. Пристав должен был избираться по положению о порядке выборов окружного войскового начальства.

На этом же заседании Комитет установил определенное количество калмыцких священнослужителей – на одну сотню – 4 гелюнга (всего на 13 сотен – 52). При этом было принято решение «освободить их от военной и внутренней службы, дабы сим самым поселить в калмыцком народе более уважения к сим званиям».

На заседании 26 апреля 1820 г. Комитет постановил: на должность пристава над калмыцким народом с окладом 1200 руб. в год рекомендовать, как правило, из служилых старших офицеров. Предлагалось ввести в штат его аппарата управления двух помощни-

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

ков – одного из служилых в чине сотника, второго – из отставных обер-офицеров с окладом каждому по 450 руб. в год. К помощникам назначались 2 писаря с окладом по 100 руб. и 2 посыльных, назначаемых из числа калмыков, обязанности которых приравнивались к внутренней службе [1].

К концу XVIII века калмыцкое население на Дону почти полностью стабилизировалось и в динамике до начала 1820-х годов заметного увеличения не наблюдалось. По учетным данным, в 1795 г. калмыцкое население на Дону, как выше было отмечено, составляло 13622 человека (мужчин – 6772, женщин – 6850). Правда, в ноябре 1818 г. зайсанг Джалцан, мотивируя свой уход с братом на Волгу якобы из-за притеснений графа М. И. Платова, вступил в переговоры с войсковым атаманом А. К. Денисовым 6-м с желанием возвратиться на Дон. Но поскольку он продолжал претендовать на владение 360 кибиток, Андриан Карпович вынужден был ему отказать.

В 1819 г. в 10 сотнях Верхнего, Среднего и Нижнего улусов, в 3 самостоятельных сотнях (5-й Беляевской, Верхне-Таранниковской и Нижне-Таранниковской) Калмыцкого правления числилось 3439 кибиток (семей) с общим населением 13326 человек (мужчин – 6737, женщин – 6589). По списку военное сословие донских калмыков составляло: в составе калмыцкого мужского населения числилось: служилых казаков – 1446 (в том числе 1 хорунжий и 2 урядника), отставных казаков – 1221 (в том числе 4 урядника), малолеток – 479, гелюнгов – 226, гецулей – 9, манджиков – 18. Калмыцкие семьи имели 3662 детей до 14 лет. Состав населения, в том числе и военного сословия, калмыцких улусов и сотен в 1819 г. представлялся в следующем виде.

Улусы	Кибит.	Муж.	Жен.	Всего	Служилые			Отставные		Дух-во	М/ летки
					Оф.	Ур.	Каз.	Ур.	Каз.		
Верхний											
1-я сотня	210	500	497	997	–	–	40	–	98	10	240
2-я	270	591	587	1178	–	–	160	–	109	27	297
3-я	312	540	518	1058	1	–	140	–	90	12	272
4-я	182	374	310	684	–	–	65	–	61	10	174
Итого:	974	2005	1912	3917	1	–	405	–	358	59	983
Средний											
1-я	221	710	697	1407	–	2	120	–	155	25	385

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

2-я	250	763	691	1454	–	–	125	–	113	28	425
Итого:	471	1473	1388	2861	–	2	245	–	268	53	810
Нижний											
1-я	148	299	263	562	–	–	57	–	51	13	142
2-я	360	785	802	1587	–	–	145	3	143	29	452
3-я	290	665	694	1359	–	–	151	–	117	20	400
4-я	193	345	340	685	–	–	72	–	72	16	180
Итого:	991	2094	2099	4193	–	–	425	3	383	78	1174
5-я Бе- левская	175	345	327	672	–	–	54	1	70	23	179
Верхне- Таранн.	260	460	497	957	–	–	114	–	84	11	285
Нижне- Таранн.	168	360	372	732	–	–	70	–	64	7	231
Всего:	3439	6737	6589	13326	1	2	1446	4	1221	253	3662

В том же году в донских военных полках и командах несли службу 403 калмыка, в Атаманском полку – 88, артиллерийских ротах – 18, а также в 18 донских полках на кордонных линиях – 401 калмык-казак. Помимо этого, на внутренней службе находились 13 сотников, приравненных к атаманам станицы, и 13 пятидесятников на правах помощников сотников. Значительное количество донских полков находилось в Грузинском корпусе под командованием генерала А. П. Ермолова, управляющего по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии, чрезвычайного и полномочного посла в Персии. В 1819–1820 гг., по имеющимся сведениям, полки генерал-майора В. А. Сысоева, полковника Н. В. Грекова, генерал-майора М. Г. Власова, полковника Г. П. Победнова, полковника И. И. Исаева 2-го, войскового старшины Грекова 14-го участвовали в подавлении вооруженных выступлений в Чечне, Дагестане, Причерноморье, на Кавказской и Кабардинской линиях. В указанных полках служил 81 калмык-казак [2].

В послевоенный период калмыков-казаков активно стали привлекать к новому виду внутренней службы – в качестве табунщиков. Правление Войска Донского отмечало, что вместо военной службы многие калмыки стали «употребляться для присмотра на частных конских заводах под именем табунщиков» и это никакими документами не регулируется. Если в 1798 г. служили табунщиками в сво-

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

их сотнях 44 калмыка, то в 1819 г. работали табунщиками у богатых донских казаков и в станичных общественных табунах 805 калмыков-казаков: 368 служилых и 363 отставных калмыков-казаков, 74 малолеток (19-ти и 20-летних).

С целью упорядочения порядка прохождения строевой и внутренней службы калмыков Главный штаб Военного министерства с 1 января 1828 г. официально разрешил станицам и коннозаводчикам производить набор в табунщики из числа служилых калмыков и малолеток от 17 до 19 лет. В 1827 г. служило табунщиками 445 калмыков-казаков, из них служилых – 304, с внутренней службы – 98, малолеток – 43. Служилые калмыки освобождались от полевой и внутренней службы и исключались из очереди по спискам на все время нахождения в табунщиках. Оформление в табунщики осуществлялось Калмыцким правлением, при этом с него взимался взнос в сумме 21 руб. 43 коп. в общественную казну. Коннозаводчики – наниматели в военную казну (военный капитал) вносили: за служилого – 75 (с 1831 г. по 60 руб.), малолетка – 50 руб. ассигнациями, за причисленного к внутренней службе – 25 руб. [3].

На демографическую ситуацию донских калмыков, видимо, также как и на все казачье население Дона, отразились длительные войны начала XIX века. Лишь к 1822 г. калмыцкое население на Дону, несмотря на уменьшение количества кибиток до 3378, начало увеличиваться и достигло до 14 597 (4,3 % общего населения на Дону) человек (мужчин – 6832, женщин – 7765), служилых – 1490, малолеток – 131 и отставных – 1370 (в том числе урядников – 4) калмыков-казаков. В военных полках и командах несли службу 453 калмыка-казака (в полках Катасонова 2-го – 19, Харитонов 1-го – 18, Исаева 2-го, Грекова 2-го и Кутейникова 2-го – по 16, Данилова 5-го, Самойлова, Капитонова 2-го, Денисова 6-го, Уткина 1-го, Гривина 1-го – по 15 и т. д.), в Атаманском полку – 43, трех артиллерийских ротах – 17 человек.

Экономика калмыцких улусов и сотен в 1822 г., представленная в основном экстенсивным животноводством, выглядела следующим образом:

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Улусы	Лоша- ди	в т. ч. маточн.	Кр. рог. скот	в т.ч. быки	Овцы	в т.ч. маточ.
Верхний						
1-я сотня	2089	574	4572	2805	5500	3000
2-я	1460	722	3170	2250	3100	2125
3-я	2115	700	4925	2250	4120	3000
4-я	613	229	1502	700	1250	900
Итого:	6277	2225	14169	8005	13970	9025
Средний						
1-я	2600	1100	5600	2300	6850	4000
2-я	5230	2210	5250	3100	10900	7500
Итого:	7830	3310	10850	5400	17750	11500
Нижний						
1-я	502	231	2105	1200	1900	1203
2-я	5268	2330	4700	3000	5532	4000
3-я	2318	1117	4730	2286	6100	2400
4-я	1200	700	3000	2000	2500	1800
Итого:	9288	4378	14535	8486	16032	9403
5-я Беляевская	710	342	2030	1204	1907	1100
Верхне-Таранн.	1000	500	3800	2100	970	400
Нижне-Таранн.	500	250	1706	1000	600	400
Всего:	25605	11105	47090	26632	51229	31638

В 1822 г. донские калмыки имели 25 605 лошадей (7 % общего поголовья на Дону), в том числе маточное поголовье – 11 105, 47 090 крупного рогатого скота (5,7 %), 51 229 овец (2,1 %) и 1212 верблюдов. Если сравнивать с донской казачьей семьей, то калмыцкая семья в имущественном отношении не уступала казачьей. В среднем на душу населения Дона приходилось до 1 лошади, 2,8 коров и 7 овец, а на 1 калмыка-казака – соответственно: лошадей – 1,7, КРС – 3,2 и овец – 3,5 головы. Эти показатели у жителей Среднего улуса были заметно выше: лошадей – 2,4, КРС – 3,4, овец – 5,5 головы.

Калмыцкое кочевье занимало территорию общей площадью 1 908 641 десятин, из них пашни – 32 323 дес., сенокосы – 1 708 192

дес. Под хлебопашество обрабатывалось земли до 2 дес. на душу населения. На землях Калмыцкого кочевья хлебопашеством в основном занимались казаки и помещичьи крестьяне, имевшие здесь хутора и зимовники. Калмыки постепенно стали переходить на оседлый образ жизни и к стационарному хозяйствованию. С ноября калмыки начинали подкармливать скот заготовленным сеном, загоняя его в сараи, построенные из дерн и накрытые камышом. Свои кибитки зимой они утепляли, обкладывая и закрывая камышом [4].

В последующие годы наблюдается постепенное увеличение калмыцкого населения на Дону и улучшение его экономического состояния. С 1823 г. численность калмыков к 1830 г. выросла с 15 649 (мужчин – 7 499, женщин – 8 150) до 16 512 человек (мужчин – 7 916, женщин – 8 596). Правда, в 1828 г. была возможность увеличить население донских калмыков за счет принятия до 1 тыс. кибиток астраханских дербетов, изъявивших желание перекочевать на земли Войска Донского. Однако наказный атаман Войска Донского генерал-лейтенант Д. Е. Кутейников категорически воспротивился принять дербетов.

В эти же годы происходит заметный рост и служилых калмыков-казаков. В начале 1825 г. по списку числилось 184 малолеток, 1 419 служилых казаков, из них 532 проходили строевую службу в 38 (всего 52 полка на Дону) полках (в артиллерийских ротах – 10, Атаманском полку – 54, полках Егорова 1-го – 22, Луковкина – 20, Астахова 2-го – 16, Балабина 6-го – 16, Денисова 3-го – 14, Денисова 6-го – 14, Грекова 4-го – 14, Грекова 6-го – 14, Карпова 4-го – 14, Карпова 1-го – 13, Родионова 2-го – 13, Сысоева 2-го – 13, Иловайского 3-го – 12 и т. д.)). На внутренней службе находились 299 человек.

К 1830 г. количество служилых калмыков увеличилось на немного и составило всего 1 439 человек (в том числе 10 урядников). Из них 477 казаков проходили службу в полках и в других подразделениях (в артиллерийских ротах – 11, Казачьем его императорского величества наследника полку (до 2 октября 1827 г. Атаманский) – 2, остальные служили в 50 строевых и 2 рабочих полках). В 13 сотнях числилось 1 833 отставных калмыков-казаков. Малолеток и детей увеличилось до 4 414 человек [5].

Донские калмыки продолжали традиционно заниматься животноводством, отдавая предпочтение преимущественно разведению лошадей, крупного рогатого скота и овец. В 1825 г. в Верхнем, Среднем, Нижнем улусах, 5-й Беляевской, Верхне-Таранниковской и Нижне-Таранниковской сотнях имелось 24 256 лошадей (9 % всего поголовья лошадей Дона), крупного рогатого скота – 50 399 (5,4 %), овец – 50 229 (2,2 %), верблюдов – 1 849 голов. А к 1830 году в структуре скотоводства донских калмыков произошли существенные изменения – увеличилось поголовье лошадей и составило 32 156 (11,7 % общего поголовья Дона), уменьшилось поголовье крупного рогатого скота – 47 238 (5,4 %) и овец – 39 349 (1,1 %). Количество верблюдов осталось на прежнем уровне – 1 583 головы. Снижение доли калмыцкого овцеводства в регионе объяснялось тем, что пуд шерсти простой породы (калмыцкой) стоил всего 7–10,5 руб., шленской и испанской пород, которые преобладали в овцеводстве Дона, – от 25 до 35 руб. Калмыки разводили овец в основном в продовольственных целях, а шерсть и овчина использовались на внутренние потребности. Наиболее выгодной отраслью животноводства стало коневодство [6].

Начатая реформа по введению калмыков, кочевавших на донских войсковых землях, в казачье сословие со всеми его правами и обязанностями, и в систему его управления полностью завершилась в январе 1836 г. в соответствии с «Положением об управлении Войском Донским» от 26 мая 1835 г., изменившим порядок управления в Войске Донском. Звание войскового атамана окончательно передавалось наследнику престола. За наказным атаманом (назначаемым), наделенным правами военного губернатора и управляющего гражданской частью, сохранялось непосредственное управление Войском. Вместо Войсковой канцелярии для осуществления гражданской власти учреждалось Войсковое правление в составе 4 экспедиций (исполнительная, хозяйственная, поземельная, контрольная), а Войсковая экспедиция реорганизовывалась в Войсковое дежурство. Высшая власть сосредоточивалась в руках войскового наказного атамана, при котором состояли адъютанты, войсковые есаулы и начальник штаба Войска Донского, служба канцелярии.

Территория Войска Донского в административно-территориальном отношении делилась на 7 окургов, а для военного управления – на четыре округа во главе с окружными генералами, назначаемыми Военным министерством по рекомендации войскового атамана. Службу казаков подразделили на полевую (в строевых и линейных частях сроком на 25 лет) и внутреннюю (в качестве прислуги и полиции сроком до 5 лет). Несколько раньше (1828 г.) высочайшим указом Николая I в Войске Донском были введены казачьи чины: казак (рядовой), урядник, хорунжий, сотник, есаул, войсковой старшина, подполковник, полковник, генерал. В Положении предлагалось в 54 казачьих полках и 4 артиллерийских ротах, за исключением лейб-гвардии Казачьего полка и Казачьего его императорского высочества цесаревича полка, оставить способных к службе штаб- и обер-офицеров, остальных уволить. Предусматривалось образование в Новочеркасске и округах войсковых депутатских дворянских собраний, войсковых (уголовных и гражданских) и коммерческих судов, ряд отраслевых органов управления. В администрацию станицы входили станичный атаман и двое судей, которые избирались на три года, и двое станичных писарей.

В соответствии с Положением 1835 г. донские казаки, ставшие военно-служилым сословием, подразделялись на: а) простых; б) дворян поместных, имеющих в своих владениях крестьян; в) чиновников; г) торговых казаков; д) калмыков-казаков. Предусматривалось, что калмыки-казаки несут военную службу наравне с донскими казаками. Все казаки должны были отбывать воинскую повинность на собственных лошадях, а огнестрельное оружие получать от казны. Все лица казачьего сословия, достигшие 18 лет, зачислялись в служилый состав войска, где службу проходили 20 возрастов, начиная с 18 и до 38 лет. Служилым калмыкам-казакам, согласно положению 1828 г., как выше отмечено, разрешили поступать в качестве табунщика в станичные табуны и табуны частных владельцев. Калмыки-казаки, поступившие в табунщики, на период работы в этом качестве освобождались из очередей призыва на военную службу.

По Положению Калмыцкое кочевье приравнивалось к округу и упразднялась должность калмыцкого пристава (штаб- и обер-офи-

цер). Для управления донскими калмыками учреждалось Калмыцкое правление, официальное открытие которого состоялось 25 января 1836 г. с участием сенаторов генерал-лейтенанта Б. Я. Княжнина и тайного советника В. И. Болгарского, наказного атамана генерала от кавалерии Д. Е. Кутейникова, судьи Калмыцкого правления войскового старшины Исаева (бывший пристав донских калмыков), заседателя суда сотника Демьянова, депутата от калмыцкого населения Чурюма Бальзарова. Калмыцкое правление по военной части подчинялось Войсковому дежурству, по гражданским делам – Войсковому правлению. В штат Калмыцкого правления входили судья (председатель) с годовым окладом 600 руб., два заседателя (каждому по 400 руб.), назначаемые наказным атаманом из состава войсковых чиновников, два депутата (каждому по 200 руб.) в статусе асессоров – от зайсангов и духовенства. Депутаты избирались сроком на три года калмыцким населением в соответствии с правилами казачьих станиц.

Канцелярия правления состояла из секретаря (300 руб.), двух старших (по 100 руб.) и двух младших писцов (по 75 руб.), переводчика (200 руб.). Административно-территориальное устройство Калмыцкого кочевья Дона (4 сотни в Верхнем улусе, 2 сотни в Среднем, 4 сотни в Нижнем, Верхне-Таранниковская сотня, Нижне-Таранниковская сотня и 5-я Беляевская сотня, которые делились на хотоны) и структура управления на местах были сохранены в прежнем состоянии. Сотники (приравнивались к станичным атаманам) и их помощники по представлению Калмыцкого правления утверждались войсковым наказным атаманом сроком на три года, приказные избирались хотонным обществом и утверждались Калмыцким правлением на три года. Уголовные преступления калмыков решались в соответствии с общегосударственным уголовным правом, имущественные споры, гражданские дела рассматривались судьями правления, по делам веры и семейные дела – калмыцким духовенством, численность которого в каждой сотне не должна была превышать 12 единиц [7].

В соответствии с новым Положением в феврале – апреле 1836 г. прошли выборы сотников и их помощников, судей, и одновременно хотонными обществами избирались хотонные приказные. Выборщики 1-й сотни Верхнего улуса избрали сотником своей сотни урядника

Калтакина Байчагинова и 2-х его помощников, 2-х судей – урядника Чурюма Даржинова и казака Малдана Дженжерова, трех приказных; сотником 2-й сотни – казака Абуша Нарминова и 2-х помощников, 2-х судей – казаков Еркукена Чурюмова и Бурчус Еринцынова; сотником 3-й сотни – казака Манджика Артушкинова и 2-х помощников, 2-х судей – казаков Джембо Шулушкинова и Чундуна Булукова; сотником 4-й сотни – казака Ваську Дарджагинова, 2-х помощников, 2-х судей – казаков Манжика Чурюмова и Мира Кульчинова.

В Среднем улусе сотником 1-й сотни был избран казак Цугла Джаваков со своими 2-мя помощниками, 2-е судей – казаки Данзин Шантаков и Цеден Мукинов; отником 2-й сотни – урядник Эренцен Шаринов и 2 помощника, 2-е судей – казаки Дженгур Шарапов и Чидан Шургучинов.

В Нижнем улусе были избраны: сотником 1-й сотни – казак Грицко Балдашинов, судьями – казаки Цеце Шарапов и Бекиш Умаков; сотником 2-й сотни – казак Тепке Цебдинов, судьями – казаки Арабдун Чурюмов и Немгур Хупцынов; сотником 3-й сотни – урядник Намро Саринов, судьями – казаки Чубан Абушинов и Зодба Абужинов; 4-й сотни – казак Бабалдаш Санжинов, судьями – казаки Кушка Джембинов и Чурюм Саринов; 5-й Беляевской сотни – сотником казак Курсак Шувгуринов, судьями – казаки Арибудун Чурюмов и Немгир Хупцынов; Верхне-Таранниковой сотни – сотником казак Гудлук Некбиров, судьями – казаки Манджик Штыков и Цеден Бурманжинов; Нижне-Таранниковой сотни – сотником казак Сертюн Бурбинов, судьями – казаки Турка Бурбанов и Чурюм Джембинов.

Каждый сотник имел двух помощников и в каждой сотне были избраны по 2 судей с двумя заседателями, хотонными обществами – приказные. Все кандидатуры, избранные на эти должности сроком на 3 года, присягали на верность и честность службы. 11 мая 1836 г. 13 сотников и 26 их помощников, 26 судей и 26 заседателей были утверждены в должностях наказным атаманом Войска Донского генерал-лейтенантом Д. Е Кутейниковым, а хотонные приказные – Калмыцким правлением [8].

Таким образом, Положение унифицировало управление в калмыцких улусах с общей системой централизованной власти Войска

Донского, калмыки-казаки полностью превратились в военно-служилое сословие с обязанностями несения военной службы за земельный пай.

Донские калмыки после войны по-прежнему по нарядам несли службу в казачьих полках не только на Дону, но и в разных регионах страны. В 1825–1828 гг. в 59 строевых и 2 рабочих донских полках несли службу 31429 казаков, в том числе 607 калмыков. Например, в полках Грекова 4-го, Грекова 6-го, Самойлова, Денисова 3-го, Денисова 6-го, Карпова 4-го служили по 14 калмыков, полках Астахова 2-го, Балабина 6-го и Карпова 3-го – по 16, Луковкина – 20, Егорова 1-го – 22, Залещинского – 23, Фомина – 35, Победнова 1-го – 32, в Атаманском полку – 63, рабочих полках Грекова 21-го – 23 и Каршина – 15, в трех артиллерийских ротах – 11 калмыков и т. д.

В полках внутренней службы числилось от 400 до 460 калмыков-казаков. В начавшихся в 1827 г. походах и рейдах на Кавказ участвовали 16 донских казачьих полков, в которых находились 178 калмыков-казаков. Помимо того, в 1826–1828 гг. в составе 12 донских полков (Басова, Молчанова, Иловайского, Костина, Сергеева, Шамшева, Андреева, Карпова, Извалова, Победнова, Грекова, Леонова) и конноартиллерийской роты, участвовавших в Персидской войне, находилось 113 калмыков-казаков [9].

Значительное количество донских полков было привлечено к Русско-турецкой войне (1828–1829 гг.). По имеющимся не полным сведениям, в 24 полках из 36 донских казачьих полков, принимавших участие в этой войне, числилось 256 калмыков-казаков (в Атаманском – 37, Фомина – 35, Долотина – 13, Карпова 3-го – 16, Карпова 4-го – 12, Леонова – 8, Золотарева 4-го – 7, Тацына 2-го – 11, Андриянова – 10, Александрина – 10, Басова – 6, Ступачевского – 6 и т. д.). Из всех участников Русско-турецкой войны, по сохранившимся архивным спискам, известны лишь фамилии 10 калмыков-казаков (Абуш Чурминов, Манжик Маштанов из 1-й сотни Нижнего улуса, Петрушка Добчинов из 1-й сотни Среднего улуса, Музурка Шарманджинов из 2-й сотни Среднего улуса, Патин Дибики из 3-й сотни Верхнего улуса, Санжа Буринов из 1-й сотни Верхнего улуса, Шинтя Манжиков из 2-й сотни Среднего улуса). Они, спустя

много лет (в 1836 г.), получили награды – серебряные медали. 9 калмыков только из полка № 43 Андриянова (Абуш Чуркин, Куташ Балзаров, Минко Неминов, Амула Яшинов, Адучи Сумьянов, Санжи Кушинов, Минко Дженгуров, Бурха Бединов, Манжи Батинов) удостоились «Знаков отличия за воинское достоинство» 5-й степени. Три медали остались не врученными, поскольку, как отмечено в источнике, «двое умерли, а третий продолжает службу и находится в полку за пределами» [10].

В соответствии с расписанием всех казачьих войск на 1831 г., утвержденным наказным атаманом на четырехлетний срок службы, в 63 донских полках и 3 артиллерийских ротах, находившихся в составе действующей армии, на Кавказской линии, в Финляндии, Царстве Польском (10 полков – лейб-гвардии Казачий, Атаманский его императорского высочества цесаревича наследника, Секретова, Грекова, Андриянова, Борисова, Кутейникова, Катасонова, Грекова 5-го, Ильина) и в других местах, должны были пройти службу 1 346 калмыков-казаков. К концу этого года уже в строевых полках числились 513 и полках внутренней службы 517 калмыков-казаков, остальные 316 человек ждали своей очереди. Так, в казачьем полку № 22 подполковника Уткина служило 18 калмыков из Нижнего улуса (Арша Намкинов, Доржа Басанов, Лабан Абушинов и др.).

В 1836 г. в результате пересмены полков вернулись на Дон со службы в казачьих полках 755 калмыков (из полков № 41 Долотина – 12, № 18 Платова – 9, № 55 Андриянова – 10, № 45 Зверева – 5, № 6 Попова – 6, № 60 Катасонова – 7 человек и т. д.), призванных в 1829 г. В том же году, по имеющимся отрывочным сведениям, Калмыцкое правление в соответствии с предписанием Войскового дежурства отправило 90 калмыков в составе 4-х полков на Кавказскую кордонную линию, а в начале 1837 г. – 43 калмыка вместе с полком № 37 Борисова отбыли на службу в Царство Польское, 45 калмыков с полком № 33 Платонова – в Грузию [11].

22 мая 1836 г. по предписанию наказного атамана Войска Донского М. Г. Власова в состав депутации Дона, выезжавшей в Петербург «для принесения его императорскому величеству верноподданных чувств и признательности за всемилостившее дарование

Войску Донскому новое положение» от калмыков были назначены гелюнг Джембя Ганджиков (хурула 2-й сотни Среднего улуса) и казак Мусган Нохин. Но М. Нохин внезапно тяжело заболел и вместо него был рекомендован казак Баджа Санджинов. В числе депутации гелюнг Джембя Ганджиков и Баджа Санджинов в декабре 1836 г. императором были награждены золотой медалью с надписью «За усердие» на зеленой ленте для ношения на шее [12].

К началу реформирования (январь 1836 г.) управления в 13 сотнях – трех улусов (Верхнего – 4, Среднего – 2, Нижнего – 4) и Верхне-Таранниковской, Нижне-Таранниковской и 5-й Беляевской сотнях Калмыцкого (окружного) правления находилась 4 241 кибитка, население насчитывало уже 16 981 калмык (мужчин – 8 155, женщин – 8 826). Согласно перечневой ведомости на март 1836 г., население калмыцких улусов и сотен характеризовались следующими данными [13].

Улусы	Кибит.	Муж.	Жен.	Всего	Служилых		Отставные	
Верхний					Ур.	Каз.	Ур.	Каз.
1-я сотня	361	710	789	1499	2	100	–	173
2-я	410	813	957	1770	–	173	–	160
3-я	401	734	872	1602	–	154	–	155
4-я	196	359	414	773	–	67	–	86
Всего	1368	2616	3032	5648	2	494	–	574
Средний								
1-я сотня	577	871	850	1721	–	139	1	239
2-я	499	878	922	1800	1	87	1	271
Всего	1076	1749	1772	3521	1	226	2	510
Нижний								
1-я сотня	126	252	272	524	–	57	–	52
2-я	516	1061	1143	2204	–	187	–	240
3-я	442	918	932	1850	–	105	1	228
4-я	184	343	337	680	–	65	–	84
Всего	1268	2574	2684	5258	–	414	1	604
Верхне-Таранникова сотня	260	526	616	1138	–	120	–	117
Нижне-Таранникова сотня	126	352	374	726	–	78	–	65
5-я Беляевская сотня	173	338	343	681	–	51	1	84
Всего	4241	8155	8826	16981	3	1383	4	1954

В течение 14 лет (1822–1836 гг.) ежегодный прирост калмыцкого населения на Дону составил по 163 человека. Только в 1836 г. во всех 13 сотнях улусов родилось 608 детей, в том числе 337 мальчиков и 271 девочка. Донские калмыки в 1836 году по служебным обязанностям распределялись на: лиц духовного звания; служилых (урядников – 3, казаков – 1383, из них на разных военных должностях – 168, в конноартиллерийских ротах – 3, табунщиков – 359); малолеток (19-летние юноши) по переписи 1836 г. – 1 931 человек, из них на службе – 194. К этому времени с 1831 г. возвратились со службы 738 калмыков-казаков для отдыха и будущей пересмены. В числе 1 954 отставных казака значились 4 урядника, 521 человек на внутренней службе. Количество духовных лиц, несмотря на строгую регламентацию государственной властью, даже по сравнению с 1834 г. увеличилось со 165 (54 гелюнга, 55 гецулей, 56 манджиков) до 205 человек (1 лама, 68 гелюнгов, 68 гецулей и 68 манджиков).

Основным занятием донских калмыков продолжало оставаться кочевое пастбищное скотоводство. К началу 1835 г. из-за трудной предыдущей зимовки поголовье скота в калмыцких кочевьях несколько сократилось и составило: крупного рогатого скота – 40 889 голов, овец – 12 483, верблюдов – 1 251, лошадей – 31 266 голов. Причины уменьшения поголовья скота, видимо, можно объяснить и резким снижением вдвое цен после 1822 г. на крупный рогатый скот и овец. В связи с этим несколько ухудшилось экономическое положение калмыцкого населения. Некоторые семьи оказались не в состоянии снаряжать полным комплектом на службу детей первоочередного призыва. Стоимость полного комплекта снаряжений призываемого юноши составляла 214 руб. 50 коп. (только лошадь стоила 80 руб., седло – 30 руб., куртка и шаровары – 32 руб. и т. д.).

Положение в животноводстве в калмыцких кочевьях лишь к концу 1830-х годов заметно стало улучшаться. В 1839 г. донские калмыки имели: 31 078 лошадей, 55 727 голов крупного рогатого скота, 36 138 голов овец, 1 119 голов верблюдов. Однако они хлебопашеством почти по-прежнему не занимались, за исключением жителей Беляевской сотни. В 1834 г. в этой сотне было посеяно 20 четвертей пшеницы (четверть – до 200 кг), 5 четвертей ржи, 6 четвертей проса

и 10 четвертей овса. Получили урожай с 1 га: пшеницы – 6,5 четв., ржи – 6 четв., проса – 40 четв., овса – 7,5 четвертей. В некоторых сотнях улусов калмыки отдавали крестьянам или чиновникам в аренду своих волов и получали в виде оплаты вспаханные нивы небольшой площади. Учитывая трудности зимовки скота в суровые годы, калмыки нередко обращались в органы управления дать им разрешение на специально отведенных землях заниматься хлебопашеством и сенокосением. Так, в марте 1836 г. в Калмыцкое правление обратились жители 5-й сотни Среднего улуса сотник Хурсан Шовгуров, урядник Иринцын Афанасьев, казаки Арабдун Чурюмов, Нимгир Холвацинов с просьбой выделить им землю для кочевий, сенокосения и пахоты. В отчете за 1838 г. в МВД наказный атаман Войска Донского М. Г. Власов писал, что «в общем числе Войсковых обитателей считается до 17637 калмыков, которые, питаясь преимущественно мясом и молоком, мало употребляют хлеба» [14]. Калмыки-казаки зимой охотились на волков, лисиц, зайцев, а летом на сайгаков. Шкуры зверей в основном продавали, немного оставляли себе.

В соответствии с новой системой землеустройства, установленной Положением, земельная площадь Калмыцкого кочевья уменьшилась почти вдвое и составила всего 988012 дес. удобной земли и на каждую станицу по числу душ мужского казачьего сословия должно было отводиться удобной земли по норме 30 десятин на одного калмыка-казака. Площадь земли, отведенная определенной станице, называлась станичным юртом. В общественном владении казачьих станиц и трех калмыцких улусов находилось 8837 тыс. десятин земли. Но отведенные земли являлись собственностью общества каждого улуса, сотни (хотона). Эти земли, как правило, делили на участки (для сенокосов, пашни, пастьбы скота и конских табунов и т. д.). Упорядочивая выделяемые земли особенно под задонское коннозаводство, которое быстро увеличивалось (к 1835 г. имелось 137 зимовников – конских заводов), государство в лице Войскового правления не только брало его под контроль, но и облагало определенной арендной платой за пользование войсковой землей. Если раньше были полная свобода в выборе места для коннозаводов, бесконтрольность в ведении дела, отсутствие каких-либо налогов и повинностей, то теперь на

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

каждые 500 голов табуна отводился участок земли «на 1,5 версты в ширину по реке и 5 верст в глубину степи» и устанавливалась плата за каждую лошадь в войсковой доход – 50 коп. ассигнациями или 15 коп. серебром [15].

К началу 1841 г. на Дону насчитывалось 4 672 калмыцкие кибитки и население достигло уже до 18 462 человека (мужчин – 9 058, женщин – 9 404), то есть в течение 5 лет (1836 – 1841 гг.) прирост ежегодный составил почти по 300 человек. За это же время служилых калмыков-казаков увеличилось до 1 731 (7 урядников), из них 629 служили в полевых полках и командах, табунщиками, и отставных – до 2 229 (5 урядников), из них на внутренней службе числились 599. Малолеток 21-летнего возраста достигло до 242 человек. Однако существенно увеличилось за последние 5 лет служителей духовенства – с 205 человек в 1836 г. до 258 человек, то есть практически этот показатель, несмотря на решение правления сократить, достиг уровня 1819 г.

Население Калмыцкого округа по сотням и улусам распределялось следующим образом:

В 1-й сотне – 1 495 (муж. – 643, жен. – 852), во 2-й – 1 969 (муж. – 896, жен. – 1 073), в 3-й – 1 857 (муж. – 852, жен. – 1 005), в 4-й – 1 042 (муж. – 464, жен. – 578) Верхнего улуса;

В 1-й сотне – 1 938 (муж. – 979, жен. – 953), во 2-й – 2 005 (муж. – 1 056, жен. – 949) Среднего улуса;

В 1-й сотне – 707 (муж. – 350, жен. – 357), во 2-й – 2 192 (муж. – 1 160, жен. – 1 032), в 3-й – 1 892 (муж. – 1 028, жен. – 864), в 4-й – 698 (муж. – 348, жен. – 350) Нижнего улуса;

В Верхне-Таранниковской сотне – 287 семей в составе 1 230 человек (муж. – 576, жен. – 654) в 2 хотонах; в Нижне-Таранниковской сотне – 186 семей и 745 чел. (муж. – 358, жен. – 387) в 1 хотоне; в 5-й Беляевской сотне – 195 семей и 698 чел. (муж. – 348, жен. – 350) в 2 хотонах.

По количеству населения самым крупным улусом являлся Верхний – 1 538 семей (кибиток) в составе 6 363 человека (муж. – 2 855, жен. – 3 508) в 6 хотонах (в хотоне в среднем 256 семей и 1060 чел.); в Нижнем улусе – 1 392 семьи и 5 144 чел. (муж. – 2 541, жен. – 2 603)

в 5 хотонах (в хотоне в среднем 278 семей и 1029 чел.); Среднем улусе – 1 074 семей и 3 937 чел. (муж. – 2 035, жен. – 1 902) в 4 хотонах (в хотоне в среднем 268–269 семей и 984 чел.) [16].

Калмыки-казаки, занимаясь в основном скотоводством, на свободных землях постепенно начали приобщаться к хлебопашеству. Так, в 1840 г. калмыки убрали свой урожай и собрали зерна 1034 четвертей, т. е. свыше 2 тыс. тонн. Но доминирующей отраслью продолжало оставаться животноводство. В 1841 г. экономика сотен и улусов характеризовалась следующими данными. 392 семьи 1-й сотни Верхнего улуса имели: 2 611 лошадей, 415 волов, 4 874 коров, 4 138 овец; 479 семей 2-й сотни – лошадей – 1 116, волов – 296, коров – 4 146, овец – 1 485 голов; 446 семей 3-й сотни – лошадей – 1 656, волов – 198, коров – 2 201, овец – 1 836 голов; 221 семья 4-й сотни – лошадей 850, волов – 46, коров – 2 043, овец – 625 голов.

В Нижнем улусе 132 семьи 1-й сотни имели: лошадей – 123, волов – 63, коров – 1 078, овец – 218 голов; 560 семей 2-й сотни – соответственно 3 977, 40, 4 791, 2 995 голов; 505 семей 3-й сотни – соответственно 2 794, 90, 9 857, 3 250 голов; 195 семей 4-й сотни – соответственно 403, 120, 1 056, 530 голов.

534 семьи 1-й сотни Среднего улуса имели: лошадей – 4 017, волов – 80, коров – 7 614, овец – 4 990 голов; 540 семей 2-й сотни – соответственно 6 237, 40, 10 661, 4 050 голов. 287 семей Верхне-Таранниковской сотни имели: лошадей – 716, волов – 76, коров – 1 353, овец – 310 голов; 186 семей Нижне-Таранниковской сотни – соответственно 78, 25, 724, 455 голов. Но большая часть населения этих двух сотен (Чоносовская и Бурульская) занималась рыболовством, солением и сушением тарани на рыбозаводах. А 195 семей 5-й Беляевской сотни – разведением домашних животных, преимущественно крупного рогатого скота – 2 067 голов, значительно меньше имели лошадей – 314, овец – 416 и волов – 94 голов.

Судя по общему поголовью скота, более зажиточными являлись семьи Среднего улуса. В нем в среднем на кибитку приходилось до 10 лошадей, 18 – 19 коров и 8 – 9 овец, тогда как в Нижнем улусе – соответственно до 5,2, 12 и 5; в Верхнем улусе – соответственно до 4,0, 8,6 и 5,2 [17]. Это, видимо, можно объяснить природными условия-

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

ми, в которых находились сотни Верхнего улуса (трудности с водой, засушливая степь), нежели Среднего и Нижнего улусов, где равномерно распределялись по их территории реки и балки с источниками воды.

Динамика роста калмыцкого населения на Дону находилась достаточно на высоком уровне. Несмотря на сохранение количества кибиток почти на прежнем уровне (4598 семей, из них в Верхнем улусе – 1522, Среднем – 1070, Нижнем – 1379, в 5-й Беляевской сотне – 200, Верхне-Таранниковской – 298, Нижне-Таранниковской – 129), в декабре 1846 г. на Дону проживало уже 20 620 калмыков (муж. – 10055, жен. – 10565). В составе калмыцкого населения мальчиков от 1 года до 19 лет насчитывалось 5432, от 19 до 21 года – 215. Если в 1841 г. в среднем калмыцкая семья состояла из 3,95 человек, то в 1846 г. она увеличилась до 4,5. Однако естественный прирост населения резко колебался по годам. Если в 1845 г. родилось 574 мальчиков и 568 девочек, а умерло соответственно 130 и 119, то в следующем году родилось мальчиков всего лишь 247 и девочек 212, умерло соответственно 222 и 154. Народонаселение калмыцких улусов и сотен, составленное по табелю на 31 декабря 1846 г., представлено в следующем виде.

Улусы	Ки-бит.	Муж.	Жен.	Всего	Служилые		Отстав-ные		Дух-во	М/летки 19-летн.
Верхний					Ур.	Каз.	Ур.	Каз.		
1-я сотня	405	791	793	1584	1	149	3	200	12	18
2-я	428	981	1091	2072	1	192		207	12	21
3-я	474	891	1064	1955	2	187	–	196	24	18
4-я	215	490	636	1126	–	70	–	123	12	5
Итого:	1522	3153	3494	6647	4	598	4	726	60	62
Средний										
1-я	541	1231	1188	2419	1	189	1	289	36	28
2-я	529	1237	1192	2429	1 оф.	139	2	316	24	29
Итого:	1070	2468	2380	4848	1	328	3	605	60	57
Нижний										
1-я	139	249	298	547	–	52	–	57	24	2

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

2-я	549	1248	1234	2482	2	220	1	296	24	2
3-я	493	1238	1198	2436	–	136	1	365	24	26
4-я	198	359	372	731	1	60	–	94	24	5
Итого:	1379	3094	3102	6196	3	468	2	812	96	35
5-я Беля- евская	200	360	385	745	–	57	1	96	24	10
Верхне- Таранн.	298	607	690	1297	2	148	1	137	12	11
Нижне- Таранн.	129	367	421	788	–	71	–	76	12	21
Всего:	4598	10055	10565	20620	10	1664	11	2451	264	215

За последние 5 лет появились заметные изменения в социальной структуре калмыцкого населения на Дону. Наряду с духовными лицами, чиновниками, военным сословием появились лица, получившие дворянское звание в соответствии с «Положением об управлении Войском Донским», изданным в 1835 г. В 1846 г. во 2-й сотне Среднего улуса калмык обер-офицер и двое (супруга и дочь) его членов семьи удостоились этого почетного социального звания. В это время в Калмыцком округе на учет служилых казаков находились: 1 хорунжий, 10 урядников и 1 664 рядовых. Из них в полках и командах, в качестве табунщиков служили 828 человек. Отставных чинов числилось 2294 человека, в том числе 11 урядников и продолжавшие службу – 555 казаков. В состав мужского населения сотен входили 213 малолеток 19-летних, лица духовного звания – 258 человек.

После четырехлетней действительной службы в строевых полках калмыки-казаки 1-й очереди обычно возвращались домой на отдых и для пересмены. Так, в 1841 г. прибыло на пересмену 256 калмыков-казаков, 1842 г. – 351, 1843 г. – 198, 1844 г. – 189 человек. В 1847 г. количество служилых казаков-калмыков за счет взятых на учет малолеток увеличилось до 1860 (в том числе 1 обер-офицер и 11 урядников), отставных составило 2536 человек (в том числе 11 урядников) [18].

В 1846 г. были произведены некоторые изменения в административно-территориальном устройстве Калмыцкого округа. В соответствии с положением Военного совета, высочайше утвержденным

12 марта 1846 г., его земельная площадь в связи с передачей станичным юртам сократилась на 400000 десятин. В общинных владениях 13 сотен, фактически приравненных к станичным юртам, трех улусов осталось 1038183 десятин (в том числе 968191 дес. удобной), т. е. в среднем на душу населения уменьшилось с 75 до 52,5 десятин. Земли были распределены по улусам и сотням и выданы им межевые акты, где указывались отведенные участки под хлебопашество, сенокосение и пастбищ [19].

После реорганизации в Верхний улус вошли: 1-я сотня прежнего Верхнего улуса с населением 1584 человек (мужчин – 791, женщин – 793, малолеток – 18, детей от 1 до 19 лет – 1207, духовного звания – 12), 1-я сотня Нижнего улуса с населением 547 человек (мужчин – 249, женщин – 298, малолеток – 2, детей – 412, духовного звания – 24) и 4-я сотня Нижнего улуса с населением 731 человека (мужчин – 359, женщин – 372, малолеток – 5, детей – 522, духовного звания – 24) и Беляевская сотня с населением 745 человек (мужчин – 360, женщин – 385, малолеток – 10, детей – 557, духовного звания – 24). В соответствии с новой реформой население Верхнего улуса, состоящего из 4 сотен, составило 3607 человек.

В Средний улус были включены: 1-я сотня этого же улуса с населением 2419 человек (мужчин – 1231, женщин – 1188, малолеток – 28, детей – 1875, духовного звания – 36), 2-я сотня бывшего Верхнего улуса с населением 2072 человека (мужчин – 981, женщин – 1091, малолеток – 21, детей – 1637, духовного звания – 12) и 3-я сотня бывшего Верхнего улуса с населением 1955 человек (мужчин – 891, женщин – 1064, малолеток – 18, детей – 1528, духовного звания – 24), Верхне-Таранниковская сотня с населением 1297 человек (мужчин – 607, женщин – 690, малолеток – 11, детей – 988, духовного звания – 12) и Нижне-Таранниковская сотня с населением 788 человек (мужчин – 367, женщин – 421, малолеток – 21, детей – 263, духовного звания – 12). Население Среднего улуса, состоящего из 5 сотен, насчитывало 7361 человек.

К Нижнему улусу причислили: 2-ю сотню бывшего Нижнего улуса с населением 2482 человека (мужчин – 1248, женщин – 1234, малолеток – 2, детей – 1919, духовного звания – 24), 4-ю сотню бывшего

Верхнего улуса с населением 1126 человек (мужчин – 490, женщин – 636, малолеток – 5, детей – 918, духовного звания – 12), 2-ю сотню бывшего Среднего улуса с населением 2429 человек (мужчин – 1237, женщин – 1192, малолеток – 29, детей – 1923, духовного звания – 24) и 3-ю сотню бывшего Нижнего улуса с населением 2436 человек (мужчин – 1238, женщин – 1198, малолеток – 26, детей – 1884, духовного звания – 24). Население Нижнего улуса, состоящего из 4 сотен, составило 8473 человека.

Сотни в новых улусах получили соответствующие названия: в Верхнем улусе 1-я сотня – Харьковская (Цевднякинская), 2-я сотня – Беляевская, 3-я сотня – Балдырская (Потаповская), 4-я сотня – Эркетинская; Среднем улусе объединенная 1-я сотня – Чоносовская (Бага-Чонос) или Таранниковская, 2-я сотня – Бемдякинская (Ики-Чонос), 3-я сотня – Геленгекинская, 4-я сотня – Кебютская, объединенная 5-я сотня – Бурульская (Бага-Бурул) или Таранниковская; Нижнем улусе 1-я сотня – Рынцановская (Зюнгарская), 2-я сотня – Бултуковская (Богшракинская), 3-я сотня – Багутовская, 4-я сотня – Намровская (Ики-Бурул).

Администрация Войска Донского в эти же годы приступила к упорядочению сети хурулов в калмыцких улусах, ограничивая их количеством сотен и необходимостью построения для них деревянных зданий, и штатов духовных служителей в них. Военный совет Министерства военного 29 июля 1849 г. принял решение одобрить предложение от 12 ноября 1848 г. наказного атамана Войска Донского М. Г. Хомутова о целесообразности ограничения количества хурулов в Калмыцком кочевье и сокращения в них духовенства. Военный совет поручил войсковому наказному атаману не допускать превышения количества хурулов количеству сотен и установить типовое штатное расписание хурула – 4 гелюнга, 4 гецула и 4 манжика. Этим же решением Военного совета поручалось наказному атаману ввести в штат Калмыцкого правления должность – медика.

Генерал-лейтенант М. Г. Хомутов в соответствии с указанием Министерства поручил судье Калмыцкого правления войсковому старшине Сидорову вместе с бакшой донских калмыков Джембей Ганджиковым, назначенным в 1844 г. наказным атаманом М. Г. Вла-

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

совым в соответствии с положением от 22 ноября 1843 г., провести сокращение в хурулах с 220 духовных лиц до 168. Предлагалось на освобождающиеся вakatные должности не принимать новых лиц, а производить перемещение в сотенных хурулах и в манжики принимать только выпускников Калмыцкого училища, владеющих русским языком. Последние два предложения бакша отверг, мотивируя тем, что священнослужитель должен служить только в одном хуруле, а выпускники училища не владеют тибетской письменностью и не изучают законы божьи.

Бакше Джембе Ганджикову в течение 1850 г. удалось привести штаты хурулов в соответствие с решением Военного совета и в конце того же года представить списочный состав калмыцкого духовенства на утверждение наказного атамана Войска Донского. Список штатных гелюнгов, гецулей и манжиков калмыцких хурулов был утвержден наказным атаманом в апреле 1851 г. и представлен Калмыцкому правлению. Ниже приводится список духовных лиц в калмыцких хурулах по состоянию на 7 апреля 1851 г. [20].

Улусы и сотни	Имена и фамилии духовенства	Возраст	С какого года работает
Верхний			
1-й сотни	Гелюнги		
	Кука Капринов	27 лет	1843 г.
	Неделче Мучинов	36	1834 г.
	Калдур Чечинов	31	1839 г.
	Дегелдик Камано	35	1836 г.
	Гецули		
	Николай Тевдинов	32	1838 г.
	Анча Абушинов	31	1839 г.
	Санжа-Арша Зодбинов	30	1840 г.
	Бикар Цеденов	37	1833 г.
	Манжики		
	Намчир Шарапов	35	1835 г.
	Джембя Цондинов	25	1845 г.

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

	Бурлак Дарбаков	29	1841 г.
	Шара Кичиков	31	1839 г.
2-й сотни	Гелюнги		
	Джембе Никинов	26	1844 г.
	Цеден Ункуров	27	1843 г.
	Шарап Бавинов	35	1835 г.
	Шинмандка Шашков	33	1837 г.
	Гецули		
	Азу Балчинов	25	1845 г.
	Кирю Чанкинов	35	1835 г.
	Кенче Аршинов	25	1845 г.
	Неанч Аленов	29	1841 г.
	Манжики		
	Шарап Амханов	30	1840 г.
	Лодон Давдонов	29	1843 г.
	Манча Рынцынов	26	1844 г.
	Шапу Нагинов	34	1836 г.
3-й сотни	Гелюнги		
	Даржа Санжинов	35	1835 г.
	Санжа Санчинов	35	1835 г.
	Кит Бавинов	34	1836 г.
	Харлаш Нохашкин	26	1844 г.
	Гецули		
	Ногда Носинов	32	1838 г.
	Учур Сармадинов	28	1842 г.
	Учур Чоданов	33	1831 г.
	Джельде Цеденов	36	1834 г.
	Манжики		
	Чюрюм Настинов	33	1837 г.
	Цаган Атаков	40	1830 г.
	Лодон Джамбинов	39	1831 г.
	Цудчага Ноянов	31	1839 г.
4-й сотни	Гелюнги		
	Абуша Гричинов	33	1837 г.

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

	Паранцуз Джюджинов	35	1835 г.
	Чопа Шарапов	29	1841 г.
	Дадбас Маргажинов	35	1835 г.
	Гецули		
	Чопа Бекишев	32	1838 г.
	Джимбе Санганов	33	1837 г.
	Сармак Халюнов	34	1836 г.
	Дарбуш Ношинов	30	1840 г.
	Манжики		
	Нуска Платнинов	32	1838 г.
	Нашка Чюрюмов	31	1835 г.
	Петро Дакинов	24	1838 г.
	Нармак Саламинов	27	1843 г.
Средний			
1-й сотни	Гелюнги		
	Басан Давашинов	31	1839 г.
	Цельтон Манжиков	24	1846 г.
	Бадьма Аленов	35	1835 г.
	Дожбе Докалчюгинов	31	1839 г.
	Гецули		
	Цультель Чюков	35	1835 г.
	Рынцын Кирипов	33	1837 г.
	Джимбе Джунгуров	35	1835 г.
	Савесен Джембинов	28	1842 г.
	Манжики		
	Джангор Джамбинов	29	1841 г.
	Арша Шарапов	22	1848 г.
	Басанг Бабушов	28	1842 г.
	Менко Джамбинов	19	
2-й сотни	Гелюнги		
	Кальда Балзынов	29	1841 г.
	Джовок Натинов	29	1841 г.
	Пирин Цеденов	30	1840 г.
	Булсан Чедеров	30	1840 г.

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

	Гецули		
	Несте Джембинов	31	1839 г.
	Гидже Самтонов	35	1835 г.
	Булта Тапкинов	27	1843 г.
	Балтук Саринов	Служилый	
	Манжики		
	Бултук Намров	33	1837 г.
	Тарас Зодбинов	30	1830 г.
	Джовак Пичугин	33	1837 г.
	Кюмен Боринов	31	1839 г.
3-й сотни	Гелюнги		
	Цеден Джамбинов	31	1839 г.
	Ненко Джамбинов	26	1844 г.
	Чювелдин Джамбин	Служилый	
	Патиш Цеденов	Служилый	
	Гецули		
	Алче Шарапов	36	1834
	Батур Джугнинов	33	1837
	Бюдчен Чонжинов	28	1842 г.
	Джажк Дамбин	42	1828 г.
	Манжики		
	Улужа Самтонов	34	1836 г.
	Саран Эмгидаев	31	1839 г.
	Бенжик Эркюкидов	33	1837 г.
	Неон Минтанов	Служилый	
4-й сотни	Гелюнги		
	Джирен Кидгиров	28	1842 г.
	Хутучин Чориков	29	1841 г.
	Мохла Довюгинов	31	1839 г.
	Ужупан Манжиков	31	1839 г.
	Гецули		
	Китит Балянов	26	1844 г.
	Болток Цаганманджинов	28	1842 г.

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

	Манук Джамбинов	28	1842 г.
	Билдин Джамбинов	24	1846 г.
	Манжики		
	Ненко Цаганганчинов	31	1839 г.
	Бижок Соктугинов	24	1846 г.
	Бод Макикинов	19	
	Цаган Цебеков	28	1842 г.
5-й сотни	Гелюнги		
	Габон Джамбинов	45	1825 г.
	Ширип Чюрюмов	45	1825 г.
	Сакса Дакинов	Служилый	
	Гецули		
	Дожбе Шарманжинов	34	1836 г.
	Зодба Мучинов	34	1836 г.
	Сартуш Шарапов	26	1844 г.
	Емале Шарапов		
	Манжики		
	Шарап Шашанов	37	1833 г.
	Зодба Чюрюмов	37	1833 г.
	Зодба Некединов	34	1836 г.
	Аршак Шарапов	Служилый	
Нижний			
1-й сотни	Гелюнги		
	Джембе Секенов	28	1842 г.
	Талуч Бабанов	30	1840 г.
	Шакар Маняшков	35	1835 г.
	Эвге Манжиков	30	1840 г.
	Гецули		
	Бабрам Зодбинов	27	1843 г.
	Коврын Чюрюмов	27	1843 г.
	Шавонка Судманов	24	1845 г.
	Хунгур Зодбинов	34	1836 г.

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

	Манжики		
	Учур Шарапов	27	1843 г.
	Абуша Хар-Эвгинов	28	1842 г.
	Джолик Джугнинов	33	1837 г.
2-й сотни	Гелюнги		
	Кирсан Кешкинов	34	1836 г.
	Баргис Доганов	32	1838 г.
	Котю Шикюров	31	1839 г.
	Хаван Харчинов	27	1843 г.
	Гецули		
	Кюке Джирнинов	31	1839 г.
	Котас Шунгуров	26	1844 г.
	Саран Панкадынов	29	1841 г.
	Неке Иминов	32	1838 г.
	Манжики		
	Шарап Цакиров	31	1839 г.
	Нюшка Бара-Хариков	33	1837 г.
	Челек Абушинов	26	1844 г.
	Сухарин Чанчинов	31	1839 г.
3-й сотни	Гелюнги		
	Зодба Балданов	30	1840 г.
	Кирсан Джалчугинов	27	1843 г.
	Нюдюл Самтонов	Служилые	
	Менко-Лузан Джамбинов		
	Гецули		
	Абуша Баданов	42	1828 г.
	Балха Гюрупов	31	1839 г.
	Баян Джемчугинов	35	1835 г.
	Чепин Тетьянов	21	1849 г.
	Манжики		
	Самтон Джунгуров	32	1838 г.
	Акуш Арбаков	22	1841 г.
	Камо Курганов		
	Чакон Конинов	служилые	

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

4-й сотни	Гелюнги		
	Миндик Абушов	28	1842 г.
	Санжик Наняшков	28	1842 г.
	Шарап Зодбо-Балбунов	40	1830 г.
	Лузан Чурюмов	33	1837 г.
	Гецули		
	Ормада Рынцынов	35	1835 г.
	Николай Барашинов	25	1845 г.
	Пеге Бюбяшинов	30	1840 г.
	Балдан Шаргинов	28	1842 г.
	Манжики		
	Джимбе Неанков	34	1836 г.
	Ходже Мочеров	31	1839 г.
	Сартаган Дюсенов	18	1844 г.

Таким образом, к концу 1840-х годов в Калмыцком кочевье на Дону завершилось административно-территориальное переустройство, перераспределение населения между улусами, упорядочение сети калмыцких хурулов и в них численности духовенства. Все эти мероприятия были рассчитаны на перевод калмыков на оседлый образ жизни и ведения стационарного хозяйства, развитие калмыцких улусов, подъем культуры, образования и благосостояния населения.

Основу экономики донских калмыков по-прежнему определяло животноводство. В 1846 г. в 13 сотнях Калмыцкого округа числилось крупного рогатого скота – 56 441, в том числе бугаев – 1951 (3,5%), быков – 3 635, коров – 42 491 (75 %), молодняка – 8 364 головы; овец – 51 314, в том числе баранов – 5 085 (1 %), овцематок – 46 229 голов; лошадей – 30 255 голов. Калмыцкие семьи Верхнего улуса содержали 11 124 лошадей, 15 111 крупного рогатого скота, 17 330 овец; Среднего улуса – 8 767 лошадей, 12 890 крупного рогатого скота, 13 380 овец; Нижнего улуса – 9 377 лошадей, 12 390 крупного рогатого скота, 15 580 овец; 5-й Беляевской сотни – 187 лошадей, 1560 крупного рогатого скота, 1476 овец; Верхне-Таранниковской сотни – 634 лошадей, 2240 крупного рогатого скота, 2192 овцы; Нижне-Таранни-

ковской сотни – 126 лошадей, 1640 крупного рогатого скота, 1358 овец [21].

Несмотря на значительное увеличение поголовья скота, к 1846 г., когда с окончательным утверждением территории Калмыцкого кочевья и его улусов, постепенно оседая, земледелием занималось уже 35 калмыцких семей, совместно обрабатывая участки полей почти 40 плугами. В том же году эти семьи собрали озимой пшеницы 586 четвертей, яровой – 2 063 четвертей, картофеля – 226 четвертей, немного льна. Но в следующем году количество семей, обрабатывающих землю совместными 128 плугами и другим инвентарем и занимающихся хлебопашеством, увеличилось почти до ста. В урожайный 1847 год донские калмыки собрали 3796 четвертей хлеба.

Больше всего хлебопашеством занимались жители 4-й сотни Среднего улуса Кушкульд Габунов и Буварин Самтонов, жители 1-й сотни Нижнего улуса Мунко Габунов, Мухора Амушинов, Менкуш Цебеков, 2-й сотни этого же улуса – Буроманжа Бембинов и Панпус Петрушкин и 4-й сотни этого же улуса – Менкуш Гребешов, Силька Абушинов, Грека Какинов и Хахлаш Джамбинов. 54 калмыцкие семьи, занимавшиеся земледелием, обеспечивали себя полностью хлебом и семенным фондом, даже могли излишки продавать. Помимо того, калмыки-казаки стали заниматься сенокошением, производством продуктов животноводства и вступать в рыночные отношения. Калмыцкая порода крупного рогатого скота считалась наиболее приемлемой и востребованной на Дону, особенно для производства мяса. В 1845 г. донские калмыки продали 571 быка, 2625 коров, в 1846 г. – 410 быков и 3203 коровы, а также продали на рынках 666 штук кожи крупного рогатого скота, лошадей – около 4 тыс. голов. На рынке бык калмыцкой породы в среднем стоил 15 руб. (серебром), от которого выход мяса до откорма получался до 11–13 пудов, сала – 3–4 пуда, корова стоила 8 руб., 1 кожа крупного рогатого скота – 1,5 руб., верблюдов (самец) – 23 руб. и самка – 14 руб., лошадь донской породы – до 40 руб. В эти же годы калмыки стали вывозить на рынок овечью шерсть и верблюжий пух. В 1845 г. настриг шерсти составил 3 925 пудов, в 1846 г. – 4 611 пудов. Калмыки занимались разведением в основном крупной, курдючной породы овец [22].

Наиболее выгодной отраслью животноводства являлось коневодство, поскольку на коня был постоянно растущий рыночный спрос и высокая его стоимость. Поэтому немалое внимание в животноводческом хозяйстве калмыков отводилось коневодству. Калмыки-казаки, заботясь о воспроизводстве лошадей, особое внимание уделяли соблюдению структуры коневодства. В 1846 г. в табунах 13 сотен насчитывалось 938 жеребцов (3,1 %), 15 283 кобылиц (50,5 %), 3 189 мерин, 10 845 молодняков приплодов 1845 и 1846 годов. В благоприятном следующем году поголовье лошадей увеличилось до 32917, волов – до 4 117, коров – до 57451, овец – до 56604.

Однако суровые зимы 1848/1849 и 1852/1853 годов нанесли огромный урон скотоводству Дона, в том числе и Калмыцкого кочевья. Особенно в зиму 1848/49 года в результате большого падежа донские калмыки потеряли 16566 (47 % поголовья) лошадей, 12802 (21 %) крупного рогатого скота, 17950 (28 %) овец. Менее пострадали скотоводы 1-й сотни Верхнего улуса, заготовившие на зиму 7830 четвертей сена. Посевные площади полностью погорели и были уничтожены саранчой. Поголовье скота восстанавливалось медленно и достигло уровня 1848 г. лишь через десять лет [23].

Процесс инкорпорации калмыков в донское население вызвал объективную необходимость поднятия их образовательного уровня, совершенствования социальной инфраструктуры. Поэтому не случайно в Положении от 26 мая 1835 г. указывалось, что детям донских калмыков доступны общие учебные заведения как в Войске Донском, так и в прочих местах Российской империи. В 1839 г. по высочайшему повелению императора Николая I для обучения детей донских калмыков было открыто в слободе Орловской, находившейся поближе ко всем улусам, Калмыцкое приходское училище. Главная задача училища состояла в обучении детей русскому языку и математике с целью их подготовки к гражданской и военной службе, т. е. дать начальное образование. А с 1843/44 учебного года император разрешил принимать детей калмыцких чиновников и казаков на обучение не только в приходское училище, но и в гимназии, освободив их от повинностей на время учебы. Войсковой наказный атаман М. Г. Власов письмом от 20 ноября 1842 г. о решении императора уведомил Кал-

мыцкое правление. Родители, желающие направить детей на учебу в гимназии, должны были подать к 1 января 1843 г. заявку в земские учреждения. С этого времени калмыцким детям стали доступны войсковые школы на общих основаниях со всеми казачьими детьми [24].

13 июня 1844 г. император Николай I, находясь в пути в поезде между Брауншвейгом и Магдебургом, нашел возможность уделить внимание вопросу образования детей донских калмыков. В этот же день он подписал указ, высочайше повелевавший открыть два высших класса окружного училища при Калмыцком приходском училище Войска Донского. Отделение по иррегулярным войскам департамента военных поселений Министерства военного сообщило об этом министру народного просвещения России письмом № 1921 от 14 июня 1844 г. В высочайшем повелении императора указывалось: «1) При Калмыцком приходском училище, в Войске Донском, открыть два высших класса окружного училища. 2) В классах этих преподавать все те предметы, которые положены в первых двух классах окружных училищ Войска Донского; сверх того дети калмыков должны быть обучаемы правилам их языка и веры, упражняться в переводах с калмыцкого на русский язык, и обратно. 3) В классы сии, по окончании учения в приходском училище, дозволить поступать для обучения детям не только калмыков, но и казаков и крестьян из ближайших станиц и селений. 4) Курс полного учения, в оных определить три года, полагая на каждый класс по полтора года, с тем, чтобы в течение двух с половиной лет были пройдены все предметы, положенные в первых двух классах окружного училища и правила калмыцкой грамматики, по последнее полугодие назначить для повторения всех сих предметов и для упражнения калмыцких детей в переводах и в письме под диктовку на языках русском и калмыцком. 5) Для преподавания наук в двух классах окружного училища назначить трех учителей: а) арифметики и географии; б) русского языка и чистописания; в) калмыцкого языка и веры, с жалованием из войсковых сумм, наравне с учителями Новочеркасского училища по 143 рубля серебром в год. Преподавание закона Божия для казачьих и крестьянских детей возложить на учителя арифметики или русского языка, с добавлением за сей труд к получаемому им окладу по 28 руб.

57 коп. серебром в год. 6) Исправление должности штатского смотрителя Калмыцкого училища возложить на одного из русских учителей, с добавлением за сей труд, к получаемому окладу по 28 руб. 57 коп. серебром ежегодно. 7) Кроме того, применяясь к главным потребностям и штатам войсковых окружных училищ, назначить для сих классов ежегодно: на библиотеку и приобретение учебников, пособий – 28 руб. 57 коп. серебром; на награду учеников – 14 руб. 28,5 коп.; на наем дома – 100 руб.; на содержание училищного дома, как-то отопление, освещение, канцелярские расходы – 128 руб. 57 коп.

Сверх того, для поощрения недостаточных родителей отдавать охотно детей своих в Калмыцкое училище и содержать их в оном до окончания полного курса учения, на основании 46 и 50 пунктов приложения к 159 статьи 2 п. свода гражданских законов, назначить ежегодно пособие 8-м ученикам из детей калмыков бедного состояния, полагая на каждого, как определено для учеников Новочеркасского окружного училища по 13 руб. 80 коп., а на 8 учеников 110 руб. 40 коп. 8) Из числа суммы 867 руб. 96,5 коп. серебром потребной на содержание Калмыцкого училища, причитающиеся на жалование учителям, на библиотеку, в награду ученикам и на наем дома до постройки здания для училища – всего 628 руб. 99,5 коп. серебром, отнести на войсковые суммы Войска Донского; потребные на содержание дома и другие расходы 128 руб. 57 коп. серебром производить из экономического училищного капитала, хранящегося в войсковом приказе общественного призрения, а следующие в пособие 8 ученикам бюджетного состояния 110 руб. 40 коп. по примеру прочих окружных училищ, отпускать из сумм войскового приказа» [25].

Это императорское повеление было направлено военным министром А. И. Чернышевым министру народного просвещения С. С. Уварову. Последний уже 19 июня 1844 г. направил письма аналогичного содержания управляющему учебным округом и наказному атаману Войска Донского с резолюцией «для исполнения». 6 июля 1844 г. управляющий учебным округом, ректору Харьковского университета доложил министру народного просвещения о ходе выполнения императорского повеления. Затем 25 января 1845 г. управляющий учебным округом подробно доложил министру народного

просвещения о том, что 9 декабря 1844 г. состоялось торжественное открытие в слободе Орловской Калмыцкого окружного училища, на котором присутствовали 42 человека (наказный атаман М. Г. Власов, бакша донских калмыков Джамбо Гинджиков (занимал эту должность до 1869 г.), директор училищ Войска Донского полковник Золотарев, судья Калмыцкого правления войсковой старшина Марков, депутаты и представители от всех сотен улусов). Все участники торжественного открытия внесли в подарок Калмыцкому окружному училищу 285 рублей. В 1845 г. в Калмыцком окружном училище учились 12 человек, в приходском училище – 22 калмыцких детей [26]. А в 1853 г. начались занятия на новом отделении восточных языков при Новочеркасской гимназии, куда имели возможность поступить дети в основном зажиточных калмыков-казаков.

По мере введения донских калмыков в единую управляемую систему Дона, освоения ими одного из основных производящих сфер хозяйства – земледелия, а также перехода к качественному уровню развития культуры – организованному обучению детей в учебных заведениях началась социокультурная трансформация калмыцкой этнической группы на Дону. Однако, несмотря на вхождение в замкнутое военно-служилое сословие – донское казачество, калмыцкий этнос сохранял главные факторы самоидентификации.

В 40–50-х годах XIX столетия донские казаки продолжали нести военную службу в различных регионах страны и участвовать в войнах. По имеющимся отрывочным сведениям по отдельным сотням некоторых улусов, калмыки в составе донских полков несли службу на Кавказской линии, участвовали в военных действиях на Дунае, в Крымской войне (1853–1856 гг.). Только в 1843–1844 годах на Кавказском театре военных действий погибли: из 2-й сотни Нижнего улуса – Мукукен Дарнинов, Мукубен Даржинов, Мукубен Джамбинов, Мукукен Амчинов; из 3-й сотни Среднего улуса – Джембя Семкинкалинов и Иван Доржинов, а 27 калмыков-казаков были ранены. Так, 24 мая и 5 сентября 1852 г. Калмыцкое правление рассмотрело 38 заявлений вдов и сирот, мужа и отцы которых погибли на военной службе, с просьбой оказать им материальную помощь. Всем им была выделена денежная помощь в сумме 251 руб.

В начале 1840-х годов в составе полков Харитонова № 11 и Хрещатицкого № 23 на Кавказе воевали до 30 калмыков, а всего в 1850 г. на Кавказе в 9 полках (№№ 6, 7, 26, 27, 29, 30 и др.) служили 135 калмыков-казаков. Помимо того, в донских полках №№ 25 и 32, дислоцировавшихся в Царстве Польском, несли службу около 40 калмыков. Для поощрения их за хорошую службу Войсковое дежурство в феврале-апреле 1852 г. выделило Калмыцкому правлению 430 руб. 60 коп. серебром. Но Калмыцкое правление эти деньги оприходовало в общую кассу в счет выданных денег в сумме 1123 руб. 12,5 коп. серебром на приобретение лошадей, оружия при отправлении этих же калмыков-казаков на службу.

Перед началом Крымской войны в строевых командах и полках служили 1494 калмыка-казака (в том числе 10 урядников), на внутренней службе в конных и пеших отрядах – 642 человека (в том числе 14 урядников), а на очереди на военную службу состояли 773 человека (в том числе 2 урядника). Отставных калмыков-казаков числилось 1109 (в том числе 41 урядник), малолеток – 511 человек.

По выявленным данным, в Крымской войне приняли участие более 800 калмыков-казаков в составе 32 донских казачьих полков (Сазонова № 1, Чернова № 4, Фомина № 9, Харитонова № 11, Лошакова № 21, Валуева № 22, Хрещатицкого № 23, Шапошникова № 37, Желтоножкина № 38, Андропова № 40, Ульянова № 49, Колдунова № 53, Филина № 55, Золотарева № 56, Тацына № 57, Недрубовского № 60, Жирова № 61, Зарубина № 62, Попова № 65, Краснянского № 66, Маркова № 67, Демьянова № 70, Леонова № 74 и др.), входивших в Западную, Среднюю и Южную армий. Группу донских полков Западной армии возглавлял походный атаман генерал-адъютант граф Ф. В. Орлов-Денисов. В составе только четырехсотенного полка № 61 Жирова воевали калмыки из 1-й, 3-й и 4-й сотен Нижнего улуса Шавиль Санжинов, Кичик Андриянов, Наюшка Марсонкин, Церен Манжигов, Буха Уланов, Узюмче Абушанакоев и др. Этот полк особо отличился 16 марта 1855 г. при отражении атаки у аула Богая передового турецкого конного отряда, вышедшего из Евпатории. Из этих же сотен Нижнего улуса воевали и погибли в Крымскую войну 22 калмыка-казака.

В это время в лейб-гвардии Казачьем его величества полку, находившемся в составе Гвардейского корпуса, прикрывавшего Петербург от возможного десантирования англичан и французов, служил хорунжий Очир-Гаря Шарапов.

Для оказания материальной помощи семьям казаков, погибших в эту войну, и на общественные нужды Донское окружное казначейство в сентябре 1856 г. выделило Калмыцкому правлению 2468 руб. 25 коп. серебром. За проявленные подвиги в Крымской войне Макар Манжиков из 4-й сотни Нижнего улуса, воевавший в составе 4-го Донского казачьего полка, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и бронзовой медалью на Георгиевской ленте, а Габун Чурюмов из этой же сотни и Гуче Басанов из 2-й сотни Верхнего улуса стали Георгиевскими кавалерами. Помимо указанных полков, в Кавказском корпусе находились еще 30 донских казачьих полков [27].

После завершения Крымской войны, упрочения позиций России на Кавказе, ликвидации Кавказских укрепленных линий и военных поселений началась подготовка к проведению различных реформ в государстве, в том числе и на Дону. Прежде всего, донцов коснулись проведенные в 1857 г. военные реформы в российской армии. Казачьи части, находившиеся в строевой действительной службе, были приравнены к регулярным частям армии, которые комплектовались на основании воинской повинности. Срок службы в донских полках, как и в сухопутных войсках, сокращался с 25 до 15 лет. Военное и гражданское управление Дона подчинялось Управлению казачьих войск Военного министерства. В 1858 г. учреждается донское частное коневодство, под которое было отведено 782658 десятин с арендной платой государству 3 копейки с десятины.

В 1859 г. Статкомитет области Войска Донского, готовясь к реформам, уточнил и расписал, охарактеризовав местность, население, все населенные пункты Дона. Калмыцкий округ, правление которого находилось в слободе Ильинской 2-го Донского округа, по-прежнему состоял из 3 улусов (станций), разделенных на 13 сотен, которых Н. А. Краснов сравнивал с волостями. Вблизи проселочной солепровозной дороги в 70 и 45 км от окружного управления располагались: Харьковская – 1-я сотня Верхнего улуса – по правой стороне бал-

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

ки Б. Гашуна и по левой стороне реки Джурак-Сала, общая площадь ее территории составляла 195 кв. км (692 кибитки, мужчин – 1270, женщин – 1290, служилых казаков – 375, табунщиков – 351, отставных – 266, малолеток – 22); Бурульская – 5-я сотня Среднего улуса (на балке Б. Гашун, площадь – 98 кв. км, 185 кибиток, мужчин – 281, женщин – 424, служилых – 77, табунщиков – 73, отставных – 102 казака, малолеток – 6 человек).

Вблизи проселочной татарской дороги от окружного управления находились: Беляевская (в 65 км) – 2-я сотня Верхнего улуса (по левой стороне р. Джурак-Сала, площадь 77 кв. км, 230 кибиток, мужчин – 335, женщин – 373, служилых – 78, табунщиков – 62, отставных – 81, малолеток – 8); Балдырская (в 40 км) – 3-я сотня Верхнего улуса (по левой стороне р. Сала, площадь 76 кв. км, 228 кибиток, мужчин – 334, женщин – 336, служилых – 75, табунщиков – 59, отставных – 70, малолеток – 9); Эркетинская (в 10 км) – 4-я сотня Верхнего улуса (по левой стороне р. Сала, площадь 52 кв. км, 281 кибитка, мужчин – 312, женщин – 296, служилых – 76, табунщиков – 62, отставных – 68, малолеток – 6); Чонусовская (в 16 км) – 1-я сотня Среднего улуса (по левой стороне р. Сала и балки Б. Гашун, площадь 77 кв. км, 361 кибитка, мужчин – 699, женщин – 672, служилых – 165, табунщиков – 141, отставных – 167, малолеток – 12).

Вблизи проселочного линейного тракта в 12 км от окружного управления: Бембедакинская – 2-я сотня Среднего улуса (площадь 160 кв. км, 583 кибитки, мужчин – 964, женщин – 934, служилых – 311, табунщиков – 287, отставных – 189, малолеток – 23).

Вблизи проселочной Сальской дороги находились от окружного управления: Кебютовская (в 45 км) – 4-я сотня Среднего улуса (по левой стороне р. Сала, площадь 98 кв. км, 547 кибиток, мужчин – 950, женщин – 1066, служилых – 231, табунщиков – 201, отставных – 191, малолеток – 13); Геленгекинская (в 35 км) – 3-я сотня Среднего улуса (по левой стороне р. Сала, площадь 108 кв. км, 542 кибитки, мужчин – 936, женщин – 1078, служилых – 302, табунщиков – 274, отставных – 235, малолеток – 17); Бултуковская (в 60 км) – 2-я сотня Нижнего улуса (по левой стороне р. Сала, площадь 110 кв. км, 599 кибиток, мужчин – 1251, женщин – 1230, служилых – 371 (в том числе

1 обер-офицер, 1 урядник), табунщиков – 325, отставных – 256 (в том числе 3 урядника), малолеток – 16).

Вблизи солевозной большой и Сальской проселочной дороги в 50 км от окружного управления: Рынцановская – 1-я сотня Нижнего улуса (по левой стороне р. Сала и балки Б. Куберлы, площадь 150 кв. км, 633 кибитки, мужчин – 1200, женщин – 1203, служилых – 277, табунщиков – 276, отставных – 241 (в том числе 1 обер-офицер, 6 урядников), малолеток – 25).

Вблизи проселочной солевозной дороги находились соответственно в 70 и 90 км от окружного управления: Батлаевская – 3-я сотня Нижнего улуса (по левой стороне р. Сала и балки Рясна, 283 кибитки, площадь 61 кв. км, мужчин – 518, женщин – 550, служилых – 154, табунщиков – 114, отставных – 97, малолеток – 3); Намровская – 4-я сотня Нижнего улуса (по правой стороне р. Маныч, балки Ельмута, у Гремучего колодца, площадь 124 кв. км, 565 кибиток, мужчин – 1290, женщин – 1295, служилых – 314, табунщиков – 309, отставных – 289, малолеток – 20).

Таким образом, по переписи 1859 г. на Дону проживала 5701 калмыцкая семья с общей численностью населения 21162 человека (мужчин – 10433, женщин – 10729). За 13 лет (1846–1859 гг.) за счет образования молодых семей количество дворов увеличилось на 1103, а население всего лишь на 542 человека. Низкий за эти годы прирост калмыцкого населения Н. А. Маслаковец объяснял несовершенством сбора статистических сведений. Помимо этого, основную причину он видел в малом количестве заключаемых браков среди калмыков и в низкой рождаемости. По этим показателям калмыки отставали от остального донского населения в 1,5 раза. Среди калмыков значительное количество было безбрачного мужского населения, то есть духовенства (бакша – 1, гелюнгов – 54, гецулей – 61, манжиков – 60). На 19 мужчин калмыков приходилось 1 духовное лицо, а среди всего донского населения одно духовное лицо – на 154 мужчин.

В 5 калмыцких сотнях (Бурульской, Бембедикина, Рынцынова 2 хурула, Булгуновской, Намровской) имелись крупные хурулы в добротных деревянных зданиях, в 8 сотнях – хурульные кибитки, в которых службу проводили 176 штатных священнослужителей. По свиде-

тельству Кольдонга Соднома, главой буддийского духовенства донских калмыков в это время мог быть Джоолен-лама. По перечневой ведомости 1859 г. в Калмыцком правлении на учете находились служилых: 1 обер-офицер, 10 урядников, 2795 рядовых казаков, из них 2087 находились на строевой и внутренней службах (большей частью табунщиками – 1730 человек), 180 малолеток (с 18 до 20 лет); отставных: 1 обер-офицер, 52 урядника, 2199 казаков, из них продолжали службу 473 человека. 2 обер-офицера и их дети (2 мальчиков и 3 девочек) 1-й и 2-й сотни Нижнего улуса имели статус дворянства [28].

Территория Калмыцкого кочевья, которая по площади равнялась Донецкому округу, составляла 18434 кв. верст, или 388,99 кв. миль. Плотность населения в кочевье была самая малая на Дону (на 1 кв. версту – 1,14, или на 1 кв. миль – 55,54 человека).

Основным видом хозяйственной деятельности донских калмыков по-прежнему являлось экстенсивное скотоводство, которое, достигнув уровня 1848 г., характеризовалось в 1859 г. следующими данными. В Калмыцком округе насчитывалось 34 307 лошадей, из них в табунах находились более 30 тыс., 5 236 волов, 57 959 коров, 63 727 овец, 68 верблюдов. На калмыцкую семью в среднем приходилось: лошадей – 6,2; крупного рогатого скота – 11,5; овец – 11,6 головы, а на душу населения Калмыцкого кочевья: лошадей – 1,6 (на Дону – 0,6), крупного рогатого скота – 3 (на Дону – 1), овец – 3 (на Дону – 2,4) головы. Однако в связи с участвовавшей засухой со второй половины 1850-х годов количество калмыцких семей, занимавшихся хлебопашеством, значительно сократилось. Если в 1853 г. более 200 семей имели 249 плугов и собрали хлеба 5250 четвертей, то в 1856 г. – всего 213 четвертей, в 1858 г. – 2778 четвертей. В 1860 г. было посеяно 691 четверть, из них: пшеницы – 387 четв., ржи – 281 четв., овса – 23 четв., а собрано зерновых всего – 813 четвертей.

К этому времени донские калмыки имели 4 ветряные мельницы, а 55 семьи построили деревянные дома. Однако 5926 семей жили еще в кибитках. На территории округа находились 14 хурулов (5 в деревянных зданиях, 9 в кибитках).

К началу проведения в России реформы 1861 г. в народонаселении и экономике Калмыцкого кочевья на Дону существенных измене-

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

ний не произошло. За 2 года калмыцкое население увеличилось всего на 381 человек и составило в 1861 г. 21 444 человек. Это объясняется, по всей вероятности, низким естественным приростом населения. В течение 1860–1861 гг. родился 1 051 ребенок, а умерло 802 человека. Только в 1861 г. умерло 399 человек, из них детей до 10 лет – 103, а родилось всего 440 ребенка.

По перечневой ведомости на декабрь 1861 г. состав населения Калмыцкого округа был представлен в следующем виде.

Улусы	Муж.	Жен.	Служилые		М/ летки	Отставные			М/лет- ки	Дух.
			Уряд.	Каз.		Офиц.	Ур.	Каз.		
Верхний										
1-я сотня	1271	1285	1	361	23	-	2	290	767	12
2-я	336	374	–	77	7	–	3	73	540	12
3-я	313	328	1	77	5	–	1	74	473	10
4-я	303	305	2	73	5	–	3	71	438	16
Итого:	2223	2292	4	588	40	–	9	508	2218	50
Средний										
1-я	712	674	1	169	10	–	4	153	1037	12
2-я	983	968	–	324	6	–	3	183	1408	7
3-я	962	1083	–	297	22	–	5	208	1503	10
4-я	968	1085	–	216	21	–	6	192	1607	11
5-я	388	423	1	65	12	–	3	92	629	9
Итого:	4013	4233	2	1071	71	–	21	828	6184	49
Нижний										
1-я	1211	1232	4	293	22	1	6	232	1867	14
2-я	1258	1220	3	342	24	1	2	266	1825	13
3-я	550	556	–	146	14	–	4	109	831	12
4-я	1310	1336	1	332	26	–	3	312	1965	17
Итого:	4329	4344	8	111	86	2	15	919	6488	56
Всего:	10565	10879	14	2762	217	2	45	2255	15988	155

Таким образом, по перечневой ведомости 1861 г. в Калмыцком округе насчитывалось 5 926 кибиток, население составляло 21 444 че-

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

ловека, в том числе мужчин – 10 565, женщин – 10 879, а в области Войска Донского проживало 21 996 калмыков (казачье население). В округе находились на учете: лиц духовного звания – 155, служилых обер-офицеров – 2, урядников – 14 и рядовых казаков – 2 762, малолеток 19-летних – 217, малолеток от 1 до 19 лет – 15 988, из них: мальчиков – 5 115 (в том числе 3 детей обер-офицеров дворянского звания), девочек – 10 876 (в том числе дворянского звания – 3). В числе отставных числились 45 урядников и 2 255 рядовых казаков.

13 сотням трех улусов, приравненным по юрту к станицам, в 1862 г. предоставили право станичного самоуправления, осуществляемого в форме схода. На нем решались в основном вопросы распределения земельных угодий общественного пользования (сдача в аренду, отводы на пастбища, сенокосы и т. д.), содержания станичных школ, оказания помощи призываемым казакам на службу и др.

Поголовье скота калмыцких семей на Дону, несмотря на падеж в зиму 1860/1861 г. 2 443 лошадей, 2 632 коровы и 4 229 овец, сохранилось почти на уровне 1859 г. В 1861 г. в улусах Калмыцкого округа насчитывалось: лошадей – 34 781, из них в табунах – 30 011, крупного рогатого скота – 61 296, в том числе волов – 5 080, овец – 63 927, верблюдов – 56. Наибольшее количество скота было сосредоточено в Нижнем улусе: лошадей – 55 %, а табунных – 57,7 %, крупного рогатого скота – 37 %, овец – 52,4 %, верблюдов – 53,6 %.

По улусам и сотням поголовье скота Калмыцкого округа характеризовалось следующими данными.

Улусы	Лошадей	из них в табун	Волов	Коров	Овец	Верблюдов
Верхний						
1-я сотня	1823	1457	419	4223	4323	3
2-я	530	498	300	2240	945	–
3-я	365	284	356	2140	873	–
4-я	703	546	380	2444	2149	–
Итого:	3421	2785	1455	11047	8290	3
Средний						
1-я	1467	1073	470	4218	3515	14

2-я	5891	5285	916	6208	9318	9
3-я	1809	1336	332	3975	2943	–
4-я	2366	1945	224	6410	3005	–
5-я	713	270	428	2888	3378	–
Итого:	12246	9909	2370	23699	22159	23
Нижний						
1-я	5459	4874	320	7148	10465	2
2-я	3109	2688	307	4891	6299	21
3-я	2192	2034	144	2470	2487	–
4-я	8354	7727	484	6961	14227	7
Итого:	19114	17323	1255	21470	33478	30
Всего:	34781	30011	5080	56216	63927	56

В Калмыцком округе, хотя медленными темпами, количество хозяйств, приобщавшихся к хлебопашеству, постепенно возрастало. Если в 1842 г. земледелием занималось 164 калмыцких семей, то к 1861 г. их увеличилось вдвое. Калмыцкие семьи, занимавшиеся хлебопашеством, в 1861 г. посеяли озимых – 299 и яровых – 511 четвертей, собрали урожай соответственно – 1 594 и 3 321 четвертей [29].

4.2. Реформы на Дону в 1860-х годах

В 1861 г. в России произошло историческое событие – отмена многовекового крепостного права, главная стратегическая линия которой заключалась в создании гражданского общества, стимулирующего общее развитие страны. Как часть общей стратегии в империи был проведен цикл реформ, которые коснулись и Земли Войска Донского. В 1866 г., по предложению генерал-майора А. Л. Потапова, помощника по гражданской части войскового наказного атамана П. Х. Граббе, был учрежден в Новороссийске особый комитет для составления положения о земских учреждениях в Донском Войске. В него были избраны представители от всех сословий и от калмыков. Комитет подготовил несколько проектов по проведению земской ре-

формы на Дону, в том числе и в Калмыцком округе (проект в апреле 1867 г. был представлен военному министру). Единственное что было сделано – это в 1868 г. Военный совет приравнял чиновников Калмыцкого правления к чиновникам донских учреждений.

После длительного обсуждения проекты были признаны несостоятельными. На это, видимо, повлияло принятое в мае 1870 г. «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», давшее станичным обществам широкое общественное самоуправление, разделенное на станичные и хуторские правления. Основу самоуправления составляло станичное общество, в которое входили станичные сбор, атаман, правление и суд. В хуторах общественное самоуправление осуществлялось сходом из всех домохозяев старше 25 лет.

В период длительного процесса подготовки реформы управления в Калмыцком округе произошли заметные изменения в народонаселении, экономическом развитии. С 1861 по 1867 г., несмотря на незначительный рост количества семей (всего на 40), население округа увеличилось на 11,5 %, то есть – с 21 444 до 23 918 человек (из них мужчин – 11 968, женщин – 11 950), в том числе детей до 19 лет – 12 172 (50,9 %), взрослых от 19 до 60 лет – 10 597 (48,9 %) человек, от 60 лет и старше – 1 149 (5,2 %) человек. 7 калмыков (мужчин – 3, женщин – 4) по социальному положению относились к дворянам личным, 157 мужчин – к духовенству.

Население улусов и их сотен характеризовалось следующими данными:

Верхний улус: 1-я сотня – всего жителей 3 068 человек (мужчин – 1 533, женщин – 1 534); 2-я сотня – всего жителей 699 человек (мужчин – 329, женщин – 370); 3-я сотня – всего жителей 403 человека (мужчин – 285, женщин – 318); 4-я сотня – всего жителей 692 человека (мужчин – 322, женщин – 370).

Средний улус: 1-я сотня – всего жителей 1 583 человека (мужчин – 787, женщин – 796); 2-я сотня – всего жителей 2 630 человек (мужчин – 1 328, женщин – 1 302); 3-я сотня – всего жителей 2 582 человека (мужчин – 1 289, женщин – 1 293); 4-я сотня – всего жителей 2 087 человек (мужчин – 1 052, женщин – 1 035); 5-я сотня – всего жителей 882 человека (мужчин – 434, женщин – 449).

Нижний улус: 1-я сотня – всего жителей 2 441 человек (мужчин – 1 278, женщин – 1 163); 2-я сотня – всего жителей 2 637 человек (мужчин – 1 333, женщин – 1 304); 3-я сотня – всего жителей 1 213 человек (мужчин – 593, женщин – 620); 4-я сотня – всего жителей 2 800 человек (мужчин – 1 405, женщин – 1 395).

5 880 калмыцких семей продолжало проживать в кибитках, 89 семей жили уже стационарно в деревянных домах, 92 семьи – в домах, построенных из сырцового кирпича. В Калмыцком округе работали 4 ветряные мельницы, что в значительной степени улучшало снабжение населения хлебом.

В экономике улусов по-прежнему преобладало животноводство. Наибольшее развитие получило коневодство в Нижнем улусе, а крупный рогатый скот и овцеводство – в Среднем улусе. Представляемые данные по сотням улусов характеризовали уровень развития скотоводства в калмыцких улусах накануне административной реформы. По предложению «Российского общества покровительства животных» в перечень учета животных были включены сведения о наличии собак и кошек в казачьих семьях (в том числе и в калмыцких), которые учитывались как объекты налогообложения.

Имеются в наличии:

Улусы, сотни	Лошади	КРС	Овцы	Вербл.	Собаки	Кошки
Верхний						
1-я сотня	2039	4776	12945	–	622	89
2-я сотня	365	1615	1705	–	85	63
3-я сотня	380	3040	3970	–	450	111
4-я сотня	569	2364	3656	–	436	137
Итого:	3353	11795	22276	–	1593	397
Средний						
1-я сотня	881	3926	5031	1	540	200
2-я сотня	8399	8042	1952	17	536	367
3-я сотня	2553	3580	3639	–	226	88
4-я сотня	1436	3165	2803	–	215	182
5-я сотня	751	2086	3212	–	553	211
Итого:	14020	20799	25637	18	1770	1048

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

Нижний						
1-я сотня	6230	4680	14850	11	770	637
2-я сотня	4015	4645	6912	3	645	201
3-я сотня	1629	2041	1581	–	120	122
4-я сотня	6702	7387	12880	31	639	135
Итого:	18876	19053	11633	45	2174	1095
Всего:	36249	51347	84146	63	5537	2543

Калмыки активно стали втягиваться в рыночные отношения и в 1868 г. продали уже 4 157 лошадей на сумму 83 140 руб., крупного рогатого скота – 7 427 голов на сумму 148 540 руб., овец – 11 596 на сумму 34 788 руб. и получили доход от продажи скота 266 468 руб. Однако в том же году в калмыцких хозяйствах пало 3 217 лошадей, стоимость которых составила 64 340 руб., крупного рогатого скота – 3 350 на сумму 67 000 руб., овец – 8 173 на сумму 24 519 руб., 1 верблюд стоимостью 50 руб. Убытки от падежа скота составили 155 909 руб. [30].

Земля Войска Донского в 1870 году отметила свое 300-летие. По именному указу Александра II от 21 мая 1870 г., в целях согласования с общепринятыми наименованиями крупных административных территорий в Российской империи, Войско Донское получило новое название – Область Войска Донского. По случаю юбилея донское казачество удостоилось Георгиевского знамени с Александровской лентой и с надписью «В память трехсотлетнего существования Донского казачьего войска» и под орлом «1570 – 1870». На юбилейных торжествах в Новочеркасске присутствовал августейший атаман Донского казачества, государя наследник цесаревич Александр Александрович с супругой Марией Федоровной, цесаревной, августейшей атаманшей.

Судебная реформа в Области Войска Донского без особой волокиты завершилась в 1873 г. Калмыцкий округ был отнесен к ведению Новочеркасского окружного суда (председатель – статский советник Н. В. Римский-Корсаков, товарищ председателя – коллежский асессор М. К. Ханжонков). Окружной суд состоял из уголовного и гражданского отделений (6 чел.), судебных следователей (по Калмыцким

кочевьям – коллежский секретарь М. Д. Сергиенко), канцелярии. В состав приставов входили 8 человек. Прокурорский надзор в округе осуществлялся прокурором – коллежским асессором В. И. Тимофеевским и его 5 товарищами. В округе действовали нотариат (старший нотариус – статский советник Ф. Ф. Сыропятов), мировые судьи, мировые посредники.

В это время в Калмыцком округе в качестве помощников судьи управления полковника Н. И. Машлыкина работали участковые заседатели – полицейские сотники П. И. Дудкин и А. И. Попов, секретарем управления – коллежский регистратор А. Л. Миронов. В эти годы бакшой – высшим духовным лицом донских калмыков – служил Аркад Чубанов (после Коти Баджугинова), а всего духовных лиц по штату числилось 172 человека. В состав управления Калмыцкого округа входили калмыцкие депутаты: от духовенства – гелюнг Пурве Нелистов, от гражданского населения – урядник Ильзете Учуров. В сотнях улусов управление осуществляли избранные на сходах сотники и их помощники.

В том же году (1873 г.) на Дону была проведена перепись населения, церквей, предприятий (заводов, мельниц, кузниц и проч.). До этого времени, на протяжении более двух веков, подсчет калмыцкого населения на Дону носил приблизительный (оценочный) характер в соответствии с общим состоянием методики сбора статистических сведений в стране. Данные материалов переписи 1873 г., проведенной в соответствии с выработанными основными принципами организации переписей населения, носили официальный характер и являлись наиболее достоверными.

Статистический комитет области в 1873 г. переписью охватил следующие категории населения: коренных (постоянных) жителей станиц и волостей, приписанных из других станиц области и губерний, иногородних и иностранцев. Помимо этого, при проведении переписи были учтены наличие церквей, предприятий (заводов, мельниц, кузниц и проч.). В этой переписи поименно, по сословиям, вероисповеданию, возрастам, семейному положению (холост, женатый, вдовый), по роду занятий, грамотности, по состоянию здоровья было охвачено все население области Войска Донского, в том числе

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

и в трех улусах Калмыцкого округа, где проживало 4249 калмыцких семей. Однако в ней не учитывался национальный состав донского населения. Калмыцкое население на Дону по этой переписи можно выделить лишь по вероисповеданию, где они указаны как «ламайцы» (т. е. ламаисты – буддисты).

В данных переписи по вероисповеданию среди коренных жителей округа не оказалось православных, все были отнесены к «ламайцам», хотя к моменту проведения переписи проживало на Дону немало крещеных калмыков-казаков. В 40-х годах XIX века в области войска Донского их числилось почти 1200 человек. В учетные данные переписи по округу трех улусов не вошли 169 калмыков (мужчин – 157, женщин – 12), временно находившихся за его пределами. По улусам они распределялись: Верхний – 39 (мужчин – 36, женщин – 3), Средний – 61 (мужчин – 54, женщин – 7), Нижний – 69 (мужчин – 67, женщин – 2).

В Калмыцком округе коренные жители, по данным переписи 1873 г., составили 18196 человек (9147 мужчин, 9049 женщин), из других станиц и волостей в округе проживало 737 человек, иногородних – 588 человек, иностранцев – 2 человека. Численность коренного населения округа составляла 20997 человек (10688 мужчин, 10329 женщин), в том числе 18253 калмыка (по ведомости переписи – ламайцы: мужчин – 9179, женщин – 9074). Остальное население (2744 человека) округа, прибывшие из других мест, по вероисповеданию относилось к христианам (православные – 2598, единоверцы – 38, раскольники – 108).

По переписи 1873 г. на Дону, если учитывать по конфессии, проживало 23962 калмыка (мужчин – 12198, женщин – 11764), из них в Калмыцком округе – 20997 человек (мужчин – 10668, женщин – 10329), в станицах, хуторах, поселениях на войсковых землях области Войска Донского – 2965 человек (мужчин – 1530, женщин – 1435). Больше всего калмыков проживало во 2-м Донском округе – 1378 человек (мужчин – 711, женщин – 667), из них в поселениях на войсковых землях – 133 (мужчин – 76, женщин – 57).

Значительное количество калмыков проживало и в Черкасском округе – 684 человека (мужчин – 350, женщин – 334), из них в по-

селениях на войсковых землях – 99 (мужчин – 55, женщин – 44); в 1-м Донском – 490 (242 мужчин, 248 женщин); Донецком – 215 (117 мужчин, 98 женщин); Миусском – 162 (мужчин – 91, женщин – 71); Усть-Медведицком – 26 (14 мужчин, 12 женщин); Хоперском – 10 (5 мужчин, 5 женщин) [31].

По этой переписи население Верхнего улуса составляло 4710 человек (мужчин – 2391, женщин – 2319), в том числе ламайцев – 3806, православных – 758, единоверцев – 38, раскольников – 108. В Среднем улусе проживало 7396 человек (мужчин – 3716, женщин – 3680), в том числе ламайцев – 6866, православных – 530; в Нижнем улусе – 8891 (мужчин – 4561, женщин – 4330), в том числе ламайцев – 7581, православных – 1308 человек. Религиозные потребности калмыков в улусах осуществляли 15 хурулов и 3 молельных дома [32].

По вероисповеданию в Калмыцком округе жители распределялись на: православных – 2596 человек (мужчин – 1399, женщин – 1197); единоверцев – 38 (мужчин – 23, женщин – 15); раскольников – 108 (мужчин – 66, женщин – 42); ламайцев (буддистов) – 18253 (мужчин – 9179, женщин – 9074). Кроме них, в других округах области были зафиксированы 2965 ламайцев. Следовательно, в 1873 г. на Дону насчитывалось 21218 ламайцев (буддистов). Среди православных были калмыки, особенно проживавшие вне улусов округа. В связи с этим можно предположить, что в 1873 г. на Дону проживало почти 22 тыс. калмыков. Тогда возникают сомнения о достоверности данных, указанных в книге Н. А. Маслаковца, о численности – 26136 калмыков (из них 13039 мужчин, 13097 женщин) в Калмыцком округе по состоянию на 1871 г. [33]. Разница в количестве калмыков в округе с его данными и материалами переписи составляет 7714 (3703 мужчин, 4011 женщин) человек. Сведения Н. А. Маслаковца о численности калмыцкого населения в округе, возможно, носили оценочный характер, т. е. приблизительный.

По возрастному составу население Калмыцкого округа характеризовалось следующими данными: до 7 лет – 4722 (мальчиков – 2411, девочек – 2311), или 22,5 % всего населения округа; от 7 и до 16 лет – 4573 человек (мальчиков – 2359, девочек – 2214), или 21,8%; от 16 и свыше лет – 11702 человек (55,7 %), из них мужчин –

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

5 898, женщин – 5804. В Калмыцком округе преобладали в основном люди в возрасте от 16 до 45 лет (8887 чел., или 42,3 %, из них мужчин – 4658, женщин – 4229); от 45 до 55 лет – 1495 чел., или 7,1 %, из них мужчин – 716, женщин – 779; от 55 и старше лет – 1320 чел., или 6,3 %, из них мужчин – 524, женщин – 796.

В последней группе в возрасте от 55 до 60 лет было учтено 542 человека (2,6 %, по области – 3,1 %), от 60 до 65 – 262 (1,25 %, по области – 1,7 %), от 65 до 70 лет – 262 (1,25 %, по области – 1,5 %), от 70 до 75 лет – 132 (0,6 %, по области – 0,8 %), от 75 до 80 лет – 74 (0,35 %, по области – 0,5 %), от 80 до 85 лет – 31 (0,15 %, по области – 0,18 %), от 85 до 90 лет – 15 (0,07 %, по области – 0,11 %), от 90 до 95 лет – 1 (женщина), от 95 до 100 лет – 1 чел. (женщина). Судя по возрастному составу, продолжительность жизни калмыцкого населения была ниже, нежели в среднем по Донской области [34].

В материалах переписи представлены ценные сведения о числе жителей округа по семейному состоянию от 16 лет и старше. В этой возрастной группе холостых оказалось 1258 человек (941 мужчина, 317 женщин), или 10,75 % (по области – 11,4 %); семейных (жена-тых) – 8745, вдовых женщин составляло 1163 человек (20 %, по области – 13 %), мужчин вдовых – 536 (9,8 %, по области – 4,5 %). Вдовых женщин по округу и области по сравнению с вдовыми мужчинами превышало в три раза. Это, видимо, объяснялось потерями мужчин в войнах, в которых пришлось участвовать донским казакам.

Население округа в основном представляло казачество – 18 205 человек (9 083 мужчин, 9 122 женщины), или 86,7 %. Все они относились к коренным жителям округа, за исключением 9 казаков. К этому времени в округе проживало уже 427 крестьянских семей в составе 2514 человек (12 % от общего населения), прибывших из донских станиц и волостей – 1505, из других губерний – 1009 человек. По состоянию здоровья калмыцкое население не выделялось из общего населения Дона.

По переписи грамотность у донских калмыков, несмотря на функционирование новых приходских училищ в слободах Большая Мартыновка и Ильинка, была заметно ниже, чем у остального населения Дона. В Калмыцком округе грамотных детей от 7 до 16 лет

имелось: мальчиков – 94 человек (общий показатель 4 % (в Верхнем улусе – 6,2 %, Среднем – 6,3 %, Нижнем – 1,1 %), по области – 10 %); девочек – 27 человек (1,2 % (Верхнем улусе – 1,2 %, Среднем – 2,6 %, Нижнем – 0 %), по области – 3 %).

В Калмыцком округе грамотность в возрастной группе жителей от 16 до 100 лет характеризовалась следующими данными: мужчин – 353 чел. (6 % (в Верхнем улусе – 6,5 %, Среднем – 6,2 %, Нижнем – 5,5 %), по области – 21 %); женщин – 87 чел. (1,5 % (Верхнем улусе – 2,67 %, Среднем – 2,4 %, Нижнем – 0,08 %, по области – 3,2 %) [35].

Помимо наиболее полных и достоверных информации о демографической статистике, в материалах переписи даны ценные сведения о начале развития новых видов для калмыков отраслей хозяйствования и трудовой деятельности. В начале 70-х годов XIX века в Калмыцком округе значительное развитие получило земледелие. В нем было занято, по данным переписи, 3360 (1709 мужчин, 1651 женщина) человек в возрасте от 16 лет и старше, в том числе 2054 коренных жителей, остальные пришлые (в основном крестьяне) из других станиц области и губерний. Земледелие было развито преимущественно в сотнях Среднего и Нижнего улусов, которые располагали соответственно 347 и 332 плугами, 2373 и 2646 парами волов. Землепашеством в Верхнем улусе занимались жители лишь первой сотни. Поэтому все имеющиеся в округе 11 мельниц (8 ветряные и 3 водяные) находились в Среднем и Нижнем улусах. Помимо этого, в Нижнем улусе имелись кузница и 4 торговые лавки. Мелкой торговлей и в качестве ремесленников в Калмыцком округе трудились всего 30 человек, из них работали плотниками 18 человек, остальные – в собственных торговых лавках [36].

Большая часть населения калмыцких улусов продолжала по-прежнему заниматься животноводством. В 13 сотнях трех улусов имелось: 45550 лошадей (в Верхнем улусе – 5852, Среднем – 17711, Нижнем – 21987); 11128 волов (Верхнем – 1090, Среднем – 4747, Нижнем – 5292); 57711 голов крупного рогатого скота (Верхнем – 13371, Среднем – 22523, Нижнем – 21817); 100890 овец простой породы (Верхнем – 18856, Среднем – 30277, Нижнем – 51757). Разведением овец тонкорунной породы (5456 голов) занимались жители лишь 3-й сотни Нижнего улуса [37].

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

Пока шла переписная кампания истекли сроки полномочий членов Калмыцкого правления, сотенных и их помощников, приказных хотонов, избранных на три года в 1870 г. В связи с этим наказный атаман Войска Донского М. И. Чертков поручил судье Калмыцкого правления войсковому старшине Готову организовать и провести в декабре 1873 г. в Калмыцком кочевье выборы на указанные должности.

По результатам выборов были избраны кандидаты в депутаты Калмыцкого правления, в сотники и их помощников, которые стали легитимными после утверждения наказным атаманом, в приказные хотонов – после утверждения Калмыцким правлением. Ниже представляется список депутатов Калмыцкого правления, сотников и их помощников, избранных обществами и утвержденных наказным атаманом Войска Донского на срок полномочий – 1874–1876 гг.

Название улусов и сотен	Избранные и утвержденные кандидаты в депутаты Калмправления	Число баллов, из них		
		общее	«за»	«против»
	от духовенства			
Средний улус				
от 5-й сотни	гелюнг Лавга Грицков	13	12	1
от 2-й сотни	гелюнг Лузан Абушинов	13	10	3
от 1-й сотни	гелюнг Ерембель Палтинов	13	10	3
	от граждан	3	4	5
Средний улус				
от 1-й сотни	урядник Мурзук Николаев	13	12	1
	казак Намса Манжигов	13	10	3
	урядник Нимгир Манунинов	13	8	5
	В сотенные сотники			
Верхний улус				
1-й сотни	урядник Дмитрий Цакиров	183	172	11
	казак Боромогна Малдованов	183	151	32
	казак Букта Альчинов	183	133	50
	в помощники сотника			
	урядник Буонтук Менков	183	167	16
	казак Мокман Некединов	183	141	42
	казак Сергей Дженгуров	183	97	86
	казак Андрей Санжинов	183	93	90

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

2-й сотни	В сотенные сотники			
	урядник Учур Немгиров	74	70	4
	казак Савалдык Чурюмов	74	43	31
	в помощники сотника			
	урядник Така Балданов	74	70	4
	казак Даржа Хурсаков	74	69	5
	казак Семен Ланцынов	74	53	21
	казак Семен Сесенов	74	48	26
3-й сотни	в сотенные сотники			
	урядник Корней Боваков	76	69	7
	урядник Бука Бастинов	76	59	17
	казак Цедин Сарманджинов	6	44	32
	в помощники сотника			
	казак Худжурта Бурвинов	76	65	11
	казак Цеден Зодбинов	76	62	14
	казак Намро Ильзятинов	76	49	27
	казак Бавук Чурюмов	76	45	31
4-й сотни	в сотенные сотники			
	урядник Ильзете Учуров	93	65	28
	урядник Василий Чурюмов	93	62	31
	урядник Ермеле Цебеков	93	58	35
	в помощники сотника			
	урядник Сармада Ушанов	93	88	5
	казак Сармада Чулушов	93	68	25
	казак Намро Саранов	93	66	27
	казак Санжа Джамбинов	93	60	33
Средний улус	в сотенные сотники			
1-й сотни	урядник Бата Шуваринов	141	137	4
	казак Ургадул Манжиков	141	87	54
	урядник Василий Гансуков	141	84	57
	в помощники сотника			
	казак Илюмжа Емченев	141	115	26
	урядник Бурбе Укурчинов	141	114	27
	казак Василий Шунхуров	141	89	52
	казак Хулхаче Хокшанов	141	75	66
2-й сотни	в сотенные сотники			
	казак Даржа Акугинов	181	143	38
	урядник Церен Ушанов	181	124	57
	казак Умас Порсункинов	181	110	71

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

	в помощники сотника			
	казак Шавель Сангилов	181	163	18
	урядник Нарма Дамбинов	181	158	23
	казак Басан Усунцынов	181	140	41
	казак Наста Балюгинов	181	124	57
3-й сотни	в сотенные сотники			
	урядник Бурмота Бурчусов	211	157	54
	урядник Цеден Джамбинов	211	155	56
	урядник Даржа Абушинов	211	131	80
	в помощники сотника			
	казак Илюмжа Ласкутов	211	178	33
	казак Илюмжа Александров	211	160	51
	урядник Кецанка Бургуков	211	142	69
	казак Пюрва Джежинов	211	138	73
4-й сотни	в сотенные сотники			
	урядник Нохашка Саранов	174	158	16
	урядник Усурсак Лялин	174	143	31
	урядник Кашар Салкин	174	123	51
	в помощники сотника			
	казак Басан Джембинов	174	136	38
	урядник Турлак Абушинов	174	136	38
	казак Василий Талушов	174	116	58
	урядник Башкан Жиров	174	110	64
5-й сотни	в сотенные сотники			
	урядник Баян Басанов	110	96	14
	урядник Чуке Мелютинов	110	68	42
	урядник Менгун Шарапов	110	68	42
	в помощники сотника			
	казак Сюке Ярморкин	110	91	19
	казак Долонта Кульманов	110	88	22
	казак Григорий Аракбинов	110	63	47
	казак Илюмжа Малунов	110	59	51
Нижний улус				
1-й сотни	в сотенные сотники			
	коллежский регистратор Андрей Васильев	202	202	—
	урядник Джаш Малунов	202	160	42
	казак Бадма Даржинов	202	116	86
	в помощники сотника			
	урядник Поляк Рынцынов	202	188	14

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

	казак Матвей Шургучов	202	170	32
	казак Мак Михайлов	202	157	45
	урядник Цеден Дженгуров	202	148	54
2-й сотни	в сотенные сотники			
	коллежский регистратор Саксык Мангатов	212	178	34
	казак Александр Мангатов	212	146	66
	казак Буюнтук Тепкин	212	142	70
	в помощники сотника			
	казак Евге Евтухов	212	186	26
	казак Бембе Асралинов	212	147	65
	казак Буюнтук Басанов	212	132	80
3-й сотни	в сотенные сотники			
	казак Амулеш Джамбинов	123	95	28
	казак Адуча Манунинов	123	80	43
	урядник Немгур Манунинов	123	79	44
	в помощники сотника			
	урядник Букта Улюков	123	84	39
	урядник Иван Игнатов	123	79	44
	казак Джон Меньков	123	64	59
4-й сотни	в сотенные сотники			
	урядник Гуржа Урусов	174	169	5
	казак Мухла Куринов	174	111	63
	казак Пранцуз Чемчинов	174	93	81
	в помощники сотника			
	урядник Саркундан Андреев	174	169	5
	казак Чубан Меджинов	174	152	22
	казак Кагн-Даржа Абушинов	174	96	78
	урядник Саха Микулинов	174	93	81

Претенденты, указанные в первой строке, как набравшие наибольшее количество баллов (голосов), в январе 1874 г. были утверждены наказным атаманом Войска Донского генерал-лейтенантом М. И. Чертковым в должностях 13 сотников в сотнях и 13 их помощников, остальные утверждались кандидатами на эти должности [38].

Особый комитет, вновь приступивший в 1871 г. к подготовке земской реформы на Дону, в том же году представил в соответствующие ведомства новый проект. Однако его рассмотрение и обсуждение в недрах министерств и Государственного совета затянулось до

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

мая 1875 г. Лишь в июне 1875 г. император Александр II утвердил окончательные варианты «Положения о введении в Области Войска Донского земских учреждений» и «Правил применения к Области Войска Донского положения о земских учреждениях». Предусматривалось образовать в Области Войска Донского двух видов земских учреждений: областные, соответствующие губернским, и окружные. В них предлагалось проводить выборы гласных в окружные земские собрания с учетом особенностей Области по 5 куриям: от землевладельцев при наличии не менее 200 десятин; торгового сословия – лица, торгующие в округе по купеческим свидетельствам; станичных обществ, сельских обществ и сотенных калмыцких обществ.

В соответствии с данным Положением в 1875 г. в Калмыцком округе были сформированы местные органы управления. В 1–4 сотнях Верхнего улуса (Харьковской – 692 кибитки, 2560 чел., Беляевской – 255 киб., 712 чел., Балдырской – 210 киб., 647 чел., Эркетинской – 257 киб., 697 чел.) состояли сотниками урядники Купро Давгинов, Учур Немгиров, Бук Бастинов и Чубарь Цебеков;

В 1–5 сотнях Среднего улуса (Чунусовской – 379 киб., 1 382 чел., Бембедакинской – 612 киб., 1 945 чел., Геленгякинской – 567 киб., 2 307 чел., Кебютовской – 255 киб., 2 045 чел., Бурульской – 184 киб., 800 чел.) сотниками были избраны урядники Илюмжа Емгенов, Урсяк Лялин и Пюрве Ярморкин, казаки Урсяк Царенкинов и Суюке Джеоджинов;

В 1–4 сотнях Нижнего улуса (Рынцановской – 640 киб., 2 436 чел., Бултуковской – 599 киб., 2 481 чел., Батлаевской – 297 киб., 1 102 чел., Намровской – 578 киб., 2 652 чел.) – урядники Матвей Шургучиев, Бака Чангинов и Матвей Манунинов, казак Басан Утилинов. Таким образом, в Калмыцком округе насчитывалось 5 525 кибиток с населением 21 766 человек.

Исходя из численности населения станицы, количество гласных от каждой станицы устанавливал наказный войсковой атаман. В гласные не могли быть избраны войсковой атаман и его помощник по гражданской части, члены областного правления, лица прокурорского надзора, члены местной полиции и калмыцкого правления, начальник штаба войска Донского и его помощник, атаманы воен-

ных отделов. Окружные гласные от станичных обществ избирались на сходах из лиц, имеющих право голоса на этих сходах. В гласные от калмыков могли быть избраны не только лица, имеющие право голоса на калмыцких сотенных сходах, но и члены избирательных съездов, окружных землевладельцев, торгового сословия, станичных и сельских обществ [39].

Калмыцкий округ по реформе был причислен к 1-му Донскому округу и представлял в нем 3 депутатами, избираемыми на улусных съездах по 1 от каждого улуса. Улусные съезды составлялись из выборщиков, избранных на сотенных сходах. Число выборщиков от сотни не должно было превышать одной тридцатой части общего числа лиц, имеющих право участвовать на сходе. Открытие избирательных сходов в станице, избирательных съездов от калмыцких и сельских обществ, организация избрания председателей этих форумов возлагалось на участковых мировых судей.

По новому положению о реформе в 1876 г. на Дону было сформировано Областное земское собрание в количестве 55 гласных. В 1-е Донское окружное земское собрание были избраны 49 человек, в том числе 3 депутата от трех калмыцких улусов (станций). Однако через год число гласных от Калмыцкого округа увеличилось до 4 за счет 1 депутата, назначенного «для защиты интересов калмыцкого населения» войсковым наказным атаманом из числа людей, знающих жизнь и быт калмыков. Земские учреждения Дона, в отличие от губернских (подчинялись МВД), находились в ведении Главного управления иррегулярных войск Министерства военного. Наказный войсковой атаман в отношении земских учреждений наделялся полномочиями губернатора.

Предусматривалось, что казачьи станицы и калмыцкие сотни несут земские повинности наравне с сельскими обществами, в том числе и по денежным сборам на содержание земских управ. Хлебные запасы в станицах определялись в соответствии с нормами, установленными в 1870 г. для сельских обществ. Для калмыков, не имеющих общественных хлебных запасов, предлагалось образовать особый денежный продовольственный капитал посредством ежегодного с них сбора в размере, определенным Областным земским собранием. На-

копленный капитал должен был достаточен на покупку хлеба в размере из расчета 1,5 четверти на душу мужского калмыцкого населения. А губернский продовольственный капитал должен был формироваться за счет отчислений по 48 коп. с каждого мужского пола из следующих источников: а) за крестьянское население Области из общего по империи продовольственного капитала – по распоряжению министра внутренних дел; б) за казаков – из капитала общественного призрения 1-го разряда; в) за калмыков – из особого общественного калмыцкого капитала [40].

Ко времени проведения земских реформ (1875 г.) на Дону проживало 28 443 калмыка (мужчин – 13 154, женщин – 15 289). По проекту реформы 1876 г. предусматривалось образовать в Калмыцком округе вместо 13 сотен 7 станиц, в том числе 6 (Бородинская, Тарутинская, Малоярославская, Березинская, Полоцкая, Смоленская) станиц с названием мест сражений в Отечественную войну 1812 г., в которых принимали участие калмыки-казаки, и 1 станицу имени генерала М. И. Платова, под командованием которого они сражались. В результате этой реформы и межевания границ новых станичных юртов значительно (на 43 %) сокращалась территория Калмыцкого округа (в 1870 г. – 1 037 183 десятин) и составила 572 786 десятин, наполовину уменьшилась норма душевого надела земли на служилое мужское население (13 154 чел.). Что существенно ограничивало возможности ведения пастбищного скотоводческого хозяйства. Хотя за последнее 15-летие (1861–1876 гг.) в Калмыцком кочевье поголовье скота увеличилось со 159 364 до 213 593 голов (лошадей – 34 908, КРС – 72 492, овец – 106 044, верблюдов – 109), то есть на 34 %. А лошадей за последние три года уменьшилось на 10 642 (на 23,4 %). За этот период денежный капитал Калмыцкого управления возрос в 3,4 раза и составил 86 749 рублей.

Наиболее выгодным занятием донских калмыков в экономическом отношении являлось крупное рогатое скотоводство и коневодство, поскольку их рыночная стоимость была весьма высокая. Например, пара волов стоила от 60 до 80 руб., корова – от 15 до 25 руб., пуд масла – 10 руб., верховая лошадь – 45 руб. и упряжная – от 20 до 30 руб., пуд говядины (из быка калмыцкой породы в среднем получа-

лось от 11 до 13 пудов мяса, жира – от 3 до 4 пудов) и баранины – 4–5 руб., а овца всего – от 2 до 3 руб., пуд шерсти – 3 руб. (для сравнения: колесо для телеги стоило 8–10 руб.).

Практика показывала, что не менее выгодно заниматься и земледелием (четверть пшеницы стоила 5–6 руб., ячменя – 2–3 руб.). Поэтому в эти годы заметно начинает развиваться в Калмыцком кочевье земледелие. В 70-х годах интенсивно начинают заниматься хлебопашеством сотни Верхнего улуса. 427 калмыцких семей этого улуса (всего 2054 чел. из них мужчин – 1005, женщины – 1049), занимавшихся хлебопашеством, располагали 824 плугами и значительным количеством волов. В остальных двух улусах земледелием занимались большей частью пришлые крестьяне, арендуя земли у калмыков.

В урожайный 1870 г., по имеющимся отрывочным данным, калмыки собрали 28488 четвертей (почти 5700 т), а для удовлетворения потребностей калмыцкого населения, по расчетам Статистического комитета области, требовалось 70 т зерна и 23 т на семенной фонд. Для этого надобно было засеять по 2 дес. на каждую душу калмыцкого населения. В сотнях Среднего улуса собрали по 7,5 четвертей на кибитку, а Верхнего улуса – всего по 3 четв. хлеба. В связи с развитием земледелия в округе начали строить мельницы. В Калмыцком округе, как выше отмечено, насчитывалось 11 мельниц.

В 1875 г. в калмыцких улусах функционировали 16 хурулов в деревянных зданиях, 155 семей уже жили в деревянных домах и 756 семей в домах, построенных из сырцового кирпича. Все эти факты свидетельствовали об интенсивном переходе калмыков на Дону к оседлому образу жизни, о приобщении их к новым видам хозяйственной деятельности, расширении источников их благосостояния [41].

Однако, несмотря на то, что в 1875 г. калмыки посеяли хлеба озимого 2387 четвертей и 5,5 меры, ярового – 2717 четв. и 3 меры, всего 6015 четв. и 5 меры, а собрали урожай с озимых в результате засухи всего 6059 четв, с яровых засевов – 6943 четв. и 3,5 меры, всего лишь 13003 четв. и 3,5 меры. Собранного хлеба на душу калмыцкого населения составило только 3,75 меры. В связи с засухой в 1874 и 1875 годах некоторые сотни Среднего и Нижнего улусов оказались в трудном положении. Им нужны были средства в сумме 8005 руб. на

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

покупку 30 четвертей хлеба для жителей и фуража. Областная комиссия народного продовольствия, рассмотрев положение дел в 4 сотнях указанных улусов, вошла с предложением в Областное правление выделить потребную сумму из Калмыцкого общественного капитала. Кроме того, по просьбе Донского областного правления Главное управление иррегулярных войск министерства военного отсрочило еще на год уплату ранее полученные средства в сумме 21817 руб. из Калмыцкого капитала с 3-х процентным начетом. В том же году Донское областное правление и Главное управление иррегулярных войск оказали помощь калмыцким улусам в обеспечении снаряжением призываемых калмыков на службу [42].

В результате военной реформы в 1875 г. на Дону была введена всеобщая воинская повинность, за исключением священнослужителей и сельских учителей. В соответствии с «Положением о военной службе казаков Донского войска» и «Уставом о военной повинности Донского войска» срок службы устанавливался 20 лет и казаки с 18 до 38 лет стали считаться военнообязанными (служилыми). 18 – 20-летние казаки (бывшие малолетки) состояли в «приготовительном» разряде, где казаки получали предварительную подготовку к военной службе. По достижении 18-летнего возраста все казаки со своей строевой лошадей зачислялись на службу в подготовительный разряд. В течение трех лет юноши готовились к службе в своих станицах и в лагерных сборах. За это время они обязаны были приготовить обмундирование и снаряжение до выхода на службу.

В возрасте 21 года они переходили на действительную службу (строевой разряд), которая подразделялась на 3 очереди по 4 года (1-я находилась на службе, 2-я и 3-я – «на льготе»). После этой службы они переводились в запасной разряд на 5 лет (33-38 лет). По выслуге лет они должны были зачисляться в ополчение, где состояли все казаки, способные носить оружие, не принадлежащие к «служилому составу» [43].

В начале июля 1877 г. Александр II утвердил Положение «Об административных изменениях Калмыцкого округа и о развитии среди калмыков начального образования», проект которого был подготовлен Военным советом. В соответствии с этим Положением пе-

реименовывались названия 7 калмыцких станиц в фамилии бывших известных донских войсковых атаманов. Однако в разгар проводимой реформы началась одна из последних войн XIX в., которую вела Россия, – Русско-турецкая война (1877–1878 гг.), разразившаяся в результате политического кризиса на Ближнем Востоке.

Россия поддержала национально-освободительное движение угнетенных Турцией народов на Балканах. В составе Российской армии на балканском театре военных действий (главнокомандующий – великий князь Николай Николаевич) находились 53 донских казачьих полка (лейб-гвардии Казачий его величества полк, лейб-гвардии Атаманский его высочества государя наследника цесаревича полк, полки № 1 Кутейникова, № 4 Власова, № 7 Янова, № 8 Желтоножкина, № 9 Нагибина, № 10 Ледкова, № 11 Попова, № 12 Хрещатицкого, № 13 Попова, № 15 Дудкина, № 16 Слюсарева, № 17 Варламова, № 18 Измайлова, № 21 Курнакова, № 23 Бакланова, № 24 Шамшева, № 26 Д. Краснова, № 29 Пономарева, № 30 М. Грекова, № 31 Рубашкина, № 34 Короченцова, № 35 Черевкова, № 36 Калинина, № 37 Иловойского, № 39 Грекова, № 40 Дмитрова, № 41 Н. Краснова и т. д.) и 24 артиллерийские батареи (лейб-гвардии 6-я донская, № 2 Рытикова, № 4 Персиянова, № 5 Калинина, № 8 Власова, № 9 Золотарева, № 10 Салунскова, № 11 Ледкова, № 13 Фомина, № 14 Курапова, № 15 Дудкина, № 16 Рудакова, № 17 Маркова, № 21 Дукмасова и т. д.). Общая численность личного состава полков и батарей достигала до 50 тыс. человек, в том числе до 950 калмыков-казаков.

Вместе с донскими казаками калмыки участвовали в первые же дни войны в захвате важного стратегического пункта – моста на реке Серет в низовьях Дуная, а затем 27 июля 1877 г. в форсировании Дуная и занятии города Систово. 5 июля отряд генерал-адъютанта И. Т. Гурко численностью до 12 тыс. человек, в том числе более 3-х тыс. донских казаков (5 полков и 5 батарей) разбил турецкие войска и занял город Казанлык, через два дня – Шипкинский перевал.

В последующие месяцы они обороняли Шипку, участвовали в штурме Плевны, которая пала 28 ноября с турецким гарнизоном во главе с Осман-паши. В плен были взяты 45 тыс. турок, 10 паши, около 2 тыс. офицеров, 77 орудий. Отличившийся в этих боях полк № 30

Грекова получил Георгиевское знамя с надписью «За Шипку, Ловчу, двукратный переход через Балканы и взятие 60 орудий при Караджиларе в 1877–1878 гг.».

Одновременно в этот период российские войска (главнокомандующий – великий князь Михаил Николаевич) вели боевые действия в Закавказье. Отряд генерала М. Т. Лорис-Меликова в октябре – ноябре 1877 г. успешно атаковал и взял крепости Ардаган, Баязет и Карас. Но успех войны решался на Балканах. В январе 1878 г. русские войска заняли Софию, Шипку, Пловдив, Адрианополь. Война закончилась разгромом турок и подписанием мирного договора в марте 1878 г. Окончательно её итоги были подведены 13 июля того же года на Берлинском конгрессе [44].

Примечания:

1. РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 241. Л. 15, 16, 39–40; Записки донского атамана Денисова. СПб., 1999. С. 187.
2. РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12. Л. 25, 55; Д. 38. Л. 575, 581; Д. 357. Л. 64–68; Д. 182. Л. 8; Д. 241. Л. 204, 241; Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 16. Л. 83, 85; Ф. 383. Оп. 29. Д. 114. Л. 15; *Лесин В. И.* Генерал Ермолов. М., 2011. С. 317, 318, 349, 351, 375, 383, 384, 391, 392.
3. ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 238. Л. 3–4, 4 об., 5.
4. Кабузан В. М. Народонаселение России с XVIII – пер. пол. XIX в. М., 1963. С. 225; Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. С. 96, 161, 188, 189, 198; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12. Л. 86; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1729. Ч. 1. Л. 159; Ч. 2. Л. 339, 343; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 16. Л. 83, 94–96, 99.
5. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 16. Л. 98 об.; Оп. 3. Д. 66. Л. 6 об.; Ф. 383. Оп. 29. Д. 56. Л. 1–20; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 357. Л. 337; Д. 358. Л. 6–12, 119; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 76–76 об.
6. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 16. Л. 83–84, 85–86, 131–133, 146, 157; Д. 17. Л. 83–86; Оп. 3. Д. 66. Л. 30.
7. *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа ... С. 334, 342, 343, 345; *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. С. 17, 50; *Номикосов С.* Статистическое описание Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 338, 342; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 68. Л. 3, 5; Оп. 3. Д. 4. Л. 1.
8. ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–4 об., 5, 8, 10, 15–29, 37–37 об., 38–38 об., 47–47 об.
9. РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 358. Л. 6–12, 204; Д. 359. Л. 1, 61, 46–54; *Казин В. Х.* Указ. соч. С. 106.

10. ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 72. Л. 2, 3; Д. 359. Л. 1. 2, 8; Д. 360. Л. 2; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 359. Л. 50–54; *Казин В. Х.* Указ. соч. С. 106.
11. ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 14. Л. 2, 6; Д. 79. Л. 2; Д. 81. Л. 2 об.; Д. 367. Л. 2; Оп. 3. Д. 3. Л. 218–237; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 359. Л. 231.
12. ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 96. Л. 4, 9; Д. 361. Л. 3.
13. ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 352. Л. 1, 7.
14. ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–85; Д. 81. Л. 2–2об.; Д. 87. Л. 1–2; Д. 100. Л. 5, 19; Д. 367. Л. 1–2; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 120–121; *Краснов Н. А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Земля Войска Донского. СПб., 1863. С. 244; РГИА. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 66. Л. 6–7, 29, 32.
15. *Ходецкий С. М.* Очерки земли Войска Донского. Материалы для хозяйственной статистики. СПб., 1853. С. 74; Труды Донского войскового статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1867. С. 120; *Басов А. Ф.* Указ. соч. С. 9–10.
16. ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 790. Л. 4–17; Оп. 3. Д. 7. Л. 2, 3.
17. Там же; Донские областные ведомости. 1876. № 56 (Неофициальная часть).
18. ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 10–11, 36, 77; Д. 19. Л. 21–22, 23; Оп. 1. Д. 1379. Л. 1–2, 111–112, 153–154, 159; Оп. 2. Д. 11. Л. 1–2.
19. ПСЗ Российской империи. Т. XXI. Ч. 1 (1846). № 19820. С. 329–331.
20. ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 10–11; Оп. 1. Д. 1983. Л. 1–7, 14–19; Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 57–58.
21. ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 12–13, 20–21, 28–29.
22. ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 12–13, 20–21, 28–29, 43, 109; *Краснов Н. А.* Военное обозрение земли Войска Донского. СПб., 1864. С. 245; *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. С. 62.
23. *Басов А. Ф.* Указ. соч. С. 10; ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 12–13; Д. 19. Л. 24, 25; Д. 34. Л. 115, 118, 156–157, 169, 189; Оп. 1. Д. 1980. Л. 33–33об., 34–34 об.
24. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 311. Л. 9–10; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1313. Л. 1–1об.; Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1867. С. 120.
25. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 311. Л. 1–3.
26. Там же. Л. 8–14.
27. ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 27. Л. 49–54, 56–93, 154; Д. 31. Л. 64–65, 72, 137–143; Д. 32. Л. 8–9, 12–13, 16; Д. 35. Л. 3–4, 8, 13, 21–25; Д. 56. Л. 12 об.; Д. 62. Л. 63; Оп. 2. Д. 26. Л. 1, 3, 14, 20–22; Д. 80. Л. 17–18; Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858. С. 221–479; *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. С. 43.
28. Земля Донского Войска. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864. С. 98–99; *Краснов Н. А.* Материалы для географии и статистики России ... С. 243; *Его же.* Военное обозрение земли Войска Донского. С. 187. *Кольдонг С.* Судьба донских калмыков, их веры и духовенства. Издание автора. USA. 1984. С. 66.

Глава IV. Калмыцкий округ в составе Войска Донского

29. *Краснов Н. А.* Материалы для географии и статистики России ... С. 244; *Маслаковец Н. А.* Указ. соч. С. 62; ГА РО. Ф. 309. Оп. 2. Д. 31. Л. 4–5, 6, 10, 13 об., 14 об., 15 об.; Ф. 353. Оп. 1. Д. 82. Л. 5 об. – 6; Земля Донского Войска. Список населенных мест ... С. VI, XVII–XVIII.
30. ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 132. Л. 3; Д. 150. Л. 1 об. – 2, 11 об. – 12, 13 об. – 14, 15–17.
31. Область Войска Донского по переписи 1873 года. Изд. областного Войска Донского статистического комитета. Под ред. члена-секретаря С. Номикосова. Вып. 1. Кн. 1. Новочеркасск, 1879. С. 508, 517, 522, 552.
32. Там же. С. 712–713.
33. *Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск, 1874. С. 30.
34. Область Войска Донского по переписи 1873 года. Вып. 1. Кн. 2. С. 1080–1081.
35. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XXII. Часть II. Изд. Главного управления иррегулярных войск. СПб., 1877. С. 71–72; ПСЗ Российской империи. Собр. 2. СПб., 1874. Т. 45. Отд. 1. № 48387; *Краснов Н. А.* Военное обозрение ... С. 279, 288, 303, 320, 332, 347–348; Область Войска Донского по переписи 1873 г. Изд. Областного Войска Донского Статистического комитета. Под ред. члена-секретаря комитета С. Номикосова. Новочеркасск, 1879. Вып. 1. Кн. 1. С. 30, 36–37, 160, 508, 517, 522, 552, 712–713, 836–837; Вып. 2. Кн. 3. С. 128, 259, 384; Вып. 4. Кн. 5. С. 42, 46, 50.
36. Область Войска Донского по переписи 1873 года. Вып. 2. Кн. 3. С. 512–513, 758–759.
37. Список населенных мест области Войска Донского по переписи 1873 года. Новочеркасск, 1875. С. 273 – 274.
38. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1126. Л. 1, 2, 3, 12–13, 14–14 об., 15–15 об., 16–16 об., 17–17 об., 18–18 об., 19–19 об., 20, 21.
39. Донской календарь на 1876 год (высокосный). Составитель и издатель Ф. Траилин. Новочеркасск, 1875. С. 6, 10, 30; *Волвенко А. А.* Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области Войска Донского (1864–1882 гг.) / Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 196 – 213.
40. Донской календарь на 1876 год ... С. 28 – 31.
41. ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 861. Л. 16 – 16 об.; Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 46 об., 50; Номикосов С. Указ. соч. С. 448, 463, 478, 480, 643; Статистическое обозрение Войска Донского за 1868 год. Новочеркасск, 1869. С. 23, 35–36; Область Войска Донского по переписи 1873 г. ... Вып. 2. Кн. 3. С. 512–513; Вып. 3. Кн. 4. С. 358–359.
42. Донские областные ведомости. 1876. № 56 (Неофициальная часть). С. 3; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1295. Л. 1–6; Д. 1339. Л. 1–3.
43. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3226. Л. 3–3 об., 4, 3; *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 26–27.
44. Краснов П. Н. Указ. соч. С. 391–394; *Пашков Б. Г.* Указ. соч. С. 495–502; Донско-Азовский календарь на 1889 г. Редактор-издатель И. А. Тер-Абрамиан. Ростов-на-Дону, 1889. С. 126.

Глава V.

ОБРАЗОВАНИЕ САЛЬСКОГО ОКРУГА И ПРИЧИСЛЕНИЕ К НЕМУ КАЛМЫЦКИХ СТАНИЦ

5.1. Подготовительные мероприятия к образованию нового округа на Дону

В эти годы в администрации Донской области развернулась активная работа по организации нового округа – 8-го округа под названием Сальского. Документы свидетельствуют, что идея создания Сальского округа возникла еще в конце 1860-х годов при подготовке реформы управления, поземельного устройства калмыков Астраханской губернии, отмены обязательных отношений в калмыцком обществе, а также с принятием 21 апреля 1869 г. Государственным советом Положения о поземельном устройстве в казачьих станицах. В 6-й статье этого Положения указывалось: «В Войске Донском, из земель, занимаемых калмыками сего Войска, отделяются постепенно, по мере надобности, в распоряжение войска, для надела станиц землею в установленной пропорции, особые участки, до тех пор, пока калмыкам не останется удобной земли по сорока десятин на душу мужского пола. Этою землею калмыки владеют общественно, на том же основании, как и казаки», то есть она не могла «выходить из владения станичного общества в чью либо личную собственность».

При рассмотрении в сентябре и октябре 1870 г. этих вопросов в Комиссии при Министерстве государственных имуществ в составе товарища министра госимуществ статс-секретаря князя Оболенского (председатель), представителей министерств внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, путей сообщения, военного, главного попечителя калмыцкого народа и члена Астраханского губернского по крестьянским делам присутствия Главное управление иррегулярных войск министерства военного внесло предложение обсудить вкупе с астраханскими вопросами и аналогичные проблемы донских калмыков. Однако министерство госимуществ, ссылаясь на Положение от 13 мая 1870 г. об общественном управлении в казачьих войсках, настояло снять вопрос о донских калмыках.

Мотивированный отказ был изложен в решении Комиссия при Министерстве госимуществ на заседании 30 декабря 1870 г., где говорилось: «Калмыцкому народу на основании общих законов империи предоставить права состояния свободных сельских обывателей как личных, так и по имуществу. Вследствие чего предположено применить к калмыкам Астраханской губернии общее положение 19 февраля 1861 г. о правах крестьян без всяких изменений не только в отношении общих начал, но даже в развитии большинства подробностей, не противоречащих кочевому их быту. А также Положение 19 февраля 1861 г. послужило основанием положению от 13 мая 1870 г. об общественном управлении в казачьих войсках, то и распространено на донских калмыков действия этого положения будет вполне аналогично применению к калмыкам Астраханской губернии Положения 19 февраля 1861 г.» [1].

Государственный совет в конце 1871 г. вновь вернулся к вопросу об установлении норм земельного довольствия донским калмыкам в соответствии с Положением от 21 апреля 1869 г. о поземельном устройстве в казачьих станицах. Наказный атаман Войска Донского М. И. Чертков 13 января 1872 г. официально уведомил Областное правление о получении задания от Государственного совета. Вскоре в администрации атамана был подготовлен проект реформы управления и поземельного устройства калмыцкого населения Войска Донского в пределах нового округа – Сальского, и представлен Областному правлению для вынесения заключения. Наказный атаман одновременно доложил военному министру П. А. Валуеву о подготовке реформы. По поручению министра Главное управление иррегулярных войск Министерства военного предложило атаману подготовить проект по донским калмыкам и внести его в министерство.

Наказный атаман, представляя в декабре 1872 г. военному министру проект реформы, отмечал, что в результате реформирования улучшится экономическое положение донских калмыков, торговые их отношения с соседними народами. Кроме того, указывалось, что реформа необходима для обеспечения безопасности отдаленных хотонов от грабежей, унификации административного и общественного управления с казачьей системой, а также ускорения процесса

оседания кочевых калмыков. При реформировании преследовалась главная цель – «водворить внутри кочевых донских калмыков христианско-казачьего элемента, удалить калмыков от границ узким перешейком в средней части степи, определенной для довольствия табунов донских местных коннозаводчиков» [2].

В связи с этим намечалось выделить калмыцкие сотни в компактную группу и вместо 13 сотенных обществ образовать 7 донских калмыцких станичных обществ, наделив их одинаковым размером юртовых земельных довольствий из расчета по 40 десятин удобной земли на душу мужского населения. По проекту в результате реформы донские калмыки вводились в единоуправляемую административно-общественную систему казачества, при этом земельные угодья калмыцких кочевий сокращались вдвое.

Проблемы активной интеграции калмыцкого населения с казачеством, трансформации их общественно-бытовой жизни, унификации управления и поземельного устройства калмыков предусматривалось решить в рамках единого территориального объединения с представителями других населений Дона – в новом Сальском округе. В проекте записывалось: «1) Для достижения большого удобства в управлении донскими калмыками и другими обывателями задонской степной полосы области Войска Донского учреждается восьмой гражданский округ под названием Сальского. 2) В пределы Сальского округа входят: а) юртовые земельные довольствия донских калмыцких станиц; б) свободные участки, отделяемые от кочевья донских калмыков в Войско для водворения на них новых казачьих станиц и других войсковых надобностей » [3]. По мысли авторов проекта реформы, она не должна была повлиять на утрату этнической идентичности калмыков.

Однако рассмотрение и обсуждение проекта, переписка по нему между Главным управлением иррегулярных войск Министерства военного и администрацией наказного атамана Войска Донского затянулись на несколько лет. Особые разногласия и уточнения вызвали вопросы формирования сети окружного управления, судебных органов, земских учреждений, использования изъятых земельных довольствий у калмыков. Немалое внимание было уделено определению места и роли духовенства в калмыцком обществе. В связи с этим

предлагалось сократить количество хурулов с 13 до 7 и численность священнослужителей в них – со 162 до 91, упразднить должность бакши – главы калмыцкого духовенства, лишить священнослужителей права участвовать в сходах и делах сотенных обществ. В разгар дискуссий по проекту в октябре 1872 г. умер бакша калмыцкого народа на Дону Коти Баджугинов, четвертый буддийский иерарх высокого духовного сана.

По положениям 1843 и 1857 гг. трое кандидатов, избранных калмыцкими сотенными обществами из состава гелюнгов, должны были быть представлены наказному войсковому атаману на утверждение одного из них, получившего наибольшее количество голосов, в должности бакши. Следует заметить, что войсковой наказный атаман не только утверждал, но и имел право сместить, наказать калмыцкого бакшу, главу калмыцкого духовенства. В связи с обсуждением проекта реформы вопрос о выборах бакши длительное время не решался ни атаманом Войска Донского и ни Главным управлением иррегулярных войск. В конце 1873 г. судья Калмыцкого правления вынужден был просить наказного атамана утвердить, хотя бы временно, старшего гелюнга 4-й сотни Нижнего улуса Аркада Чубанова заведующим калмыцким духовенством. В 1875 г. он был избран в соответствии с Положением 1857 г. и утвержден наказным атаманом главой буддийского духовенства донских калмыков. В том же году в Платовской станице его посетил глава Донской епархии, архиепископ Платон. Бакша Аркад Чубанов возглавлял буддийское духовенство донских калмыков до 1894 года [4].

В период подготовки реформы, как выше отмечено, в июле 1877 г., вступило в действие новое положение об административном устройстве Калмыцкого округа и о развитии среди калмыков начального образования, утвержденное императором Александром II 2 июля 1877 года. В нем намечалось сохранить 7 станиц, но только с названиями имен бывших донских войсковых атаманов. На базе 2, 3 и 4-й сотен (Беляевская, Балдырская, Эркетинская) Верхнего улуса планировалось сформировать Потаповскую станицу с мужским населением – 1463 человека. 1-я сотня (Цевднякинская или Харьковская) Верхнего улуса и 5-я сотня (Бурульская или Бага-Буурл) Среднего

улуса должны были войти в Граббевскую станицу с мужским населением – 1679 человек. Власовская станица объединяла 1-ю (Чоносовскую) и 4-ю (Кевюдовскую) сотни Среднего улуса (мужчин – 1230 чел.), а в Кутейниковскую станицу входили 2-я (Бембдякинская) и 3-я (Геленгякинская) сотни Среднего улуса (мужчин – 2616 чел.). Из 1-й Рынценовской (Зюнгарской) сотни Нижнего улуса образовывали Иловайскую станицу (мужчин – 2416 чел.), из 2-й Бултуковской (Богшрахинской) сотни Нижнего улуса – Денисовскую (мужчин – 1541 чел.), а 3-я (Багутовская) и 4-я (Намровская) сотни Нижнего улуса включались в Платовскую станицу (мужчин – 2209 чел.).

В ходе реорганизации округа 431107 десятин земли было выделено переселившимся сюда 10 тыс. крестьянских семей, расселившихся в 16 хуторах. В результате норма душевого надела служилого калмыка-казака сократилась в среднем со 100 до 43 десятин, что ограничивало возможности ведения скотоводческого хозяйства и к более активному переходу калмыков к земледелию.

Обмежевание указанных калмыцких станиц было произведено в 1881 г. Граббевской станице отвели земли: удобной – 109024 десятин (65 дес. на душу мужского населения), среднеудобной и неудобной – 2451 дес., 246 саж.; Платовской – 93020 десятин удобной (42 дес. на душу), среднеудобной и неудобной – 8892 дес., 1482 саж.; Власовской – 70425 десятин удобной (57,2 дес.), среднеудобной и неудобной – 9448 дес., 150 саж.; Кутейниковской – 99783 десятин удобной (38,1 дес. на душу), среднеудобной и неудобной – 2093 дес., 900 саж.; Иловайской – 52084 десятин удобной (21,5 дес.), среднеудобной и неудобной – 3843 дес., 998 саж.; Денисовской – 74160 десятин удобной (48,1 дес. на душу), среднеудобной и неудобной – 1206 дес., 1961 саж.; Потаповской – 47613 десятин удобной (32,5 дес. на душу), среднеудобной и неудобной – 2369 дес., 396 сажений. Однако распределение удобной земли между калмыцкими станицами оказалось весьма неравномерным – от 21,5 до 65 десятин на душу мужского населения.

Все же, несмотря на значительное сокращение нормы земельных дольностей, создавались необходимые условия для развития крупных калмыцких коневодческих хозяйств. Главное управление иррегулярных войск, учитывая имеющееся значительное количество лошадей у донских калмыков и тенденцию его увеличения, еще в пе-

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

риод подготовки реформы разрешило оставшиеся свободные войсковые земли не только передавать в запас для образования на них новых казачьих юртов, но и выделять участки по 1200 десятин калмыцким коннозаводчикам в пользование на 24 года, на условиях, изложенных в «Правилах о донском частном коннозаводстве на войсковой Задонской степи» от 30 апреля 1877 года [5].

К моменту обмежевания земель калмыцкое население по-прежнему находилось в сотнях трех улусов. Оно характеризовалось данными по состоянию на 1877 г. следующим образом.

Улусы и сотни	Кол-во семей	Муж.	Жен.	Всего жител.	Самост.	Нанимаются в раб.	Крупные скотоводы
Верхний							
1-я сотня	598	2068	2070	4138	50	151 семья	50
2-я сотня	140	359	350	709	26	27	26
3-я сотня	122	268	315	583	—	2	—
4-я сотня	165	405	408	813	11	10	11
Итого:	1025	3100	3143	6243	87	190	87
Средний							
1-я сотня	317	948	968	1916	—	88	—
2-я сотня	537	1625	1690	3315	95	98	95
3-я сотня	826	1574	1589	3163	8	100	8
4-я сотня	367	1150	1070	2220	12	270	12
5-я сотня	202	50	488	996	160	42	19
Итого:	2249	5805	5805	11610	275	598	134
Нижний							
1-я сотня	479	1320	1372	2692	409	70	14
2-я сотня	565	1801	1807	3608	250	230	—
3-я сотня	726	772	240	1012	108	35	—
4-я сотня	571	1857	1675	3532	100	168	—
Итого:	2341	5750	5094	10844	867	503	14
Всего:	5615	14655	14042	28697	1211	1291	235

По сравнению с 1877 годом калмыцкое население на Дону несколько увеличилось и в 1881 году оно составило 30866 человек. В 1870–1880-х годах в нем происходит заметное социальное расслоение. 235 (4,2 %) семей являлись крупными скотоводами. Им принадлежало 9975 коров (15,5 % общего поголовья), 4498 (20,2 %) лошадей, 15682 (12,5 %) овцы. 1211 (21,5 %) семей располагали достаточным количеством скота (до 15 – 20 коров и 20 –26 овец) и работали в своих хозяйствах, имея возможность излишки продукции продавать. 1 291 (23 %) семья, содержавшая не более 1–2 коровы и несколько овец, вынуждена была наниматься на работу в своем округе и за его пределами.

К этому времени заметно возрос общественный капитал Калмыцкого кочевья и в 1881 г. на его счету числилось 143 375 руб. (2,9 % войскового капитала Дона). Взносы Калмыцкого кочевья в доходную часть бюджета области 1879 г. составили 48 377 руб., из них 35 377 руб. в доход принесли только калмыцкие табунщики. А расходы Калмыцкого кочевья в областном бюджете предусматривались до 11 тыс. руб. В бюджете Дона 1879 г., например, намечалось выделить: пострадавшим от несчастных случаев – 528 руб. 53 коп., на исправление бедных калмыков к службе – 500 руб., на содержание окружного и приходского училищ – 2 429 руб., остальные деньги в сумме 7 346 руб. 47 коп. (68 %) – на содержание органов управления [6].

Между тем подготовка реформы продвигалась медленно и переписка между ведомствами по доработке её проекта продолжалась длительное время. В ноябре 1877 г. наказный атаман Войска Донского генерал-адъютант Николай Александрович Краснокутский, поддержав начатые действия М. И. Черткова по организации Сальского округа и компактному расселению в нем донских калмыков, обратился с предложением в Главное управление иррегулярных войск помочь в ускорении решения этих вопросов. Однако образование Сальского округа окончательно завершилось уже при наказном атамане Войска Донского генерале от кавалерии Н. И. Святополк-Мирском, вступившим в должность в год (1881 г.) начала царствования Александра III, деятельности великого князя Михаила Николаевича на посту председателя Государственного совета и П. С. Ванновского военным министром.

В это же время Главное управление иррегулярных войск было преобразовано в Главное управление казачьих войск. Новые руководители государственных учреждений и Дона, судя по источникам официального происхождения, значительно активизировали работу по подготовке документации по Сальскому округу.

Государственный совет на совместном заседании с департаментами законов и государственной экономии в конце 1883 года, рассмотрев докладную записку Военного министерства об образовании в области Войска Донского 8-го гражданского округа, принял решение:

«I. Образовать в Области Войска Донского восьмой гражданский округ, с наименованием его Сальским и на нижеследующих основаниях:

1) В состав Сальского округа входят: а) земли бывшего Кочевья донских калмыков как отведенные для юртового довольствия калмыцких станиц, так и предназначенные для других надобностей; б) земли, определенные для частного коннозаводства, на войсковой задонской степи; в) Манычские войсковые соляные участки и г) примыкающая к правому берегу реки Сала часть отдела (под № 12) войсковых свободных земель вместе с находящимися в одной с ними Окружной черте юртовыми довольствиями казачьих станиц и наделами крестьянских обществ.

2) Округ разделяется на пять заседательских участков, местопребыванием управления онаго назначается станица Великокняжеская.

3) В судебном отношении, Сальский округ присоединяется к округу Новочеркасского окружного суда, и подчиняется ведомству существующего в 1-м Донском округе мирового съезда, в котором участвуют мировые судьи как 1-го Донского, так и Сальского округов.

4) В станице Великокняжеской учреждаются на установленных для области Войска Донского основаниях: а) Окружное полицейское управление по особому штату; б) Почтовое отделение; в) Окружная тюрьма; г) Отделение Новочеркасского попечительного о тюрьмах комитета и д) впредь до восстановления в области Войска Донского действия законоположений о земских учреждениях – Окружной рас-

порядительный комитет для заведывания делами о земских повинностях.

5) Управление окружной тюрьмы в станице Великокняжеской состоит из одного смотрителя и пяти надзирателей.

6) Дела опекунские, по устройству быта крестьян и по отправлению воинской повинности лицам, не принадлежащим к воинскому сословию, ведаются теми учреждениями 1-го Донского округа, коим подведомы означенные дела, возникающие в сем округе. По делам, касающимся крестьян Сальского округа, в окружное по крестьянским делам присутствие 1-го Донского округа приглашается окружной начальник Сальского округа, который в случае невозможности прибыть в заседание, имеет право командировать в присутствие одного из своих помощников.

7) Положения высочайше утвержденным 28 октября 1876 г. штатом медицинской части в области Войска Донского (полн. собр. зак. т. LI № 56507) должности: окружных врачей, окружных ветеринаров, медицинских и ветеринарных фельдшеров при Калмыцком правлении и для Донского частного коннозаводства, присоединяются к Сальскому окружному полицейскому управлению.

II. Калмыцкое правление и Управление Донского частного коннозаводства на войсковой задонской степи упразднить, оставив тех из числа служащих в сих учреждениях лиц, которые не получают нового назначения, за штатом, на общих основаниях.

III. Обязанности упраздняемого Калмыцкого правления относительно пополнения состава калмыцкого духовенства, а равно по наблюдению за ним и за хозяйственными распоряжениями калмыцких обществ отведенными им юртовыми земельными довольствиями, возложить временно, впредь до переустройства общественного быта калмыцкого населения, на Сальское окружное полицейское управление, предоставив ему, иметь с тем и права названного учреждения по сим делам.

IV. Лежащие на смотрителе Донского частного коннозаводства на войсковой задонской степи обязанности по наблюдению за исполнением изданных для онаго правил и за калмыцким коннозаводством возложить на одного из помощников Сальского окружного начальни-

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

ка, по распоряжению войскового наказного атамана войска Донского, обязанности же помощников смотрителя частного коннозаводства поручить местным участковым заседателям.

V. Исполнение полицейских обязанностей на участках, отведенных к Манычским соляным озерам и в учрежденных на них поселениях возложить на чинов местной окружной полиции.

VI. Проект штата Окружной полиции Сальского округа представить на высочайшее Его императорского величества утверждение и по воспоследовании онаго привести в действие, с отнесением всего исчисленного по сему штату расходов на общий войсковой капитал Донского войска.

VII. Предоставив Военному совету подробное определение земель, входящих в состав вновь учреждаемого Сальского округа, а также границ онаго».

Представленный Государственным советом императору Александру III проект штата Окружной полиции Сальского округа получил высочайшее утверждение 24 января 1884 г. с резолюцией: «Быть по сему» [7].

Штат Окружной полиции Сальского округа Области войска Донского, на которую возлагалось управление и наблюдение за донскими калмыками, представлял в следующем виде.

Структура и должности	Число чиновников	Содержание в год			Класса и разряды по:	
		жалован.	столовых	всего	долж.	пенс.
а) Окружное полицейское управление:						
Окружной начальник	1	600	600	1200	VII	VI
Ему на канцрасходы				200		
Помощник окрначальника	2	400	400	1600	VIII	VII
Секретарь	1	200	200	400	X	IX
Столоначальников	2	100	100	400	XII	IX
Регистратор	1	100	100	200	XII	IX
Перевод. калмызыка	1	100	100	200	XII	IX
На содерж. писарей				858	XII	IX
На канцрасходы, отопление				470		

На сторожей и рассыльных				600		
б) участковые управления:						
участковых заседателей	5	300	300	3000	—	—
на канцрасходы и рассыльным			320	1600		
В распоряжение наказного атамана и окрначальника для поощрения служащих				1200		
Итого:	13			11928 рублей.		

Примечания:

- 1) Вычеты из окладов жалованья и столовых денег обращаются в подлежащие источники на общем основании, за исключением вычета в пенсионный капитал с лиц войскового сословия, который поступает в войсковой вспомогательный капитал Донского казачьего войска.
- 2) Способы разъездов чинов Окружной полиции остаются на существующем основании. Участковым заседателям полагаются, в местах их постоянного пребывания, квартиры в натуре или деньги на наем квартиры из земских сумм; остальным должностным лицам Окружной полиции, если они не имеют поземельных наделов в войске, отведенных им в собственность, производятся квартирные деньги из войсковых сумм.
- 3) Означенные в сем штате должности замещаются офицерами и чиновниками войска.
- 4) Остатки от назначенных штатом сумм на содержание личного состава и на канцелярские расходы могут быть распределяемы в пособие чинам полиции, а равно расходоваться на хозяйственные надобности, с разрешения в том и другом случае войскового наказного атамана. Подлинный подписал: Председатель Государственного Совета «Михаил». Верно: за начальника отделения Воскобойников [8].

Документы по образованию Сальского округа и его органов управления, принятые Государственным советом и высочайше ут-

вержденные императором, Главное управление казачьих войск 6 февраля 1884 г. направило войсковому наказному атаману Войска Донского Н. И. Святополк-Мирскому, предлагая обратить внимание на исполнение 7 пункта Положения. Полученные материалы и докладную Главного управления казачьих войск по заданию наказного атамана от 16 февраля Областное правление Войска Донского рассмотрело 12 марта 1884 г. и приняло соответствующие решения. Однако, несмотря на неоднократное напоминание Военного совета, выполнение задания по определению земель и границ Сальского округа администрация Дона затянула еще на несколько лет. Лишь 21 сентября 1885 г. военному министру было направлено ходатайство наказного атамана «об утверждении представленного описания границ Сальского округа». Главное управление казачьих войск вынуждено было 9 октября и вторично 11 декабря 1885 г. просить донского атамана срочно прислать карту Сальского округа. Все представленные материалы и карту Сальского округа Военный совет рассмотрел 13 февраля 1886 г. и утвердил территорию, населенные пункты и границы Сальского округа. О решении Военного совета 6 марта 1886 г. Главное управление казачьих войск сообщило наказному атаману Войска Донского.

5.2. Калмыцкие станицы Сальского округа на рубеже XIX–XX веков

В состав Сальского округа вошли земли «Калмыцкого кочевья», определенные в 1829 г. Генеральной картой земли Войска Донского, с юртами вместо трех улусов 7 калмыцких станиц, в которые в 1880 г. были внесены отдельные изменения. Окончательный вариант станиц выглядел в следующем составе: Платовская (4-я сотня Нижнего улуса), Денисовская (2-я и 3-я сотни Нижнего улуса), Иловайская (1-я сотня Нижнего улуса), Кутейниковская (3-я и 4-я сотни Среднего улуса), Власовская (1-я и 2-я сотни Среднего улуса), Потаповская (2-я и 3-я сотни Верхнего улуса) и Граббевская (5-я сотня Среднего улуса). В округ также была отведена юрта станицы

Атаманской, образовавшейся в 1880 г. из части XII отдела запасной войсковой земли и из восточной части бывшего Калмыцкого кочевья. Кроме этого, в новый округ были включены: Манычские войсковые соляные участки; земли Донского частного коннозаводства, выделенные из территории Калмыцкого кочевья; Войсковые земли по правому берегу реки Сал с казачьими и крестьянскими хуторами: Крылов, Гуреев, Шебалин и Белоусов и местами, отведенными для пяти новых хуторских поселений. К ним же причислили войсковые земли, оставшиеся из бывшего кочевья донских калмыков, за обмежеванием названных станиц, в трех чресполосных запасах, под названием: Нижнего, Среднего и Верхнего, из коих последний предназначался для коннозаводства калмыков. В Сальский округ вошли поселки: Ильинский, Верхний Себряков, Нижний Себряков и Траилин, с существующими при них крестьянскими земельными отводами; станица Великокняжеская, с юртовым ее довольствием; земли Донского частного коннозаводства, с поселениями зимовников; два участка Манычских соляных озер, под названием Старой и Новой соли, из коих на первом существует Николаевское, а на втором – Манычские поселения крестьян с особыми земельными отводами.

Военный совет по представленной карте руководством Войска Донского утвердил границы Сальского округа. В северной его части граница проходила по реке Маныч, «между устьями впадающих в нее балок Хомутец и Ургучевой, по смежности бывшего 1 отдела войсковой земли, ныне предоставленного в добавление соседним юртам; далее генеральную границу, формально, обмежеванную юртами Платовского и Денисовского, по смежности также бывшего 1 отдела войсковой земли и частных владений, до реки Сал; затем эту последнюю речку до хутора Гуреева, станицы Атаманской, и наконец, границу юрта последней станицы, по смежности XII отдела войсковой земли 2-го Донского округа; на востоке: существующую границу Астраханской губернии; на юге – границу Ставропольской губернии и на западе – генеральную межу юрта Егорлыкской станицы, далее границу II отдела войсковой земли Черкасского округа и, наконец, балку Хомутец, по смежности юрта станицы Багаевской». В военном отношении станицы Сальского округа, в том числе и калмыцкие,

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

были введены в подчинение окружным атаманам 1-го и 2-го Донских округов, а в судебном – Новочеркасского окружного суда, съезда мировых судей 1-го Донского округа. Калмыки и калмыцкие станицы перешли полностью в ведение Сальской окружной администрации, а с июня 1897 г. на них распространялись условия «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» от 3 июня 1891 г. [9].

В результате реорганизации калмыцких улусов и нового административно-территориального устройства калмыцких станиц в составе Сальского округа норма душевого надела земель на служилого калмыка-казака сократилась вдвое и составила, как отметил выше, в среднем до 43 десятин. Общая площадь земельных наделов 7 калмыцких станиц уменьшилась с 1 003 893 до 572 786 десятин (почти на 43 %), из них удобные – 545 309, средне-удобные и неудобные – 27 477. На изъятые земли интенсивно стали переселяться крестьяне и создавать хозяйственные участки и новые хутора.

Ко времени стабилизации Сальского округа и вступления в действие нового положения об общественном управлении станиц в январе 1892 г. население его станиц характеризовалось следующими данными.

Станицы	Славяне (православные)		Калмыки (ламайцы)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Атаманская	2480	2475	–	–
Великокняжеская	1363	1246	–	–
Власовская	1055	954	2483	2589
Граббевская	358	335	2655	2603
Денисовская	1517	1433	2620	2564
Иловайская	816	817	1305	1363
Кутейниковская	801	778	2803	2784
Платовская	933	905	1824	1725
Потаповская	17	40	1119	1071
1-й Заседательский участок	372	449	–	–
5-й Заседательский участок	654	217	292	200
Итого:	10436	9649	15101	14899

Таким образом, в начале 90-х годов XIX в. население Сальского округа составляло 50 085 человек, из них калмыков – 30 033 (муж-

чин – 14 981, женщин – 14 915, лиц духовного звания – 137 человек). В 7 станицах, где было введено самоуправление (выбирались атаманы и их помощники, почетные судьи и другие должностные лица), преобладало калмыцкое население – 29 508 человек, или 73,2 %, представителей других национальностей насчитывалось – 10 759 человек (26,8 %). Росту калмыцкого населения благоприятствовала несколько улучшившаяся демографическая ситуация. В 1890 г. в округе в калмыцких семьях родилось 932 ребенка, умерло – 747, в 1891 г. родилось 957 калмыцких детей, из них мальчики – 459, девочки – 498, а умерло – 767 человек. Большая смертность наблюдалась особенно среди детей: до 1 года – 131 (17,1 %), от 1 года до 3-х лет – 142 (18,5 %).

В Сальском округе действовало 26 хурулов и все они располагались в деревянных зданиях, в которых служили 137 человек духовного звания. В 1894–1896 гг. буддийское духовенство возглавлял бакша Джимба Микулинов, настоятель хурула Платовской станицы. В Великокняжеской станице православные имели свою церковь, в Атаманской и Денисовской станицах – по собору [10].

Основной отраслью экономики Сальского округа являлось сельское хозяйство – земледелие и животноводство, где немаловажное значение придавалось коневодству. В казачьих хозяйствах хуторов 7 станиц и 1-го и 5-го Заседательских участков насчитывалось 69 352 лошади, из них только в табунах – 61 982 (89,4 %), строевых – 1 312, рабочих – 6 058. Калмыцкое население в 1891 г. имело 15 634, в 1892 г. – 16 505 лошадей. Помимо этого, в округе в хозяйствах не казачьего населения находилось 3 655 лошадей. На Дону в 1892 г. на 100 душ в среднем приходилось 50 лошадей, в калмыцких станицах – 80 лошадей.

Население округа имело 74 795 крупного рогатого скота, в том числе волов – 31 537, коров – 43 258; мелкого рогатого скота – 67 983; овец – 370 745, из них простые – 296 388, тонкорунные – 164 357; коз – 7 633, свиней – 6 846, верблюдов – 279. Но, тем не менее, преобладающим занятием калмыцкого населения становится земледелие. Если животноводством занималось 2 415 человек, то земледелием в конце XIX в. почти вдвое больше – 4 640 [11].

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

Имеющиеся свободные земли способствовали быстрому росту населения округа. Число дворов и жителей Сальского округа к началу 1895 г. заметно увеличилось, особенно на участках юртовых и войсковых земель. Однако стала наблюдаться тенденция уменьшения в нем калмыцкого населения. За 3 года (1892–1894) оно сократилось на 385 человек и в 1894 г. составило 29 615 человек (мужчин – 14 828, женщин – 14 787), хотя ежегодный естественный прирост составлял до 390–400 детей. О росте количества семей и жителей наглядно можно представить по населенным пунктам станиц округа [12].

	дворов	жителей	
		муж.	жен.
Станица Великокняжеская	446	1536	1497
Станица Платовская	570	1772	1714
Русское поселение при станице	8	24	15
Временные поселения на участках юртовой земли:			
Поселение Вершина Бургусты	23	61	63
« Сухое при балке Сухой	83	251	236
« Соленое при балке Соленой	32	112	111
Временные поселения на войсковых участках нижнего запаса:			
На участке № 1 поселение Мокрая Эльмута	43	136	101
На участке № 1 « Сухая Эльмута	111	315	249
На участке № 3 « Кушнаревское	15	64	45
На участке № 2 « Хабусужское	19	80	59
На участке № 4 « Новоселовское	12	35	32
На участке № 6 и № 4 « Нижняя Ребричка	56	179	157
На участке № 7 « Верхняя Ребричка	100	323	267
На участке № 5 « Новоселовское	6	14	11
Станица Денисовская	113	266	305
Хутор Николаевский	122	310	311
« Лиманный	94	230	219
« Батлаевский	215	562	511
« Атаманский	107	314	261
« Эльмотянский	88	239	241
« Каменный	66	177	178

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Иногородные, проживающие на участках юртовой земли:			
Хутор Арбузов	58	145	145
« Рязчинский	52	158	138
« Крипянский	83	250	236
« Ганчуков	16	60	53
« Кавриновский	112	324	323
« Бургустинский	67	191	145
« Немецкий	33	110	100
Иногородные, проживающие на войсковых участках:			
Хутор Мацинин	10	26	40
« Безуглов	30	90	70
« Хохлачев	29	100	79
« Каменный	139	338	326
« Каргальский	44	154	157
« Казюргин	48	170	150
Станица Иловайская	94	283	213
Хутор Васильевский	66	170	160
« Двойнянский	57	143	142
« Зундовский	116	285	295
Временные поселения на участках юртовой земли:			
Поселение Верхоломовское	121	500	300
« Нижне-Зундовское	28	115	60
« Верхне-Зундовское	35	140	60
Временные поселения на войсковых участках нижнего запаса:			
Поселение Вошинское – участок № 16	30	150	76
« Пишвановское – участок № 14	32	120	85
« Корольковское – участок № 15	18	40	27
« Корольковское – участок № 18	13	32	22
« Журавлевское – участок № 24	28	72	57
« Безугловское – участок № 25	13	30	17
« Супруновское – участок № 22	10	27	18
« Лебедевское – участок № 36	29	56	43
« Рубашинское – участок № 35	22	48	46
« Верхне-Ломовское – участок № 34	14	35	27

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

Станица Кутейниковская	105	775	750
Хутор Хурульный	186	680	590
« Николаевский	56	500	491
« Сарановский	26	430	461
« Жирный	100	503	572
Временные поселения на участках юртовой земли:			
Хутор Русский	50	168	170
« Лобин	42	112	103
« Разорский	26	66	59
« Токмацкий	34	102	94
« Тавриченский	83	295	247
« Песчаный	100	246	246
« Кузнецов	80	171	154
« Амтинский	23	70	88
Участки войсковых земель:			
Хутор Абжимовский – участок № 21	12	29	24
« Камышовый – участок № 24	20	66	67
« Погорелый – участок № 17	21	53	57
« Азиатский – участок № 25	12	42	41
« Прокопенков – участок № 20	8	24	28
« Корольков – участок № 28	6	20	17
« Верховомов – участок № 26	14	35	31
« Безимянный – участок № 27	27	77	74
« Кучмин – участок № 33	30	77	68
« Марченков – участок № 34	21	86	86
« Жуков – участок № 35	24	76	69
« Александров – участок № 38	6	18	16
« Вишневый – участок № 41	36	99	97
« Верхнеломово – участок № 40	18	63	76
Станица Власовская	82	243	235
Хутор Новохурульный	136	467	420
« Терновский	133	466	404
« Садовский	125	361	330
Временные поселения на участках юртовой земли:			
Хутор Корольков	20	63	75
« Конкинаки	8	17	13

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Временные поселения на войсковых землях среднего запаса:			
Хутор Козинцев – участок № 1	10	38	31
« Козинцев – участок № 2	16	59	49
« Божков – участок № 3	32	114	142
« Лупиногин – участок № 4	7	16	19
« Черевиченков – участок № 18 и № 19	17	62	51
« Журавлев – участок № 16	36	163	138
« Верховоломов – участок № 29 и № 30	47	148	130
« Прокопенко – участок № 31	24	89	72
« Стоценко – участок № 39	5	18	14
Станица Потаповская	60	235	226
Хутор Беляевский	70	250	206
« Эркетинский	8	576	609
Временное поселение Кудиновское	10	33	24
« « Медведевское	11	31	32
Станица Граббевская	38	111	44
Хутор Гашунский	88	246	243
« Худжуртинский	64	184	185
« Пандинский	73	246	220
« Бурульский	165	463	454
« Старо-Хурульский	76	190	185
Временные поселения на участках юртовой земли:			
Поселение Уланское	23	79	75
« Дрисливское	18	49	42
Временное поселение на войсковом участке № 137:			
Поселение Ильинское	6	22	16
Станица Атаманская	254	775	780
Хутор Гурьев	135	572	561
« Иловлинский	44	155	151
« Шебалин	79	306	299
« Крылов	79	284	287
« Никольский	33	158	150
« Трубников	24	78	82
« Куприянов	16	63	55
Слобода Верхне-Себряковка	230	694	170
Поселение Нижне-Себряковский	135	403	11

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

« Ильиновский	23	101	15
« Петуловский	62	152	71
« Манычско-Грузское	111	544	506
« Старо-Манычско-Николаевское	81	264	285
1-й Заседательский участок:			
Зимовники коннозаводчиков:			
А. Д. Супрунова	1	82	44
Я. Королькова	2	84	35
Ф. Королькова	1	87	39
ген.-лейт. Жеребкова	2	155	27
Губовского	1	52	22
Бокова	1	41	17
А. Королькова	2	110	44
А. Демина	1	57	25
Кубранова	1	30	20
есаула Жеребкова	1	31	10
О. Балабиной	1	27	10
А. Королькова	2	83	56
А. Яновой	1	53	23
брат Пономаревых	1	43	20
Маслоковца	1	43	28
Ф. Моисеева	1	26	3
А. Мияшловой	1	14	23
Ф. Лисицкого	2	87	30
Н. Ильина	1	43	18
И. Королькова	1	155	73
И. Попова	1	51	40
В. Безуглова	1	87	31
Т. Безуглова	1	74	43
Великого князя Петра Николаевича	1	263	26
М. Жилина	1	8	5
С. Иловайского	1	29	18
И.Е. Кузнецова	1	53	24
И.А. Кузнецова	1	74	54
А. Кузнецова	1	43	31
Генерала от кавалерии Кульгачева	1	201	53
П. Крикунова	1	14	22
И. Козорезова	1	17	9
В. Кульгавова	1	41	28

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

С. Кутейникова	1	115	8
С. Кунделенова	1	41	13
М. Курочкина	1	94	39
Е. Леоновой	1	51	22
Брат Михайликовых	1	128	67
С. Морозова	1	27	10
Князя Меньшикова	1	113	51
Вдовы войскового старшины Позднеевой	2	42	18
Графа Ивана Платова	1	85	15
С. Пишванова	1	98	54
Т. Пишванова	1	86	76
И. Пишванова	1	152	65
Брат Старченко	1	25	18
Князя Трубецкого	1	101	33
Н. Хоцкого	1	23	20
Хорунжего Чекунова	1	81	41
Зимовники коннозаводчиков на 5-м Заседательском участке:			
И. Подкопаева	2	2	4
Братьев Безугловых	1	6	7
А. Королькова	1	4	3
Наследников Ермиловых	1	3	2
П. Поляковой	1	1	3
М. Шургучиева	1	1	—
Н. Козинцева	2	7	12
Братьев Скороходовых	1	8	8
Я. Шеповалова	1	3	2
А. Путкова	2	6	8
М. Пупкова	1	6	8
М. Сергеевой	1	9	6
Е. Поляковой	2	2	2
П. Байздренковой	2	7	1
А. Пишванова	1	1	1
Хорунжего Полякова	1	6	5
А. Трубникова	1	2	5
Е. Трубникова	1	4	6
А. Кудракова	1	2	4
Наследников Ивановых	2	4	3
Полковника Копылкова	1	10	16

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

Наследников князя Меньшикова	2	2	2
В. Могушова	1	2	1
Е. Постниковой	1	2	2
К. Николаева	1	2	3
Ф. Белоусова	1	5	8
Б. Басанова	1	2	2
Д. Чумпинова	1	9	9
Ц. Ушанова	1	18	15
Временные поселения на войсковых землях среднего запаса:			
На участках:			
№ 7	18	50	57
№ 13	34	103	130
№ 9	44	172	158
№ 8	29	100	111
№ 10	31	98	96
№ 12	18	78	90
№ 107	13	56	57
№ 106	30	104	111
№ 104	16	84	96
Итого:	7986	30357	25721

Создание резервных земель и наделение ими казачьих семей и жителей, не относящихся к казачьему сословию, благоприятствовали образованию новых населенных пунктов и более интенсивному развитию земледелия в округе, укрупнению коннозаводов при небольшом сокращении общего поголовья лошадей (73 007 в 1891 г., 70 901 в 1894 г.). В связи с необходимостью ведения пашенного земледелия значительно возросло у казаков численность волов. Если в 1891 г. в округе насчитывалось 31 537 волов, то в 1894 г. – 40 163 (увеличение на 27,3 %). Рост производства зерна дал толчок развитию свиноводства, и к 1894 г., по сравнению с 1891 г., поголовье свиней в округе возросло вдвое и составило 13 992 головы.

Изменения в структуре экономики произошли, особенно в Кутейниковской станице, где сократилось коневодство с 1917 до 396 голов, а волов в связи с занятием хлебопашеством увеличилось с 552 до 4 538, коров – с 2 110 до 3 627, овец простой породы – с 4 558

до 14460, свиней – с 289 до 1298 голов [13]. Поэтому не случайно Сальский округ постепенно стал занимать в области Войска Донского передовые позиции по экономическим показателям. В 1898 г. в доход бюджета округа поступило 180972 руб. 09 коп., т. е. в среднем на душу мужского населения войскового сословия пришлось доходов 10 руб. 16 коп., в Таганрогском округе – 15 руб. 14 коп., Ростовском округе – 10 руб. 37 коп., по области Войска Донского – 3 руб. 51 коп.

К концу XIX в. население Сальского округа значительно увеличилось. Здесь проживало 18,9 % калмыков от всей численности калмыцкого населения (170855 человек) Астраханской губернии и области Войска Донского. По первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. количество жителей в округе достигло 76297 человек (т.е. за 7 лет увеличилось на 52,4 %), из них мужчин – 40538, женщин – 35759, калмыков – 29349 (за последние 7–8 лет уменьшилось на 651 чел.), или 38,46 % общего населения округа. Сокращение калмыцкого населения в округе, видимо, объяснялось переездом некоторой его части в другие округа. По переписи 1897 г. на Дону проживало 32283 калмыка (мужчин – 16689, женщин – 15594), из них в Черкасском округе – 314, Донецком – 408, в 1-м Донском – 1225, 2-м Донском – 2129, Усть-Медведицком – 226, Ростовском – 31, Таганрогском – 15 человек. Если судить по возрасту, основное калмыцкое население на Дону представляли от 10 до 49 лет – 20679 человек, от 50 и свыше – 3591, детей до 9 лет – 7983 [14].

Перепись 1897 г. показала, что по уровню грамотности калмыцкое население заметно отставало от других жителей Дона. Среди калмыцких мужчин грамотных имелось всего 1632 человека (9,8 %, в среднем на Дону – 34,8 %), калмычек – 70 (0,45 %, на Дону – 9,75 %). Поэтому, видимо, не случайно вскоре, в 1898–1899 гг., в 8 калмыцких станицах были открыты трехклассные приходские училища, занятия в которых проводились по общей программе приходских начальных школ Российской империи. В них в первом же году сели за парты около 300 калмыцких детей. Следующими ступенями в получении образования являлись высшее 2-х классное окружное Калмыцкое училище, открытое в 1890 г. и преобразованное в 1899 г. трехклассное училище – Сальское окружное училище, реальные училища и гимназии.

Примечательно, что 26 калмыков, получивших соответствующие образования, были вовлечены в новые сферы деятельности – правовую, учебную, искусство, а также в торговлю (9 человек). Некоторые калмыки начали осваивать специальности портных, слесарей, плотников. В это время в Сальском округе вели подготовку по рабочим специальностям 17 ремесленных училищ, в том числе одно калмыцкое, где курсанты обучались слесарно-кузнечному, столярному ремеслам.

По переписи на Дону были зафиксированы в калмыцком обществе: потомственные дворяне – 4 человека (1 мужчина, 3 женщины), дворяне личные – 18 (10 мужчин, 8 женщин), потомственные и личные почетные граждане (1 мужчина, 1 женщина), мещане – 2 мужчин, крестьяне – 191 (101 мужчина, 90 женщин), 4862 калмыка числился как инородцы. Основное калмыцкое население относилось к войсковому казачеству – 27 199 (84,3 %) человек (мужчин – 13 872, женщин – 13 327). В связи с этим по предложению наказного атамана Войска Донского Н. И. Святополк-Мирского Государственный совет 2 июня 1897 г. ввел в действие в калмыцких станицах Положение об общественном управлении, принятое еще в 1891 г. для населенных пунктов казачьих войск. В том же году, 1897 г., Государственный совет преобразовал Сальское окружное полицейское управление в Управление Сальского округа во главе с атаманом, сохранив прежнее штатное расписание, но добавил должность помощника окружного атамана по делам донских частных и калмыцких конозаводства в ранге VIII класса, а переводчику калмыцкого языка ранга XII класса была увеличена зарплата с 200 до 300 рублей [15].

Перепись 1897 г. показала, что донские калмыки к этому времени полностью перешли на оседлый образ жизни и вели стационарное хозяйство, в том числе освоили и земледелие. Земледелием занимались самостоятельно: 4 353 калмыка и 287 калмычки (с участием членов семей – соответственно – 5 719 и 9 541), а животноводством – самостоятельно: 2 259 и 156 (с членами семей – 2 944 и 4 550). Поэтому калмыцкие семьи в значительной степени уже были рассредоточены по многим хуторам станиц не только Сальского округа, но и других округов. А на войсковых землях находилось 139 калмыцких участков, которые занимали 166 538 десятин удобной земли. Об этом сви-

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

детельствуют материалы переписи населения области Войска Донского 1897 г. [16].

	Число		Население		ламаиты		Владеют калм. яз.		не влад.
Станицы, хутора	дворов	хоз-ств	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
ст. Великокняжеская	884	1005	5576	3001	2575	45	7	45	7
х. Каменка	3	3	21	10	11	2	6	2	6
ст. Атаманская	292	293	1753	877	876	46	37	46	37
х. Гурьев-Чиков	18	188	1249	636	613	71	43	71	43
х. Куприянов	17	17	110	59	51	3	2	3	2
х. Крылов	101	101	735	368	365	52	51	52	51
х. Трудников	20	20	140	72	68	14	9	14	9
х. Шабалин	139	139	695	346	349	42	37	42	37
Врем. поселение									
Крестьянское	4	4	28	20	8	1	1	1	1
В врем.посел.	20	20	164	94	72	9	8	9	8
ст. Власовская	261	261	1530	790	740	758	708	758	708
Хурул	10	10	—	10	—	10	—		
х. Новохурульный	193	193	985	487	498	466	473	466	473
Хурул			8	8		8		8	—
х. Садовый	99	99	507	260	247	260	247	260	247
х. Терновский	69	69	350	167	183	167	183	167	183
Врем. поселения:									
Глубочанское	54	54	335	175	160	4	7	4	7
Рудковское	6	6	62	33	29	3	1	3	1
ст. Граббевская	106	106	511	266	245	222	215	218	212
Хурул	1	11	30	30	—	30	—	30	—
х. Бурульский	150	150	498	459	439	438	425	438	425
« Гашунский	82	82	496	241	255	241	255	241	255
« Кренделев	13	13	125	72	53	9	—	9	—
« Пандинский	101	101	617	327	290	327	290	327	290
« Старо-Хуруль.	67	67	408	213	195	213	195	213	195
« Сухой-Савдин.	19	19	100	51	49	51	49	51	49
« Худжуртинский	67	68	416	213	203	212	202	212	202
Врем. поселения:									

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

Дреслевское	33	33	218	121	97	1	–	1	–
Уланское	38	38	266	128	138	4	4	4	4
Ст. Денисовская	180	180	1042	520	522	437	440	437	440
х. Атаманский	100	100	646	318	328	311	322	311	322
« Батлаевский	225	225	1183	612	571	581	552	581	552
« Каменский	63	63	401	199	202	195	198	195	198
« Лиманский	77	77	389	197	192	193	189	193	189
« Николаевский	113	113	663	328	335	328	335	328	335
Хурул			13	13	–	13	–	13	–
« Эльмутинский	98	98	654	321	333	295	306	295	306
Врем. поселение									
Ковринское	118	118	802	417	385	3	–	3	–
Ст. Иловайская	162	162	910	461	449	404	398	404	398
Хурул	1		12	12	–	12	–	12	–
х. Васильевский	63	63	303	141	162	141	162	141	162
« Зундовский	88	88	512	262	250	244	236	244	236
« Харсалаевский	78	78	424	212	212	212	212	212	212
Врем. поселение									
Верхоломовское	142	142	920	482	438	16	13	16	13
Ст. Кутейников- ская	276	282	1475	760	715	709	667	709	667
Хурул	1	15	44	44	–	44	–	44	–
х. Жирный	27	27	151	71	80	71	80	71	80
« Николаевский	45	45	143	123	120	119	119	119	119
« Сальский	78	78	418	206	212	206	212	206	212
« Сарановский	38	38	181	88	93	88	93	88	93
« Хурульный	199	199	1123	543	580	532	575	532	575
Хурул	1	10	26	26	–	26	–	26	–
Врем. поселения:									
Верхоломово	1	1	41	29	12	2	6	2	6
Таврическое	115	115	728	383	345	1	–	1	–
Ст. Платовская	259	259	1380	727	653	503	483	503	483
Хурул	1	11	39	39	–	39	–	39	–
х. Шарабулукский	156	160	982	517	465	510	460	510	460
« Эльмутянский	106	106	722	351	371	324	343	324	343
Ст. Потаповская	138	79	366	174	192	162	182	162	182

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Хурул	1	3	19	19	–	19	–	1	–
х. Беляевский	78	78	427	209	218	206	215	206	215
Вод. мельница									
х. Эркетинский	108	108	574	282	292	275	286	275	286
Хурул	1	10	9	9	–	9	–	9	–
Врем. поселение									
Чинов Куть	48	48	376	200	176	20	21	20	21
Поселения на крестьянских землях:									
С. Манычско-Грузское	194	194	1112	612	500	8	4	8	4
«Нижне-Себряковское	280	280	1686	844	842	9	6	9	6
«Верхне-Себряковское	165	165	903	445	458	2	3	2	3
«Петуховское	70	70	474	244	230	1	3	1	3
«Старо-Манычское	116	116	649	357	292	5	1	5	1
Поселки на войсковых землях:									
Гонкино	16	16	125	67	58	8	3	8	3
Дурагин	68	68	465	239	226	23	19	23	19
Старково	3	3	49	30	19	3	4	3	4
В Верхнем запасе в 4-м Заседательском участке:									
№ 118	9	9	54	27	27	12	10	12	10
№ 139	5	5	27	18	9		–	1	–
№ 127	5	5	49	25	24	11	5	11	5
№ 137	10	10	69	35	34	3	2	3	2
№ 130	7	7	70	32	38	1	2	1	2
№ 135	15	15	121	72	49	32	26	32	26
№ 81	9	9	55	29	26	3	2	3	2
№ 1	48	48	326	164	162	57	59	57	59
№ 70	7	7	45	27	18	24	16	24	16
№ 35	5	5	38	22	16	18	13	18	13

Глава V. Образование Сальского округа и причисление к нему калмыцких станиц

Сверх того в Верхнем запасе Войсковой земли в 4-м Заседатель- ском участке на- ходились 40 по- селений от 1 до 4 дворов	81	81	806	451	355	171	128	171	128
В Среднем запасе: в 3-м Заседатель- ском участке вой- сковой земли № 2	5	5	21	10	11	6	9	6	9
№ 48	8	8	62	34	28	1	—	1	—
№ 19	19	19	139	86	53	4	3	4	3
В 5-м Заседатель- ском участке:									
№№ 8, 9, 10	82	82	607	320	287	1	—	1	1
№ 13	52	52	370	192	178	8	2	8	2
№ 19	38	38	258	137	121	7	3	7	3
В 3-м Заседатель- ском участке:									
№ 1	19	19	130	67	63	17	17	17	17
№ 26	19	19	171	93	78	4	2	4	2
№ 42	1	1	21	14	7	2	3	2	3
№№ 36, 37	27	27	195	111	84	1	—	1	—
2 поселения по 1 двору	2	2	35	18	17	4	3	4	3
В 4-м Заседатель- ском участке 21 поселение по 1 двору	21	21	136	63	73	5	6	5	6
В Нижнем запасе Во 2-м Заседа- тельном участке:									
с. Безугловское	29	29	218	129	89	9	7	9	7
с. Корольково- Супруново	6	6	119	85	34	6	7	6	7
с. Корольково	27	27	221	122	99	25	14	25	14

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Зимовники частных коннозаводчиков: 85 частных коннозаводов	686	1135	10149	5927	4222	2807	2709	2814	2707
Коннозаводчики:									
Бадминов	1	3	11	7	4	7	4	7	4
Болдырев	1	23	109	64	45	64	45	64	45
Басанов	1	19	109	60	49	60	49	60	49
Болдырева	1	9	60	34	26	34	26	34	26
Шургучиев	1	8	46	25	21	25	21	25	21
Кордоны и др. сторожевые пункты: 49 поселений по 1 двору на Астраханской и Ставропольской границах	49	49	423	268	155	65	25	65	25
Итого на войсковых землях:	3100	3560	26239	14671	11668	3337	3090	3388	3095

По данной переписи в Великокняжеской станице проживало всего 60 калмыков (47 мужчин, 13 женщин), Атаманской станице – 407 (228 мужчин, 179 женщин), Власовской станице – 3 345 (1 676 мужчин, 1 669 женщин), Граббевской станице – 3 383 (1 748 мужчин, 1 635 женщин), Денисовской станице – 4 688 (2 346 мужчин, 2 342 женщины), Иловайской станице – 2 050 (1 029 мужчин, 1 021 женщина), Кутейниковской станице – 3 750 (1 998 мужчин, 1 752 женщины), Платовской станице – 2 662 (1 376 мужчин, 1 286 женщин), Потаповской станице – 1 354 (671 мужчина, 683 женщины), на войсковых землях, на других участках – 6 801 (3 509 мужчин, 3 292 женщины). Все 29 349 калмыков признали, что владеют своим родным языком и исповедуют ламаизм (буддизм).

Таким образом, к концу XIX века калмыцкие семьи, расселившись по многим станицам, хуторам, селам Сальского округа и приобщившись к производственной деятельности, характерной местным условиям и особенностям, успешно адаптировались к новым видам трудовой деятельности, в донскую социокультурную среду, при этом сохранив свою культурную идентичность. В этом процессе определя-

ющее значение имела не только адаптирующая активность калмыков-казаков, но и важную роль сыграли внешние факторы – благоприятная атмосфера в новом социуме, политика властей Войска Донского.

Примечания:

1. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 19, 39, 42 – 42 об.; Ф. 344. Оп. 1. Д. 2871. Л. 226.
2. Там же. Д. 1065. Л. 21, 47–48, 52, 60 об.
3. Там же. Л. 8–9, 44, 52, 53, 53 об.
4. Там же. Л. 84–88; *Кольдонг Содном*. Судьба донских калмыков, их веры и духовенства. Издание автора. USA. 1984. С. 72–74.
5. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XIII. Часть 1. С 1 января по 1 июля 1877 г. СПб., 1877. С. 370; ПСЗ Российской империи. Т. LII (1877). Ч. 1. № 57537. С. 17–18; ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 317. Л. 6 – 6 об., 7; Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 95 об.
6. ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 317. Л. 34–34 об., 35, 36 об. – 37; Ф. 344. Оп. 1. Д. 2871. Л. 234; *Номикосов С.* Указ. соч. С. 223, 449, 463, 465, 643.
7. ГА РО. Ф. 229. Оп. 3. Д. 1004. Л. 1 – 1 об.
8. Там же. Л. 1 об.
9. Там же. Ф. 301. Оп. 8. Д. 1215. Л. 227 – 229.
10. Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 387. Л. 6, 94, 235, 282, 304, 350; Ф. 46. Оп. 1. Д. 3167. Л. 42; Д. 3222. Л. 2.
11. Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 387. Л. 332 – 333 об.; Ф. 46. Оп. 1. Д. 3167. Л. 59 об.; Д. 3222. Л. 22 об., 44 об.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Область Войска Донского. СПб., 1905. С. 165.
12. ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 404. Л. 60, 135, 291; Д. 421. Л. 127–131.
13. Там же. Д. 404. Л. 213, 315 об. – 316; Д. 387. Л. 332 – 333 об.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 77, 81; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3167. Л. 87.
15. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 129; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XXVII. 1891 год. Издание Главного управления иррегулярных войск. СПб., 1892. С. 58; Там же. Т. XXXIII. 1897 год. СПб., 1898. С. 211–212.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 39, 40–77, 165, 232, 252–253; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3222. Л. 38 об., 46 об.

Глава VI.

КАЛМЫКИ ДОНА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВОЙН НАЧАЛА XX ВЕКА

6.1. Социально-экономическое положение калмыков-казаков области Войска Донского

Калмыки в начале XX века вместе с донским казачеством приняли участие в Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войнах, оказались втянутыми в социальные революции, одна из которых повернула ход исторического развития России на путь невиданного социального эксперимента по ускоренному строительству государства нового типа.

Население области войска Донского в 1901 г. составляло 2 686 696 человек, из них 1 383 230 мужчин, 1 303 466 женщин, в казачье сословие входило 1 150 499 человек (57744 мужчин, 57305 женщин). В Сальском округе проживало 64 777 человек, из них 33 313 мужчин, 31 464 женщин. В области Войска Донского в это время числилось 30368 калмыков, из них 15 466 мужчин, 14 902 женщины.

Все калмыцкое население Дона относилось к казачьему сословию и в 1891 г. в гражданско-бытовом устройстве, правовом отношении были приравнены с казаками. В соответствии с проведенной военной реформой и принятием в апреле 1875 г. «Устава о военной повинности Донского войска» калмыки-казаки, как и все донское казачество, по-прежнему подлежали воинской повинности, за исключением священнослужителей и сельских учителей, и должны были отбывать службу с собственным снаряжением и на своих лошадях. Срок службы казаков сокращался до 20 лет: с 18 – до 21 года – в призывном разряде (бывшие малолетки), с 21–33 лет – в строевом разряде, с 33–38 лет – в запасе, после чего увольняли в отставку.

По свидетельству секретаря Донской духовной консистории С. Павловского, калмыки в начале XX века на Дону жили уже оседло, и дома их были построены по образцу русских (саманных) построек. По вероисповеданию калмыки являлись ламаистами (буддистами), за исключением около 1 200 человек, принявших православие.

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

Религиозную службу среди калмыков несли 129 духовных лиц, освобожденных от воинской повинности, в 13 хурулах. Главным ламой донских калмыков в это время служил из Денисовской станицы М. Б. Барманжинов, избранный на эту должность в 1902 г. и утвержденный окружным атаманом. Он возглавлял буддийское духовенство донских калмыков до 1919 г. Денисовская станица выделялась из остальных своим благоустройством и наличием учебных заведений, деревянных и каменных домов. В ней действовали 6 хуторских училищ, в том числе одно женское [1].

В 1900 г. среди калмыков было заключено 199 браков, поженились моложе 20 лет: мужчин – 123, девушек – 145. В том же году родилось 449 мальчиков (из них казачьего сословия 445, солдатского – 4), родилась 441 девочка (435 казачьего сословия, 6 солдатского). Большая смертность наблюдалась среди детей в возрасте от 1 до 5–6 лет, и среди умерших 675 человек в 1900 году они составили 33,2 % (224 ребенка). Естественный прирост калмыцкого населения на Дону в том году составил 215 человек [2].

Основным видом экономики калмыков-казаков, хотя уже 10–15 % хозяйств занималось хлебопашеством, по-прежнему представляло скотоводство. В 9 калмыцких станицах Сальского округа они занимались разведением лошадей, крупного рогатого скота, овец, верблюдов. В 1900 г. оно характеризовалось следующими данными.

	Станица Атаманская	Станица Велико- княжеская	Станица Власовская	Станица Граббевская	Станица Денисовская
Лошади казаков:					
рабочие	1125	810	364	897	1408
табунные	225	120	311	1504	–
строевые	141	125	100	97	–
не казаков	156	100	527	120	3278
Волы	5066	1800	3282	2262	3439
Коровы	4204	1445	4420	5303	3407
Мелкий рог. скот	8410	1820	5828	8527	7458
Овцы:					

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

простые	32249	3000	25012	38812	18773
тонко- рунные	600	–	19820	–	31210
Козы	3148	100	1691	1373	138
Свиньи	990	275	753	241	2195
Верблюды	51	125	13	67	47
Всего	56365	9720	62121	59203	71353

	Станица Иловайская	Станица Кутейни- ковская	Станица Платовская	Станица Потаповская	Всего в 9 станциях
Лошади казаков:					
рабочие	191	741	530	214	6280
табунные	220	653	420	169	3622
строевые	80	427	220	45	1235
не казаков	605	871	1078	3102	9837
Волы	3501	3416	3042	1731	27539
Коровы	1650	4615	3863	2423	31830
Мелкий рог. скот	1630	6490	4441	4081	48685
Овцы:					
простые	13140	8464	28240	6466	174156
тонко- рунные	35200	16103	7240	10985	121158
Козы	430	594	128	480	8082
Свиньи	520	1321	1894	310	8499
Верблюды	10	23	63	33	432
Всего	57177	43718	51159	30039	440855

Помимо этого, в Сальском округе имелись: волости Манычско-Грузовская и Нижне-Серебряковская, две полицейско-административные единицы: 1-й Заседательский участок и 5-й Заседательский участок, располагавшие значительным количеством скота. На территории двух участков (войсковые земли) находились табуны крупных коннозаводчиков, которые имели 57619 лошадей [3]. Донские калмыки стали активно приобщаться и к земледелию. Они сеяли в основном пшеницу, рожь, ячмень, некоторые семьи занимались огородничеством, садоводством.

Сальский округ относился к одному из экономически развитых округов области. По поступлению доходов в бюджет Дона по Сальскому округу (487651 руб. 20 коп.) в среднем на душу мужского населения войскового сословия приходилось в 1905 г. 24 руб. 80 коп. (самое высокое), за ним следовал Таганрогский округ (16 руб. 91 коп.). В среднем в области этот показатель равнялся всего 4 руб. 76 коп. Поступление в бюджет от калмыцкого населения взамен хлебных запасов в том же году составил 5214 руб. 18 коп. [4].

В связи с ростом населения и развитием экономики в Сальском округе в начале века произошли изменения в его административно-территориальном устройстве. Территория 12 станиц округа составляла 575462 дес., из них 545588 дес. удобные земли, 29874 дес. неудобные. На душу мужского населения Сальского округа приходилось 33,75 дес., в среднем в области – 12,48 десятин.

В 1906 г. на юртовых землях (33672 дес.) хутора Батлаевского станицы Денисовской образовалась станица Батлаевская со своим хурулом и с населением 2682 человека, из них православные – 1329 (687 мужчин, 642 женщины), ламаисты – 1353 (724 мужчин, 629 женщин). Первым станичным Батлаевской станицы атаманом был избран казак Урубжур Кутушов.

В следующем году из Кутейниковской станицы выделилась станица Ново-Алексеевская (юридическое оформление состоялось в 1905 г.) с земельной площадью 46432 дес., население которой в 1907 г. составляло 7493 человека, из них православные – 4941 (2585 мужчин, 2356 женщин), ламаисты – 2552 (1294 мужчин, 1258 женщин). В станице имелся 1 хурул. Первым станицу возглавил избранный станичный атаман урядник Иван Абушинов.

Почти одновременно на базе хутора Чоносовского (земельная площадь 34436 дес.) станицы Власовской появилась станица Чоносовская (станичный атаман урядник Бембе Манжиков) с населением 2454 человек, из них православные – 588 (311 мужчин, 277 женщин), ламаисты – 1866 (955 мужчин, 911 женщин), религиозные потребности которых обслуживал 1 хурул.

Таким образом, в 1907 г. Сальский округ в административно-территориальном отношении состоял из 12 станиц и 5 волостей с об-

щим населением 81 229 человек (38 568 войскового сословия, 42 661 невойскового), в том числе 29 982 калмыка (15 597 мужчин, 14 385 женщин). А всего на Дону проживало 31 889 калмыков (16 351 мужчина, 15 538 женщин), из них 30 482 калмыка исповедовывал буддизм, 1 407 (4,42 %) калмыков – православие [5].

В 10 станицах из 12 станиц Сальского округа, за исключением Атаманской и Великокняжеской, проживало 29 982 ламаиста (буддиста) и 756 калмыков, принявших христианство. Калмыцкие станицы с хуторами занимали земельную площадь равную 575 462 дес., в том числе удобные – 545 588 дес. На каждого калмыка-казака приходилось 33,75 десятин, а в пай калмыку-казаку выделялся только 15 десятин, которые он не имел право сдавать в аренду. А продать он мог сородичу-богачу, русскому торговцу якобы за долги или под товар. Перекупщик купленные паевые земли за 2–3 руб. за десятину уже мог сдать в аренду русским поселенцам значительно дороже (10–12 руб.).

Распределение населения станиц Сальского округа в 1907 г. по вероисповеданию представляло в следующем виде [6].

Станицы	Православные		Ламаисты		Хурулов
	муж.	жен.	муж.	жен.	
Атаманская	2187	2155	–	–	
Батлаевская	687	642	724	629	1
Великокняжеская	2167	2113	–	–	
Власовская	912	733	1594	1136	1
Граббевская	1018	850	3119	2947	3
Денисовская	1123	1128	2234	2054	1
Иловайская	1232	1174	1197	1169	1
Кутейниковская	1095	1008	1126	1073	1
Ново-Алексеевская	2585	2356	1294	1258	1
Платовская	1189	1143	2070	2056	2
Потаповская	686	649	963	912	3
Чоносовская	311	277	955	911	1
Волости:					
Манычско-Грузская	1045	1105	–	–	
Серебряковская	2112	2087	–	–	
Участки:					
1-й Заседательский	22	24	–	–	

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

5-й Заседательский	1551	1256	321	240	
6-й Заседательский	3406	3062	—	—	
Всего:	23328	21762	15597	14385	15

В 1907 г. среди калмыков был заключен 201 брак, поженились моложе 20 лет: 125 мужчин, 131 девушка. В том же году в калмыцких семьях родились 525 мальчиков (из них 521 казачьего сословия, 4 солдатского) и 473 девочки (469 казачьего сословия, 4 солдатского). Одного мальчика православные родители калмыки крестили. Естественный прирост калмыцкого населения в 1907 г. заметно превысил предыдущие годы и составил 345 человек, а в 1908 году – 324 [7].

Экономическое положение калмыцких станиц определялось состоянием животноводства. Общее поголовье скота 12 станиц Сальского округа в 1907 г. насчитывало 413 609 голов, из них 37 066 лошадей, 29 186 волов, 39 917 коров, 50 735 мелкого рогатого скота, 98 690 овец простой породы, 139 336 тонкорунных, 7 970 коз, 10 147 свиней, 1 162 верблюда. По сравнению с 1900 г. калмыцкие станицы, значительно сократив количество овец простой породы, увеличили поголовье тонкорунных овец, лошадей и крупного рогатого скота. Распределение поголовья домашних животных по станицам по нижеприводимым данным.

	Станицы:					
	Атаман- ская	Велико- княжеская	Власов- ская	Батлаев- ская	Граббев- ская	Денисов- ская
Лошади:						
рабочие	3671	986	441	456	776	1555
табунные	214	323	132	1162	204	1142
строевые	102	56	48	42	71	135
не казаков	280	740	904	726	2876	2215
Волы	2989	2078	3984	501	4739	3614
Коровы	3456	1801	4653	956	5347	4858
Мелкий рог. скот	5678	2267	7674	1803	7263	5250
Овцы:						
простые	20322	1027	16989	2714	15790	—
тонкорун	—	—	5200	—	—	16812

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Козы	2203	56	1243	106	903	288
Свиньи	1426	1545	726	595	499	332
Верблюды	245	60	85	5	82	37
Всего	40586	10937	88881	9066	33550	36238

	Станицы: (продолжение)					
	Ново-Алексеевская	Иловайская	Кутейниковская	Платовская	Потаповская	Чоносовская
Лошади:						
рабочие	570	538	373	824	411	262
табунные	80	220	292	446	102	60
строевые	7	42	45	198	27	24
не казаков	1980	850	800	1397	7947	204
Волы	4467	1944	1217	2522	2231	1131
Коровы	3430	2778	1687	4180	3387	2784
Мелк. рог. скот	4768	2785	2287	3554	5010	2396
Овцы:						
простые	7611	11040	1337	10986	8329	2545
тонкорунные	53045	5600	—	4855	2478	4544
Козы	763	330	188	200	1390	300
Свиньи	1639	506	649	1564	430	236
Верблюды	127	17	162	56	280	6
Всего	78555	26650	9037	30782	32022	14492

Кроме этого, в 5 волостях Сальского округа числилось 321 199 голов скота, в том числе 63 062 лошади (рабочие – 3 982, табунные – 33 590, строевые – 38, не казаков – 25 452), 22 365 волов, 19 494 коровы, 34 251 мелкий рогатый скот, 46 169 овец простой породы, 127 096 тонкорунных. 1 668 коз, 6 555 свиней, 539 верблюдов. В 1910 г. в калмыцком коневодстве имелись 32 табуна, где содержались 334 жеребца и 4 698 маток. Полученный в табунном коневодстве приплод до 3 леток в том году составил 7 962 головы [8]. Таким образом, Сальский округ в начале XX века являлся одним из богатых округов области Войска Донского.

Общественное управление в калмыцкой станице осуществлялось, как и в обычной казачьей станице, – станичным управлением

(сбор – сход, атаман, правление, суд). В станичном сборе обязательное участие принимали атаман, его помощники, хуторские атаманы, судьи, казначей, казаки-домовладельцы. На решение сбора выносились важнейшие вопросы экономического характера, общественной жизни, несения воинской службы. На сборе избирались станичный атаман (исполнительная и административная власть), помощник (помощники) атамана, доверенные, почетные судьи, должностные лица общественного станичного управления. Избранные станичный атаман и почетные судьи в должностях утверждались войсковым наказным атаманом, остальные – окружным атаманом.

В состав станичного правления входили: станичный атаман и его помощник (помощники), казначей, доверенные. Станичный суд (в каждой станице) состоял из станичных судей и судей суда почетных, который создавался на две станицы. Станичный суд разрешал в основном вопросы по спорам и тяжбам имущественного характера, а также по маловажным проступкам [9].

В результате столыпинской реформы и улучшения агротехнологии сельское хозяйство и промышленность России накануне войны получили заметное развитие. В 1913 г. общий сбор зерновых хлебов в России составил 5 637 млн пудов, превысив среднегодовой сбор предыдущих лет (1908–1912 гг.) на 1082 млн пудов, а вывоз хлебов достиг 647,8 млн пудов против 548,4 млн пудов в 1912 г. Однако средняя урожайность зерновых культур в России была ниже, чем в Германии в 2,4 раза, Австрии – 1,6 раза, Венгрии – 1,5 раза [10].

По количеству домашнего скота Россия в начале XX в. занимала одно из первых мест в ряде государств Европы и Америки. Но в его развитии стала появляться тенденция к спаду. В течение трех предвоенных лет (1911–1913 гг.) поголовье животноводства России уменьшилось на 9,7 % и составило 173,4 млн голов, в том числе 32 835 963 лошадей. В 1913 г. на 100 жителей сельского населения России приходилось: лошадей – 23 (в Донской области – 32), крупного рогатого скота – 35 (в Донской области – 71,5), овец и коз – 51 (в Донской области – 65), свиней – 10 (в Донской области – 18,5) [11].

В улусах Калмыцкой степи в 1913 г. числилось: лошадей – 70 627 (на 100 жителей приходилось 45)), крупного рогатого скота – 164 536

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

(на 100 жителей – 115), овец и коз – 709 470 (на 100 жителей – 497,1), верблюдов – 20 989 (на 100 жителей – 14,7). А в калмыцких станицах области Войска Донского казачье население имело: 20 535 лошадей (21 % общего поголовья округа, а на 100 жителей приходилось 65,2), из них рабочие – 13 816, табунные – 5 603, строевые – 1 116; крупного рогатого скота – 46 530 голов (23 % общего поголовья округа, а на 100 жителей – 150); мелкого рогатого скота – 28 671 (на 100 жителей – 91); 80 031 овец и коз (8,2 % общего поголовья округа, а на 100 жителей – 254); 1 897 верблюдов (67,3 % общего поголовья округа, а на 100 жителей – 6); 11 789 свиней (на 100 жителей – 37) [12].

Наличие скота в станицах Сальского округа представлено в нижеприводимой таблице.

Станицы:

	Атаманская	Батлаевская	Беляевская	Бурульская	Велико-княжеская	Власовская	Грабевская	Денисовская
Лошади казаков:								
рабочие	3115	425	190	130	1431	448	688	1740
табунные	389	1586	56	74	368	172	38	1290
строевые	220	44	22	28	77	10	12	158
Лошади иногор.								
рабочие	134	689	289	263	720	700	216	1734
табунные	–	–	–	–	–	–	–	400
Волы:								
казаков	4658	1068	136	290	852	1040	1146	2780
иногогородних	452	138	394	1160	343	2280	611	1180
Коровы:								
казаков	3507	1098	408	607	1232	2004	2465	3160
иногогородних	339	436	200	587	748	1700	317	1404
Мелк. рог. скот:								
казаков	3543	1347	462	805	1479	1800	2362	4707

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

иностранцев	168	189	286	865	844	2800	453	1209
Овцы казаков:								
простые	14134	1958	1367	1086	1564	8000	8221	7890
тонкорунные	–	–	–	–	–	–	–	280
Овцы иностранцев:								
простые	2216	382	694	2131	–	2100	869	–
тонкорунные	–	–	–	5328	–	28000	–	17128
Козы	3097	46	303	369	127	515	535	331
Свиньи	1160	795	151	301	1353	455	221	919
Верблюды	733	14	155	24	20	57	154	47

Станицы (продолжение):								
	Иловайская	Кутейников- ская	Ново- Алексеевская	Орловская	Платовская	Потаповская	Чунусовская	Эркетинская
Лошади казаков:								
рабочие	608	511	554	2019	1139	111	183	124
табунные	320	230	86	247	285	188	171	103
строевые	60	59	68	146	122	11	51	28
Лошади иностранцев:								
рабочие	1020	785	2010	1611	1342	99	251	296
табунные	–	–	–	–	–	34	–	–
Волы:								
казаков	1296	802	1224	2315	1372	189	926	845
иностранцев	1193	690	3525	818	662	164	669	398
Коровы:								
казаков	2227	1080	2199	1553	1985	441	1097	428
иностранцев	716	574	2110	998	756	122	313	231
Мелкий рогатый скот:								
казаков	3427	1639	1795	1402	1678	509	1493	213

иногогородних	726	945	3288	611	926	183	327	302
Овцы казаков:								
простые	3744	1051	1855	4061	4308	1300	1926	2285
тонкорунные	880	3	–	–	5940	–	–	–
Овцы иногородн.:								
казаков	1160	1933	5448	1552	2204	429	609	304
иногогородних	206	1085	7840	–	830	–	5930	
Козы	312	263	1001	688	917	277	168	110
Свиньи	564	434	1859	1950	742	62	355	141
Верблюды	33	111	179	126	37	131	30	47

Помимо этого, в 3 волостях и 3 заседательских участках Сальского округа казаки имели 56927 лошадей, из них 47916 табунные, 17167 волов, 13182 коровы, 27815 мелкого рогатого скота, 55283 овец простой породы; иногородние – 9980 лошадей (9465 табунные), 1425 волов, 1769 коров, 3465 мелкого рогатого скота, 800 овец простой породы. Значительное количество скота было сосредоточено у крупных калмыцких коннозаводчиков и овцеводов. Например, в станице Денисовской владельцами скота являлись братья Борманджиновы, Тепкины, Басановы, Пуковы; во Власовской станице – Бакбушевы, Сельдиновы; в Батлаевской – Шавелькины, Ташниновы; в Иловайской – Шургучиновы, Соломкины, Сарсиновы; в Граббевской – Тюльтиновы, Асмановы (Котиковы); в Ново-Алексеевской – Захаровы Цебек и Эренджен, Бембетовы Басан и Бадма, Дамбинов Саран, Улинов Наран.

Экономическое состояние калмыков Поволжья и Дона могло позволить в случае войны оказывать в значительных размерах помощь армии и продовольствием, и строевыми, обозными лошадьми, верблюдами, а также поставлять сырье животноводства.

Население Российской империи в 1914 г. составляло 165 млн 700 тыс. человек, в том числе 175606 калмыков (в Калмыцких улусах – 142691, в области Войска Донского – 32915, из них 864 православных калмыка) [13]. К этому времени Сальский округ в административно-территориальном отношении представлял 16 станиц, из них

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

13 калмыцкие, в которых проживало 30 547 калмыков (16 027 мужчин и 14 520 женщин), причисленных к казачьему сословию. Население округа составляло 90 183 человека (войсковое сословие – 54 951, из них женщин – 26 406, мужчин – 28 545, в том числе 99 офицеров).

В 1908 и 1910 гг. из Потаповской станицы выделились Эркети́нская и Беляевская станицы, в 1910 г. из Граббевской станицы – Бурульская станица. В том же году в округе на арендованных землях была образована Орловская станица. В округ входили крупные хутора: Шарабулуцкий, Потаповский, Каменка, Мартыновка, Нижне-Серебряков, Верхне-Серебряков, Барабанщиков, Садовский, Зундовский, Калмыцкий, Терновский, Пандесальский, Зимовники, а также поселки: Манычско-Грузское, Старо-Манычский, Николаевский. Железная дорога проходила через населенные пункты: Гашун, Калмыцкий, Зимовники, Великокняжеская.

Население станиц Сальского округа по вероисповеданию в 1913 г. характеризовалось следующими данными [14].

	Ламаисты		Православные		Иной веры		Всего		Хурулы
Станицы	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Атаманская	–	–	2278	2246	1516	1453	3794	3699	
Батлаевская	727	637	619	600	21	13	1367	1250	1
Беляевская	321	277	267	257	9	9	597	543	1
Бурульская	465	391	399	406	–	–	864	797	1
Велико-княжеская	–	–	2932	2529	34	34	2966	2563	
Власовская	1742	1376	910	750	5	–	2657	2126	1
Граббевская	2918	2560	487	470	26	16	3431	3046	1
Денисовская	2259	2027	1007	1069	607	432	3873	3528	2
Иловайская	1148	1124	1178	1150	–	–	2326	2274	1
Кутейниковская	1155	1064	1090	1014	–	–	2245	2078	1
Ново-Алексеевская	1364	1300	2768	2533	–	–	4132	3833	1

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Орловская	–	–	2097	2092	–	–	2097	2092	
Платовская	2148	2115	1730	1652	228	242	4106	4009	2
Потаповская	228	187	92	102	13	10	333	299	1
Чоносовская	995	915	259	241	40	41	1294	1197	2
Эркетинская	434	354	366	348	–	–	800	702	2
Всего	15904	14327	18479	17460	2499	2250	36882	34037	17

Помимо станиц, в Сальском округе имелись земли 5 заседательских участков с населением 3620 человек, в том числе 325 ламаистов (227 мужчин, 98 женщин) и 3295 православных (1 799 мужчин, 1 496 женщин). В Сальском округе в 1913 г. проживало 30556 ламаистов, в 1914 г. – 31 309 (мужчин – 16 544, женщин – 14 765), а всего на Дону в 1913 г. – 31 040, в 1914 г. – 32 051 (в том числе: в 1-м Донском округе – 142, 2-м Донском округе – 576, Донецком округе – 24). Принявших православие калмыков в области Войска Донского числилось 864 человека. В 1914 г. в число казачьего сословия Сальского округа входило 30595 калмыков (16024 мужчин и 14571 женщина).

В 17 хурулах (3 каменные здания и 14 деревянные) службу проводили 149 священнослужителей. С 1902 г. глава калмыцкого духовенства стал именоваться официальным титулом «Лама», вместо «Бакша», и назначаться высочайшей властью, т. е. императором. Благодаря настоянию ламы Менько Бакаровича Барманжинова в школах, где учились калмыки, было введено преподавание калмыцкой грамоты, письменности и буддийского вероучения.

Ежегодно заметно увеличивалось число калмыцких учащихся в школе Великокняжеской станицы. В 1912 г. в станице Великокняжеской для калмыков был открыт доступ в среднее учебное заведение, где обучалось до сотни калмыцких детей.

Накануне войны во всех 13 калмыцких станицах функционировали 13 мужских и 6 женских школ, а также были открыты начальные школы в 14 хуторах. В этих учебных заведениях обучалось до 800–900 учащихся. В них учителями работали калмыки, окончившие курсы в Великокняжеском 4-классном городском училище, в старших отделениях преподавали русские учителя. В Новочеркасском реаль-

ном училище, гимназии учились дети состоятельных калмыцких семей. В 1906 г. впервые донской калмыцкий юноша Бадьма Уланов поступил на юридический факультет Петербургского университета, на высшие Бестужевские курсы в Петербурге – Данара Уланова, которая затем училась на историческом отделении историко-филологического факультета Донского университета. В Новочеркасской женской гимназии учились Маруза Курашева (продолжила обучение в Харьковском медицинском институте), Бусла Акугинова, впоследствии ставшая активным работником партийных и советских органов Ростовской области и Калмыцкой автономной области, и другие калмычки.

Если в 1912 г. демографическая ситуация в калмыцких станицах была несколько благополучная (заключено 209 браков, родилось 1012 детей, умерло 650 человек, из них 203 детей до 10-летнего возраста), то в 1913 г. всего было заключено 156 браков, родилось 870 детей, и показатель смертности несколько не снизился. В 1914 г. в калмыцких улусах в связи с начавшейся войной резко изменилась демографическая ситуация. Родилось всего 843 ребенка, а умерло 884 человека [15].

6.2. Калмыки в войнах России начала XX века

6.2.1. Калмыки-казаки в составе 4-й Донской казачьей дивизии в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

В конце XIX – в начале XX века обострившиеся отношения из-за сферы интересов на Дальнем Востоке, в частности – и в Китае, и Корее, привели к войне Японии с Россией. 26 января 1904 г. Япония, накануне разорвав дипломатические отношения с Россией, без объявления войны напала на Порт-Артур (Люйшунь) и нанесла серьезные повреждения российским двум броненосцам и крейсеру, стоявшим на внешнем рейде. На следующий день в неравном бою погибли крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Началась Русско-японская война, потребовавшая напряжения сил в непростых общественно-политических условиях в стране. Главнокомандую-

щим вооруженными силами на Дальнем Востоке являлся адмирал Е. И. Алексеев, сухопутные войска возглавлял генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, Тихоокеанскую эскадру – вице-адмирал С. О. Макаров.

Первыми в войну вступили соединения из Забайкальского, Амурского, Уссурийского, Сибирского, Уральского и Оренбургского казачьих войск. 22 июня 1904 г. высочайшим указом императора Николая II было принято решение направить на Дальневосточный театр военных действий 4-ю Казачью льготную дивизию области Войска Донского. Ей был придан 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион, который ранее дислоцировался на Украине, в районе Чугуева. Войсковой штаб Войска Донского в соответствии с распоряжением правительства, принятым 25 июня, в тот же день своим приказом объявил 20 июля 1904 г. первым днем мобилизации 4-й Донской казачьей льготной дивизии.

В это время в Донском казачьем войске числились 1876 генералов, штаб- и обер-офицеров, 170666 нижних чинов, в том числе 3680 калмыков-казаков, а также 48228 верховых лошадей. В 1904 г. калмыцкое население в Донской области составляло 31889 человек (16351 мужчина, 15538 женщин), из них в калмыцких станицах Сальского округа проживало 31187 человек [16].

4-я Донская казачья дивизия (командующий – генерал-майор М. Н. Телешов, начальник штаба – полковник Н. Г. Филимонов) формировалась в составе 4 донских казачьих полков и для удобства управления делилась на две бригады. В 1-ю бригаду (командир – генерал-майор М. П. Стоянов) входили 19-й (командир – войсковой старшина П. Г. Пахомов) и 24-й (командир – войсковой старшина В. В. Попов) донские казачьи полки, во 2-ю бригаду (командир – генерал-майор Ф. Ф. Абрамов) – 25-й (командир – полковник В. И. Медведев) и 26-й (командир – войсковой старшина М. В. Багаев) донские казачьи полки. 3-м Донским артиллерийским дивизионом, состоявшим из 2-й Донской казачьей батареи (командир – войсковой старшина С. И. Тарашкин) и 3-й Донской казачьей батареи (командир – полковник Н. А. Евсегнеев), командовал полковник Н. М. Кузнецов.

Полки 4-й Донской казачьей дивизии комплектовались казаками из разных станиц области. Личный состав 19-го Донского казачьего полка формировался из казаков Нижне-Курмоярской, Баклановской, Кутейниковской, Иловайской, Филипповской, Терновской, Цимлянской, Чертковской станиц; 24-го Донского казачьего полка – из станиц Новочеркасской, Кривянской, Грушевской, Аксайской, Александровской, Гниловской, Ольгинской, Хомутовской, Кагальницкой, Мечетинской, Владимирской; 25-го Донского казачьего полка – из Раздорской, Кочетовской, Золотовской, Великокняжеской, Семикаракорской, Нижне-Кундрюческой, Верхне-Кундрюческой, Константиновской, Екатерининской, Усть-Быстрианской станиц; 26-го Донского казачьего полка – из Богоявленской, Николаевской, Мариинской, Камышевской, Семикаракорской, Золотовской, Константиновской, Ермаковской, Денисовской, Платовской и Николаевской станиц.

В состав 2-й и 3-й батарей 3-го Донского артдивизиона входили казаки Гундоровской, Луганской, Каменской, Богоявленской, Мечетинской, Екатерининской, Ермаковской, Митякской, Верхне-Кундрюческой, Еланской, Филипповской, Вешенской, Баклановской, Семикаракорской, Мелеховской, Усть-Быстрианской, Милютинской, Нижне-Кундрюческой, Есауловской, Камышевской, Кобылянской, Пятиизбенской, Золотовской станиц.

По боевому штатному расписанию каждый казачий полк 4-й Донской дивизии имел 25–26 генералов и офицеров, 975–980 нижних чинов, 940–950 верховых лошадей. Основная масса калмыков-казаков (в пределах 70 человек) 4-й Донской дивизии представляла 5 станиц Сальского округа – Баклановская, Кутейниковская, Платовская, Денисовская, Иловайская. Призываемые казаки 4-й дивизии, как и все призывники в остальные полки, обязаны были прибыть со своей лошастью. Однако немногие из бедных казаков могли за свой счет приобрести строевую лошадь, обмундирование, снаряжение. В связи с этим выезжавшим на Дальневосточный фронт казакам выделяли из войскового капитала единовременное пособие в сумме ста рублей для приобретения обмундирования и иного военного снаряжения [17]. А призываемые казаки на строевую службу в другие дон-

ские полки все же должны были приобрести снаряжение за свой счет. Калмыки-казаки должны были полностью снаряжаться за счет станичных сумм, полученных от сдачи в аренду общественных земель. Но это положение не всегда выполнялось. Как вспоминал призывник 1904 г. в 9-й Донской казачий полк, участник Первой мировой войны О. И. Городовиков: «На службу нужно было прийти со своим конем, с седлом, с острой казачьей шашкой, с полной обмундировкой: шинелью, мундиром, шароварами, фуражкой, сапогами, бельем ... Мне пришлось заложить свой земельный пай на шесть лет, чтобы купить коня, шашку и снаряжение» [18].

16 августа 1904 г. в Персиановском лагере, недалеко от Новочеркасска, где казаки 4-й Донской дивизии проходили подготовку, император Николай II и войсковой наказный атаман генерал-лейтенант К. К. Максимович провели смотр ее личного состава и 3-го артдивизиона. На следующий же день началась погрузка полков 4-й Донской казачьей дивизии в железнодорожные составы для отправки на фронт. 30 августа дивизия двинулась в путь, и почти одновременно (4–5 сентября) с ней отправились эшелоны с личным составом и имуществом 3-го Донского артдивизиона на Дальний Восток.

Русская армия на Дальнем Востоке, растянутая на фронте протяженностью 58 км, до 23 ноября 1904 г. делилась на Восточный и Западный отряды. 4-я Донская казачья дивизия, прибывшая в начале октября 1904 г. в Харбин, была включена в состав Западного отряда. Однако в ноябре указанные отряды приказом главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, генералом от инфантерии А. Н. Куропаткиным (назначен 13 октября 1904 г.) были расформированы и на базе их образованы три армии (1-я Маньчжурская, 2-я Маньчжурская и 3-я Маньчжурская).

В соответствии с приказом № 164 от 23 ноября (6 декабря) 1904 г. главнокомандующего А. Н. Куропаткина 4-я Донская казачья дивизия была причислена ко 2-й Маньчжурской армии (командующий – генерал-адъютант О. К. Гриппенберг), в состав которой входили 5-й, 8-й и 10-й Сибирские армейские корпуса, 2-я бригада Оренбургской

казахьей дивизии, 1-й Оренбургский, 1-й Аргунский и Амурский казахь полки, Восточно-Сибирский понтонный батальон [19].

Вскоре по прибытии донцы активно включились в боевые действия против японцев. 17 октября 1904 г. 19-й, 24-й, 25-й донские полки и 3-й Донской артдивизион провели разведку боем за населенные пункты Фуцзячжуаньцзы и Лидиутунь. Если первая деревня донцами была взята без особых трудностей, то атака за Лидиутунь оказалась неудачной. В бою за нее погибли 15 казаков 19-го Донского казахьего полка, в том числе калмыки-казаки Кутейниковской станицы Авга Шарапов, Кирсан Адьянов, Микуль Уланов, 32 казака получили ранения, в том числе калмыки-казаки из той же станицы Иван Дажнов, Санжа Баранов, приказные Бембя Жиров, Менько Цеденов, Церен Джамбинов. Приказный Цебек Джамбинов из станицы Иловайской, будучи раненым, оставался в строю, за подвиг в этом бою, в числе 41 казака, он удостоился Знака отличия Военного ордена (Георгиевского креста) 4-й степени (№ 2858) [20].

В ноябре 1904 г. донские казаки несли сторожевое охранение, вели активную разведку. Один из таких эпизодов из боевой жизни казаков описал Ф. Ростовцев, служивший старшим адъютантом штаба 4-й Донской казахьей дивизии. В ночь 9 ноября к расположению японцев у деревни Фуцзячжуаньцзы из 19-го и 25-го полков отправили группу разведчиков, по 16 человек из каждого полка. В группу 19-го полка сотника Краснянского входил калмык-казак Бембет Иванов (Иловайской станицы) из 6-й сотни. После удачной в ночь с 15 на 16 декабря 1904 г. очередной разведки сотник Краснянский особо отмечал «спокойное, смелое поведение казака Иванова Бембета», который вскоре был произведен в урядники и награжден за многие подвиги Знаком отличия Военного ордена 4-й степени (№ 184365) [21]. Вместе с ним в 4-й и 5-й сотне этого же полка служили калмыки-казаки Маманжинов, Манжиков и Б. Наминов.

С целью задержки переброски японских войск по железной дороге и выдвижения их к Мукдену, в конце декабря 1904 г. штаб 2-й Маньчжурской армии решил направить конный отряд для действий по тылам противника, разгрома главной железнодорожной станции Инкоу. В предписании № 60 от 23 декабря 1904 г. (5 янва-

ря 1905 г.) начальника штаба 2-й Маньчжурской армии Н. В. Рузского указывалось генерал-лейтенанту П. И. Мищенко, начальнику отдельной Забайкальской казачьей бригады, что под его командованием формируется конный отряд для производства набега на тылы 2-й и 4-й японских армий. В его состав включалась 4-я Донская казачья дивизия, командиру которой предстояло возглавить одну из трех колонн отряда. Группа, в состав которой входил 19-й Донской казачий полк, 28 декабря разгромила до двух рот японцев и заняла гор. Ньючжуань. Однако бой главными силами отряда 30 декабря 1904 г. за станцию Инкоу оказался не совсем удачным, вывести ее полностью из строя не получилось. При ее штурме погибли 4 офицера и 57 казаков и драгун, получили ранения 20 офицеров и 171 нижний чин, без вести пропали более 20 казаков. Как предполагал П. Н. Краснов, по всей вероятности, они погибли. По другим данным, т. е. в сообщении от 9 (22 января) 1905 г. главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, генерала от инфантерии А. Н. Куропаткина императору Николаю II указывалось, что в ходе набега отряда П. И. Мищенко погибли 7 офицеров и 73 нижних чина, ранены 32 офицера и 237 нижних чинов, без вести пропал 21 нижний чин, убито 69 и ранено 75 лошадей [22].

2-й Маньчжурской армии, в составе которой находилась 4-я Донская казачья дивизия, на январь 1905 г. ставилась задача – прорвать оборону противника на участке Сандепу – Халентай, овладеть рубежами Цунлянтунь, Тадусанпу, продолжить наступление в направлении дер. Шилихэ. 12 января 1905 г. русская конница двумя колоннами под командованием генерала П. И. Мищенко выступила в район Сандепу. Правая колонна (командир – генерал М.Н. Телешов) состояла из 25-го и 26-го донских полков, Кавказской конной бригады, 3-й Донской артбатарей и 20-й конной артбатареи. Левой колонной, составленной из забайкальских и уральских казаков, командовал генерал Павлов. 13 января отряд Мищенко (с 14 января вместо раненого Мищенко отрядом командовал М. Н. Телешов) переправился через реку Хуньхэ и повел наступление во фланг и тыл японцев. Правая его колонна провела удачное наступление и заняла дер. Саньтянцзы, выбила японцев из дер. Локонго и Нюге и преследовала их до дер. Сюер-

пу. Донцы 25-го и 26-го полков, 3-й Донской артбатарей, захватив дер. Уцзягонзу, содействовали наступлению пехоты 1-го Сибирского корпуса на дер. Ланцгоу. В бою за дер. Уцзягонзу сотня Ф. К. Миронova 26-го полка захватила японский обоз с продовольствием, пленных, прервала телефонную связь противника.

Затем 19-й и 24-й донские полки провели успешные боевые действия за дер. Мамакай и Цзяньцзявопу. За эти удачные сражения отряду генерала П. И. Мищенко (М. Н. Телешова) командующий 2-й Маньчжурской армией генерал-адъютант О. К. Гриппенберг выразил благодарность и пожаловал по 5 Знаков отличия Военного ордена на каждую сотню, участвовавшую в атаке японских укрепленных пунктов.

За подвиги в боях в районе Сандепу 65 донских казаков были награждены Знаками отличия Военного ордена. В числе получивших награды особо был отмечен и награжден Знаком отличия Военного ордена 3-й степени (№ 755) калмык-казак 26-го полка Бадьма Шаргинов (Платовская станица), зарубивший трех японских драгун и захвативший несколько повозок из обоза. Знаков отличия Военного ордена 4-й степени также удостоились калмыки-казаки 26-го Донского полка с формулировкой «за мужество и храбрость, оказанные в январских боях 1905 года с японцами»: урядник Андрей Бадьмин (Георгиевский крест № 159481) из Денисовской станицы, приказный Саран Пацынов (№ 159457) из Платовской станицы, приказный Басан Амарханов (№ 159490) из Платовской станицы, калмык-казак Соломка Сухаринов (№ 159459) из Денисовской станицы.

В четырехдневных боях за Сандепу и в его окрестностях русская армия, по данным Генштаба, потеряла 384 офицера и 11364 солдата, японская армия – 8901 человека. В числе раненых из донских казачьих полков в этих боях значились калмыки-казаки Басан Амарханов, Саран Пацынов, Учур Никитин из Денисовской станицы [23].

«Наконец, по донесениям Чичагова, японцы вторглись в Монголию, – писал в своих мемуарах А. Н. Куропаткин, – и при помощи многочисленных шаек хунхузов начали нападать на железную дорогу в тылу нашего расположения. Мне пришлось ослабить нашу

армию выделением бригады пехоты и четыре казачьих полков, для усиления охраны дороги нашего тыла».

После краткого отдыха 4-я Донская казачья дивизия в соответствии с приказом главнокомандующего А. Н. Куропаткина от 4 февраля 1905 г. приступила к охране тыловых коммуникаций и борьбе с японскими диверсионными отрядами, действовавшими в тылу русской армии. На тот момент боевой состав полков 4-й Донской казачьей дивизии представлялся в следующем виде (табл. 1) [24].

Таблица 1

Полки	Генералов и офицеров	Чиновников	Нижних чинов	Лошадей
19-й	25	3	901	1211
24-й	25	2	795	1075
25-й	23	9	534	1184
26-й	29	2	817	956
В дивизии	102	16	3047	4426

Казакам полков 4-й Донской казачьей дивизии пришлось нести охранно-патрульную службу на обширной территории Монголии, часто вступая в боевые столкновения с японскими диверсионными отрядами. За мужество и умелые действия в этих боях Знаками отличия Военного ордена 4-й степени были отмечены урядник 19-го полка калмык Намга Авюсов (Георгиевский крест № 152618) из Кутейниковской станицы, калмык-казак этого же полка Эрдне Чапинов (№ 3399) из Баклановской станицы, калмыки-казаки 26-го полка Батыр Манунинов (№ 11444) из Денисовской станицы, Эрдне Чунков (№ 100469) из той же станицы. Кроме них, с формулировкой «За личные подвиги, мужество и храбрость, оказанные одновременно в боях с японцами», были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени калмыки-казаки 26-го полка Бадьма Шаргинов (№ 183364), имевший Георгиевский крест 3-й степени, а также Батыр Харкубенев (№ 124040) из Денисовской станицы, Эрдне Кумонов (№ 3898) из той же станицы, 19-го полка – Санжа Баранов (№ 184377) из Иловайской станицы, Иван Даржинов (№ 121966) из Иловайской станицы, приказный Бадьма Шалхаков (№ 159950) из той же станицы. Вскоре

Бадьма Шаргинов, имевший Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени, за подвиг был удостоен Георгиевской медали 4-й степени [25].

4-я Донская казачья дивизия несла службу не только до прекращения военных действий на всех фронтах, но и вплоть до выезда в марте 1906 г. на Дон. Полки дивизии, 3-й Донской артдивизион, несмотря на то что 31 августа 1905 г. Россия и Япония заключили перемирие и ратифицировали мирный договор 2 октября 1905 года, вернулись домой лишь в апреле 1906 г.

За время боевых действий на Дальнем Востоке 4-я Донская казачья дивизия понесла заметные потери (табл. 2) [26].

Таблица 2

Полки	Убито	Ранено	Пропало без вести	Всего убыло	Средний списочный состав
19-й	20 (2%)	63 (6,6%)	3	86 (9%)	950
24-й	19 (2%)	36 (3,7%)	5	60 (6,1%)	949
25-й	11 (1,2%)	32 (3,4%)	7	50 (5,2%)	956
26-й	7 (1,5%)	58 (6%)	5	70 (7,4%)	937
Итого:	57 (1,5%)	189 (5%)	20	266 (7%)	3792

В числе 57 убитых были 3 калмыка-казака (5,2 % общего числа погибших казаков дивизии и 4,3 % общего числа калмыков дивизии), 189 раненых – 10 калмыков-казаков (5,3 % общего числа раненых казаков и 14,3 % общего числа калмыков дивизии).

Накануне юбилейных событий династии Романовых общественные организации страны и регионов начали кампанию по увековечению памяти погибших в войнах, в том числе и в Русско-японской. В августе 1912 г. Сальский местный отдел «Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям» внес в «Комиссию по увековечению памяти воинских чинов, погибших в войну с Японией» (почетный председатель великий князь Михаил Александрович) предложение об установлении на буддийских храмах (хурулах) поминальной доски для увековечения памяти воинских чинов – калмыков буддийского вероисповедания. Эта идея была поддержана названной Комиссией, Центральным правлением «Общества по-

всемерной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям» и Департаментом духовных дел Министерства внутренних дел.

Эскиз поминальной доски по увековечению памяти погибших калмыков-казаков в войне с Японией был подготовлен в декабре 1912 г. и одобрен бакшой-ламой донских калмыков М. Б. Барманжиновым и наказным атаманом области Войска Донского, утвержден Комиссией и Департаментом духовных дел МВД. На поминальной доске была сделана на калмыцком языке надпись «За Веру, Царя и Отечества» и на русском языке составлен список (фамилии, имена и отчества с указанием станицы) погибших и умерших от полученных ран в войне с Японией. Поминальные доски были установлены на зданиях хурулов в станицах Денисовской, Платовской, Иловайской, Кутейниковской [27]. К сожалению, эскизы поминальных досок и нанесенные на них тексты в архивах не сохранились.

В Русско-японской войне донские казаки заметно отличились своим мужеством, дисциплинированностью, боевой подготовкой, умением воевать. По праву многие казаки и офицеры 4-й Донской казачьей дивизии заслужили военные награды. Общее число награжденных донских казаков по полкам представлено в приводимой таблице (табл. 3) [28].

Таблица 3

Полки	Общее число	из них награжденных				в полку
		4-й ст.	3-й ст.	2-й ст.	1-й ст.	
19-й	184 (19,4 %)	171	12	1	—	950
24-й	125 (13,2 %)	120	5	—	—	949
25-й	111 (11,5 %)	103	7	1	—	956
26-й	154 (16,4 %)	140	10	3	1	937
Всего:	574 (15,2 %)	534	34	5	1	3792

В числе награжденных 574 (15,2 %) казаков 4-й Донской дивизии были 11 калмыков-казаков (2 % общего количества получивших награды и 15,7 % общего числа калмыков в дивизии), из них Бадьма Шаргинов удостоился двух Георгиевских крестов (4-й и 3-й степени) и Георгиевской медали, Баклан Янжинов, личный коновод генерала от инфантерии Главнокомандующего А. Н. Куропаткина, — Георгиев-

ских крестов 4-й и 3-й степени, Чонкуш Алцадыков из 6-й сотни 26-го полка (станция Денисовская) – Георгиевского креста 4-й степени за взятие в разведке в плен двух японцев. Старший адъютант штаба 4-й Донской казачьей дивизии Ф. Ростовцев, характеризуя участие донских казаков в Русско-японской войне по станицам, отмечал: «Весьма храбры были калмыки» [29].

Эти традиции предков калмыков-казаков продолжили и продемонстрировали в Первую мировую войну дети многих участников Русско-японской войны. К ним можно отнести сыновей, родственников Шаргинова, Шарапова, Иванова, Уланова, Цеденова, А. Манганова, Джамбинова, Е. А. Басанова, Б. Наминова, Никитина, П. Хахланова и др., воевавших в составе 5-го генерала Власова, 9-го генерала Орлова-Денисова, 19-го, 39-го и других донских казачьих полков и награжденных Знаками отличия Военного ордена. А казаку из Денисовской станицы, как и многим другим калмыкам-казакам из калмыцких станиц, Учтуру Анчиковичу Мусову, участнику Русско-японской войны, довелось повоевать и в Первую мировую войну, Гражданскую [30].

В начале 1906 г. император Николай II учредил памятную медаль трех степеней (серебряную, светло-бронзовую и темно-бронзовую) о войне 1904–1905 гг. Генералы, офицеры и казаки 4-й Донской казачьей дивизии как участники боевых действий в войне с Японией в 1906 г. получили светло-бронзовую медаль для ношения на груди на ленте, составленной из Александровской и Георгиевской. Прибыв на Дон, казаки полков 4-й Донской дивизии и 3-го Донского артиллерийского дивизиона, получили двухмесячный отпуск.

Почти трехлетние революционные события в России, в которые было втянуто и донское казачество в качестве силы в борьбе с антиправительственными выступлениями, в 1907 г. пошли на убыль. Но и в этих социальных и политических брожениях в среде казачества явно наметилась тенденция к переходу в бифуркационное состояние, до открытого проявления которого оставалось немного времени.

В 1906 г. калмыцкая интеллигенция на Дону под влиянием революционных событий начала втягиваться в политическую жизнь. Активисты национального движения в 1907 г. создали союз калмыцких

учителей и деятелей народного образования – «Знамя калмыцкого народа», который вошел в состав федерации национальных и территориальных учительских союзов России. По замыслу организаторов, национально-демократическая организация должна была преследовать цель не только национального возрождения, просвещения народа, но и задачу «добиваться полного самоопределения калмыцкого народа и автономии» [31].

6.2.2. Калмыки-казаки в составе донских военных частей в кампании 1914–1915 гг. Первой мировой войны

Балканские события лета 1914 г., связанные с покушением сербского националиста Н. Чаброновича, работника типографии, убийством сербским студентом-террористом Г. Принципом в Боснии эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его супруги Софии Хотек послужили поводом к развязыванию Первой мировой войны, назревавшей из-за резко обострившихся отношений между ведущими странами Европы. Австрия, предъявив 10 (23) июля 1914 г. Сербии провокационный ультиматум и не удовлетворившись ответом, объявила 15 (28) июля, что «императорское королевское правительство вынуждено само вступить в защиту своих прав и интересов и обратиться с этой целью к силе оружия, Австро-Венгрия считает себя с настоящего момента в положении войны с Сербией». Таким образом, Австро-Венгрия, «с нетерпением ожидавшая дня, когда ей можно будет, под прикрытием германского шита, обрушиться на маленького соседа», вместе с Германией развязала войну мирового масштаба [32].

Российское правительство, внимательно следившее за стремительно развивающимися событиями в Европе, 12 (25) июля 1914 г. провело экстренное заседание под председательством самого императора Николая II. Существенное значение имели мнения выступивших на нем министров иностранных дел С. Д. Сазонова, военного министерства В. А. Сухомлинова, земледелия А. В. Кривошеина, подтолкнувшие императора Николая II занять твердую позицию в во-

просе защиты Сербии. Правительство, учитывая незавершенность государственной программы перевооружения армии, вынесло решение с оговоркой: «Пока не объявлять мобилизацию, но принять все подготовительные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности». Такое вынужденное решение было принято, как вспоминал С. Д. Сазонов, «чтобы быть готовыми ко всяким случайностям, которые при медленности нашей мобилизации представляли для нас особенную опасность» [33].

На следующий день, 13 (26) июля, Совет министров принял постановление «О введении в действие положения о подготовительном к войне периоде», которое в тот же день было высочайше утверждено императором. Генеральный штаб немедленно же разослал во все министерства и ведомства копии этого документа. 14 (27) июля министр внутренних дел Н. А. Маклаков в соответствии с данным постановлением правительства отправил во все губернии шифрованную телеграмму за № 337. Он поручил губернаторам неуклонно выполнять приказы командующих войсками в военных округах и командующих морскими силами, принять меры по усилению охраны («окарауливания») общественного порядка, в районах мобилизации прекратить торговлю спиртными напитками, а также приступить «к исправлению, в указанном законом порядке, дорог, мостов и переправ по указанию штаба округа» [34].

16 (29) июля Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации в стране с 17 июля 1914 г., абсолютно не означавший объявления войны. В нем отмечалось: «Признать необходимым привести на военное положение часть армии и флота, для выполнения сего, согласно с указами, данными Нами сего числа военному и морскому министерствам, повеливаем: 1) Призвать на действительную службу, согласно действующему мобилизационному расписанию 1910 года, нижних чинов запаса и поставить в войска лошадей, повозки и упряжь от населения». Далее перечислялись все губернии, в том числе указывалась и область Войска Донского. ... «4) Вызвать со льготы казаков Донского, ... казачьих войск из числа, потребном для укомплектования назначенных к приведению на военное положение казачьих частей...» [35].

На следующий день Германия в ультимативной форме потребовала от России прекратить мобилизационные мероприятия и в двенадцатичасовой срок демобилизовать призванных. Не получив положительного ответа от российского правительства, 19 июля (1 августа) в 19 час. посол Германии граф Пурталес вручил министру иностранных дел России С. Д. Сазонову ноту, содержащую объявление войны России.

16 октября 1914 г. два турецких миноносца потопили российскую канонерскую лодку «Донец», под турецким флагом немецкие крейсера «Гэбен», «Бреслау» и «Гамидне», находившиеся еще с августа в водах Турции, обстреляли прибрежные города Севастополь, Новороссийск и Феодосию. В высочайшем манифесте от 20 октября 1914 г., подписанном Николаем II, говорилось: «Предводимый германцами турецкий флот осмелился вероломно напасть на наше Черноморское побережье». В этой обстановке Россия вынуждена была объявить войну Турции, которая, как писал С. Д. Сазонов, «безповоротно связала свою судьбу с нашими противниками». В орбиту войны, приобретшей характер мирового масштаба, оказались втянутыми 38 государств с населением более 1,5 млрд человек [36].

К началу войны на западных границах России были развернуты войска двух фронтов: Северо-Западного (командующий – генерал от инфантерии Я. Г. Жилинский, начальник штаба – генерал В. А. Орановский) и Юго-Западного (командующий – генерал от артиллерии Н. И. Иванов, начальник штаба – генерал М. В. Алексеев). Верховным главнокомандующим император назначил 20 июля (2 августа) 1914 г. великого князя Николая Николаевича, начальником штаба Ставки – генерал-лейтенанта Н. Н. Янушкевича (его адъютантом являлся корнет Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, калмыцкий князь Данзан Церенович (Дмитрий Давыдович) Тундутов).

В состав Северо-Западного фронта входили: 1-я армия (командующий – генерал от кавалерии П. К. Ренненкампф, начальник штаба – генерал Г. Г. Мильянт), развернутая в Виленском военном округе на позициях Ковно – Олита – Мереч; 2-я армия (командующий – генерал от кавалерии А. В. Самсонов, начальник штаба – генерал П. И. Постовский), находившаяся в районе Нарева и растянутая на линии Августов – Остроленка – Новогеоргиевск.

Юго-Западный фронт состоял из 4-х армий в трех отдельных группах: 3-я (командующий – генерал от инфантерии Н. В. Рузский, начальник штаба – генерал В. М. Драгомиров), представлявшая Ровненскую группу, дислоцировалась в районе Луцк – Каменец; 4-я (командующий – генерал от инфантерии А. Е. Зальц) и 5-я (командующий – генерал от кавалерии П. А. Плеве, начальник штаба – генерал Миллер) армии, составлявшие Западную группу, располагались вдоль железной дороги Холм – Люблин – Ново-Александрия – Ковель; 8-я (командующий – генерал от кавалерии А. А. Брусилов) армия – Проскуровская группа – была развернута в направлении между Львовом и р. Днестром.

Русские армии подразделялись на корпуса, корпус – на дивизии, дивизия – на бригады, бригада – на полки. В армейскую кавалерийскую дивизию наряду с драгунским, уланским, гусарским полками входил 1 казачий полк.

Находившиеся на двух фронтах донские казачьи полки, отдельные и особые донские казачьи сотни были распределены почти по всем армиям. В составе 1-й армии Северо-Западного фронта числились полки: 1-й Донской казачий Суворова-Рымникского (в 1-й гв. кавдивизии), 2-й Донской казачий Его императорского высочества государя наследника (е.и.в.н.г.ц.) во 2-й гв. кавдивизии); 3-й Донской казачий Ермака Тимофеева (в 3-й кавдивизии). 34-й Донской казачий полк прибыл в начале августа и поступил в III армейский корпус. В составе этой армии находились еще 44-й (II армейский корпус в Друскеники), 46-й (XX армейский корпус), 47-й (при штабе армии в Вержболове) донские казачьи полки, а также 19-я и 26-я отдельные донские казачьи сотни (в IV корпусе).

Во 2-ю армию этого же фронта входили донские казачьи полки: 4-й Донской казачий М. И. Платова (в 4-й кавдивизии); 6-й Донской казачий генерала Краснощекова (в 6-й кавдивизии); 21-й (в XV армейском корпусе); 22-й (в VI армейском корпусе); 31-й (во II армейском корпусе); 38-й (в XXIII армейском корпусе); 40-й (в XIII армейском корпусе) донские казачьи полки, а 35-й Донской казачий полк находился при Ставке ВГК. К этой же армии были причислены 14-я, 15-я, 17-я, 20-я, 27-я и 28-я отдельные донские казачьи сотни.

В 3-й армии Юго-Западного фронта находились: 7-й Донской казачий войскового атамана Денисова (в 10-й кавдивизии) и 12-й Донской казачий князя Потемкина-Таврического (в 11-й кавдивизии) полки; 45-й Донской казачий полк (в XXI армейском корпусе), а также 11-я, 31-я отдельные донские казачьи сотни, 3-й Донской артиллерийский дивизион (2-я и 3-я батареи).

К 4-й армии были причислены: 5-й Донской казачий войскового атамана Власова (в 5-й кавдивизии) и 14-й Донской казачий войскового атамана Ефремова (в 14-й кавдивизии) полки; 23-й Донской казачий полк (в XIV армейском корпусе); 7-я, 21-я отдельные донские казачьи сотни, 7-й Донской артдивизион (14-я и 15-я батареи).

В 5-й армии состояли: 1-я Донская казачья дивизия (9-й Донской казачий графа Орлова-Денисова, 10-й Донской казачий генерала Луковкина, 13-й Донской казачий князя Кутузова-Смоленского, 15-й Донской казачий генерала Краснова 1-го полки); 11-й Донской казачий графа Денисова полк (в 7-й кавдивизии); 39-й (в XIX армейском корпусе), 41-й (в V армейском корпусе) и 42-й (в XVII армейском корпусе) донские полки; 50-й Донской казачий полк (при штабе армии); 8-я, 9-я, 18-я, 35-я и 36-я отдельные донские казачьи сотни и 1-й Донской артдивизион (6-я и 7-я батареи).

В 8-й армии числились: 16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го и 17-й Донской казачий генерала Бакланова полки (во 2-й Сводно-Казачьей кавдивизии); 37-й Донской казачий полк (в VIII армейском корпусе); 12-я, 32-я, 33-я отдельные донские казачьи сотни, 2-й Донской артдивизион (4-я и 5-я батареи).

В Гвардейскую казачью бригаду, расположенную при Ставке Верховного главнокомандующего, входили Лейб-гвардии Казачий его величества полк и Лейб-гвардии Атаманский его императорского высочества государя наследника цесаревича полк; а в XVIII армейский корпус – 24-я Особая, 28-я и 29-я отдельные донские казачьи сотни.

В течение 1914 г. Юго-Западный фронт был пополнен тремя донскими казачьими дивизиями: 3-я (18, 20, 30 и 32-й полки), 4-я (19, 24, 25, 26-й полки) и 5-я (27, 28, 29 и 33-й полки); 8-м Донским казачьим полком; 4-м (8 и 9-я батареи), 5-м (10 и 11-я батареи), 6-м (12 и 13-я

батареи) и 9-м (18 и 19-я батареи) донскими артдивизионами; 1-й, 17-й и 21-й донскими казачьими батареями. Помимо этого, 4 (48, 49, 51 и 53-й) донских казачьих полка и 24-я Отдельная донская казачья сотня дислоцировались в различных регионах Европейской части России. В августе 1914 г. в 1-ю армию Северо-Западного фронта прибыли 48-й Донской казачий полк (вошел в состав 56-й дивизии) и 51-й Донской казачий полк (входил в XXVI корпус) [37].

Таким образом, на предстоящих театрах военных действий на западе в составе российской армии находились 4 донские кавалерийские дивизии в составе 16 полков и еще 34 донских казачьих полка, 24 отдельные и особые донские казачьи сотни, 8 донских артиллерийских дивизионов в количестве 16 батарей и отдельно еще 3 арт-батареи.

В Кавказской армии (командующий – генерал от инфантерии Н. Н. Юденич), созданной осенью 1914 г. в связи с вступлением Турции в войну на стороне Германии, находились 3 донских казачьих полка (55-й, 56-й и 57-й), 10 отдельных донских казачьих сотен и 1 Донская казачья пешая бригада (командир – генерал-майор Павлов) в составе 4 батальонов общей численностью более 4 тыс. казаков третьей очереди. Остальные 4 донских полка (36, 43, 54 и 58-й) и 1 Отдельная сотня располагались в других местах.

Накануне войны в строевых частях области Войска Донского состояло 16 генералов, 2 292 штаб- и обер-офицера, 88 249 нижних чинов, в том числе 3 760 калмыков-казаков, а также числилось 87 317 лошадей (строевых – 80 687, артиллерийских – 2893, обозных – 3 737). По штатной росписи Донское войско обязано было выставить в военное время следующие строевые части: 2 гвардейских и 52 армейских конных полка 6-сотенного состава, 36 отдельных сотен, 1 гвардейскую и 17 армейских запасных конных сотен, 1 гвардейскую и 21 армейскую конную батарею 6-орудийного расчета, 1 запасную батарею с 4 орудиями, 9 местных и 3 прочих команды для службы в области.

Фактически на западном предстоящем театре военных действий в 60 донских казачьих полках – Лейб-гвардии Казачьем его величества и Лейб-гвардии Атаманском Его императорского высочества государя наследника цесаревича, номерных с 1 по 58 полках, в отдель-

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

ных и особых сотнях – числились 2 125 генералов и офицеров, 72 830 нижних чинов, из них в конных частях – 1977 офицеров и 67 843 нижних чина, в том числе 3 120 калмыков-казаков, в артиллерийских батареях – 148 офицеров и 4 987 нижних чинов [38].

Для координации и руководства деятельностью казачьих частей действующей армии 8 марта 1915 г. была учреждена должность Походного атамана всех казачьих войск при Верховном главнокомандующем. На этот пост был назначен великий князь Борис Владимирович. В сентябре того же года с принятием Николаем II Верховного главнокомандования Походный атаман получил титул «при Его Императорском Величестве». В связи с расширением функций Походного атамана был образован аппарат управления – штаб во главе с генерал-майором А. П. Богаевским.

По данным канцелярии Походного атамана при Его Императорском Величестве, в начале войны донские казачьи полки, отдельные и особые донские казачьи сотни выступили в полном составе [39]. Однако не все донские полки, сотни, артдивизионы представили полные сведения в Канцелярию.

Полки	Выступило в поход				Командиры
	офице- ров	казаков, в том числе:			
		строе- вых	нестро- вых	калмы- ков	
Лейб-гв. Казачий его величест.	35	485	100	1	ген.-майор И.Д. Орлов
Лейб-гв.Атаманский е. и.в.г.н.ц.	35	722	96	20	ген.-майор, великий кн. Борис Владимиро- вич Романов
Лейб-гв.Свод.- Каз.	27	643	80		ген.-лейт. М.Н. Граб- бе (затем до октября 1915 г. ген. А.П. Бога- евский)
1-й Дон. каз. Суворо- ва-Рымнинского	25	754	87	1	ген.-майор Желтухин
2-й Дон. каз. е.и.в.г.н.ц.	26	755	98	20	полк. Леонов
3-й Ерм.Тимофеева	26	832	—		полк. Разгонов

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

4-й М.И.Платова	26	773	39	15	полк. Крюков
5-й Власова	26	770	83	25	полк. В.М. Родионов
6-й Краснощекова	20	730	79		полк. А. Н. Исаев
7-й в.ат. Денисова	25	765	86		полк. Васильев
8-й Иловайского 12-го	25	750	14		полк. Сарин
9-й гр. Орлова-Денисова	26	754	92	9	полк. И.Д.Попов
10-й Луковкина	21	Нет сведений			полк. П.Н. Краснов
11-й графа Денисова 6-го	25	703	90		полк. С.В. Денисов
12-й кн. Потемкина-Таврич.	26	820	76		полк. Попов
13-й Кутузова-Смоленского	26	894	–		полк. Г. Каргольсков
14-й в.ат. Ефремова	22	820	66		полк. Корнеев
15-й Краснова 1-го	26	762	76		полк. В.И. Фарафонов
16-й Грекова 8-г	29	906	120		полк. Юдин
17-й Бакланова	26	648	74		полк. А. Алексеев
18-й Дон.казачий	15	887	73		полк. Кузнецов
19-й	25	857	–	25	полк. К.К. Мамонтов
20-й	24	872	81	3	полк. А.М. Назаров
21-й	25	874	85	3	полк. Чирков
22-й	24	875	82	31	в.ст. А.А. Ханжонков
23-й	24	866	86		в.ст. Измайлов
24-й	23	874	86		полк. Михайлов
25-й	22	874	86	4	полк. Потоцкий
26-й	22	871	85	22	полк. А.А. Поляков
27-й	25	874	86	3	полк. Тарасов
28-й	26	878	83		полк. Кострюков
29-й	24	873	86	3	полк. Усачев
30-й	18	871	80		полк. Аврамов
31-й	19	892	53		в.ст. Раков
32-й	27	875	79		полк. В.В. Шляхтин
33-й	22	889	71		полк. Колоссовский
34-й	22	874	96	1	ген.-майор Голдин
35-й	25	874	84		в.ст. Дьяконов
36-й	26	875	85	8	полк. Кочетов
37-й	23	874	85		полк. Кундрюков
38-й	19	924	35	1	в.ст. Дорошев
39-й	19	873	86	37	полк. Донсков
40-й	21	879	86	8	полк. Абрамов

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

41-й	24	924	35	5	полк. Толконников
42-й	20	874	85		полк. Бурлаков
43-й	20	874	86	9	полк. Нефедов
44-й	25	874	86		полк. Казачихин
45-й	25	874	86		в.ст. Косичев
46-й	21	877	86		в.ст. Касьяненко
47-й	18	874	86		полк. Базаров
48-й	25	866	85		полк. Попов
49-й	21	874	81	5	полк. Попов
50-й	25	874	86	1	
51-й	25	900	57		в.ст. Давыдов
52-й	23	883	65		полк. Б.Р. Хрещатицкий
53-й	29	96	88	3	полк. Н.И. Звегинцев
54-й	23	830	83	2	в.ст. Ляборинский
55-й	14	531	61		полк. Дубенцов
56-й	11	542	603	6	полк. Савельев
57-й	13	558	–	14	полк. Никольский
58-й	15	726	60		
1-й Донской казачий бат.	2	1160	193		
2-й	21	1131	128		
3-й с 8. 04. 1915 г.	21	1160	128		
4-й	21	1156	129		
1-я Отдельная каз. сотня – включ. по 8-й	нет сведений				
9-я	3	145	11		
10-я	3	145	12		
11, 12 и 13-я сотни	нет сведений				
14-я	3	148	8		
15, 16 и 17-я сотни	нет сведений				
18-я	2	147	2		
19-я	3	145	13		
20–30-я сотни	нет сведений				
31-я	3	148	8		
32-я	3	145	11		
33-я	3	148	8		
34-я	нет сведений				
35-я	2	145	4		
36-я	2	145	4		

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

1-я Особая донская сотня	нет сведений				
2-я	2	144	6		
3–4-я Особые сотни	нет сведений				
5-я	2	14	6		
6-я	3	145	6		
7-я	нет сведений				
8-я	2	144	6		
9-я	2	150	1		
10-я	2	142	7		
11-я	нет сведений				
12-я	2	144	6		
13-я	нет сведений				
14-я	2	145	6		
15–17-я сотни	нет сведений				
18-я	2	148	1		
19-я	2	149	1		
20-я	2	14	–		
21-я	2	147	4		
22-я	2	145	6		
23-я	24	866	86		
24–28-я сотни	нет сведений				
29-я	2	144	7		
30-я	2	145	7		
31, 32 и 33-я	нет сведений				
34-я	3	145	7		
35-я	2	150	1		
36-я	3	140	8		
37-я	нет сведений				
38-я	2	139	2		
39-я	3	145	7		
40-я	3	140	7		
41–43-я сотни	нет сведений				
51-я	2	148	3		
52-я	нет сведений				
53-я	2	145	6		
55-я	2	143	1		
56-я	3	145	6		
57, 61-я	нет сведений				
72-я	3	144	6		
73-я	3	139	6		

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

78-я	2	146	5		
83-я	3	145	6		
90-я	нет сведений				
96-я	3	149	1		
97-я	нет сведений				
1-й Донской казачий артдивизион	нет сведений				
1-я Донская казачья батарея	4	158	31		
2-й Донской казачий артдивизион в обеих батареях	10	347	53		
3-й артдивизион	нет сведений				
4-й артдивизион	11	350	64		
5-й	9	357	62		
6-й	11	354	60		полк. И.П. Астахов
7-й	11	356	62		
в его 15-й артбатареи				1	
8-й	нет сведений				
в его 16-й артбатареи				1	
9-й	9	376	66		
10-й	9	291	42		
12-й	8	355	–		
Всего	1737	64813	6344	277 (далеко по не полным дан- ным).	

Таким образом, по не полным данным, в поход выступило 1 737 офицеров, 64813 нижних чинов, в том числе 6344 нестроевых казака. Калмыки-казаки в полках по национальному признаку не выделялись. Командиры отдельных полков указывали лишь наличие количества калмыков-казаков. Кроме этих донских военных частей, в мае 1917 г. были сформированы еще 22-я Донская казачья батарея в составе 4 офицеров, 135 строевых и 97 нестроевых казаков, и 23-я Донская казачья батарея в составе 4 офицеров, 132 строевых и 12 нестроевых казаков.

По имеющимся данным в отчетах войскового наказного атамана области Войска Донского за 1914 г., накануне войны по мобилиза-

ционному плану донские строевые части выступили своевременно и находились в установленных местах дислокации. В Кавказском военном округе в начале 1914 г. числились 12 офицеров и 601 нижний чин, а в области Войска Донского находились еще 171 офицер и 14818 нижних чинов, в том числе более 600 калмыков-казаков. В декабре 1914 г. при каждом донском казачьем полку были сформированы конно-саперные команды, а при некоторых и конно-пулеметные команды [40].

В военной кампании 1914 г. на Северо-Западном, Юго-Западном и Кавказском фронтах действовали 14 кавалерийских казачьих дивизий. В их числе находилась прибывшая 1 августа в Люблин 1-я Донская казачья дивизия (командир – генерал-лейтенант Кузьмин-Караваев, с 8 августа – генерал-майор И. А. Поляков, с 12 сентября – генерал-майор Г. И. Чоглоков) в составе 9-го Донского казачьего графа Орлова-Денисова, 13-го Донского казачьего князя Кутузова-Смоленского, 10-го Донского казачьего генерала Луковкина и 15-го Донского казачьего генерала Краснова 1-го полков. Дивизии был придан артиллерийский дивизион с 12 орудиями. В личный состав дивизии и артдивизиона входили 99 офицеров, 4069 казаков.

2-я Сводно-Казачья дивизия (командир – генерал-майор А. А. Павлов) была скомплектована в составе 16-го Донского казачьего генерала Грекова 8-го и 17-го Донского казачьего генерала Бакланова полков и других казачьих полков. В 3-ю Донскую казачью дивизию (командир – генерал-майор Евреинов, с 3 сентября 1914 г. – генерал Ф. Я. Гилленшмидт) вошли 18, 20, 30 и 32-й донские казачьи полки и ей был придан 4-й артдивизион, затем временно были подчинены еще 13-й и 17-й оренбургские казачьи полки. В личный состав дивизии входили 105 офицеров, 4645 шашек (казаков), в ней числились 5579 лошадей, 12 орудий и 8 пулеметов. 4-я Донская казачья дивизия (командир – генерал-майор Свешников) состояла из 19, 24, 25 и 26-го донских казачьих полков; 5-я Донская казачья дивизия (командир – генерал-лейтенант Г. М. Ванновский) – 27, 28, 29 и 33-го донских казачьих полков, в личном ее составе состояли 109 офицеров, 3702 шашки (казака). 5-й дивизии был придан 6-й артдивизион с 12 орудиями.

Калмыки-казаки, не выделявшиеся в отчетах по национальному признаку, служили почти во всех донских казачьих полках и других военных частях. В Лейб-гвардии Казачьем Его Императорского величества полку, что известно по наградному документу, служил калмык урядник Даржа Попов, удостоенный Георгиевского креста 4-й степени за подвиг, совершенный 23 октября 1914 г. в разведке в тылу врага.

В Лейб-гвардии Атаманском Его императорского высочества государя наследника цесаревича полку, по не полным данным, служили 20 калмыков-казаков, в том числе Георгиевские кавалеры, награжденные двумя Георгиевскими крестами (4-й и 3-й степени): в 4-й и 2-й сотнях – старшие урядники Эрдни Эрдниевич Шарапов, Багла Сафонов, Даржа Цаганович Абушинов; награжденные Георгиевскими крестами 4-й степени – приказный Владимир Даржинович Мушанов, казаки: Александр Саргинов служил в 3-й сотне, Санжа Бурсаков (погиб в первом же бою 4 августа) – во 2-й сотне, Бадьма Учурович Бурсаков – в 5-й сотне, Александр Абушинов – во 2-й сотне, Зула Михайлович Зудьбинов из Кутейниковской станицы (погиб в том же бою 4 августа 1914 г.) – во 2-й сотне.

В первом же бою (4 августа 1914 г.) отличился казак Лейб-гвардии Атаманского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка Александр Абушинов. В его наградном документе говорится, что «у казака Александра Абушинова 4 августа 1914 г. во время конной атаки на немецкую пехоту была убита его лошадь, а сам ранен в левую руку, несмотря на это, он продолжал в упор расстреливать неприятеля. Продолжал вести огонь до тех пор, пока не был ранен в голову. Представлен он к награждению Георгиевским крестом 4-й степени» [41]. Следовательно, его по праву можно считать первым из калмыков-казаков Георгиевским кавалером Первой мировой войны.

Во 2-м Донском казачьем Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полку, по выявленным данным, служили 20 калмыков-казаков, из них известны: урядник Егор Басанов, казаки Василий Алексеевич Хомутников, Джова Авджинович Антонов. В 4-м Донском казачьем графа М. И. Платова полку, далеко

по не полным данным, несли службу 16 калмыков (приказные Санжа Баляшкинович Шарапов и Иван Дарбаков, казаки Петр Шалвурович Эвюшев, Бугар (Дугар) Буктунович Шарапов, Даржа Урсинов, Б. Б. Абушинов, П. Ш. Аюшов, Санчир Алексеев, Бадьма Гунинов, Семен Манжиков, Санжа Манжиков, Василий Полтинов, Цасан Полтинов, Иван Уланов, Лиджа Халхин, Северга Чемитев); в 5-м Донском казачьем генерала Власова полку – 25 калмыков (урядник Куваков, казаки С. Л. Цединов, Дарма М. Соломонов, Л. М. Цагадинов, Бунта Чиданович Марнин, И. П. Ильзитинов, Семен Алексеевич Дундуков, Николай Савельдинович Тихонов, Мегаль Кирсанович Баунов и Пота Кирсанович Баунов, Надмид Альчинович Утюшков, Санжик Бергинович Ласкутов, Б. И. Учуров, Пальде Цибинович Рубушанов, А. Б. Абушинов, Бата Багошович Баранов, М. К. Дженгуров, Евгений Алинович Батыров, Влас Первеевич Шевянцуков, Артем Илюмжинович Батов, К. С. Абушинов, М. С. Абушинов, Овре Бурчинович Шарапов).

В 9-м Донском казачьем генерала Орлова-Денисова полку служили 9 калмыков (старший урядник, затем подхорунжий В. Э. Урхусов, награжденный 4 Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью, знаком «За боевые отличия», казаки Н. Ц. Уланов, Б. Б. Бульдинов, Б. У. Татнинов, М. Ч. Татнинов, Э. Э. Манжиков, П. Б. Цединов, К. Ц. Шаргинов, Б. Н. Чужгинов); в 19-м Донском казачьем полку 4-й Донской казачьей дивизии – 25 калмыков (войсковой старшина Николай Цебинович Мангатов, награжденный почетным Георгиевским оружием, погиб 21 ноября 1914 г., урядники С. Н. Бургудуков (награжденный Георгиевскими крестами 4-й степени – 24 августа 1914 г. и 3-й степени – 3 июня 1915 г.) и К. В. Французов, казаки С. П. Басанов, К. Ш. Зудбинов, Ш. А. Балинов, Дарма Учурович Гордиев, С. С. Шарапов, Дарьма С. Бальтинов, Церен Бадьминович Прусов, Басан Б. Тапкин, Н. Д. Куваков, Эренжен Куканович Васильев, М. И. Уласинов, М. Д. Парсункинов, Эмта Полякович Иванов, Кука А. Семенов, Б. М. Самтонов, Лиджи А. Басинов, Альзетя Б. Басанов, Сивирга Петрович Пурсанкинов, Ш. Д. Манжиков, Батыр Иванович Михайлинов, А. М. Бильтинов, Н. Н. Абушинов). В наградном документе на войскового старшины Николая Цебиковича Мангатова

написано: «Он, командуя офицерским разъездом, определил главное направление германских сил. А в октябре 1914 г. в районе города Прасныша во главе своего разъезда опрокинул эскадрон бессмертных немецких гусар. Представлен к награждению Почетным Георгиевским оружием» [42].

В 26-м Донском казачьем полку этой же дивизии служили 23 калмыка-казака (урядники Бальджир Чипирович Тазгиров, Церен Пурсинович Джувинов, Леонид Тимофеевич Анбушинов, приказные Санжа Дентилинов, Авэ Настинов, Даржа Буринов, казаки Сюке Аргудикович Баниров, Л. С. Манжиков, Ангуча Москалевич Тоскинов, Роля Учурович Урхусов, Шурга Бамбунович Хаклашев, Эрдне Ангатович Ходинов, Санжа Хочинович Кальнов, Бадьма Сергеевич Тапкин, П. С. Манжиков, Т. М. Докжинов, У. П. Цеденов, Бальджир Хохлашевич Бакинов, Чумак Ваникович Дарбаков, Кирсан Семенович Степкин, М. Б. Чурюмов), призванные в основном из Денисовской, Платовской и Батлаевской станиц. В их числе было 5 Георгиевских кавалеров (приказные Санжа Дентилинов, Авэ Настинов и Даржа Буринов, урядники Церен Джувинов и Леонид Анбушинов к 1917 г. удостоились Георгиевских крестов всех 4-х степеней). В наградном документе отмечается, что «разъезд 26-го полка под командованием сотника Дронова Л. К. из 12 человек, в том числе приказные Буринов Даржа, Настинов Авэ и Дентилинов Санжа, при атаке 27 июля 1915 г. зарубили 20 солдат противника и взяли в плен 14».

В 20-м Донском казачьем полку 3-й Донской казачьей дивизии, лишь по выявленным сведениям, несли службу 3 калмыка-казака (Авэ Альтюшевич Сосиков и Эрдне Дувбунович Масуров, Семенов) и в 21-м Донском казачьем полку – 3 калмыка-казака (приказный Пюрве Баготунович Савкин, казаки А. О. Учуров, Д. С. Абушинов).

В 22-м Донском казачьем полку, который комплектовался из казаков Есауловской, Потемкинской, Верхне-Курмоярской, Нагавской, Атаманской, Власовской, Потаповской, Граббевской, Эркетинской, Чунусовской, Бурульской станиц, состоял 31 калмык-казак (войсковой старшина, затем полковник, награжденный многими орденами и почетным Георгиевским оружием Г. Э. Тепкин, казаки Даржа Эрдюмович Баранов, Санжа Санжинович Мишкин, Илюмжа Нюдминович

Дарбушнинов, А. Б. Цеденов, Б. Н. Балданов, Максим Саранович Азданов, Бадьма Акланов, Даржа Буктинович Арвангинов, Цаган Чупинович Архатов, Эренцен Буктинович Абушинов, Букта Давминович Армадыков, Тжольма Манжикович Соломкин, Бембе Манжикович Докинов, Бадьма Басанович Балыков, Эренжен Давинович Чумпинов, Нохашка Санжинович Укурчинов, Негай Миндинович Тихонов, Санжа Буюнтукович Шаральдинов, Пино Чичинович Ботов, Михаил Иванович Манжиков, Даржа Эрдникович Баранов, Б. Т. Манжиков, Араш Натырович Евженков, Санжа Бухтинович Орндинов, Панду Машкович Манушов, Андрей Манжикович Цеденов, Батня Кирсанович Дженгуров, Бата Манжикович Номров, М. С. Давунов, Учур Санжирович Никитин).

В 25-м Донском казачьем полку, далеко по не полным данным, служили 4 калмыка, в том числе полковник Батыр Саксыкович (Борис Леонидович) Мангатов, кавалер почетного Георгиевского оружия, награжденный многими орденами. В реляции из приказа № 367 по войскам 5-й армии отмечалось: «Полковник Борис Леонидович Мангатов, командуя частями лавы 2 и 4 сотен, пренебрегая своей личной опасностью, под сильным ружейным огнем, одним из первых ворвался на фольварк, увлек примером личной храбрости за собой сотни, чем способствовал дальнейшему продвижению конных частей. Подвиг этот дал возможность завершить атаку полным истреблением противника, захватить трофеи и пленных. После этой атаки соседний стрелковый полк перешел в наступление без единого выстрела» [43].

В этом же полку служил есаул Андрей (Азман) Антонович Батырев (дослужился до полковника и был награжден орденами). В 29-м полку служили приказный Ушкан Сарангович Аюшов, казаки Манжик Бакирович Номров (6 сотня) и Комуш Бакирович Номров (5 сотня), в 27-м Донском казачьем полку несли службу калмыки-казаки: Георгиевский кавалер Иван Бадьминович Шарапов, Бадьма Манжиков и Бадьма Шарманжинов (двое последних погибли).

В 34-м Донском казачьем полку служил сотник Эренжен Докугинов, награжденный орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В 36-м Донском казачьем полку служили 8 калмыков-казачков (Цаган Басанович Гордеев, Тимофей Эрдниевич Тапкин,

Бельтрик Учурович Бовинов, Санжа Джамбинович Порсункинов, Саран Манжикович Макиев, Манжик Утилевич Семенов, Харти Бадеевич Кануков, Ш. Н. Балинов) и в 38-м Донском казачьем полку – Мушара Шалбурович Бамбышев.

В 39-м Донском казачьем полку служили 37 калмыков-казаков (урядник Александр Учурович Иванов, казаки Абуша Апелевич Алексеев, Д. Улюджинов, Нюдильча Бальдинович Салкин, Бадьма Савельевич Утманжинов, Хурумче Манжикович Мутянов, Армад Барашкинович Таврилов, Б. М. Аюшов, Санжа Цединович Бурлаков, У. Б. Чунусов, С. К. Уташов, Саржик Петрович Катянов, Учур Петрович Джакугинов, Учур Цединович Бурдинов, Чадр Боринович Костиков, Эрдне Нохашкинович Панюшов, П. Ш. Цединов, Даржа Матвеевич Бахунинов, Лимжа Тилтинович Ковнинов, М. Ю. Манжиков, Ш. Д. Манжиков, Дмитрий Сембельдинович Армашкин, Хурумче Пуртинович Канторов, Ванька Илюмжинович Учуров, Король Манцынович Рубушанов, Бадьма Ляминович Имкинов, Учур Ловгинович Андреев, Борис Конькович Абшульдинов, Одрг Менькович Андреев, Габун Кирсанович Дженгуров, Санжа Кармакович Шевханцуров, Кирсан Менькешевич Шунгуров, Петр Бебикович Ботов, Маскаль Бургунович Чурюмов, Даржа Чупинович Чурюмов, К. А. Цеденов, Манжик Лиджанович Далдангинов). В 22-й и 39-й донские казачьи полки призывались калмыки из одних и тех же станиц.

В 40-м Донском казачьем полку несли службу 8 калмыков-казаков (приказные Даржа Санжинович Матенов, Носка Асирович Бирюков, Баван Кукинович Абушинов, Бембе Заректинович Тугусов, Эрдне Инженерович Пальшинов, казаки Б. М. Абушинов, Очкан Манташевич Кусинов, Санжа Зальванович Учипаков); в 41-м Донском казачьем полку – 6 калмыков-казаков (казаки Санжа Кодинович Пальшинов, С. П. Бадьминов, Ачур Абушинович Уляшкин, Б. У. Катусhev, Б. Б. Цеденов, В. И. Шарапов); в 43-м Донском казачьем полку – 9 калмыков-казаков (подхорунжий Ока Иванович Городовиков (будущий генерал-полковник Красной Армии) и казаки Хече Васильевич Городовиков, Иван Озинович Орловинов, Тужик Санджинович Пуков, Б. С. Даржинов, С. П. Эренценов, Учур Чокальдинович Потапов, Д. С. Манцынов, Л. М. Шовгуров); в 49-м несли службу

калмыки-казаки – Лиджи Дарбаков, Давид Цибилов, Худжута Тимдинов, Абуш Илюмжинов, Зула Уланов; в 50-м сужил калмык-казак Яков Белоусов, в 53-м Донском казачьем полку – 3 калмыка-казака (Басан Джовкинович Аршинов, Саранг Эренженович Абрашов и Денергат Самтонов), в 54-м Донском казачьем полку – калмыки-казаки Маска Хачинович Мусов и Аляк Бувышевич Пунгаринов.

В 56-м Донском казачьем полку служили 6 калмыков-казаков (П. З. Саранов, Александр Манжикович Умаскин, У. С. Барлуткин, Санжа Надмидович Гапкин, Церен Алянович Семенов, Б. А. Басанов); в 57-м Донском казачьем полку – 14 калмыков-казаков (приказный Букта Алексеевич Гопкин, казаки Бата Андрушкинович Хаклинов, Хаклыш Шуринович Ункуров, Лиджи Неминович Батугинов, Павло Назарович Бальчинов, Муша Цебекович Рубушинов, Эрдне Неминович Балбашинов, Церен Авельдинович Тихонов, Эрдне Натырович Евжинов, Иловацко Андреевич Шеренгинов, Нюдюльче Савдниеви́ч Дженгуров, Урис Зюльванович Тугусов, Иловайск Курбасович Дженгуров, Дава Чупинович Чурюшов).

Калмыки-казаки несли службу и в донских казачьих артиллерийских батареях. По имеющимся отрывочным сведениям. В 15-й казачьей артбатареи 7-го Донского казачьего артдивизиона служил Кука Чебунович Даванушов и в 16-й артбатареи 8-го Донского казачьего артдивизиона – Бабак Учурович Андреев. В одной из артбатарей фейерверкером служил Кирсан Эрднинович Илюмжинов, во 2-м Донском казачьем артдивизионе – калмык-казак Саран Эренценович Чульчинов. В Отдельной казачьей сотне (номер не установлен) служил хорунжий Бадьма Бакбушев, награжденный орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Георгиевские кавалеры вахмистр Санжа Бембеков (3-я сотня) и казак Бембя Дженгуров (5-я сотня) служили во 2-м Донском казачьем отдельном батальоне. Также установлены фамилии калмыков-казаков, служивших в других частях: Керядык Басанович Сафонов, Илюмжа Сельдинов, подхорунжий Андрей Полякович Шарапов, Э. Л. Яманов, Ш. Мишкин, Матвей (Бака) Джевалдыков, Кирилл (Нохашк) Шуптинов, Федор Тимофеевич Анбушинов, Ликан (Никандр) Бембинович Федоров, Цагада Бембинов, Александр Карпович Абушинов, Учур Абушинов, Сарнар Пурви-

нович Басанов, Андрей Сергеевич Буджалов (попал в плен в 1915 г. и вернулся домой в 1921 г.), Бомбит Мамутович Дамбинов, Парака Саранович Джевзинов, Илюмжи Макушов, Сена Учурович Манжиков, Лиджи Бугалович Уланов, Василий Кулиевич Шевунов, Учур Анчикович Мусов, урядники Саран Эренженович Захаров, Илюмжа Дертинович Асинов и Дербет Лиджанович Зольванов и др.

Помимо них, известны имена некоторых калмыков-казаков, участников Первой мировой войны, служивших в разных донских казачьих полках и удостоенные высоких наград: казаки Савелий (Саладжа) Бембинович Архаков (Георгиевский кавалер 2-й, 3-й и 4-й степени), Санжа Шишиевич Балданов (Георгиевский кавалер 3-й и 4-й степени), Лиджи (Лапку) Алексеевич Кулишов (Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени), Бадьма Пурвинович Орловинов (Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени), Эрдне Эрдниеич Шарапов (Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени), Церен Эрдюшевич Шарманжинов (Георгиевский крест 4-й степени и Георгиевская медаль, ст. Вешенская), Бембя Умасов (Георгиевский крест 4-й степени и Георгиевская медаль), Федор Салынов (Георгиевский крест 4-й степени), Мужик Натырович Юнзунов (Георгиевский крест 4-й степени), Санжа Кузнецович Илишкин (Георгиевские кресты 2-й, 3-й, 4-й степени и Георгиевская медаль), Бадьма Шургучинович Мартышкин (Георгиевский крест 4-й степени), Козьма Шурашевич Сасыков (Георгиевский крест 4-й степени и Георгиевская медаль), Куберла Шальдинович Зодьбинов (Георгиевский крест 4-й степени), Сармутка Сантинович Шарапов (Георгиевский крест 4-й степени), Бадьма Орлов (Георгиевский крест 4-й степени), приказные Дюртинов (Георгиевский крест 4-й степени), Учур Манжикович Лузанов (Георгиевский крест 4-й степени), Гавриил Баданов (Георгиевский крест 4-й степени), Иван Менькович Илюмжинов (Георгиевский крест 4-й степени), Ренцен Абушинович Канинов (Георгиевский крест 4-й степени), Иван Пурвинович Цеденов (Георгиевский крест 4-й степени), старший урядник Бадьма Басанович Илюмжинов (Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени), прапорщик Заря Басанович Сафонов (Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени, две Георгиевские медали), урядник Басан Имкинов (Георгиевские кресты 3-й и 4-й степени), подхорунжий Андрей Полякович Шарапов (Георгиевские кресты 4-й, 3-й и 2-й степени, ст. Кутейниковская),

сотник Церен Пурвинович Джувинов (Георгиевский кавалер крестов 4-х степеней), казак Леонид Тимофеевич Анбушинов (Георгиевский кавалер крестов 4-х степеней, ст. Чунусовская), подхорунжий Василий Эрастович Урхусов (Георгиевский кавалер 4-х степеней и Георгиевская медаль, станица Денисовская), Гулер Нарминов, полный Георгиевский кавалер, ст. Граббевская, и др.

Всего к началу войны на действительной службе в донских военных частях находились 2928 калмыков-казаков и 17 офицеров (дворянские братья – войсковой старшина Н. Ц. Мангатов и полковник Б. С. Мангатов, полковник Г. Э. Тепкин, полковник А. А. Батырев, есаул П. У. Кусинов (награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, погиб 7 июня 1915 г.), есаул Б. И. Абушинов, войсковой старшина А. П. Болдырев, Цагада Бембинов, есаул (дослужился до войскового старшины) А. С. Сарсинов, есаул Б. Ш. Шарманжинов), хорунжие Б. Бакбушев, Б. Б. Мусов, Б. П. Абушинов, сотники А. У. Абушинов, С. Б. Балыков и Э. Дакугинов [44].

Император Николай II, учитывая роль и значение калмыцкого духовенства в мобилизации на защиту Отечества, в подъеме патриотического духа калмыков-казаков, 6 декабря 1915 г., по представлению Департамента духовных дел МВД, «всемилоостивейше соизволил пожаловать орден Св. Анны 2-й степени бакше донских калмыков Менко Барманжинову и нагрудные медали с надписью за “усердие”: золотую на Аннинской ленте – штатному гелюнг Власовского хурула, области Войска Донского, почетному блюстителю Власовского женского училища 3-го разряда; серебряную на Станиславской ленте – хурульному бакше, штатному гелюнг станичного хурула Беляевской станицы Ивану Китанову и штатному гелюнг станичного хурула Денисовской станицы Ниме Каюкинову, в воздаяние отлично-усердной их службы». Эти награды Главный штаб МВД препроводил 18 апреля 1916 г. в Канцелярию войскового наказного атамана Войска Донского для вручения награжденным буддийским священникам [45].

Донская казачья пешая бригада (командир – генерал-майор Павлов), состоявшая из 4 донских казачьих батальонов, выступила на Кавказский фронт в апреле 1915 г. и вошла в 4-й Кавказский армейский корпус. В ее личный состав входили 79 офицеров, 4036

штыков (казаков), 313 казаков (шашек), на вооружении бригада имела 16 пулеметов [46].

При комплектовании полков, бригад, отдельных и особых сотен, артиллерийских дивизионов и других частей казачьи войска стали испытывать финансовые трудности. Правительство, учитывая недостаток на эти цели средств их войсковых капиталов, 13 сентября 1914 г. приняло постановление «О переложении с войсковых капиталов казачьих войск в казну расходов, имеющих общегосударственное значение». В соответствии с решением правительства финансирование на содержание Казачьего отдела Главного штаба, войсковых казачьих атаманов, войсковых штабов..., на пособия офицерам и казакам при выходе на службу, на приобретение лошадей, взамен утраченных не по вине владельцев, возлагалось на государственное казначейство [47]. Эти меры правительством были приняты, несмотря на увеличение с началом войны расходов в стране в 1,7 раза на военные нужды. Если в государственный бюджет на 1914 г. на военные нужды было заложено 974 млн руб., то с началом войны дополнительно было израсходовано еще 681 млн руб., и в целом расходы России на военные нужды в 1914 г. составили 1655 млн руб. [48].

Военная кампания 1914 г. началась 5 (18) августа ускоренным наступлением русской армии на Восточном фронте, основной целью которой являлось стремление помочь англо-французам, оттянуть часть немецких сил с их Западного фронта на Восточный. Выполнение этой задачи возлагалось на Северо-Западный фронт в составе 1-й и 2-й армий. Им противостояла 8-я германская армия (командующий – генерал Притвиц). Уже 17 августа передовые части III и IV корпусов 1-й армии, в составе которых находились 34-й и 44-й донские казачьи полки, вступили в сражение на подступах к г. Сталюпену, заставив немцев отступить к Гумбиннену.

В ходе боев и партизанских рейдов, проведенных в 1914–1915 гг., 34-й Донской казачий полк потерял убитыми 1 офицера и 26 казаков, ранения получили 2 офицера и 81 казак, пропали без вести 154 казака, попали в плен 3 офицера и 12 казаков. В начале 1915 г. в полк поступило пополнение – 15 офицеров и 313 казаков, 356 лошадей. Полк в боях захватил в качестве пленных 2 офицера и 58 нижних чинов,

трофеев – 5 зарядных ящиков, 79 ружей, 54 лошадей и другие вещи военного назначения. За боевые подвиги 2 офицера полка удостоились орденов Святого Георгия и 1 офицер – почетного Георгиевского оружия, 325 казаков – Георгиевских крестов, 178 казаков – Георгиевских медалей.

44-й Донской казачий полк, участвовавший в этих баталиях, пострадал несколько меньше. Его потери составили 13 казаков убитыми и 29 казаков ранеными, 2 офицера были ранены, 3 казака пропали без вести и 1 казак попал в плен. В этих боях он захватил в плен 22 нижних чина, 2 тыс. сабель, 3 автомобиля и 47 лошадей. За мужество и образцовое выполнение боевых заданий 203 казака заслужили Георгиевские кресты и 123 казака – Георгиевские медали [49].

В боях за Гумбиннен активно участвовал корпус (1-я и 2-я гв. кавдивизии) Хана-Гусейна Нахичеванского, в составе которого действовали 1-й и 2-й донские казачьи полки. Особенно отличился 3-й Донской казачий полк Ермака Тимофеева во главе с полковником Разгоновым в корпусе (1-я и 3-я кавдивизии) генерала В. И. Гурко. По результатам боевых действий 3 офицера 3-го Донского казачьего полка удостоились почетного Георгиевского оружия, 324 казака – Георгиевских крестов и 113 казаков – Георгиевских медалей. Но и потери полка были значительны – из 26 офицеров 5 (19,2 %) были убиты, 2 (7,7 %) попали в плен, 8 (30,76 %) ранены, из 832 казаков погибли 82 (10 %), ранения получили 145 (17,4 %), без вести пропали 22 (2,6 %) казака. В ходе сражений полк взял в плен 97 нижних чинов противника [50].

Удачно для 1-й русской армии завершились августовские сражения под Гумбинненом, особенно южнее его, и Гольдапом, где немцы оставили 12 орудий и до 10 тыс. человек потеряли убитыми. Успешно действовали в эти же дни 1-й Донской казачий графа Суворова-Рымнинского полк (под шефством Его Императорского величества), 2-Донской Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полк и 46-й Донской казачий полк, а также 51-й, 47-й и 48-й донские казачьи полки, переброшенные в 1-ю русскую армию из других регионов.

В этих и последующих сражениях 1914–1915 гг. 1-й Донской казачий полк потерял убитыми 2 офицеров и 85 казаков, ранеными – 9 офицеров и 232 казака, без вести пропал 31 казак, 4 казака попали в плен. В конце 1914 г. в полк из области Войска Донского поступило пополнение – 18 офицеров, 700 строевых казаков, 736 лошадей. Подвиг его офицеров и казаков был высоко оценен командованием. 2 офицера получили ордена Святого Георгия и 2 офицера – почетное Георгиевское оружие, 138 казакам вручили Георгиевские кресты, 120 казакам – Георгиевские медали. В ходе сражений полк взял в плен 40 нижних чинов противника.

Во 2-м Донском казачьем полку в ходе боевых действий в 1914–1915 гг. погибли 2 офицера и 79 казаков, ранения и контузии получили 15 офицеров и 184 казака, без вести пропали 37 казаков. Но полку удалось взять в плен двух офицеров и двух врачей, 129 нижних чинов. За этот период за мужество и подвиги 3 офицера удостоились почетного Георгиевского оружия, 343 казака – Георгиевских крестов 4-й степени, 130 казаков – Георгиевских медалей. В начале 1915 г. в полк поступило пополнение – 9 офицеров, 484 казака, 377 лошадей.

В наступательных боях 1914 г. и оборонительных сражениях 1915 г. 46-й Донской казачий полк, входивший в состав XX армейского корпуса 1-й армии, успешно выполнял поставленные перед ним боевые задания. Ему удалось взять в плен 5 офицеров и 107 нижних чинов, его трофеи составили 67 велосипедов и 20 ружей, 53 лошади. Полк потерял убитыми 1 офицера и 12 казаков, ранения получили 3 офицера и 30 казаков, без вести пропали 1 офицер и 6 казаков. За проявленную отвагу в боях 163 казака были награждены Георгиевскими крестами и 238 казаков – Георгиевскими медалями. В конце 1915 г. полк получил пополнение – 14 офицеров и 148 казаков, 176 лошадей [51].

В ходе упорных боев 1914–1915 гг. в 51-м Донском казачьем полку погибли 3 офицера и 21 казак, 8 офицеров и 100 казаков получили ранения, 3 офицера и 330 казаков пропали без вести, 3 офицера и 1 казак попали в плен, т. е. потери полка составили 17 (68 %) офицеров и 452 (50,2 %) казака. В конце 1914 года полк получил пополнение – 24 офицера и 463 казака, 564 лошади. Его трофеи составили: плененных 3 офицера и 26 нижних чинов, 46 ружей и 1340 патронов,

38 лошадей и другое имущество. За ратные подвиги 1 офицер полка удостоился ордена Святого Георгия, 133 казака – Георгиевских крестов и 117 казаков – Георгиевских медалей.

В 47-м Донском казачьем полку погибли 11 казаков и 32 казака получили ранения, 10 казаков пропали без вести и 1 казак попал в плен. В течение года полк пополнили 18 офицеров, 103 казака, 101 лошадь. В полку были награждены: 1 офицер – почетным Георгиевским оружием, 213 казаков – Георгиевскими крестами, 93 казака – Георгиевскими медалями. В 48-м Донском казачьем полку потери составили: убитые – 1 офицер и 9 казаков; раненые – 1 офицер и 34 казака; пропали без вести 18 казаков. Но полк смог захватить в плен 32 нижних чина противника, 50 ружей. Боевые действия 81 казака были отмечены Георгиевскими крестами и 93 казаков – Георгиевскими медалями. В конце 1914 г. полк, получив пополнение в количестве 9 офицеров и 162 казаков, 191 лошади, продолжил боевой путь [52].

В выполнении августовской 1914 г. общей задачи Северо-Западного фронта участвовали гвардейские полки: Лейб-гвардии Казачий Его Императорского величества, Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского высочества государя наследника цесаревича и Лейб-гвардии Сводно-казачий. Они отличились особенно в рейдах по тылам противника на территории Польши. Кроме того, в 1914–1915 гг. им пришлось принимать участие в боевых действиях в составе нескольких армий. Лейб-гвардии Казачий Его Императорского величества полк выступил на войну в составе 35 офицеров и 585 казаков и в начале 1915 г. был пополнен 15 офицерами и 505 казаками, 44 лошадьми.

Лейб-гвардии Атаманский полк в ходе сражений уничтожил значительное количество живой силы противника, захватил в плен 1 офицера и 57 нижних чинов, 2 пулемета, 135 ружей и 10,5 тыс. патронов, 37 лошадей. При этом полк потерял убитыми – 1 офицера и 52 казака, ранеными – 20 офицеров и 160 казаков; пропали без вести 6 казаков и 1 казак попал в плен. В конце 1914 г. из Войска Донского в полк прибыло пополнение – 16 офицеров, 528 казаков, 488 лошадей. В течение полутора лет за проявленную храбрость и на-

ходчивость в сражениях 2 офицера были награждены орденами Святого Георгия и 5 офицеров – почетным Георгиевским оружием, 598 казаков – Георгиевскими крестами и 195 казаков – Георгиевскими медалями.

В этих же сражениях отличился и Лейб-гвардии Сводно-казачий полк. Он пленил 4 офицеров и 47 нижних чинов, его трофеи составили 148 ружей и 9,5 тыс. патронов, 4 повозки и многое другое имущество военного назначения. За успешные боевые действия 1 офицер полка удостоился ордена Святого Георгия, 317 казаков – Георгиевских крестов и 119 казаков – Георгиевских медалей. Полк, потеряв безвозвратно в боях 9 казаков и санитарно – 7 офицеров и 97 казаков, получил в пополнение 11 офицеров и 437 казаков, 591 лошадь [53].

В начале августа 1914 г. в соответствии с общей задачей оттянуть немецкие войска с Западного фронта и «нанести поражение австро-венгерским армиям» войска Юго-Западного фронта перешли в общее наступление. 8-я армия А. А. Брусилова в составе 4 корпусов (VII, VIII, XII и XXIV), первая начавшая наступление, с 5 (18) по 15 августа провела ряд удачных боев, и 17 августа вступила в крупное сражение на реке Гнилой Липе против австрийцев и венгерцев. В результате трехдневного боя соединения 8-й армии, в том числе 37-й Донской казачий полк, 16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го и 17-й Донской казачий генерала Бакланова полки в составе 2-й Сводно-казачьей дивизии, разбили противника. Успешно действовали три донских полка в обороне у Городка, Львова и в последующих важных боевых операциях в ноябре – декабре 1914 г. в Карпатах, на позициях Дембовец – Змигород – Бартфельд, в сражениях за Дуклу, где они захватили значительное количество орудий, пулеметов, обозы и много пленных.

16-й Донской полк взял в плен 15 офицеров, 1 врача и 1080 нижних чинов противника, 3 орудия, 8 зарядных ящиков, 6 пулеметов, 600 ружей и 100 тыс. патронов, 90 лошадей. 17-й Донской полк пленил 24 офицера и 1055 нижних чинов противника, захватил 5 орудий, 2 пулемета, 150 лошадей. Но и сами они понесли существенные потери. В 16-м Донском казачьем полку погибли 7 офицеров и 92 казака, ранения получили 22 офицера и 500 казаков, без вести пропал

21 казак, попали в плен 5 казаков. В конце 1914 г. он получил пополнение – 34 офицера и 626 казаков, 806 лошадей. За боевые успехи в 16-м полку в 1914–1915 гг. были награждены 2 офицера орденами Святого Георгия и 5 офицеров – Георгиевским оружием, 533 казака – Георгиевскими крестами 4-й степени и 980 казаков – Георгиевскими медалями.

17-й Донской полк в боях и партизанских рейдах потерял убитыми 5 офицеров и 126 казаков, 20 офицеров и 334 казака полка были ранены, 3 казака пропали без вести. 6 офицеров полка были награждены Георгиевским оружием, 416 казаков – Георгиевскими крестами, 468 казаков – Георгиевскими медалями. Его пополнение в начале 1915 г. составили 37 офицеров и 567 казаков, 668 лошадей.

37-му Донскому казачьему полку удалось пленить 6 офицеров и 500 нижних чинов противника, захватить 200 ружей и много патронов. За успешные боевые действия в полку 1 офицер получил орден Святого Георгия и 1 офицер – Георгиевское оружие, 183 казака – Георгиевские кресты и 250 казаков – Георгиевские медали. В полку погибли 1 офицер и 11 казаков, были ранены 5 офицеров и 50 казаков, 5 казаков пропали без вести и 5 казаков попали в плен. В начале 1915 г. в полк прибыли 18 офицеров и 144 казака, было получено 103 лошади.

В это же время тяжелые бои вела и 5-я армия Юго-Западного фронта в направлении на Люблин и Холм. Особенно трудно пришлось XIX, XVII и V армейским корпусам, которые австрийцы пытались окружить и разгромить. В составе этих русских корпусов сражались 1-я и 5-я донские казачьи дивизии, а также 39-й и 42-й донские казачьи полки. В этих и последующих сражениях 39-й Донской полк пленил 2 офицеров и 140 солдат, захватил 40 ружей и 29 лошадей. А его потери составили: погибли – 6 казаков, получили ранения – 1 офицер и 75 казаков, 5 казаков пропали без вести и 4 казака попали в плен. За боевые успехи 1 офицер полка был награжден Георгиевским оружием, 190 казаков – Георгиевскими крестами и 284 казака – Георгиевскими медалями. В 1915 г. из области Войска Донского в полк пришло пополнение – 10 офицеров и 213 казаков, 50 лошадей.

42-му Донскому полку в 1914 г. пришлось участвовать в сражениях и на Львовском направлении, а также в оборонительных боях 1915 года. Его трофеи оказались весьма значительными: в плен были взяты 2 офицера, 2 врача и 2000 нижних чинов, 4 орудия, 2 тыс. ружей и 1500 патронов, 50 сабель, 300 лошадей. В полку погибли 9 казаков и ранения получили 33 казака, попали в плен 3 офицера и 18 казаков. За богатые трофеи и боевые успехи 3 офицерам полка вручили Георгиевское оружие, 32 казакам – Георгиевские кресты и 154 казакам – Георгиевские медали.

В составе XXVI армейского корпуса Юго-Западного фронта активно включился в боевые действия 54-й Донской казачий полк, прибывший в качестве пополнения. Все же ему в первых сражениях удалось пленить 16 солдат, захватить 2 пулемета и 5 велосипедов, 11 лошадей. При этом он потерял убитыми 2 офицеров и 16 казаков, выбыли из строя по случаю ранения 2 офицера и 33 казака. Боевые заслуги 1 офицера полка были отмечены Георгиевским оружием, 19 казаков – Георгиевскими крестами. В конце 1915 г. полк получил из области Войска Донского 119 казаков и 92 лошади [54].

Между тем положение 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта осложнилось. Немецкое командование, незначительными силами (1,5 пехотные и 1 кавалерийская дивизии) удерживая практически бездействующую 1-ю русскую армию (8,5 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий) П. К. Ренненкампа, направило основные (11,5 пехотных и 1 кавдивизию) соединения 8-й армии (новый командующий – генерал Пауль фон Гинденбург) против 2-й армии (10,5 пехотных и 3 кавалерийские дивизии) А. В. Самсонова. 26–27 августа 1914 г. соединения 8-й немецкой армии, отбросив VI русский корпус от Бишофсбурга к Ортельсбургу и 1-й русский корпус от Гильгенбурга к Сольдау, разбив встречные части XV армейского корпуса, вышли в тыл XIII и XV русских корпусов.

Несмотря на ряд успешных боев отдельных российских частей, в том числе 31-го Донского казачьего полка в составе II армейского корпуса и 6-го Донского казачьего генерала Краснощекова полка во главе с полковником А. Н. Исаевым, 38-го Донского казачьего полка XXIII армейского корпуса, 2-я армия потерпела поражение.

30–31 августа соединения ее XIII и XV армейских корпусов, некоторые части XXIII армейского корпуса попали в плен. Тяжелая участь окруженцев постигла казаков 6-го Донского казачьего генерала Краснощекова полка, воевавшего в составе 6-й кавалерийской дивизии, 21-го и 40-го донских казачьих полков, 20-й и 15-й донских отдельных казачьих сотен, сражавшихся соответственно в составе XV и XIII корпусов [55].

6-й Донской казачий генерала Краснощекова полк в августовских 1914 г. крупных боевых действиях в Польше, в районе Зальдау, затем за рекой Вислой, а также в 1915 г. потерял убитыми 2 офицеров и 86 казаков, ранения получили 6 офицеров и 192 казака, без вести пропали 36 казаков, попали в плен 1 офицер и 14 казаков. Полк, получив пополнение из области Войска Донского в количестве 1 офицера, 337 казаков и 338 лошадей, продолжил боевые действия. В 1914–1915 гг. он взял в плен двух немецких офицеров, 1 врача и 213 нижних чинов, захватил 150 ружей и 12 тыс. патронов, 42 лошади и много различного оборудования и техники. За проявленный героизм, находчивость 2 офицера удостоились почетного Георгиевского оружия, 168 казаков – Георгиевских крестов 4-й степени и 141 казак – Георгиевских медалей.

38-му Донскому казачьему полку с большими потерями все же удалось выйти из окружения. В этих боях погибли его 17 казаков, были ранены 60 казаков, контужены 2 офицера и 9 казаков, без вести пропали 120 казаков, 1 офицер попал в плен. Мужество 242 казаков было отмечено Георгиевскими крестами и 69 казаков – Георгиевскими медалями. После выхода из окружения полк пополнил свой состав 12 офицерами и 204 казаками, а также получил 294 лошади. 31-й и 38-й донские казачьи полки в ноябре 1914 г. при наступлении немецкой армии в районе Влоцлавска и Плоцка (на р. Висла) вели тяжелые бои и понесли значительные потери [56].

4-й Донской казачий графа Платова полк, активно участвуя в авангарде 4-й кавдивизии, когда 2-я армия в начале операции пыталась не допустить ухода немцев за р. Вислу, понес большие потери. Из 26 офицеров полка 5 погибли, 8 получили ранения, 2 оказались в плену, а из 773 строевых (в том числе 15 калмыков-казаков) и 39

нестроевых казаков погибли 82, получили ранения 245 казаков и пропали 22 без вести. В последующих боях 1914–1915 гг. полк потерял почти всех офицеров и значительную часть личного состава казаков. За проявленную отвагу в боях и за успешное выполнение боевых заданий 169 казаков получили Георгиевские кресты 4-й степени и 91 казак – Георгиевские медали. В начале 1915 г. из области Войска Донского в полк прибыло пополнение – 26 офицеров, 580 строевых казаков, 818 лошадей [57].

Казаки двух отдельных казачьих сотен, сопровождавшие в окружении штаб 2-й армии во главе с командующим, понесли большие потери. По приказу Самсонова казаки с боем прорывались самостоятельно, но, по всей вероятности, не смогли пробиться и погибли. Поэтому, видимо, не случайно в статистических сведениях о боевой деятельности всех казачьих частей с начала войны по январь 1917 г., составленных в штабе Походного атамана при Его Императорском величестве, написано, что о 15-й и 20-й донских отдельных казачьих сотнях «сведения не имеются».

С перспективой пленения не примирились казаки 40-го Донского казачьего полка. Из вражеского окружения с боем пробились 7 офицеров полка из 21, в том числе 1 раненый и 2 контуженых. В полку погибшим официально считался 1 офицер, без вести пропавшими – 13 офицеров. Из 879 строевых казаков полка из окружения вырвались 263 казака (в том числе 31 раненый), погибшими официально считались 5 казаков и пропавшими без вести 611 казаков. За проявленную храбрость в сражениях и сохранение знамени полка при выходе из окружения все 7 офицеров полка удостоились почетного Георгиевского оружия, 89 казаков – Георгиевских крестов и 10 казаков – Георгиевских медалей. В начале 1915 г. полк пополнили 29 офицеров, 981 строевой и 50 нестроевых казаков, 893 лошади [58].

Из окружения удалось пробиться и 21-му Донскому казачьему полку, но с меньшими потерями. Он потерял 1 офицера и 16 казаков убитыми, ранения получили 6 офицеров и 94 казака, 5 казаков пропали без вести. В том же году он получил пополнение в количестве 6 офицеров и 184 казака, 240 лошадей. Полк в составе XV армейско-

го корпуса 10-й армии удачно действовал в его авангарде, а в начале 1915 г. – в сражениях под Гродно и при преследовании противника. За удачные боевые сражения в 1914–1915 гг. 103 казака полка были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени, 89 казаков – Георгиевскими медалями.

22-й Донской казачий полк, воевавший в составе VI корпуса, хотя в окружение не попал, но понес большие потери в тяжелых августовских боях. Из 24 офицеров 2 значились ранеными, 1 – пропавшим без вести, из 875 строевых (в том числе 31 калмык-казак) и 82 нестроевых казаков были убиты 18 казаков, 43 казака получили ранения и 57 казаков пропали без вести. В конце 1914 г. из области Войска Донского он получил пополнение: 17 офицеров, 279 казаков, 40 лошадей. В 1914–1915 гг. 161 казак полка был награжден Георгиевскими крестами и 200 казаков – Георгиевскими медалями.

31-й Донской казачий полк в тяжелых боях, которые вела 2-я армия, держался стойко и пытался оказать помощь частям, попавшим в сложную ситуацию, при этом он понес немалые потери. В полку погибли 1 офицер и 25 казаков, получили ранения 1 офицер и 54 казака, контузии – 4 офицера и 5 казаков, 20 казаков пропали без вести. Ему удалось пленить 1 офицера и 89 нижних чинов, взять 4 телефоноаппарата и 7 лошадей. 249 казакам полка за проявленную отвагу в боях и образцовое выполнение воинского долга вручили Георгиевские кресты и 144 казакам – Георгиевские медали. В конце 1914 г. в полк пришло пополнение в составе 10 офицеров и 211 казаков, 239 лошадей [59].

В это же время на подступах к г. Львову, а затем в сражениях у Равы-Русской в августе–сентябре 1914 г. отличился 12-й Донской казачий князя Потемкина-Таврического полк, входивший в состав 11-й кавдивизии 3-й армии. 12-й Донской полк успешно участвовал во встречном сражении на р. Золотой Липе 3-й австрийской армии и 3-й российской армии, затем выдержал оборонительные бои в Галиции.

В военных кампаниях 1914–1915 гг. 12-й полк захватил в плен 11 офицеров, 1 врача и 1046 нижних чинов противника, 201 ружье и много патронов. Его безвозвратные потери составили 98 (10 % лич-

ного состава) человек, в том числе 3 офицера и 95 казаков, санитарные – 302 (32 % личного состава) человека, в том числе 24 офицера и 278 казаков. В начале 1915 г. полк, пополнив свой состав 22 офицерами и 522 казаками, 707 лошадьми, активно включился в боевые действия. За мужество и боевые успехи 3 офицерам полка вручили почетное Георгиевское оружие, 323 казакам – Георгиевские кресты 4-й степени и 487 казакам – Георгиевские медали [60].

45-й и 43-й донские казачьи полки, 11-я и 31-я отдельные донские казачьи сотни в составе XXI корпуса, а также 7-й Донской казачий войскового атамана Денисова полк и 35-я Отдельные донская казачья сотня в составе 10-й кавалерийской дивизии 3-й армии участвовали в начавшемся 19 августа 1914 г. сражении на р. Золотой Липе и в августе – октябре на других участках. В 11-й Отдельной донской казачьей сотне за отвагу, проявленную в боях, 30 казаков были награждены Георгиевскими крестами и 38 казаков – Георгиевскими медалями, а в 31-й Отдельной сотне 29 казаков – Георгиевскими крестами и 73 казака – Георгиевскими медалями. Особо отличилась 35-я Отдельная донская казачья сотня. Она захватила в плен 1 офицера и 377 австро-венгерских солдат. За успешные боевые действия в сотне 51 (34,23 %) казак был удостоен Георгиевских крестов и 62 (41,6 %) казака – Георгиевских медалей. В начале 1915 г. 35-я Отдельная сотня получила пополнение – 2 офицера и 34 казака, 59 лошадей.

Австрийцы, понеся большие потери, потерпели поражение и 28 августа отступили по всему фронту на заранее укрепленный рубеж. В последующих боях донские казачьи полки успешно сражались на отведенных позициях. 7-й Донской казачий атамана Денисова полк в 1914–1915 гг. пленил 10 офицеров и 210 нижних чинов. За боевые заслуги 2 офицера полка были удостоены орденов Святого Георгия и 1 офицер – почетного Георгиевского оружия, 612 казаков – Георгиевских крестов и 176 казаков – Георгиевских медалей. В течение полутора лет полк потерял: убитыми 3 офицеров и 91 казака, ранения и контузии получили 13 офицеров и 242 казака, 11 казаков пропали без вести и 1 казак попал в плен. В начале 1915 г. полк получил пополнение – 22 офицера, 525 строевых и 6 нестроевых казаков, 243 лошади.

Не менее удачно сражался и 45-й Донской казачий полк, против которого в мае 1915 г. немцы применили отравляющие газы. Он в боях взял в плен 1 врача и 110 нижних чинов. Безвозвратные потери полка составили 2 офицера и 6 казаков, санитарные – 5 офицеров и 85 казаков, 1 офицер и 33 казака пропали без вести, 1 казак попал в плен. Отличившийся в боях 1 офицер заслужил Георгиевское оружие, 82 казака – Георгиевские кресты, 184 казака – Георгиевские медали. В начале 1915 г. в полк поступило пополнение – 6 офицеров и 257 казаков, 256 лошадей.

43-й Донской казачий полк в боях 1914–1915 гг. пленил 1 офицера и 600 солдат противника, взял 2 тыс. сабель, 16 винтовок и 3 револьвера, 15 лошадей. Его безвозвратные потери составили 15 казаков, санитарные – 2 офицера и 44 казака. Боевые успехи 258 казаков были отмечены Георгиевскими крестами и 148 казаков – Георгиевскими медалями. В связи с небольшими потерями в 1915 г. в полк в качестве пополнения прибыли 3 офицера и 97 казаков, также он получил 147 лошадей [61].

В этих наступательных и оборонительных сражениях активную роль сыграли 5-й Донской казачий генерала Власова полк, входивший в состав 5-й кавдивизии, и 23-й Донской казачий полк, входивший в состав XIV армейского корпуса 4-й армии Юго-Западного фронта, а затем 12-й армии Северного фронта, вместе с 43-м Донским казачьим полком. 5-й Донской казачий генерала Власова полк в боях у Сандомира, в районе Южного Сверижа, при наступлении на ст. Куршаны и в других боевых действиях понес значительные потери. В полку погибли 70 казаков, получили ранения 6 офицеров и 227 казаков, контузии – 9 офицеров, попали в плен 16 казаков. Но и полк нанес противнику ощутимый урон: пленил 3 офицеров и 131 солдата, взял 1 зарядный ящик, 2 пулемета и 195 ружей, 44 лошади. За боевые заслуги 221 казаку полка вручили Георгиевские кресты и 177 казакам – Георгиевские медали. В конце 1915 г. полк из Войска Донского получил пополнение – 12 офицеров и 443 казака, 442 лошади.

23-й Донской казачий полк понес потери несколько в меньших размерах: погибли 1 офицер и 7 казаков, были ранены 3 офицера

и 25 казаков, пропали без вести 4 казака. Полк в 1915 г. практически не получил пополнение, прибыли всего лишь 1 офицер и 1 нестроевой казак. Но его трофеи показали, что в боях полк действовал умело и результативно. Он взял в плен 4 офицеров и 1 врача, 677 нижних чинов, 2 орудия и 7 зарядных ящиков, 8 пулеметов, 476 ружей и 28 тыс. патронов, 31 лошадь. За ратные подвиги 146 казакам полка вручили Георгиевские кресты и 274 казакам – Георгиевские медали [62].

В первые же дни войны в сражение с австро-венгерскими войсками вступила 1-я Донская казачья дивизия в составе XVII армейского корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта. В августе 1914 г. она вступила в бой в приграничном местечке Бельжице – Любич, вблизи фронта 4-й армии, а затем вместе с 4-й и 5-й донскими казачьими дивизиями участвовала в Томашевском сражении, продолжавшемся с 23 августа по 4 сентября 1914 г. Внезапное появление 31 августа трех донских казачьих дивизий в тылу II австрийского корпуса, как писал А. М. Зайончковский, сорвало «подготовленный австрийцами удар по XIX корпусу; 13-я и 25-я дивизии II австрийского корпуса в беспорядке, потеряв сотни пленных и 10 орудий, отходят на Замостье» [63].

В 1915 г. 1-я Донская казачья дивизия активно участвовала в военных баталиях и партизанских набегах. 9-й Донской казачий генерала Орлова-Денисова полк в боях и партизанских рейдах 1914–1915 гг. пленил 15 офицеров и 200 нижних чинов, трофеи его составили: 1 пулемет и 4 зарядных ящика, 150 лошадей. Однако полк из 26 офицеров потерял 5 и из 754 строевых (в том числе 9 калмыков-казаков) и 92 нестроевых казаков 111 убитыми, 6 офицеров и 19 казаков – без вести пропавшими, по ранению выбыли из строя 16 офицеров и 350 казаков. Взамен их он получил пополнение – 1 офицера и 677 казаков, 569 лошадей. Ратные подвиги 3 офицеров были отмечены орденами Святого Георгия и 7 офицеров – Георгиевским оружием, 583 казаков – Георгиевскими крестами и 222 казаков – Георгиевскими медалями.

10-му Донскому казачьему генерала Луковкина полку удалось пленить 22 офицера, 3 врачей и 2594 нижних чина противника, захватить 7 орудий и 1 автомобиль. А потери его составили – 4 убитых

и 2 раненых офицера, 1 офицер оказался в плену, 84 казака погибли и 225 казаков получили ранения, 13 казаков пропали без вести. В начале 1915 г. Войско Донское прислало в полк в качестве пополнения 18 офицеров, 607 казаков, 666 лошадей. Высоко были оценены боевые заслуги полка: 4 офицера получили ордена Святого Георгия и 8 офицеров – Георгиевское оружие, 519 казаков – Георгиевские кресты и 212 казаков – Георгиевские медали [64].

Достоинно несли службу и два (13-й и 15-й) других полка 1-й Донской казачьей дивизии, которая в сентябре была переведена в новую 9-ю армию. 13-й Донской казачий генерала Кутейникова полк, участвуя во многих крупных сражениях 1914–1915 гг., пленил 13 офицеров, 2 врачей и 70 нижних чинов, захватил 7 орудий, 4 зарядных ящика и 2 пулемета, 4 лошади. При этом сам потерял 8 офицеров убитыми и 24 ранеными, в боях погибли 114 казаков и 333 получили ранения, без вести пропали 1 офицер и 19 казаков, 3 казака попали в плен. В начале 1915 г. в полк прибыло пополнение – 753 казака, 662 лошади. Отличившиеся в боях 5 офицеров были награждены орденами Святого Георгия и 3 офицера – почетным Георгиевским оружием, 504 казака – Георгиевскими крестами и 171 казак – Георгиевскими медалями.

15-й Донской казачий генерала Краснова 1-го полк понес в сражениях существенные потери. В полку погибли 5 офицеров и 73 казака, были ранены 13 офицеров и 274 казака, без вести пропали 13 казаков. Но и значимы были его трофеи: пленены 13 офицеров, 1 врач и 1052 нижних чина, взяты 2 орудия, 4 пулемета, 500 ружей, 100 тыс. патронов, 93 лошади. Доблесть полка по достоинству была оценена – 1 офицер был награжден орденом Святого Георгия и 3 офицера – Георгиевским оружием, 468 казаков – Георгиевскими крестами и 157 казаков – Георгиевскими медалями. В конце 1914 г. из Войска Донского в полк прибыли 15 офицеров, 650 строевых и 12 нестроевых казаков, поступило 159 лошадей [65].

В Томашевском сражении вместе с 1-й Донской казачьей дивизией активную роль сыграли полки 4-й Донской казачьей дивизии, имевшей богатые боевые традиции со времен Русско-японской войны. Ее 19-й полк, в составе которой воевали 25 калмыков-казаков, взял в плен

17 офицеров, 3 врачей и 600 нижних чинов противника, а также 2 орудия и много другого имущества военного назначения. За успешные боевые действия в 1914–1915 гг. 335 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами и 149 казаков – Георгиевскими медалями. За это же время в полку оказались убитыми 8 (32 %) офицеров и 90 (10,5 %) казаков, ранеными – 17 офицеров и 229 казаков, пропавшими без вести – 29 казаков, попавшими в плен – 6 казаков. Вскоре в полк поступило пополнение – 536 казаков и 530 лошадей [66].

В 24-м полку в период боев погибли 2 офицера и 37 казаков, ранения получили 6 офицеров и 144 казака, контузию – 3 офицера и 18 казаков, без вести пропали 52 казака и 1 офицер попал в плен. Им были взяты в плен 4 офицера и 105 нижних чинов и трофеи – 39 лошадей. За успешные боевые действия в полку были награждены: 1 офицер орденом Святого Георгия и 2 офицера – Георгиевским оружием, 198 казаков – Георгиевскими крестами и 49 казаков – Георгиевскими медалями. В начале 1915 г. полк получил пополнение – 26 офицеров, 576 казаков, 186 лошадей.

25-й Донской полк в боях захватил 150 нижних чинов, 3 пулемета и 17 лошадей противника. При этом он потерял убитыми 4 (18,2 %) офицера и 39 (4,1 %) казаков, ранеными – 9 (41 %) офицеров и 148 (15,7 %) казаков, без вести пропавшими – 53 казака, плененым – 1 офицера. Полк, получив в начале 1915 г. пополнение – 24 офицера и 457 казаков, 12 лошадей, продолжил боевой путь. В составе полка воевали 4 калмыка-казака. За ратные подвиги 2 офицера (в том числе полковник Б. Л. Мангатов) были удостоены орденов Святого Георгия и 3 офицера – Георгиевского оружия, 138 казаков – Георгиевских крестов и 177 казаков – Георгиевских медалей.

В 4-й Донской казачьей дивизии более удачно действовал 26-й полк, в его составе воевали 22 калмыка-казака. В боях и партизанских рейдах по тылам германских частей он пленил 4 офицеров и 419 нижних чинов противника, захватил 7 автомобилей, 1 пулемет, 313 ружей, много патронов, 95 лошадей. При этом его потери составили: убитые – 3 (13,6 %) офицера и 55 (5,7 %) казаков, раненые – 8 (36,3 %) офицеров и 172 (18 %) казака, контуженные – 4 офицера и 3 казака, без вести пропавшие – 19 (2 %) казаков. Ратные подвиги его личного со-

става были вознаграждены по достоинству: 3 офицера – Георгиевским оружием, 224 казака – Георгиевскими крестами и 145 казаков – Георгиевскими медалями. Полк, пополнив свой состав 19 офицерами и 508 казаками, 663 лошадьми, продолжил боевой путь [67].

Таким образом, 4-я Донская казачья дивизия в боях и партизанских набегах 1914–1915 гг. взяла в плен 25 офицеров, 3 врачей и 1275 нижних чинов противника, захватила 2 орудия, 3 пулемета, 337 ружей, много патронов, 191 лошадь. Ее собственные потери составили: погибшие – 17 офицеров (18,5 %), 221 (5,9 %) казак, раненые – 40 (43,5 %) офицеров и 693 (18,6 %) казака, без вести пропавшие – 153 (4 %) казака, попавшие в плен – 2 казака.

Вместе с полками 4-й Донской дивизии и 15-м Донским казачьим полком сражался и 50-й Донской казачий полк, в отчетных данных которого указано, что пленные и трофеи не учтены. Но по другим показателям видно, что полк оказался достойным традициям казаков Дона. За успешные боевые действия 1 офицер был отмечен Георгиевским оружием, 90 казаков – Георгиевскими крестами и 108 казаков – Георгиевскими медалями. В боях погибли 2 офицера и 11 казаков полка, 2 офицера и 49 казаков были ранены, 4 казака пропали без вести. В последующих сражениях его потери заметно увеличились. Войску Донскому в начале 1915 г. пришлось пополнить полк 32 офицерами и 392 казаками, 358 лошадьми.

Действия казачьих полков 5-й Донской казачьей дивизии, сражавшейся вместе с 1-й и 4-й донскими казачьими дивизиями в составе 1-го конного корпуса генерал-лейтенанта А. В. Новикова, и проявившей хорошие боевые качества, особенно в кампаниях 1915 г., характеризуются следующими данными. 27-й Донской полк в боях и в партизанских рейдах по тылам противника захватил 5 офицеров и 314 нижних чинов, 26 ружей и 27 лошадей. При этом он понес потери: убитые – 1 офицер и 37 казаков, раненые – 11 офицеров и 161 казак, контуженные – 14 офицеров и 2 казака, без вести пропавшие – 13 казаков. Полк получил пополнение – 17 офицеров и 578 казаков, 543 лошади. В полку 1 офицер был награжден Георгиевским оружием, 137 казаков – Георгиевскими крестами и 307 казаков – Георгиевскими медалями.

28-й Донской полк, выполнявший боевые задания в совместных операциях с 27-м полком, пленил 438 нижних чинов и двух врачей, взял 600 ружей и 236 тыс. патронов, 12 лошадей. Его потери составили: убитые – 1 офицер и 85 казаков, раненые – 8 офицеров и 279 казаков, контуженные – 15 офицеров и 25 казаков, пропавшие без вести – 30 казаков. В конце 1914 г. к нему из Войска Донского прибыло пополнение – 24 офицера и 568 казаков, 566 лошадей. Награды в полку получили: 2 офицера – Георгиевское оружие, 299 казаков – Георгиевские кресты и 323 казака – Георгиевские медали.

29-му Донскому полку удалось пленить 3 офицеров и 277 нижних чинов, взять трофеи – 3 орудия и 23 зарядных ящика, 247 ружей и 60 тыс. патронов, 12 лошадей. При этом он понес потери: безвозвратные – 37 человек (1 офицер и 36 казаков), санитарные – 144 (7 офицеров и 137 казаков), пропали без вести – 22 казака и 2 казака попали в плен. 149 казаков получили Георгиевские кресты и 121 казак – Георгиевские медали. Его потери были восполнены 2 офицерами и 422 казаками, 312 лошадьми.

33-й Донской казачий полк в боях захватил в плен 10 офицеров и 102 нижних чина, 6 орудий и знамена трех полков противника, 218 ружей и 60 тыс. патронов, 8 лошадей. За подвиги 1 офицер полка удостоился ордена Святого Георгия и 1 офицер – Георгиевского оружия, 161 казак – Георгиевских крестов и 190 казаков – Георгиевских медалей. В начале 1915 г. полк, получив из Войска Донского пополнение – 20 офицеров и 477 казаков, 478 лошадей, продолжил боевой путь и особенно отличился в августе при обороне Вельска (Белостока).

Полки 5-й Донской казачьей дивизии в октябре 1914 г. провели успешные боевые действия юго-восточнее Радома и помогли 75-й пехотной дивизии значительно продвинуться. Вместе с полками 5-й Донской казачьей дивизии успешно вел боевые действия 6-й Донской казачий артдивизион (12-я и 13-я артбатареи). За исключительные заслуги в летних сражениях 3 офицера артдивизиона были награждены орденами Святого Георгия 4-й степени, 56 казаков – Георгиевскими крестами и 60 казаков – Георгиевскими медалями [68].

В это время (в августе 1914 г.) на Люблинском направлении в составе XIV корпуса, а затем Гренадерского корпуса 4-й армии,

имевшей задачу вести наступление против австрийцев на фронте Закликов – Янов – Фрамполь – Щебрешин, действовала 3-я Донская казачья дивизия (18, 20, 30 и 32-й донские казачьи полки). После трехдневного сражения (23–25 августа) у Красника против превосходящих сил австрийцев 4-я русская армия вынуждена была отступить к Люблину.

В августе – сентябре 3-я Донская казачья дивизия под Люблином успешно вела боевые действия в оборонительной операции 4-й армии, а 52-й Донской казачий полк, действуя в составе 5-й армии в этом же районе, разгромил австро-венгерские части у городков Шебрешин и Сенява. В этих и последующих боях 52-й Донской казачий полк пленил 7 офицеров, 1 врача и 1143 солдата, захватил 14 орудий, 12 зарядных ящиков, 1 знамя полка, 1500 ружей и много патронов, 12 телеграфных аппаратов, 37 лошадей. Потери полка составили: убитыми – 1 офицер и 27 казаков, ранеными – 6 офицеров и 48 казаков, контужеными – 1 офицер и 6 казаков, без вести пропавшими – 13 казаков, попавшими в плен – 4 казака. За боевые успехи 4 офицера полка были награждены Георгиевским оружием, 223 казака – Георгиевскими крестами и 324 казака – Георгиевскими медалями. В 1915 г. 52-й Донской казачий полк получил пополнение – 25 офицеров и 202 казака, 202 лошади [69].

В начале сентября соединения 4-й русской армии, в том числе и 3-я Донская дивизия, участвовали в общем наступлении Юго-Западного фронта. Боевые действия 4-й армии способствовали успешному наступлению 3-й и 8-й русских армий к Галичу, фронту Львов – Крассов. А затем 4-я армия совместно с 9-й армией, в состав которой входила и 1-я Донская казачья дивизия, помогли победоносному завершению 3-й и 8-й армиями шестидневного (5–11 сентября) Городокского сражения, когда австрийцы вынуждены были отступить за р. Сан.

Донские казачьи полки, входившие в состав армий Юго-Западного фронта, с 13 по 21 сентября 1914 г. участвовали в преследовании австрийских войск. В ходе Галицийской битвы была очищена Восточная Галиция и русские войска заняли пространство между р. Вислой и Львовом. Австрийская армия понесла большие потери,

по данным А. М. Зайончковского, ее состав уменьшился на 45 %. Он же отмечал, что потери русских также были велики – в среднем 4500 человек на дивизию [70].

Особые трудности выпали на 3-ю Донскую казачью дивизию в период отступления русской армии в середине 1915 г., когда в ожесточенных арьергардных сражениях ей пришлось прикрывать отступавшие армии. В 3-й Донской казачьей дивизии погибли 19 офицеров и 167 казаков, были ранены 33 офицера и 612 казаков, контужены 19 офицеров и 45 казаков, без вести пропали 3 офицера и 170 казаков. Ее трофеи составили: пленные 17 офицеров и 2607 солдат, захваченные 4 зарядных ящика, 1248 ружей и 700 патронов, 6 револьверов и 32 сабли, 326 лошадей и другое имущество военного назначения. В дивизии были награждены 2 офицера орденами Святого Георгия 4-й степени и 2 офицера – Георгиевским оружием, 1093 казака – Георгиевскими крестами 4-й степени и 893 казака – Георгиевскими медалями. В начале 1915 г. 3-я Донская казачья дивизия получила из Войска Донского пополнение – 123 офицера и 1451 казака, 1115 лошадей [71].

В октябре 1914 г. русские войска (2-я, 4-я и 5-я армии) успешно отбили наступление немцев на Варшаву и нанесли поражение австрийцам на р. Сан. В составе I корпуса 2-й армии успешно действовали 14-й Донской казачий войсковой атамана Ефремова и 35-й Донской казачий полки. 14-й Донской казачий Ефремова полк в боях взял богатые трофеи: 200 солдат, 3 автомобиля, 700 ружей и много патронов, 21 лошадь. При этом сам полк потерял убитыми 6 офицеров и 163 казака, ранения получили 5 офицеров и 214 казаков, были контужены 10 офицеров и 10 казаков, без вести пропали 1 офицер и 7 казаков. Полк, получив пополнение – 14 офицеров и 531 казака, 210 лошадей, продолжил боевой путь. В 1914–1915 гг. ратные подвиги 4 офицеров были отмечены Георгиевским оружием, 227 казаков – Георгиевскими крестами и 60 казаков – Георгиевскими медалями. А из личного состава 35-го Донского казачьего полка 2 офицера были награждены орденами Святого Георгия 4-й степени, 2 офицера – Георгиевским оружием, 141 казак – Георгиевскими крестами и 60 казаков – Георгиевскими медалями. В боях погибли

3 офицера и 25 казаков полка, ранены 2 офицера и 51 казак, контужены 2 офицера и 5 казаков, без вести пропали 1 офицер и 5 казаков. Его трофеи составили: 79 пленных солдат, 500 ружей и 82 тыс. патронов, 11 револьверов и 137 сабель, 19 лошадей. В начале 1915 г. 35-й Донской казачий полк получил пополнение – 14 офицеров и 170 казаков, 10 лошадей [72].

4-я и 9-я армии, в том числе 1-я Донская казачья дивизия, нанесли поражение 1-й австрийской армии под Ивангородом, которая с большими потерями отступила на линию Сандомир – Опатовка – Кельцы, а затем отошла по всему фронту к Кракову и Карпатам.

В начале нового этапа войны немецкая группа генерала Шеффера, начав наступательные операции по плану германского командования в левобережной Польше, с большими потерями едва избежала окружения русскими войсками, в составе которых действовали некоторые соединения 4-й, 5-й, 2-й армий. При движении группы Шеффера в направлении Лодзь – Петроков оборону держали IV и XXII армейские, II Сибирский корпуса. К ним на помощь подошли I Сибирский и V корпуса 5-й армии, в составе которых находились 5-я Донская казачья дивизия, 41-й, 35-й донские казачьи полки, 8-й Донской казачий генерала Иловайского 12-го полк. С подходом указанных частей ситуация у германской группы резко изменилась, ей были нанесены весьма чувствительные удары.

В этих и последующих боевых действиях 8-й Донской казачий генерала Иловайского 12-го полк пленил 1 офицера и 27 нижних чинов, захватил 2 пулемета, 57 ружей, 22 лошади. При этом его потери составили: убитые – 1 офицер и 28 казаков, раненые – 2 офицера и 104 казака, контуженные – 5 офицеров и 10 казаков, без вести пропавшие – 27 казаков, попавшие в плен – 1 офицер. Но и подвиги личного состава полка были весьма значимы: 1 офицер удостоился ордена Святого Георгия и 1 офицер – Георгиевского оружия, 211 казаков – Георгиевских крестов и 186 казаков – Георгиевских медалей. Полк, получив из Войска Донского пополнение – 1 офицера и 419 казаков, 477 лошадей, продолжил боевой путь.

Трофеи 36-го Донского казачьего полка в боевых действиях 1914–1915 гг. составили: пленными 1 офицер, 2 врача и 187 нижних чинов, было взято 200 ружей и 18 тыс. патронов, 7 сабель. За этот

же период полк потерял: 2 офицера и 18 казаков убитыми, временно выбили по ранению 4 офицера и 32 казака, без вести пропали 3 казака и 1 офицер попал в плен. За боевые успехи 156 казакам вручили Георгиевские кресты и 403 казакам – Георгиевские медали. Войско Донское восполнило потери полка 3 офицерами и 85 казаками, 88 лошадьми.

41-му Донскому казачьему полку удалось захватить не только 3 офицеров и 39 солдат, но и аэроплан, повозку с вещами военного назначения. За мужество, проявленное в боях 1914–1915 гг., 176 казаков были награждены Георгиевскими крестами и 168 казаков – Георгиевскими медалями. Потери полка из 959 казаков и 24 офицеров оказались незначительными: убитые – 1 офицер и 7 казаков, раненые – 1 офицер и 38 казаков, контуженные – 2 офицера и 4 казака, без вести пропавшие – 2 казака. Войско Донское эти потери восполнило 13 офицерами и 146 казаками, 156 лошадьми [73].

Несмотря на упорное сопротивление германцев, русские войска сохранили свое положение на Карпатах от Войнич на Ценжковице – Дукла – Санок – Турка – Надворная – Селетин. После ожесточенных сражений в районе Прасныша в декабре русские войска продвинулись до польского городка Млавы. На этом в конце декабря 1914 г. обе воюющие стороны перешли к позиционной войне.

Германия задумала перенести центр тяжести войны в 1915 году на Восточный фронт, т. е. против русских армий. Российское Верховное главнокомандование решило направить главные удары на Восточную Пруссию и Венгрию. В начале февраля 1915 г. 10-я германская армия в составе трех корпусов перешла в наступление против 10-й русской армии, располагавшей III, XX, XXVI армейскими корпусами и III Сибирским армейским корпусом. При попытке немцев окружить 10-ю русскую армию, в составе которой находились 4-я Донская казачья дивизия, 3-й Донской казачий Ермака Тимофеева полк, 34-й, 44-й и 48-й донские казачьи полки, 9-я, 19-я, 24-я и 25-я отдельные донские казачьи сотни, ожесточенные сражения разгорелись 20–21 февраля в районе Богатыри – Волкуш и Гродно – Липск, окончившиеся неудачей для русских войск. В обороне и в наступлении отличились III Сибирский армейский корпус, 4-я Донская казачья дивизия.

В первых числах марта 10-я русская армия, в XV корпусе которой находился 21-й Донской казачий полк, при активной поддержке 1-й и 12-й армий перешла в наступление против 10-й германской армии и заставила ее отступить. 1-я русская армия одновременно в это время нанесла немцам поражение в районе Прасныша. В результате успешных действий трех русских армий немцы вынуждены были перейти к обороне на всем Восточнопрусском фронте.

Весь март 3-я и 8-я армии Юго-Западного фронта провели в непрерывных боях против австро-германцев, стремившихся выйти из Венгрии к Перемышлю, и в апреле нанесли им серьезный урон, особенно на Бескидском хребте. В это время на Юго-Западном фронте были созданы 9-я армия под командованием генерала от инфантерии П. А. Лечицкого, в состав которой были включены 1-я Донская казачья дивизия и 7-й Донской казачий атамана Денисова полк, а также в феврале 1915 г. – 2-я Отдельная Донская казачья бригада (командир – генерал-майор Г. Л. Пономарев) в составе 7-го Донского казачьего атамана Денисова полка (вскоре он выбыл в XXXII армейский корпус 7-й армии), 49-го и 54-го (был заменен 53-м) донских полков, 21-й Донской казачьей батарее.

Вскоре 2-я Донская казачья бригада была включена в Сводный конный корпус с Оренбургской казачьей и 7-й кавалерийской дивизиями, в составе последней находились 11-й Донской казачий генерала от кавалерии Денисова (командир – полковник С. В. Денисов), 53-й (командир – полковник Н. И. Звегинцев) и 49-й донские казачьи полки. На базе 2-й Отдельной Донской казачьей бригады, принимавшей в 1915 г. активное участие в боевых действиях Юго-Западного фронта, в марте 1916 г. была сформирована 6-я Донская казачья дивизия в составе 11-го Донского казачьего генерала от кавалерии, графа Денисова полка, 49-го и 53-го донских казачьих полков. Позднее в 6-ю Донскую дивизию вошел 40-й Донской казачий полк.

11-й Донской казачий генерала от кавалерии Денисова и 53-й Донской казачий полки, участвуя в составе Сводного конного корпуса в оперативно-тактическом прикрытии правого фланга 8-й армии, успешно справились с конкретными боевыми заданиями.

В этих же боях 53-й Донской казачий полк пленил 1 офицера и 300 солдат противника, взял 21 пулемет и 5 лошадей. В ходе трудных и упорных боев в полку погибли 4 офицера и 45 казаков, получили ранения 5 офицеров и 107 казаков, контузии – 2 офицера и 6 казаков, пропали без вести 7 казаков, попали в плен 1 офицер и 7 казаков. За храбрость, проявленную в боях, образцовое выполнение заданий 1 офицер полка был награжден Георгиевским оружием, 144 казака – Георгиевскими крестами и 122 казака – Георгиевскими медалями. В 1916 г. в полк прибыло из Войска Донского 12 офицеров и 363 казака, 425 лошадей [74].

11-я русская армия, в ее соединения входили 4-я Донская казачья батарея 2-го Донского казачьего артдивизиона и несколько отдельных и особых донских сотен, после 6-месячной блокады 22 марта взяла Перемышль и пленила его гарнизон в составе 9 генералов, 2500 офицеров и 120 тыс. солдат, трофеи составили 900 орудий. Однако Карпатская операция имевшая целью вторжение в Венгрию, оказалась неудачной. За успешные боевые действия во 2-м Донском артдивизионе 4 офицера были удостоены Георгиевского оружия, 100 казаков – Георгиевских крестов и 104 казака – Георгиевских медалей. После этих сражений Войско Донскому пришлось 2-й артдивизион пополнить 3 офицерами, 185 казаками, 440 лошадьми [75].

Второй этап летней военной кампании 1915 г. германская армия начала 2 мая с целью прорыва Юго-Западного фронта (3, 4, 8, 9 и 11-я армии) на участке Горлица – Громник. После упорных боев, где отличилась 9-я Донская казачья батарея (4-й Донской артдивизион) под командованием сотника А. Болдырева, особенно в районах Змигород – Глойсце, Ветржно, Пильзно – Ясло – Ясел – Выдряны, на линии Фрыштаг – Кросно – Риманув, Юго-Западный фронт к 15 мая вынужден был отступить. Его армии расположились: 3-я – на р. Сане, 8-я – в промежутке между реками Саном и Днестром, 4-я – левым флангом вышла к р. Висле, 9-я и 11-я – заняли оборонительные позиции на р. Днестре и русской границе до Румынии. В оборонительных и арьергардных боях, прикрывая отступающие войска, мужественно сражались III Кавказская казачья дивизия, кавалерийские казачьи дивизии, в том числе и 3-я Донская казачья и 2-я Сводно-казачья дивизии, 16-я

кавдивизия. За успешное выполнение боевых заданий в 4-м Донском казачьем артдивизионе 192 казака были награждены Георгиевскими крестами и 80 казаков – Георгиевскими медалями.

После небольшого перерыва немцы, возобновив 17 мая наступление на полосе 3-й армии, 3 июня заняли Перемышль и развернули наступление на Тимашовском направлении, оттеснив 11-ю армию за Днестр, 9-ю – на Тысменицу, а 27 июня вошли во Львов. В обороне Днестровского рубежа огромную роль сыграли полки 1-й Донской казачьей дивизии. В связи со сложившимися обстоятельствами Верховный главнокомандующий передал 4-ю и 3-ю армии в Северо-Западный фронт, у которого на 25 июня оказалось 7 армий (1, 2, 3, 4, 5, 10 и 12-я). В конце июня русские войска, потеряв 500 тыс. человек пленными и 344 орудия, вынуждены были выйти из Галиции и перейти на свою территорию.

Немцы, перейдя в наступление против Юго-Западного фронта, одновременно усилили напор на Северо-Западный фронт. В начале мая они уже заняли г. Шавли и г. Либаву и в июне стали продвигаться к Митаве и Вильне. В середине мая из-под Варшавы сюда срочно была переброшена 4-я Донская казачья дивизия, которая удачно участвовала в глубоких рейдах по тылам германцев, особенно отличился ее 26-й полк.

В условиях угрозы окружения немцами русской армии в Польше Верховное главнокомандование образовало новую 13-ю армию и восстановило 5-ю армию, ранее упраздненную. Однако русским войскам не удалось сдержать наступление германских войск и к 30 августа пришлось остановиться на линии Гродно – Свислочь – Пружаны – верховье реки Яссельды. А в Риго-Шавельском районе немцы в начале сентября потеснили русские войска к Западной Двине на Ригу, но переброшенные сюда 12-я и 5-я армии остановили германское наступление. А 10-я русская армия, в ее составе находился 21-й Донской казачий полк, в это время обороняла путь на Вильно, куда на помощь ей срочно были направлены V армейский, гвардейский, в том числе и Лейб-гвардии Казачий его величества полк, и XXIII армейский корпус.

Все же 1-й и 10-й русским армиям 15 сентября удалось вытеснить германскую кавалерию из района Молодечно и 21 сентября занять Сморгонь. Немцы были отброшены в район Вилейки, и удалось ликвидировать «Свенцянский прорыв», т.е. германскую крупную военную операцию в районе Вильно. В этих боях проявили стойкость и мужество казаки Лейб-гвардии Казачьего Его Императорского величества полка. Ими были пленены 2 офицера и 31 солдат противника, взяты 221 винтовка и 22,8 тыс. патронов, 16 лошадей. За боевые заслуги в сражениях 1914–1915 гг. против австро-венгров и немцев в полку были награждены 1 офицер орденом Святого Георгия и 7 офицеров – Георгиевским оружием, 437 казаков – Георгиевскими крестами и 448 казаков – Георгиевскими медалями. По отчетным данным, представленным в штаб Походного атамана, потери полка составили: убитые – 3 офицера и 5 казаков, раненые – 5 офицеров и 43 казака, контуженные – 13 офицеров и 37 казаков, без вести пропавшие – 4 казака. В 1915 г. в полк из области Войска Донского прибыло пополнение – 15 офицеров, 490 строевых и 15 нестроевых казаков, 44 лошади [76].

В этот период с принятием Николаем II на себя Верховного главнокомандования произошло разделение Северо-Западного фронта на два – Северный (главнокомандующий – генерал от инфантерии Н. В. Рузский), Западный (главнокомандующий – генерал от инфантерии А. Е. Эверт). Юго-Западный фронт (главнокомандующий – генерал от инфантерии Н. И. Иванов) по-прежнему сохранялся. Великий князь Николай Николаевич был отправлен на Кавказ в качестве наместника и главнокомандующего Отдельной Кавказской армией, сформированной лишь накануне войны с Турцией.

В составе XXXIV армейского корпуса Западного фронта активно включился в боевые действия 58-й Донской казачий полк. Он уже в сражениях 1915 г. пленил 2 офицеров и 93 солдата противника, взял 5 зарядных ящика и 2 пулемета, 15 сабель, 5 лошадей. В этих боях погибли 24 казака и получили ранения 44 казака, контузии – 2 офицера, без вести пропали 1 офицер и 33 казака, 2 казака попали в плен. Боевые заслуги полка были высоко оценены – 1 офицер удостоился Георгиевского оружия, 162 казака – Георгиевских крестов и 84 ка-

зака – Георгиевских медалей. Для продолжения военных действий полк получил из Войска Донского 8 офицеров и 194 казака, 212 лошадей [77].

В связи с необходимостью оказания помощи Сербии была образована 7-я армия (в ее состав вошел 49-й Донской казачий полк) под командованием генерала Щербачева. Ее сосредоточили в окрестностях Одессы (Одесский военный округ входил в Юго-Западный фронт) для охраны побережья Черного моря. Но совместные действия 7-й армии в декабре 1915 – январе 1916 г. с 9-й и 11-й армиями Юго-Западного фронта с линии Трембовля – Чортков по направлению к р. Стрыпе завершились безрезультатно. В этих трудных боях 49-й Донской казачий полк понес немалые потери: погибли 2 офицера и 31 казак, получили ранения 7 офицеров и 117 казаков, контузии – 2 офицера и 2 казака, 5 казаков пропали без вести и 4 казака попали в плен. Все же полк смог захватить в плен 1 офицера и 164 солдата противника, 2 пулемета и 92 винтовки, 14 лошадей. Боевые успехи 202 казаков были отмечены Георгиевскими крестами и 95 казаков – Георгиевскими медалями. В полк из Войска Донского поступило пополнение – 11 офицеров и 280 казаков, 342 лошади [78].

Кавказский военный театр Первой мировой войны, где боевые события между войсками России и Турции развернулись в первые же дни провокации с турецкой стороной, стал отдельным самостоятельным фронтом. В начале 1915 г. Отдельную Кавказскую армию дополнили 55-й Донской казачий полк в составе 14 офицеров, 531 строевого и 61 нестроевого казаков, 56-й Донской казачий полк в составе 11 офицеров, 542 строевых и 63 нестроевых казаков, 57-й Донской казачий полк в составе 13 офицеров, 558 строевых казаков.

В апреле 1915 г. на Кавказский театр войны прибыла Донская казачья пешая бригада в составе 4 батальонов (92 офицера, 4607 строевых и 578 нестроевых казаков). В личный состав 1-го батальона (командир – полковник Лупилин) входили 29 офицеров, 1160 строевых и 193 нестроевых казаков; 2-го батальона (командир – полковник Полухин) – 21 офицер, 1131 строевой и 128 нестроевых казаков; 3-го батальона (командир – войсковой старшина Духопельников) – 21 офицер, 1160 строевых и 128 нестроевых казаков; 4-го батальона

(командир – полковник Аврамов) – 21 офицер, 1156 строевых и 129 нестроевых казаков.

Боевые действия Донской казачьей пешей бригады, проводившиеся на Кавказском военном театре во второй половине 1915 г., были не совсем удачные, за исключением 3-го казачьего пешего батальона. В 1915 г. 3-му батальону удалось провести ряд успешных сражений против турок и захватить в плен 7 офицеров и 150 аскеров, 2 орудия и 19 зарядных ящиков, 200 ружей и 27,5 тыс. патронов. В 1915 г. батальон понес потери, но незначительные – погибли 1 офицер и 3 казака, получили ранения 27 казаков, контузии – 1 офицер и 1 казак, пропал без вести 1 казак. В 1-м, 2-м и 4-м казачьих пеших батальонах потери составили: погибшие – 2 офицера, 77 казаков, раненые – 3 офицера, 242 казака, контуженные – 2 офицера и 36 казаков. Из всех четырех батальонов лишь в третьем батальоне были награждены 4 казака Георгиевскими крестами и 7 казаков – Георгиевскими медалями. В конце 1915 г. из области Войска Донского 1-й казачий пеший батальон получил пополнение – 6 офицеров и 303 казака; 2-й батальон – 8 офицеров и 298 казаков, 22 лошади; 3-й батальон – 8 офицеров и 117 казаков, 19 лошадей; 4-й батальон – 8 офицеров и 301 казака, 19 лошадей.

56-й и 57-й донские казачьи полки несли в основном сторожевую службу на прифронтовом Черноморском побережье, а 55-й Донской казачий полк был привлечен к боевым действиям. В сражениях против турок 55-му полку удалось пленить 21 аскера и взять 56 лошадей. В полку 3 казака удостоились Георгиевских крестов и 11 казаков – Георгиевских медалей. В начале 1916 г. все три полка получили из Войска Донского пополнение: 55-й Донской казачий полк – 6 офицеров и 21 казака, 63 лошади; 56-й Донской казачий полк – 80 казаков и 298 лошадей; 57-й Донской казачий полк – 44 казака и 130 лошадей [79].

В течение полутора лет (1914–1915 гг.) за проявленную храбрость на полях сражений Первой мировой войны и умелое командование вверенными частями 44 офицера (в том числе 2 калмыка-казака) донских казачьих военных частей были награждены орденами Святого Георгия, 103 офицера (в том числе 5 калмыков-казаков) – почетным Георгиевским оружием. За отвагу и мужество, проявленные в боях, 15426 казаков (в том числе 598 калмыков) были удостоены Георги-

евских крестов, 12497 казаков (в том числе 288 калмыков) – Георгиевских медалей.

Военная кампания 1915 г. для России завершилась не совсем удачно. Российская армия, принудившая Германию сосредоточить основные силы на Восточном фронте, предоставила союзникам почти полугодовую передышку, а сама была вытеснена из большей части Галиции, Польши, из части Прибалтики и Белоруссии. Обе воюющие стороны на Восточном фронте понесли значительные потери. Германия в 1915 г. не достигла своей цели – вывести русскую армию из войны. Донские казачьи полки и другие донские части, участвуя в крупных и малых операциях и сражениях, с честью выдержали испытания трудной военной кампании 1915 г. и сохранили свою боеспособность, приобрели опыт ведения современной войны.

6.2.3. Боевые действия донских казачьих полков в 1916 году

В связи с наступлением на Западном фронте немцев и обращением французского командования облегчить положение его армии под Верденом император Николай II отдал 3 (16) марта 1916 г. директиву: армиям Северного и Западного фронтов перейти в наступление для нанесения удара германским войскам и достижения линии Митава – Вилькомир – Вильно. Выполнение этой задачи возлагалось на 12-ю армию Северного фронта, 1-ю, 2-ю и 10-ю армии Западного фронта [80].

Одной из первых военных операций 1916 г. на Восточном фронте явилось сражение у озера Нарочь 12-й русской армии Северного фронта против 8-й и 10-й германских армий. В боях, продолжавшихся с 18 по 31 марта и закончившихся тяжелым поражением 12-й армии, героически сражались 4-й Донской казачий графа Платова и 6-й Донской казачий генерала Краснощекова полки, 35, 44, 52 и 58-й донские казачьи полки, 4-я Донская казачья дивизия (19, 24, 25 и 26-й донские полки), 21-я Отдельная Донская казачья сотня, 7-й и 11-й арtdивизионы.

6-й Донской казачий генерала Краснощекова полк в боях потерял убитыми 1 офицера и 3 казаков, ранения получили 1 офицер и 10 ка-

заков. Полку удалось захватить в плен лишь трех солдат противника, 15 ружей и 1500 патронов. Все же мужество 24 казаков полка было отмечено Георгиевскими крестами и 15 казаков – Георгиевскими медалями. После сражений в 1916 г. полк получил пополнение – 100 казаков и столько же лошадей.

В 35-м Донском казачьем полку в этих боях погибли 1 офицер и 5 казаков, заслужили награды: 54 казака – Георгиевские кресты и 27 казаков – Георгиевские медали. В 1916 г. в полк прибыло пополнение в составе 7 офицеров и 182 казаков. О значительных потерях 44-го Донского казачьего полка свидетельствовало поступившее после этих сражений пополнение – 9 офицеров и 219 казаков на своих лошадях. В полку были награждены всего 3 казака Георгиевскими медалями. В 4-ю Донскую дивизию в качестве пополнения прибыли 31 офицер и 288 казаков, было поставлено 165 лошадей.

В 52-м Донском казачьем полку погибли 6 казаков, получили ранения и контузии 2 офицера и 16 казаков, пропали без вести 2 казака. За храбрость 3 казака были награждены Георгиевскими крестами и 29 казаков – Георгиевскими медалями. Полк в 1916 г. получил пополнение – 4 офицера и 71 казака, 188 лошадей. В 58-м Донском казачьем полку отличились и заслужили награды – 101 казак, которым вручили Георгиевские кресты, и 40 казакам – Георгиевские медали. В 1916 г. в полк из Войска Донского поступило пополнение – 14 офицеров и 71 казак, 125 лошадей [81].

Главный вопрос о программе боевых действий русской армии на 1916 г. решался на военном совете, состоявшемся 1 апреля 1916 г. в Могилеве с участием главнокомандующих 3 фронтов, под председательством Верховного главнокомандующего Николая II. После неудачного наступления русской армии (2-я армия генерала от инфантерии В. В. Смирнова) в направлении на Ковно, предпринятого в начале марта 1916 г. с целью облегчения положения французской армии под Верденом, было принято решение – всем фронтам быть готовыми к боевым действиям 1916 г. к середине мая. Нанесение главного удара определялось на Вильно Западным фронтом, ему должен был помогать Северный фронт, наступая с северо-востока на Вильно. Юго-Западный фронт должен был перейти в общее наступление

с целью оказания помощи указанным двум фронтам в выполнении главной задачи [82].

Однако с понесением тяжелого поражения союзной итальянской армией от австро-германских войск Ставка Верховного главнокомандования решила начать уже 11 мая военные действия русской армии на Восточном фронте. Но Северный и Западный фронты оказались еще не подготовленными и могли начать наступление не ранее 5–6 июня, за исключением Юго-Западного фронта (главнокомандующий – А. А. Брусилов), который согласился развернуть наступление лишь 22 мая.

В соответствии с намеченным сроком Юго-Западный фронт 22 мая 1916 г. начал мощную артиллерийскую атаку, и все его 4 армии (7, 8, 9 и 11-я) перешли в наступление по всему по фронту. Армии Юго-Западного фронта с 22 мая по 30 июля 1916 г., по свидетельству А. А. Брусилова, взяли в плен 8255 офицеров и 370 158 солдат, захватили 496 орудий, 144 пулемета и 367 бомбометов и минометов, около 400 зарядных ящиков, около 100 прожекторов и громадное количество винтовок, патронов, снарядов и разной другой военной добычи.

Юго-Западный фронт успешно справился с поставленной оперативной задачей – овладеть зимней укрепленной позицией противника. В результате наступления армий (к 4 армиям была добавлена 3-я армия) фронта была возвращена часть территории России, занята Восточная Галиция и вся Буковина. А. А. Брусилов отмечал, что в конце октября военные действия 1916 года, в сущности, закончились. Со дня наступления по 1 ноября Юго-Западным фронтом было взято в плен свыше 450 000 офицеров и солдат. За это же время противник потерял свыше 1 500 000 убитыми и ранеными [83].

Главный удар Юго-Западного фронта на Луцк – Ковель производила 8-я армия (командующий – генерал-лейтенант А. М. Каледин) как ближайший сосед Западного фронта, которому отводилась основная роль в общем наступлении русской армии. В составе соединенной 8-й армии успешно выполняли боевые задания донские казачьи части – дивизии, полки, отдельные и особые сотни, артиллерийские дивизионы. В IV конном корпусе воевали 16-й Донской казачий гене-

рала Грекова 8-го и 17-й Донской казачий генерала Бакланова полки, 10-й Донской артдивизион; в V конном корпусе – 12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала Потемкина-Таврического полк; в VIII армейском корпусе – 37-й Донской казачий полк и 33-я Отдельная Донская казачья сотня; в XXX армейском корпусе – 2, 22, 24 и 52-я особые донские казачьи сотни; в XLX армейском корпусе – 10-я и 40-я особые донские казачьи сотни; в XLVI армейском корпусе – 51-й Донской казачий полк.

На основном направлении 8-я армия, прорвав австро-венгерскую оборону, 25 мая заняла Луцк. Однако на Ковельском направлении соединения IV конного и XLVI армейского корпусов, в составе которых действовали и донские казачьи части, не смогли преодолеть упорное сопротивление австро-венгерских войск и понесли значительные потери. В 16-м Донском казачьем генерала Грекова 8-го полку в военных операциях Луцкого прорыва погибли 6 офицеров и 40 казаков, получили ранения 12 офицеров и 257 казаков, контузии – 2 офицера и 7 казаков пропали без вести. Его военные трофеи составили 60 пленных солдат, 200 сабель, 2 пулемета и 14 лошадей. За храбрость и стойкость, проявленную в тяжелых боях, 243 казака удостоились Георгиевских крестов и 359 казаков – Георгиевских медалей. Потери полка были восполнены прибывшими из Войска Донского 12 офицерами, 725 казаками, 412 лошадьми.

В этих же боях в 17-м Донском казачьем генерала Бакланова полку погибли 2 офицера и 45 казаков, ранения получили 8 офицеров и 215 казаков, контузии – 2 офицера и 8 казаков, 5 казаков пропали без вести. Полк в качестве трофеи взял: в плен 3 офицеров и 136 солдат противника, из орудий – 8 пулеметов. Мужество 1 офицера было отмечено орденом Святого Георгия и 1 офицера – почетным Георгиевским оружием, 247 казаков – Георгиевскими крестами и 155 казаков – Георгиевскими медалями. В полк поступило пополнение – 3 офицера, 419 казаков, 469 лошадей.

В 17-й артиллерийской батарее 10-го Донского артдивизиона ранения получили 4 казака и контузии – 2 казака. За умелые боевые действия 4 казака были награждены Георгиевскими крестами и 14 казаков – Георгиевскими медалями. В батарею поступило пополне-

ние – 2 офицера и 21 казак, 87 лошадей. В 24-й артбатарее этого же дивизиона 14 казакам вручили Георгиевские кресты. О трудных боях батареи свидетельствовало поступившее пополнение – 2 офицера и 45 казаков, 74 лошади.

51-й Донской казачий полк в этих сражениях менее пострадал. В полку были ранены 1 офицер и 2 казака, 1 офицер контужен. Ему удалось пленить 2 офицеров и 62 солдата, взять 15 ружей и 3 телефоноаппарата. В полку 156 казаков были награждены Георгиевскими крестами и 154 казака – Георгиевскими медалями. Полк пополнили всего 44 казака [84].

В трудных боях на Ковельском и Владимиро-Волынском направлениях и в последующих сражениях 1916 г. в 12-м Донском казачьем князя Потемкина-Таврического полку, воевавшем в составе 11-й кавдивизии V конного корпуса, погибли 1 офицер и 25 казаков, получили ранения 3 офицера и 100 казаков, контузии – 1 офицер и 17 казаков, без вести пропали 2 офицера. Полк в боях пленил 1 офицера и 278 австро-венгерских солдат, захватил 1 пулемет и 167 ружей. За успешные боевые действия 1 офицер полка был награжден Георгиевским оружием, 119 казаков – Георгиевскими крестами и 145 казаков – Георгиевскими медалями. В конце 1916 г. из Войска Донского в полк прибыло пополнение – 16 офицеров и 427 казаков, 565 лошадей.

Несколько меньший успех выпал в 1916 г. 37-му Донскому казачьему полку, участвовавшему в сражениях в составе VIII армейского корпуса. Он в боях пленил 176 солдат противника и взял 20 ружей. В полку были награждены 37 казаков Георгиевскими крестами и 39 казаков – Георгиевскими медалями. Полк потерял убитыми 11 казаков, получили ранения 4 офицера и 29 казаков, контузии – 2 офицера и 7 казаков, 1 офицер пропал без вести. Его личный состав восполнили 6 офицеров и 270 казаков, конский – 215 лошадей. Сражавшаяся вместе с ней 33-я Отдельная казачья сотня, в личный состав которой входили 3 офицера и 156 казаков, после боевых действий в 1916 г. получила в качестве пополнения 2 офицеров и 22 казака, 9 лошадей. Если в 1914–1915 гг. в сотне 9 казакам вручили Георгиевские кресты и 8 казакам – Георгиевские медали, то в 1916 г. заслужили Георгиевские кресты 11 казаков и 17 казаков – Георгиевские медали.

В составе других соединений 8-й армии успешно воевали 2, 10, 22, 24, 40 и 52-я особые донские казачьи сотни. В боях отличилась 2-я Особая сотня, в которой 45 (31,2 % личного состава) казаков были удостоены Георгиевских крестов и 21 (14,6 %) – Георгиевских медалей. Ее потери Войско Донское в 1916 г. восполнило 63 казаками, 25 лошадьми [85].

В наступательных боях лета 1916 г. активно и весьма удачно действовал в составе II армейского корпуса 31-й Донской казачий полк. Ему удалось пленить 19 офицеров и 720 солдат австро-германских войск, захватить знамена двух полков, 2 пулемета. При этом в полку погибли 3 офицера и 27 казаков, получили ранения 2 офицера и 45 казаков, контузии – 2 офицера и 8 казаков, 2 казака пропали без вести. Высоко были оценены подвиги личного состава полка: 3 офицерам вручили ордена Святого Георгия 4-й степени, 82 казакам – Георгиевские кресты и 96 казакам – Георгиевские медали. В 1916 г. полк получил пополнение – 219 казаков и 209 лошадей.

В составе 3-й армии, вошедшей с 11 июня 1916 г. в Юго-Западный фронт и действовавшей вместе с 8-й армией в направлении Городок – Маневичи, сражались Лейб-гвардии Казачий Его Императорского величества полк, Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полк (в нем служили калмыки – приказный Владимир Даржинович Мушанов и казак Бадьма Учурович Бурсаков) и Лейб-гвардии Сводно-Казачий полк. В летних боях 1916 г. в Лейб-гвардии Казачьем Его Императорского величества полку награды заслужили: 208 казаков – Георгиевские кресты и 239 казаков – Георгиевские медали. Его потери оказались незначительными: 2 казака погибли и 14 казаков получили ранения, контузии – 2 офицера и 4 казака, 1 казак пропал без вести. Полк захватил 11 повозок с вещами и снаряжениями военного назначения.

В Лейб-гвардии Атаманском Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полку погибли 3 казака, были ранены 2 офицера и 37 казаков, контужены 7 офицеров. Полк в боях захватил 40 сабель, 23 кинжала, 38 пик, 14 револьверов. Всего были награждены 13 казаков Георгиевскими крестами и 58 казаков – Георгиевскими медалями. В 1916 г. полк получил пополнение – 50 казаков, 6 офи-

церов, 20 лошадей. Боевые успехи Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка были значительнее – 105 казаков заслужили Георгиевские кресты и 39 казаков – Георгиевские медали. Погибли 4 казака, ранены и контужены 6 офицеров и 71 казак. В боях ему удалось захватить 4 повозки, много ружей и патронов. В 1916 г. полк получил пополнение – 8 офицеров и 136 казаков, 152 лошади [86].

В 7-й армии, которая совместно с 11-й армией была нацелена на Галич и линию Лишнюв – Дубы – Звижень, действовала 6-я Донская казачья дивизия (7-й Донской казачий войскового атамана Денисова, 40-й, 49-й и 53-й донские казачьи полки), сформированная в марте 1916 г. В состав дивизии входил 7-й Донской артдивизион (14-я и 15-я артбатареи). 6-я Донская казачья дивизия, активно участвуя в мае – июле в наступательных боях, способствовала успешному продвижению 7-й и 9-й армий к намеченной линии. В тяжелых боях 1916 года 7-й Донской казачий войскового атамана Денисова полк понес большие потери: погибли 2 офицера и 195 казаков, ранения получили 13 офицеров и 335 казаков, контузии – 13 офицеров и 27 казаков, без вести пропали 1 офицер и 24 казака. Но и полк, захватив в плен 11 офицеров и 636 солдат австро-германских войск, 350 ружей, нанес чувствительный удар врагу. За выполнение боевых заданий, проявленное в боях мужество 3 офицера удостоились почетного Георгиевского оружия, 398 казаков – Георгиевских крестов и 177 казаков – Георгиевских медалей. В полк в 1916 г. из Войска Донского поступило пополнение – 7 офицеров и 395 строевых и 14 нестроевых казаков, 79 лошадей.

О кровопролитных сражениях 40-го Донского казачьего полка, в составе которого служили 8 калмыков-казаков, свидетельствовали его потери в 1916 г. В полку погибли 1 офицер и 26 казаков, получили ранения 1 офицер и 114 казаков, контузии – 6 офицеров и 63 казака, 5 казаков пропали без вести. Полку удалось пленить 250 солдат, взять трофеи – 1 орудие, 6550 винтовок. За умелое и своевременное обеспечение руководства, храбрость 2 офицера были награждены орденами Святого Георгия, 1 офицер – Георгиевским оружием, 284 казака – Георгиевскими крестами и 163 казака – Георгиевскими медалями. В том же году в полк из Войска Донского прибыли 3 офицера и 326 казаков, поступило 343 лошади.

В числе полков дивизии мужественно сражались и казаки 49-го Донского казачьего полка. В боях он захватил в плен 3 офицеров и 278 солдат австро-германских войск, 1 зарядный ящик, 220 ружей и 200 тыс. патронов, 7 повозок с продовольствием и другими предметами военного назначения. В сражениях в полку погибли 2 офицера и 22 казака, были ранены 11 офицеров и 191 казак, контужены 6 офицеров и 15 казаков, без вести пропали 22 казака, 1 офицер и 2 казака попали в плен. За успешные боевые действия в полку 5 офицеров были награждены Георгиевским оружием, 262 казака – Георгиевскими крестами и 148 казаков – Георгиевскими медалями. Войско Донское в 1916 г. в полк направило пополнение – 15 офицеров и 156 казаков, 157 лошадей.

53-й Донской казачий полк 6-й дивизии вступил в военную кампанию 1916 г. с полным личным составом – 37 офицеров, 1058 строевых и 109 нестроевых казаков. За период сражений он потерял: погибшими – 3 офицеров и 57 казаков, ранеными – 6 офицеров и 123 казака, контужеными – 4 офицера и 37 казаков, без вести пропавшими – 17 казаков. Однако в полк в качестве пополнения прибыло всего 11 офицеров и 77 казаков. В ходе боевых действий полк пленил 24 офицера и 816 нижних чинов австро-германских войск, взял 1 пулемет, 63 винтовки и значительное количество патронов. За особые боевые заслуги 196 казакам вручили Георгиевские кресты и 195 казакам – Георгиевские медали.

Героически сражались казаки 14-й и 15-й артиллерийских батарей 7-го Донского артдивизиона 6-й Донской казачьей дивизии. В 1916 г. в обеих батареях погибли 2 казака и получили ранения 1 офицер и 28 казаков, контузии – 7 казаков. 92 казака 7-го артдивизиона были награждены Георгиевскими крестами и 86 казаков – Георгиевскими медалями, 1 офицер – Георгиевским оружием. В 1916 г. из Войска Донского в артдивизион поступило пополнение – 2 офицера и 239 казаков, 253 лошади [87].

В летних боях 1916 г. 6-я Донская казачья дивизия взяла в плен 38 офицеров и 1987 нижних чинов австро-германских войск и много боевой техники и орудий. Потери дивизии составили: безвозвратные –

8 офицеров и 300 казаков, санитарные – 59 офицеров и 785 казаков, без вести пропавшими – 1 офицер и 85 казаков. За боевые подвиги 3 офицера дивизии удостоились орденов Святого Георгия 4-й степени, 9 офицеров – почетного Георгиевского оружия, 1140 казаков – Георгиевских крестов и 683 казака – Георгиевских медалей. В дивизию в 1916 г. поступило пополнение – 53 офицера, 866 казаков, 499 лошадей.

В ходе боевых действий лета 1916 г. 11-й Донской казачий генерала от кавалерии Денисова полк, имевший 25 офицеров, 703 строевых и 90 нестроевых казаков, понес существенные потери. В сражениях погибли 2 офицера и 33 казака, получили ранения и контузии 19 офицеров и 227 казаков, без вести пропали 1 офицер и 33 казака, попали в плен 1 офицер и 7 казаков. Но ему удалось пленить 2 офицеров и 500 нижних чинов противника, захватить 1 орудие и 10 зарядных ящиков, 5 пулеметов, 545 ружей и много патронов, 24 лошади. За мужество и боевые успехи 1 офицер полка был награжден орденом Святого Георгия и 3 офицера – почетным Георгиевским оружием, 250 казаков – Георгиевскими крестами 4-й степени и 346 казаков – Георгиевскими медалями. В 1916 г. полк, получив пополнение – 1 офицера, 430 строевых и 176 нестроевых казаков, 212 лошадей, продолжил свой боевой путь.

В составе соединений 11-й армии, начавшей активные боевые действия в июне – июле за линию Кошев – Звеняч – Мерва – Лишнюв, сражались 22, 38, 42 и 54-й донские казачьи полки. Как отмечал А. А. Брусилов, 11-я армия при движении к указанной линии захватила в плен 34000 австро-германцев, 45 орудий и 71 пулемет [88]. Доля 22-го Донского казачьего полка, в составе которого сражались 29 калмыков, в богатых трофеях армии составила: 1 офицер и 69 солдат противника, 1 пулемет, 3 ружья и 3 лошади, а 42-го Донского казачьего полка – 1 офицер и 200 солдат, 200 ружей, 3 автомобиля, 311 сабель, 5 телефоноаппарата. В 22-м полку в боях погибли 9 казаков, получили ранения и контузии 25 казаков. За боевые подвиги 107 казакам полка вручили Георгиевские кресты и 89 казакам – Георгиевские медали. В 1916 г. полк пополнился всего лишь двумя офицерами.

42-й Донской казачий полк потерял убитыми 1 офицера и 6 каза-

ков, ранеными – 9 казаков. Боевые успехи полка были высоко оценены: 238 казаков наградили Георгиевскими крестами и 299 казаков – Георгиевскими медалями. В 1916 г. в полк поступило всего 5 офицеров, 14 казаков, 37 лошадей. В 38-м Донском полку были награждены 115 казаков Георгиевскими крестами и 36 казаков – Георгиевскими медалями. Его пополнение составило – 5 офицеров, 230 казаков на собственных лошадях. В 54-м Донском полку награды получили: 22 казака – Георгиевские кресты и 29 казаков – Георгиевские медали. 54-й полк в качестве пополнения получил всего 143 казака и 178 лошадей. В этом полку служили 2 калмыка-казака (Маска Хачинович Мусов и Алян Бувышевич Пунгаринов) [89].

В 9-й армии, наступавшей на Галич и Станиславов, участвовавшей во взятии г. Черновцы, а также в завершении операции армий Юго-Западного фронта по овладению районом Тысменицы – Станиславов и Надворной, активно действовала 1-я Донская казачья дивизия (9-й генерала Орлова-Денисова, 10-й генерала Луковкина, 13-й генерала Кутейникова и 15-й генерала Краснова 1-го донские казачьи полки). Соединения 9-й армии только в июльских баталиях 1916 г. взяли в плен более 16 тыс. солдат и офицеров австро-германских войск, захватили много орудий и другой военной техники.

8-й Донской казачий Иловайского 12-го полк, участвовавший в летних боях в этом же направлении, захватил в плен 3 офицеров и 42 солдата, 2 пулемета и 37 винтовок, 16 лошадей. 42 казакам полка вручили Георгиевские кресты и 11 казакам – Георгиевские медали. Полк в боях понес потери: погибли 1 офицер и 2 казака, получили ранения и контузии 5 офицеров и 29 казаков, без вести пропали 1 офицер и 16 казаков, 1 офицер попал в плен. В 1916 г. в полк поступило пополнение – 139 казаков на собственных лошадях [90].

В кратковременном и пассивном летнем наступлении 1916 г. Западного фронта в направлении на Барановичи в составе его соединений принимали участие 21, 36, 41 и 48-й донские казачьи полки. В 21-м полку были ранены 1 офицер и 6 казаков, 1 казак пропал без вести. 150 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами и 63 казака – Георгиевскими медалями. В 1916 г. в полк поступило пополнение – 1 офицер и 76 казаков. В 36-м Донском казачьем полку, не участвовавшему в активных боевых действиях, ранение получил

всего 1 казак. К концу 1916 г. из Войска Донского в полк прибыли 18 офицеров и 165 казаков, поступило 236 лошадей. 41-й Донской казачий полк несколько отличился, и его 1 офицер удостоился почетного Георгиевского оружия, 25 казаков – Георгиевских крестов и 30 казаков – Георгиевских медалей. В 1916 г. 41-й полк был доукомплектован 3 офицерами и 95 казаками, 38 лошадьми, а 48-й полк – 11 офицерами и 80 казаками, 36 лошадьми [91].

Многие донские казачьи полки, вступая в столкновения с противником, успешно держали оборону на отведенных позициях фронта. К ним следует отнести 5-й Донской казачий войскового атамана Власова полк и донские полки (18, 20, 30 и 32-й) 3-й Донской казачьей дивизии. 5-й Донской казачий полк Власова в течение года понес небольшие потери: 1 офицер и 5 казаков погибли, были ранены 2 офицера и 11 казаков, без вести пропали 2 казака. На пополнение в 1916 г. в полк прибыли 8 офицеров. За образцовое выполнение боевых заданий 109 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами и 82 казака – Георгиевскими медалями.

18-й Донской казачий полк 3-й Донской дивизии в позиционных сражениях 1916 г. потерял: убитыми – 1 офицера и 18 казаков, ранеными и контужеными – 6 офицеров и 67 казаков, пропавшими без вести – 7 казаков. Полку удалось взять в плен 32 солдата противника. За умелые действия в боях 92 казака были награждены Георгиевскими крестами и 83 казака – Георгиевскими медалями. Полк в том же году получил пополнение – 5 офицеров и 85 казаков.

В 20-м Донском казачьем полку в стычках с противником погибли 1 офицер и 3 казака, получили ранения 14 казаков, контузии – 1 офицер и 2 казака, 1 казак пропал без вести. В плен были взяты 4 солдата австро-германских войск. В 1916 г. в полку 41 казаку вручили Георгиевские кресты и 11 казакам – Георгиевские медали. Его пополнение в том же году составило 6 офицеров и 121 казак, 159 лошадей.

30-му Донскому казачьему полку приходилось чаще вступать в сражения, в результате которых 3 офицера и 25 казаков погибли, получили ранения и контузии 3 офицера и 48 казаков, 1 казак пропал без вести. За боевые подвиги 1 офицера полка наградили орденом Святого Георгия, 188 казаков – Георгиевскими крестами и 124 каза-

ка – Георгиевскими медалями. Войско Донское в том же году восполнило полк 6 офицерами и 246 казаками, 110 лошадьми.

В редких столкновениях с противником 32-й полк потерял в 1916 г. 13 казаков, из них 2 погибли и 11 пропали без вести, ранеными и контужеными – 5 офицеров и 31 казака. Награды получили: 66 казаков – Георгиевские кресты и 60 казаков – Георгиевские медали. В 32-й полк из Войска Донского поступило пополнение – 3 офицера и 96 казаков, 81 лошадь. В аналогичной ситуации находился и 46-й Донской казачий полк, потери которого составили: погибшими 2 казака и пропавшими без вести 2 казака. За успешное выполнение боевых заданий в 46-м полку 63 казакам вручили Георгиевские кресты и 53 казакам – Георгиевские медали. 46-й полк в 1916 г. пополнился 10 офицерами и 193 казаками, 56 лошадьми [92].

В 4-й Донской казачьей дивизии, находившейся в окопах, в небольших стычках с противником в 1916 г. погибли 8 казаков, получили ранения 4 офицера и 59 казаков, контузии – 8 казаков. За успешные оборонительные действия в течение года 383 казака дивизии были награждены Георгиевскими крестами и 210 казаков – Георгиевскими медалями. В 34-м Донском казачьем полку наград удостоились: 1 офицер – Георгиевского оружия, 5 казаков – Георгиевских крестов и 7 казаков – Георгиевских медалей. 34-й полк получил пополнение – 9 офицеров и 82 казака, 132 лошади.

5-я Донская казачья дивизия, державшая почти в течение 1916 года оборонительные рубежи в районе Полесья и Пинских болот, успешно справилась с боевой задачей. Ее полки (27, 28, 29 и 33-й) при проведении разведывательных действий захватили 1 офицера и 21 солдата противника, 18 винтовок. Однако в трудных условиях в дивизии умерли и погибли 71 казак и пропали без вести 5 казаков, санитарные потери составили 17 офицеров и 321 казак. За образцовое выполнение боевых заданий в 1916 г. в дивизии 1 офицер был награжден орденом Святого Георгия и 1 офицер – Георгиевским оружием (оба из 29-го полка), 933 казака – Георгиевскими крестами и 890 казаков – Георгиевскими медалями. В 1916 г. дивизия получила пополнение – 32 офицера и 1478 строевых и 174 нестроевых казаков, 877 лошадей [93].

Находившиеся на передовых рубежах Северного фронта 23, 39, 43 и 45-й донские казачьи полки, 1-й Донской казачий Его Императорского величества полк, 14-й Донской казачий войскового атамана Ефремова полк в 1916 г. активно в боевых действиях не участвовали. 1-й Донской казачий Его Императорского величества полк в мелких столкновениях с противником потерял убитыми 6 казаков, ранеными 2 офицеров и 22 казака, а в плен взял всего 1 солдата противника. За образцовое выполнение боевых заданий 105 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами и 73 казака – Георгиевскими медалями. В 1916 г. полк пополнился 13 офицерами и 157 казаками, 161 лошадей. А во 2-м Донском казачьем полку всего 1 казак удостоился Георгиевского креста и 3 казака – Георгиевских медалей.

В 14-й Донском казачьем войскового атамана Ефремова полку, находившемся на оборонительных рубежах, погибли 3 казака и были ранены 20 казаков. В 1916 г. в полку получили награды: 1 офицер – орден Святого Георгия и 2 офицера – Георгиевское оружие. В том же году Войско Донское прислало в полк 11 офицеров и 272 казака, 66 лошадей.

В 1916 г. в 23-м полку погибли 8 казаков, а прибыло на пополнение – 11 офицеров и 276 казаков, поступило 154 лошади. В 43-м полку погиб 1 казак, награды заслужил: 24 казака – Георгиевских крестов и 25 казаков – Георгиевских медалей. В 1916 г. в 43-й полк поступило пополнение – 9 офицеров и 67 казаков, 60 лошадей. В 39-м полку за особые заслуги при выполнении боевых заданий 35 казаков были награждены Георгиевскими крестами и 12 казаков – Георгиевскими медалями. В 1916 г. 39-й полк дополнили 8 офицеров и 219 казаков. В 45-м полку были ранены 8 казаков, 7 казаков удостоились Георгиевских крестов и 20 казаков – Георгиевских медалей. В 1916 г. из Войска Донского в 45-й полк прибыли 8 офицеров и 201 казак, поступило 223 лошади. В 50-м Донском казачьем полку были ранены 2 казака, награждены 39 казаков Георгиевскими крестами и 63 казака – Георгиевскими медалями. В 1916 г. 50-й полк дополнился 7 офицерами и 190 казаками, 20 лошадьми [94].

В связи с присоединением Румынии к Антанте летом 1916 г. России пришлось сформировать и направить ей на помощь отдельные

соединения российской армии, в составе которых были донские казачьи дивизии, полки, отдельные и особые сотни, артиллерийские дивизионы. В числе первых донских казачьих частей, попавших на Румынский фронт, оказался 47-й Донской казачий полк. В боевых действиях на этом фронте в полку были ранены 2 казака, 9 казаков пропали без вести. Полку удалось захватить в плен 5 солдат противника. За храбрость в сражениях 20 казаков полка удостоились Георгиевских крестов и 24 казака – Георгиевских медалей. В конце 1916 г. 47-й полк был пополнен 5 офицерами и 228 казаками, 93 лошадьми.

55-й, 56-й и 57-й Донские казачьи полки, находившиеся на Кавказском фронте, активно участвовали в боевых действиях. В сражениях 1916 г. только в 55-м полку погибли 15 казаков, ранения получили 3 офицера и 13 казаков. В боях ему удалось пленить 3 турецких офицеров и 95 солдат, взять 36 винтовок. За подвиги 53 казака 55-го Донского казачьего полка были удостоены Георгиевских крестов и 50 казаков – Георгиевских медалей. В 1916 г. 55-й полк из Войска Донского получил 301 лошадь [95].

Таким образом, в наиболее сложные периоды войны 1914–1916 годов донские казаки активно и успешно сражались на всех фронтах. В 1914 г. к началу боевых действий в составе русской армии находились: 61 донской казачий полк, в том числе 3 гвардейских (97 офицеров, 1 850 строевых и 276 нестроевых казаков), 17 именных (426 офицеров, 13 136 строевых и 1150 нестроевых казаков) и 41 номерных (898 офицеров, 34 897 строевых и 3578 нестроевых казаков) полка, а также Донская пешая бригада (4 батальона – 92 офицера, 4 607 строевых и 578 нестроевых казаков), которая в конце 1916 г. была пополнена еще двумя батальонами (5-м и 6-м в количестве 2,5 тыс. казаков). Кроме них, в различных соединениях русской армии состояли: 28 отдельных (84 офицера, 4 200 строевых и 280 нестроевых казаков) и 52 особые (130 офицеров, 7 800 строевых и 520 нестроевых казаков) донские казачьи сотни, 12 донских артиллерийских дивизионов (120 офицеров, 4 200 строевых и 180 нестроевых казаков) в составе 24 артиллерийских батарей. В личный состав указанных донских военных частей входили 1 847 офицеров (в том числе 13 калмыков), 776 257 ка-

заков (в том числе 3760 калмыков-казаков), из них строевые – 70 693 и нестроевые – 6564 [96].

Только в боях 1914–1915 гг. с австро-венгерскими и германскими войсками в донских военных частях погибли 166 (9 %) офицеров (в том числе войсковой старшина Николай Цебинович Мангатов), 2744 (3,5 %) казака (в том числе 136 калмыков-казаков, или 3,6 %), ранения и контузии получили 562 офицера и 9030 казаков, пропали без вести 32 офицера и 2275 казаков, попали в плен 26 офицеров и 103 казака. Донские казаки в сражениях продемонстрировали высокие боевые качества, военное мастерство. За мужество и отвагу, проявленные в сражениях, успешное выполнение боевых заданий, как отмечено выше, 44 офицера донских воинских частей были удостоены орденов Святого Георгия 4-й степени (в том числе 2 калмыка) и 103 офицера (в том числе 5 калмыков) – почетного Георгиевского оружия, 15426 (20 %) казаков (в том числе 598 калмыков, или 18 % участвовавших в войне) – Георгиевских крестов и 12497 (16,2 %) казаков (в том числе 288 калмыков, или 10,5 %) – Георгиевских медалей.

Донские казаки нанесли австро-венгерцам и немцам чувствительный урон. Они не только уничтожили в течение полутора лет войны значительное количество живой силы и техники противника, но и взяли в плен 262 офицера и 44 военных врача, 22 147 нижних чинов, захватили 6 боевых знамен военных частей, 70 орудий и 104 зарядных ящика, 88 пулеметов, 12 114 винтовок и огромное количество патронов, 18 автомобилей и 18 аэропланов, 1818 лошадей.

В 1914–1915 гг. Войско Донское приняло срочные меры по восполнению потерь своих воинских частей. Оно направило в полки, дивизии, артиллерийские дивизионы, отдельные и особые сотни 990 офицеров и 25 418 казаков (24 626 строевых и 792 нестроевых), в том числе 994 калмыка-казака, 22 395 лошадей [97].

В связи с почти полным прекращением в 1916 г. крупномасштабных сражений, за исключением Луцкого прорыва, с наступлением некоторого затишья на отдельных фронтах донские казачьи части понесли значительно меньше потерь, чем в предыдущие периоды войны. Поэтому потребность в пополнении донских военных частей была невелика. В 1916 г. Войско Донское прислало для пополнения

своих полков и других подразделений 361 офицера и 12542 казака (11 747 строевых и 795 нестроевых), в том числе 438 калмыков-казачков, 8927 лошадей.

В связи с возникшим острым дефицитом на Дону табунщиков в 1916 г. из донских военных частей стали снимать и отправлять отдельных калмыков-казачков на конные заводы. Например, из 41-го Донского казачьего полка приказом начальника штаба XLIV армейского корпуса от 26 августа 1916 г. были освобождены от службы и отправлены домой для привлечения табунщиками казаки-калмыки Польшинов, Бадминов, Уляшкин и Катушев, из 50-го Донского казачьего полка приказом начальника штаба XXVIII армейского корпуса от 4 сентября 1916 г. – калмык-казак Яков Белоусов, из 20-го Донского казачьего полка – калмыки-казаки Авэ Альтушович Сосиков, Масуров и Семенов, а также из других полков [98].

В сражениях 1916 г. на фронтах русской армии из воинских донских частях погибли 49 офицеров и 945 казаков, были ранены и контужены 222 офицера и 3629 казаков, без вести пропали 1 офицер и 195 казаков, попали в плен 1 офицер и 4 казака. В этот период ими были взяты в плен 99 офицеров и 2 врача, 6311 солдат противника, захвачены 4 орудия и 13 зарядных ящиков, 31 пулемет и 9627 винтовок, 60 лошадей. В донских военных частях в 1916 г. 10 офицеров заслужили орденов Святого Георгия 4-й степени и 26 офицеров – Георгиевского оружия, 6629 казаков – Георгиевских крестов и 5819 казаков – Георгиевских медалей.

Об активном участии в боевых действиях 1914–1916 гг. Первой мировой войны и проявленном мужестве донских казаков свидетельствуют нижеприводимые данные. Донские казачьи дивизии, полки, отдельные и особые сотни, артиллерийские дивизионы в ходе боев захватили 361 офицера и 46 врачей, 28452 солдата противника, 74 орудия и 109 зарядных ящиков, 117 пулеметов и 21747 ружей, 6 боевых знамен, 18 автомобилей и 18 аэропланов, 1 848 лошадей, большое количество патронов, сабель, штыков и револьверов, телефоноаппаратов, повозок с имуществом военного назначения. При этом они понесли не очень большие потери, которые существенно не отразились на их боеспособности и моральном состоянии. В 1914–1916 гг. на полях сра-

жений погибли 215 (6,72 %) офицеров и 3 689 (3,2 %) казаков, были ранены и контужены 786 (24,51 %) офицеров и 12 659 (11,4 %) казаков, без вести пропали 33 (1,03 %) офицера и 2470 (2,5 %) казаков, попали в плен 27 (0,84 %) офицеров и 107 (0,1 %) казаков. В 1914 –1916 гг. за ратные подвиги и успешные боевые действия 54 (1,6 %) донских офицера (в том числе полковники Б. Л. Мангатов и Г. Э. Тепкин) были награждены орденами Святого Георгия 4-й степени и 129 (4 %) офицеров (в том числе 5 калмыков) – почетным Георгиевским оружием, 22 057 (19,3 %) казаков (в том числе 688 калмыков-казаков, или 17 %) – Георгиевскими крестами различных степеней и 18 316 (16 %) казаков (в том числе 412 калмыков, или 11 %) – Георгиевскими медалями всех достоинств.

В конце 1916 г. в боевом строю российской армии действовали 60 донских казачьих полков, 23 отдельных и 53 особые сотни, пешая бригада в составе 6 батальонов, 12 артиллерийских дивизионов и 2 самостоятельные артиллерийские батареи, которые были рассредоточены по всем фронтам. Помимо них, 5 отдельных и 9 особых донских казачьих сотен несли гарнизонную службу в различных городах страны, а в области Войска Донского были сформированы и находились в готовности 18 запасных конных сотен, 3 запасные пешие сотни, 1 запасная артиллерийская батарея. В личный состав указанных донских казачьих военных частей, в том числе и запасных, входили 2 139 (66,9 %) офицеров и 95 307 (83,4 %) казаков (в том числе 5 250 калмыков) [99].

В состав армий, армейских и конных корпусов Северного фронта входили 4-я Донская казачья дивизия (19, 24, 25 и 26-й полки), 1-й Донской казачий Его Императорского величества полк, 2-й Донской казачий Его Императорского высочества наследника цесаревича полк, 4-й Донской казачий графа Платова полк, 5-й Донской казачий атамана Власова полк, 14, 23, 39, 43, 45 и 50-й донские казачьи полки. Кроме них, в соединениях этого фронта числились: 6-я и 18-я отдельные донские казачьи сотни, 5, 6, 9, 43 и 53-я особые донские казачьи сотни, а также 5-й артиллерийский дивизион (10-я и 11-я батареи).

На театре военных действий Западного фронта находились Лейб-гвардии казачий Его Императорского величества полк, Лейб-гвардии

Атаманский Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полк, 5-я Донская казачья дивизия (27, 28, 29 и 33-й полки), 16-й генерала Грекова 8-го и 17-й генерала Бакланова полки, 21, 34, 35, 36, 41, 44, 46, 48, 51, 52 и 58-й донские казачьи полки. Кроме донских полков, соединениям фронта были приданы Лейб-гвардии 6-я Донская казачья Его Императорского величества батарея, 6-й (12-я и 13-я артбатареи), 7-й (14-я и 15-я артбатареи), 9-й (18-я и 19-я артбатареи), 10-й (17-я и 24-я артбатареи), 11-й (22-я и 23-я артбатареи) донские артиллерийские дивизионы, а также 1, 11, 17, 19 и 25-я отдельные и 7-я, 8-я, 37-я особые донские казачьи сотни.

В состав соединений Юго-Западного фронта входили: 6-я Донская казачья дивизия (7-й Донской казачий войскового атамана Денисова полк, 40-й, 49-й и 53-й полки), 12-й Донской казачий князя Потемкина-Таврического полк, 22, 31, 38, 42 и 54-й донские казачьи полки, 8-й (16-я и 20-я артбатареи) и 12-й (21-я и 25-я артбатареи) донские артиллерийские дивизионы. Кроме указанных полков, на этом фронте находились 8 отдельных донских казачьих сотен (9, 12, 14, 27, 30, 31, 35 и 36-я) и 21 особая донская казачья сотня (10, 13, 21, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 51, 55, 56 и 57-я).

На Румынском фронте в конце 1916 г. были сосредоточены: 1-я Донская казачья дивизия (9, 10, 13 и 15-й полки), 3-я Донская казачья дивизия (18, 20, 30 и 32-й полки), 3-й Донской казачий Ермака Тимофеева полк, 6-й Донской казачий генерала Краснощекова полк, 8-й Донской казачий генерала Иловайского 12-го полк, 35-й, 37-й и 47-й донские казачьи полки. Армиям и корпусам фронта были причислены еще 3 отдельные донские казачьи сотни (20-я, 32-я и 33-я), 8 особых донских казачьих сотен (2, 12, 16, 20, 22, 24, 41 и 52-я), 4 артиллерийских дивизиона (1, 2, 3 и 4-й) и 1-я Донская казачья батарея.

В составе Кавказской армии в боевых действиях участвовали: Донская казачья пешая бригада (6 батальонов) и 1-я Отдельная Донская казачья бригада (56-й и 57-й полки), 55-й Донской казачий полк, 7 особых донских казачьих сотен (48, 61, 72, 73, 78, 82 и 83-я) [100].

К этому времени на фронтах наступило относительное затишье, исключение составила Митавская операция, проведенная в конце де-

кабря 1916 г. войсками Северного фронта. В этих сражениях приняли активное участие 4-я Донская казачья дивизия, 43-й и 45-й донские казачьи полки, 5-й Донской артиллерийский дивизион (10-я и 11-я артбатареи), 5-я особая и 6-я отдельная донские сотни. Русское командование начало готовиться к предстоящим военным действиям 1917 г.

6.2.4. Помощь фронту и мобилизация на военные тыловые работы

Затянувшаяся Первая мировая война потребовала напряжения всех сил и дополнительного привлечения материальных и людских ресурсов Российского государства. Вопреки утверждению в историографии о том, что калмыки, как находившиеся «вне европейской России», «были исключены из планов мобилизации» [101], более 4 тыс. калмыков-казаков несли военную службу и воевали в составе донских казачьих полков, отдельных и особых казачьих сотен, артиллерийских дивизионов на фронтах Первой мировой войны. А калмыки Поволжья (Астраханской губернии), несмотря на освобождение, согласно Уставу 1874 г. и закону 1912 г., их от воинской повинности, как и некоторых народов, причисленных к «инородческому населению», с 1 января 1915 г. в соответствии с «Положением о военном налоге», утвержденным высочайшим указом от 19 апреля 1910 г., обязаны были вносить военный налог. По этому закону прямому обложению подлежала каждая калмыцкая семья (кибитка), и военный налог исчислялся в зависимости от количества домашнего скота.

На начало 1914 г. в Калмыцкой степи числилось 24 712 кибиток (семей), из них 20 737 (83,9 %) семей являлись скотовладельцами, 3975 (16,1 %) семей не имели скота. В 1913 г. сборы с калмыцких семей, имевших скот, составляли 122 657 рублей. Так, сход населения Наинтанкиновского аймака, Манычского улуса, состоявшийся 23 марта 1916 г., утвердил расклад сбора военного налога по кибиткам в зависимости от числа голов скота в сумме 369 руб. 20 коп. (8 % годового сбора от населения аймака), а сход Кебютковского аймака того же улуса

10 марта 1916 г. – в размере 653 руб. 60 коп. (8 % годового сбора населения аймака). Аналогичные сходы были проведены во всех аймаках улусов и определены суммы сборов военного налога [102].

Помимо денежного налога, вместо воинской повинности, калмыцкие улусы в связи с объявлением 18 июля 1914 г. мобилизации в стране срочно приступили к сбору и поставке на фронт по реквизиции лошадей, а также иного вида скота на продовольственные нужды армии. Кроме этого, калмыцкие улусы обязаны были обеспечивать расквартирование и снабжение продуктами питания (кормовым довольствием) проходящих ополченских отрядов, выделять деньги из общественных сумм призываемым из своих волостей ратникам (славянской национальности). Например, из Тундутовской волости подлежали призыву 77 человек, Садовской – 38 человек, Обиленской – 34 человека и т. д., которым надлежало выделить необходимые денежные средства из общественных сумм [103].

В это время калмыцкие улусы располагали значительным количеством скота. По перечневой ведомости по аймакам улусов, подготовленной для исчисления годовых сборов на 1914 г., лошадей насчитывалось 77 598, крупного рогатого скота – 192 878 голов, овец и коз – 829 870, верблюдов – 25 588, свиней – 174 [104].

Во всех 9 улусах и в Калмыцком Базаре были созданы приемные комиссии, которые только в течение 4 дней, 21–24 июля 1914 г., приняли и передали представителям воинских частей до 1600 строевых лошадей. Так, две приемные комиссии Малодербетовского улуса приняли от богатых калмыков 450–500 лошадей и сдали их военным приемщикам 187-го пехотного Аварского полка – подпоручику, князю Апчабадзе и поручику Лопатину для комплектования 4-го и 6-го запасных кавалерийских полков. Только военно-конский участок № 10 Ульдючиновского аймака Манычского улуса в 1914 г. поставил 444 лошади. Ачинер-Эркетеневским участком Икицохуровского улуса к военной поставке были подготовлены 954 лошади, Сатхало-Хошоутовским участком того же улуса – 701 лошадь.

Крупный скотовод Кетченер-Шебенеровского аймака, Икицохуровского улуса Церен Бадмаевич Бадмаев в 1914–1915 годах сдал в фонд армии 350 голов крупного рогатого скота, а в 1916 г. – еще

444 головы. Коннозаводчик Эркетеневского аймака того же улуса, потомственный почетный гражданин Цаган-Убуш Леджинов занимался разведением верховых лошадей. В его хозяйстве насчитывалось свыше 1800 лошадей, 1300 крупного рогатого скота, 2500 овец и 200 верблюдов. Он ежегодно сдавал в армию более 200 лошадей. В 1916 г., кроме 300 лошадей, он поставил в фонд армии 204 головы крупного рогатого скота, подготовил к сдаче еще 600 голов.

Зайсанг Багацохуровского улуса Бегали-Цебек Джалович Онкоров ежегодно по общей реквизиции сдавал в армию по 200 лошадей, а также до 100 лошадей продавал в казачьи войска. Коннозаводчик Икицохуровского улуса Улюмджи Лиджиев, имевший 800 лошадей, 400 голов крупного рогатого скота, 1000 овец и 20 верблюдов, ежегодно поставлял в армию по 50 лошадей. Столько же поставлял коннозаводчик Багацохуровского улуса Манун Бадмаев, имевший 500 лошадей, 1200 овец, 15 голов крупного рогатого скота и 25 верблюдов. Крупные скотоводы Эркетеневского улуса Манджи Гаряев, в хозяйстве которого насчитывалось 700 лошадей, 3000 овец, 160 голов крупного рогатого скота, 170 верблюдов), а также Хулхачи Улдакаев (270 лошадей), Манджи Баланов (700 лошадей, 2000 овец, 170 голов крупного рогатого скота, 160 верблюдов), Сангаджи Манджиев (400 лошадей), Даган Нимгиров (300 лошадей) ежегодно сдавали в фонд армии по 50–100 лошадей и другого вида скота [105].

Военно-конские участки всех калмыцких улусов получили на 1916 г. срочное задание готовить лошадей к военной поставке. В войсках российской армии в конце 1914 г. находились 1 035 682 лошади, в 1915 г. дополнительно были поставлены в армию 554 227 лошадей, в 1916 г. – 214 908. В январе 1916 г. только 4 волости (аймака) Малодербетовского улуса поставили 258 лошадей, 2 аймака Манычского улуса – 63 лошади [106].

Помимо этого, Управлению калмыцким народом приходилось выполнять срочные заказы Ставки, штабов фронтов, армий. В июле 1916 г. Ставка приняла решение в целях улучшения снабжения воинским снаряжением и продовольствием сформировать для Кавказской армии два колесных верблюжьих транспорта, для которых требова-

лось 5 тыс. двухгорбых и 5 тыс. одногорбых верблюдов с вьючными седлами. Предлагалось реквизицию верблюдов провести по военной повинности в соответствии с указом Правительствующего сената от 8 декабря 1914 г. По разнарядке Астраханского губернского военного присутствия калмыцкие улусы были обязаны поставить 800 верблюдов. К этому времени поголовье верблюдов в Калмыцкой степи по сравнению с 1914 г. уменьшилось с 25 588 до 18 112 (т.е. на 29 %) голов. Кроме верблюдов, калмыцким улусам предлагалось срочно поставить лошадей Кавказской армии, в труднодоступных районах нуждавшейся во вьючном транспорте. Астраханский губернатор в соответствии с требованием начальника военных сообщений Кавказской армии 7 ноября 1916 г. направил циркуляр в Управление калмыцким народом, предписывающий «оказать законное содействие при производстве закупки 3000 лошадей обозного типа» для военных частей Кавказской армии [107].

В связи с успешным выполнением в 1914 г. в стране мобилизационных мероприятий император Николай II 12 февраля 1915 г. учредил светло-бронзовую медаль для ношения на груди на ленте ордена Белого орла. Медаль присуждалась лицам военных, морских и гражданских учреждений, участвовавшим в мобилизации, призыве на военную службу, в организации поставок и перевозки грузов. 24 февраля 1915 г. Управление воинской повинности МВД разослало губернаторам и градоначальникам циркуляр № 27 за подписью министра Н. Маклакова с предложением представить к награде лиц, заслуживающих «означенной выше медали за труды по мобилизации 1914 г. по вверенной Вам губернии» [108].

По поручению Астраханского губернатора генерал-лейтенанта И. Н. Соколовского управляющий калмыцким народом Б. Э. Криштафович представил к награждению за поставку армии полного комплекта лошадей: по Управлению калмыцким народом (УКН) – делопроизводителя по мобилизационной части, коллежского секретаря А. Ф. Грачева, бухгалтера, губернского секретаря Д. П. Шестакова, заведующего Икицохуровским улусом, губернского секретаря М. И. Иванова, помощника попечителя Икицохуровского улуса К. С. Сабинина, заведующего Манычским улусом, коллежского ре-

гистратора В. П. Егорова и его помощника Ф. М. Пересадына, чиновников особых поручений при УКН VIII класса, коллежского асессора Ф. И. Плюнова и коллежского регистратора П. И. Карпинского, канцелярского служителя УКН С. Я. Хотяна.

По улусам к награждению были представлены:

Малодербетовскому – старшина Центрального аймака, отставной губернский секретарь Эльвяш Эрендженев; старшина Приволжского аймака Бади Даваевич Ашкатов; старшина Цаган-Нурского аймака Шольшик Эрендженев; старшина Абганеровского аймака Бембя Базыров.

Икицохуровскому – член мобилизационной комиссии Улюмджи Лиджиев, коннозаводчик; заведующие военно-конским участком № 18 – Яшкуль Очиров, № 17 – Яшкуль Манджиев, № 14 – Наран Сангаджиев, № 15 – Дорджи-Гаря Цекбеев, № 16 – Пюрбе Натыров, коллежский регистратор К. Н. Протопопов, вольнонаемный писарь А. А. Колпаков, штатный переводчик Гаря Цаганович Ташуев.

Харахусовскому – старшина Эрдниевского аймака Сангаджи Армадаев, писарь Андрей Борлыков (он же Иванов), староста Шебенеровского хотона Сангаджи Лиджиев, староста Самтанакиновского хотона Нохала Очиров, староста Бага-Горбутовского хотона № 3 Орык Убушаев, староста Джамбанакиновского хотона Манджи Уланов, староста Бага-Горбутовского хотона № 1 Манджи Баркаев и зайсанг Адучи Гаряев, староста Бабенкиновского хотона Эрдни Китеев, старшина Харахусовского аймака Сангаджи Очир-Гаряев и писарь Тюрбя Сангаджиевич Гаряев, староста Нойдutowского аймака Бамбыш Яшкиев, староста Харахусовского хотона № 2 Ноха Му-Хараев, староста Ангучиновского хотона Намру Бадмаев, староста Харахусовского хотона № 1 Нимгр Бадмаев, староста Лиджи Гаря-Телеев, помощник попечителя улуса, коллежский секретарь А. П. Писарюк, штатный писарь, коллежский регистратор П. В. Дуров, переводчик Салдус Борлаков и толмач Аким Леджинов.

Манычскому – старшина Бурульского аймака и заведующий военно-конским участком № 12 Боро Контраев, старшина Мандженкиновского аймака Эрдни Банов, старшина Ульдючиновского аймака, заведующий военно-конским участком № 10, зайсанг Гаря Дорджиев Балзанов, старшина Кебютовского аймака Эвле Егоров, старшина

Бага-Чоносовского аймака Мус Намруев, помощник попечителя улуса В. И. Елин.

Эркетеневскому – старшина Гайдукского аймака Дага Нимгиров, старшина Овордыкского аймака Гаря Нимгиров, старшина Кек-Усунского аймака Манджи Хадбитов, помощник попечителя улуса А. В. Ремизов.

Бага-Цохуровскому – старшина Баруновского аймака Шара Бембеев, старшина Зюневского аймака Нимгир Дорджиев.

Яндыко-Мочажному – попечитель улуса К. К. Павлинов, письмоводитель улусного управления И. Е. Чукалин, переводчик К. Д. Никитин, старшина Харахусовского аймака Натыр Уланов, старшина Долбанского улуса Инджир Санджиев [109].

Калмыки в оказании помощи армии не ограничивались только внесением обязательного военного налога, плановыми поставками лошадей для кавалерии, верблюдов для транспортных нужд и скота на продовольствие. Астраханская губерния, в том числе и калмыцкие улусы, в годы войны ежедневно отправляла на фронт до 6 тыс. пудов мороженого мяса [110].

В связи с возросшими потребностями на фронте в мясном довольствии с 13 500 000 пудов в 1914 г. до 78 100 000 пудов в 1917 г., в зерновых продуктах в 10 раз, органы управления, военные ведомства (военные продкомитеты) приступили к активным действиям по реквизиции продовольствия, скота, зерна на нужды армии. А. А. Брусилов писал, что «во время зимы 1916–1917 года ... сапог уже не хватало ... питание также ухудшилось: вместо 3 фунтов хлеба начали давать 2 фунта строевым, находившимся в окопах, и 1,5 в тылу; мяса вместо фунта в день давали сначала 0,75, а затем и по 0,5 фунта. Затем пришлось ввести два постных дня в неделю, когда в котел вместо мяса клали рыбу, в большинстве случаев селедку; наконец, вместо гречневой каши пришлось зачастую давать чечевицу» [111].

Реквизиция хлеба в 1917 г. на нужды армии в Калмыцкой степи выпала в основном на зерновой Большедербетовский улус. Посевы населения улуса в 1916 г. составляли: 20542 десятины ячменя (98,2 % всей посевной площади калмыцких улусов), 22123 десятины пшеницы (93,6 % всей посевной площади калмыцких улусов), 780 десятин

ржи (34,9 %), 826 десятин овса (90 %), 810 десятин проса (93,1 %) [112].

В апреле 1917 г. аймаки Большедербетовского улуса сдали в фонд для нужд армии: Багабурульский – 600 пудов ячменя; II-й Икитуктуновский – 500 пудов пшеницы и индивидуально его жители: М. Опогинов – 505 пудов пшеницы и 90 пудов ячменя, Н. Опогинов – 1000 пудов пшеницы и 389 пудов ячменя, Гапон Санджиев – 1100 пудов пшеницы; I-й Икитуктуновский аймак – 400 пудов пшеницы; Бюдермис-Кюбетовский – 302 пуда ржи и пшеницы; Хаджитниковский – 2090 пудов пшеницы и 594 пуда ячменя; Абганеровский – 6 060 пудов пшеницы и 1880 пудов ячменя; Икичносовский – 37 600 пудов пшеницы и 15 000 пудов ячменя; Цоросовский – 1617 пудов пшеницы и 1100 пудов ячменя; Будульчинеровский – 200 пудов муки.

В мае – июне 1917 г. продолжили сдачу зерна аймаки: Икичносовский – 2 514 пудов пшеницы и 1614 пудов ячменя; Бюдермис-Кюбетовский – 370 пудов пшеницы и 440 пудов ячменя; I-й Икитуктуновский – 3 410 пудов пшеницы и 5133 пудов ячменя; Будульчинеровский – 8 060 пудов пшеницы и 5 220 пудов ячменя; Абаганеро-во-Гахакинский – 2 420 пудов пшеницы, 5 520 пудов ячменя и 2 530 пудов гречихи; Икичносовский в июле сдал еще 320 пудов пшеницы и 190 пудов ячменя. Таким образом, население Большедербетовского улуса в первой половине 1917 г. сдало в фонд для нужд армии 108 838 пудов (1742 тонны) зерна и муки. Кроме того, по имеющимся данным, Абганеро-Гахакинский аймак в октябре 1917 г. сдал еще 500 пудов пшеницы и 700 пудов ячменя (итого 19,2 тонны). Помимо этого, Большедербетовский улус в 1916 г. в фонд армии поставил 6808 голов скота, а к февралю 1917 г. – 7195 голов [113].

В значительных объемах калмыцкие улусы в 1917 г. поставили в фонд армии мяса. За 8 месяцев (февраль – сентябрь) 1917 г. Калмыкия сдала на продовольственные нужды армии 23 953 головы крупного рогатого скота и овец (в живом весе 378 974 пудов, или 6 064 тонны). Помимо этого, по имеющимся данным некоторых улусов, в октябре–ноябре 1917 г. Манычский улус поставил в фонд армии 4450 голов крупного рогатого скота, Икицохуровский улус – 4319, Харахусовский улус – 1 800, Дербетовский улус – 3 500 голов. Таким

образом, по далеко не полным данным, население калмыцких улусов поставило в 1917 г. в продовольственный фонд армии 38 022 головы крупного рогатого скота, или 32 % всего поголовья волов, коров и бычков старше двух лет [114].

В связи с подъемом патриотических чувств широкое распространение среди калмыков получили добровольные пожертвования денежными средствами, скотом на нужды армии. В июле 1914 г. население Большедербетовского улуса собрало и отправило в фонд на нужды семьям воинов 23 200 руб., а из общественного капитала было выделено на нужды армии 100 тыс. руб. В сентябре 1916 г. рыболовы-калмыки Багутовского аймака Яндыко-Мочажного улуса перед отправкой на тыловые работы в действующую армию, из своего заработка перечислили 5 810 руб. в адрес государя наследника цесаревича Алексея Николаевича. На документе, в котором МВД докладывало императору о верноподданнических чувствах калмыков и о перечислении ими денег, Николай II собственноручно начертил: «Сердечно благодарю. Деньги направить секретарю гос. имп. Александры Федоровны» (Фонд добровольных пожертвований на нужды раненых и их семейств. – К. М.). Население Большедербетовского улуса в 1914 г. собрало и отправило на фронт 1868 теплых жакетов, 539 пар нижнего белья, 304 пары носков и другие вещи [115].

В третий год войны в силу необходимости привлечения дополнительных людских ресурсов на фронт правительство приступило к мобилизации «инородческих народов» на военные тыловые работы. К тому же при подготовке стратегических наступлений в условиях ведения маневренной войны, по признанию генерала А. А. Брусилова, обнаружилось, что «саперное дело в армии было поставлено скверно». Известный военный историк, генерал-лейтенант А. М. Зайончковский, участник Первой мировой войны, отмечал, что Россия вступила в войну почти без инженерной подготовки театра предстоящей борьбы, совершенно неразвитой сетью железных дорог. Особенно успешное летнее 1916 г. наступление Юго-Западного фронта показало, что при подготовке крупных наступательных стратегических операций требуется тщательная подготовка театра военных действий – инженерных сооружений, дорог, траншей и т. д., а также усиление оперативных перевозок [116].

25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи» в возрасте с 19 до 43 лет на «работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». В первую очередь мобилизации на военные тыловые работы подлежали мужчины «инородческого населения» в возрасте от 19 до 31 года. Сразу же последовало указание МВД во все регионы страны, которым предстояло провести мобилизацию инородцев на тыловые работы. В том числе астраханскому и ставропольскому губернаторам – генералу И. Н. Соколовскому и князю С. Д. Оболенскому с требованием выполнить царский указ «в кратчайший срок» по привлечению в реквизиционном порядке на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи тухмен (туркмен), ногайцев, калмыков [117].

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М. В. Алексеев 14 июля 1916 г. телеграфно сообщал Управлением снабжения Западного, Юго-Западного и Северного фронтов: «Для выполнения оборонительных, дорожных и других работ реквизируются инородцы, необязанные к военной службе. Партии этих рабочих, не более 4 тысяч человек в день распоряжением военного министерства будут направляться на сборные пункты каждого фронта. Всего предполагается направить на Северный фронт 200 тысяч человек, на Западный – 100 тысяч, Юго-Западный – 180 тысяч. Срочно телеграфируйте один для сбора пункт на фронте, имея в виду, что прием реквизированных партий рабочих, организация отрядов и распределение между различными управлениями будет возложена на вас. Штаты управлений рабочими партиями будут высланы вслед за сим. Прошу разработать вопрос командирования приемщиков и конвоев». Подпись Алексеев.

В телеграмме Генштаба от 18 июля 1916 г. уже дополнительно предлагалось, что «распределительные пункты назначаются: Северного фронта – Псков, Западного – Бобруйск, Юго-Западного – Полтава. В этих пунктах партии рабочих должны быть сданы лицам, указанным главными начальниками снабжений соответствующих фронтов» [118]. Вскоре по предложению фронтов были изменены го-

рода для приемных пунктов: для Западного фронта – Орша и Гомель, Юго-Западного – Харьков.

Предполагалось для нужд Фронтстроя в первую очередь доставить 27 тыс. киргизов (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей), 2 тыс. туркмен из Закаспийской области, 1 тыс. осетин из Дагестана. А по плану должны были призвать инородцев на тыловые работы: из Закаспийской области – 15 тыс. человек, Самаркандской области – 38 тыс., Ферганской области – 50 тыс., Астраханской губернии – 44 тыс. калмыков и киргизов. Однако уже 18 июля 1916 г. Военное министерство сообщало Генштабу, что «в Иркутском округе собралось до 6 тыс. инородцев ... срочно их перевезти в распоряжение Северного фронта. Собирающихся в Астрахани (имелось в виду калмыков и киргизов. – К. М.) следует срочно перевозить на театр военных действий» [119].

Между тем Полевые строительные управления фронтов предложили формировать из прибывающих инородцев, обязательно экипированные своей одеждой и обувью, рабочие роты (отряды) из 4 взводов численностью до 250 человек. Предполагалось установить им фиксированную в день заработную плату в размере 25 копеек (в месяц 7 руб. 50 коп.), и эта сумма должна была поступать их семьям.

Инородческие рабочие партии приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего распределялись:

1) Псков: для Петроградской сети железных дорог – 10 рот (отрядов), Северо-Западных железных дорог – 6 рот, для Полевого строительного управления – 30 рот, для Московской сети железных дорог – 7 рот, для постройки Чудово-Гостинополе – 18 рот;

2) Орша: для Риго-Орловской сети железных дорог – 10 рот, для Александровской железной дороги – 27 рот, для Николаевской железной дороги – 15 рот, для Полевого строительного управления – 30 рот;

3) Гомель: для Любаво-Роменской железной дороги – 6 рот, для Полесских железных дорог – 5 рот, для Полевого строительного управления – 30 рот;

4) Харьков: для сети Юго-Западных железных дорог – 56 рот, для сети Киево-Воронежских железных дорог – 15 рот, для постройки Николаев-Березовки – 15 рот. Снабжение питанием рабочих ино-

родцев должно было соответствовать нормам для нижних чинов армии. Обеспечение их одеждой и обувью возлагалось на Управления снабжений фронтов. Предусматривалось поселить их в помещениях барачного типа, а также оказывать им необходимую медицинскую помощь [120].

Однако Николай II 31 июля 1916 г. по случаю дня рождения государя наследника цесаревича, великого князя Алексея Николаевича всемилостивейше соизволил призыв инородцев к работам в тылу армии отсрочить повсеместно до 15 сентября 1916 г. [121]. Однако, по всей вероятности, причина отсрочки мобилизации инородцев заключалась не в данном официальном событии. В связи с принятием решения о мобилизации инородцев на военные тыловые работы обнаружилось, что военные ведомства и части еще не были подготовлены к приему огромного числа рабочих, не располагали необходимыми помещениями, инструментами, материалами, транспортными средствами для перевозки и для работ и т. д.

В срочном порядке военные ведомства стали заказывать дорожно-строительные механизмы, лесоматериалы, лопаты, гвозди, проволоку, ножницы для резки проволоки, распределять заказы по предприятиям всей страны, вплоть до Владивостока и за рубежом, готовить наряды на питание, изыскивать военные кадры для направления в рабочие отряды (роты) [122].

Привлечение инородцев на тыловые военные работы, по мнению начальника Инженерной части штаба Верховного главнокомандующего С. Чаева, преследовало несколько целей. В письме от 23 июля 1916 г. военному министру он излагал свои мысли по этому поводу так: «Привлечение инородцев для работ на фронте акт большой государственной важности, выполнение которого сопряжено с большими затруднениями.

Насколько успешное выполнение сей крайней меры может принести огромную пользу в тыловых работах и тем существенно повлиять на исход войны. При этом необходимо добавить, что привлечение полудиких инородцев для работ в России, безусловно, окажет огромное влияние на будущее, после военные отношения, инородцев к коренной России, к ее государственной власти, а также неизбежно

отразиться в худую или в хорошую сторону на культуре и развитии этих нетронутых еще сил России. Побывав в коренной России, инородцы либо вернутся домой пораженные величием России, невиданной до сих пор культурой, благодарные за полученный свет и готовые научить своих братьев новым условиям жизни, работы и труда, или же, наоборот, приедут озлобленные, больные, потерявшие добрую половину своих товарищей в непривычных снегах России, и тогда на всем нашем ближнем и дальнем Востоке мы получим опасных внутренних врагов» [123].

По мере готовности военных ведомств призыв инородцев на тыловые военные работы начался в сентябре 1916 г. В соответствии с предписанием Управления воинской повинности МВД о возобновлении с 15 (28) сентября 1916 г. призыва инородцев на тыловые работы, заведующий калмыцким народом Б. Э. Криштафович в тот же день, 12 сентября, телеграммой оповестил улусных попечителей о том, что 15 сентября 1916 г. объявляется первым днем мобилизации калмыков на тыловые работы в действующую армию. А астраханский губернатор И. Н. Соколовский 15 сентября подписал распоряжение о «воспреещении частным лицам, организациям, предприятиям производить наем инородцев Калмыцкой и Киргизской степей Астраханской губернии на какие бы то ни было работы, равно никто из инородцев в возрасте от 19 лет до 31 года не имеют право отлучаться за пределы Калмыцкой и Киргизской степей ни при каких условиях». Астраханская администрация планировала мобилизовать на тыловые работы в действующую армию до 44 тыс. инородцев (калмыков и киргизов – казахов Букеевской орды). В соответствии с численностью населения калмыцким улусам предстояло отправить на тыловые работы до 15 тыс. человек. В 1916 г. в Поволжье числилось 152 840 калмыков (81 880 мужчин и 70 960 женщин), киргизов (казахов) – более 300 тыс. человек [124].

Далее в распоряжении астраханского губернатора указывалось, что с 23 сентября в первый врачебно-приемный пункт – Черный Яр должны прибывать партии по 100 человек из Малодербетовского улуса, с 13 октября – по 100 человек из Манычского улуса, в последующие дни – по 200 человек из других улусов, во второй пункт – Астрахань – по 500 человек. Оба пункта после выдержки пятиднев-

ного карантина призываемых должны были передавать их «воинским начальникам». Предлагалось завершить работу по мобилизации к 1 ноября 1916 г.

В соответствии с правилами МВД от 2 ноября 1916 г. «О порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работы внутри империи на государственную оборону» до 6 декабря 1916 г. подлежали временному освобождению от мобилизации калмыки призывного возраста, работавшие до 15 сентября 1916 г. на рыбных промыслах, на заготовке мяса, сена для армии, на железных дорогах Астраханской губернии. По ходатайству наказного атамана Войска Донского астраханский губернатор с ведома МВД разрешил предоставлять отсрочку калмыкам Большедербетовского улуса, работающим чабанами, пастухами, табунщиками у донских крупных скотоводов и коннозаводчиков.

В первые же дни мобилизации решением астраханского губернатора, генерал-лейтенанта И. Н. Соколовского, принятым в соответствии с ходатайством от 17 сентября 1916 г. уполномоченного Главного управления землеустройства и земледелия по заготовке в Астраханской губернии мяса для действующей армии, временную (до 6 декабря 1916 г.) отсрочку получили 105 калмыков Серб-Джаповского аймака Александровского улуса, занятых на заготовке мяса на продовольственные нужды армии. К этой же категории, подлежащей временному освобождению, также были отнесены 47 калмыков Яндыко-Мочажного и Багацохуровского улусов, находившихся на Соколобугринском рыбном промысле Д. Г. Агабабова [125].

Во всех улусах 18–20 сентября 1916 г. были сформированы комиссии по призыву калмыков на тыловые работы в действующую армию в составе попечителя улуса, врача и одного чиновника улусной администрации, которые сразу же приступили к работе. Так, Комиссия Яндыко-Мочажного улуса в составе попечителя улуса П. И. Богданова, врача Воронина и помощника попечителя И. Е. Чукалина с 20 сентября по 18 декабря 1916 г. провела 19 заседаний, на которых приняла к освидетельствованию 2355 калмыков, из них признала: годными к мобилизации 2097 человек, негодными по состоянию здоровья 111 человек, возможным предоставить отсрочку до 1 декабря

1916 г. 31 человеку, занятому в животноводстве чабанами, пастухами и табунщиками, и 11 служащим по служебному положению, 105 человек освободила по возрастному критерию. Например, по ходатайству крупного скотовода Яндыко-Мочажного улуса Бага Тугульчиева, имевшего 25 лошадей, 240 коров и 550 овец, при поддержке комиссии и по решению астраханского губернатора получили отсрочку 1 чабан, 1 пастух и 1 табунщик. Помимо 2097 призывников, были выявлены и признаны годными к службе еще 288 человек. 29 сентября 1916 г. из Яндыко-Мочажного улуса в Астраханский врачебно-наблюдательный пункт для отправки на тыловые работы прибыл 401 калмык, 6 октября – 1984 калмыка [126].

Комиссия Манычского улуса с 7 по 25 октября 1916 г. на заседаниях приняла к освидетельствованию 2935 калмыков, из них признала: годными к тыловой службе 2135 человек, негодными – 441, возможным предоставить отсрочку – 182 чабанам, пастухам, табунщикам, освободила по служебным должностям и духовенство – 148 человек. Было установлено, что 29 человек призывного возраста находились за пределами улуса [127].

В те же октябрьские дни аймачные сходы Манычского улуса обратились в Военное министерство с предложением, чтобы им разрешили сформировать для отправки на фронт калмыцкий шестисотенный полк на своих лошадях и полностью за свой счет. На это обращение незамедлительно последовал запрос товарища министра князя Волконского на имя астраханского губернатора с просьбой дать заключение.

Астраханский губернатор И. Н. Соколовский категорически отклонил предложение населения Манычского улуса, рассматривая его «как домогательство калмыков на переход в казачество с целью получения земельных выгод».

Эта его позиция была отражена в статье «Инородцы и война», опубликованной в газете «Астраханский листок» от 8 (21) июля 1916 г. (№ 146). В ней отмечалось, что «наконец уже во время войны заговорили о привлечении астраханских калмыков к военной службе, причем форма этого привлечения намечалась в виде перечисления калмыков в казачье сословие, чего сами калмыки, к слову сказать,

жаждут, вследствие надежды закрепить за собой огромные пространства земли в Калмыцкой степи». Подобные предложения о переходе калмыков в казачество, создании специальных полков от калмыцких улусов поступали в МВД и Военное министерство еще в 1915 г. Однако, МВД и астраханский губернатор по этим же мотивам не поддерживали инициативу калмыков.

Астраханский губернатор не совсем одобрительно отнесся и к идее о разрешении инородцам взамен принудительных работ поступать охотниками в казачьи части с собственным обмундированием, снаряжением, холодным оружием, а в конные и с конем, но без зачисления в войсковое сословие. Калмыки приняли с энтузиазмом высочайшее разрешение императора от 9 октября 1916 г. и указание Военного министерства, данное местным воинским начальникам запасных войсковых частей, принимать инородцев в охотники в соответствии с существующими правилами. Однако без поддержки астраханской администрации и это желание калмыков не осуществилось [128].

Комиссия Малодербетовского улуса с 18 сентября по 11 октября 1916 г. на 15 заседаниях освидетельствовала 3209 из 3463 человек призывного возраста. 254 человека, относившихся к категории служащих, учащихся, духовных лиц, освобождались от призыва. Комиссия признала: годными к службе 2981 калмыка, негодными по состоянию здоровья – 151, возможным предоставить отсрочку по ходатайству скотовладельцев – 77 пастухам, табунщикам и другим лицам. По ходатайству коннозаводчиков улуса Лиджи Бамбаева (900 лошадей, 170 голов крупного рогатого скота, 1000 овец, 42 верблюда), Бемби Базырова (350 лошадей, 230 голов крупного рогатого скота, 1020 овец и 17 верблюдов), Дорджи Боваева (1200 лошадей) получили отсрочку 40 пастухов и табунщиков, 13 человек, занятых на сельскохозяйственных работах, а также 7 табунщиков были заменены другими лицами [129].

Харакусовская улусная комиссия после освидетельствования в сентябре – октябре 1916 г. направила 1095 калмыков призывного возраста в Астраханский врачебно-наблюдательный пункт для отправки на тыловые работы [130].

Александровский улус в сентябре–октябре 1916 г. направил в Астрахань 1321 калмыка для отправки на тыловые работы. По ходатайству 19 русских рыбопромышленников (В. Г. Степанова, А. Г. Березина, И. Г. Любимова и др.) Астраханской губернии 315 калмыкам, в основном из Александровского улуса, работающим на их рыбных промыслах, губернатор предоставил временную отсрочку до 1 декабря 1916 г. [131].

Эркетеневский и Икицохуровский улусы только в сентябре 1916 г. направили в Астрахань соответственно 694 и 692 калмыка для отправки на тыловые работы в действующую армию. Их призывные комиссии признали негодными к тыловым работам по состоянию здоровья 69 человек, возможным предоставить 269 пастухам, табунщикам отсрочку до 1 декабря 1916 г. Из поселка Калмыцкий Базар все 87 калмыков призывного возраста были отправлены на тыловые работы [132].

Помимо лиц, подлежащих обязательному призыву на военные тыловые работы, реквизиции подлежали и сверхштатные священнослужители калмыцких хурулов. Но они, как правило, назначались в пятисотенные рабочие отряды гелюнгами – священнослужителями.

Таким образом, по не полным данным и без учета Большедербетовского улуса, которому подлежало реквизировать до 1 тыс. человек, калмыцкие улусы Астраханской губернии только в сентябре–ноябре 1916 г. направили на приемно-врачебные пункты 11 618 калмыков в возрасте 19 до 31 года, из них временную отсрочку до 1 декабря 1916 г. получили 1 392 человека. Однако вскоре, 16 ноября 1916 г., последовала телеграмма из Военного министерства на имя астраханского губернатора И. Н. Соколовского. В ней предписывалось «немедленно возобновить призыв калмыков на тыловые работы», оставить после 6 декабря на рыбных промыслах «из числа реквизированных инородцев не более 6 тыс. человек и предоставить промыслам возможность нанимать недостающее количество рабочих из числа инородцев свободных по возрасту от реквизиций» [133].

В связи с исчерпанием в губернии «инородческих ресурсов», подлежащих мобилизации на тыловые работы, астраханский губернатор И. Н. Соколовский 23 декабря 1916 г. докладывал начальнику

Казанского военного округа, принимавшему участие в комплектовании людскими ресурсами в основном Юго-Западный фронт (с марта 1916 г. по май 1917 г. главнокомандующий – генерал от кавалерии А. А. Брусилов, начальник инженерной службы – генерал-лейтенант, профессор фортификации К. И. Величко). Он сообщал, что «из общего числа инородцев губернии призвано и сдано для тыловых работ 22000, оставлены согласно указаниям МВД для работ на рыбных промыслах, по заготовке для армии сена и скота, для коннозаводства и прочих надобностей 14500, забраковано 4000. Таким образом, осталось призвать еще около 3500 инородцев. Ввиду сказанного и того обстоятельства, что оставшиеся инородцы непризывного возраста восполняют в уездах губернии крайний недостаток в отсутствующих русских рабочих сельском хозяйстве, рыбных, соляных промыслах и тому подобных предприятиях, я полагаю, что за состоявшемся уже выдвижением наиболее трудоспособной части инородческого населения дальнейшая реквизиция его была бы крайне нежелательной, за исключением, конечно, того случая, если бы надобность в этой силе для тыловых работ была бы обостренной, что упомянутые краевые интересы должны были бы уступить место нуждам войны. Губернатор Соколовский». В другой телеграмме он сообщал, что из-за полной распутицы в степи не представляется возможным в декабре 1916 г. завершить реквизицию оставшихся 3500 инородцев [134].

Тем временем в калмыцких улусах стало известно о бедственном положении мобилизованных калмыков на тыловые работы в действующей армии. Они не обеспечивались обмундированием, на довольствие на день на одного человека выделялось всего 50 коп. Как вспоминал Э.-Г. Л. Надбитов, участник военных тыловых работ тех лет: «Питание также было скудное ... кормили нас один раз в день. А утром и вечером мы из этих же котлов получали кипяток для чая и фунта полтора хлеба – не больше 500–600 граммов на день. Для людей, работающих на земляных работах, это очень мало». Они испытывали острую нужду в теплой одежде, продуктах питания, лечении. Между тем выяснилось, что в аналогичной ситуации оказались, по заключению Главного комитета союза городов, «все вообще инородцы, призванные к тыловым работам». Главный комитет решил со-

вместно с другими общественными органами обстоятельно изучить и «представить в Ставку мотивированную записку по данному вопросу» [135].

Однако калмыцкие улусы не стали ждать официальных решений об инородцах, призванных на тыловые работы. На сходах населения многих аймаков стали принимать решения о делегировании представителей аймака для доставки теплой одежды, обуви и продуктов питания односельчанам, находящимся на тыловых работах. Так, например, сход жителей Абганеровского аймака Малодербетовского улуса 15 ноября 1916 г. решил направить к мобилизованным своим сельчанам для доставки одежды и подарков Эрдни Васлеева. Сход населения Кетченер-Шебенеровского аймака Икицохуровского улуса, состоявшийся 19 ноября 1916 г., решил направить к мобилизованным калмыкам, «находящимся на работах по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений, для доставки подарков и свершения религиозных потребностей духовного лица – гелюнга Тангуда Дорджиева».

29 апреля 1916 г. население Наинтанкиновского аймака Манычского улуса приняло решение делегировать «на фронт к мобилизованным калмыкам, находящимся в действующей армии Юго-Западного фронта в 5-й инженерно-строительной дружине 24-й “Инородческой рабочей партии”, Михаила Степановича Люсика, Очира Улюмджиева и Лиджи Убушиева для вручения теплой одежды и подарков». Аналогичное решение 30 ноября 1916 г. принял сход Багачоносовского аймака Малодербетовского улуса о командировке Санджи Убушиева [136].

В декабре 1916 г. значительно увеличилось число делегируемых сходами аймаков представителей на фронт к калмыкам, работающим на оборонительных и военных объектах. Население Зюневского аймака Александровско-Багацохуровского улуса 27 декабря решило направить к мобилизованным калмыкам на Юго-Западный фронт с целью доставки теплой одежды и подарков своего уполномоченного Кова Эрдни-Гаряева. Сход Харахусовского аймака Харахусовского улуса решил командировать Тюрбю Сангаджи-Гаряева, писаря аймачного управления, и Сангаджи Мундурова к мобилизованным

сельчанам. Они находились в действующей армии Юго-Западного фронта в двух отдельных партиях: первая группа – в 406-й «Инородческой рабочей партии» в г. Купеченск-Купереченск, 225-е почтово-телеграфное отделение; вторая группа – в г. Черновцы, на станции Бродино, 407-я «Инородческая рабочая партия». Сюда же были направлены с такой же миссией представители Багацохуровского аймака Яндыко-Мочажного улуса [137].

В ноябре – декабре 1916 г. и январе 1917 г. почти все аймаки калмыцких улусов направили уполномоченных с теплой одеждой и подарками к своим мобилизованным односельчанам, которые находились в разных прифронтовых губерниях. Они трудились на сооружении оборонительных укреплений на линии фронтов, в прибалтийских губерниях, в Ревельской, Могилевской, Минской, Херсонской губерниях, Карпатах, были заняты на строительстве железных, грунтовых дорог, в портах (Николаевском и др.) на погрузочно-разгрузочных работах, в транспортных командах Кавказской армии находились калмыки со своими лошадьми, мобилизованные из Большедербетовского улуса. Например, 402-я «Инородческая рабочая партия» в 30 км от Луцка строила железную дорогу к позициям нашей армии на русско-австрийском фронте на участке 10–15 км. Как свидетельствовал генерал от кавалерии В. И. Гурко, командовавший Западным фронтом: «За два военных года с января 1915 по январь 1917 года было проложено 6800 километров рельсовых дорог ... Огромную помощь при прокладке путей оказывали железнодорожные батальоны, сформированные по указанию Ставки». По данным генерала Н. Н. Головина, за этот же период были построены новые железнодорожные линии протяженностью 6522 км, а также 2252 км полевые железные дороги облегченного типа с участием привлеченных людей на военные тыловые работы [138].

Доверенным представителям от аймаков перед отбытием в прифронтовые районы к мобилизованным калмыкам следовало пройти проверку на благонадежность, получить согласие попечителя улуса и разрешение на выезд от астраханского губернатора и штаба военного округа. Так, астраханский губернатор Соколовский 8 декабря 1916 г. послал Военному министру телеграмму. В ней он писал: «Род-

ственники калмыков, отправленных на тыловые работы, ходатайствуют о содействии отправке теплых вещей, подарков реквизированным калмыкам. В настоящее время для перевозки подарков необходим один вагон. Вместе с вещами калмыцкие общества посылают уполномоченных. Ходатайствую о предоставлении наряда от Астрахани через Могилев на Луцк Волынский. Губернатор Соколовский» [139]. В районе города Луцка работала 402-я «Инородческая рабочая партия» в количестве 500 человек, скомплектованная из призывников Яндыко-Мочажного и Хошоутовского улусов, Калмыцкого Базара.

Выезжавшие в прифронтовые районы калмыки, пройдя проверку на благонадежность, получали от астраханского губернатора свидетельство (удостоверение) на проезд до места назначения. Это можно проиллюстрировать следующим документом.

«Свидетельство от Астраханского Губернатора.

15 декабря 1916 г. № 10106.

Дано сие от Астраханского Губернатора уполномоченным калмыков Александровского улуса Астраханской губернии, нойону того же улуса Сереб-Джап Батыковичу Тюмень и калмыку Тюменевского аймака того же улуса Ара-Васкиеву для беспрепятственного проезда их и провоза от г. Астрахани по железной дороге теплой одежды к мобилизованным калмыкам Александровского улуса, находящимся на тыловых работах в гор. Могилеве и Луцке Волынской губернии.

Названные лица ни в чем предосудительного замечены не были и политически благонадежны. Подписал Губернатор, генерал-лейтенант Соколовский. Скрепил за Заведующего Калмыцким народом Залькинд». Пропуск представителям аймака на въезд в район действующей армии выдавался только штабом соответствующей армии [140].

Несмотря на Февральскую революцию и брожение в армии, смену власти, призванные на тыловые работы калмыки по-прежнему продолжали «служить» на различных фронтах в «инородческих рабочих партиях». Дезорганизационные процессы в армии, ухудшение ее снабжения еще более усугубили и без того их трудное положение. Озабоченные родные, родственники реквизированных калмыков, несмотря на усложненные процедуры получения допуска на въезд

в районы действующей армии, продолжали пытаться оказывать им всяческую помощь, доставляя теплую одежду, продукты.

Некоторым аймакам приходилось посылать в значительном объеме материальную помощь мобилизованным односельчанам, и для сопровождения этого груза они выделяли по 5–6 человек. Так, аймачный сход населения Калмыцкого Базара, состоявшийся 29 января 1917 г., поручил зайсангу Эрдни-Аре Сарангову, Сангаджи-Аре Лиджиеву, Сангаджи Босхомджиеву, Ване Убушиеву, Кензе-Бадме Убушиеву доставить необходимые вещи и продукты жителям аймака, находящимся на тыловых работах. 6 февраля 1917 г. аналогичное решение принял сход Мандженкиновского аймака Манычского улуса о направлении к мобилизованным односельчанам Манджи Анджиева, Дорджи Гасандаева, Човара Очирова, Сангаджи Карнюшкиева, Ко Санджиева и Донду Келеева.

Выезды представителей аймаков с целью доставки материальной помощи мобилизованным калмыкам на тыловые работы и оказавшимся в условиях смуты в критическом положении, несмотря на приказ № 183 Военного министерства от 6 апреля 1917 г. об ограничении въезда в прифронтовые районы, а также постановление Временного правительства от 5 мая 1917 г. о демобилизации с тыловых работ инородцев, не прекращалась вплоть до конца октября 1917 г. Судя по имеющимся документам в фондах республиканского архива, 22 октября 1917 г. состоялся сход граждан Ики-Чоносковского аймака Малодербетовского улуса, один из последних аймачных сходов в калмыцких улусах, решивший направить к калмыкам, находившимся в действующей армии на тыловых работах, своего представителя – Лиджи Лиджиева для доставки одежды, обуви, продуктов [141].

Тяжелые работы, которые в основном велись осенью и в зимний период 1916–1917 гг., непривычные погодные условия (дождь, снег, грязь, холод), трудные условия жизни и быта (проживали в земляных бараках, сырых блиндажах), недостаток питания и одежды серьезно подорвали здоровье калмыков, призванных на тыловые работы в действующей армии. Как вспоминал Э.-Г. Надбитов: «Жили мы в земляных бараках, с земляным полом и земляными же нарами, покрытыми соломенной

подстилкой ... просушить одежду было негде. Санитарно-гигиенические условия были ужасными и даже нам, калмыкам, не избалованным в степи бытовым комфортом, они казались скотскими» [142].

В газете «Астраханский листок» (4 (17) августа 1917 г. № 170) А. Б. Босхомджиев, общественно-политический деятель первых лет советской власти, отмечал, что “когда калмыков в середине войны взяли на тыловые работы на фронт, они в непривычных условиях жизни в землянках стали болеть и умирать. А к концу возвращения из числа всех взятых калмыков на тыловые работы 25 % умерли, а из числа всех вернувшихся домой 50 % оказались больными ревматизмом и другими простудными болезнями”. Прав был инженер С. Чаев, писавший, что инородцы после тыловых работ могут вернуться домой «больные, потерявшие добрую половину своих товарищей в непривычных снегах России».

Однако нахождение калмыков в прифронтовой полосе, общение с боевыми, революционно настроенными солдатами, происходившие общественно-политические процессы в армии существенно повлияли на формирование их мировоззрения, политических взглядов. В последующем многие из них оказались втянутыми в водоворот революционных событий как на стороне красных, так и белых.

Реквизиции скота в значительных размерах привели к наступлению стагнации в экономике (животноводстве) калмыцких улусов, а в последующие годы – к катастрофическому ее спаду. поголовье лошадей в 1917 г. (77 108 голов) осталось в улусах почти на уровне 1914 г. (77 598), количество овец уменьшилось с 829 870 до 529 441, верблюдов – с 25 588 до 12 922. За счет трехлетнего приплода немного увеличилось поголовье крупного рогатого скота, и в 1917 г. оно составило 232 102 головы.

В эти же годы в Калмыцкой степи резко изменилась демографическая ситуация. К началу 1917 г. калмыцкое население по сравнению с 1914 г. увеличилось всего на 591 человек и составило 152 840 человек. При этом заметно сократилось количество мужского трудоспособного населения в калмыцких улусах. В таком социально-экономическом состоянии калмыки оказались втянутыми непримиримыми бифуркационными потоками в революционные события 1917 г. и в Гражданскую войну.

6.2.5. Калмыки-казаки Дона в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны

Продолжавшаяся Первая мировая война вела к истощению материальных и людских ресурсов страны, в том числе и ее регионов. На фронтах войны сражались почти до ста тысяч донских казаков, в том числе свыше четырех тысяч калмыков-казаков. В действующие воинские донские части шло непрерывным потоком пополнение как казаков, так и лошадей. Помимо этого, постоянно требовались значительные материальные ресурсы – казаков надо было снаряжать, обмундировывать, обеспечивать верховыми и обозными лошадьми, готовить артиллерийские орудия и лошадей для нужд артиллерии. Особое внимание донским властям пришлось уделять организации своевременных поставок армии мяса, хлеба, кожи, шерсти и т. д. Между тем к началу 1917 г. в области Войска Донского заметно стало ухудшаться демографическая ситуация и социально-экономическое положение.

Постоянное население Сальского округа за 2,5 года Первой мировой войны, не считая 21 тыс. приписных людей, увеличилось с 74 539 (38 908 мужчин и 35 631 женщина) до 85 960 (44 892 мужчин и 41 068 женщин). А калмыков-казаков, наоборот, в округе уменьшилось на 9,3 %, т. е. с 30 729 до 27 865 человек (14 378 мужчин, 13 487 женщин). Сокращение в калмыцких станицах «коренного» населения произошло в основном за счет спада естественного прироста и безвозвратных потерь на войне. Население Сальского округа на 1 января 1917 г. характеризовалось следующими данными [143].

Станицы	Кол-во хозяйств	Население,			в том числе калмыков-казаков		
		муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Атаманская	1262	3731	3509	7240	—	—	—
Батлаевская	545	1696	1468	3164	754	658	1412
Беляевская	187	537	439	976	537	439	976
Бурульская	689	2330	1817	4147	542	428	970
Великокняжеская	1111	4900	4400	9300	—	—	—

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Власовская	773	2079	1978	4057	1678	1619	3297
Граббевская	615	2118	1917	4985	1747	1635	3382
Денисовская	1200	4062	3916	7978	2370	2342	4712
Иловайская	992	1923	1818	3741	1047	1021	2068
Кутейниковская	1177	3377	3285	6662	1798	1752	3550
Ново-Алексеевская	1401	3759	3529	7288	496	471	967
Платовская	1434	2173	2005	4178	1376	1286	2662
Орловская	2574	9270	8242	17512	—	—	—
Потаповская	326	893	878	1771	691	704	1395
Чоносовская	347	960	869	1829	550	507	1057
Эркетинская	260	729	662	1391	437	338	775
Хутор							
Эльмотинский	87	355	287	642	355	287	642
И т о г о:	11589	44892	41068	85960	14378	13487	27865

В эти же годы в округе и на Дону заметно усилились внутренние миграционные процессы. Население Граббевской станицы уменьшилось на 3071 человека, Власовской станицы – на 310, Денисовской станицы – на 390, а население Иловайской станицы увеличилось на 1279, Платовской станицы – на 778, Кутейниковской станицы – на 243 человека и т. д.

Деградационные процессы охватили и экономику области Войска Донского, в том числе и Сальского округа, особенно его животноводство, являвшееся главным источником поставки армии лошадей, мяса, иной продукции, сырья. К концу 1916 г. количество лошадей в станицах Сальского округа по сравнению с 1913 г. сократилось с 33 128 до 25 753 (на 22,3 %) голов. Строевых лошадей, которые были только у казаков, в станицах округа уменьшилось с 1 116 до 394 (на 64,7 %) голов, а рабочих лошадей у всего населения – с 25 975 до 20 507 (на 21,1 %), а у казаков – с 13 816 до 11 374 (на 17,3 %), табунных лошадей у казаков – с 5 603 до 4 474 (на 20,2 %). А поголовье лошадей у крупных коннозаводчиков, конные заводы которых были размещены на казенных и арендованных землях Сальского округа, несмотря на сокращение на 10 369 табунных лошадей, сохранилось за счет приплода на прежнем уровне – 67 063 головы (было 66 907) [144]. В целом общее состояние живот-

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

новодства станиц Сальского округа в декабре 1916 г. было представлено в следующем виде.

Станицы

	Ата- манская	Батла- евская	Беляев- ская	Буруль- ская	Велико- княже- ская
Лошади казаков:					
рабочие	2083	763	113	185	1196
табунные	380	1116	145	128	378
строевые	50	11	2	15	21
Лошади иногородних:					
рабочие	120	752	145	207	685
табунные	26	176	48	53	—
Волы казаков	3730	1028	148	320	562
Волы иногородних	146	98	202	840	198
Коровы казаков	2120	1293	468	806	617
Коровы иногородних	115	507	190	503	374
Мелкий рог. скот:					
казаков	6230	2159	914	868	842
иногородних	379	583	440	412	435
Овец простой породы:					
казаков	19712	3383	1953	2790	7400
иногородних	1431	389	709	1472	—
Тонкорунные овцы:					
казаков	430	—	—	—	—
иногородних	—	—	—	5657	4200
Козы	2976	38	291	396	355
Свиньи	1405	1288	192	145	213
Верблюды	803	16	156	63	88

Станицы

	Власов- ская	Греб- евская	Дени- совская	Ило- вайская	Кутей- ников- ская
Лошади казаков:					
рабочие	260	845	1420	171	617
табунные	207	95	460	300	231
строевые	8	18	40	20	13

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Лошади иногородних:					
рабочие	120	242	1185	956	1003
табунные	–	–	75	–	–
Волы казаков	880	1232	2040	1457	921
Волы иногородних	476	546	840	1111	691
Коровы казаков	1600	2062	1220	2288	1500
Коровы иногородних	400	324	1106	591	836
Мелкий рог. скот:					
казаков	1420	4478	1800	3075	1555
иногородних	402	78	744	852	1108
Овец простой породы:					
казаков	6000	11808	5620	5673	2273
иногородних	660	74	–	1153	2252
Тонкорунные овцы:					
казаков	–	–	600	2502	–
иногородних	–	–	5760	4620	1040
Козы	136	658	390	197	282
Свиньи	686	290	720	861	1205
Верблюды	19	169	40	55	126

Станицы

	Ново- Алексеев- ская	Орлов- ская	Платов- ская	Потапов- ская
Лошади казаков:				
рабочие	916	1236	1298	161
табунные	243	251	186	28
строевые	71	49	34	–
Лошади иногородних:				
рабочие	620	578	1720	126
Волы казаков	875	1470	3638	134
Волы иногородних	215	874	6750	84
Коровы казаков	1780	1073	2024	370
Коровы иногородних	260	537	846	95
Мелкий рог. скот:				
казаков	2560	1577	1820	595
иногородних	335	854	978	214
Овец простой породы:				
казаков	2400	2713	4720	1103

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

иногогородних	1100	3902	2565	361
Тонкорунные овцы:				
казаков	—	—	6444	—
иногогородних	—	—	812	—
Козы	135	340	170	266
Свины	1056	2128	3276	128
Верблюды	23	110	34	62

Станицы

	Чунусовская	Эркетинская	Всего станциям
Лошади казаков:			
рабочие	206	204	11374
табунные	210	116	4474
строевые	21	21	394
Лошади иногородних:			
рабочие	323	351	9133
табунные	—	—	378
Волы казаков	654	376	19465
Волы иногородних	462	239	13802
Коровы казаков	425	756	21192
Коровы иногородних	296	266	7316
Мелкий рог. скот:			
казаков	1370	1535	32798
иногогородних	354	454	9312
Овец простой породы:			
казаков	3149	2742	76779
иногогородних	1001	1009	18762
Тонкорунные овцы:			
казаков	—	—	9976
иногогородних	3800	—	25889
Козы	—	192	6828
Свины	489	324	14432
Верблюды	44	78	1889

По данным Статистического комитета области Войска Донского, общее количество всех видов скота в станицах Сальского округа в декабре 1916 г. составляло 284 203 (46,3 % всего скота в округе)

головы, что было меньше поголовья предвоенного года на 46 850, или на 14,2 %. Несмотря на увеличение в округе в 1917 г. поголовья скота с 613 548 до 679 210 (на 9,6 %) голов, значительно сократились такие основные виды скота, как лошади и волы. Количество лошадей в течение года уменьшилось с 92 816 до 73 028, или на 21,3 %, волов – с 59 825 до 54 595 (на 8,7 %). Небольшое увеличение наблюдалось в поголовье коров и овец, свиней [145].

Значительное сокращение на Дону в течение года лошадей было связано с необходимостью пополнения донских казачьих военных частей, находившихся в составе армий различных фронтов, а также полков формируемых новых трех донских дивизий – 7-й (21, 22, 34 и 41-й полки), 8-й (35, 36, 39 и 44-й полки, 7-я, 10-я и 27-я отдельные сотни), 9-й (45, 48, 51 и 58-й полки, 9-я, 11-я и 12-я отдельные сотни).

Между тем в 1917 г. на Дону резко обострилось социально-экономическое и политическое положение, особенно остроту приобрел земельный вопрос между казачеством и крестьянством. При равном соотношении количества казачьего и крестьянского населения на долю казаков приходилось 79 % земли, крестьян – 11 %, остальные 10 % земли являлись казенными и церковными.

Отдельные казачьи полки (1, 4, 14 и 23-й) и 1-я Донская казачья дивизия (9, 10, 13 и 15-й полки) оказались в эпицентре революционных событий лета 1917 г., им удалось вернуться на Дон лишь в конце ноября. В это время в Ростове сторонники большевиков подняли восстание и временно захватили власть. А в апреле 1917 г. в Новочеркасске был проведен казачий съезд, на котором присутствовали и делегаты Сальского округа.

В Сальском округе установилось своеобразное двоевластие – исполком из представителей буржуазии в составе 39 человек (в его бюро от калмыков-казаков входил Бадьма Наранович Уланов, занимавшийся судебной практикой в Великокняжеской станице) и Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. В некоторых станицах (Атаманской, Платовской, Денисовской и др.) стали создаваться исполкомы – наподобие окружного во главе с атаманом. Почти в это время в Сальском округе создается «Союз сознательных калмыков» во главе с Б. Н. Улановым, основной целью которого являлась под-

держка Временного правительства, защита интересов зажиточного казачества. Национальный совет, избранный в мае 1917 г. I съездом представителей донских калмыков, по своей программе ничем не отличался от «Союза сознательных калмыков».

I Большой войсковой круг, состоявшийся с 26 мая по 18 июня 1917 г. в Новочеркасске, избрал почти после 200-летнего перерыва войсковым атаманом генерала от кавалерии А. М. Каледина, активно поддерживавшего Временное правительство, а также сформировал донское правительство. В заседаниях Войскового круга участвовали делегаты из калмыцких станиц вахмистр Менько Нидюлин, урядники Учур Игнатов, Саран Джеджульдинов, казак Иван Немгиров, Бадьма Уланов.

В первый день Октябрьской революции (7 ноября 1917 г.), выразив свое отношение к ней, как захват власти большевиками преступным и не допустимым, А. Н. Каледин приказал окружным атаманам организовать в своих округах советы по обороне из казаков-добровольцев для борьбы с большевиками.

Избранное донское правительство с помощью Добровольческой армии 2 декабря 1917 г. вернуло Ростов. Накануне только что прошли повсеместно в стране выборы в Учредительное собрание, в том числе и в области Войска Донского. В голосовании приняли участие не только гражданское население, но и казаки всех военных частей независимо от места их нахождения. Голосование проходило на всех избирательных участках 12–13 ноября 1917 г. с 8 часов утра до 20 часов вечера, 14 ноября – с 8 часов утра до 14 часов дня. В целом по области из 1 406 620 поданных голосов большевистский список получил 205 497, меньшевистский – 17 504, эсеровский – 478 901, казачий – 636 966.

Сальская уездная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия была сформирована в составе В. Е. Генералова (председатель), Г. К. Генералова (товарищ председателя), Я. С. Горбачева (секретарь), членов А. Аликова, Н. И. Быкова (от казачьей группы № 2), А. С. Сарсинова (калмык от казачьей группы № 4). Сальская уездная комиссия, рассмотрев 22 ноября 1917 г. протоколы всех 20 избирательных участковых комиссий по результатам голосования 12–13

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

(голосование с 8 час. и до 20 час.) и 14 ноября (с 8 час. и до 14 час.) 1917 г. и признав, что оформление протоколов всех избирательных участковых комиссий произведено правильно, и они отвечают всем требованиям положений и наказов, утвердила их. В Сальском округе в Учредительное собрание меньшевистский список получил всего 172 голоса, большевистский – 825, казачий – 24 558 (45,3 % дали избирательные участки калмыцких станиц), эсеровский – 25 123 (49,8 % дали избирательные участки калмыцких станиц).

По избирательным участкам (калмыцким станицам) результаты голосования на выборах в Учредительное собрание были представлены следующими данными.

Станицы	Казачий список № 4	Эсеровский список № 2	Остальные
Батлаевская (Багутовская)	809	689	25
Беляевская	279	181	4
Бурульская	472	1508	12
Власовская (Бембдякинская)	983	429	22
Граббевская (Цевднякинская)	1287	508	18
Денисовская (Бокшракинская)	2010	1252	135
Иловайская (Зюнгарская)	1020	1732	59
Кутейниковская (Кевюдовская)	1029	1106	23
Ново-Алексеевская (Геленгакинская)	1183	3743	95
Платовская (Ики-Бурульская)	1316	2505	153
Потаповская (Балдырская)	251	114	1
Чунусовская	612	262	8
Эркетинская	438	255	–
В с е г о:	11138	12525	55

В числе 16 кандидатов по казачьему списку № 4 избирательного округа области Войска Донского в Учредительное собрание были избраны депутатами Каледин Алексей Максимович, Богаевский

Митрофан Петрович, Агеев Павел Михайлович, Харламов Василий Акимович, Мельников Николай Михайлович, Воронков Митрофан Семенович, Араканцев Михаил Петрович, Попов Алексей Петрович, Уланов Бадьма Наранович, Бирюков Василий Яковлевич, Тарасов Ефим Иванович, Епифанов Аркадий Павлович, Елатонцев Семен Георгиевич, Крюков Федор Дмитриевич, Писарев Дмитрий Васильевич, Протопопов (он же Петров) Федор Иванович [146].

Алексей Максимович Каледин, войсковой атаман Войска Донского (избран 19 июня (2 июля) 1917 г.), выступая с докладом на заседании III Большого Войскового круга, состоявшемся в Новочеркасске со 2 по 13 декабря 1917 г., охарактеризовал положение на Дону и в стране. Он отмечал, что продовольственный вопрос на Дону обострился с весны в связи с неурожаем в северной части области, а также с наступившими беспорядками. А нам, далее говорил он, предстоит доставлять продовольствие в Петроград, армии, но имеющихся запасов хлеба хватит всего на три недели. Владельцы перестали сдавать хлеб, опасаясь лишиться его запасов из-за наступивших беспорядков.

Он докладывал, что принято решение «прекратить вывоз хлеба, за исключением 200 тыс. пудов для фронта», а также обращение к населению Дона о добровольной сдаче хлеба (излишков). Он также доложил о наступивших трудностях в горнозаводском деле в связи с беспорядками и действиями агитаторов в Донецке. Положение обострилось в угольном бассейне, поскольку шахты сократили добычу угля на 25 %, беспорядки вообще грозят остановкой. Введение в эти районы казачьих частей вызвало бунт рабочих.

А. М. Каледин сообщил о том, что из Петрограда была получена телеграмма министра юстиции Н. Н. Малянтовича о попытках захвата власти большевиками. В ней говорилось: «Большевики в Петрограде и в других местах пытаются захватить власть, что грозит гибелью революции и срывом Учредительного собрания. Установите дежурство членов комитета для наблюдения прохождения корреспонденции...».

Войсковое правительство (в его состав из калмыков-казаков был включен Б. Н. Уланов), обсудив сложившееся положение в области, приняло решение: «1) Впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России с 25 октября с.г. принять на себя

всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области и 2) Ввести в Донецком угольном бассейне военное положение...».

Затем Каледин сообщил Войсковому кругу о том, что по области от имени Донского войскового правительства разослана телеграмма (запоздавшая телеграмма от 25 октября. – М. К.) следующего содержания: «Ввиду выступления большевиков с попытками низложения Временного правительства и захвата власти в Петрограде и других местах, Войсковое правительство, считая такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым, окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству...».

Он проинформировал Войсковой круг о том, что 26 октября в Киеве состоялся общефронтовой казачий съезд, полностью осудивший захват большевиками власти и выразивший полную поддержку Временному правительству до Учредительного собрания. В телеграмме съезда на имя Войскового правительства говорилось, что «казачество, признавая Временное правительство, держит свое слово твердо и не позволит темным силам играть судьбою России».

А. М. Каледин в своем выступлении заявил: «Став на вышеуказанную точку зрения на большевиков, как на изменников и предателей родины, и решив для спасения России бороться против них всеми имеющимися в распоряжении средствами, Войсковое правительство в дальнейшей своей деятельности будет руководствоваться этими двумя основными положениями, применяя их в логической постепенности в зависимости от развертывающихся событий».

Далее он сообщил, что в защите Зимнего дворца наряду с юнкерами военных училищ, ударниками и женским батальоном участвовали три сотни 14-го Донского казачьего войскового атамана Ефремова полка. «Временное правительство Российской Республики вооруженным восстанием большевиков свергнуто. Безумцы и предатели подняли гражданскую войну внутри страны. Государственная власть захвачена людьми, действия которых ознаменовались гнетом, насилием и варварством... Донское казачество твердо убеждено, что

действия захватчиков приведут страну к гибели, и не признает эту власть...

Начавшееся в ночь на 26 ноября 1917 г. в Ростове кровопролитие в результате сражения большевиков с казачьими частями, несмотря на усилия Войскового правительства, на Тихом Дону преступной волей предателей родины вспыхнула братоубийственная гражданская война и пролилась братская кровь, грозящая затопить наш свобододобивый, вольный край, единственный оплот и единственная надежда погибающей родины» [147].

III Большой Войсковой круг 4 декабря 1917 г. провозгласил Донскую область «автономной провинцией». А. М. Каледин, охарактеризовав социально-экономическое и политическое положение, сложившееся в 1917 г. на Дону и в стране, пришел к твердому убеждению, что насильственный захват большевиками государственной власти привел к братоубийственной гражданской войне.

В соответствии со своей программой А. М. Каледин предложил казачьим войсковым правительствам Украины, Кубани, Терека, Оренбурга объединить усилия против большевиков. В этот период на Дон для борьбы с большевиками стали стекаться офицеры из так называемой «Алексеевской организации», добровольцы из разных концов России, которые послужили основой для формирования в середине ноября 1917 г. Добровольческой армии в Новочеркасске. В начале января 1918 г. было объявлено о создании этой армии, основной задачей которой являлось уничтожение большевизма, возрождение «единой и неделимой России», созыв Учредительного собрания, предоставление самоопределения нерусским национальностям.

Все принятые решения Войсковым Кругом от имени калмыков-казаков были поддержаны их представителем Б. Н. Улановым, вошедшим в состав Донского Войскового круга в качестве товарища председателя, членом Учредительного собрания, избранным по казачьему списку № 4 области Войска Донского избирательного округа от станицы Великокняжеской.

Прибывающие с фронта донские военные части, на которые предполагал опереться Каледин, в большинстве своем не оправдали его надежды. «Донское правительство лестило себя надеждой, – пи-

сал генерал И. А. Поляков, – что казачьи полки, возвращающиеся с фронта, послужат надежной опорой Донскому краю». Однако это не оправдалось. Фронтовики оказались настолько деморализованными, что генерал Каледин вынужден был отдать приказ об их демобилизации, надеясь, что «в обстановке родных станиц, влияния семьи и стариков они быстро излечатся от большевистского угара» [148]. К тому же на Дону уже действовали многочисленные комитеты казачьих и солдатских депутатов. В связи с этим А. М. Каледину, Войсковому правительству пришлось расформировать прибывшие донские казачьи полки, за исключением 3, 5, 7, 9, 13, 16, 17, 18, 21, 22, 28, 31, 33, 36, 40, 48, 49 и 51-го полков. А 4-й Донской казачий Платова полк в составе 978 казаков, 11-й Донской казачий генерала Денисова полк, 11-й и 41-й донские казачьи полки, 5-я Донская Особая казачья сотня, 2-й Донской казачий артдивизион и другие части еще находились в Петрограде.

Большинство казаков расформированных 1, 10, 14, 27, 35, 39, 44 и 46-го донских казачьих полков, 5-й и 8-й донских казачьих дивизий, 6-й гвардейской Донской казачьей батареи и др. поддерживало казачий Военно-революционный комитет (ВРК) Дона, признавший 19 января 1918 г. центральной властью в России ВЦИК и Совнарком РСФСР. С 19 февраля 1918 г. руководство действиями революционных сил на Дону перешло к единому (объединенному) областному ВРК, провозгласившему 23 марта 1918 г. об образовании Донской советской республики.

С этого времени на Дону началась новая фаза гражданской войны – открытое вооруженное противостояние между белоказаками и красноказаками, в которое были втянуты и калмыки-казаки. Несколько перефразируя слова известного поэта, можно сказать, – Дон «засверкал огнями и саблями».

В январе 1918 г. на Дону сложилась трудная ситуация – верные Войсковому правительству донские казачьи части, отряды Добровольческой армии потерпели ряд поражений от Красной армии, действовавшей вместе с революционно настроенными донскими казаками. Донские полки Войскового правительства разваливались, Добровольческая армия, оказавшись не в состоянии защитить Дон

от большевиков, решила уйти на Кубань – Первый Кубанский поход. А. М. Каледин, оценив сложившееся положение и видя бесполезность сопротивления, 29 января (11 февраля) 1918 г. на заседании правительства заявил: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но и настроено к нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю» [149]. В тот же день он выстрелом из пистолета покончил с собой. На следующий день, 30 января (12 февраля) 1918 г., Войсковой круг новым войсковым атаманом избрал генерал-майора А. М. Назарова, бывшего походного атамана. Генерал Петр Харитонович Попов был назначен походным атаманом донцов.

Однако вскоре, 10 (23) февраля советские отряды вошли в Ростов, 12 февраля – в Новочеркасск, где был разогнан Войсковой круг, арестованы и расстреляны войсковой атаман А. М. Назаров и председатель Круга Волошинов. 15 (27) февраля красноармейцы заняли станицу Великокняжескую – административный центр Сальского округа, где окружной съезд советов провозгласил установление советской власти в лице советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, сформировал исполнительный орган. В состав президиума совета был избран С. М. Буденный. В станице Платовской (Ики-Бурульской) совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов возглавили Сорокин и С. М. Буденный, в его состав был включен О. И. Городовиков. В Куберлеевской волости совет возглавили Ф. Кулишенко и Х. Кануков. Во многих станицах Дона, в том числе и в калмыцких, власть переходила к создаваемым советам казачьих и крестьянских депутатов.

В этой обстановке походный атаман П. Х. Попов, избранный на этот пост 30 января (12 февраля) 1917 г., принял решение вместе с верными («партизанскими») отрядами уйти в сальские степи «до пробуждения казачества», пополнить свои военные ряды. Затем, объединив силы восставших казаков, «недолго уживавшихся с новыми пришельцами», он решил повести борьбу против советской власти на Дону.

Во время так называемого «Степного» похода в феврале–апреле 1918 г. наряду с другими восставшими казаками к «Отряду вольных донских казаков», объединившему в марте все донские партизанские отряды, вышедшие из Новочеркасска вместе с походным атаманом П. Х. Поповым, постепенно стали примыкать и калмыки-казаки. 22 февраля (7 марта) 1918 г. к походному атаману, захватившему станицу Великокняжескую, обратились калмыки станицы Платовской с просьбой помочь им в борьбе с красногвардейцами из местных крестьян, где основой конфликта стал земельный передел. Посланный сводный отряд полковника К. К. Мамонтова вместе с присоединившейся калмыцкой конной сотней разгромил 21 февраля (6 марта) в хуторах Соленом и Шара-Булуке, станице Платовской значительные силы красноармейцев под командованием Т. Никифорова и Б. Думенко. В станице Платовской действовал в основном отряд войскового старшины М. Н. Гнилорыбова, руководителя офицерской боевой дружины, который жестоко расправился с местными крестьянами. Однако оставленная калмыцкая сотня не смогла удержать станицу Платовскую. 2 (15) марта калмыки станицы Платовской численностью более 200 человек под командованием хорунжего Эрдне Сарановича Буринова срочно покинули станицу и 10 марта прибыли в зимовник Орлов-Подвал (Манук Попов), где находился генерал Иван Данилович Попов, оставленный в районе Западного коннозаводства для формирования калмыцких отрядов. Почти в эти же дни из станицы Граббевской в отряд И. Д. Попова прибыло еще две сотни калмыков.

После взятия С. М. Буденным станицы Платовской крестьяне в свою очередь «начали жестоко мстить русским казакам и калмыкам за устроенную Гнилорыбовым резню» [150].

4 (17) марта генерал И. Д. Попов с целью выяснения обстановки выслал в сторону станицы Платовской усиленный калмыцкий разъезд под командой подхорунжего Аку Городовикова, который, уничтожив заставу красноармейцев, захватив пленных, успешно справился с поставленной задачей. Однако Ока Городовиков, видимо, беспокоясь разоблачения того, что он вместе с С. Буденным был избран членом совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов станицы

Платовской, окончательно определившись с выбором пути, вскоре тайком покинул отряд белоказаков и примкнул к красноармейцам.

В начале апреля атаман Граббевской станицы (Цевднякинской) хорунжий Абуша Апелевич Алексеев и член Донского Войскового круга Абуш Сарникович Сарсинов привели в отряд И. Д. Попова до 200 конных вооруженных калмыков, в основном из Эркетиновской, Потаповской и Чунусовской станиц.

Почти в это же время, в ночь с 4 на 5 марта 1918 г., при трагических обстоятельствах погиб полковник Борис Леонидович (Батыр Саксыкович) Мангатов, участник Первой мировой войны (офицер 15-го Донского казачьего полка, а затем командир 25-го Донского казачьего полка). Он, вернувшись со 150 калмыками-казаками с фронта для формирования калмыцкого полка, нелегально находился в станице Денисовской, временно занятой красноармейцами. Б. С. Мангатов, узнав о появлении в Сальском округе «Отряда вольных донских казаков» П. Х. Попова, активизировал деятельность по организации калмыков на борьбу с большевиками. С этой целью в сопровождении войскового старшины А. П. Болдырева, есаула Макарова и сотника А. У. Абушинова он выехал в северные калмыцкие станицы.

В станице Ново-Алексеевской Б. Мангатов встретился с Б. Н. Улановым, членом Донского Войскового правительства и Учредительного собрания, и вместе они провели совещание с местными антибольшевиками. Из станицы Ново-Алексеевской Б. Мангатов с группой до 25 вооруженных калмыков направился в станицу Великокняжескую, надеясь там застать партизан И. Д. Попова. Но при переходе ночью железной дороги у станицы Великокняжеской Б. Мангатов со своей группой наткнулся на отряд (бронепоезд) красноармейцев, и в завязавшейся скоротечной перестрелке были убиты два офицера, одним из них оказался полковник Б. С. Мангатов. Сотник Александр Учурович Абушинов с оставшейся группой присоединился к отряду генерала И. Д. Попова. Абушинов А. У. успешно справился с поручением генерала создать отряды, организовать и поднять восстание в калмыцких станицах [151].

10 (23) марта 1918 г. на зимовник Подкопаева (Восточное коннозаводство) прибыли 4 калмыцкие сотни численностью 620 конников

при 4 пулеметах под командованием генерала И. Д. Попова и присоединились к «Отряду вольных донских казаков». В состав сотен входили платовские и граббевские (250 человек), бурульские (150), батлаевские калмыки. Помимо них, к «Отряду вольных донских казаков» походного атамана П. Х. Попова присоединились калмыцкая группа членов Донского Войскового круга и духовенства – 22 человека, а также группа общественных деятелей – 18 человек, которые, по свидетельству участника похода А. П. Падалкина, очень способствовавшие привлечению в отряд калмыков-казаков.

2 (15) апреля 1918 г. генерал И. Д. Попов, войдя с калмыцкой сотней в станицу Константиновскую и узнав, что там идет заседание съезда советов, явился на съезд в полной генеральской форме, при орденах, в сопровождении двух калмыков-казаков, Георгиевских кавалеров. По его ультимативному предложению съезд был переименован в Окружной круг, который избрал И. Попова окружным атаманом [152].

Вскоре калмыцкие сотни, казаки которых служили в основном в 9-м и 2-м донских казачьих полках, участвовавших в Первой мировой войне, были распределены: 1-я сотня (командир – полковник Д. Л. Абраменков) составила конвой штаба походного атамана, 2-я сотня (командир – войсковой старшина А. Кострюков) – поступила в распоряжение назначенного командующим войсками 1-го Донского округа генерала И. Д. Попова; 3-я (командир – подьесаул П. М. Аврамов) и 4-я (командир – калмык сотник Э. Л. Яманов) в конце марта 1918 г. были сведены в Калмыцкий отряд (полк) под командованием полковника Николая Павловича Слюсарева, возглавлявшего в «Степном походе» юнкерский конный отряд.

Калмыцкие сотни, как и другие отряды, имели свой значок – желтое поле с красной оторочкой и с двух сторон литеры «1 К.С., 2 К.С., 3 К.С., 4 К.С.». В апреле – мае 1918 г. в станице Константиновской Калмыцкий отряд был дополнен еще тремя (платовские и бурульские) сотнями и сведен в один полк, официально получивший наименование – Зюнгарский Донской калмыцкий полк. В начале июня 1918 г. полк был причислен к группе полковника К. К. Мамонтова, действовавшей в Сальском округе. В период его формирования, как

было отмечено в приказе № 22 (параграф 1) от 5 июля 1918 г. окружного атамана войскового старшины М. Н. Гнилорыбова, казак Платовской станицы Соней Китенов внес в дар полка 1000 рублей.

На фоне происходящего процесса восстановления в Сальском округе прежних донских порядков это сообщение было воспринято всеми казаками положительно. Окружная власть начала восстанавливать местные органы управления. Окружной атаман приказом (параграф 2) от 5 июля 1918 г. утвердил решение станичного правления от 1 июля о назначении урядника Санжи Илюмжиновича Манжикова смотрителем конно-плодового и строевого табуна Иловайской станицы, а также утвердил в должности станичного атамана Иловайской станицы Даржу Цагановича Ушкинова, членами станичного правления – Немко Даржинова, Санжу Адьянова, Церена Соломкина, Севостьяна Ахремова, утвердил атаманами хуторов этой же станицы: Зундовского – Бакаша Хаджиманджинова, Васильевского – Санжу Буринова; в должности станичного атамана Батлаевской станицы – урядника Бадьму Басанова и членами правления – урядника Санжу Менькова, Менько Нюдлина, Шипя Болданникова, станичными доверенными – Курду Хохлова и Лиджи Семенова. В состав Денисовского станичного правления были введены Санжа Цакиров и Санжа Хохлашов [153].

Основное ядро Зюнгарского калмыцкого полка составили участники Первой мировой войны, имевшие боевой опыт 150 калмыков-казачков, специально собранных по инициативе полковника Б. С. Мангатова, получившего официальное разрешение от командования, из разных донских казачьих полков и направленных для формирования Донского калмыцкого полка. Интенсивные боевые действия сотни вели в марте–апреле в районе станиц Граббевской, Эркетиновской и в ряде хуторов и зимовников Сальского округа [154].

Первый командир Калмыцкого отряда полковник Н. П. Слюсарев буквально накануне официального утверждения полка, 2 (15) апреля 1918 г., был переведен на помощь формируемому 3-му Донскому Калмыцкому полку. А командиром Зюнгарского Донского калмыцкого полка был назначен войсковой старшина Николай Васильевич Суворов (апрель – июнь 1918 г.), а после его ранения – полковник

Петр Михайлович Греков (июнь 1918 г. – январь 1919 г.), служивший на должности обер-офицера для поручений штаба Донской армии (в период ее создания). Его сменил участник Первой мировой войны войсковой старшина Иван Алексеевич Андрианов (февраль – октябрь 1919 г.). В октябре 1919 г. в командование полком вступил полковник Сергей Васильевич Захаревский, а в январе 1920 г. – полковник Гавриил Эрдниеви́ч Тепкин сменил полковника В. В. Сергеева. Помощником Г. Э Тепкина был есаул Б. Ш. Шарманжинов, адъютантом полка – сотник Санджа Басанович Балыков. После смерти Г. Тепкина в июле 1920 г. полк принял полковник Иван Давидович Бобров, который в октябре 1920 г. был ранен, и временно полком командовал его помощник войсковой старшина Петр Тихонович Безуглый.

В течение 1918–1920 гг. в Зюнгаровском полку прошли службу многие офицеры донских казачьих частей, в том числе и калмыки-казаки. На начальном этапе адъютантом полка служил прапорщик Константин Яковлевич Корольков, заведующим оружейной частью полка – хорунжий Эрдне Ильич Иванов, начальником связи, затем адъютантом полка – Санджа Басанович Балыков, начальником пулеметной команды – Иван Родионович Герасимов, заведующим хозяйственной частью полка – войсковой старшина Владимир Васильевич Сергеев (затем полковник и командир полка), командиром 1-й сотни полка – сотник Михаил Сергеевич Буджалов, затем есаул Андрей Полякович Шарапов, 2-й сотни – сотник Александр Михайлович Пупков, 3-й сотни – хорунжий Санжа Пурвинович Пантусов, 4-й сотни – сотник Саран Дамбович Ремелев, 5-й сотни – подъесаул Александр Петрович Болдырев, 6-й сотни – хорунжий Даржа Иванович Ремелев (он же Пальтенкинов).

В полку служили также участники Первой мировой войны, награжденные Георгиевскими крестами подхорунжие С. А. Дундуков, Хабу Яманов, Даржинов, Саргинов, Б. Кутушов, хорунжие Пишван Бохольдинов, И. Э. Сельнинов, Сапсуков, Б. Б. Илюмжинов, Н. Б. Андреев, Б. Б. Джамбинов, Ш. С. Баранов, С. И. Церенов, вахмистры Кузьма Ш. Сасыков, Ц. П. Джувинов, Джеджинов и Манжиков, казаки Балданов, Даланта Бархаринов, Х. Бохардинов, М. Н. Юнзуков, Шонгальдинов, Д. Ульчинов, С. Джамбинов, Шагашов, Оля Учуров,

Б. У. Куберлинов и др. После формирования Зюнгарский полк отбыл в Сальский округ. На его знамени – ярко желтом полотне (вокруг с бахромой до 10 см) длиной 2 м, шириной 1 м – была изображена «ОКОН ТЕНГЕР» на лошади соловой масти (шарга морн) – Небесная покровительница полка. Духовным наставником полка был гелюнг Даву Кульдинов.

Приняв полк, П. М. Греков главное внимание обратил на формирование личного и младшего командного состава. 28 июня 1918 г. он подал рапорт за № 577 на имя Сальского окружного атамана войскового старшины М. Н. Гнилорыбова с предложением произвести присвоение очередных званий младшему командному составу. В тот же день окружной атаман подписал приказ № 16 по Сальскому округу Всевеликого Войска Донского, где в параграфе 6 отмечалось: «За примерную доблесть, проявленную в боях с большевизмом, и ревностную службу казаков Зюнгарского калмыцкого полка переименовываю из младших в старшие». Из 1-й сотни младшие урядники Дживше Манжиков, Манжик Васькин, Николай Андреев, Эренцен Богаев были произведены в старшие урядники; приказный Лавга Джеданов, бомбардир Бембе Чурюмов и казаки Тимофей Бовалдынов, Санжа Андреев, Донюслов Батырев, Ногашка Сыркунов, Аниска Борольдинов, Санжа Абушинов, Максим Азданов, Савдня Ямотинов, Даржа Болданов, Лиджа Дарбаков – в младшие урядники. Казаки Бадьма Бельтинов, Ермак Мельтенов, Мазур Дакинов, Дмитрий Ромашкин, Даржа Ильзетинов, Батыр Джалганов, Бата Хахлинов, Шургуча Манжиков, Бара Бухинов, Евтя Багаев, Эрдне Манцынов, Намка Саржаков, Зара Умадыков, Ангаджа Дамбинов, Афанасий Бембеев, Эренжен Борманжинов получили первичное звание – «приказный».

Из 2-й сотни вахмистр Церен Джувинов, полный Георгиевский кавалер, участник Первой мировой войны, был произведен в звание подхорунжего, Борис Банинов – в вахмистры, Лиджи Джувинов, Георгиевский кавалер, участник Первой мировой войны, Санжа Банинов, Санжа Пуринов, Казьма Микулинов, Сергей Джамбинов, Лиджа Мамонов и Отухан Манжиков были произведены в старшие урядники. Казаки Лиджа Бударинов, Санжа Бакинов, Эренжен Бухинов, Эренжен Нохашкин, Эрдне Богадинов, Дава Абушинов, Бембя Ад-

жанов, Антон Джиджиков, Бадьма Хохлашов, Иван Копанев, Менько Хохланов, Мужик Меньков, Цебек Хамуртинов, Андрей Мамонов, Бадьма Кондрашов и Санжа Амранов стали младшими урядниками.

Из этой же сотни казаки Батыр Некушов, Бовка Монов, Ося Мугаринов, Акумджа Кудырев, Манцак Сыркунов, Оршав Замбинов, Кумчача Палинов, Батыр Мамонов, Маму Шучинов, Даржа Амцугинов, Нимгир Полинов, Борис Буринов, Ботня Иванов, Санжа Сыркунов, Лиджа Буринов, Учур Дарбушкинов, Лиджа Левчинов, Цебек Манцынов, Арсентий Сыркунов, Овата Анжудинов, Федор Владинов, Савка Манжиков, Санжа Галушкин, Даржа Иванов, Цеден Кудиров были произведены в приказные.

В 3-й сотне приказный Лиджа Абушинов получил очередное звание – младший урядник. В 4-й сотне старшему уряднику Егору Чурюмову было присвоено офицерское звание – подхорунжий, а приказному Матвею Урусову и казакам Тутхану Наминову, Александру Абушинову воинское звание – младший урядник. В пулеметной команде полка младший урядник Даржа Цеденов удостоился звания старшего урядника, а казаки Учур Харбуканов, Федор Тарасов и Санжа Унжиков – звания младшего урядника [155].

Основанием для высокой оценки полка в тексте преамбулы приказа, по всей вероятности, послужили успешные боевые действия Калмыцкого конного полка, входившего первоначально в состав группы К. К. Мамонтова, затем И. Ф. Быкадорова и Северной группы (командир – полковник Э. Ф. Семилетов) сил походного атамана П. Х. Попова, в апреле – мае 1918 г. во время «Степного» похода. Полк, в начале августа 1918 г. получивший название «80-й конный казачий», в составе соединений Донской армии успешно воевал на территории Сальского округа и западной части калмыцкой степи против частей Красной Армии в течение почти весь 1918 год.

В марте–апреле 1918 г. на Дону развернулось практически всеобщее движение казачества против большевиков, советской власти. 25 апреля (8 мая) белоказаки вернули Ростов, Таганрог, 23 апреля – Новочеркасск. В это же время начались восстания против советской власти в калмыцких станицах: Ново-Алексеевской, Денисовской, Иловайской, Кутейниковской, Батлаевской под руководством пол-

ковника Г. Э. Тепкина, есаула И. Сельдинова, есаула Б. Ш. Шарманжинова, сотника А. У. Абушинова, хорунжего Б. Мусова и других. Все они были участниками Первой мировой войны. 1 (14) мая в станицу Константиновскую к генералу И. Д. Попову прибыли от восставших калмыцких станиц хорунжий П. Б. Абушинов и казак А. Шарапов, которые сообщили ему, что эти станицы будут поставлять генералу по одной – две конные сотни.

Вместе с тем оказалось, что в калмыцких станицах немало калмыков-казаков, выступающих за создание советов казачьих и крестьянских депутатов – новых органов революционной власти, за поддержку идеи большевиков. Активную поддержку оказали революционно настроенные калмыки-казаки, вернувшиеся с фронта, организованному в феврале 1918 г. Сальскому революционному комитету и избранному совету рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Они приняли участие в организации краснопартизанских отрядов, строительстве и защите советов в Сальском округе, большую организационную работу провели особенно в калмыцких станицах фронтовики калмыки-казаки 2-го, 43-го донских казачьих полков. В конце 1917 – начале 1918 г. в калмыцких населенных пунктах калмыки-казаки, вернувшиеся с фронта, революционно настроенные, стали создавать советы во главе с новыми старостами. Как вспоминал Л. Б. Бельтриков, «в нашем хуторе Эльмоте атаман Саранов Сапа был снят и вместо него был избран старостой Совета Менькинов Манджи, а секретарем избрали меня. Но совет просуществовал недолго». Одним из первых советов в калмыцких станицах был сформирован в начале 1918 г. в Платовской станице в составе сторонников большевиков – С. М. Буденного, О. И. Городовикова, Э. А. Кулешова, Т. Н. Никифорова, Сорокина, Сердечного, Б. Адучинова и др. В Денисовской станице был образован совет и в его состав вошли Учур Мусов, Арад Балханаков и др. В это же время советскую власть признали в станицах Эркетинской, Иловайской.

Идеи большевизма восприняли и в революционную борьбу включились О. И. Городовиков, П. И. Шарманжинов, Х. Б. Кануков, В. А. Хомутников, К. Э. Илюмжинов, Т. Б. Шивидов, М. Д. Шапшуков, Н. Д. Шапшукова, К. С. Степкин, Е. А. Басанов, С. Н. Бур-

гудуков, У. К. Илишкин, Заря Басанович и Керядык Басанович Сафоновы (Боглаевы), братья Адучиновы, Эренжен Кулишов, Менько Ушанов, Иван Саранович Шалхаков, Ш. Укурчинов, Р. Балханаков, Б. Мукубенов, У. А. Мусов, Н. Мишкин, Л. В. Мечинов, С. Н. Павлов и другие, многие из них были участниками Первой мировой войны. Весной 1918 г. они организовали Денисовский (под командованием Хомутникова), Иловайский (Кануков) партизанские отряды, которые влились в Куберлеевский отряд Шевкоплясова [156].

Донские казаки 28 апреля (11мая) 1918 г. в Новочеркасске, накануне оставленном правительством Донской советской республики, созвали общее собрание членов Временного Донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей, которое было объявлено Кругом Спасения Дона, взявший всю полноту верховной власти в области в свои руки. На первом заседании Круга спасения Дона, по свидетельству А. Падалкина, по настоянию походного атамана П. Х. Попова, в число членов Круга были включены представители (А. С. Сарсинов и А. А. Алексеев от Платовской и Граббевской станиц) калмыцких частей и Сальского округа. Круг спасения Дона сформировал Совет обороны, который вскоре был преобразован во Временное Донское правительство. Членами правительства от калмыцких станиц были избраны Б. Н. Уланов и А. С. Сарсинов (член Совета управляющих), до созыва полного Войскового круга. На местах управление сосредоточивалось в руках окружных и станичных атаманов. Кроме того, Круг поставил вопрос о создании постоянной армии.

3 мая 1918 г. Круг тайным голосованием избрал войсковым атаманом Дона генерал-майора П. Н. Краснова, принял ряд законов Донской области, определяющих государственный строй Всевеликого Войска Донского и порядок правления. В законе «О Донском флаге, гербе и гимне» был утвержден Донской флаг, состоящий из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой. В описании отмечалось: «Три народности издревле живут на Донской земле и составляют коренных граждан Донской области – донские казаки, калмыки и русские крестьяне. Национальными цветами их были: у донских казаков – синий, васильковый, у калмыков – желтый и у русских – алый» [157].

Новый войсковой атаман П. Н. Краснов наряду с формированием донских органов власти начал мобилизацию казаков и приступил к строительству Донской армии на регулярной основе. В своем первом приказе от 4 (17) мая 1918 г. по Всевеликому войску Донскому Краснов в соответствии с только что принятому закону «О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского» предписал Военному отделу: «Приступить к немедленному созданию на началах общеобязательной воинской повинности из казаков и калмыков 1918–1919 гг. призыва, вызываемых путем жеребьевания по правилам, которые будут указаны, постоянной армии в составе трех конных дивизий, одной пешей бригады с соответствующим числом артиллерии и инженерных частей... Для охраны станиц и городов составить конные и пешие сотни из казаков...» [158].

Согласно этому приказу, партизанские отряды упразднялись, и было начато создание регулярной Донской армии – «Молодой» на постоянной основе. В соответствии с «Положением о военной службе казаков и калмыков Донского войска», утвержденным приказом войскового атамана № 4 от 5 (18) мая 1918 г. началось формирование под Новочеркасском, в военном Персияновском лагере, полков «Молодой» Донской армии, в том числе лейб-казацкого, Атаманского и 3-го Калмыцкого Сальского полка со своим национальным знаменем (командир – войсковой старшина Петр Тимофеевич Чумаков, затем с 12 мая 1918 г. полковник Николай Павлович Слюсарев, с конца июля 1918 г. полковник Б. Н. Полозов, а его помощником был назначен сотник Б. А. Тюрморезов) из калмыков-казаков переписи 1918–1919 годов. 4 сотни полка полностью были укомплектованы калмыками-казаками, остальные 2 сотни – представителями других народов. Адьютантом полка был назначен есаул Владимир Александрович Полторжицкий, начальником команды связи – есаул Борис Александрович Полторжицкий, начальником пулеметной команды – есаул Михаил Александрович Поляков, заведующим хозяйственной частью – прапорщик Даржа Ермилович Зодьбинов, начальником нестроевой команды – подъесаул Алесандр Федорович Федоров. Гелюнгом полка служил Лиджа Кукушкин.

Сотниками в полку были назначены есаул Басан Иванович Абушинов, есаул С. Г. Ушаков, сотники Барвус Учурович Куберлинов и Сте-

пан Андреевич Павлов. Взводными офицерами являлись сотник Батыр Шалвурович Барманжинов, хорунжий Э. С. Буринов. Форма казаков полка: синие шаровары с желтыми лампасами, гимнастерка защитного цвета, фуражка с черноплющевым ободком и желтым верхом, кокарда. Знамя полка: изображение древнего калмыцкого бога войны – на желтом полотне «ЯМАН ДАГА» на темно-гнедом коне, длина полотна 1 м, ширина 75 см, с трех сторон бахромы длиной 3–4 см.

На укрепление нового полка более подготовленными военными, имевшими боевой опыт, и с целью пополнения младшего командного состава Зюнгарский полк направил в 3-й Донской Калмыцкий полк 75 калмыков-казаков во главе с сотником А.У. Абушиновым. В Персияновском лагере 3-й Калмыцкий полк проходил обучение и готовился к боевым действиям до осени 1918 г. В «Молодой армии» наряду с казачьими полками были сформированы 1 тяжелая и 6 легких донских конных батарей, из них 2-я батарея носила название «Калмыцкая» (командир – войсковой старшина Алексей Иванович Афанасьев) [159].

Вскоре, 22 мая (4 июня) 1918 г., Донской атаман П. Н. Краснов подписал «Декларацию Всевеликого Войска Донского». В ней констатировалось, что Войско Донское, стремившееся вместе с Временным правительством довести страну до Учредительного собрания, ныне не может признать власть народных комиссаров, и провозглашает «себя самостоятельной Донской демократической республикой», и вступает «на путь борьбы с советской властью» [160]. В сентябре 1918 г. Большой круг переизбрал П. Н. Краснова на пост Донского атамана. Его Донская армия к этому времени представляла весьма внушительную силу, численность которой достигала до 52 тыс. казаков, на вооружении имела 80 орудий, 270 пулеметов, 68 самолетов, 14 бронепоездов [161].

С осени Зюнгарский полк в составе различных соединений Донской армии активно включился в упорные боевые действия на территории Сальского округа против конных частей Красной Армии. Ему пришлось осенью 1918 г. выдержать ряд трудных боев в районе калмыцких станиц Граббевской, Бурульской, Беляевской и Чоносовской, а также станицы Андреевской, на Новочеркасском направле-

нии, где к нему присоединился 3-й Донской Калмыцкий полк, входивший в состав 1-й Донской казачьей дивизии.

В начале 1919 г., как писал П. Н. Краснов, положение на фронте Донской армии было очень тяжелым, но не безнадежным. Особенно тревожная обстановка складывалась на Северо-Восточном фронте, по свидетельству генерал-майора А. В. Голубинцева, всюду было скверно, фронт разваливался и откатывался к югу почти без сопротивления, открывая красногвардейцам дорогу на Новочеркасск. К тому же обострилась политическая ситуация в руководстве Войска Донского. В связи с решением Войскового круга Всевеликого Войска Донского, состоявшегося 1–2 (14–15) февраля 1919 г., об отставке командующего Донской армией генерал-лейтенанта С. В. Денисова и начальника ее штаба генерал-майора И. А. Полякова, П. Н. Краснов, являясь противником объединения двух армий – Донской и Добровольческой, отказался от должности Донского атамана.

Войсковой Круг 2 февраля 1919 г. на закрытом заседании 2-й сессии постановил: «Отставку Донского атамана П. Н. Краснова принять». Обязанности Донского атамана были возложены на генерал-лейтенанта А. П. Богаевского. Постановление подписали: председатель Круга В. А. Харламов, товарищи председателя Н. Е. Парамонов, И. Ф. Быкадоров, П. Р. Дудаков, И. Зенков, Б. Н. Уланов, К. Попов и секретарь Ф. Д. Крюков.

6 (18) февраля Большой Войсковой круг избрал войсковым атаманом А. П. Богаевского. За день до избрания, 5 (17) февраля 1919 г., А. П. Богаевский, согласовав кандидатуры с главкомом Вооруженных сил Юга России А. И. Деникиным, подписал приказ о назначении генерал-майора В. И. Сидорина командующим Донской армией, начальником ее штаба – генерал-лейтенанта А. К. Кельчевского [162].

В самый активный период борьбы казачества, в том числе и калмыков-казakov, с большевиками умер бакша буддийского духовенства донских калмыков Монко Барманжинов. В сложное время войны без выборов, с общего согласия в должность бакши донских калмыков вступил Шургучи Нимгиров, бакша хурула Батлаевской

станции. Он был признан Донскими властями и в 1919 г. его официально посетил Донской атаман А. П. Богаевский.

К этому времени Донская армия, полностью подчинявшаяся в оперативном отношении Вооруженным силам Юга России (ВСЮР) под единым командованием А. И. Деникина, подверглась реорганизации: фронты были преобразованы в армии (1-я, 2-я и 3-я), а группы, отряды – в корпуса, дивизии по 3–4 полка. 80-й Зюнгарский Донской калмыцкий полк был введен в состав 9-й Донской конной дивизии, 3-й Донской калмыцкий полк – в состав 1-й Донской конной дивизии 2-й Донской армии (бывший Северный фронт). Зюнгарский Донской калмыцкий полк в первой половине 1919 г. в составе Донской армии участвовал в боевых действиях в районе Донецкого бассейна, который А. И. Деникиным рассматривался как важный стратегический плацдарм для будущего наступления на Москву.

Донская армия по приказу войскового атамана А. П. Богаевского в мае 1919 г. подверглась новой реорганизации: три армии были преобразованы в корпуса, корпуса – в дивизии, дивизии – в бригады по три полка. К середине 1919 г. Донская армия насчитывала 4 корпуса. С 22 июля (4 августа) по 8 (21) сентября 1919 г. Зюнгарский Донской калмыцкий полк вместе с 14 донскими полками участвовал в знаменитом глубоком конном рейде 4-го Донского отдельного конного корпуса генерала К. К. Мамонтова по тылам советского Южного фронта. Наряду с важным военным и политическим значением – нанесен ущерб тылам красных, на некоторое время облегчил положение белых на Дону. Результаты рейда корпуса К. Мамонтова в то же время имели негативные последствия. Многие участники похода, награбив имущество и ценности, после возвращения устремились в тыл, чтобы доставить «трофеи» домой. Впоследствии адъютант полка С. Б. Балыков писал: «По выходе полков из рейда все, кто могли, тем или иным путем уехали по домам отвозить добычу. Уехал и есаул Забазнов [временный командир полка. – К. М.]. Не оставалось ни одного офицера, которому можно было бы со спокойной совестью доверить полк». С этого времени, как отмечают исследователи, корпус Мамонтова стал таять, и его дух – угасать, терять боеспособность. Зюнгарский Донской полк не стал исключением, эта «эпиде-

мия» постигла и его личный состав. К этому времени и 3-й Калмыцкий полк, входивший в 1-ю Донскую конную дивизию 3-го Донского отдельного корпуса, понес большие потери, и в нем осталось всего 211 штыков, 120 сабель и 6 пулеметов [163].

Вообще, если до сентября–октября 1919 г. Белому движению на Юге, как известно, сопутствовал успех, то с этого времени наступил в нем перелом не только в военно-оперативном отношении, но и в настроениях казачества, а по существу, в Гражданской войне в России. Этому способствовали победы Красной Армии в крупных операциях, усиление политической, идеологической работы, изменение с весны 1919 г. политики партии большевиков по отношению к казачеству, активизация деятельности Казачьего отдела ВЦИК, Донского бюро РКП(б) (с сентября 1919 г. Донской комитет РКП(б)), Ростово-Нахичеванского РКП(б) по мобилизации трудового казачества на борьбу за советскую власть, а также по разложению Донской казачьей армии. С этой целью Донкомитет РКП(б) в октябре 1919 г. организовал рассылку всеми парткомитетами и ревкоматами открытых писем, обращений к донским казакам, крестьянам Дона и др.

Войска Юга России А. И. Деникина, терпя поражение за поражением, особенно после сдачи в начале января 1920 г. Ростова-на-Дону, в феврале Егорлыкского сражения (в числе награжденных начдивизий 1-й Конной армии орденом Красного Знамени был О. И. Городовиков), потери Ставрополя, Батайска, Тихорецка, почти дезорганизованные, за исключением отдельных соединений, в марте 1920 г. под ударами частей Кавказского фронта (командующий – М. Н. Тухачевский) стали отступать на юг, к Черноморскому побережью, Тамани, Адлеру, Анапе, Новороссийску. В данной ситуации генерал А. И. Деникин принимает решение об эвакуации за рубеж раненых и больных военнослужащих, а также членов семей и родных офицеров, перебрасываемых вместе с воинскими подразделениями на Крымский полуостров. Затем А. И. Деникин своим приказом за № 2899 от 22 марта 1920 г. назначил генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР), который сосредоточил в своих руках « всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений » [164].

На одном из последних пароходов с гражданскими беженцами, уходившем 25 марта 1920 г. из Новороссийска на остров Лемнос, находились несколько калмыцких семей, в том числе и Б. Н. Уланов, член Донского правительства, Авэ Годинович Буринов, бакша станицы Платовской, Б. Б. Сусинов, атаман станицы Беляевской, в Гражданскую войну в Донской армии, Шургучи Нимгирович Нимгиров, бакша станицы Батлаевской и временно исполнявший должность ламы буддистов донских калмыков, и другие семьи. По свидетельству эмигрантов, Шургучи Нимгиров умер в том же году, а по другим источникам – в 1921 г.

Одним из боеспособных соединений Донской армии, успешно выполнявшим роль ее арьергарда при движении к Новороссийску, являлся 4-й Донской конный корпус (командир – генерал-лейтенант А. А. Павлов, с марта 1920 г. генерал-майор Н. П. Калинин), в состав которого входил 80-й Зюнгарский калмыцкий полк под командованием полковника Г. Э. Тепкина. 80-й Зюнгарский полк 20 апреля (3 мая) 1920 г. активно участвовал в сдерживании натиска частей Красной Армии под Новороссийском, где шла погрузка кораблей, отходивших на Крымский полуостров с остатками белой армии. Полк обеспечил благополучную погрузку и отправку всех кораблей, вплоть до последнего. Затем полк Г. Тепкина вместе с 4-м Донским конным корпусом недалеко от Адлера, у рыбацкого поселка Новый Городок, был погружен на транспортный пароход «Россия», который на следующий день в 8 часов утра прибыл в Феодосию. Доставку людей к пароходу осуществляли английские матросы на моторных лодках. Как вспоминал Д. А. Цимлов, сотник 23-го Донского казачьего полка 4-го Донского конного корпуса: «К полудню подошел большой транспортный пароход «Россия», погрузка на него продолжалась до вечера, был погружен весь Донской корпус, все донские беженцы и много калмыков с их семьями». По утверждению же генерал-майора А. В. Голубинцева, командира 14-й Донской отдельной конной бригады, 4-й Донской конный корпус, в том числе и Зюнгарский полк, был погружен на английские военные корабли. Он вспоминал: «На рейде стояло несколько английских военных кораблей. Погрузка на военные суда уже началась. Грузился калмыцкий полк. Ан-

глийские матросы на шлюпках перевозили на корабли только людей с винтовками, даже седел не разрешалось брать с собой» и беженцев [165]. Наиболее достоверными являются сведения Д. А. Цимлова, поскольку на Крымском полуострове оказалось значительное количество калмыцких семей, которых пришлось вывозить в Сальский округ с установлением советской власти на Дону.

Главкомандующий Вооруженными силами на Юге России П. Н. Врангель в мае того же года переформировал казачьи части, прибывшие с Черноморского побережья. Донская армия была преобразована в Донской корпус (командир – генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов) в составе двух конных и одной пешей дивизий. Во 2-ю Донскую конную дивизию (начальник – генерал А. П. Попов, начальник штаба – полковник С. Я. Соболевский) был включен Зюнгарский Калмыцкий полк (командир – полковник Г. Э. Тепкин (умер в июле), с августа полковник И. Д. Бобров), имевший 400 сабель и 14 пулеметов [166].

Судьба 3-го Калмыцкого полка, причисленного к 1-й Донской гвардейской дивизии (командир – генерал-майор В. А. Дьяков), оказалась более трагической. Для погрузки дивизии В. Дьякова в Новороссийске не хватило транспортных судов. Командир 3-го Калмыцкого полка полковник Н. П. Слюсарев, забрав знамя полка, оставил его личный состав на произвол судьбы в порту Новороссийска, и с другими офицерами бежал в Крым на французском миноносце. Оставшиеся без старших офицеров полки дивизии, бросив орудия, все что мешало, мелкими группами стали пробираться на пароходы, а некоторые – в горы. Основная часть 3-го Калмыцкого полка (до 300 человек) с большой группой беженцев из калмыцких станиц, по свидетельствам П. Джевзинова и С. Б. Балыкова, вынуждена была недалеко от Новороссийска сдаться красным. Все они были включены в соединения Красной Армии, воюющие с войсками Польши [167].

Первоначально Зюнгарский полк располагался в окрестностях города Феодосия, а затем был передислоцирован в район города Сарабуз (в 18 км восточнее от Симферополя), где недалеко находился лагерь калмыцких беженцев. В период формирования (лето 1920 г.) Зюнгарский калмыцкий полк пополнялся до полного комплекта

за счет успевших эмигрировать калмыков-казаков, отдельных бойцов 3-го Калмыцкого полка, а также других частей. Например, в его состав перешли 80 калмыков-казаков из 13-го Павлоградского гусарского полка.

В июне–июле 1920 г. Зюнгарский калмыцкий полк находился в составе Донского корпуса (командир – генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов), дислоцированного на участке от Азовского моря в районе Ногайска до Вальдгейма. В августе – октябре 1920 г. Зюнгарский полк уже участвовал в боевых действиях армии (Заднепровской операции) П. Н. Врангеля в районах Мелитополя, Каховки, Орлянска, затем Бердянска, Верхне-Токмака и Большого Токмака, Юльевки, Черниговки и Семеновки, в районах Богемки и Чирик [168].

Не меньшая драма постигла на Черноморском побережье и мирных калмыцких беженцев, в числе которых оказались не только семьи сражающихся калмыков-казаков на стороне белых, но и те, которые не были причастны ни к тем и ни другим, а просто бежавшие от страха разгула и бесчинств различных отрядов «освободителей». Вслед за беспорядочно отступавшими частями белой армии через сальские степи, мирное калмыцкое население, поддавшись агитации, паническим слухам, в декабре 1919 г., в зимнюю стужу, пургу в бричках, запряженных волами, двинулось со своим скотом, имуществом. Ростовский краевед А. Подгорный в записке «История революционной борьбы в Сальском округе» отмечал: «Калмыки, связав свою судьбу с белой армией, перешли в положение кочующего народа». Полковник В. В. Добрынин вспоминал: «А вот тянется группа донских калмыков и калмычек в их цветных национальных костюмах. Прежде они шли громадным табором с обозами и всем домашним скарбом. Мало-помалу волы, лошади и верблюды выбивались из сил и гибли в липкой грязи чернозема. А люди все шли и шли дальше в надежде найти спасение от ужасов большевизма...». Позже один из беженцев из этого потока, П. Джевзинов вспоминал: «Сколько народу погрязло и погибло в екатеринодарской весенней черной грязи» [169].

Основная масса беженцев-калмыков дошла до Екатериндара в марте – апреле, дальше она не смогла пробиться к мосту через реку Кубань, занятую отступавшими частями белой армии. Лишь немно-

гие одиночные беженцы сумели просочиться через мост с военными. Простояв зимой на берегу реки более месяца, те беженцы, которые были в состоянии еще передвигаться, решили возвратиться в родные края, домой. Но в пути они были разграблены, порублены разными бандами. Оставшиеся около 5 тыс. калмыков-беженцев из-под Екатеринодара вернулись в свои станицы лишь к лету 1920 г. совершенно нищими, но многие еще оставались там, не имея средств выехать. А. Подгорный писал: «Богатейшие стада калмыков попали Красной Армии и иногородним. Станицы наполовину стали мертвыми. Например, у калмыка Держанова (станция Иловаяская) из 30 лошадей осталась только одна, из 150 крупного рогатого скота – лишь две коровы, из 3000 овец не осталось ни одной». Общая картина разоренного Донского края, на примере состояния Великокняжеского района, показана в работе С. А. Кислицына, где он, опираясь на повествование рядового казака, пишет: «Широко раскинулась степь. Кругом безбрежно море яркой сояной зелени, но густо заросли торные дороги, не слышно обычного в это время шума косилок, не видно многочисленных табунов лошадей и стада скота – этой красоты и гордости Донского края. Вокруг полусожженных станиц бродят жалкие остатки былого богатства края – десятки тощих после чумы коров. Лошадей почти всех угнали большевики, остатки растащили кубанцы. Населения почти нет: его из-за Маныча (куда отступали казаки калмыки) вернулась едва половина, а тиф унес, да и продолжает уносить массу жертв. Нет хлеба, а поля остались незасеянными. Нет косилок, а луга обещают небывалый урожай» [170].

В апреле 1920 г. Х. Б. Кануков, политком конной дивизии 10-й Красной армии, член Сальского окружного ревкома, в своем обращении «К донским калмыкам» отмечал: «Прошла революционная буря, Деникин с бандитами грабителей, своими приспешниками остались печальной памятью прошлого. Посмотрите теперь, что же осталось... горе, разорение. Где же обещанные вам атаманами блага, где вожаки ваши, которые восхваляли порядок Деникина, они ушли, ушли, забрав все ценное, ... оставили вас расплачиваться за содеянные ими злодеяния... Кто оставил вас в роли побежденных врагов трудового народа? Кто забрал ваши стада, табуны... почему из 35 тыс. вас осталось не более

15 тыс., почему моложе восьмилетнего возраста вымерло... Вас, насильно оторвав от насиженных мест, погнав с собой, бросили на произвол судьбы на берегу Черного моря... Несомненно, ясно теперь, что все трудовые калмыки должны идти с трудовым народом на страже революции... только труд и знание могут спасти нас...» [171].

В этом обращении Канукова, прежде всего, проявилось его злорадство над своим народом, «потянувшимся в сторону золотопогонников». В нем видны, действительно, как писал Санджи Балыков, «заученные казенные фразы большевистских брошюр или митинговых речей» [172].

Правитель и главнокомандующий ВСЮР Врангель предпринял попытку объединить усилия казаков Дона, Кубани, Терека и Астрахани в борьбе с большевиками. С этой целью 22 июля 1920 г. он подписал с их атаманами и председателями правительств соглашение. Последние (в том числе председатель астраханского правительства Санджи Баянов) наделялись полномочиями участвовать в Совете при правителе и главнокомандующем с правом решающего голоса. На фотографии запечатлены участники заседания Совета, состоявшегося 23 июля 1920 г. под председательством П. Н. Врангеля.

Армия П. Н. Врангеля осенью 1920 г. в Крыму потерпела окончательное поражение, и вместе с ним закончилась вооруженная борьба казаков с большевиками. 29 октября (11 ноября) 1920 г. части Красной армии вошли в Крым, и белой армии 17 ноября пришлось отходить к портам, где уже были приготовлены и распределены между ее соединениями и подразделениями суда для погрузки. Частям Донского корпуса был назначен для погрузки порт в Керчи, где уже стояли суда «Мечта», «Екатеринодар», «Самара», «Поти» и др. 3 (16 ноября) 1920 г. последними были погружены конные части 1-й (командир – генерал-лейтенант Калинин) и 2-й (командир – генерал-лейтенант Гусельщиков) донских казачьих дивизий, служившие заслоном отступавшей пехоте, и штаб Донского корпуса (начальник – генерал-лейтенант Говоров).

В Белом движении на Дону активно участвовали калмыки-казаки не только в качестве рядовых, но и командиров различных подразделений и частей, многие из которых приобрели боевой опыт на фрон-

тах Первой мировой войны, заслужили боевые награды. Ниже приводится список офицеров-калмыков, сражавшихся в рядах Донской армии, Вооруженных Сил на Юге России.

Абушинов Александр Учурович, сотник, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер.

Абушинов Басан Иванович, подъесаул.

Абушинов Петр Буктинович, хорунжий, ст. Чунусовская.

Абушинов, сотник.

Абушинов, хорунжий.

Алексеев Абуша Апелевич, войсковой старшина, ст. Граббевская.

Алювинов Лиджа Бадьминович, хорунжий, ст. Платовская.

Андреев Николай Батырович, хорунжий, ст. Граббевская.

Андреев Санжа, хорунжий.

Бакинов Борис Пенкинович, хорунжий.

Балзанов Гарри Дордулевич, полковник, Астраханское казачье войско.

Балинов Эрдне Стоянович, хорунжий, ст. Ново-Алексеевская

Балинов, юнкер.

Балыков Санджа Басанович, хорунжий.

Банинов Борис Кемкинович, сотник, ст. Платовская.

Баранов Тирчур Санжинович, хорунжий.

Баранов Шургуча Санджеевич, хорунжий.

Барманжинов Батыр Шалвурович, хорунжий, ст. Платовская.

Бархаринов, подхорунжий, ст. Денисовская.

Батырев Андрей (Азман) Антонович, полковник.

Бембинов Ашея Немгирович, хорунжий.

Бембинов Борис Харитонович (Хатенович), хорунжий.

Бембинов Лиджа Белтрунович, хорунжий.

Богеев Чапа Антонович, хорунжий, ст. Граббевская.

Боринов, хорунжий, ст. Платовская.

Барманжинов Л.Ш., хорунжий, ст. Платовская.

Буджалов Михаил Сергеевич, подъесаул, ст. Власовская.

Буринов Манчуда Дономадинович, хорунжий.

Буринов Эрдне Саранович (Сарникович), подъесаул, ст. Платовская.

Виноградов Лиха, хорунжий.

Гурюмов (Чурюмов) Чимид Кубертинович, юнкер.

Давидов, подхорунжий, ст. Платовская.
Даков Басан Учурович, хорунжий, ст. Платовская.
Даржинов Санжа Сагинович, хорунжий, ст. Бурульская.
Дельдинов Санжа Бембинович, хорунжий.
Джамбинов Бадьма Басанович, хорунжий, ст. Иловайская.
Джеджинов, вахмистр, ст. Власовская.
Джиданов Лавга Санжинович, хорунжий.
Джувинов Церен Пурвинович, подхорунжий, полный Георгиевский кавалер, участник Первой мировой войны, ст. Платовская.
Джугавинов Санжа, сотник.
Джунгуров, подхорунжий, ст. Кутейниковская.
Дивинов Шукур, подъесаул, ст. Иловайская.
Доронов Василий Чельдинович, хорунжий.
Дундуков (Семен Алексеевич), подхорунжий, участник Первой мировой войны, служил в 5-м Донском казачьем генерала Власова полку.
Зодьбинов Даржа Эрл., хорунжий.
Зодьбинов Санжа Савельевич, хорунжий, ст. Батлаевская.
Иванов Придне Ильич, хорунжий.
Иванов Эрдне Ильич, хорунжий, ст. Граббевская.
Илаков Эренасен Менькович, хорунжий, ст. Кутейниковская.
Илюмжинов Бадьма Басанович, хорунжий, ст. Чунусовская, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер.
Илюмжинов Цыган (Цаган) Бугантинович, хорунжий.
Куберлинов Борис Учурович, подъесаул, ст. Граббевская.
Кусинов Санжа Баргинович, хорунжий, участник Первой мировой войны.
Кутушов Б., подхорунжий.
Лиджиев Аля Лиджиевич, юнкер.
Маглинов Нурий Илюмжинович, кадет Донского КК (6-го класса).
Мангатов Борис Леонидович (Батыр Саксыкович), полковник, участник Первой мировой войны, ст. Денисовская.
Манжиков Бадьма, хорунжий, ст. Денисовская.
Манжиков Николай Лиджанович, хорунжий.
Манцынов Медме Нивгирович, юнкер.

Микулинов Кузьма Чумакович, хорунжий, ст. Платовская.
Мукобенов Бембе Уланович, хорунжий.
Мусов Батыр (Борис), хорунжий, ст. Денисовская.
Настаев Эрдне Эрдниевич, хорунжий.
Николаев Церен-Давид Лавчевич, сотник.
Николаев Эрдне Калтыканович, хорунжий.
Ностаев Эрдне Эрдниевич, юнкер.
Орхусов, подхорунжий.
Пантусов Санжа Пурвинович, войсковой старшина, ст. Платовская.
Ремилев (он же Пальтенкинов) Даржа Иванович, хорунжий, ст. Потаповская.
Ремилев Саран Дамбович, есаул, ст. Потаповская.
Романов Эрдне Бадминович, хорунжий, ст. Эркетинская.
Сапсуков, хорунжий.
Саргинов Александр, подхорунжий, ст. Батлаевская, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер.
Сарсинов Абуша Сарникович, войсковой старшина, Георгиевский кавалер, участник Первой мировой войны, ст. Платовская.
Сасыков Козьма Шурашевич, вахмистр, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер.
Сельдинов Илюмжа, есаул.
Сельнинов Иван Эрескинович, хорунжий, ст. Платовская.
Тепкин Гавриил Эрдниевич, полковник, участник Первой мировой войны, ст. Денисовская.
Тимашев Эрдне, хорунжий.
Уланов Бадьма Наранович, присяжный поверенный, член Донского правительства, член Учредительного собрания.
Уланов Санджарык Дорджиевич, юнкер.
Цакиров Санжа Бенбалович, хорунжий, ст. Денисовская.
Цебеков Бембе Адьянович, подьесаул, атаман станицы Платовской.
Цебеков, подхорунжий, ст. Граббевская.
Церенов Санжа Иванович, хорунжий, ст. Батлаевская.
Цуглинов Хоче, хорунжий, атаман станицы Граббевской.
Чанчинов Николай Шавольдинович, хорунжий, ст. Денисовская.
Черюмов Егор Худжинович, хорунжий.

Чурюмов Андрей Чупинович, хорунжий.

Чурюмов Георгий Джиргович, хорунжий.

Чурюмов Капря Чубанович, коллежский регистратор.

Шарапов Андрей Полякович, подъесаул, участник Первой мировой войны, награжденный 2-й, 3-й и 4-й степени Георгиевского креста.

Шарманжинов Бадьма Шильдрович (Шалвурович), есаул.

Яманов Хабу, подхорунжий, ст. Платовская.

Яманов Э. Л., сотник, участник Первой мировой войны [173].

Армия П. Н. Врангеля с беженцами в количестве 145693 человека прибыла в Константинополь на 126 судах. В составе Донского корпуса (командир – генерал-лейтенант Абрамов) находилось почти 22 тыс. военных и 6515 гражданских лиц. В конце ноября 1920 г. в лагерь Кабакджа (Турция) прибыли казаки 18-го Донского Георгиевского полка (командир – генерал-майор Долгопят) и калмыки-казаки Донского Зюнгарского полка (командир – полковник С. В. Захаревский), Донской технической полк (командир – полковник Михеев), бригадный лазарет и штаб бригады, общий численный состав которых насчитывал 3236 человек. В декабре 1920 г. из различных частей Донского корпуса 2945 воинских чинов были отправлены на остров Лемнос. В лагере Кабакджа оставалось всего 476 российских эмигрантов, которые вскоре были перевезены в Галлиполи [174].

По ныне не имеется точных сведений о потерях в братоубийственной войне, а также данных о количестве донских калмыцких гражданских беженцев, военных калмыков-казаков, в годы Гражданской войны дошедших до Черноморского побережья, из них эмигрировавших в ноябре 1920 г. за границу. В Турции и Греции (остров Лемнос) калмыков-эмигрантов, по приблизительным данным С. Балыкова, оказалось свыше 3 тыс. человек. Е. Чонов, представитель калмыков-беженцев в Турции, 4 декабря 1922 г. из Константинополя сообщал Калмыцкому представительству при Наркомнаце РСФСР о том, что в Турции проживало около 2600 калмыков, из них уже уехало в Россию более 600 человек. Ныне в Константинополе и в его окрестностях живут почти 1 тыс., из них 750 человек работают, в Болгарии – до 600, Сербии – до 350 калмыков. По воспоминаниям эмигранта Л. Б. Чуж-

гинова, кадета Новочеркасского училища, от 3 до 5 тыс. калмыков только в Турции, на Лемносе – 300–400 человек [175].

В докладе Полномочного представительства РСФСР в Ангоре (Анкаре) от 26 февраля 1923 г. сообщалось, что «общее количество калмыков в Константинополе и Белграде определяется приблизительно в 1500 человек, распределенных почти попалам». К этому времени считалось, что в Россию выехало уже 800 калмыков. Кроме того, представитель Калмыцкой автономной области при Наркомнаце Овше Насунов в начале 1923 г. обратился к полномочным представителям РСФСР в Польше – Оболенскому и в Германии – Крестинскому оказать содействие Калмыкии в возвращении на родину 260 военнопленных-калмыков, находящихся в лагере Турхоля (Польша), и 30 калмыков Донской области, оказавшихся в Германии (лагерь Лихтенхорст). По последней группе людей он просил выяснить то, как они попали в Германию. По моему мнению, «30 калмыков Донской области», по всей вероятности, следует отнести к калмыкам-казакам, воевавшим в составе донских казачьих полков и попавшим в плен в годы Первой мировой войны. Что касается военнопленных в Польше, то это, по всей вероятности, были калмыки-казаки 3-го Калмыцкого полка, после пленения под Новороссийском «добровольно» перешедшие в Красную армию и участвовавшие в войне с Польшей. Но все военнопленные Красной Армии, находившиеся в Польше, были возвращены в Россию еще в 1921 г. В 1923 г. в Польше фактически находилось 30 калмыков (в Люблине), а также немного калмыков (вместе с бывшими чинами белой армии в лагерях Трухоля, Калиша, Стржалкова) работало на лесных работах в Бедоужской Пуще и около г. Августова.

Помимо указанных данных, в докладе представителя Калмыцкой автономной области при Наркомнаце О. Насунова сообщалось, что по состоянию на май 1923 г. из эмиграции уже прибыли и расселены в Донской области и Калмыцкой автономной области 800 калмыков-эмигрантов, еще 200 калмыков-эмигрантов находятся в пути. По данным Э. Хара-Давана, к 1923 г. уехало до 1000 калмыков-эмигрантов, а за границей осталось не более 1000 человек, из них в Сербии – 200, Болгарии – 16 (по документам, представленным в Президиум ВЦИК,

проживало 87 калмыков), в Чехии – 30 учеников и 5 семей учителей, а также С. Б. и Б. Улановы, в Турции – 600 калмыков [176].

В начале 1921 г. заместитель наркома по делам национальностей РСФСР О. Я. Карклин и руководитель Калмыцкого представительства при Наркомнаце А. М. Амур-Санан, обосновывая необходимость возвращения из эмиграции калмыцкой интеллигенции, которые являлись грамотными и подготовленными специалистами, писали: «Калмыки, проживающие в степях Астраханской, Ставропольской губерний и Донской области, в 1918 г. оказались в водовороте Гражданской войны, которая стихийно приняла грозную форму... Великая паника охватила народ, который, видя свою неминуемую гибель и не давая себе отчета в происходящем, заметался... население, будучи терроризировано, охвачено паникой и ужасом... с появлением добровольческой армии в 1918 г. ... в большом количестве перешло на ее сторону в поисках спасения... С вступлением в степи Красной Армии часть калмыков бежала вместе с белыми».

Президиум ВЦИК, рассмотрев предложение Наркомнаца о возвращении калмыков в Россию с целью обеспечения Калмыцкой автономной области квалифицированными кадрами, 28 апреля 1921 г. принял постановление амнистировать 28 калмыков-эмигрантов (С. Баянова, Э. Хара-Давана, О. Босхомджиева, Хундаева, Б. Уланова и Д. Уланову, С. Уланова, Теменникова, Ц. Манджиева, Б. Эрендженова, Васькиева, Такиева, Ташуева, Анканова, Е. Чонова, Буринова, Шембекова, А. Алексеева, Пунцукова и др.). Вскоре, 3 ноября 1921 г., Президиум ВЦИК принял постановление, объявившее полную амнистию лицам, служившим в белой армии в качестве рядовых и находившимся вне пределов РСФСР. В нем отмечалось, что «Советская власть не может равнодушно относиться к судьбе этих рабочих и крестьян, которые, поняв свои заблуждения, стремятся вернуться на Родину, чтобы здесь своим трудом искупить свои ошибки и помочь восстановлению народного хозяйства». Наркомнац, изучив потребности Калмыкии в кадрах, 6 апреля 1922 г. в соответствии с названным выше постановлением принял решение – ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК о эвакуации 2 тыс. калмыков-эмигрантов из Турции

и других стран, просить Совет Труда и Оборона (СТО) выделить на эти цели 12 тыс. рублей [177].

Президиум ВЦИК, рассмотрев предложение Наркомнаца, принял 2 октября 1922 г. постановление (протокол № 66/м) о разрешении 2000 калмыкам-эмигрантам (бывшим врангельцам) вернуться на родину. Обсудив прошение Наркомнаца о предоставлении бесплатно проезда по морским и железнодорожным путям 2000 калмыкам-эмигрантам, СТО 15 июня 1923 г. принял постановление (протокол № 416): «Предложить НКПС перевезти 2000 калмыков-эмигрантов, не взимая с них платы. Поручить НКПС и Наркомату финансов установить способ покрытия убытков, понесенных НКПС от этой операции». Наркомат финансов подготовил проект сметы расходов в сумме 942,33 червонцев, необходимых на возвращение 2 тыс. калмыков-эмигрантов на судах Черноморского флота, и представил 7 августа 1923 г. в СТО [178].

В результате Гражданской войны донские калмыки понесли невосполнимые потери. К началу 1920 г. калмыцкое население на Дону сократилось более чем вдвое – многие погибли в братоубийственной войне, молодые калмыки-казаки, участники Первой мировой войны, воевавшие на стороне белой армии, вынуждены были покинуть родные места и эмигрировать за границу. В числе 28,5 тыс. донских казаков, ушедших за границу вместе с войсками генерала Врангеля, были свыше 3 тыс. калмыков-казаков, многие из которых были участниками Первой мировой войны, имевшими государственные награды, офицерские чины. По далеко не полным данным, среди них были свыше 70 боевых офицеров-калмыков, тысячи рядовых калмыков-казаков, участников Великой войны, заслуживших офицерские чины за период участия в Великой войне, награжденных знаками военной доблести – орденами, почетным Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами, Георгиевскими медалями и др., в том числе четыре полковника, а также четыре полных Георгиевских кавалера.

Примечания:

1. ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 525. Л. 58–58 об., 66; Донские епархиальные ведомости. № 36. 1911. С. 1005–1007.
2. Там же. Д. 494. Л. 44–45, 146, 191.
3. Там же. Д. 494. Л. 215–215 об.

4. Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3412. Л. 5 об., 15–16.
5. Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 603. Л. 307–308, 337; Ф. 46. Оп. 1. Д. 3412. Л. 8; Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 12. Новочеркасск, 1914. С. 6.
6. ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 603. Л. 295–308, 337.
7. Там же. Д. 603. Л. 89, 173, 364.
8. Там же. Д. 603. Л. 345 об.; Д. 628. Л. 239.
9. *Кострюков*. Краткое статистическое обозрение области Войска Донского. Новочеркасск, 1907. С. 8 – 9.
10. Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М. 2008. С. 67, 91.
11. Там же. С. 69; Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М., 1925. С. 22; Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год. (II часть гражданская). Новочеркасск, 1915. С. 48–49.
12. *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста, 1999. С. 254; ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 758. Л. 4; Д. 674. Л. 336.
13. Россия накануне Первой мировой войны... С. 13; *Команджаев А. Н.* Указ. соч. С. 248; ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 230.
14. ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 228, 230, 318–319; Ф. 46. Оп. 1. Д. 3636. Л. 3–4, 10, 13 об. – 14, 15; Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год (II часть гражданская). С. 5.
15. ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 81, 163, 226; Д. 712. Л. 1–26; Вольное казачество. 10 июня 1933 г. № 130. Прага. С. 14; Ковыльные волны (Цаган овсни дольган). Париж, 1932. С. 27; Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год. (II часть гражданская). С. 2, 3, 4, 5, 8, 62.
16. *Воскобойников Г. Л.* Казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Ростов-на-Дону, 1995. С. 26.
17. *Ростовцев Ф.* 4-я Донская казачья дивизия в Русско-японскую войну. Киев, 1910. С. 7–8; *Рыжкова Н. В.* Донское казачество в войнах начала XX века. М., 2008. С. 20; *Скорик А. П.* 1-й Донской округ: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2012. С. 186.
18. *Городовиков О. И.* В боях и походах. Воспоминания. М., 1979. С. 32; Донские епархиальные ведомости. № 36. 1911. С. 1004.
19. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия сухопутных войск. Сборник документов. Воениздат НКО СССР. М., 1941. С. 378; *Воскобойников Г. Л.* Указ. соч. С. 52.
20. *Ростовцев Ф.* Указ. соч. С. 461, 470 – 471.
21. Там же. С. 115; *Добрынин В. В.* Донцы в Маньчжурии. Путевые, походные и боевые воспоминания и краткая историческая справка 3-й Донской казачьей батарее. Новочеркасск, 1907. С. 70.
22. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия сухопутных войск. С. 362, 370, 374; *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007. С. 414.

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

23. Русско–японская война в сообщениях Николаевской академии Генерального штаба. Часть 2. СПб., 1907. С. 81, 98, 101, 104; История Русско-японской войны. Т. III. Редакторы-издатели М. Е. Бархатов и В. В. Функе. СПб., 1907. С. 653, 660.
24. Куропаткин А. Н. Записки о Русско-японской войне. М., 2015. С. 342; Воскобойников Г. Л. Указ. соч. С. 96–97.
25. Ростовцев Ф. Указ. соч. С. 459–468.
26. Там же. С. 18.
27. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3652. Л. 1–5.
28. Ростовцев Ф. Указ. соч. С. 19.
29. Там же. С. 8.
30. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 111–113, 3, 4, 6.
31. Из истории движения за национальную школу в Калмыкии. Сборник документов и материалов. Элиста, 1967. С. 11.
32. Донские областные ведомости. 17 июля 1914 г. № 160; Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 211.
33. Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 237.
34. Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 107; НА РК. Ф. И–9. Оп. 1. Д. 355. Л. 47; Государственный архив Астраханской области (Далее – ГА АО). Ф. № Ф – 13. Оп. 1. Д. 55759. Л. 1–3.
35. Донские областные ведомости. 18 июля 1914 г. № 161.
36. Барбара Такман. Августовские пушки / Пер. с англ. М., 1972. С. 125; Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. С. 118–119; Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Изд. третье. В 3 томах. Т. 1. Кампания 1914–1915 гг. Гос. Воениздат Наркомата обороны СССР. М., 1938. С. 244–245; Год войны. С 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты. Воззвания Верховного Главнокомандующего. Донесения от штаба Верховного Главнокомандующего, от штаба Главнокомандующего Кавказской армией, от Морского штаба. М., 1915. С. 7–8; Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 259, 278.
37. Воскобойников Г. Л. Казачество в Первой мировой войне. М., 1994. С. 6–12; Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 82; Нокс Альфред. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. М., 2014. С. 38–40; Восточно–прусская операция. Сборник документов. Госвоениздат НКО СССР. М., 1939. С. 57–58, 186, 223, 329, 347.
38. Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год (1-я часть военная). Новочеркасск, 1915. С. 6–8, 10, 24–25, 32.
39. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–21, 110, 111, 112, 113, 118.
40. Там же. Д. 31 Л. 172; Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год (1-я часть военная). Новочеркасск, 1915. С. 7–8; Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год (2-я часть гражданская). Новочеркасск, 1915. С. 5, 62.
41. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 38. Л. 72–73.
42. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 527–528.
43. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 525.

44. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 30, 72–73, 78, 110, 111, 112, 113, 118; Д. 41. Л. 95; Д. 42. Л. 250. 526–528, 539, 540; Д. 47. Л. 14–15; Д. 81. Л. 106–108; ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 17; Д. 42. Л. 525, 637; Ф. 855. Оп. 1. Д. 128. Л. 8, 9, 18, 26, 28, 41, 166; Донские областные ведомости. № 243. 24 октября 1914 г., № 254. 6 ноября 1914 г., № 267. 21 ноября 1914 г., № 281. 10 декабря 1914 г., № 129. 9 июня 1915 г.; Список именных фотографий в приложениях «Донские областные ведомости» 1915, 1916 и 1917 гг.
45. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3912. Л. 1 –1 об., 3 – 3 об.
46. Там же. Д. 31. Л. 164, 172, 213; Воскобойников Г. Л. Казачество в Первой мировой войне. С. 33, 40.
47. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1914 год. Петроград, 1915. С. 29–30.
48. Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). С. 5.
49. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–7.
50. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
51. Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 112–116; Рыжкова Н. В. Указ. соч. С. 62–63; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 7.
52. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–7.
53. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 4.
54. Брусилов А. А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 96–100; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 5, 6–7, 8.
55. Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 144–147.
56. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 6; Нокс Альфред. Указ. соч. С. 181–182.
57. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
58. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 6–7, 9–10, 112.
59. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 5, 6, 113.
60. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
61. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 6, 7, 9–10.
62. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 5.
63. Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 155.
64. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
65. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 4.
66. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
67. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.
68. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 5, 6, 20.
69. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 7–8; Нокс Альфред. Указ. соч. С. 115.
70. Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 161–163, 194–195, 202–203.
71. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 6.
72. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 6.
73. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 5, 6–7.
74. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 7–8.
75. Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 276–281; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 20–21.
76. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

77. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.
78. *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 351–353; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 7–8.
79. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 8–9; Д. 31. Л. 213–215.
80. *Гордеев А. А.* История казачества. М., 2007. С. 481.
81. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 6–9, 11.
82. *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 216–218.
83. *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 234–235, 244, 248.
84. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4, 7–8, 21.
85. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 5, 9–10, 18–19.
86. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 4, 5.
87. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 6–8, 20.
88. *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 242.
89. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 5, 6, 7–8, 110, 113.
90. *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 242, 244; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 111.
91. *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 238; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 5, 6, 7–8.
92. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4–5.
93. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4–5.
94. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 5–7.
95. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–8.
96. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–21.
97. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–21.
98. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 81. Л. 106–108.
99. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–21.
100. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–21; *Рыжкова Н. В.* Указ. соч. С. 186–191.
101. *Астаиов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 18.
102. *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 15–16; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1960. С. 86; Россия накануне Первой мировой войны... С. 259; НА РК. Ф. И–9. Оп. 4. Д. 1885. Л. 200–200 об., 286–286 об.; Оп. 5. Д. 2291. Л. 116–118, 168–173, 197–198, 202–273.
103. ГА АО. Ф. № Ф–444. Оп. 1. Д. 837. Л. 148, 162.
104. НА РК. Ф. И–9. Оп. 5. Д. 2291. Л. 116–273.
105. *Там же.* Ф. И–9. Оп. 11. Д. 48. Л. 27, 28; Оп. 1. Д. 334. Л. 11–28; Д. 406. Л. 1, 5, 11–17, 22–27, 36, 45–48.
106. ГА АО. Ф. № Ф–444. Оп. 1. Д. 962. Л. 282 об.; Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). С. 22; *Зайончковский А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 49–50.
107. ГА АО. Ф. № Ф–444. Оп. 1. Д. 991. Л. 1, 3, 4, 18, 40, 44; Д. 1009. Л. 1, 4.
108. НА РК. Ф. И–9. Оп. 11. Д. 48. Л. 1.
109. *Там же.* Оп. 11. Д. 48. Л. 8, 10, 13, 15, 20, 21, 28, 32, 34, 56, 61.
110. Астраханский листок. 6 (19) июля 1917 г. № 145.
111. *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 326, 330; *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 263.
112. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Петроград, 1916–1917. С. 142–143, 148–149.

113. НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 30. Л. 3-14, 22-29, 33, 34, 39, 41. 62.
114. НА РК. Ф. И-9. Оп. 13. Д. 4. Л. 11, 15, 16, 24; Д. 30. Л. 1-9, 29-40; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. С. 145-147, 151-153.
115. НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 14, 174; Оп. 6. Д. 1320. Л. 233.
116. *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 67; *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 50; *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 72.
117. НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 11.
118. РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 3.
119. РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 19. Л. 11, 15, 20; НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 516.
120. РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 19. Л. 45-46.
121. Астраханский листок. 2 (15) августа 1916 г. № 164.
122. РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 20.
123. Там же. Д. 19. Л. 31-32.
124. НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 1, 3-9, 79, 515; ГА АО. Ф. № Ф-32. Оп. 1. Д. 864. Л. 5-11, 18-56, 67-75; Астраханский листок. 18 сентября (1 октября) 1916 г. № 200.
125. НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 264, 265, 282; Астраханский листок. 30 сентября (13 октября) 1916 г. № 209 и 4 (17) ноября 1916 г. № 235; ГА АО. Ф. № Ф-444. Оп. 1. Д. 936. Л. 1-4.
126. НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 15, 55, 87, 138, 288-302, 368, 506-508.
127. Там же. Д. 224. Л. 110, 343, 344, 373-381; Астраханский листок. № 146. 8 (21) июля 1916 г.
128. НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 19-21, 29; Оп. 2. Д. 224. Л. 156, 206.
129. Там же. Оп. 2. Д. 224. Л. 38, 40, 54, 128-131, 185-186, 190-191; Оп. 1. Д. 406. Л. 19-21, 29.
130. Там же. Д. 224. Л. 15, 55. 131
131. Там же. Д. 224. Л. 55, 277, 465.
132. Там же. Д. 224. Л. 29-34, 49-52, 55.
133. Там же. Д. 224. Л. 304, 306.
134. Там же. Д. 224. Л. 515, 516.
135. Астраханский листок. 9 (22) декабря 1916 г. № 262.
136. НА РК. Ф. И-9. Оп. 12. Д. 47. Л. 27, 50, 56, 86; *Надбитов Э.-Г. Л.* Отречемся от старого мира... 2-е изд. Элиста, 1989. С. 94.
137. НА РК. Ф. И-9. Оп. 12. Д. 47. Л. 8, 17 - 17 об., 32, 41, 61, 62, 63, 68.
138. Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 381; Оп. 12. Д. 47. Л. 47. *Гурко В. И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917. / Пер. с англ. М., 2007. С. 258; *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 377-378; *Надбитов Э.-Г. Л.* Указ. соч. С. 92.
139. НА РК. Ф. И-9, Оп. 2. Д. 224. Л. 472.
140. Там же. Д. 224. Л. 464; Астраханский листок. 1 (14) февраля 1917 г. № 26.
141. НА РК. Ф. И-9. Оп. 12. Д. 47. Л. 39, 67, 76, 97-99, 101, 105, 110, 111, 118.
142. *Надбитов Э.-Г. Л.* Указ. соч. С. 93.

Глава VI. Калмыки Дона накануне и в годы войн начала XX века

143. ГА РО. Ф.353. Оп.1. Д. 853. Л. 5–9, 12; Д. 878. Л. 6–20, 51; Алфавитный список населенных мест области Войска Донского. Издание областного Войска Донского статистического комитета. 1915 г. Новочеркасск, 1915. С. 29, 37, 67, 89, 107, 135, 155, 203, 209, 391, 443, 477, 635, 651.
144. ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 336; Д. 787. Л. 17–18.
145. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 623. Л. 3 об. – 4.
146. ГА РО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 58. Л. 16 – 17, 20, 24; Д. 123. Л. 97; Д. 128. Л. 2; Очерки истории партийных организаций Дона. Часть 1 (1898–1920). 2-е, доп. издание. Ростов-на-Дону, 1972. С. 381–382.
147. ГА РО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–20.
148. *Поляков И. А.* Донские казаки в борьбе с большевиками: Воспоминания начальника штаба Донских армий и войскового штаба Генерального штаба генерал-майора И. А. Полякова. М., 2007. С. 167–168; Вольное казачество. 25 июля 1931 г. № 83. Прага. С. 10.
149. Начало Гражданской войны. М., 1926. С. 30.
150. Центр документации новейшей истории Ростовской области (Далее – ЦДНИ РО). Ф. 12. Оп. 2. Д. 49. Л. 261.
151. Вольное казачество. 25 февраля 1931 г. № 75. Прага. С. 9–10; Ковыльные волны. Март 1932 г. № 4. Прага. С. 22, 24–25; *Падалкин А. П.* Степной поход и начало казачьих восстаний на Дону. – Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 154–155; *Балыков С. Б.* Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993. С. 236.
152. *Падалкин А. П.* Указ. соч. С. 182.
153. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4137. Л. 6 – 7, 7 об.
154. *Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 134, 139; Родимый край. Май – июнь 1969. № 82. С. 31; *Падалкин А. П.* Указ. соч. С. 148–149, 179; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4137. Л. 6.
155. ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4137. Л. 4 об., 5 – 5 об.; *Поляков И. А.* Указ. соч. С. 312; *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013. С. 38, 200, 787–788.
156. *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.) Элиста, 2006. С. 205; *Ломакин Г. П.* В боях за власть Советов. Боевое содружество русских и калмыков Сальского округа на фронтах Гражданской войны. Изд. 2-е, перераб. Элиста, 1968. С. 28–29; *Воскобойников Г. Л., Прилепский Д. К.* Казачество и социализм: исторические очерки. Ростов-на-Дону, 1986. С. 31; Научный архив КИГИ РАН. Ф. 19. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
157. *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте; В донской станице при большевиках; Всевеликое Войско Донское. М., 2003. С. 229–240; *Падалкин А. П.* Указ. соч. С. 204; *Сергеев В. Н.* Донская республика (1917–1918 гг.). Ростов-на-Дону, 2005. С. 41–42, 84.
158. *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте... С. 236–237; *Гагкуев Р. Г.* Указ. соч. С. 143–144.
159. *Венков А. В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 248.

160. *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте... С. 330; Вольное казачество. 25 июля 1931 г. № 83. Прага. С. 11; *Джевзинов П.* Донские калмыки-казаки в борьбе с большевизмом в 1917–1920 гг. Авторская рукопись. Нью-Джерси, 1968. С. 8.
161. *Владимирцев В. С.* Партия – организатор разгрома контрреволюции на Юге. М., 1971. С. 27.
162. *Голубинцев А. В.* Казачья Вандея. М., 2012. С. 120; *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте ... С. 425, 438.
163. *Гагкуев Р. Г.* Указ. соч. С. 302–303; *Очиров У. Б.* Указ. соч. С. 331; Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 648; *Балыков С. Б.* Сильнее власти: Рассказы и очерки. М., 2014. С. 217; *Кислицын С. А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015. С. 243.
164. *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Часть II. М., 1992. С. 18, 49.
165. *Цимлов Д. А.* Нравственная победа 4-го Донского казачьего корпуса на Черноморском побережье в апреле 19120 года. – Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 578; *Голубинцев А. В.* Указ. соч. С. 251.
166. *Гагкуев Р. Г.* Указ. соч. С. 572, 679.
167. *Мыльников В. С.* Новороссийская катастрофа. – Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004 С. 568; *Джевзинов П.* Указ. рукопись. С. 9; *Балыков С. Б.* Девичья честь. С. 245, 250.
168. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 98; *Врангель П. Н.* Указ. соч. С. 233, 253, 271, 285.
169. *Добрынин В. В.* Борьба с большевизмом на юге России. – Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 77; *Джевзинов П.* Указ. рукопись. С. 3; ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 101. Л. 10.
170. ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 101. Л. 11; *Кислицын С. А.* Указ. соч. С. 245–246.
171. ГА РО. Ф. Р–980. Оп. 1. Д. 2. Л. 211 об.
172. *Балыков С. Б.* Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993. С. 231–232.
173. *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013; *Балыков С. Б.* Сильнее власти: Рассказы и очерки. М., 2014; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4137. Л.13.
174. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1921 гг. Издание Донской исторической комиссии. Белград, 1924. С. 9, 12–13, 45–46, 62; *Врангель П. Н.* Указ. соч. С. 420, 433.
175. НА РК. Ф. Р – 112. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 24, 27, 28, 52, 57; Научный архив КИГИ РАН. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 26, 30; Д. 7. Л. 4.
176. НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 6, 33, 36; Д. 3. Л. 12; *Воскобойников Г. Л., Прилепский Д. К.* Указ. соч. С. 87 – 88.
177. ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 16, 109; НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 2. Л. 2
178. НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 2. Л. 40, 49, 60 – 61, 66.

Глава VII.

ДОНСКИЕ КАЛМЫКИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1920–1943 гг.)

7.1. Установление советской власти в калмыцких станицах и формирование ее органов управления.

Изменения в административно-территориальном устройстве Сальского округа

С установлением в январе – феврале 1920 г. советской власти в станицах Сальского круга (в Кутейниковской станице 22 января, Беляевской станице 15 февраля, Эркетинской станице 18 февраля, Романовской станице 19 февраля и т. д.) начался процесс формирования временных ее органов управления (исполкомов) в селах. В соответствии с декретом СНК РСФСР «О строительстве советской власти в казачьих областях» от 25 марта 1920 г. уже в марте – апреле 1920 г. в станицах и волостях Сальского округа местные советы, возникшие в период революционных событий, сформировали временные исполкомы в следующем составе [1].

Станицы, волости	Кол-во населения	Кол-во членов исполкома	Партийность			Кол-во делега- тов на окрсьезд	Партийность		
			ком.	канд.	б/п		ком.	канд.	б/п
Мокро-Гашунская вол.	6173	4	–	3	1	3	1	–	2
Кутейниковская ст.	656	3	–	3	–	1	1	–	–
Иловайская ст.	1173	3	1	1	1	1	1	–	–
Власовская ст.	821	3	–	–	3	1	–	–	1
Чунусовская ст.	461	3	–	3	–	1	–	–	1
Камен. Балковская вол.	3633	3	3	–	–	2	2	–	–
В-Серебряковская вол.	3186	3	–	3	–	2	1	–	1
Орловская ст.	9504	5	3	2	–	5	3	–	2
Куберлевская вол.	6896	5	2	3	–	5	3	–	2
Зимовниковская вол.	6712	4	2	2	–	4	2	–	2
Беляевская ст.	684	3	–	3	–	1	–	1	
Потаповская ст.	469	3	–	3	–	1	–	–	1

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

М-Николаевская вол.	1075	3	—	1	2	1	—	—	1
Батлаевская ст.	1561	3	—	1	2	1	—	—	1
Андреевская ст.	5632	4	4	—	—	3	1	—	2
Атаманская ст.	6549	4	3	1	—	3	3	—	—
М-Грузская вол.	1911	3	1	1	1	1	1	—	—
Платовская ст.	4617	3	—	3	—	2	1	—	1
Граббевская ст.	1410	3	—	—	3	1	—	1	
Денисовская ст.	4497	3	3	—	—	2	2	—	—
Великокняжеская ст.	21564	7	4	1	2	11	11	—	—
Эркетинская ст.	1180	3	—	3	—	1	—	—	1
Владикав. ж/д	3000				1	1	—	—	
2-я Донская бригада					1	1	—	—	
И т о г о:	93444	78	26	37	15	54	35	—	19

В Сальском округе с населением 93444 человека были сформированы 22 исполкома местных советов крупных районов (15 станичных и 7 волостных) в составе 78 членов, большинство из которых являлись членами партии большевиков (26 коммунистов и 37 кандидатов). От станиц и волостей на предстоящий 1-й съезд советов Сальского округа делегатами с решающим голосом были избраны 54 человека, из них 35 членов партии большевиков и 19 беспартийных. В конце 1920 г. в Сальский округ вошли Ильинская и Мартыновская волости из 1-го Донского округа.

Окружной съезд советов, состоявшийся 8–14 июня 1920 г., обсудил вопросы текущего момента, заслушал доклады президиума временного окрисполкома и его отделов, избрал постоянный окрисполком в количестве 17 человек, делегатов на предстоящий областной съезд советов, в том числе Эрдню Алексея, жителя станицы Граббевской [2].

В первой половине 1920 г. в разрушенные, разоренные станицы, хутора округа начали возвращаться лишенные всего беженцы. В Платовскую станицу вернулись 375 семей-беженцев, из них только в хутор Сухой – 145 семей. С вернувшимися беженцами число ее жителей в первой половине 1920 г. достигло лишь 4617 человек (52 % населения 1917 г.). Население Батлаевской станицы к этому времени по сравнению с 1917 г. уменьшилось на 42,7 % и составило всего 1814 человек, из них 800 вернувшиеся беженцы, в том числе 400 калмы-

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

ков. К октябрю 1920 г. во Власовскую станицу и ее хутора вернулись 420 человек, и их население составило 1241 человека. В 16 станицах Сальского округа, где в основном проживали калмыки, за этот период население сократилось с 85 960 до 56 221 человека, или на 34,5 %, а калмыков-казаков – с 27 865 до 18 529 (на 33,5 %, по состоянию на 1 июня 1920 г.). На Дону калмыцкое население уменьшилось с 32 915 (17 244 мужчин, 15 671 женщина) до 19 355 (на 41,2 %, по состоянию на 1 июня 1920 г.). В связи с переездом значительной части калмыков-казаков во второй половине 1920 г. в Калмыцкую автономную область в Сальском округе к декабрю того же года осталось всего 10 184 человека, в Донской области – 11 010 человек (4 678 мужчин и 6 332 женщины).

В Атаманаской станице количество жителей уменьшилось с 7 240 человек до 6 549, в Беляевской станице – с 976 до 684, Власовской станице – с 4 473 до 821, Граббевской станице – с 3 406 до 1 419, Денисовской станице – с 7 006 до 4 497, Иловайской станице – с 5 879 до 1 173, Кутейниковской станице – с 4 566 до 656, Ново-Алексеевской станице – с 8 255 до 1 075, Орловской станице – с 17 512 до 9 504, Потаповской станице – с 589 до 469, Чунусовской станице – с 1 829 до 461, Эркетинской станице – с 1 391 до 1 180 человек. В административном центре Сальского округа – в станице Великокняжеской население увеличилось с 6 316 до 21 564 человек. Больше всего пострадала станица Бурульская, где накануне 1917 г. проживало 4 147 человек (в том числе 970 калмыков), из них в 1920 г. вернулись всего 111 человек, потеряв все имущество. Один из советских сельских активистов этой станицы о состоянии беженцев говорил: «Зажиточные казаки и калмыки-казаки чуть ли поголовно со всем своим живым и мертвым инвентарем бежали с белыми вандалами, а вернулись с одним кнутиком в руке» [3].

Многие калмыки-беженцы, не имея возможности вернуться, долгое время еще находились в Крыму, в окрестностях Новороссийска. В Сальском округе была создана специальная чрезвычайная комиссия по возвращению калмыков-беженцев во главе с И. С. Шалхаковым. 17 ноября 1920 г. И. Шалхаков обратился в исполкомы калмыцких станиц с предложением собрать с каждой станицы по 30 тыс. руб.

для оказания помощи калмыкам-беженцам, находящимся на Крымском полуострове, вернуться [4].

В связи с сокращением калмыцкого населения в станицах Сальского округа группа инициаторов в составе 9 человек (И. Шалхаков, В. Хомутников, М. Ушанов, Т. Шивидов, П. Шарманжинов, Тугушев, Гольдштейн, С. Павлов, один не установлен) 15 июля 1920 г. провела собрание с повесткой о созыве съезда калмыков Сальского округа. На нем было принято решение ходатайствовать перед Сальским окрисполкомом о разрешении созыва съезда калмыков 5 августа 1920 г. в станице Великокняжеской. Предлагалось на предстоящий съезд направлять 1 делегата от 200 граждан. Это решение инициаторов Отдел управления Сальского окрисполкома рассмотрел 19 июля и разрешил провести съезд калмыков Сальского округа [5].

1-й съезд калмыков Сальского округа Донской области открылся 5 августа 1920 г. в составе 46 делегатов от 13 калмыцких станиц. В рабочий президиум съезда были избраны Иван Шалхаков (председатель), Павел Шарманжинов (товарищ председателя), Тимуд Шивидов и Менько Ушанов (секретари), Сергей Павлов. На съезде намечалось рассмотреть вопросы: 1) Текущий момент; 2) Объединение 13 калмыцких станиц в 5 станиц; 3) Организация трудовых общин; 4) Доклады с мест; 5) Отношение к облисполкому Калмыцкой автономной области; 6) Текущие дела.

На съезде с приветствием выступили представители от Сальского окрисполкома Иванов и окружкома партии Гуревич. Были зачитаны приветствия Х. Б. Канукова, начальника политотдела калмыцких военных частей, и К. Г. Герценберга, представителя Наркомнаца РСФСР в Калмыкии. С докладом о текущем моменте выступили член окружного военкомата Черняков и заведующий политбюро Зайцев. В принятой резолюции по данному вопросу отмечалось: «Мы, калмыки, долгое время находившиеся под гнетом монархизма, со свержением последнего, из-за непросветной темноты вновь попали под власть гнусной контрреволюции во главе с Деникиным, который, пользуясь нашей темнотой, распуская среди нас пагубную провокацию, натравливал нас проливать безвинную братскую кровь в течение 2,5 лет. Освободившись непомерными усилиями доблестной Красной Армии

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

из-под власти белых бандитов, мы клянемся честно исполнять свой гражданский долг перед молодой Российской республикой и искупить свою прошлую вину, защищая с оружием в руках завоевание революции».

Съезд, заслушав доклады представителей калмыцких станиц, констатировал бедственное положение населения, недостаточность продовольствия, одежды, разрушенность жилья и общественных зданий. Выступавшие сетовали на то, что агенты продорганов при реквизиции, не считаясь с тяжелыми материальными трудностями жителей, забирают у них последние домашние животные.

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о вхождении донских калмыков в состав Калмыцкой автономной области. В принятой резолюции по этому вопросу говорилось: «Мы, делегаты 1-го съезда калмыков Сальского округа Донской области, заявляем: Мы, калмыки, прожившие несколько сот лет в Сальском округе и давно покинувшие кочующую жизнь, признаем, что деление на отдельные автономии области является не рациональным ... , поэтому входить в административное управление автономной области не желаем. Остаемся по-прежнему гражданами РСФСР, в административном управлении подчиняемся Сальскому окрисполкому Донской области. Отдельным же калмыкам Сальского округа, желающим на переезд в Калмыцкую автономную область, не возбраняется, но таковые должны выйти из пределов Донской области в Калмыцкую автономную область».

В последний день съезда, 9 августа, подготовку предложений по объединению 13 калмыцких станиц было поручено комиссии в составе Цеденова, Шарманжинова, Шалхакова, Климова и Мухлынова. По организации трудовых коммун предлагалось создать при каждом калмыцком поселении трудовую артель и сельскохозяйственную коммуну. В соответствии с этим предложением исполкомы станичных советов приняли решение «объявить о сплочении в единую трудовую артель и открыть запись граждан в трудовую артель» [6].

Вскоре после съезда в станицу Великокняжескую прибыла делегация из Калмыцкой автономной области в составе членов облисполкома У. Д. Душана, Л. К. Карвенова и Е. М. Сайкова с целью обсуждения вопроса о переселении донских калмыков в Калмыцкую

область. Президиум Сальского окрисполкома, рассмотрев 31 августа 1920 г. предложение представителей Калмыкии и решение 1-го съезда калмыков-казаков, выступил против административного выделения территории с калмыцким населением из Донской области [7].

Советская власть, расправляясь с донским казачеством, представленном как контрреволюционной силой, стала проводить мероприятия не только по территориальному его разобщению, но и по изменению названий населенных пунктов, ликвидации старых административно-территориальных единиц.

В связи с крупными административно-территориальными изменениями в Донской области калмыки-казаки, обеспокоенные подвергнуться территориальному разобщению, стали вносить предложения об объединении калмыцких станиц и сел. В 1920 г. эта проблема неоднократно обсуждалась на заседаниях советов, исполкомов, народных собраниях донских калмыков, а также Сальского окружного исполкома. Всеми было признано, что на данном этапе эту реформу невозможно осуществить из-за материальных трудностей, также из-за начатых административно-территориальных изменений в области.

В марте 1920 г. область Войска Донского, как административно-территориальная единица, была упразднена, и переименована в Донскую область с центром в Ростове-на-Дону в составе Юго-Востока России. Донская область делилась на 10 округов: Верхнедонской, 2-й Донской, Донецкий, 1-й Донской, Сальский, Таганрогский, Усть-Медведицкий, Хоперский, Черкасский, Ростовский. В том же году начался ее территориальный раздел. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 23 марта и ВЦИК от 26 апреля 1920 г. из территории Донской области передали Украине, в создаваемую Донецкую губернию, южную часть Донецкого округа площадью 6093 кв. версты, 1 станицу Черкасского округа (площадь 3718 кв. верст), 1 станицу (Екатерининскую – 482 кв. версты) 1-го Донского округа, Таганрогский округ (11 983 кв. версты).

В 1921 г. во вновь образовавшуюся Царицынскую губернию из Донской области вошли: около 2/3 территории 2-го Донского округа (17 650 кв. верст), Усть-Медведицкий округ без двух станиц (Краснокутской и Чистяковской) площадью 16955 кв. верст, весь Хоперский округ (14 381 кв. верста).

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

Из оставшейся части 2-го Донского и Усть-Медведицкого округов был образован в 1921 г. новый округ – Морозовский. В его состав включили еще 9 волостей Донецкого округа и 4 волости 1-го Донского округа. После всех этих изменений территория Донской области по сравнению с 1917 годом не только уменьшилась вдвое – с 14962487 десятин до 7539119 десятин, но и оказалось раздробленным общественно-политическое пространство донских казаков. В ее составе остались 7 округов (Верхнедонской, Донецкий, Морозовский, 1-й Донской, Ростовский, Сальский и Черкасский), 12 поселений городского типа, 140 волостей.

Произошли изменения во внутреннем территориальном делении округов. В мае 1921 г. в Сальский округ входили станицы на правах волости: Андреевская, Атаманская, Батлаевская, Великокняжеская, Верхне-Серебряковская, Зимовниковская, Ильинская, Каменная Балка, Куберлевская, Кутейниковская, Манычско-Грузская, Мартыновская, Мокро-Гашунская, Орловская, Платовская (Буденновская).

В октябре 1922 г. в Сальском округе из 19 волостей без изменения территории остались лишь 5, изменились границы в 4 волостях, образовалось 7 новых волостей, 10 старых волостей исчезли с карты. Батлаевская волость вошла в состав Денисовской волости, Беляевская и Потаповская – в Атаманскую, Власовская и Чунусовская – в Ильинскую, Граббевская и Манычско-Николаевская – в Манычско-Грузскую, Эркетинская – в Андреевскую [8].

В 1922 г. в Сальский округ входили 16 волостей и 180 населенных пунктов [9]:

Волости	кол-во		
	дворов	жителей	насел. пунктов
Андреевская	753	3730	5
Атаманская	1376	7051	13
Великокняжеская	1523	1228	4
Денисовская	1241	6827	14
Зимовниковская	1277	6759	20
Верхне-Серебряковская	668	3478	7
Ильинская	119	4824	8
Камень-Балковская	748	3895	10

Куберлевская	1187	7049	12
Кутейниковская	656	2858	6
Маныч-Грузская	274	1758	2
Мартыновская	1395	8505	21
Мокро-Гащунская	1034	6435	18
Орловская	1975	10640	15
Платовская	1065	5532	11
Эркетинская	1235	5033	14

Сальский окрисполком, проанализировав в декабре 1920 г. положение в калмыцких станицах и селах, признал, что в Атаманской, Беляевской, Граббевской, Потаповской, Эркетинской станицах отношение к советской власти удовлетворительное, а в Чунусовской, Власовской станицах «враждебное отношение к советской власти». В справке инструктора окрисполкома Ивана Голикова от 23 декабря 1920 г. отмечалось, что в калмыцких станицах «не ведется работа по социалистическому землеустройству, нет ни одной коммуны, артели». Хотя в том году в Сальском округе было зарегистрировано всего 47 коллективных хозяйств (в следующем году сократилось до 35), в том числе 3 земельных объединения с участием 40 человек [10].

В соответствии с циркулярным постановлением Президиума ВЦИК от 9 февраля 1921 г., установившим «производить регулярные перевыборы сельских, волостных, городских и других советов в установленные сроки, а также регулярно созывать съезды советов», Донской облисполком в том же месяце организовал перевыборы местных советов области всех уровней и переизбрание их исполкомов. По сохранившимся документальным материалам отдельных местных советов можно представить состав первых советских органов калмыцких станиц. В калмыцких станицах и их хуторах избирательные комиссии в составе трех человек (как правило, представитель от вышестоящего исполкома, от партийной организации и населения) провели перевыборы в станичные советы и исполкомы на общих собраниях представителей от сел, в хуторские – на собраниях граждан хуторов.

Беляевский станичный исполком был сформирован в составе 6 членов, председателем избран Никита Кондрашов, сочувствующий

РКП(б); Власовский станичный исполком возглавил Реджур Николаев, товарищем был избран Эрдни Лоскутов, секретарем – Иван Сельдинов; председателем Кутейниковского станичного исполкома был избран Архип Москвой, беспартийный, товарищем – Иван Джеваков, беспартийный; председателем Денисовского станичного исполкома – Алексей Озеров, товарищем – Корней Сасыков, член РКП(б); председателем Эркетинского станичного исполкома – Антон Камлиев, секретарем – Кирилл Донец; председателем Чунусовского станичного исполкома – Антонов, товарищем – Санчир Леонтьевич Манжиков, секретарем – Гардей Учурович Даванов; председателем Граббевского станичного исполкома – Даниил Кузьмич Дьяков, секретарем – Александр Алюмжинович Антаканов. При каждом станичном исполкоме были образованы земельный и продовольственный отделы, отделы управления.

Наряду со станичными местными органами власти и управления были образованы исполкомы хуторских советов. Председателями хуторских исполкомов были избраны: Садовского – Бадьма Джальчинов, товарищем – Эрдни Дертинов, секретарем – Даржа Усунцинов (вскоре он был избран председателем); Терновского Власовского сельского совета – Эренжа Чушников; Шарабулукского – Эрдня Кульчинов; Иловайского – Василий Куськинов, секретарем – Немгир Какугинов; Жирного – Менько Какушкин; Зундова – Иван Альчинов; Мало-Никольского – Томутов, секретарем – Унгиринов; Каменского – Невгиров; Эльмута – Дентелинов; Чунусово – Зодьбинов, секретарем – Манжиков; Старохурульского – Дживяков, секретарем – Бурульдушов; Пандинского – Болданов, секретарем – Толтанов; Худжуртинского – Меньков, секретарем – Дальдинов; Гашунского – Чушхунов; Харабулукского – Эрдне Шучинов; Денисовского – Бадьма Уланович Мукубенов; Эльмутинского – Эрдне Андрюшкин; Атаманского – Пюрвя Джебинов; Сальского – Эренжен Лузанов; Терновского Атаманского сельского совета – Саран Кальдинов; Власовского – Конус Долгинов; Жирнова – Иван Даржинов. При исполкомах хуторских советов в обязательном порядке создавались земельные отделы, которые должны были проводить в казачьих селах аграрную политику партии большевиков [11].

Важную роль в решении проблем калмыцких станиц в первые годы советского строительства сыграл 3-й съезд калмыков Сальского округа, состоявшийся 21–23 октября 1921 г. в станице Великокняжеской. Делегатов от 13 станиц с калмыцким населением «18 тысяч душ обоего пола» было избрано 110 человек, из них смогли прибыть на съезд 70. В составе делегатов было зарегистрировано грамотных 66 %, по социальному положению 58 % человек отнесли себя к середнякам, 42 % делегатов – к беднякам.

В рабочий президиум съезда были избраны И. Шалхаков (председатель), Б. Зартынов и Н. Мишкин (товарищи председателя), М. Ушапов и П. Шарманжинов (секретари). На обсуждение съезда были вынесены следующие вопросы: 1) Текущий момент; 2) Доклады с мест; 3) О пресечении грабежей и воровства; 4) О переизбрании членов калмыцкого подотдела окрисполкома; 5) Об организации волостей вместо калмыцких станиц; 6) Текущие дела.

С приветствием выступили: от окружкома партии – Советкин, окрисполкома – заместитель председателя окрисполкома Лемешко. Они же рассказали о положении дел в округе и Донской области. Съезд, заслушав доклады руководителей исполкомов местных советов, принял решение «просить окрисполком оказать помощь продовольствием и одеждой, сельхозинвентарем». В калмыцкий подотдел окрисполкома на новый срок съезд рекомендовал Ивана Шалхакова, Бальджира Тазгирова, Ивана Джевакова, Ладжу Салкина, одна фамилия не установлена (из Бурульской станицы), кандидатами – Николая Мишкина и Василия Куюкинова.

Делегаты съезда, внимательно выслушав предложения по организации волостей, приняли решение: «Обратиться к окрисполкому организовать в административном управлении из 13 калмыцких станиц 4 волости. Намечалось объединить Граббевскую, Бурульскую, Беляевскую, Эркетинскую, Потаповскую, Чунусовскую и Власовскую станицы со всеми хуторами в 1-ю волость с центральным управлением в станице Эркетинской; объединить Ново-Алексеевскую и Иловайскую станицы со всеми хуторами во 2-ю волость с центральным управлением в станице Иловайской; объединить Денисовскую и Батлаевскую станицы со всеми хуторами в 3-ю волость с центральным управле-

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

нием в хуторе Потаповском; Платовскую станицу преобразовать в 4-ю волость». Для подготовки проекта реформы административного устройства съезд сформировал комиссию в составе Церенова, Реджура Николаева, Василия Куюкинова, Александра Антаканова.

Съезд, учитывая резкое ухудшение состояния здоровья калмыцкого населения, наличие значительного количества детей сирот, поручил исполкомам принять меры по открытию в каждой станице медицинского пункта, детского приюта. По имеющимся отрывочным сведениям, только в хуторах Беляевской станицы числилось сирот 28 детей, в хуторах Бурульском, Власовском Эркетинской станицы – 27 детей до 14 лет.

В связи с необходимостью постоянного контакта с окружной властью и оперативного решения возникающих вопросов делегаты съезда обратились к окрисполкому ввести в состав исполкома и в некоторые его отделы представителей от калмыцких станиц.

4-й съезд советов Сальского округа, состоявшийся 5 декабря 1921 г., сформировал окрисполком в количестве 20 человек, в состав которого был включен член РКП(б) Иван Шалхаков, заместитель заведующего отделом управления Денисовского станичного исполкома. Он же был избран на этом съезде советов делегатом от калмыцких станиц на предстоящий Донской областной съезд советов [12].

За годы Гражданской войны серьезно пострадала экономика Сальского округа. Экономическое состояние калмыцких станиц и хуторов округа в 1920 г., по сравнению с 1917 г., выглядело следующим образом [13].

	1917 год	1920 год
Наличие хозяйств	15158	15791
Население – всего,	93421	91147
в т.ч. мужчин	49007	44084
женщин	44424	47063
Наличие голов скота:		
Лошадей:		
старше 4-х лет	61081	4342
до 4-х лет	11947	1522
Волов	54595	17713

Коров	63110	22969
Овец	435982	26150
Свиней	52495	21692
Всего скота	679210	94388
Посевы в десятинах:		
Озимая рожь	42252	12728,5
Пшеница:		
озимая	17127	1210,1
яровая	108939	3539,1
Ячмень	100312	13436
Овес	12040	338,5
Гречиха	41	84,8
Проса	6725	2365,7
Картофель	607	235,8
Лен	1647	136,8
Кукуруза	135	101,8
Конопля	10	8
Подсолнечник	216	141,6
Горчица	3507	1557,8
Бахчевые	5625	3099,1

Таким образом, несмотря на незначительное сокращение (2,5 %) населения округа в течение трех лет, заметные изменения произошли в его структуре. В общем количестве населения округа женщин увеличилось с 47,5 до 51,6 %, а за годы войны мужчин уменьшилось с 52,4 до 48,3 %.

В результате Гражданской войны животноводству Сальского округа был нанесен колоссальный ущерб, и оно оказалось в катастрофическом состоянии. Общее поголовье скота в округе сократилось в 7,2 раза, а лошадей: старше 4-х лет – в 14 раз, до 4-х лет – в 7,8 раза; волов – в 3 раза, коров – в 2,7 раза, овец – в 16,7 раза, свиней – в 2,4 раза. А в калмыцких станицах поголовье крупного рогатого скота сократилось на 96 %, овец – на 98 %. По имеющимся отрывочным сведениям, в Денисовской станице только у казаков количество коров сократилось с 1 220 до 302 (сократилось на 75,2 %) голов, лошадей – с 1920 до 15 голов, волов – с 2040 до 70 голов. В Эркетинской станице 430 калмыцких семей не имели домашних животных, а на 965 семей

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

в среднем приходилось лишь по 1 корове и по 1 овце. В Беляевской станице из 253 семей малоимущими являлись 200 семей. Жители Чунусовской станицы осенью 1920 г. оказались не в состоянии выполнить задания по продразверстке ни хлебом, ни домашними животными и птицами из-за отсутствия таковых. В целом же по Сальскому округу в 1920 г. выполнение плана по хлебной разверстке составило всего 37,9 % (сдали всего 379887 пудов), по сдаче крупного рогатого скота – 22,1 %, птиц – 87,8 % [14].

К 1920 г. в станицах и хуторах Сальского округа в упадок пришло и земледелие. Значительно сократились посевные площади зерновых культур, особенно пшеницы и ячменя, и масличных культур. В калмыцких станицах посевная площадь сократилась на 90 %. Экономическое положение калмыцких станиц усугубилось в связи с засухой в 1922 г. В результате всего этого начался голод в округе. По сведениям Л. Б. Чужгинова со ссылкой на статистические данные на 1 января 1923 г., в Сальском округе числилось около 11 тыс. калмыков и в других округах почти 4 тыс., т. е. в течение двух лет калмыцкое население на Дону уменьшилось на 3,5 тыс. человек. По его же утверждению, многие калмыки в период засухи переселились в Больше-Дербетовский улус Калмыцкой автономной области [15].

На состоявшемся 4 ноября 1922 г. 5-м съезде калмыков Сальского округа отмечалось, что в 13 калмыцких станицах население 12 тыс. обоего пола. Делегаты съезда попытались проанализировать положение дел в отдельных калмыцких станицах, волостях. С докладом о состоянии Эркетинской волости выступил председатель волисполкома П. С. Мамутов. В волости калмыцкое население составляло 6280 душ, из них не имели скота и иного имущества 1940 (30,9 %) человек, в волости числилось 46 инвалидов войны, 115 красноармейских семей, нуждающихся в помощи. В волости имелось всего 629 рабочего скота, 1102 коровы, 1028 овец. Калмыцким населением было засеяно озимых всего 386 десятин. Тем не менее, в течение года население волости сдало различные виды налогов на сумму 587300 руб., выполнив плановые показатели на 87 % [16].

Партийные органы Донской области, считая, что в местных советах в значительной степени преобладают середняки, занимающие

выжидательную позицию, в перевыборных кампаниях 1922 г. постоянно обновляли председателей и членов исполкомов. В калмыцких станицах и хуторах в марте 1922 г. на общих собраниях председатели и члены исполкомов были переизбраны, а затем в мае – июне все они были заменены новым составом. Например, общее собрание граждан хутора Жирного, состоявшееся 16 марта 1922 г., вместо Ивана Даржинова, проработавшего всего три месяца, избрало председателем хуторского исполкома Учур Ушанова, а в мае того же года он был заменен Андреем Акугиновым. На общем собрании граждан станицы Кутейниковской Иловайской волости председатель исполкома сельского совета Василий Джамбинов был переизбран и вместо него стал Алексей Кусинов, и т. д. [17].

В том же году, 1922 г., в калмыцких волостях (станциях) были сформированы народные суды. Например, общее собрание граждан (150 человек из 400) Ново-Алексеевской волости избрало заседателями в нарсуд Андрея Манжикова, Натыра Петрова, Дарьму Дженгурову, Нарана Васильева, а граждане в Иловайской станице – Церена Бадьминова, Княха Максимова, Дарвана Савенкова, Бембю Даржинова, Ивана Долгаева, Лазаря Муманжинова [18]. Частые административно-территориальные реформы, а также перевыборы и смена руководства, конечно, не способствовали стабилизации местных органов власти в калмыцких станицах и нормальной организации их деятельности.

Донская область в 1923 г. вновь подверглась крупной административно-территориальной реформе. По декрету ВЦИК от 7 марта 1923 г. Верхнедонской округ был упразднен, а его территория передана Донецкому округу, и вместо 7 округов в области остались 6 (Ростовский, Черкасский, 1-й Донской, Морозовский, Донецкий и Сальский), а волостей (140) после укрупнения стало 53, 11 городских и 2274 сельских поселений. В том же году из Донской области передали Царицынской губернии Усть-Хоперскую, Слащевскую, Федосеевскую, Букановскую волости бывшего Верхнедонского округа общей площадью 1115 кв. верст (199489 десятин).

В результате этой реформы в Сальском округе 16 волостей были укрупнены в 9 волостей [19]:

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

	Кол-во с/советов	Кол-во селений	Население
Атаманская	6	20	8887
Западное Коннозаводство	6	60	5289
Зимовниковская	7	44	13918
Ильинская	6	16	10638
Маныч-Грузская	5	15	1758
Мартыновская	7	28	14002
Мокро-Гашунская	6	23	8104
Орловская	11	38	21768
Пролетарская (быв. Великокняжеская)	4	15	15765
Итого:	58	259	100129

В результате этой административно-территориальной реформы калмыцкие села оказались разобщенными по всем волостям округа. В связи с этим в среде калмыцкого населения появилось настроение переселиться в Калмыцкую автономную область, образовать в ней новый улус и компактно поселиться в нем. Калмыцкий ЦИК автономной области, уловив эту ситуацию, энергично приступил к реализации идеи переселения сальских калмыков. По инициативе Калмыцкого ЦИКа 26 августа 1923 г. в станице Великокняжеской был созван 7-й съезд сальских калмыков с участием 75 делегатов от калмыцких сел, представителей: от Калмыцкой автономной области (председателя ЦИКа А. Чапчаева, Большедербетовского улуса А. С. Элроева, Э. М. Сайкова и Б. Акугиновой); Тибетского правительства при правительстве СССР Ш. Тепкина; Сальского окрисполкома И. С. Шалхакова.

Съезд, обстоятельно обсудив несколько предложений, принял постановление: «Принципиально признать присоединение донских калмыков путем переселения на территорию Большедербетовского и других улусов». Согласно этому решению, исключались: 1. Прорезка к Манычскому коридору земель прилегающих волостей округа; 2. Отвод Калмыцкой автономной области территории Сальского округа, населенной калмыками. Делегаты съезда, учитывая авторитет ламы Ш. Тепкина и его официальный статус в СССР, предложили

ему ходатайствовать перед центральными учреждениями о переселении сальских калмыков в Калмыцкую автономную область [20].

Согласно декрету ВЦИК от 13 февраля 1924 г. «О районировании Юго-Восточной области», в Донской области упразднялись уезды и волости, в округах вводилось районирование. Крайэкономсовет Юго-Востока России 4 июля 1924 г., согласно постановлению ВЦИК от 2 июня 1924 г., внес предложение ликвидировать Донскую область как административно-территориальную единицу, и ее территорию разделить на 4 округа (Донецкий, Морозовский, Сальский и Ростовский, последний в сентябре того же года был переименован в Донской). Крайэкономсовет в ноябре того же года предложил 4 округа, как самостоятельные административно-территориальные единицы, включить в создаваемый Северо-Кавказский край (16 октября 1924 г.) вместо Юго-Восточной области России [21].

В состав Сальского округа были включены районы: Пролетарский с 9 сельскими советами и населением – 20 367 человек; Зимовниковский – 10 сельских советов и 23 360 человек; Цимлянский – 12 сельских советов и 35 842 человека; Дубовский – 8 сельских советов и 16–17 тыс. человек; Романовский – 7 сельских советов и 22 239 человек; Западно-Коннозаводческий – 5 сельских советов; Орловский – 12 сельских советов и 25–26 тыс. человек; Белоглинский – 11 сельских советов и 14 461 человек; Воронцово-Николаевский – 18 сельских советов и 89 500 человек. В Сальский округ входили еще Немецко-Хагинский и Эсто-Хагинский сельские советы.

В декабре 1924 г. в соответствии с новым административно-территориальным делением были проведены в округах края, в том числе и в Сальском, выборы в местные органы власти – советы, а также в суды. В сельские советы Сальского были избраны 1594 депутата, из них 432 коммуниста (27,1 %), беспартийные – 1162 (72,9 %), в районные советы – 147 депутатов (102 коммуниста, 45 беспартийных), в районные суды – 542 заседателя (348 коммунистов, 194 беспартийных) [22].

ВЦИК 26 января 1925 г. декретом «О введении в действие положения о Северо-Кавказском крае» образовал в составе Донской области, Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской губерний,

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

города Грозного, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской (Черкесской) и Чеченской автономных областей Северо-Кавказский край с центром в городе Ростове-на-Дону. Этим же декретом было утверждено и введено в действие «Положение о Северо-Кавказском крае», установившее административное деление края. Северо-Кавказский край в административно-экономическом отношении разделялся на 11 округов: Донской, Донецкий, Морозовский, Сальский, Кубанский, Армавирский, Майкопский, Черноморский, Ставропольский, Терский, Грозненский (город, на правах округа) и 4 автономные национальные области: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгейская (Черкесская) и Чеченская [23].

В 4 донских округах Северо-Кавказского края числилось 11 023 калмыка (Сальском округе – 10519, Донском – 341, Морозовском – 160, Донецком – 3), в остальных округах края – 953 (Терском округе – 534, Ставропольском – 313, Кубанском – 34, Армавирском – 9, Черноморском – 9, Майкопском – 1, в Адыгейской автономной области – 53). Население Северо-Кавказского края в 1925 г. составляло 7521 500 человек (5,3 % населения СССР), в том числе 11 976 (9,3 % калмыцкого населения СССР) калмыков [24].

Территория Сальского округа составляла 28,5 тыс. кв. км с населением 351 692 человека (166 618 мужчин, 185 074 женщин), в том числе 10519 калмыков (4440 мужчин и 6079 женщин). В административно-территориальном отношении округ состоял из 9 районов, 108 сельских советов и 583 населенных пунктов. В округе имелись 416 мельниц, 152 кузнецы, 73 маслобоек, 41288 лошадей, в том числе 26459 рабочих, 53 728 волов, 369 614 голов крупного рогатого скота, в том числе 103 992 коровы, 343 360 овец и 56 029 коз, 38 979 свиней, 483 940 птиц. В 1925 г. в Сальском округе насчитывалось 66 739 индивидуальных крестьянских хозяйства, 144 колхоза, коммун и артелей, объединивших 0,21 % крестьянских хозяйств с населением 11 013 (3,1 %) человек, которые в общем пользовании имели 742 (2,8 % всего количества в округе) рабочие лошади, 1 722 (3,2 %) вола, 3 438 (0,93 %) голов крупного рогатого скота. В некоторых районах округа были организованы 7 совхозов, где числились 843 рабочие лошади, 996 волов и 1 005 голов крупного рогатого скота [25].

В связи с некоторыми изменениями в административно-территориальном делении округов в районах Сальского округа количество сельских советов несколько увеличилось [26]:

Районы	кол-во с/с	кол-во нас. пункт.	муж.	жен.	всего населения
Белоглинский	11	84	1747	1880	3627
Воронцово-Николаевский	18	45	39844	43418	83262
Дубовский	11	57	10877	12417	23304
Западно-Коннозаводческий	6	92	8882	8949	17831
Зимовниковский	12	76	12527	13177	25704
Орловский	15	70	14760	16925	31685
Пролетарский	11	56	10439	11446	21885
Романовский	10	47	13794	15806	29600
Цимлянский	14	64	14326	18425	32751
Итого:	108	583	166618	185074	351692

В результате этой административно-территориальной реформы в Сальский округ вошли некоторые волости 1-го Донского округа и Белоглинского уезда Ставропольской губернии. Внутреннее районирование округа в старых границах: из 9 волостей образовали 5 районов: Дубовский (из Ильинской волости и части Атаманской волости), Западно-Коннозаводческий (из Западно-Коннозаводческой), Зимовниковский (из Зимовниковской и Мокро-Гашунской), Орловский (из Орловской и части Мартыновской), Пролетарский (из Пролетарской и Манычско-Грузской волостей). К этим районам из Ставропольской губернии были присоединены Белоглинский и Воронцово-Николаевский районы, из 1-го Донского округа – Романовский и Цимлянский районы.

В Белоглинский район входили сельские советы: Белоглинский, Гахаевский, Жуковский, Краснополянский, Летницкий, Лопанский, Павловский, Песчанокопский, Рассыпнянский, Средне-Егорлыцкий; в Воронцово-Николаевский район – Бараниковский, Березовский, Богородицкий, Воронцово-Николаевский, Екатериновский, Ива-

новский, Кручено-Балковский, Немецко-Хагинский, Николаевский, Ново-Егорлыкский, Ново-Манычский, Поливянский, Развиленский, Романовский, Сандатовский, Сысоево-Александровский, Шаблиевский, Эсто-Хагинский; в Дубовский район – Андреевский, Атаманский, Барабанщиков, Гуреевский, Дубовский, Ильинский, Куприяновский, Никольский, Троилинский, Чернышевский, Шабалинский, Эркетинский; в Западно-Коннозаводческий район – Буденновский, Красноармейский, Новая жизнь, Союз «крестьян», Союз ОМО, Союз ОДО, Степной; в Зимовниковский район – Верхне-Серебряковский, Верхоломовский, Власовский, Глубочанский, Граббевский, Зимовниковский, Иловайский, Ильинский, Копанский, Куричанский, Ленинский, Мокро-Гашунский, Худжуртинский; в Орловский район – Арбузовский, Быстрянский, В-Верхоломовский, Денисовский, Донской, Каменно-Балковский, Ковриновский, Куберлеевский, Кундрюческий, Мало-Орловский, Майорский, Немецко-Потаповский, Несмеяновский, Н-Тавричанский, Орловский, Островянский; в Пролетарский район – Бекетный, Камышевский, Киевский, Новоселовский, Платовский, поссоветы Пролетарский, Романовский, Суховский; в Романовский район – Большой, Дубенцовский, Камышевский, Каргальский, Лазновский, Мартыновский, Романовский, Рубашкинский, Семеновский, Ясыревский; в Цимлянский район – Барановский, Бударинский, Жуковский, Карнауховский, Карповский, Кашировский, Красноярский, Кумашцкий, Мало-Лучинский, Маркинский, Н-Курмоярский, Н-Цимлянский, Подгоренский, Терновский, Хорошевский, Цимлянский.

В марте 1925 г. из Воронцово-Николаевского района Сальского округа передали Калмыцкой автономной области Эсто-Хагинский и Немецко-Хагинский сельские советы

В связи с передачей из Калмыцкой автономной области Ремонтненского уезда президиум Северо-Кавказского крайисполкома постановлением от 5 ноября 1925 г., которое было утверждено Президиумом ВЦИК 22 марта 1926 г., в Сальском округе образовал 10-й район – Ремонтненский. В его состав вошли сельские советы: Богородицкий, Большеремонтненский, Валуевский, Граббевский, Калегашун-Сальский, Киевский, Кормовский, Крестовский, Маныч-Ни-

колаевский, Подгорный, Ремонтненский. Был выделен самостоятельный район – Заветинский, в состав которого вошли Заветинский, Киселевский, Куприянов, Кучкинский, Никольский, Оболенский, Торговенский, Федосеевский, Чернышевский и Яман-Салинский сельские советы.

Образование двух новых районов привело к изменению административно-территориальных делений отдельных районов округа. Зимовниковский район получил Куприяновский, Никольский, Чернышевский, Шебалинский сельские советы Дубовского района. К Пролетарскому району присоединили Быстрянский, Денисовский, Каменно-Балковский, Ковриновский, Кудрюческий, Орловский, Островянский сельские советы упраздненного в марте 1926 г. Орловского района, а к Ремонтненскому району – Арбузовский, Мало-Орловский, Немецко-Потаповский, Новоселовский сельские советы, к Зимовниковскому району – Верхне-Верхоломовский, Куберлеевский, Майорский сельские советы бывшего Орловского района. Весной 1926 г. были образованы три национальных (калмыцких) сельсовета – Граббевский (вскоре был передан Ремонтненскому району) и Кутейниковский в Зимовниковском районе, Батлаевский селский совет в Романовском районе.

Административно-территориальное деление Сальского округа, утвержденное постановлением Президиума ВЦИК от 1 марта 1926 г., в составе 10 районов (Белоглинский, Воронцов-Николаевский, Дубовский, Заветинский, Западно-Коннозаводческий, Зимовниковский, Пролетарский, Ремонтненский, Романовский и Цимлянский), 1 города (Сальска, бывший г. Торговый), 125 сельских советов, 1323 населенных пункта сохранилось до 1 января 1929 г. [27].

Хутора, в основном населенные калмыками, оказались распределенными по многим сельским советам районов округа. По переписи 1926 г. на Дону калмыки проживали в более ста населенных пунктах 39 сельских советов Воронцово-Николаевского, Дубовского, Заветинского, Зимовниковского, Западно-Коннозаводческого, Пролетарского, Романовского, Ремонтненского, Цимлянского районов [28].

Ниже в таблице показано калмыцкое население по сельским советам округа:

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

Районы и сельсоветы	кол-во хозяйств	муж.	жен.	всего
В-Николаевский р-н:				
Андреевский с/с				
Ленин выселок	2	3	5	8
Шаблиевский с/с				
Коннозавод им. Фрунзе	62	115	107	222
Романовский с/с				
Коммуна «Ленина»	5	11	7	18
Коммуна «Победа»	2	5	4	9
Всего:	71	134	123	257
Дубовский р-н:				
Атаманский с/с				
х. Белоусов	1	2	4	6
х. Карпов	1	3	3	6
х. Лопатин	3	7	6	13
х. Ново-Беляевский	4	10	7	17
х. Старо-Беляевский	42	63	59	122
х. Текучев	3	7	5	12
х. Терновый Кут	1	3	3	6
х. Мало-Ладыгин	3	6	8	14
Всего:	58	101	95	196
Гуреевский с/с				
х. Балдыр	30	63	51	114
х. Калинин	2	7	3	10
х. Пришиб	4	10	6	16
Всего:	36	80	60	140
Дубовский с/с				
х. Ново-Самсонов	1	3	3	6
Ильинский с/с				
х. Адьянов	10	19	20	39
Эркетинский с/с				
х. Калтаканов	2	6	4	10
х. Сальский	54	84	117	201
х. Самохин	4	9	7	16
х. Ультигур (Аксайский)	2	5	4	9
х. Хурульный	11	26	27	53
х. Чунусовский	62	125	131	256
х. Эркетинский	73	127	153	280
Всего:	208	382	443	825
Всего по району:	301	579	613	1192

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Районы и сельсоветы	кол-во хозяйств	муж.	жен.	всего
Заветинский р-н:				
Заветинский с/с				
х. Марочкин	1	2	1	3
х. Сязин	4	12	11	23
Всего:	5	14	12	26
Киселевский с/с				
х. Солёный	1	1	3	4
х. Хурульный	3	6	6	12
Всего:	4	7	9	16
Куприяновский с/с				
х. Благовидов	2	3	6	9
х. Воробьев	4	7	5	12
х. Куприянов	12	25	21	46
х. Лодыгин	7	14	16	30
х. Малюновский	4	9	9	18
х. Марченко	2	7	2	9
х. Скворцов	1	2	1	3
х. Эрдюшев	2	5	6	11
Всего:	44	72	66	138
Никольский с/с				
х. Никольский	6	17	16	33
Торговенский с/с				
х. Ливенский	1	2	3	5
х. Потапенко	3	9	7	16
Всего:	4	11	10	21
Яман-Салинский с/с				
с. Яман-Сала	5	10	16	26
Чернышевский с/с				
х. Трудников	7	13	6	19
х. Чернышов	6	14	11	25
Всего:	13	27	17	44
Шебалинский с/с				
х. Шебалин	8	19	20	39
Всего по району:	89	177	166	343
Цимлянский район:				
Баклановский с/с				
х. Киселевский	3	9	6	15

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

Районы и сельсоветы	кол-во хозяйств	муж.	жен.	всего
Зимовниковский район:				
Бурульский с/с				
х. Веселый	2	7	4	11
ст. Бурульская	25	47	53	100
Всего:	27	54	57	111
Власовский с/с				
ст. Власовская	94	156	151	307
х. Садовский	40	66	73	139
х. Терновский	5	6	14	20
х. Троицкий – 1	3	15	7	22
Всего:	142	243	245	488
Копанский с/с				
х. Камышев	3	9	6	15
Кутейниковский с/с				
х. Атаманский	67	121	132	253
х. Зюнгарский	83	114	166	280
ст. Кутейниковская	58	90	98	188
х. Николавский	21	32	37	69
х. Ново-Алексеевский	19	32	36	68
х. Стояновский	37	75	87	162
Всего:	285	464	556	1020
Всего по району:	510	892	963	1855
Западно-Коннозаводческий район:				
Буденновский с/с				
Аренда № 12	1	3	2	5
Товарищество «Возрождение животноводства»	5	10	8	18
«Возрождение коня»	3	5	5	10
«Донецкий конь»	1	4	2	6
Донской коннозавод им. Буденного	33	36	16	52
Крестьянское товарищество	4	5	5	10
Товарищество «Лихой конь»	1	3	2	5
Вольный конь	2	2	5	7
Манычское товарищество	2	4	2	6
х. Меснянский	10	12	22	34

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Районы и сельсоветы	кол-во хозяйств	муж.	жен.	всего
Сальский коннозавод	3	6	6	12
Товарищество «Степной конь»	2	12	7	19
х. Супрунов	28	56	55	111
Тов. «Трудовой коннозавод»	3	5	5	10
Хлеборобный участок № 18	1	3	1	4
Тов. «Юла 1-я»	1	4	5	9
Коннозавод им. 1-й Конармии	23	41	44	85
х. Попов – отд. Коннозавода	6	8	10	18
Всего:	129	268	257	525
Красноармейский с/с				
х. Акционерное общество «Овцевод»	9	24	21	45
«Союз крестьян»				
совхоз Бландов	5	5	10	15
совхоз Лосев	7	12	9	21
совхоз Наторов	28	41	29	70
Образцовый коннозавод	1	2	5	7
Сальский коннозавод	31	48	46	94
х. Согласие хлебороба	2	4	3	7
Всего:	74	136	123	259
Степной с/с				
х. Андроповский	1	6	12	18
Тов. «Восток»	3	5	3	8
Всего:	4	11	15	26
Объединение духоборских общин (ОДО)				
х. Бурукчук	9	16	25	46
х. Боковский	6	10	14	24
Всего по району:	211	392	380	772
Пролетарский район:				
Денисовский с/с				
ст. Платовская	15	35	44	79
х. Денисовский	13	21	31	52
Донской с/с				
х. Эльмута	11	19	2	48
Ковринский с/с				
х. Атаманский	19	36	48	84

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

Районы и сельсоветы	кол-во хозяйств	муж.	жен.	всего
Суховский с/с				
х. Шарабулук	16	28	34	62
Всего по району:	74	139	186	325
Романовский район:				
Батлаевский с/с				
ст. Батлаевская	80	160	172	332
Арбузовский с/с				
х. Ново-Николаевский	156	291	295	586
Семенкинский с/с				
ст. Семенкинская	6	13	15	28
Ново-Веселовский с/с				
х. Воронцов	1	2	1	3
х. Группа труда	4	12	7	19
сельхозкооператив «Свободная жизнь»	1	3	4	7
Всего:	6	17	12	29
Всего по району:	248	498	506	1004
Ремонтненский район:				
Валуевский с/с				
х. Дудаки	8	22	13	35
х. Курульта	4	14	14	28
х. Сухая Хамбата	11	31	23	54
сельхозкооп. крестьян № 2	15	41	38	79
Всего:	38	108	88	196
Граббевский с/с				
ст. Граббевская	49	101	100	201
х. Гашунский	31	54	51	105
х. Донцов	5	13	10	23
х. Пандинский	82	136	156	292
х. Худжурта	55	98	93	191
Всего:	222	402	410	812
Подгоренский с/с				
х. Войсковой № 1	1	3	2	5
Приволенский с/с				
х. Колесов	3	11	8	19

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Районы и сельсоветы	кол-во хозяйств	муж.	жен.	всего
Ремонтненский с/с				
х. Булухта	1	1	1	2
Бадмаев Д.	1	1	—	1
Бакаев Ш.	1	2	3	5
4 Баджиров П.	1	2	2	4
Бараев	1	1	—	1
Бембеев М. И.	1	1	—	1
Бурул Эльдеев	1	1	—	1
Доржеев Л.	1	1	—	1
Кекэ Яшкун	1	1	2	3
Манджиков С.	1	1	—	1
Манджик Б.	1	3	5	8
Некеев Ив.	1	1	1	2
Путюк	1	4	1	5
х. Горький	1	3	2	5
Шипеев	1	2	2	4
Эрднеев Д.	1	1	—	1
Всего:	16	26	19	45
Всего по району:	286	567	539	1106
Сальск	—	9	4	13
Всего по округу:	1793	3996	3486	6882

Переписью в 1926 г. в Сальском округе были охвачены только те калмыки, которые находились в момент учета на месте постоянного проживания. Лица, временно выехавшие за пределы округа, в переписные листы не попали. После Гражданской войны, разрухи, в голодные годы многие донские калмыки, отдельные калмыцкие семьи выехали за пределы округа, а также и в Калмыцкую автономную область. Оставшиеся калмыцкие семьи расселились, как свидетельствуют вышеприведенные данные переписи 1926 г., по всему Сальскому округу. К тому же, по примечанию Статистического отдела окрисполкома, указанное число хозяйств и калмыцкое население оказалось фактически меньше, в силу того, что кроме этих хуторов, есть населенные пункты, где калмыцкое население в качестве наемной силы распылено по многим хозяйствам. По уточненным данным переписных материалов, фактически оказалось, что калмыков по переписи 1926 г. на Дону проживало 10 304 человека [29].

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

По сведениям Калмыцкого облисполкома, из калмыцких донских станиц в Большедербетовский улус переехал 15 171 человек, из них в 1923 г. – 3 778, в 1924 г. – 6 414, в 1925 г. – 4 979. Несмотря на то, что в последующие 2–3 года отток калмыцкого населения из Сальского округа несколько сократился, а некоторые семьи стали возвращаться на Дон, по сведениям Статотдела Сальского окрисполкома, в 1928 г. в округе числилось всего 8 400 калмыков (4 228 мужчин и 4 172 женщины) [30] в следующих районах.

Районы	мужчин	женщин	всего
г. Сальск	9	4	13
Белоглинский	2	–	2
Воронцово-Николаевский	173	166	339
Дубовский	706	723	1429
Заветинский	357	289	646
Западно-Коннозаводческий	439	409	848
Зимовниковский	889	955	1844
Пролетарский	291	314	605
Ремонтненский	699	616	1315
Романовский	573	618	1191
Цимлянский	90	78	168
Итого:	4228	4172	8400

В связи с такой распыленностью по всему Сальскому округу, не видя перспектив территориального объединения, 857 калмыцких семей в составе 3196 человек в 1928 г. изъявили желание переехать в Большедербетовский улус Калмыцкой автономной области.

7.2. Образование Калмыцкого района в Сальском округе

Вопрос о переселении донских калмыков в Калмыцкую автономную область с 1928 г. стал предметом пристального внимания органов власти Калмыкии, Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев, Сальского округа. Калмыцкий облисполком, учитывая намерение некоторой части донских калмыков переехать в Калмыкию, заинтересованно с сентября 1928 г. проявил инициативу в решении

данной проблемы. По его предложению была образована специальная комиссия в составе представителей от Северо-Кавказского края (Брюховецкий), Калмыкии (Х. Кануков) и Сальского округа (С. Б. Батырев) по проведению собраний в хуторах с калмыцким населением с целью агитации его переезда в Калмыцкую область.

Калмоблисполком впервые официально рассмотрел вопрос о переселении донских калмыков, подготовленный областной плановой комиссией, 14 декабря 1928 г. В постановлении его президиума отмечалось: «1. “Манычский коридор” отвести переселяющимся по земельным нормам, установленным для Большедербетовского улуса, и там расселить соответствующее число хозяйств, остальные хозяйства расселить в Большедербетовском улусе, используя земли ГЗИ (Госземимущества) под расселенческий фонд.

2) Провести точный учет переселяющихся и их имущественное положение; возбудить ходатайство об отпуске средств на переселение; провести землеустроительные работы в “Манычском коридоре”; для калмыцкого населения, переселяющегося в “Манычский коридор”, образовать самостоятельную административно-территориальную единицу.

3) Установить, что переселение должно начаться не позднее весны 1930 г.

4) Возбудить ходатайство о субсидировании переселенцев.

5) Ходатайствовать перед ВЦИКом о прирезки части территории Сальского округа в качестве компенсации за земельные участки, освобождаемые переселенцами ...

6) Созвать съезд переселенцев не позднее января – февраля 1929 г. Направить представителя Калмоблисполкома в Сальский округ» [31].

Калмоблисполком в первую очередь приступил к постановке вопроса о выделении территории для расселения желающих переехать из Сальского округа в Калмыкию. В связи с этим он обратился 16 января 1929 г. в Президиум ВЦИК. В письме указывалось, что в Сальском округе ныне числятся около 8400 калмыков, из них 5719 человек (1371 хозяйство) намерены переселиться в Калмобласть на свободные земли ГЗИ Больше-Дербетовского улуса и в «Манычский коридор». Для их расселения потребуется минимум до 20 тыс. га до-

полнительной земельной площади к «Манычскому коридору». Калмоблисполком предлагал эту земельную площадь (20 тыс. га) прирезать из территории районов Сальского округа, прилегающих к «Манычскому коридору». При этом он, агитируя донских калмыков переехать в Калмыцкую область, обещал образовать на территории «Манычского коридора» для них отдельный улус – Сальский. Это письмо Калмоблисполкома от 16 января 1929 г. № 637 Отдел национальностей 11 февраля передал в Административную комиссию при Президиуме ВЦИК на заключение [32].

Калмоблисполком, несмотря на то что Наркоматзем РСФСР получил копию письма № 637, 14 февраля 1929 г. обратился к нему с дополнительной просьбой (письмо № 387) поддержать его предложение о переселении сальских калмыков. Обосновывая необходимость перемещения их в Калмыцкую автономную область, представитель Калмобласти при Президиуме ВЦИК С. Башкаев писал: «Помимо политической стороны этого вопроса необходимо еще учесть и весьма серьезное экономическое значение его. Переселяя в Калмыцкую автономную область, в основной массе её весьма отставшую и культурно, и экономически (кочевой быт, хозяйство и т. д.), эти переселяемые массы относительно более культурных и передовых земледельцев калмыков, методы хозяйствования и быта коих являются показательными для всего отсталого населения области, мы в значительной степени ускорим процесс культурного и экономического развития всей области» [33].

На запрос Административной комиссии при Президиуме ВЦИК от 14 апреля 1929 г. Административная комиссия Северо-Кавказского крайисполкома 29 июня 1929 г. сообщала (письмо № 27-88151), что «Калмоблисполком при запрашивании об отводе земель 20 тыс. га из фонда ГЗИ Сальского округа, не учитывает количество калмыков, действительно желающих переселиться в Калмобласть. Между тем таких не более 25 %, а с образованием Калмыцкого района эта цифра значительно уменьшится». Это мнение Административной комиссии крайисполкома были поддержаны Наркоматом земледелия РСФСР (письмо от 1 августа 1929 г.) и Госпланом РСФСР (письмо от 6 сентября) [34].

Крайисполком был близок к истинному настроению сальских калмыков в намерение о переезде в Калмыцкую область. На проведенных собраниях в мае – июне 1929 г. в крупных хуторах с калмыцким населением, где присутствовало 1042 человека, представлявшего свои семьи, проголосовали за переселение всего 359 человек (семей), или 34,4 %, которые в основном являлись бедняками [35].

Руководство Северо-Кавказского крайисполкома, крайкома ВКП(б) и Сальского окрисполкома в принципе соглашалось с предложением о переезде донских калмыков в Калмыцкую область. Но земельный вопрос и стал камнем преткновения в решении проблемы переселения калмыцкого населения из Сальского округа. В справке заведующего Земельным управлением Калмоблисполкома О. Насунова, представленной в июне 1929 г. в Кампредставительство при ВЦИКе, отмечалось, что Земельное управление Северо-Кавказского крайисполкома «выражает согласие на переселение калмыков Сальского округа. Не возражает против этого и президиум Сальского окрисполкома, но прирезку земли к “Манычскому коридору” из прилегающего района Сальского округа считает невозможной, так как все эти земли по проведенному землеустройству распределены в трудовое пользование...». В докладной записке О. Насунова и И. Шалхакова в Калмобком ВКП(б) и Калмоблисполком подтверждалась позиция органов власти Северо-Кавказского края и Сальского округа. Они писали, что «в комиссии мы настаивали на прирезке земли Калмобласти из Сальского округа к Манычскому коридору. Однако свободной земли не оказалось, так как в текущем году Сальский округ охвачен сплошным землеустройством ... Таким образом, вопрос о прирезке земли отпадает ...» [36].

Калмоблисполком, получив поддержку президиума Нижне-Волжского крайисполкома (постановление от 10 апреля 1929 г.), обратился в правительство РСФСР с просьбой выделить необходимые средства на переселение донских калмыков. В письме Калмоблисполкома, подписанном его председателем Э.-А. К. Кекеевым и заведующим облземуправления О. Насуновым, отмечалось: «1) Опыт переселения прошлых лет в Калмобласть показал, что помимо национального и экономического объединения калмыков, переселение

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

имеет ряд других положительных результатов, выражающихся в том, что переселяемые калмыки, имея более культурные навыки, служат хорошим наглядным пособием среди своих отсталых собратьев-кочевников; наличие большого процента грамотных среди переселяемых, значительно расширяет контингент общественных и культурных работников националов.

2) Донские калмыки, разбросанные среди русского населения Сальского округа, видя пример своих переселившихся братьев и стремясь к национальному с ним объединению, вынесли целый ряд постановлений с ходатайством перед ОИКом о скорейшем их переселении в Калмобласть.

3) По справке Статбюро Сальского округа от 17 января 1928 г. на территории Сальского округа проживает всего 8 400 душ калмыков, из коих, по докладу зав. облзу тов. Насунова и представителя калмыцкого населения тов. Шалхакова, рассчитывают на переселение 5 719 душ, или 1 371 хозяйство.

4) Обследованием, произведенными зав. облзу тов. Насуновым совместно с представителем сальских калмыков тов. Шалхаковым и членом крайисполкома по землеустройству тов. Байковым, установлены места расселения: а) “Манычский коридор”, прилегающий к Сальскому округу, площадью 7 172 га ...; б) свободный фонд ГЗИ Большедербетовского улуса площадью 21 920 га ...; в) допереселенческий фонд – площадь 14 385 га ...

5) Согласно указанному выше постановлению облисполкома, переселение должно начаться не позже весны 1930 г., к каковому времени должны быть закончены все подготовительные работы ...

Докладывая об изложенном и принимая во внимание: 1) важность переселения калмыков как в политическом, так и в хозяйственном отношении; 2) срочность подготовленных к переселению строительных и мелиоративных работ, включенных уже в план 28/29 года ... и 4) принципиальное согласие Отдела переселения НКЗ РСФСР ...» имеется. На переселение сальских калмыков просим выделить 214 675 руб. [37].

В связи со сложным земельным вопросом Сальский окружной комитет ВКП(б) и окрисполком, руководствуясь политикой нациестро-

ительства в области, решили вообще отказаться от идеи переселения всех донских калмыков в Калмыцкую область. Предлагалось переезд осуществлять исключительно желающих лиц и в добровольном порядке. Президиум Сальского окрисполкома на своем заседании (протокол № 8) 4 июня 1929 г. заслушал доклад комиссии по «Калмвопросу» и принял решение: «1) Работу комиссии по выяснению желания калмнаселения переселиться из Сальского округа в Калмобласть – считать законченной ... 3) Орготделу ускорить разрешение вопроса в крайисполкоме об организации в округе Калмыцкого района, и в соответствии с этим проработать вопрос о количестве образования калмыцких сельских советов ... 5) ... о прирезки земли для переселяющихся сам по себе вопрос отпадает ... 6) Поддержать ходатайство Калмобласти об отпуске кредитов для переселения калмнарода, изъявившего желание переселиться из Сальского округа в Калмобласть» [38].

К этому времени состояние калмыцкого населения в крупных хуторах Сальского округа характеризовалось следующими данными.

Хутора	кол-во дворов	кол-во насел.	кол-во домов		лошадей	быков	коров	овец	вербл.
			инд.	общест.					
Худжурта	85	345	45	–	32	44	220	220	2
Гашунский	50	185	30	7	–	10	160	20	–
Ст. Граббевская	77	361	52	3	31	34	302	400	–
Пандинский	85	321	65	4	38	52	428	202	2
Бурульский	30	155	15	1 (хур.)	6	12	80	120	2
Чунусовский	73	281	65	1 (школа)	30	90	500	219	–
Эркетинский	63	460	72	1 (школа)	13	36	369	120	–
Балдыр	30	175	26	1 (хур.)	15	14	145	118	6
Беляевский	41	183	30	1 (школа)	14	28	90	250	6
Сальско-Адяновский	74	305	55	1 (школа) 1 (клуб)	14	90	670	110	4
Власовский	131	556	96	1 (школа)	39	24	630	200	8
Стояновский	41	227	37	1 (школа)	14	66	250	100	–
Алексеевский	32	137	19	4	10	14	104	–	–

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

Николаевский	54	213	31	—	12	28	160	66	2
Кутейниковский	95	569	75	1 (школа)	14	72	471	40	3
Атаманский	67	331	67	1(школа)	32	100	420	100	4
Зюнгар	122	410	89	1 (школа)	27	72	393	25	4
Ст. Платовская	15	79	5	1 (школа)	2	4	35	—	—
Ст. Батлаевская	142	735	100	1 (школа)	32	56 715	138	4	
Ст. Ново-Николаевская	150	1000	150	1 (изб-чит.)	139	20	1172	279	—
Всего:	1227	7028	1237	11 (школ)	527	866	7314	2630	30

Таким образом, в крупных хуторах Сальского округа проживало 1227 калмыцких семей в составе 7129 человек. Их дети учились в 11 школах, здания которых были деревянные. В двух хуторах еще действовали 2 хурула. Жили они в основном в своих домах, имели всего 527 лошадей и 866 волов, 7532 коровы и 2630 овец, 30 верблюдов. Количество лошадей на 100 жителей, по сравнению с 1913 г., сократилось в 7,5 раза и составило 7,2, овец – в 13,4 раза и составило 36, поголовье крупного рогатого скота на душу населения к 1929 г. достигло прежнего уровня [39].

Сальский окрисполком, проанализировав материалы и заключение комиссии, состояние калмыцкого населения, принял 3 августа 1929 г. постановление (протокол № 18) о целесообразности образования Калмыцкого района в составе 7 сельских советов, из которых в 2-х население являлось исключительно калмыцким, в 5-ти – смешанным, где калмыцкое население составляло от 40 до 80 %. Административным центром района намечался поселок Зимовники [40].

Северо-Кавказский крайисполком с целью сокращения, а, возможно, и прекращения оттока калмыцкого населения специально рассмотрел предложение Сальского окрисполкома и принял 22 августа 1929 г. постановление за № 37, обязавшее краевые отраслевые органы управления «подготовить необходимые практические мероприятия по обслуживанию хозяйственных и социально-культурных нужд калмыцкого населения Сальского округа». Поскольку накануне этого заседания Сальский окрисполком внес в крайисполком пред-

ложение размежевать населенные пункты округа, где проживают калмыки, по национальному признаку, и образовать калмыцкие села и сельские советы, Северо-Кавказский крайисполком, отклонив этот проект окрисполкома, на этом же заседании, 22 августа, поручил Сальскому окрисполкому подготовить предложения по образованию Калмыцкого района в составе округа.

25 сентября 1929 г. (протокол № 49, п. 1049) крайисполком, повторно рассмотрев, принял постановление: «2) Предложить Сальскому окрисполкому ускорить организацию и полное оформление Калмыцкого района с тем, чтобы выборы районных органов управления, а также их функционирование было осуществлено не позже 15-го октября с. г. Конечным сроком проведения районного съезда установить 10-е октября.

3) Поручить Сальскому окрисполкому подобрать работников в организуемый Калмыцкий район из калмыков с тем, чтобы аппараты советских, хозяйственных, социально-культурных, судебно-следственных и прочих органов обслуживали бы население на родном языке.

4) Для окончательного установления внешних границ организуемого района выделить специальную комиссию из представителей крайзу, крайадмкомиссии и окрисполкома под председательством т. Брюховецкого с таким расчетом, чтобы работы закончить к 1 ноября ...

Поручить комиссии также выявить на месте, какие конкретные мероприятия необходимо провести на первое время по линии отделов народного образования, здравоохранения, землеустройства и т. д., и свои соображения представить в президиум крайисполкома к вышеуказанному сроку для принятия соответствующих мер.

5) Поручить крайфинуправлению на предварительные подготовительно-организационные расходы по выделению Калмыцкого района срочно отпустить Сальскому окрисполкому безвозвратную ссуду в сумме 3 тыс. рублей.

6) Не позже 15 ноября с. г. заслушать доклад Сальского окрисполкома об итогах организации национального Калмыцкого района» [41].

1 октября 1929 г. бюро Сальского окружкома ВКП(б) (секретарь Падэрин) рассмотрело вопрос о Калмыцком районе (протокол № 56, п. 1094) с участием председателя окрисполкома Разоренова и представителя от калмыцкого населения Н. Манжикова. В принятом постановлении предлагалось «фракции окрисполкома обязать комиссию по выделению территории района закончить свою работу в течение одной недели и к этому же времени закончить рассмотрение всего материала и составление смет по финансированию.

Предрешить в середине октября созыв районного съезда советов, возложив руководство по проведению его на тов. Разоренова. Партийное и комсомольское руководство в районе временно осуществлять через Оргбюро окркружкома. Поручить орготделу создать комиссию для просмотра персонального руководящего состава для Калмыцкого района» [42].

Административная комиссия крайисполкома и Сальский окрисполком, оперативно подготовив материалы по образованию Калмыцкого района, 30 сентября и 2 октября 1929 г. на совместных заседаниях обсудили и приняли решение представить крайисполкому предложения о создании Калмыцкого района в составе Сальского округа. В целях территориального объединения калмыков предлагалось включить в район не только населенные пункты с чисто калмыцким населением, но и со смешанным национальным составом населения, и даже отдельные русские поселки с целью образования компактной земельной территории района. В связи с этим предлагалось в район включить 12 населенных пунктов со смешанным и 25 – с калмыцким населением.

Президиум Северо-Кавказского крайисполкома 6 ноября 1929 г. рассмотрел и утвердил внесенный указанной комиссией проект постановления о создании Калмыцкого района с центром в поселке Зимовники, в составе 9 сельских советов, в том числе 2 новых – Ивановский и Старо-Беляевский. В целях создания для района финансовой базы крайисполком признал необходимым включить в его территорию земли Госземимущества: Иловайской дачи Зимовниковского района, б. Мартыновской дачи Романовского района площадью до 20208 га, допереселенческие доли общей площадью 12775 га и

племхоз № 4 акционерного общества «Овцевод» с землей площадью 56 тыс. га.

В состав создаваемого района включались следующие сельские советы со всеми входящими в них населенными пунктами: 1. Граб-бевский (из Ремонтненского района); 2. Старо-Беляевский (из Дубовского района); 3. Ивановский (из Дубовского района); 4. Эркетинский (из Дубовского района); 5. Власовский (из Зимовниковского района); 6. Стояновский (из Зимовниковского района); 7. Кутейниковский (из Зимовниковского района); 8. Ново-Николаевский (из Романовского района); 9. Батлаевский (из Романовского района). Кроме территорий этих сельских советов, новому району отводились, как отметили выше, земли ГЗИ: Иловайской дачи Зимовниковского района и бывшей Мартыновской дачи Романовского района, общей площадью 20208 га, племенного хозяйства № 4 акционерного общества «Овцевод» на площади в 56 тыс. га; все земли ГЗИ (доприселенческие доли). Северо-Кавказский крайисполком также предложил Сальскому окрисполкому организованно переселить 30 калмыцких хозяйств станицы Бурульской (Зимовниковский район) на свободные дачи хуторов Кравченко и Сальского Эркетинского сельского совета Калмыцкого района.

Северо-Кавказский крайисполком, считая, что в связи с созданием Калмыцкого района в составе Сальского округа отпадает необходимость в отпуске 214 тыс. руб. Калмоблисполкому на переселение донских калмыков, просил Президиум ВЦИК переадресовать эти деньги Северо-Кавказскому краю на нужды нового Калмыцкого района [43].

Накануне этого решения крайисполкома, 11 октября 1929 г. бюро Сальского окркомитетат ВКП(б), рассмотрев вопрос о секретаре Оргбюро окркомитета ВКП(б) в Калмыцком районе, утвердило ответственным секретарем Оргбюро в Калмыцком районе т. Беккемейстера. Орготделу окркомитета ВКП(б) и Беккемейстеру было поручено подобрать и представить персональный состав Оргбюро ВКП(б) Калмыцкого района. Оргбюро наделялось и полномочиями по руководству советского строительства в новом районе.

21 октября 1929 г. бюро окружного комитета ВКП(б), заслушав информацию председателя окрисполкома Разоренова о про-

шедшем 14–15 октября съезде советов Калмыцкого района, утвердило председателем исполкома Калмыцкого районного совета тов. Н. Манжикова. Секретарем Калмыцкого райисполкома был избран Долгинов.

Для осуществления партийного руководства бюро утвердило районное партийное Оргбюро в составе тт. Беккемейстера (секретарь), Н. Манжикова (член бюро), Степанова (член бюро от Зимовниковского райкома), остальных двух членов предлагалось подобрать из числа калмыков. Бюро окружного комитета ВКП(б) предложило окрисполкому выделить одну автомашину Калмыцкому району [44].

Окончательную точку в закрытии вопроса о переселении сальских калмыков в Калмыцкую область поставил президиум исполкома Калмыцкого райсовета Сальского округа на заседании, состоявшемся 23 ноября 1929 г. В принятом решении он отметил, что «в данное время этот вопрос среди трудящихся калмыков совершенно отпал, в сравнении с прошлыми годами, это было ясно выражено в связи с организацией Калмыцкого района, а также в выступлениях представителей на съезде советов нового района». В соответствии с этим решением президиум Калмыцкого райисполкома направил телеграмму в Административную комиссию при Президиуме ВЦИК следующего содержания: «Президиум Калмыцкого райисполкома Сальского округа от имени калмыцкого населения выражает нежелание переселения в пределы Нижне-Волжского края. Настоятельно просит правительство предназначенные на переселение 214 тысяч рублей передать новому Калмрайону на его устройство и нужды населения. Предрика Манжиков». Представитель Калмобласти при Президиуме ВЦИК А. М. Амур-Санан 10 января 1930 г. сообщил облисполкому Калмыкии, что эта телеграмма «в споре между сторонами была моментом самым решающим. Мне, тогда ничего не осталось делать, как подать особое мнение, в котором, соглашаясь с фактом образования национального района, вместе с тем просить Адмкомиссию ВЦИК весной этого года, при окончательном установлении границ между Северо-Кавказским и Нижне-Волжским краями, еще раз вернуться к этому вопросу и обсудить возможность передачи Калмыцкого района в Калмыцкую область» [45].

После принятия конкретных мер по организации Калмыцкого района в Сальском округе Северо-Кавказский крайисполком направил 9 декабря 1929 г. в Административную комиссию при Президиуме ВЦИК подробную докладную записку за № 27-88151. В ней сообщалось, что специальная краевая комиссия, обследовав все населенные пункты, где проживают калмыки, установила – в 27 селах, хуторах пяти районов Сальского округа калмыцкое население составляет 7557 душ, объединенных в 1561 хозяйство, ведущее оседлый образ жизни. Калмыки расселены, главным образом, по южной стороне реки Сал. В калмыцких хозяйствах имеются: 1302 рабочего скота, 7753 коровы, 2630 овец и коз, 50 общественных деревянных зданий (школы, клубы), 6 садов и парков, 9 колхозов и артелей, 48 700 га земли [46].

Далее в ней были изложены все мероприятия по образованию Калмыцкого района, проведенные Сальским окрисполкомом и Северо-Кавказским крайисполкомом. В состав Калмыцкого района, действующего уже с 1 октября 1929 г., указывалось в докладной записке, включены следующие сельские советы и населенные пункты.

Сельские советы и населенные пункты	Общее кол-во		калмыков		прочие	
	дворов	жителей	дворов	жителей	дворов	жителей
Батлаевский с/с	80	345	80	345	–	–
Ст. Ново-Николаевская	156	694	156	694	–	–
Х. Н-Момон (б. Майор. с/с)	96	532	–	–	96	532
Кутейниковский с/с	333	1583	265	1169	68	414
ст-ца Кутейниковская	94	372	94	372	–	–
хут. Зюнгар	88	313	88	31	–	–
пос. Утро	15	70	15	70	–	–
Ст. Иловайская	136	828	68	414	68	414
Стояновский с/с	227	1020	191	826	36	194
хут. Стояновский	37	194	37	194	–	–
хут. Атамановский	73	331	73	331	–	–

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

хут. Н-Николаевский	49	190	49	190	–	–
хут. Н-Алексеевский	32	111	32	111	–	–
хут. Торговый	28	154	–	–	28	154
Т-во «Калинин» № 2	8	40	–	–	8	40
Власовский с/с	268	1341	197	992	71	349
ст-ца Власовская	94	530	94	530	–	–
хут. Гашунский	37	179	–	–	37	179
хут. Н-Гашунский	34	170	–	–	34	170
ст-ца Чунусовская	63	277	63	277	–	–
Т-во «Красный калмык»	40	185	40	185	–	–
Эркетинский с/с	340	1748	181	771	159	977
ст-ца Эркетинская	110	415	110	415	–	–
хут. Кравченко	4	30	–	–	4	30
хут. Сальский	54	274	54	274	–	–
хут. Хурульный	17	82	17	82	–	–
Груп. Ворошиловская	56	354	–	–	56	354
хут. Сиротинский	28	152	–	–	28	152
хут. Кут-Куднев	71	441	–	–	71	441
Ивановский с/с	160	895	30	114	130	781
село Ивановка	52	291	–	–	52	291
хут. Н-Сальский	35	204	–	–	35	204
хут. Пришиб	23	134	–	–	23	134
Выс. Болдырь	60	266	30	114	30	152
Старо-Беляевский с/с	66	289	46	175	20	114
ст-ца Беляевская	42	158	42	158	–	–
хут. Н-Беляевский	24	131	4	17	20	114
Граббевский с/с	261	1043	228	925	33	118
ст-ца Граббевская						
Гр. Харьковская	27	130	27	130	–	–
Гр. Городовиковская	31	148	31	148	–	–
хут. Панда	99	328	82	292	17	36
хут. Безымянный	33	164	33	164	–	–
хут. Худжурта	71	273	55	191	16	82
племхоз № 4	1	32	–	18	1	14
И т о г о:	1988	9522	1374	6029	614	3493

Территория Калмыцкого района определялась в 174 902 га с населением 9 522 человека, из них 63,3 % калмыцкое население. Район фактически был образован в составе 9 сельских советов с 38 населенными пунктами, в которых насчитывалось 1988 хозяйств, в том числе 69,2 % калмыцкие хозяйства. Из всех населенных пунктов Сальского округа, где калмыцкое население более 50 душ, в Калмыцкий район не включались лишь станица Бурульская (524 человека, в том числе 100 калмыков, составляющих 30 хозяйств) и хутор Шарабулук (16 калмыцких хозяйств и 62 калмыка). Предполагалось их переселить в 1930 г. в Эркетинский сельский совет, где имелись освобожденные дачи хуторов Кравченко и Сальского [47].

Административная комиссия при Президиуме ВЦИК, окончательно заслушав 3 января 1930 г. вопрос об административно-территориальном устройстве калмыцкого населения Сальского округа, Северо-Кавказского края, постановила: «1) Образовать в составе Сальского округа Северо-Кавказского края национальный Калмыцкий район, с центром в пос. Зимовники.

2) Включить в состав упомянутого района следующие сельские советы со всеми входящими в их состав населенными пунктами: Батлаевский и Ново-Николаевский Романовского района, Кутейниковский, Стояновский и Власовский Зимовниковского района, Эркетинский, Ивановский и Старо-Беляевский Дубовского района, Граббевский Ремонтненского района, и следующие земли ГЗИ: Иловайской дачи Зимовниковского района, бывшей Мартыновской дачи Романовского района, племхоза № 4 акционерного общества “Овцевод” и все допереселенческие доли, поименованные в постановлениях специальной краевой комиссии от 30 сентября и 2 октября 1929 г. – протоколы № 1 и 2, постановление президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 6 ноября 1929 г. – протокол № 58.

3) Вопрос о передаче в состав Калмобласти 20 тыс. га из фонда ГЗИ земель Сальского округа в связи с образованием Калмыцкого района считать отпавшим.

4) Учитывая имеющиеся поручения Президиума ВЦИК, уточнить внешние границы областей и краев к 1 мая 1930 г. (постановление от 2 сентября 1929 г., протокол № 16, п.10) – вопрос о возможности

передачи Калмыцкого района в состав Калмыцкой области обсудить при рассмотрении проекта об уточнении границ между Северо-Кавказским и Нижне-Волжским краями» [48]. Вопрос о возможности передачи Калмыцкого района в состав Калмоласти был внесен присутствовавшим на заседании представителем Калмыкии А. Амур-Сананом.

Накануне заседания Президиума ВЦИК, 25 февраля 1930 г. Секретариат ВЦИК под председательством А. С. Киселева и с участием членов Секретариата А. И. Досова, А. С. Енукидзе, И. И. Кутузова, П. Г. Смидовича, В. Н. Толмачева и представителей Калмыцкой автономной области А. М. Амур-Санана и Северо-Кавказского крайисполкома Мелькумова, а также Административной комиссии и Отдела национальностей ВЦИК рассмотрел и утвердил проект постановления Президиума ВЦИК об образовании в Сальском округе, Северо-Кавказского края национального Калмыцкого района (протокол № 37), который был внесен Административной комиссией при Президиуме ВЦИК.

В связи с положительным решением вопроса об образовании района Секретариат ВЦИК отклонил предложение Калмыцкой автономной области о передаче ей 20 тыс. га земли из Сальского округа. А что касается 214 тыс. рублей, ассигнованных Наркоматом земледелия РСФСР на переселение калмыков, Секретариат ВЦИК передал на рассмотрение СНК РСФСР [49].

28 февраля 1930 г. Президиум ВЦИК в составе председателя М. И. Калинина, секретаря А. С. Киселева, членов Президиума А. В. Артюхиной, А. В. Досова, С. С. Лобова, кандидатов в члены М. П. Владимирова, И. И. Кутузова, С. И. Степанова, В. Н. Толмачева, А. В. Шотмана и представителя Северо-Кавказского края Мелькумова, рассмотрев вопрос об образовании в Сальском округе Северо-Кавказского края национального Калмыцкого района, внесенный Секретариатом ВЦИК, принял постановление:

«1. Образовать в Сальском округе, Северо-Кавказского края, национальный Калмыцкий район, с центром в пос. Зимовники.

1. Включить в состав Калмыцкого района следующие сельсоветы со всеми входящими в их состав населенными пунктами: Батлаев-

ский и Ново-Николаевский Романовского района, Кутейниковский, Стояновский и Власовский Зимовниковского района, Эркетинский, Ивановский и Старо-Беляевский Дубовского района, Граббевский Ремонтненского района, территорию племхоза № 4 акционерного общества “Овцевод” и следующие земли государственных земельных имуществ: Иловойской дачи Зимовниковского района, б. Мартыновской дачи Романовского района и все допереселенческие доли в границах сельсоветов, поименованных выше».

Председатель ВЦИК
Секретарь ВЦИК

М. Калинин
А. Киселев

Москва, Кремль

28 февраля 1930 г. [50].

7.3. Калмыцкий район Ростовской области в 1930-х годах

В октябре – ноябре 1929 г. Оргбюро Сальского окружного комитета ВКП(б) по Калмыцкому району во главе с Беккемейстером провело работу по организации районных органов государственной власти и управления. Районный съезд советов в середине октября председателем райисполкома избрал Н. Н. Манжикова, его заместителем – Б. Л. Куюкинова, секретарем – Долгинова, заведующим земельным отделом – К. М. Менькова, заведующим отделом народного образования – Н. К. Манжикова. Председателем районного потребительского союза был назначен Сасыков, начальником районного отделения НКВД – Н. С. Бурлуткин, следователем в районе – Семпа Саматанов, кандидата в члены ВКП(б).

Бюджет района на 1930 г. был составлен и утвержден: по доходам – 115 000 руб., в том числе местные налоговые – 1 000 руб., местные неналоговые – 70 300 руб.; расходы – 119 600 руб., из них на финансирование народного хозяйства – 12 600 руб., на социально-культурные нужды – 56 100 руб. В результате мобилизации средств от населения поступило 159 000 руб., в том числе обязательные платежи – 78 000 руб. Остаток наличными к концу года составил 19 700 руб.

На очередном заседании в 1931 г. районный съезд советов председателем райисполкома избрал Б. Л. Куюкинова, секретарем – Н. Ц. Максимова. Бюджет района на 1931 г. был утвержден: по доходам – 251 100 руб., в том числе местные налоговые – 3 900 руб., местные неналоговые – 89 700 руб.; расходы – 361 400 руб., из них на развитие народного хозяйства – 34 400 руб., на социально-культурные нужды – 213 900 руб. Мобилизационные средства от населения в 1931 г. составили 402 000 руб., в том числе обязательные платежи – 187 000 руб. [51].

В период образования района на его территории числилось 8 партийных ячеек и кандидатских групп, в состав которых входили 111 коммунистов, в том числе 45 членов ВКП(б) и 66 кандидатов в члены ВКП(б). По социальному составу они характеризовались следующими данными: 64 рабочих, 40 крестьян, 7 служащих; по роду занятий: рабочие – 64, крестьяне (все колхозники) – 23, служащие – 24. Всего 8 женщин входили в состав парторганизации. До проведения партийной конференции руководил партийной работой на территории образующегося района председатель Оргбюро Сальского окружкома ВКП(б) Беккемейстер.

Первая Калмыцкая районная партийная конференция состоялась 25–26 мая 1930 г. в поселке Зимовники – районном центре. В ее работе приняли участие 42 коммуниста. Конференция избрала бюро райкома ВКП(б) в составе П. А. Голошубова (секретарь), Д. Орлова, Мишкина, кандидатом в члены бюро – С. Кутушова [52].

В том же году райком ВКП(б) и райисполком приняли решение об издании еженедельной районной газеты «Ulan Maľs» («Улан малч» – «Красный животновод») на калмыцком и русском языках. Районная газета начала издаваться с января 1931 г. Она являлась печатным органом Калмыцкого райкома ВКП(б), райисполкома, райспс и райколхозов – VKP(b)-n Xaľmg raikomin, RIK-n, RaiSPS boln Raikolxosuzin gased. В первые годы тираж газеты не превышал 600 экземпляров. Первым ответственным редактором газеты был назначен Аксен Илюмжинович Суссев. В последующем редакторами работали Огарков, Ф. Старков, Э. К. Никшиков, П. П. Яковлев.

Организационный период становления Калмыцкого района совпал с начавшейся ликвидацией округов в стране, в том числе и в Северо-Кавказском крае. ЦК ВКП(б), принимая 15 июля 1930 г. постановление «О ликвидации округов», ставил задачу улучшить связь края с низовыми организациями, укрепить руководство местных органов и приблизить их к населению, расширить права районов. Бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в начале августа 1930 г. приняло постановление «О ликвидации округов», обязавшее крайисполком «провести всю работу по ликвидации округов с таким расчетом, чтобы 15 августа 1930 г. во всех округах были ликвидированы окружные организации и остались только Бюро связи». Предлагалось в каждом районе создать к 13 августа 1930 г. райсовпрофы, выпускать в районах газеты не чаще 2 раз в пятидневку [53].

Президиум Северо-Кавказского крайисполкома 7 августа 1930 г. принял постановление немедленно приступить к ликвидации русских округов Северного Кавказа, установлению непосредственной связи краевых организаций с районами, завершить всю работу по ликвидации округов к 1 октября 1930 г. Предлагалось распустить с 15 августа без созыва сессий все окружные исполкомы.

Вся сеть городов и районов (87 районов, в том числе Калмыцкий район) переходила в непосредственное подчинение краевым организациям. Затем президиум утвердил типовую структуру исполкомов городских, районных, станичных и сельских советов. Структура и штаты райисполкомов устанавливались в зависимости от количества населения двух типов – 3-го и 4-го. Штаты 88 райисполкомов были утверждены 3 августа 1930 г. в количестве 1550 штатных единиц (по 3-му типу – 47, 4-му типу – 31). В числе 7 райисполкомов штат Калмыцкого райисполкома был установлен в количестве 19 штатных единиц [54].

По штатному расписанию устанавливались в нем следующие должностные единицы:

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

Райисполком	штатные единицы	Вскоре были образованы финансовый отдел в составе 6 единиц
председатель	1	(инспектор по доходам, инспектор
секретарь	1	по госстраху, бухгалтер, делопроиз-
инструктор	1	водитель); инспекция здравоохране-
Секретариат	1	ния (инспектор-врач, инспектор по
тех. секретарь	1	матер. и младенству); инспекция по
машинистка	1	набразованию (2 инспектора); ин-
регистратор	1	спектор по собесу – 1; инспектор по
уборщица	1	труду – 1; инспектор по торговле – 1;
курьер	1	
кучер		
Районный отдел связи		Районная контрольная комиссия
заведующий	1	РКИ (председатель, инспектор – 1).
пом. по эксп. части	1	
инструктор-бух.	1	
инструктор по печати	1	
инструктор по общ. во-	1	
просам		
Земельный отдел		
заведующий	1	
райагроном	1	
агроном-инспектор	1	
землеустроитель	1	
ветврач	1	

Одновременно были утверждены структура и штаты исполкомов 1484 сельских и станичных советов края в количестве 7801 штатной единицы.

Исполком	до 3 тыс. насел.	5 тыс.	10 тыс.	свыше 10 тыс.
Председатель	1	1	1	1
Зам. председателя	–	–	–	1
Секретарь	1	1	1	1
Бухгалтер	–	–	1	1
Счетовод	–	1	–	–

Счетовод-статистик	1	—	—	—
Делопр-изв.-машинистка	—	1	1	1
Статистик	—	1	1	1
Сторож-уборщица	1	1	1	1
Конюх	—	—	1	1
Всего по штату:	4	6	7	8 [55].

Образование района совпало с начавшейся коллективизацией сельского хозяйства, преследовавшей цель вовлечь население в новую социокультурную и экономическую жизнь. 27 ноября 1929 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) приняло решение «О сплошной коллективизации Северного Кавказа», наметившее завершить её к лету 1931 г. А президиум Северо-Кавказского крайисполкома 3 декабря 1929 г. (протокол № 65, п. 1581), отметив, что «бурный рост колхозного движения происходит при активнейшей поддержке и участии не только батрацко-бедняцких хозяйств, но и середняцких масс», постановил «закончить в основном коллективизацию сельского хозяйства края не позже весны 1931 года». В начале декабря 1929 г. аналогичное решение приняло бюро Сальского окружкома партии. В Сальском округе в 1929 г. было организовано уже 319 коллективных хозяйств, из них 44 коммуны, 70 артелей, 205 товариществ по совместной обработке земли. Коллективизацией было охвачено 6 159 крестьянских хозяйств с населением 25396 (5,2 % от общей численности населения округа, по краю – 6,7 %) человек. Колхозам принадлежало 108 833 га земли, в том числе посевы составляли 53 039 га. Они имели 197 тракторов, 2 159 лошадей, 7 308 голов крупного рогатого скота (в том числе 1 237 коров), 3 322 рабочего скота, 1 734 свиней, 27 884 овец [56].

В Калмыцкий район при его создании вошли 3 совхоза (Дыбовский, Калмыцкий № 4, Дубовский № 6), 1 коммуна, 17 артелей (колхозы «Пятилетка» 1928 г., «Правда», им. Ворошилова, им. К. Либкнехта, им. Хомутникова, основанные в 1929 г., «Свободная жизнь», «Батлаевка», им. Жлобы, «Кирсан», «Сарун мер», им. Сталина № 1, «Путь к социализму», «Болдыра», «Новая жизнь», «Красный партизан № 1», им. Фрунзе, им. Ленина, основанные в 1930 г.), 2 товари-

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

щества по совместной обработке земли, в которых были объединены 2 600 (80,7 %) крестьянских и казачьих хозяйств с населением 10 400 (78,5 %) человек. А по Донской области процент коллективизированных крестьянских и казачьих хозяйств составлял 80,5.

В 1931 г. в районе были организованы еще колхозы «Красный партизан № 2», им. Сталина № 2, «13 лет РККА», им. Городовикова № 1, им. Городовикова № 2. Экономическое состояние хозяйств района в 1930–1931 годах характеризовалось следующими данными.

Показатели	совхозы	колхозы	инд. сектор	фонд пересел.	ГЗИ
Усадьбыные земли	200 га	2300 га	400 га	–	–
Пашни	33300	33300	5900	1000	10400
Сенокосы	99000	7100	1200	400	11600
Выпаса	104700	34200	6000	500	–
Всего земли	239000	78500	13800	1900	22300
Удобной земли	237200	77100	13500	1900	22300
Посевов	нет свед.	12727	1917		
Лошадей	нет свед.	1292	446	в учрежд. и орг.	18
Волов	нет свед.	931	125		
Коровы	нет свед.	476	526	не обобществл.	1597
КРС	нет свед.	2355	1303	не обобществл.	3478
Овцы	нет свед.	6068	722	не обобществл.	1791
Свиньи	нет свед.	124	77	не обобществл.	164

В районе имелись 273 предприятия только мелкой промышленности, в них работали 322 человека, стоимость всей вырабатываемой продукции составляла 362 300 руб. В 8 цехах социалистического сектора был занят 21 человек (235 600 руб.), в 2-х кооперативных – 8 человек (155 600 руб.), в 6 колхозных – 13 человек (80 тыс. руб.) [57].

Президиум Северо-Кавказского крайисполкома, принимая во внимание не совсем удачный выбор административного центра Кал-

мыцкого района, 29 ноября 1931 г. обсудил вопрос «О центре Калмыцкого района». Президиум признал, «что нахождение в одном населенном пункте – поселке Зимовники центров двух районов (Зимовниковского и Калмыцкого) стесняет инициативу этих районов в развертывании строительства райцентра, как административно-культурного центра.

Учитывая вместе с этим большие хозяйственно-культурные задачи, стоявшие перед Калмыцким районом и территориально невыгодное положение в данное время его райцентра, затрудняющее обслуживание и связь с населенными пунктами, во изменение постановления президиума крайисполкома от 27 июня 1931 г. (протокол № 20, п. 12) центром Калмыцкого района вместо намечаемой станицы Дубовской, утвердить станицу Кутейниковскую, как занимающую наиболее выгодное для райцентра территориальное положение и населеную преимущественно калмыками.

Просить Президиум ВЦИК утвердить настоящее решение» [58].

Население Калмыцкого района в 1931 г. составляло 17874 человека, из них жили в 22 колхозах 10238 (колхозники), 3 совхозах – 4779 (рабочие – 1202, служащие – 134, остальные члены их семей), 1063 человека (служащие районных учреждений и их члены семей), 309 рабочие мелких предприятий, в 395 единоличных хозяйствах – 1485 человек. Население района распределялось по сельским советам, в том числе и Немецко-Потаповскому, вошедшему в состав района после ликвидации Романовского района, в следующем порядке.

Сельсоветы	к-во нас. пунктов	к-во колхоз.	в колх. хоз-в	един. хоз-в	насел. в колх.	насел. вне колх.	всего населен.
Кутейниковский	2	2	208	10	672	45	717
Стояновский	5	2	204	14	830	57	887
Власовский	3	3	251	26	1015	82	1097
Граббевский	2	2	432	25	1515	35	1550
Батлаевский	1	1	153	13	462	53	515
Ново-Николаевский	2	1	197	29	756	133	889
Нем.-Потаповский	3	1	242	22	1017	78	1095
Эркетинский	5	4	324	54	1412	214	1626

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

Андреевский	4	4	490	176	1924	668	2592
Ивановский	3	2	138	26	635	120	775
И т о г о:	30	22	2639	395	10238	1485	11723

Коллективизированных хозяйств в районе насчитывалось 2639 (дворов) (87,0 %) с населением 10238 (87, 3 %) человек, сохранялось еще 395 (13 %) единоличных хозяйств с населением 1485 человек. С переходом к социалистическому способу хозяйствования в экономическом отношении в Калмыцком районе заметных сдвигов не произошло. В 1932 г. его посевные площади составили всего 31483 га, из них озимые – 10806 га, яровые – 20677 га. В хозяйствах района имелось: тракторов – 39, лошадей – 2439, в том числе рабочие – 1558, крупного рогатого скота – 10697, в том числе рабочие волы – 2628, коровы – 3452, овец – 187411, свиней – 1105 голов, а также 3 ветфельдшерских пункта, 21 специализированная животноводческая ферма [59].

Экономическое состояние колхозов Калмыцкого района с завершением коллективизации в начале 1930-х годов было представлено следующими данными.

Колхозы	Дворов	Насел. взрост.	Посев. площ., га	Раб. лоша.	Раб. вол.	Коров	Фермы
Кутейниковский с/с:							
колх. «Свободная жизнь»	218	478	605	40	46	143	1 коневодч.
им. Городовикова № 2	63	129	172	21	2		1 молочн.
Стояновский с/с:							
колх. «Путь к социализму»	522	281	822	40	65	122	1 мясомол.
13 лет РККА	172	88	305	30	–		
Граббевский с/с:							
колх. им. Сталина № 1	679	347	808	53	148	117	1 мясомол.
«Сарун мер»	480	253	675	51	84	29	1 коневодч. 1 овцеводч.
Власовский с/с:							
колх. «Кирсан»	593	312	730	52	24	12	1 овцеводч. 1 молодняк.

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

им. Городовикова № 1	207	108	260	14	23		1 молодняк
им. Жлобы	184	97	720	49	10	24	1 мясомол.
Батлаевский с/с:							
колх. Батлаевка	597	315	1200	33	49	5	1 свиноводч.
Нем.-Потаповский с/с:							
колх. им. К. Либкнехта	835	434	4608	184	—	5	1 свиноводч.
им. Хомутникова	768	405	1429	65	14	10	1 коневодч. 1 овцеводч.
Эркетиновский с/с:							
колх. «Красный партизан» № 2	78	40	148	21	—	27	
им. Ленина	472	249	992	58	48	12	1 овцеводч.
им. Фрунзе	347	182	667	15	62	128	1 мясомол.
«Красный партизан» № 1	374	197	857	43	36	157	1 мясомол.
Андреевский с/с:							
колх. им. Сталина № 2	427	220	685	18	102	29	1 молодняк.
«Пятилетка»	300	158	523	15	59	12	1 овцеводч.
им. Ворошилова	296	156	560	17	72	9	1 молодняк.
«Правда»	970	512	1721	44	195	23	
Ивановский с/с:							
колх. «Новая жизнь»	374	197	1114	81	84	—	1 молодняк.
«Болдыра»	150	77	190	18	7	14	
И Т О Г О:	9106	5235	19791	1015	1130	2008	21
	(63,8%)	(43%)	(25,4%)				

10 колхозов тракторами и другой техникой обслуживали Кутейниковская и Мартыновская МТС, а 12 колхозам приходилось самим выполнять все полевые работы (поля обрабатывать, сеять, убирать, вывозить и т. д.).

Общая земельная площадь 3 совхозов составляла 272 761 га, в том числе пашни занимали 16 451 га, из них озимые – 1 849 га, яровые – 8 7727 га. На балансе совхозов находились 37 тракторов, 463 лошади, 1 879 крупного рогатого скота, 1 642 рабочих вола, 106 коров, 308 свиней, 176 609 овец. Совхозы имели специализированные фермы: 6 мясомолочные, 1 коневодческая, 1 по выращиванию конского молодняка, 1 свиноферма. Одним из крупных совхозов был Калмыцкий совхоз № 4, входивший в систему треста «Овцевод». Его население составляло 1 834 человека. Совхоз имел 19 тракторов, 367 лошадей, 973 крупного рогатого скота, 74 335 овец, 319 свиней [60].

Однако необходимость развития в районе хозяйственных связей показала, что она была затруднена чересполосицей территорий сельских советов, поскольку многие из них были вкраплены в другие районы. В связи с этим президиум Северо-Кавказского крайисполкома вынужден был вновь вернуться к рассмотрению территориального вопроса Калмыцкого района. В его постановлении от 4 ноября 1932 г. (протокол № 79, п. 18) отмечалось: «В целях обеспечения всех необходимых условий для хозяйственного и культурного роста национального Калмыцкого района считать необходимым Калмыцкий район, вкрапленный пятью отдельными частями в Зимовниковский район, свести в один массив в западной части Зимовниковского района». Поэтому было принято решение:

«1). Передать из Зимовниковского в Калмыцкий район совхоз Союзпромкорма с земельной площадью 12 000 га, зоотехническую станцию на площади 28 000 га, сельсоветы: Московский с территорией 8 032 га; Иловайский с территорией 13 790 га; участок коммуны имени Ворошилова с земельной площадью 10 000 га; хутора – Харьковский, Красная степь, Трудовой крестьянин, Ново-Лодин и Петровский из Куберлеевского сельского совета; Ковалев и Красная степь – из Зимовниковского района с общей земельной площадью 17 000 га.

2). Передать из Пролетарского в Калмыцкий район Денисовский сельский совет со всеми населенными пунктами с территорией 7 600 га, том числе: бывшие хутора Ряски и Елецкий маяк с площадью из 4-х клеток в 1 600 га в северной части участка этих хуторов, оставив южную часть участка (2 клетки) в количестве 800 га за колхозом “Красный Октябрь” Пролетарского района в целях сохранения целостности производства указанного колхоза.

В целях выправления границ, перечислить из южной части территории совхоза Союзпромкормучастка в количестве 1 200 га в Пролетарский район, компенсировав изъятые земли в совхозе прирезкой к последнему такого же количества земли (1 200 га) из Пролетарской части его, граничащей с указанным совхозом.

3). Передать из Калмыцкого в Зимовниковский район территорию совхозов Овцеводтреста № 6 на площади 128 969 га и № 4 на площади 92 000 га, Дубовский участок Военконзавода, расположенный при

станции. Семичная и русские сельские советы Эркетинский, Андреевский, Ивановский со всей их территорией в количестве 32 941 га.

4). В целях концентрации калмыцкого населения вокруг районного центра, считать необходимым калмыцкое население хуторов Власовского и Сад-Адьяльяновского переселить на территорию Калмыцкого района, первый – в хутор Ковалев, второй – в хутор Трудовой крестьянин.

Хутора Власовский и Сад-Адьяльяновский с оставшимся русским населением передать в Зимовниковский сельский совет Зимовниковского района. Власовский сельский совет упразднить.

5). Ввиду состоявшегося уже переселения калмыцкого населения из станиц Беляевского сельского совета, последний упразднить, как фактически уже не существующий, передать его территорию Ремонтненскому району.

6). Вследствие состоявшегося переселения калмыцкого населения из хутора Болдырь Ивановского сельского совета и хутора Чуносковского Власовского сельского совета, считать хутор Болдырь и Чуносковский упраздненными с 1 мая 1932 г.

7). Для административно-хозяйственного и социально-культурного обслуживания русского населения хуторов, присоединенных из Зимовниковского к Калмыцкому району – образовать в составе Калмыцкого района два новых сельских совета: Трудовой крестьянин с центром в хуторе Трудовой крестьянин и с включением в него хуторов Харьковский, Красная степь, села Петровское, Жирное, Ново-Лодинское; Ковалевский сельский совет с центром в хуторе Ковалевский и с включением в него хуторов Торговой, Красный Октябрь и вновь переселенный хутор Ново-Гашун.

8). В результате произведенных изменений установить Калмыцкий район на территории 148 285 га с центром в станице Кутейниковской в составе 11 сельских советов: Батлаевский, Московский, Денисовский, Немецко-Потаповский, Ново-Николаевский, Иловайский, Граббевский, Кутейниковский, Стояновский, Труд – Крестьянский и Ковалевский.

9). Коневодческий участок в количестве 7000 га Зимовниковского района, арендуемый коммуной “Ордена Ленина” Пролетарского

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

района перечислить последней, но в целях компенсации Калмыцкого района земли передать из Пролетарского в Калмыцкий район участок в количестве 7000 га из территории Суховского сельского совета.

10). Поручить крайадмкомиссии войти с ходатайством перед Президиумом ВЦИК об утверждении настоящего решения» [61].

Новое административно-территориальное деление Калмыцкого района после утверждения в марте 1933 г. состояло из 11 сельских советов с 36 населенными пунктами.

Сельские советы	Центр	Колхозы
Батлаевский	ст-ца Батлаевка	“Батлаевка”
Граббевский	ст-ца Ново-Граббевская	им. Сталина, им. Канукова
Денисовский	хут. Денисовский	“Общий труд”, “Сигнал политотдела”
Иловайский	ст-ца Иловайская	“Сальская степь”
Ковалевский	хут. Ковалевский	“Кирсан”, “13 лет РККА”
Кутейниковский	ст-ца Кутейниковская	“Городовикова”, “Коминтерна”
Московский	хут. Московский	“Штейнгардт”, “Красный Октябрь”
Немецко-Потаповский	ст-ца Потаповская	К. Либкнехта, им. Ворошилова
Ново-Николаевский	ст-ца Ново-Николаевская	К. Маркса, им. Пушкина
Стояновский	хут. Стояновский	“Путь к социализму”, им. Ленина
Труд-Крестьянский	хут. Трудовой Крестьянин	им. Фрунзе, “Верховный Совет СССР”

Территория Калмыцкого района в 1934 г. составляла 155 392 га, из них 103 654 га являлись собственностью колхозов, 5 966 га земли пользовались еще единоличные и крестьянские хозяйства. Колхозам, единоличным и крестьянским хозяйствам принадлежало 51 230 га пашни, 26 467 га сенокосов. В совхозах района обрабатываемые пашни занимали 4 246 га, сенокосные угодия – 17 042 га.

Весной 1934 г. в колхозах Калмыцкого района, вошедшего в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 10 января 1934 г. в состав Азово-Черноморского края, посевные площади составляли 40 512 га, в том числе озимые – 12 947 га (в основном рожь), яровые – 27 565 га (пшеница и ячмень). Колхозами было засеяно 39 585 га (97,7 %), в том числе озимые – 12 654, яровые – 26 931, совхозами – 431 га (озимые – 96, яровые – 335), другими государственными организациями – 246 га (озимые – 84, яровые – 162), единоличными и крестьянскими хозяйствами – 250 га (озимые – 119, яровые – 131) [62].

В 1934 г. в Калмыцком районе работали две МТС, которые обслуживали 29 колхозов: Калмыцкая (19 колхозов с 1627 хозяйствами) и Немецко-Потаповская (10 колхозов с 1152 хозяйствами). Материально-техническую базу Калмыцкой МТС составляли 57 тракторов, 808 лошадей, 1373 вола, 4 комбайна, 5 грузовых автомобиля. В Немецко-Потаповской МТС имелись 12 тракторов, 574 лошади, 482 вола, 41 молотилка, 14 локомобилей, 1 легковая автомашина. Калмыцкая МТС за сезон обрабатывала до 28 800 гектаров земли, Немецко-Потаповская – до 22 090 га, в том числе посевных – 16 374 га [63].

Основной отраслью народного хозяйства района являлось животноводство, сведения о котором приводятся ниже.

	Колхозы	Кол-ки	Единол.	Раб. и служ.	Колх.-кр. сект.	Госсект.	Всего
Лошади	1787	3	54	2	1846	92	1938
в т.ч. рабоч.	1401	2	51	2	1456	87	1543
КРС	4923	3072	161	141	8297	94	8391
Коров	974	1667	91	78	2810	17	2827
Волов	1514	–	–	–	1514	54	1568
Овец	6915	509	6	–	7430	71	7501
Козы	165	59	6	–	229	–	
Свиньи	1535	2058	92	86	3771	12	3783
Верблюды	63	–	–	–	63	–	63

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

В колхозах района имелись 3 коневодческие фермы, где содержались 288 лошадей, 6 овцеводческие (5463 овец и коз), 8 свиноводческие (1 084 свиней), 19 ферм крупного рогатого скота (3 048 голов, в том числе 939 коров) [64].

В районе работали 3 организации потребительской кооперации, 5 организаций государственной торговли, 33 мелкие кооперативные предприятия. Население обслуживали 5 магазинов государственной и 31 магазин кооперативной торговли.

Особое внимание в районе было обращено на обучение детей. В 26 начальных школах в 1934/35 учебном году училось 1 485 детей, с ними занимались 47 учителей, а в 5 неполных средних школах контингент обучающихся составлял 1 078 человек, преподавательский состав – 31 учитель. В Батлаевской неполной средней школе (директор Бадьминов) учителем ботаники работал Дамбо Басанович Баранов, выпускник Пролетарского педагогического техникума. В ней активно работала пионерская организация в составе 92 школьников. В селах района функционировали 14 библиотек, фонд которых составлял 8 220 экземпляров книг и журналов.

В районную сеть учреждений здравоохранения входили одна больница на 20 коек, 1 амбулатории и 2 фельдшерских пункта [65].

К началу 1930-х годов в районе сложилась уже стабильная система местных органов власти и управления, общественно-политические организации. В течение одного года (с 1 октября 1930 по 1 октября 1931 г.) партийная организация района увеличилась со 111 до 338 человек, то есть более чем в три раза. В январе 1932 г. в 13 партийных ячейках района насчитывалось 359 коммунистов, в том числе 170 членов ВКП(б) и 189 кандидатов в члены партии. По социальному положению все партийцы по происхождению были рабочими и крестьянами, а по роду занятий рабочие составляли 182 человека (50,7 %), колхозники – 101 (28,1 %), служащие – 76 (21,2 %). В районной партийной организации женщин по сравнению с 1930 г. увеличилось в 6,5 раза и составило 52 человека [66]. В связи с изменением социальной структуры населения района, с появлением рабочего класса и служащих в мае 1932 г. была образована новая крупная общественная организация – районный совет профессиональных союзов.

Райком ВКП(б), быстрыми темпами увеличивая партийную организацию, одновременно приступил к её чистке. Бюро Калмыцкого райкома ВКП(б) уже 16 июня 1930 г. (протокол № 22) создала парткомиссию по чистке партийных органов и советского аппарата в составе Кутаджинова, Манжикова, Бурлуткина, Кокшаева и М. Васильевой.

В апреле 1934 г. была проведена очередная районная партийная конференция и сформирован состав райкома ВКП(б). Первым секретарем Калмыцкого райкома партии, по рекомендации Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), был избран К. К. Хонский, член ВКП(б) с 1920 г., ранее работавший заместителем секретаря Майкопского райкома партии, вторым секретарем – Мусов Николай Учурович, работавший помощником начальника политотдела МТС. Одновременно райком ВКП(б) утвердил в должностях: председателем райисполкома Басана Санжиновича Манжикова (работал 1934–1936 гг.), заведующим районного земельного отдела Александра Бадьминовича Адьянова, заведующим районного отдела народного образования Владимира Нееба, прокурором района Леонида Ивановича Поповкина, судьей народного суда Акуню Павловну Муманжинову, секретарем райкома ВЛКСМ Доржу Арзыковича Алексева, председателем райпотребсоюза М. И. Гамберова, управляющим отделением Госбанка Григория Соколова, уполномоченным заготовок СНК СССР по Калмыцкому району Михаила Григорьевича Несватова, уполномоченным крайсовпрофа Улюмжу Кокшаева, уполномоченным заготовлено Алексея Кривошеева, начальником районной связи Илью Алексеевича Сумьянова, редактором газеты «Улан малч» – «Красный животновод» Филиппа Старкова, а также директором Калмыцкой МТС Андрея Федоровича Шульгина, директором Немецко-Потаповской МТС – Георгия Федорович Ляха.

Вскоре, в ходе партийной чистки, из партии были исключены прокурор района Л. И. Поповкин, как «выходец из лево-эсеровской партии», а также А. С. Буджалов, Ц. Б. Шарманджиев, А. А. Бимбинов, Д. К. Сангилов, И. Д. Шаджанов, К. Р. Зазыков, Д. Манцинов, О. Джуджинов, А. Е. Абушинов [67].

«Большой террор», развернутый в 1937 г. повсеместно в стране, не обошел стороной небольшой Калмыцкий район. Далеко по не пол-

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

ным данным Э. И. Емельянова, составленным по спискам реабилитированных лиц, в Ростовской области были осуждены на различные сроки в концлагеря и расстреляны немало калмыков. По его же данным были расстреляны: Балдашинов Петр Чапинович, 1902 года рождения, б/п, х. Сальский, артель «Пятилетка», плотник; Санжинов Санжи Бадьминович, 1914 года рождения, б/п, х. Эркетиновка, завод «Ростсельмаш», наладчик; Абушинов Басан Настинович, 1895 года рождения, ст. Баклановская, Кагальницкого района, колхозник, расстрелян 8.10. 1937 г.; Абушинов Иван Даржинович, 1908 года рождения, х. Стояновский, тракторист, расстрелян 7.9.1937 г.; Абушинов Даржа Нимгирович, 1888 года рождения, х. Стояновский, колхозник, расстрелян 1.9. 1937 г.; Абушинов Б. М., 1881 года рождения, ст. Иловайская, колхозник, расстрелян 14.11. 1937 г.; Адудов Василий Адучинович, 1877 года рождения, х. Шара-Бурук, хлебороб, расстрелян 2.9. 1937 г.; Андреев Урнус Егорович, 1881 года рождения, ст. Батлаевская, расстрелян 8.10. 1937 г.; Антонов Суббота Авджинович, 1880 года рождения, ст. Денисовская, расстрелян в 1937 г.; Баргинов Муша Салменович, 1895 года рождения, ст. Кутейниковская, хлебороб, расстрелян 3.10. 1937 г.; Бембинов Василий Шулеевич, 1902 года рождения, ст. Кутейниковская, расстрелян 7.9. 1937 г.; Болданов Эренжен Пахаданович, 1897 года рождения, ст. Граббевская, колхозник, расстрелян 14.11. 1937 г.; Бульданов Манжик Будунович, 1893 года рождения, ст. Платовская, конюх, расстрелян 1.9. 1937 г.; Бурнинов Илюмжи Сарнинович, 1897 года рождения, х. Терновский Зимовниковского района, расстрелян 23.10. 1937 г.; Минаев Саран Бадьминович, 1891 года рождения, ст. Денисовская, расстрелян в 1937 г.

К 10 годам концлагерей были осуждены: Абушинов Учур, ст. Платовская; Инжинов Цебек Кирсанович, ст. Кутейниковская; Даржинов Манц Менькович, 1907 года рождения, б/п, ст. Батлаевская, студент 2-го мединститута (г. Москва); Тепкин Церен Утнасанович, 1905 года рождения, б/п, ст. Ново-Николаевская; Трушкин Нури Бембинович, 1904 года рождения, б/п, ст. Батлаевская, овцевод; Тюльтинов Доржи Федорович, 1905 года рождения, б/п, х. Паунья, Потребобщество, счетовод; Шарапов Иларион Иванович, 1908 года рождения, б/п, ст. Батлаевская, хлебороб.

К различным срокам концлагерей были осуждены: Балинов Алексей Менькович, 1910 года рождения, б/п, х. Стояновский, Калмыцкая МТС, учился на сельскохозяйственных курсах, 8 лет; Кушкин Григорий Эрднинович, 1905 года рождения, б/п, ст. Ново-Николаевская, начальник райотдела милиции, 8 лет; Серкунов Александр Шокинович, 1909 года рождения, б/п, Граббевский сельсовет, водитель «Автогужтреста» г. Элиста, 8 лет; Исаев Александр Джерголович, 1900 года рождения, б/п, ст. Ново-Николаевская, учитель, 5 лет; Петров Алексей Карпович, 1908 года рождения, б/п, х. Стояновский, учитель, 5 лет; Антаканов Николай Басанович, 1884 года рождения, Пролетарский район; Антаканов Цебек Басанович, 1889 года рождения, конезавод Александра; Антаканов Александр Илюмжинович, 1885 года рождения, ст. Граббевская; Абушинов Григорий Ефимович, 1895 года рождения, ст. Бурульская; Абушинов Лидже Немгурович, 1891 года рождения, ст. Ново-Алексеевская; Абушинов Василий Атыкович, 1895 года рождения, ст. Платовская; Абушинов Эрдне Атыкович, 1888 года рождения, ст. Платовская; Абушинов Эрдне Шутулович, 1897 года рождения, ст. Платовская; Абушинов Аю Манжикович, 1893 года рождения, ст. Платовская; Абушинов Нарне Николаевич, 1893 года рождения, ст. Батлаевская; Архаков Михаил Басанович, 1894 года рождения, ст. Ново-Николаевская; Аштанов Бембе Бадминович, 1893 года рождения, ст. Платовская; Алювинов Балдан Больджирович, 1879 года рождения, ст. Платовская; Бальдюнкинов Дордже, 1896 года рождения, ст. Денисовская; и др. [68].

С повсеместным завершением коллективизации колхозы в Калмыцком районе к середине 1930-х годов стали, как и повсеместно в стране, практически единственной формой организации сельскохозяйственного производства. В результате им удалось обеспечить переход калмыцких хуторов, станиц к новой социокультурной и экономической модели общества. В районе работали 1 детский садик (11 детей), 28 летних дошкольных площадок, 30 школ со 102 учителями (24 начальные, 5 неполно-средние и 1 средняя), в которых обучались 2221 ученик в 1–4 классах, 602 – в 5–7 классах, 15 – в 8–10 классах. Кроме того, в районе действовали 5 школ (456 учащихся) для обучения неграмотных и 21 группа ликвидации безграмотных (1420 че-

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

ловек). В селах района были открыты 15 библиотек с фондом 6078 книг, 40 клубов, 1 дом культуры, 19 красных уголков. В районе работали 3 кинопередвижки. В сеть здравоохранения района входили: 1 больница на 35 коек, где работали 4 врача, 5 фельдшерских пунктов, 4 врачебные амбулатории.

В 1935–1937 гг. в районе стабильно работали 29 колхозов, посевная площадь колосовых которых составляла 15 248 га, горчицы – 2025 га, а всего в районе было посеяно зерновых 15 300 га, из них озимые – 12 687, яровые – 2 613 га. В колхозах имелись 48 садов. Обработка полей и уборка урожая с колхозных полей осуществлялась техникой двух МТС (Калмыцкой – 19 колхозов, Немецко-Потаповской – 10 колхозов). В МТС работали 116 тракторов, из них 12 гусеничных, 10 грузовых автомашин, 63 механические молотилки, 11 локкомобилей. В них имелись 98 тракторных плугов и 532 конные плуги, 17 тракторных борон, 2 тракторных и 53 конных культиваторов, 31 сеялка, 9 сенокосилок. Однако из-за недостаточности комбайнов (всего 18), основная часть скошенных зерновых лобогрейками (462 лобогрейки и 8 сноповязалок)) вязалась в снопы вручную. Это можно проиллюстрировать по сводке районного земельного отдела о ходе уборки колосовых на 10 июля 1936 г.

Колхозы	План	Скошено	Убрано комбайнами
им. Ворошилова	1216 га	233 га	18 га
им. Фрунзе	1008	120	–
«Общий труд»	1573	90	40
им. Канукова	802	75	–
им. Сталина № 1	684	15	–
«Сальская степь»	2327	681	94
им. Ларина	1132	200	51
им. Буденного	1165	225	35
им. Городовикова	802	105	27
«Коминтерн»	2666	22	–
им. Яковлева	1112	95	44
«Красный Октябрь»	742	34	2
«Кирсан»	807	144	35

К. Н. МАКСИМОВ. КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

«13 лет РККА»	629	93	25
«Путь к социализму»	628	49	15
«17 лет Октября»	404	5	5
им. Жлобы	96	—	—
Итого по Калмыцкой МТС	18664	2390	390
«Батлаевка»	1220	300	161
им. Сталина № 2	1702	312	167
«Штейнгардт»	2057	613	133
«Сигнал политотдела»	1432	232	183
«Общий труд»	1720	365	102
«К. Либкнехт»	2674	816	119
им. Ворошилова	1536	519	67
им. Шеболдаева	308	45	—
им. Хомутникова	1392	180	7
«Красный партизан»	1080	173	28
Итого по Немецко-Потаповской МТС	15120	3614	967
Всего по району:			
на 10 июля	33784	6004 (17,8 %)	1357
на 15 июля	33784	13289 (39,3 %)	3728

В 1937 г. хозяйства Калмыцкого района имели 2515 лошадей, из них принадлежали колхозам – 2384, крупного рогатого скота – 13530 голов, в том числе 2364 волов, 100 быков, 4127 коров. Количество овец увеличилось до 21167 и свиней – до 5849 голов.

На 5 августа 1936 г. колхозы района поставили государству 26843 ц (95,2 % от годового плана) зерна и двум МТСам за их работы – на сумму 22807 руб. (54 % от полной стоимости продукции, а также вернули долги по семенной ссуде 527 ц [69].

При разделении Азово-Черноморского края на Краснодарский край (центр г. Краснодар) и Ростовскую область (центр г. Ростов-на-Дону) (постановления ВЦИК от 8 сентября и ЦИК СССР от 13 сентября 1937 г.) Калмыцкий район с населением 18402 человека вошел в состав области, где числились 7 городов и 61 район. Администра-

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

тивно-территориальное деление Калмыцкого района в 1937 г. представляло в следующем виде:

Сельские советы	Населенные пункты
Московский	хут. Московский, хут. Татнинов, хут. Штейн-гардт
Немецко-Потаповский	п. Немецко-Потаповский, хут. Ворошиловск, хут. Пятилекта, хут. Степной
Иловайский	ст-ца Иловайская, хут. Веселый, хут. Буденного, хут. Братский (передан из Романовского района)
Труд – Крестьянский	хут. Трудовой Крестьянин, хут. Сальский, хут. Харьковский, хут. Красная степь, хут. Жирный, хут. Ново-Лодин, хут. Трудовой
Кутейниковский	ст-ца Кутейниковская, хут. Петровский, хут. Садовый, хут. Калининский
Ново-Николаевский	ст-ца Ново-Николаевская, хут. Мамон, хут. Зундово
Денисовский	хут. Денисовский, хут. Ряски, хут. Красный маяк
Батлаевский	ст-ца Батлаевская
Граббевский	хут. Граббевский, хут. Зюнгар
Ковалевский	хут. Ковалевский, хут. Красный Октябрь, хут. Калинина, хут. Ново-Гашун, хут. Торговый
Стояновский	хут. Стояновский, хут. Атаманский, хут. Николаевский [70].

После массовых чисток партии и репрессий Калмыцкий райком ВКП(б), как и повсеместно по стране в соответствии с общей директивой ЦК ВКП(б), приступил к форсированному пополнению районной парторганизации. Несмотря на ежегодный прием в члены партии, кандидатов в члены ВКП(б), районная парторганизация, имевшая 359 коммунистов (170 членов ВКП(б) и 189 кандидатов) в 1932 г., сократилась к 1939 г. до 286 (146 членов ВКП(б) и 140 кандидатов). В ходе чистки партийные ячейки исключили за этот период 84 коммуниста и более ста кандидатов.

В 1939 г. в районной партийной организации по роду занятий составляли: рабочие – 51 человек, колхозники – 152, служащие – 83; по национальному составу – 130 калмыков, 129 русские, 15 немцев, 9 украинцев, 2 белоруса и 1 татарин. По образовательному уровню

коммунисты района особо не выделялись из общей массы партийцев области. 227 (79,4 %) коммунистов зафиксировали, что они имеют низшее образование, 39 – незаконченное среднее, 11 – среднее, 9 – высшее и незаконченное высшее [71].

В середине февраля 1939 г. в станице Кутейниковской прошла конференция районной комсомольской организации, объединявшей 707 юношей и девушек. На конференции были избраны члены бюро и секретарь, заведующие отделами райкома ВЛКСМ. 27 февраля 1939 г. на заседании бюро (члены Климов, Ченский, Куюкинов, Бурлуткин, Шульгин, Французов) райкома ВКП(б) секретарем райкома ВЛКСМ утвердили Эрдне Бембиновича Батырева, 1908 года рождения, члена ВЛКСМ с 1925 г., образование среднее; заведующим отделом пионерской работы Московую Анну Алексеевну, 1918 года рождения, члена ВЛКСМ с 1935 г., образование 7 классов; членами бюро райкома ВЛКСМ – Бальчинова Григория Павловича, секретаря райисполкома, кандидата в члены ВКП(б), образование 7 классов, Фелькера Александра Карловича, заведующего отделом партучебы РК ВКП(б), кандидата в члены ВКП(б), образование 7 классов, Французова Алексея Семеновича, заведующего отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б), члена ВКП(б) с 1932 г., образование 7 классов, Салынова Чимида Нимгировича, уполномоченного районного НКВД, кандидата в члены ВКП(б), образование 7 классов [72].

На заседании бюро райкома ВКП(б) 17 апреля 1939 г. вместо бывшего первого секретаря Хонского К. К., по рекомендации Ростовского обкома ВКП(б), в состав бюро Калмыцкого райкома партии был введен Пруглов Георгий Емельянович, 1909 года рождения, член ВКП(б) с 1932 г., и избран первым секретарем райкома ВКП(б). В состав бюро Калмыцкого райкома ВКП(б) входили первый секретарь Г. Е. Пруглов, начальник районного отделения милиции Н. С. Бурлуткин, С. И. Климов, председатель райисполкома Б. Л. Куюкинов, управляющий районным отделением Госбанка Г. С. Соколов (член партии с 1917 г.), заведующий орготделом райкома ВКП(б) А. С. Французов, П. И. Ченский.

Заведующими отделами райкома ВКП(б) в это время работали П. Ещенко, Д. А. Алексеев, Л. М. Корнеев, заведующим партий-

ным кабинетом О. П. Шиловская, инструкторами райкома партии О. Е. Шучинов, Г. Н. Должиков, Чапинов, Б. С. Усунцынов, ответственным редактором газеты «Улан малч» П. П. Яковлев. Секретарем райкома ВЛКСМ был избран А. К. Фелькер.

Районную исполнительную власть возглавлял Б. Л. Куюкинов, на должности ответственного секретаря райисполкома находился Э. К. Никшиков, заведующего сектором кадров райисполкома – Василий Нукранович Емгушов. Заведующим отделом здравоохранения исполкома являлась Мария Батиевна Эрднеева, заведующим земельным отделом – Н. Е. Манжиков, заведующим отделом народного образования – А. К. Кулишов, начальником районным отделением милиции – Н. С. Бурлуткин, начальником районного отделения связи – И. А. Сумьянов, председателем районной плановой комиссии – Л. С. Будинов, председателем райпотребсоюза – И. М. Скоков, прокурором района – Чигрин, народным судьей района – Соловьев, уполномоченным наркомата заготовок СССР – Б. С. Манжиков, районным ветврачом – Г. С. Бембеков, директором заготконторы – Я. Д. Косенко. Должность директора Калмыцкой МТС занимал Н. М. Цеденов, Немецко-Потаповской МТС – А. С. Свистунов. 2 МТС, имевшие 169 тракторов, 78 комбайнов и 9 автомашин, обслуживали 28 колхозов, которые располагали 34 автомобилями [73].

В целях пресечения частнособственнические тенденции в колхозах, интенсификации труда колхозников, выявления и передачи дополнительных земель колхозам ЦК ВКП(б) и СНК СССР 28 мая 1939 г. приняли постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Выполняя это решение ЦК партии и правительства СССР, постановление бюро Ростовского обкома ВКП(б) от 10 июня 1939 г., Калмыцкий райком ВКП(б) 17 июня 1939 г. (протокол № 50) наметил: 1). Объединить колхоз «17 лет Октября» с двумя хуторами (Николаевский 10 хозяйств и Стояновский 42 хозяйства) с колхозом «Путь к социализму» (х. Атаманонский 72 хозяйства); 2). В колхозе «13 лет РККА» хут. Калинина (10 хозяйств) присоединить к х. Торговый (56 хозяйств); 3). В колхозе «Верховный Совет СССР» к центральному хутору Харьковский (85 хозяйств) присоединить хутора Красная степь (32 хозяйства) и Трудовой крестья-

нин (30 хозяйств); 4). В колхозе «Кирсан» все 4 хутора объединить в один (113 хозяйств); 5). Колхоз им. Пушкина (36 хозяйств) объединить с колхозом «Красный партизан» (101 хозяйство); 6). В колхозе им. К. Маркса к центральному хутору Вольный присоединить 2 хутора; 7). В колхозе им. К. Либкнехта х. Тельмана присоединить к хут. Немецко-Потаповский; 8). В колхозе им. Ворошилова вместо 4 хуторов образовать 2 хутора; 9). В колхозе «Сигнал политотдела» вместо двух хуторов создать 1 хутор; 10). В колхозе им. Сталина (Московский сельсовет) селение с 14 хозяйствами присоединить к центральному хутору; 11). В колхозе «Батлаевка» переселить 26 хозяйств, расположенных в различных местах, в станицу Батлаевскую [74].

Во второй половине 1939 г. в районе началась активная подготовка к проведению выборов депутатов районного и 11 сельских советов, которые были назначены на 24 декабря. Состав районной избирательной комиссии предварительно 3 октября рассмотрело и утвердило бюро райкома ВКП(б). На следующий день райисполком принял решение сформировать районную избирательную комиссию в предложенном варианте: председатель – В. Н. Емгушов, зав. сектором кадров райисполкома, заместитель председателя – О. П. Иванова, библиотекарь райкома ВКП(б), секретарь – С. С. Куржинова, нотариус нарсуда, члены комиссии – директор заготконторы Я. Д. Косенко, зав. отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) Л. М. Корнеев, секретарь РК ВЛКСМ А. К. Фелькер, пропагандист РК ВКП(б) Э. И. Илюмжинов, зам. директора по политчасти Калмыцкой МТС Н. Д. Орлов, председатель исполкома Граббевского сельского совета К. Ц. Манжиков. В этот же день райисполком утвердил составы избирательных комиссий сельских советов.

Бюро райкома ВКП(б), рассмотрев на заседании 22 октября кандидатуру в депутаты Ростовского областного совета, рекомендовало выдвинуть кандидатом в депутаты областного совета Абуша Ченовича Каушева, заместителя директора по политчасти Немецко-Потаповской МТС, члена ВКП(б) с 1931 г., по социальному происхождению из крестьян-бедняков. Вскоре, 7 декабря 1939 г., когда коммунисты района избрали А.Ч. Каушева вторым секретарем райкома ВКП(б), кандидатом в депутаты Ростовского облсовета по Романовскому

избирательному округу № 89 была выдвинута Лидия Санжиновна Французова, учительница Красно-Октябрьской начальной школы, Ковалевского сельского совета [75].

Выборы депутатов 24 декабря 1939 г. в районный совет депутатов трудящихся по 25 избирательным округам и сельские советы по 185 избирательным округам прошли организованно и с высокой (99,7 % общего числа 9560 человек) явкой избирателей. Проголосовало за кандидатов в депутаты районного совета 98,8 % избирателей, сельских советов – 98,2 %. В районный совет были избраны 25 депутатов (в том числе 8 женщин), в сельские советы – 185 депутатов (64 женщины, 62 коммуниста). В числе 101 депутата Ростовского облсовета была избрана от Калмыцкого района Л. С. Французова (Дарбакова).

Депутатами районного совета были избраны: Г. Е. Пруглов, 1-й секретарь райкома ВКП(б), Б. Л. Куюкинов, и. о. председателя райисполкома, А. Ч. Каушев, 2-й секретарь райкома ВКП(б), А. С. Французов, заведующий оргинструкторским отделом райкома ВКП(б), Н. С. Бурлуткин, начальник районного отделения НКВД, М. Б. Эрднеева, заведующая отделом здравоохранения райисполкома, Л. Л. Намров, Т. И. Чешова, П. И. Ченский, З. И. Заболотный, Т. В. Лазнова, М. Е. Морская, А. И. Тонконогова, Г. Д. Цеденова, Л. Л. Бекк, А. П. Погорелая, А. К. Нееб, И. Е. Продан, Н. М. Цеденов, А. С. Свистунов, Б. С. Дадинов, М. Д. Солодовников, В. К. Емгушов, А. Ф. Шульгин, П. П. Яковлев.

Райком партии и райисполком, рассмотрев 26 декабря 1939 г. (протокол № 79) итоги выборной кампании в районе, решили созвать первые сессии сельских советов: Кутейниковского, Стояновского, Ковалевского, Иловайского, Граббевского и Труд-крестьянского – 27 декабря; Немецко-Потаповского, Денисовского, Московского, Батлаевского и Ново-Николаевского – 28 декабря. Первую сессию районного совета решили провести 3 января 1940 г. Затем определили порядок открытия, работы, повестку сессий, количество постоянных комиссий в сельском совете. На заседании было рекомендовано образовать в сельских советах постоянные комиссии: по просвещению и культуре; благоустройству; торговле; животноводству; огородничеству. В районном совете намечалось образовать постоянные ко-

миссии и предложить председателями: по просвещению и культуре (А. П. Погорелая); здравоохранению (А. И. Тонконогова); бюджету (Н. М. Цеденов); торговле (П. П. Яковлев); животноводству (Д. М. Солодовников); дорожному строительству и связи (Н. С. Бурлуткин); благоустройству (А. С. Французов). Предлагалось постоянные комиссии избирать в составе не более 3 – 5 депутатов.

На этом же заседании райком ВКП(б) утвердил персональный состав формируемого райисполкома и наметил его предложить первой сессии райсовета. Райком партии предлагал избрать членами райисполкома Б. Л. Куюкинова, А. П. Погорелую, Б. С. Дадинова, А. Ф. Шульгина, М. Е. Эрднееву, П. И. Ченского, Г. Е. Пруглова, А. Ч. Каушева, М. Е. Морскую. На должность председателя райисполкома предлагался Б. Л. Куюкинов, секретаря райисполкома – А. П. Погорелая, заведующего финансовым отделом – Б. С. Дадинов, заведующего дорожным отделом – А. Ф. Шульгин, заведующего отделом здравоохранения – М. Е. Эрднеева, заведующего земельным отделом – Н. Е. Манжиков, заведующего отделом народного образования – А. К. Кулюшов, заведующего отделом соцобеспечения – И. Х. Петров, заведующего сектором кадров райисполкома – В. Н. Емгушов, заведующего общим отделом – Н. Р. Мухлынов, заведующего спецчастью райисполкома – Г. П. Бальчинов [76].

На этом же заседании, состоявшемся 26 декабря, райком ВКП(б) предложил кандидатуры на руководящие должности исполкомов сельских советов депутатов трудящихся.

Сельские советы	Председатель	Зам. председателя	Секретарь
Кутейниковский	С. Д. Уташов	Мария С. Геймбух	Елена К. Ковальчук
Труд-крестьянский	И. А. Коробченко	Т. И. Чешова	К. М. Красулина
Батлаевский	С. У. Манжиков	В. В. Синельников	У. П. Арапов
Московский	Д. Т. Чухирикин	С. И. Андрюшкин	Петр М. Дубина
Иловайский	Я. В. Безручко	М. Е. Морская	П. В. Ксензеев
Грабевский	Н. М. Манжиков	Ф. И. Калышкин	К. Ц. Манжиков
Ковалевский	И. И. Мордовцев	П. Ч. Уташов	А. Х. Кодинов
Денисовский	Я. Я. Гиль	Ф. П. Осадченко	П. А. Федорченко
Немецко-Потаповский	А. А. Нееб	Е. А. Ковалева	Раиса Ф. Вундер

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

Ново-Николаевский	Д. Б. Токтинов	Г. Д. Цеденова	С. Б. Ункуров
Стойновский	Д. Бальдянов	У. А. Уланова	З. Д. Шатинов

Все предложенные райкомом ВКП(б) кандидатуры на руководящие должности советских органов Калмыцкого района на первых сессиях районного и сельских советов были избраны единогласно [77].

В начале 1940 г. наступили сроки перевыборов партийных организаций района. 1–3 марта 1940 г. состоялось отчетно-выборное партийное собрание Калмыцкого района с участием 120 членов ВКП(б) и 4 кандидатов в члены партии с правом совещательного голоса. С отчетом о работе РК ВКП(б) выступил первый секретарь Г. Е. Пруглов. В его докладе значительное внимание было уделено состоянию партийной организации. Если в 1938 г. кандидатами в члены ВКП(б) было принято 54 человека, то в 1939 г. вдвое больше – 111 человек, а переведены были в члены партии – соответственно 23 и 59 кандидатов. Тем не менее, к 1940 г. не удалось достичь количественного уровня районной партийной организации 1932 года. В ней коммунистов с партийным стажем до 1930 г. оказалось всего 28 человек, а с 1931–1939 гг. – 112 человек.

Тайным голосованием из 23 кандидатов, выдвинутых на собрании, делегаты избрали 19 коммунистов в состав пленума райкома ВКП(б):

Пруглов Г. Е., Яковлев П. П., Салынов Ч. Н., Будинов Л. С., Каушев А. Ч., Бекк Л. Л., Куюкинов Б. Л., Корнюхов К. П., Ченский П. И., Цеденов Н. М., Французов А. С., Шульгин А. Ф., Соколов Г. С., Орлов Н. Д., Фелькер А. К., Солодовников М. Д., Шиловская О. П., Свиштунов А. С., Дадинов Б. С. Кандидатами в члены пленума РК ВКП(б) были избраны: Лодянов И. М., Церенова А. И., Манжиков Н. Е.

В состав ревизионной комиссии вошли Матвеев Н. Т., Кулюшова П. Л., Чапинов И. В., в качестве кандидата – Дамбинов А. И. Делегатами на Ростовскую областную партийную конференцию были избраны: с правом решающего голоса Пруглов Г. Е., первый секретарь райкома ВКП(б), с правом совещательного голоса Солодовников М. Д.

На заседании 1-го пленума райкома ВКП(б), состоявшемся 3 марта 1940 г., были избраны члены бюро райкома партии Пруглов Г. Е., Каушев А. Ч., Французов А. С., Фелькер А. К., Куюкинов Б. Л., Яковлев П. П. и Ченский П. И. Первым секретарем райкома ВКП(б) был избран Пруглов Г. Е., вторым секретарем – Каушев А. Ч., секретарем по кадрам – Французов А. С., до этого занимавший должность заведующего орготделом райкома ВКП(б). Редактором газеты «Улан малч» (Красный животновод) был утвержден Яковлев П. П. [78].

После укрупнения хозяйств путем объединения в Калмыцком районе в 1940 г. насчитывалось 20 колхозов (им. Буденного, им. Кирова, им. Сталина (Граббевский с/с), «Сальская степь», им. Ворошилова, «Верховный Совет СССР», «XVIII партсъезд», «II-я пятилетка», им. Городовикова, «Коминтерн», «Красный Октябрь», «13 лет РККА», им. Ленина, «Путь к социализму», «17 лет Октября», «Батлаевка», им. Сталина (Московский с/с), им. Штейнгардта, «Общий труд», «Красный партизан»). В 1940 г. 99,6 % крестьянских и казачьих хозяйств были коллективизированы, и в колхозах района было сосредоточено 7886 голов крупного рогатого скота, 4358 лошадей, 28750 овец и коз, 3966 свиней [79].

В районе функционировала 31 школа (22 начальные, 8 неполно-средние и 1 средняя, построенная в 1936 г. в ст. Кутейниковской, здание кирпичное, двухэтажное). В начальных школах, где работал 51 учитель, обучалось 1700 учеников, в неполно-средних – соответственно 52 и 1674, средней школе – 37 учителей и 918 учащихся.

Однако, несмотря на динамичное развитие района и позитивные сдвиги в экономике, социально-культурной жизни сел, в его руководстве, между первым секретарем райкома ВКП(б) Г. Е. Пругловым и председателем райисполкома Б. Л. Куюкиновым, в начале 1940 г. сложились напряженные взаимоотношения. Г. Е. Пруглов, пользуясь своей партийной властью, 26 октября 1940 г. (протокол № 35) на заседании бюро райкома ВКП(б) поставил вопрос о работе председателя райисполкома, которое вынесло решение освободить Б. Л. Куюкинова от занимаемой должности. Следующий принятый пункт гласил: «Просить Ростовский обком ВКП(б) утвердить настоящее решение» [80].

Ростовский обком партии, по всей вероятности, внимательно разобравшись, не принял предложение Калмыцкого райкома ВКП(б)

о снятии с работы Б. Л. Куюкинова. Вскоре, 25 января 1941 г. (протокол № 7), по рекомендации Ростовского обкома ВКП(б), Г. Е. Пруглов решением бюро райкома ВКП(б) был освобожден от обязанностей первого секретаря Калмыцкого райкома партии и выведен из состава его бюро с формулировкой «в связи с выездом на учебу в Москву».

На этом же заседании бюро райкома (протокол № 8) первым секретарем Калмыцкого райкома ВКП(б) был избран Абуш Ченович Каушев, занимавший должность второго секретаря РК ВКП(б). На заседании VIII пленума Калмыцкого райкома ВКП(б), состоявшемся 15 февраля 1941 г., коммунисты избрали вторым секретарем РК ВКП(б) Петра Филипповича Аламахина, члена ВКП(б) с 1928 г., образование среднее [81].

Представители калмыцкого народа Ростовской области, как свидетельствуют отрывочные сведения, участвовали в советско-финляндской войне (ноябрь 1939 – март 1940 гг.). В первые же дни войны в 1939 г. погибли красноармейцы Абушинов Дамбо Борисович (х. Батлаевка), Сасыков Николай Степанович, 1898 года рождения, (х. Денисовский), Ачинов Алексей Баканович, 1912 года рождения, (х. Батлаевка), Джеваков Александр Метлеевич, 1919 года рождения, (ст. Кутейниковская). В феврале 1940 г. погиб сержант Цакиров Санчир Шевенович, 1915 года рождения, (ст. Ново-Николаевская). Политкомиссар батальона Иван Семенович Французов, вернувшись с этой войны после ранения, вскоре скончался от полученных ран. Оба были призваны из Калмыцкого района. Сохранились сведения об участии в советско-финляндской войне Абшульдинова Ильи Фокиновича, 1912 года рождения, (х. Граббевский), впоследствии сражавшегося на фронтах Великой Отечественной войны, а также Пасугинова Церена Лиджиновича, 1910 года рождения, (х. Зюнгар), в первые дни Великой Отечественной войны защищавшего Брестскую крепость [82].

В обстановке нарастания угрозы германского нападения на СССР к концу весны 1941 г. в Калмыцком районе по указанию областных учреждений, начали принимать мобилизационные меры, было обращено внимание на повышение образовательного уровня военнообязанных и допризывников, укрепление дисциплины труда, общественного порядка. Труженики района с чувством высокой ответственности провели весенне-полевые работы, начали готовиться к уборочной кампании.

7.4. Калмыцкий район в годы Великой Отечественной войны

Война внесла существенные изменения в характер и содержание работы местных советских и партийных органов района. Вся их деятельность была подчинена главной задаче – привлечение всех сил и средств района на нужды фронта, на укрепление трудовой дисциплины и общественного порядка, организацию проведения призыва военнообязанных в армию, мобилизацию населения района на строительство оборонительных сооружений, обеспечение сохранности имущества и скота колхозов, совхозов, государственных организаций и предприятий. Программой работы райкома партии и райисполкома стало решение бюро Ростовского обкома ВКП(б) от 22 июня 1941 г., определившее важнейшую задачу областной партийной организации – «обеспечение войсковой мобилизации военнообязанных, родившихся с 1905 по 1918 год включительно».

В первые же месяцы войны из районов Ростовской области были мобилизованы на фронт, по неполным сведениям, зафиксированным в карточках спецучета, хранящихся в Информационном центре МВД Республики Калмыкия, и других источниках более 300 калмыков. Из Калмыцкого района были призваны в июне – июле 1941 г. С. Х. Абушинов, У. Б. Абушинов, Б. Л. Анбушинов, Д. Т. Анбушинов, О. Л. Андриянов, У. А. Антаканов, А. Я. Альчинов, Д. А. Балханакон, Г. К. Батынов, Н. А. Буджалов, К. К. Кабдушев, Н. М. Цеденов, Д. Б. Токтинов, А. Б. Маглинов, Н. А. Малунов, А. С. Манжиков, А. И. Манжиков, М. Е. Мухлаев, С. П. Мушанов, А. Ш. Саранов, С. Б. Ункуров, Л. Л. Намров, С. С. Цеденов, Е. П. Цуглинов, Д. В. Чубанов, М. Б. Бембинов, Д. Д. Бадугинов, П. С. Джухнинов, Н. Э. Лузанов, Р. Я. Максимов, С. Я. Максимов, С. М. Джамбинов, Е. У. Дельдинов, В. С. Уланов, Д. М. Дарбаков, А. Л. Пахомкин, У. С. Поляков, Н. А. Чурумов, Б. Ц. Шарапов, А. К. Шуптинов, А. А. Шурганов и др., а также из других районов – М. П. Манжиков (Морозовский), Н. Б. Соспинов (Сальский), В. Н. Мучиринов (Пролетарский), А. Э. Антонов, В. И. Бювяев и А. Д. Емченков (Дубовский район), и т. д. Многие из них ушли на фронт добровольно. Среди них были фельдшер Мария Саранова, участница советско-финлянд-

ской войны, работавшая в районной больнице Калмыцкого района, военврач Екатерина Хохлынова, получившая направление в 110-ю Отдельную Калмыцкую кавалерийскую дивизию.

Калмыцкий райком ВКП(б) решением от 31 июля 1941 г. направил на военные курсы по подготовке командного состава Красной Армии: Василия Михайловича Шарапова, 1908 года рождения, члена партии с 1940 г., работавшего заведующим отделом народного образования райисполкома, Александра Соколовича Нармина, 1910 года рождения, члена партии с 1940 г., закончившего совпартшколу, Алексея Ивановича Дамбинова, 1909 года рождения, образование 6 классов, Бембю Канторовича Зундугинова, 1916 года рождения, члена партии с 1940 г., бухгалтера МТС, Эренцена Куликовича Никшикова, 1907 года рождения, члена партии с 1938 г., Федора Андреевича Мироненко, 1903 года рождения, члена партии с 1932 г., Марко Бембиновича Манганова, 1910 года рождения, члена партии с 1932 г., председателя колхоза, Бориса Бембиновича Чернушкина, 1909 года рождения, члена партии с 1938 г., Ивана Антоновича Гладкова, 1905 года рождения, кандидата в члены ВКП(б), Михаила Акимовича Ляхова, 1913 года рождения, члена ВЛКСМ, Лиджи Алексеевича Даржинова, 1920 года рождения, члена ВЛКСМ, Григория Марковича Пашенко, 1916 года рождения, члена ВЛКСМ, Петра Гавриловича Жмырко, 1914 года рождения, члена ВЛКСМ, Илью Андреевича Дроботова, 1914 года рождения, члена ВЛКСМ, Александра Григорьевича Костенко, 1914 года рождения, члена ВЛКСМ [83].

Всего в течение 2,5 лет (1941–1943 гг.), по данным выявленным источникам, на фронтах Великой Отечественной войны сражались до 2000 (17,5 % калмыцкого населения области) калмыков Ростовской области, в том числе свыше 200 военнослужащих срочной службы призывов 1938–1940 годов и кадровых офицеров, находившихся в рядах Красной Армии. Войну встретили на боевом посту в своих частях профессиональные военные, калмыки-офицеры Б. Б. Городовиков, М. С. Шарапов, Э. Ц. Шарапов, И. А. Теврюков, А. К. Теврюков, Д. Б. Абушинов, И. Л. Абушинов, И. Л. Амхалов, Ф. Т. Анбушинов, Л. К. Докугинов, Н. И. Даржинов, А. С. Денисов, Ц. Б. Манджиков, Д. Д. Орлов, А. И. Мухаринов, Э. Н. Джамбинов, Б. С. Усунцынов,

А. С. Щунгуров, Н. М. Джиджиков, А. М. Худжинов, В. С. Хахлинов, А. М. Тепшинов, Т. Т. Бакаев, Б. Д. Барашкин, А. Д. Бурвинов, Д. С. Дженгуров, Г. М. Лузанов, Д. М. Лузанов, Д. Б. Зартынов, Д. Б. Манджиков, А. С. Петрушкин, Н. У. Мусов, Т. М. Васильев, С. Х. Абушинов, Н. И. Джеваков, Д. Б. Саргинов, К. К. Кутликов, Ф. У. Салынов, Ч. Н. Салынов и др. Генерал-полковник О. И. Городовиков, генерал-инспектор кавалерии Красной Армии, в это время активно занимался организацией кавалерийский соединений.

Красноармеец срочной службы Петр Манжинович Цеденов, призыва 1940 г., войну встретил в районе Брестской крепости, погиб в первые дни. Призывники 1939 г. А. П. Ботинов, Ц. Л. Пасугинов и А. У. Иванов погибли при защите Брестской крепости. В сражение с немцами вступили в первые дни войны солдаты срочной службы (призыв 1938–1939 гг.) И. Б. Идушов, Д. П. Меньков, П. Е. Андреев, В. Н. Джамбинов, Х. Э. Максимов, Батыр Мухлынов, П. А. Чупов, Э. Б. Чурюмов, Ю. Б. Чурюмов, Д. Д. Шарапов, И. А. Абушинов, Б. А. Шкуров, Б. Б. Басанов, С. Э. Бурбеджалов, Н. В. Васильев, Б. А. Джуджинов, М. И. Ивашкин, Л. Д. Илюмжинов, Б. О. Казанкин, Н. К. Ромашкин, Б. П. Цеденов, Б. Г. Джиргалов, А. К. Кулюшов, Б. Г. Антонов, Б. А. Кодинов, Д. Д. Хахлинов и др. [84].

В первые же дни войны в соответствии с решениями бюро Ростовского обкома ВКП(б) от 24 июня и 5 июля 1941 г. в городах и районах области для борьбы с диверсантами и вражескими парашютистами стали создаваться истребительные батальоны, отряды народного ополчения. Калмыцкий райком партии 9 июля 1941 г. принял решение организовать в районе истребительный батальон в составе 420 человек и группы ему содействия во всех 23 колхозах. Командиром истребительного батальона был назначен Шунгинов, которому поручалось приступить к организации обучения бойцов и ускоренной подготовке отрядов к действию.

Одновременно в соответствии с решением райкома ВКП(б) от 13 июля 1941 г. в районе были сформированы отряды народного ополчения в составе 495 человек, а также приняты меры по усилению охраны телеграфно-телефонных линий, полей с урожаем, ферм колхозов, предприятий и организаций в районе. В срочном порядке райи-

сполком в соответствии с решением бюро Ростовского обкома партии приступил к выявлению и возвращению женщин-трактористок для работы на тракторах, а также мужчин-трактористов, не подлежащих мобилизации [85].

В начале августа 1941 г. первый секретарь Калмыцкого райкома ВКП(б) А. Ч. Каушев был мобилизован в ряды Красной Армии и отбыл на фронт. Пленум райкома партии на заседании, состоявшемся 7 августа 1941 г. (протокол № 10), избрал вместо него первым секретарем райкома П. Ф. Аламахина, освободив его от обязанностей второго секретаря. Вторым секретарем райкома партии пленум избрал А. С. Французова, занимавшего должность в райкоме секретаря по кадрам, а секретарем по кадрам – Н. Д. Орлова, работавшего заместителем директора по политчасти Калмыцкой МТС [86].

С вторжением немецких войск в Ростовскую область и с выходом их к концу октября 1941 г. на подступы к Ростову в соответствии с решением Ставки ВГК уже 25 октября 1941 г. началось строительство оборонительных сооружений. 1 ноября 1941 г. Калмыцкий райком ВКП(б) принял постановление «О всеобщей мобилизации в районе на оборонное строительство», буквально через 10 дней – «О дополнительной мобилизации людей на строительство оборонительных рубежей». Район одновременно направил на строительство дорог 300 пароконных подвод и 400 человек, снабдив их палатками, инструментами, фуражом, продовольствием.

В это время командование немецкой 1-й танковой армии решило нанести удар по Ростову с запада и северо-запада. С этой целью в середине ноября 1941 г. генерал Э. фон Клейст перебросил 14-ю танковую дивизию (тд) и 60-ю моторизованную дивизию (мд) в район Волошино (в 32 км западнее Миллерово) и Кутейниково. 60-я мд (генерал-лейтенант Ф.-Г. Эбергард) прошла через Калмыцкий район, подвергнув разрушению несколько его сел, в направлении станицы Грушевской и хутора Каменный Брод, где оборону держала 68-я кавдивизия (командир – полковник А. Е. Шаповалов) [87].

Особое внимание уделяли партийные и государственные органы района сбору и отправке теплых вещей, подарков на фронт бойцам Красной Армии, вопросам организации оказания помощи семьям во-

еннослужащих, а также своевременному выполнению планов поставок государству продукции сельскохозяйственного производства. В 1941 г. Калмыцкий район поставил государству 18700 тонн хлеба, более 11 тонн мяса (103,5 %). Коллективы Кутейниковской, Ворошиловской, Иловайской, Кировской школ сдали на постройку танковой колонны им. ВЛКСМ и в фонд обороны 15136 руб., послали бойцам посылки с продуктами, 197 теплых вещей. На начало 1942 г. в фонд обороны страны по району поступило 120853 руб., на строительство танковой колонны – 12928 руб., самолетов – 2 тыс. руб., на приобретение теплых вещей бойцам – 9896 руб. Куктуш Даржинович Кутликов, отец летчика Казака Куктушевича Кутликова, в марте 1942 г. сдал в фонд обороны страны 1000 руб. и передал сыну наказ: «Пусть мой сын, не щадя жизни, обрушивает на головы фашистов смертоносный огонь своего боевого самолета» [88].

Только в феврале 1942 г. колхозы района дополнительно сдали в фонд Красной Армии 18,5 т овощей и картофеля, в первом полугодии они, поставив государству еще 10,6 т мяса, досрочно выполнили годовой план. В 1942 г. хозяйства района сдали государству 12356 т зерна.

Бюро райкома партии, рассмотрев 9 февраля 1942 г. вопрос «О состоянии работы по оказанию помощи семьям военнослужащих», отмечало, что в районе на учете находятся более 300 семей военнослужащих, из них 54 семьям длительное время по вине органов соцобеспечения не выплачивались пособия на сумму 12155 руб. Во многих семьях на фронте воевали по 2–3 человека.

Райком партии и райисполком первоочередное внимание уделяли подготовке и мобилизации военнообязанных и призывников на фронт, а также подготовке специалистов гражданских массовых профессий. В марте 1942 г. при Калмыцкой МТС закончил курсы трактористов 61 человек, в том числе 26 девушек. На заседании 1 июня 1942 г. райком ВКП(б) проанализировал итоги приписки граждан 1924 года рождения и подготовки их к призыву. В принятом постановлении отмечалось, что на учете в райвоенкомате находятся 248 юношей 1924 года рождения, из них годны к военной службе 235 человек, нуждаются в лечении 5 человек, отсрочке по физическому со-

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

стоянию подлежат 2 человека. Комсомольская прослойка среди призывников составляла 31,5 % (78 человек), числилось неграмотных – 3 человека, малограмотных – 20 человек [89].

В июле 1942 г. военная обстановка на Дону серьезно осложнилась. «К исходу 15 июля, – писал маршал А. А. Гречко, – противник прорвал оборону советских войск между Доном и Северным Донцом на широком фронте...». Советские войска вынуждены были 24 июля оставить Ростов. Немцы захватили его силами трех дивизий 57-го танкового корпуса – 125-й пехотной, 22-й и 13-й танковых. 28 июля немецкие танковые и моторизованные соединения 4-й танковой армии (та) уже вышли в Задонские и Сальские степи [90]. С этого времени Калмыцкий район оказался в зоне боевых действий (в основном 40-го танкового корпуса) и во временной фашистской оккупации. Здесь, в полосе наступления немецкой 6-й полевой (командующий – генерал-полковник Ф. Паулюс) и с 1 августа 1942 г. частей 4-й танковой (командующий – генерал-полковник Г. Гот) армий, в конце июля – начале августа 1942 г. организовано, с упорными боями отходили соединения, части 51-й армии (командующий – генерал-майор Н. И. Труфанов) в направлении южного фаса Сталинградской обороны – на рубеж озер: Цаца, Барманцак, Сарпа. Крупные сражения между частями наступающих немецких войск (94-я и 371-я пехотные дивизии 4-го армейского корпуса (ак) 4-й та) и советской 51-й армии произошли 1–9 августа в пределах территорий Зимовниковского и Калмыцкого районов [91].

Ожесточенные сражения развернулись в донских степях, особенно в декабре 1942 – январе – феврале 1943 г., в ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом и при попытке немецкой группы армий «Дон» (командующий – генерал-полковник Э. фон Манштейн) деблокаирования окруженной 6-й армии. После провала операции деблокады окруженных под Сталинградом немецкие войска, не дойдя 48 км до южного участка фронта окружения, вынуждены были перейти от наступления к отступлению. Оценивая эту ситуацию, немецкий генерал Ф. фон Зенгер, командир 17-й танковой дивизии 57-го танкового корпуса, писал, что она явилась для нас кульминационным моментом перехода к оборонительным действиям, навязанным про-

тивником. Об этом же вспоминал Ганс Шойфлер, офицер 35-го танкового полка 11-й танковой дивизии 4-й танковой армии. Он писал: «Однако мы были больше не в состоянии вести последующие бои для деблокирования наших частей... Нам пришлось перейти от наступления к обороне... Затем был отдан приказ об общем отступлении. Оно продолжалось по степным просторам до самых Шахт» [92].

2-я гвардейская армия (гва) (командующий – генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский) и приданные ей 2-й гвардейский механизированный, 7-й танковый (преобразован в 3-й гвардейский тк) и 6-й механизированный (51-я, 53-я, 54-я и 55-я механизированные бригады) корпуса, перейдя с утра 24 декабря 1942 г. совместно с 5-й ударной и 51-й армиями в наступление, разгромили 29 декабря 1942 г. котельниковскую группировку немецких войск (57-й танковой корпус в составе 17-й и 23-й танковых дивизий (тд) и 2-й пехотной дивизии, до этого времени входила еще 6-я тд). Одновременно был ликвидирован полностью фронт румынской 4-й армии. Тем самым советские войска ликвидировали мощную узловую оборону противника, которую немцы пытались удержать как плацдарм жизненно важный для дальнейших операций.

В это время войска Воронежского фронта (1-я и 3-я гвардейские, 6-я армии), перейдя в наступление в направлении Миллерово, Тацинская, Морозовск, разгромили итальянскую 8-ю армию (командующий – генерал-полковник Гарибальди). Здесь же с упорными боями отступала немецкая 11-я танковая дивизия, в состав которой временно входил 15-й танковый полк. Солдаты этого полка Г. Хеймер и Э. Хайн впоследствии вспоминали: «По пути в Миллерово мы уже заметили, что многочисленные группы румын и итальянцев движутся в сторону тыла без оружия. В те дни мы просто не представляли себе характер того хаоса, что возник на фронте, и не знали, что противник прорвался. Прибыли на станцию Миллерово. То, что мы увидели здесь, обескураживало. На железнодорожной платформе штабелями были сложены окоченевшие тела мертвых немецких солдат» [93]. Чтобы избежать еще худшей катастрофы, Гитлер вынужден был 29 декабря 1942 г. отдать приказ об общем ускоренном отходе группам армий «Дон» со стороны Сталинграда и «А» с Кавказа.

Противник начал отступать в общем направлении на юго-запад, прикрываясь подвижными, сильными танковыми арьергардными группами. «Южнее Дона остатки 4-й танковой армии генерала Гота, – писал немецкий генерал Ф. Меллентин, – были выбиты из Котельниково и отброшены к реке Сал. В результате продвижения русских на этом направлении создавалась угроза Ростову с юга и возникла реальная опасность того, что будут перерезаны пути отхода группы армий фельдмаршала фон Клейста, пытавшейся в это время выйти с Кавказа» [94].

По плану операции Южного фронта (второе формирование) справа повела наступление 2-я гва, имея задачей – правым флангом нанести удар по северному берегу Дона, в общем направлении Цимлянская, Николаевская, Константиновская; левым флангом – Дубровское, Мартыновка, Константиновская и далее Крымский, Красюковский. Подвижными частями овладеть к исходу 2 января 1943 г. станцией Цимлянская, к исходу 4 января 1943 г. – Константиновская, к исходу 7 января 1943 г. – Шахты, Красюковская.

Слева наступала 28-я армия, имея задачей – к исходу 3 января 1943 г. овладеть село Приютное и, оставив сильное прикрытие на р. Маныч в направлении Дивное и Элиста. Главными силами нанести удар вдоль реки Маныч на Сальск. Подвижными частями 5 января 1943 г. овладеть г. Сальск.

Задача 51-й армии. 302-я и 87-я сд, 13-й мк с включением в него 61-й механизированной стрелковой бригады (мсбр) по приказу командующего Южным фронтом от 1 января 1943 г. за № 001/оп нанести удар в общем направлении – Зимовники, Батлаевская, Багаевская, Александровская, Новочеркасск. 13-му мк к исходу 3 января 1943 г. овладеть станцией Батлаевская, к исходу 5 января – Багаевская, к исходу 7 января – г. Новочеркасск.

По плану пехота должна была выйти на рубеж:

А) р. Бол. Куберле к исходу 4 января 1943 г.

Б) Мартыновка, Батлаевская к исходу 6 января 1943 г.

В) Павлов, Багаевская к исходу 8 января 1943 г.

Г) Карповка, Багаевская к исходу 10 января 1943 г.

Д) Новочеркасск к исходу 12 – 13 января 1943 г.

3-й гвардейский механизированный корпус (гвмк), 91-я и 126-я стрелковые дивизии, наступая в общем направлении на Зимовники, Орловская, Пролетарская, Сальск, овладеть к исходу 3 января 1943 г. указанные пункты, а к исходу 5 января 1943 г. – г. Сальск [95].

30 декабря 1942 г. 55-я механизированная бригада (мбр) 6-го мк совместно с 24-й гвсд 1-го гвск, разбив оборонявшиеся подвижные части 4-й танковой армии (та), в 11.30. того же дня заняли станцию Семичная, а 1 января 1943 г. в 11.00. – ст. Дубовская, где оборонялись части 23-й и 17-й тд и мелкие группы остатков 5-й и 8-й кавалерийских дивизий (кд) 4-й румынской армии. В это время 54-я мбр к 7.50. 1 января 1943 г. достигла станицы Баклановской и на следующий день, 2 января 1943 г., в 14.00. она во взаимодействии с 79-м танковым полком (тп) этого же мехкорпуса взяла станицу Цимлянскую.

51-я мбр 31 декабря 1942 г. повела наступление на Верхний Васильевский и Комиссаровский и к 18.30. выбила противника из последнего хутора. 53-я мбр, 77-й и 78-й тп к 11.00. 31 декабря 1942 г. освободили населенные пункты Ремонтная, Ериковский, Дубовское, Стародубовское, Кравцов, Моисеев.

В результате стремительного наступления советских войск (13-го стрелкового корпуса (ск), 6-го мк, 87-й и 302-й стрелковых дивизий (сд) 51-й армии) немцы вынуждены были поспешно отойти на заранее подготовленные позиции на рубеже: Верхняя Серебряковка – Веселый Гай – Атаманский – Стояновский – Новый Гашун – Зимовники (в основном территории Романовского, Калмыцкого и Зимовниковского районов). Сюда же с Северного Кавказа немцы срочно перебросили на помощь слабому 57-у тк (17-я и 23-я тд, 2-й пд)), разгромленному в Котельниково, моторизованную дивизию СС «Викинг» (командир – бригадный генерал войск СС Штейнер), а затем – и 16-ю мотодивизию (командир – генерал-майор Г. Шверин), потерпевшую поражение от 28-й армии в степях Калмыкии.

Зимовниковскому узлу обороны немцы придавали особое значение, поскольку они стремились предотвратить удар советских войск в тыл 1-й танковой и 17-й полевой армиям, отходившим с Кавказа, а также не допустить прорыва противника по нижнему течению Дона на Ростов и обеспечить защиту коммуникаций 4-й та и группы армий «А» [96].

Командованием Южного фронта (командующий – генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский) было принято решение ликвидировать иловайско-кутейниковскую группировку немецких войск, препятствовавшую продвижению 2-й гва в направлении Ростова, а 28-й и 51-й армиям – на сальско-тихорецком направлении. Эта немецкая группировка представляла весьма внушительную силу. В нее входили: 17-я танковая дивизия (39-й танковый, 40-й и 63-й гренадерские полки, подкрепленные 156-м гренадерским полком, а также усиленные мотопехотой и артиллерийским дивизионом (хутора Веселый Гай и Атаманский); полк СС «Дейчланд», усиленный танковой ротой, двумя артиллерийскими дивизионами и двумя минометными батареями (хутора Калинин и Стояновский); полк СС «Нордланд» (хутора Стояновский и Новый Гашун); 23-я тд и полк СС «Вестланд», усиленные артиллерийским дивизионом (хутор Васильевский – станция Зимовники).

Задача по разгрому этой группировки противника была возложена на 6-й мк (51-я, 53-я, 54-я и 55-я мбр, 76-й, 79-й и 80-й тп) во взаимодействии с 49-й гвардейской стрелковой дивизией (гвсд) 2-й гва, 302-й и 87-й сд, 62-й мбр 13-го мк 51-й армии, 3-м гвмк и 13-м тк. Помимо этих соединений, 6-й мк был усилен 1250-м и 1264-м истребительно-противотанковыми артиллерийскими, 88-м гвардейским минометным полками и 241-м гвардейским минометным дивизионом [97].

Части 6-го мк уже 2 января 1943 г. выступили из района Дубовское в направлении населенных пунктов – Буденный, Кутейниково, Зимовники с задачей овладеть ими. Но на рубеже Веселый Гай, Атаманский, Стояновский, Новый Гашун, Зимовники они были встречены хорошо организованным огнем противника.

На этом рубеже оборонялись части 16-й мд (156-й и 60-й мп, 146-й ап), 17-я и 23-я тд, подошедшая мотодивизия СС «Викинг». Веселый Гай обороняли два батальона пехоты 40-го гренадерского полка, около 12–15 танков, до дивизиона артиллерии. Район Атаманский, Стояновский, Новый Гашун обороняли до полка пехоты, до двух дивизионов артиллерии, до двух минометных батарей, около 15 танков. Как указывалось в отчете о боевых действиях 6-го

мехкорпуса, противник все населенные пункты превратил в узлы сопротивления с развитой системой инженерных сооружений и подтягивает свежие силы. Так, в район Верхняя Серебряковка прибыло до полутора полков пехоты и около 40 танков, в район Стояновский – до батальона пехоты (полка «Германия» мотодивизии СС «Викинг»), до дивизиона артиллерии, рота мотоциклистов и танки [98].

51-я мбр 2 января повела наступление на Веселый Гай с задачей овладеть населенные пункты: Братский, Буденный, Иловыйский. А 55-я мбр, выделив усиленный 3-й батальон для участия в освобождении ст. Зимовники, выступила на Атаманский и Стояновский с задачей в последующем овладеть ст. Кутейниково. В это время в х. Стояновском бой вела разведгруппа корпуса. Все атаки 51-й мбр за Веселый Гай противником были отбиты. В течение 3 января противник несколько раз переходил в контратаку: на участке 51-й мбр – два раза, на участке 55-й мбр – три раза и в 11.00. противник овладел хутора Атаманский, Стояновский и Веселый Гай. 54-я мбр в этот день вела бой за ст. Цимлянскую.

3 января 1943 г. в боях 6-й мк потерял 12 танков, 12 орудий, убитыми и ранеными 400 человек. На станции Гашун освободили из фашистского концлагеря 1500 советских военнопленных. Потери противника: подбито 15 танков, уничтожено 6 орудий, 8 минометов, 2 автомашины, взяты трофеи: 20 автомашин, 5 танков, убито и ранено – 600 солдат и офицеров [99].

Упорное сопротивление противник оказал 13-у мк 51-й армии 31 декабря 1942 г. и 1 января 1943 г на подступах к станции Зимовники. В станции Зимовники немцы оборонялись силами 23-й тд, полка «Вестланд», до двух дивизионов артиллерии, до 6 минометных батарей. Корпусу удалось лишь в 10.00. час. 1 января ворваться на северо-восточную окраину Зимовников и повести уличные бои. Через сутки, в 10.00. час. 2 января, на помощь 13-у мк подошел 3-й батальон 55-й мбр 6-го мк и вместе в 18.00. час. 2 января заняли северо-восточную часть Зимовников. В этот же день 3-й гвардейский мк, овладев станцией Ленинская, повел наступление на южную окраину Зимовников, а 60-я мбр 13-го мк – на восточную окраину.

62-я мбр 13-го мк 4 января пыталась прорваться в Зимовники через хутор Стояновский, но она здесь была контратакована танками и пехотой противника, заранее разрушившего мост через р. М. Куберле. В этом бою, закончившейся неудачей, в 62-й мбр погибли 8 человек, ранения получили 15 человек, без вести пропали 80 человек, были уничтожены 1 танк Т-34, 6 автомашин, 6 пушек [100].

4 января 1943 г. на рубеже сопротивления противника бои продолжались. 149-й гвардейский сп 4-й гвардейской сд совместно с 51-й мбр и 76-м тп 6-го мк в 14.00. сломили упорное сопротивление противника и заняли Веселый Гай. А в районе Атаманского развернулся ожесточенный бой с противником частей 54-й мбр и 79-го тп, которым в 16.00. 3 января удалось ворваться в хутор, но немцы, подтянув 26 танков из Торгового, в 8.00. 4 января обратно захватили хутор. После этого сражения 4 января в районе Атаманского, Стояновского, Торгового 54-я и 56-я мбр, 78-й, 79-й и 80-й тп вели разведку и готовились к наступлению. Разведкой в 10.30. 4 января было замечено движение из станции Зимовники в сторону Стояновского свыше 100 немецких автомашин с пехотой, 4 танка, 6 орудий ПТО на прицепах автомашин.

5 января противник во всех пунктах узла сопротивления усиленно готовился к активной обороне, подтягивая свежие резервы в район Верхняя Серебряковка, Атаманский и Стояновский. К Верхней Серебряковке, где находились до полутора полков пехоты и 40 танков, двигались еще 28 танков и до 150 автомашин с пехотой противника (156-й гренадерский полк и 203-я батарея штурмовых орудий).

На станцию Зимовники, где продолжались упорные бои, немецкое командование подбросило бронепоезд и 200 автомашин с пехотой. Противник одновременно пытался контратаковать на всех позициях боевые порядки 6-го мк, но его атаки были отбиты с большими для него потерями. Об ожесточенных сражениях на этой позиции свидетельствуют многочисленные подвиги наших бойцов. В одном из боев в районе Верхней Серебряковки 5 января 1943 г. раненого командира батальона 147-го гв. сп 49-й гв. сд заменил командир роты гвардии старший лейтенант В. Л. Турчанинов, которому удалось отразить контратаку противника силою до 38 танков. В этом бою он,

героически сражаясь, погиб и был посмертно награжден орденом Красного Знамени [101].

6 января в районе МТС и Верхней Серебряковки противник силою до батальона пехоты при поддержке 20 танков, до двух дивизионов артиллерии и 6 минометов неоднократно контратаковал боевые порядки 51-й мбр. В этот день фашисты, обороняя хутора Атаманский, Торговый и Стояновский, дважды атаковывали боевые порядки 55-й мбр силою до двух батальонов пехоты, одной мотоциклетной роты, двух дивизионов артиллерии, 10 минометов, трех крупнокалиберных пулемета, трех автоматических пушек. В 15.30. противник применил авиацию против частей 51-й мбр, находившихся недалеко от Веселого Гая и Стояновки, и нанес значительный ущерб. В результате бомбардировки вражеских 18 бомбардировщиков и 4 истребителей в 51-й мбр погибли до 150 человек.

В тот же день 51-я мбр и 147-й гв. сп 49-й гв. сд, ведя наступление на МТС и Верхнюю Серебряковку, преодолели сильный огневой заслон врага, где оборонялся 39-й тп 17-й тд, и в 18.00. заняли МТС (в 3 км южнее Верхней Серебряковки). Вечером того же дня им пришлось отбивать мощную контратаку противника силою до 25 танков с десантом автоматчиков и до батальона пехоты. В этой атаке немцы потеряли 4 танка и много живой силы. На рассвете следующего дня после упорного боя с подразделениями 39-го тп 17-й тд, мотопехотой с артиллерийским дивизионом 51-я мбр и 76-й тп освободили Веселый Гай.

А 55-я мбр и 80-й тп, сломив упорное сопротивление подразделений полков СС «Дейчланд» и «Нордланд», дополнительные батальоны которых прибыли из Северного Кавказа в ночь с 31 декабря 1942 г. на 1 января 1943 г., дивизии СС «Викинг», в 16.00. 6 января заняли хутор Стояновский. Противник поспешно отступил в направлении Кутейниково, Торговый, оставив 8 пушек, подбитых 3 танка, 12 пулеметов и 18 автомашин. Пленный 5-го саперного батальона мотодивизии СС «Викинг» показал, что эта дивизия начала прибывать в район Куберле – Стояновский 24 декабря 1942 г. с задачей – сдержать наступление Красной Армии. Дивизия прибыла неполностью, 1 полк еще оставался на Кавказе. Дивизия имела в своем составе 13–15 тыс. солдат и офицеров, обмундированных позимнему [102].

В тяжелых боях за хутор Стояновский многие командиры и бойцы 55-й мбр и 80-го тп показали образцы мужества. Первым ворвалась и укрепилась в хуторе Стояновском рота под командованием старшего сержанта М. Н. Филимонова, который был удостоен медали «За отвагу». Старший сержант Л. И. Гирш, командир отделения отдельной роты автоматчиков 55-й мбр, в бою за хутор заменил раненого командира взвода и личным примером повел взвод в атаку. За подвиг в этом сражении он, уничтоживший четырех фашистов и взявший в плен 1 офицера, был награжден орденом Красной Звезды.

Лейтенант В. П. Морозов, командир танка Т-70 80-го тп, одним из первых ворвался в хутор Стояновский и в упор расстреливал живую силу противника. Исправив подбитый танк, он вновь вступил в бой и уничтожил противотанковую пушку, 1 крупнокалиберный и 2 станковых пулемета, до 20 солдат и офицеров. Но его танк вторично был подбит. В. П. Морозов был награжден посмертно орденом Красного Знамени. Такого же ордена посмертно был удостоен лейтенант Ю. Н. Обрезков, командир взвода малых танков 80-го тп, уничтоживший в этом же бою 2 противотанковые пушки, 2 пулемета, 5 автомашин и до 15 солдат и офицеров.

Лейтенант А. Л. Белов, командир взвода малых танков 80-го тп, уничтоживший 1 танк, несколько пулеметных точек, до 10 автомашин с грузом и живой силой, 2 противотанковых ружья, до 25 солдат, приказом № 57/н от 12 марта 1943 г. командующего Южного фронта (по 2-й гв. армии) посмертно был награжден орденом Красного Знамени. Имеется еще приказ № 011 от 3 апреля 1943 г. командира 5-го гв. Зимовниковского мк 5-й гвардейской танковой армии генерал-майора Скворцова о награждении А. Л. Белова орденом Отечественной войны II степени. Генерал-майор А. П. Рязанский, описывая этот подвиг лейтенанта А. Л. Белова, отмечает, что он был посмертно награжден орденом Ленина [103].

55-я мбр и 80-й тп, освободив хутор Стояновский, 7 января продолжили наступление на Торговый, Калинин, высоту 47,8, но упорное сопротивление противника силою до батальона пехоты при поддержке дивизиона артиллерии, 10 танков, 6 минометов замедлило их движение вперед. Лишь к 7.00. 7 января 1943 г. 55-я мбр и 80-й тп до-

стигли рубежа на р. Куберле. Но здесь в 15.30. они подверглись массовой бомбардировке немецкой авиации. Бригада от налета понесла большие потери, особенно в коадном составе. Но мехбригада и танковый полк нанесли серьезный урон противнику. Было подбито его 10 танков, 8 пушек, 14 пулеметов, в том числе 3 автоматические, 14 автомашин, 6 мотоциклов, взято 1 тыс. снарядов, 2 радиостанции, 4 телеграфных аппарата, 2 тыс. ручных гранат.

54-я мбр и 79-й тп, прибывшие из станицы Дубовской, в 14.30. 7 января с марша вступили в бой с подразделениями 17-й тд противника в районе Атаманского и Калинина, откуда навстречу частям 6-го мк выдвинулись 10 немецких танков, которые поддерживались артиллерийским и минометным огнем. Бригаде и полку пришлось возобновить атаку в 8.30. 8 января и взять станицу Атаманский, где отличилась рота противотанковых ружей лейтенанта И. И. Тузовского, подбившая 4 танка противника. Затем бригада и полк, взаимодействуя с 51-й мбр, выступили в направлении населенных пунктов Калинин, Новый Гашун и западной окраины Зимовников. Для выполнения этой задачи к ним присоединилась 55-я мбр [104].

Противник, продолжая отходить на запад и юго-запад, вел активную оборону сильными арьергардными частями и пытался удержать, подтянув дополнительно до 20 автомашин с пехотой и 8 танков, населенные пункты Торговый, Ковалевский, Новый Гашун. Но части 6-го мк к 15.30. 8 января освободили эти хутора и еще Красный Октябрь, Васильевский, Николаевский, Красный Кут и заняли важные железнодорожные станции Грушевка – Ахта – Горобцев – Зимовники. В 9.00. 8 января в наступление перешли 302-я и 87-я сд, 62-я мбр 13-го мк 51-й армии, 55-я мбр 6-го мк и к 10.00. освободили полностью станцию Зимовники от фашистов. Противник, при отступлении ведя сильные арьергардные бои, приступил к укреплению обороны населенных пунктов Буденный, Иловыйский, Кутейниково.

По данным генерала А. П. Рязанского, главные силы 6-го мк только 6 января вышли к оборонительной полосе противника на рубеж Атаманский – Стояновский – Новый Гашун, а 7 января перешли в наступление. По свидетельству же генерала Г. Дёрра, «2 января противник атаковал позиции на р. Куберле и захватил Стояновский

и Веселый Гай. 3 января нам удалось с помощью контратак снова овладеть этими населенными пунктами... Главные силы 17-й тд были сняты с фронта и сосредоточены севернее Кутейниково для наступления на север» [105].

Для преследования отступающего противника части 6-го мк (с 9 января 1943 г. 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус), совершив марш из мест завершившихся боевых действий, к 8.00. 9 января 1943 г. сосредоточились: 51-я мбр в районе хутора Красный Октябрь; 54-я мбр – хутора Стояновский; 55-я мбр – хутора Ковалевский. Штаб мехкорпуса, расположившись 9 января в хуторе Атаманский, организовал разведку в направлении станицы Кутейниково, хуторов Зюнгар и Кубрле.

За период боев с 3 по 9 января 1943 г. части 6-го мк подбили и сожгли 25 танков, 15 орудий, 40 автомашин, 6 мотоциклов с колясками, уничтожили 10–12 минометов, взяли 6 автоматических пушек в исправном состоянии, 1000 снарядов, 1 радиостанцию и 4 телефонных аппарата, большой гурт скота. Убито и ранено свыше 800 солдат и офицеров противника.

Потери 6-го мехкорпуса составили: подбито 13 танков и 12 орудий. Погибли и получили ранения 450 бойцов [106].

В соответствии с приказом командира 5-го гвмк от 10 января части корпуса, получив задачу «быть готовыми уничтожить отходящие части противника и сломить узел сопротивления в направлении Иловайский – Кутейниково», совершили 50 км марш и сосредоточились к 4.00. 11 января в следующих населенных пунктах: 51-я мбр в хуторе Засальский; 54-я мбр в хуторе Мартыновский (освобожден 8 января); 55-я мбр в хуторе Рубашкин; 77-й и 78-й тп южнее в 2 км хутора Копани, куда переместился штаб корпуса. Немцы (23-я и 17-я тд, дивизия СС «Викинг»), отойдя с боями и получив подкрепление (156-й мотополк 16-й мд прибыл 10 января из с. Дивного), заняли оборону по линии Орловская – Красное Знамя. Опорными их узлами сопротивления стали населенные пункты: Крупянка, Батлаевская, Московский, Немецко-Потаповский (63-й гренадерский полк). Кроме этого, они выставили боевое охранение по линии: Караичев – Арбузов – Кривой Лиман.

С утра 13 января 1943 г. части 5-го гв. мехкорпуса выступили на Батлаевский, Сухой (11-я гвмбр, бывшая 54-я мбр), к северо-западной окраине хутора Немецко-Потаповский, на хутора Московский и Валуевский (10-я гвмбр, бывшая 51-я мбр), на хутора Немецко-Потаповский, Ряска, Татнинов и Болгарский (12-я гвмбр, бывшая 55-я мбр). К 16.00. 14 января бригады заняли рубеж: Батлаевская – Московский – Ряска. В это время между селениями Красное Знамя и Романовский (на плацдарме у Пролетарской) находилась дивизия СС «Викинг» и на ее правом фланге – 23-я тд, примыкая к Манычу, на левом фланге – 16-я мд, в 30 км восточнее станицы Пролетарской по обе стороны от селения Романовский – 23-я тд, к левому флангу которой примыкала 17-я тд. В этих населенных пунктах немцы вели 15–20 января 1943 г. ожесточенные оборонительные сражения, понимая, что здесь решалась судьба отступающих с Кавказа войск. Немецкий историк В. Тике писал, что солдаты указанных частей вели упорные оборонительные бои «во имя своих боевых товарищей из выходящих с Северного Кавказа соединений, которые, идя форсированным маршем сквозь лед и снежные вьюги, стремились к Ростову-на-Дону, чтобы миновать это “угольное ушко” до подхода русских» [107].

15–16 января 1943 г. все указанные населенные пункты Калмыцкого района, находившиеся в оккупации, были полностью освобождены от фашистов. Таким образом, из Калмыцкого района Ростовской области фашисты были окончательно изгнаны 16 января 1943 г., а его административный центр освобожден еще 11 января 1943 г.

Боевые действия 5-го гвмк на территории Калмыцкого района окончательно были завершены 16 января 1943 г. разгромом на рубеже Батлаевская – Ряска 156-го полка и двух дивизионов 144-го артиллерийского полка 16-й мотодивизии генерала Г. Шверина и изгнанием противника на левый берег р. Маныча. Преследуя отступающие 17-ю танковую и 16-ю моторизованную дивизии, 5-й гвмк двинулся в направлении городов Красного и Батайска. В ночь на 20 января 1943 г. немецкие войска стали сниматься с занимаемых плацдармов и переправляться через Маныч. «Как только мы переправились через реку Маныч, – вспоминал генерал Ф. Зенгер, – не стало больше гло-

жущей души тревоги, что нас в любой момент могут отрезать от пути спасения за Дон» [108]. За Манычем, в районе Пролетарской, немцам удалось изменить соотношение сил в свою пользу за счет прибывающих с юга дивизий из состава Кавказской армии. «Перед нами стояла задача, – пишет Ганс Шойфлер, – поставить заслон на пути наступающих по степи советских войск. В тот момент немецкие войска, находившиеся на Кавказе, отступали к Ростову-на-Дону» [109].

Сопоставляя вышеназванные сведения двух генералов (А. П. Рязанского и Г. Дерра) о продолжительности боевых действий на Зимовниковско – Кутейниковской позиции в конце декабря 1942 – начале января 1943 г., я, как тогдашний житель хутора Стояновский и очевидец многодневных ожесточенных сражений за хутор, усомнился в достоверности сообщения А. Рязанского. Те длительные и страшные военные сражения, происходившие в нашем хуторе, видимо, так потрясли мою детскую (5,5 лет) психику, что до сих пор помню многие фрагменты, через призму которых, повзрослев, понял – что такое война. В моей памяти остались: грохот танков, рев самолетов, фонтаны земли, поднятые оглушительными взрывами, трупы людей, разрушенные хаты, обгоревшие, искаженные танки, машины, бегущие женщины (я с мамой) с малыми детьми через овраги и замершие речушки, окопы с нашими стрелявшими солдатами и я среди них, наших пулеметчиков (около них лежал и я, не помню, как оказался там), в упор стрелявших в немцев, подожженную немцами колхозную конюшню с нашими военнопленными. До сих пор не могу спокойно вспоминать о том, как немцы хохотали над моей мамой, когда она, плача, умоляла не резать корову дедушки, у которого мы, после смерти отца накануне войны прибывшие из ст. Лазаревская Шапсугского района, жили.

Последний яркий эпизод. Зимний вечер, в хате жутко темно, много женщин с малыми детьми. Вдруг дверь раскрывается, и яркий свет фонаря охватил находившихся в хате, вошли наши танкисты (определил по шлемам). Запомнил на всю жизнь их слова: «Всё, немец больше не придет. Мы проводим вас по домам». Они проводили и расселили всех по уцелевшим строениям, снабдив каждую женщину буханкой хлеба и несколькими брикетами пшенной каши.

И вот для проверки своей памяти, установления истинных военных событий на Зимовниковско – Кутейниковской позиции обратился к документам соединений и частей, участвовавших в этой операции, которые хранятся в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. А также использовал другие виды исторических источников, в том числе и мемуары отечественных и зарубежных военных авторов.

После освобождения района от фашистских оккупантов Калмыцкий райком ВКП(б) в течение трех дней, 15–17 января 1943 г., занимался организацией восстановления советских, партийных, общественных и хозяйственных организаций в районе, а также мобилизацией людей на строительство оборонительных сооружений. Район в январе 1943 г. направил на строительство оборонительных рубежей 900 человек и 30 подвод.

Бюро райкома партии на первом же заседании поручило председателю райисполкома Б. Л. Куюкинову и заведующему отделом кадров райкома ВКП(б) А. Ф. Шульгину в «срочном порядке подобрать на руководящие должности ответственных, проверенных людей, преданных родине». В эти же дни было принято решение провести инвентаризацию всего имущества колхозов, МТС, государственных и общественных организаций. Предлагалось инвентаризацию завершить к 25 января 1943 г. и к 1 февраля представить ее материалы в райисполком.

По итогам инвентаризации было установлено в наличии в колхозах и МТС: 1109 лошадей, 1078 рабочих волов, 2389 голов крупного рогатого скота, из них коров – 577, 8268 овец, из 8 тыс. голов свиней осталось всего 30 голов; 35 садилок, 214 плугов, 1720 бороны, 90 ходов; 8561 ц яровой пшеницы, 818 ц озимой пшеницы, 1835 ц ржи, 2000 ц люцерны, 280 ц овса, 3389 ц проса, 381 ц подсолнуха, 485 ц картофеля. После освобождения хозяйства района сдали государству 1200 ц пшеницы, 2000 ц ячменя. 500 ц проса, и запланировали в 1943 г. засеять 38 тыс. га зерновых культур (на уровне довоенного).

Население, освободившись от оккупации, собрало и внесло на строительство танковой колонны и эскадрильи «Ростовский колхозник» 225 тыс. руб. В районе восстановленные ваяльная и пошивочная

мастерские начали изготавливать валенки, полушубки для бойцов Красной Армии

В период кратковременной оккупации фашисты нанесли серьезный ущерб району. Немецко-Потаповская МТС была полностью уничтожена с 50 тракторами, Калмыцкая МТС сохранилась и имела 70 тракторов, 80 комбайнов, из них 56 без моторов. В колхозах работали всего 15 (50 %) мельниц, 20 школ (64,5 %), из 8 неполно-средних школ остались всего 3, районная больница не работала [110].

Райком ВКП(б) и райисполком, закончив первоочередные организационные дела по подъему экономики, принялись за восстановление школ, учреждений здравоохранения, культуры, пекарен, магазинов, мельниц. Они уделили особое внимание расселению населения хуторов, разрушенных в ходе боевых действий [111]. Например, хутор Стояновский, по свидетельству его жителей, был полностью разрушен, в нем не осталось почти ни одного жилого дома, общественного здания, были уничтожены хозяйственные постройки, амбары, кузница, мельница, колодцы. Основное население хутора вынуждено было переселиться в другие села.

Наряду с хозяйственными и другими делами Калмыцкий райком ВКП(б) в январе – феврале, как и другие райкомы, горкомы области, занялся проверкой коммунистов, находившихся на временно оккупированной фашистами территории района. В справке заместителя заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А. Козлова на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. Андреева отмечалось, что в Ростовской области «значительная часть коммунистов, особенно сельских районов, оставалась на оккупированной территории, многие работали у немцев, регистрировались в гестапо, около 40 % из них не сохранили партийных билетов». По официальным данным ЦК ВКП(б), всего на оккупированной территории Ростовской области без ведома партийных организаций (то есть без специального задания) остались около 10 тыс. коммунистов, из них около 40 % не сохранили партийные билеты. В числе находившихся коммунистов в оккупации числились: 52 (4 сдали партбилеты в гестапо) человека из партийной организации Калмыцкого района, 53 человека (не сохранили партбилеты 40 коммунистов) Цимлянского района, 23 человека (партбилеты

сохранили 4 коммуниста) Дубовского района и т. д. По результатам разбора 9500 персональных дел коммунистов в Ростовской области в 1943–1944 гг. из партии были исключены 5019 человек (55 % от всех рассмотренных дел), в том числе 2990 партийцев, зарегистрировавшихся в полиции. Калмыцкий райком ВКП(б) исключил из членов партии 19 (36,5 %) коммунистов [112].

Бюро райкома ВКП(б) утвердило 27 июня 1943 г. в должности председателя райисполкома А. Ч. Каушева, прибывшего с фронта после ранения. Б. Л. Куюкинов был переведен на должность заведующего финансовым отделом райисполкома, У. К. Илишкин был назначен редактором районной газеты «Улан малч», с 26 октября 1943 г. редактором этой газеты работала А. Рогова. В последний состав Калмыцкого райисполкома входили: А. Ч. Каушев – председатель, Л. С. Будинава – заместитель председателя, П. Ф. Аламахин – первый секретарь райкома партии, А. С. Французов – второй секретарь райкома партии, Б. Л. Куюкинов – заведующий финансовым отделом, Г. М. Ковалев – заведующий земельным отделом, А. Ф. Шульгин – заведующий отделом кадров райкома партии, Д. А. Лодянова – заведующая отделом здравоохранения, Д. И. Васин – прокурор района, Н. А. Бюллер – уполномоченный наркомата заготовок СССР. Должность народного судьи района занимала А. М. Медведева, председателя районного потребсоюза – Манжиков, заведующего Госбанком – Г. С. Соколов, первого секретаря райкома ВЛКСМ – Н. А. Трунин [113].

Калмыки района, не подозревавшие о надвигавшейся беде, отправив на фронт всех способных воевать, в том числе и призывников уже 1926 года рождения, оказывая посильную помощь Красной Армии, активно трудились над восстановлением разрушенного войной народного хозяйства. В колхозы начали возвращать эвакуированный скот. По состоянию на 20 ноября 1943 г. колхозы района получили прибывшего из Казахстана 143612 голов скота (крупного рогатого – 38159, овец – 84734, лошадей – 11719) [114].

Ни в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», ни в постановлении СНК СССР от

28 декабря 1943 г. «О выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области», ни в инструкции НКВД СССР от 1 декабря 1943 г. «О порядке проведения мероприятий по делу “Улусы”» не говорилось о выселении калмыков из Ростовской области. В указе отмечалось: «Всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы СССР...». В постановлении правительства указывалось: «... всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области». В инструкции точно определялось, что «операции подвергаются все жители Калмыцкой автономной области (ошибочно указано “область” — К. М.) по национальности калмыки».

Следует отметить, что еще в 1942 г., когда область была освобождена от оккупации, руководство Ростовского обкома ВКП(б) предлагало выселить из области семьи изменников независимо от национальности. В телеграмме Б. А. Двинского, первого секретаря Ростовского обкома партии, И. В. Сталину от 16 июня 1942 г. отмечалось: «В районах Ростовской области, которые были оккупированы немцами, до сих пор находятся семьи изменников, ушедших с немецкими войсками, когда их прогнали из Ростова и ряда районов. Теперь в этих районах стоят части Красной Армии, сооружены оборонительные укрепления и эти семьи, настроение которых, конечно, плохое, надо выселить, и поскорей, так как держать их тут становится все опасней и опасней. Всего таких семейств по освобожденным от оккупации районам и городу Ростову мы определили 1447...» [115].

Однако, несмотря на отсутствие нормативного предписания о выселении калмыков из Ростовской области, НКВД СССР решил провести в ней этническую чистку по национальному признаку и дал указание УНКВД и НКГБ Ростовской области провести операцию по выселению калмыков из области. В связи с тем, что это указание НКВД поступило слишком поздно начальник УНКВД Ростовской области С. В. Покотило 25 декабря 1943 г. доносил представителю НКВД СССР комиссару госбезопасности Маркееву о невозможности начать операцию по выселению калмыков из Ростовской области в установленные сроки. Он сообщал, что «автомашины прибудут лишь

к исходу 26 декабря, оперативный состав будет разбросан к исходу 27 декабря и проинструктирован только 28 декабря» [116].

НКВД СССР, учитывая неподготовленность к выселению всех калмыков, проживающих в Ростовской области, решил на данном этапе ограничиться компактно расселенным калмыцким населением в Калмыцком районе области. Так, 28 декабря 1943 г. они вместе с калмыками Калмыцкой АССР в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. подверглись депортации в Красноярский край.

По отчетным данным УНКВД Красноярского края, с 11 по 18 января 1944 г. в край прибыли 12 эшелонов с депортированными 7528 калмыцкими семьями в составе 24998 человек, в том числе 846 семей (3316 человек) из Калмыцкого района Ростовской области. Все калмыцкие семьи были распределены и развезены по населенным пунктам 32 районов Красноярского края.

По не полным сведениям по карточкам спецучета, составленным при выселении наспех, недобросовестными и неграмотными курсантами Тбилисской школы НКГБ, было зафиксировано всего 397 (47 %) семей фронтовиков, из которых на фронт были призваны 502 человека. Из трех калмыцких семей на войне сражались с немцами по 4 человека, из 10 семей – по 3, из 73 семей – по 2 человека. Так, супруги Цеденов Савелий Ш., 1872 года рождения, и Цеденова Эринжана А., 1873 года рождения, из хутора Стояновский, проводили в 1941 и 1942 гг. на фронт четырех сыновей – Прохора, 1895 года рождения, Александра, 1908 года рождения, Семена, 1910 года рождения, и Родиона, 1911 года рождения. В семье Бовальдиновых (станция Кутейниковская) на фронте сражались трое сыновей – Николай Давшанович, Дмитрий Давшанович, Даржа Давшанович; в семье Карниковых (хутор Граббевский) воевали на фронте отец, Карников Бадьма Джуранович, и сыновья – Владимир Бадьминович и Борис Бадьминович и т. д. [117].

После выселения калмыцкого населения из Калмыцкого района органы НКВД начали выявлять и депортировать калмыков, оставшихся в отдельных населенных пунктах Ростовской области. В представленной докладной записке заместителя начальника отдела

НКВД СССР по борьбе с бандитизмом полковника госбезопасности С. Г. Свирина от 18 февраля 1944 г. заместителю наркома НКВД СССР В. В. Чернышеву отмечалось, что в Ростовской области, по данным УНКВД, остались калмыцких семей: на станции Котельниковской – до 60, в Сальском районе – 85 семей (400 человек), Дубовском районе – 80 семей (308 человек), Котельниковском районе – 53 семьи (79 человек), Пролетарском районе – 40 семей (250 человек), в Башанте – 33 чел., Яшалте – 13 человек [118].

Буквально через день, 20 февраля (в сборнике документов «Ссылка калмыков... Т. 1. Кн. 1.» С. 84 ошибочно указано 7 марта), В. В. Чернышев доложил Л. П. Берии о данных оставшихся калмыков в Ростовской области и получил задание подготовить и представить письмо с предложениями в правительство СССР. Уже 24 февраля 1944 г. В. Чернышев направил письмо за № 1/3361, приложив проект распоряжения СНК СССР, в Совнаркоме на имя В. М. Молотова. Он писал: «На территории Ростовской области в данное время проживает более 280 семей – 1300 человек калмыков, на которых действие постановления СНК СССР № 1432/425 “сс” от 28 декабря 1943 г. «О выселении всех калмыков из Калмыцкой АССР» не распространялось. В связи с произведенным выселением среди калмыков, проживающих в Ростовской области, отмечаются случаи антисоветской агитации. Сообщая об изложенном, НКВД СССР считает необходимым переселить всех калмыков из Ростовской области в Омскую область. Прилагая проект распоряжения СНК СССР, прошу Вашего решения» [119].

Решения правительства не пришлось долго ждать. 11 марта 1944 г. СНК СССР издал распоряжение № 5475 “рс” за подписью заместителя председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова, обязавшее НКВД СССР выселить в Омскую область всех калмыков, проживающих на территории Ростовской области. Затем последовал циркуляр НКВД СССР от 13 марта и приказ наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии «О выселении калмыков из Ростовской области в Омскую область» № 00276 от 14 марта 1944 г. В циркуляре НКВД СССР (в указанном сборнике ошибочно написано «МВД СССР» от 13 марта указывалось, что выселение до 700 калмыцких семей будет

проводиться 20 марта с. г. Начальник УНКВД Омской области Захаров 15 марта 1944 г. доложил В. Чернышеву о готовности всех служб к приему спецпереселенцев в г. Тюмень «до открытия навигации и переселения их в северные районы области для использования в системе рыбной промышленности» [120].

Несмотря на то что калмыцкое население 28 декабря 1943 г. было полностью выселено из Калмыцкого района, район под этим названием существовал до 15 марта 1944 г., то есть до принятия Указа Президиума Верховного Совета РСФСР 9 марта 1944 г. № 617/31, 11 марта распоряжения правительства СССР и приказа НКВД СССР от 14 марта 1944 г. Калмыцкий райком ВКП(б) провел свое последнее заседание 14 марта 1944 г. В соответствии с решением Ростовского облисполкома от 15 марта 1944 г. Кутейниковский, Граббевский, Ковалевский, Стояновский, Труд-Крестьянский сельские советы и станица Иловайская Иловайского сельского совета были переданы Зимовниковскому району, а Иловайский сельский совет – Романовскому району; Московский (за исключением х. Татнинова), Ново-Николаевский, Батлаевский и Потаповский сельские советы – Мартыновскому району; Денисовский сельский совет с тремя колхозами («Общий труд», «Сигнал политотдела», им. Штейнгардта) и хутор Татнинов Московского сельского совета – Пролетарскому району.

Акт о разделе сельских советов, населенных пунктов, колхозов упраздненного Калмыцкого района между Зимовниковским, Мартыновским, Пролетарским, Романовским районами был утвержден 12 мая 1944 г. решением № 1203 исполкома Ростовского облсовета. По этому решению все имущество, документация и архивы сельских советов, колхозов передавались указанным районам [121].

27 марта 1944 г. начальник УНКВД Ростовской области комиссар госбезопасности С. В. Покотило доложил НКВД СССР о том, что операция по изъятию калмыков из 22 районов области закончена 25 марта, отправлены 548 семей (2628 человек). В ранее принятых документах все время шла речь о выселении калмыков из Ростовской области в Омскую область. Вдруг 23 марта 1944 г. начальник отдела НКВД СССР спецпоселений (ОСП) М. Кузнецов направил в УНКВД Новосибирской области план расселения прибывающих калмыков из

Ростовской области. 24 марта последовало распоряжение № 1/5756 В. Чернышева о направлении в Новосибирскую область 2400 калмыков. 28 марта по поручению М. Кузнецова начальник 4-го отделения ОСП Угаров дал указание ст. оперуполномоченному отдела Петренко сообщить в УНКВД Новосибирской области о приеме эшелонов с калмыками. Переориентировка с Омской области на Новосибирскую, видимо, была связана с тем, что первая получила в январе из основной массы спецпереселенцев-калмыков больше всех – 8468 (29,6 %) семей (27158 чел.), Новосибирская область – 5455 (19,1 %) семей (16436 чел.).

В справке УНКВД Новосибирской области о приеме прибывших в эшелоне № СК–445 8 апреля 1944 г. спецпереселенцев-калмыков указано, что прибыло 753 семьи в составе 2536 челове, из которых были распределены: горстройтресту Новосибирска – 198 семей (537 чел.), совхозу УНКВД Новосибирска района – 42 семьи (165 чел.), подсобному хозяйству ОВС НКВД – 39 семей (147 чел.). В Томскую область выделили 474 семьи (1687 чел.), из них лесокомбинату – 449 семей (1592 чел.), пароходству – 25 семей (95 чел.).

В справке же об отправке УНКВД Ростовской области указывалось – 548 семей в составе 2628 человек. По сохранившимся в Информационном центре МВД РК карточкам спецучета калмыков, выселенных 24–25 марта 1944 г. из 22 районов Ростовской области, числилось 645 семей (2579 человек), в том числе 258 (40 %) семей фронтовиков (275 человек). Из Дубовского района в марте были выселены 133 семьи (в том числе 56 семей фронтовиков, 61 фронтовик) в составе 550 человек, Сальского района – 105 семей (в том числе 37 семей фронтовиков, 41 фронтовик) в составе 460 человек, Пролетарского района – 75 семей (в том числе 34 семьи фронтовиков, 39 фронтовиков) в составе 304 человека, Целинского района – 74 семьи (в том числе 22 семьи фронтовиков, 26 фронтовиков) в составе 345 человек, Мечетинского района – 56 семей (в том числе 20 семей фронтовиков, 21 фронтовик) в составе 256 человек, Мартыновского района – 43 семьи (в том числе 15 семей фронтовиков, 18 фронтовиков) в составе 144 человек, Орловского района – 30 семей (в том числе 14 семей фронтовиков, 17 фронтовиков) в составе 122 человек и т. д. О завер-

шении переселения калмыков в марте 1944 г. из Ростовской области к месту назначения 11 апреля 1944 г. наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии доложил его заместитель Б. З. Кобулов [122].

В мае 1944 г. из 13 районов (а также из городов Ростова-на-Дону, Таганрога, Азова) Ростовской области были выселены 55 семей (в том числе 16 семей фронтовиков) в составе 166 человек, в июле еще из 4 районов – 18 семей (в том числе 5 семей фронтовиков) в составе 59 человек. Таким образом, в декабре 1943 г., марте, мае, июле 1944 г. из Калмыцкого района и еще из 35 районов Ростовской области были насильственно депортированы в Сибирь 1564 калмыцких семей (в том числе 676 семей фронтовиков, или 43,2 %) в составе 6120 человек.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. Ростовской области были переданы два района упраздненной Калмыцкой АССР – Западный с населением 7263 человека и Яшалтинский с населением 12089 человек, из которых были депортированы 8270 калмыков (соответственно 4452 и 3818 чел.). Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 30 декабря 1944 г. районный центр Яшалтинского района перенес из с. Яшалта в с. Эста-Хагинка, переименовав его в с. Степное, а район – в Степновский. Названия Западного района и его центра – Башанта были сохранены. Однако решением Западного райкома ВКП(б) и райисполкома (протокол № 104а от 5 февраля 1944 г.) совхозы, колхозы, сельские советы и населенные пункты, имевшие калмыцкие и немецкие названия, были переименованы. Например, сельские советы: Абганеровский – в Первомайский, Багабурульский – в Крупский, I – Туктуновский – в Пушкинский, II – Туктуновский – в Чкаловский, Цоровский – в Октябрьский, Б – Кебютровский – в Сталинский; колхозы: Ленина мер – в Ленинский путь, Шин тоядл – в Новую жизнь, Роте-Фане – в Красное знамя и т. д. [123].

По сведениям, выявленным в карточках спецучета Информационного центра МВД РК, на фронтах Великой Отечественной войны сражались 802 калмыка из Ростовской области. По данным имеющихся различных источников, как отметил выше, из Ростовской области с учетом кадровых военных, а также находившихся на действительной

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

срочной службе воевали на фронте в 1941–1943 гг. до 2000 калмыков. Несмотря на приказ Генштаба Красной Армии от 8 января 1944 г. о снятии с фронта воинов-калмыков по национальному признаку, многие из них участвовали в Берлинской операции и воевали до победоносного завершения войны в мае 1945 г.

Примечания:

1. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 710. Л. 87.
2. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 710. Л. 79, 84.
3. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 773. Л. 3, 4; Д. 716. Л. 106, 125 об.; Д. 710. Л. 87. Ф. 353. Оп. 1. Д. 853. Л. 5–9; Донской статистический ежегодник. 1922 г. Ростов-на-Дону, 1922 г. С. 31–39, 49.
4. ГА РО. Ф. Р–980. Оп. 1. Д. 2. Л. 247–247 об.
5. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 512. Л. 5, 7–7 об.
6. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 716. Л. 44–46; Д. 623. Л. 20, 24, 71; Д. 512. Л. 44.
7. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 147 а. Л. 78–79.
8. Донской статистический ежегодник. 1922 г. С. 18–19; Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. 1. Донская область 1920–1924 гг. Справочник. Ростов-на-Дону 1989.
9. Там же. С. 37–39.
10. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 623. Л. 6–9; Отчет Донского областного экономического совещания в Совет Труда и Оборона по 1-е октября 1921 г. Ростов-на-Дону, 1921. С. 16, 17.
11. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). Сборник документов. М., 1940. С. 99; ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 648. Л. 42–52, 103–108; Ф. Р–973. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.
12. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 1032. Л. 4, 4 об., 5; Д. 647. Л. 16, 43 об.; Ф. Р–973. Оп. 1. Д. 2. Л. 67; Ф. Р–979. Оп. 1. Д. 5. Л. 132, 133.
13. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 623. Л. 3 об. – 4.
14. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 1032. Л. 29 об.; Д. 623. Л. 13–16; Д. 793. Л. 47–50; Д. 795. Л. 21; Отчет Донского областного экономического совещания в Совет Труда и Оборона по 1-е октября 1921 г. С. 34–39, 46.
15. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 131; ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 795. Л. 21.
16. ГА РО. Ф. Р–97. Оп. 1. Д. 1032. Л. 29–30
17. Там же. Д. 1034. Л. 23–28, 47–62; Д. 1032. Л. 48.
18. Там же. Д. 1032. Л. 47, 58.
19. Донской статистический ежегодник. 1923 г. Ростов-на-Дону, 1923. С. 17, 20.
20. НА РК. Ф. Р – 112. Оп. 1. Д. 4. Л. 218 – 219.
21. Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. I. С. 12–13.
22. ГА РО. Ф. Р–1485. Оп.1. Д. 142. Л. 36–44; Д. 19. Л. 224.
23. СУ РСФСР 1925 г., № 11, ст. 76.

24. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1925. С. 21, 38–39, 416.
25. Там же. С. 105, 116–117.
26. Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1925. С. VI–XII, 224–261; Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. I. С. 141–142.
27. Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. I. С. 142–143; Административно-территориальное деление Ростовской области (1924–1937 гг.). Ч. II. Справочник. Ростов-на-Дону, 1996. С. 22–23, 24, 25.
28. Список населенных мест Северо-Кавказского края. С. 224–261; Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929. С. 218–248.
29. ГА РО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 142. Л. 67.
30. НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 247. Л. 6; Д. 233. Л. 72.
31. Там же. Д. 233. Л. 71–71 об.
32. ГА РФ. Ф. Р–5677. Оп. 9. Д. 274. Л. 1, 2.
33. Там же. Д. 274. Л. 4–5.
34. Там же. Д. 274. Л. 8, 10, 13.
35. НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 247. Л. 39–60.
36. Там же. Д. 247. Л. 16; Д. 233. Л. 74.
37. Там же. Д. 247. Л. 9–10.
38. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2014. С. 161; НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 247. Л. 22.
39. НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 247. Л. 33–36.
40. ГА РФ. Ф. Р–5677. Оп. 9. Д. 274. Л. 20.
41. НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 233. Л. 44.
42. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 106. Л. 8, 12.
43. ГА РФ. Ф. Р–5677. Оп. 9. Д. 274. Л. 20–21; ГА РО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 624. Л. 204, 211, 371; Д. 625. Л. 73.
44. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 106. Л. 43, 46, 66, 68.
45. НА РК. Ф. Р–112. Оп. 1. Д. 247. Л. 4; Д. 233. Л. 35, 36.
46. ГА РФ. Ф. Р–5677. Оп. 9. Д. 274. Л. 21.
47. Там же. Д. 274. Л. 21–22.
48. Там же. Д. 274. Л. 31–32.
49. ГА РФ. Ф. Р–1235. Оп. 51. Д. 28. Л. 15, 49, 50.
50. ГА РФ. Ф. Р–1235. Оп. 44. Д. 35. Л. 1, 37, 96.
51. Народное хозяйство Северного Кавказа. Статистический справочник. Районы, города, автономные области и Дагестанская АССР. Ростов-на-Дону, 1932. С. 346–347, 352.
52. Северо-Кавказская краевая организация ВКП(б) в цифрах. К VII крайпартконференции. Вып. 11. Ростов-на-Дону, 1932. С. 13; ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3; Ф. 97. Оп. 1. Д. 106а. Л. 11; Улан МаЛьС (Красный животновод). № 6. 1932 г.
53. Молот. 17 июля, 7 августа 1930 г.

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

54. ГА РО. Ф. Р–1185. Оп. 3. Д. 7. Л. 18-18 об., 25 – 26; Д. 364. Л. 8, 27, 28, 120.
55. Там же. Д. 7. Л. 25-26; Д. 364. Л. 6, 8, 28, 120.
56. ГА РО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 625. Л. 177; Колхозы в 1930 г. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б). М.; Л., 1931. С. 3, 258–259.
57. Народное хозяйство Северного Кавказа. Статистический справочник. С. 76, 107, 120, 142–143, 250–251.
58. ГА РО. Ф. Р–137. Оп. 5. Д. 534. Л. 58 об.
59. Административно-территориальное деление Союза ССР. Районы и города СССР. М., 1931. С. 120–121; Административно-хозяйственный справочник по сельскому хозяйству Северо-Кавказского края. Списки районов, автономных областей, городов, сельсоветов, совхозов, МТС, МСС и колхозов и производственные показатели. Ростов-на-Дону, 1932. С. 30–31; 72–73; ГА РО. Ф. Р–1485. Оп.1. Д. 644. Л. 117.
60. Административно-хозяйственный справочник по сельскому хозяйству ... С. 12–13, 19, 36–37, 132–133, 202–203.
61. ГА РО. Ф. Р–137. Оп. 5. Д. 534. Л. 177–178.
62. Азово-Черноморский край и его районы. Справочник. Ростов-на-Дону, 1935. С. 72, 238–239; ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 9. Л. 58.
63. Азово-Черноморский край и его районы. Справочник. С. 367.
64. Там же. С. 294, 324.
65. Там же. С. 422, 470, 484; Улан малч (Красный животновод). № 46 (370). 1936 г. 14 апреля.
66. Северо-Кавказская краевая организация ВКП(б) в цифрах. Вып. 11. С. 13, 60–61.
67. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 3. Л. 5, 6, 7.
68. Емельянов Э. И. Мы не забыли. Книга памяти жертв политических репрессий. Ростов-на-Дону, 1995; Советская Калмыкия. 7 апреля 1990 г.
69. Азово-Черноморский край и его районы. Статистические материалы. Ростов-на-Дону, 1937. С. 230, 231, 305, 310, 319, 323; Улан малч (Красный животновод). № 83 (407). 1936 г. 12 июля; № 85 (409). 16 июля; № 86 (410). 17 июля; № 103 (427). 8 августа.
70. Улан малч (Красный животновод). № 46 (806). 1938 г. 10 мая.
71. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.
72. Там же. Д. 8. Л. 58; Д. 11. Л. 44.
73. Там же. Д. 10. Л. 2, 3, 6–7.
74. Там же. Д. 9. Л. 25–26.
75. Там же. Д. 10. Л. 6–7, 61; Улан малч (Красный животновод). № 126 (1007). 5 декабря 1939 г.
76. Там же. Д. 10. Л. 107–109; Улан малч (Красный животновод). № 133 (1014). 29 декабря 1939 г.
77. Там же. Д. 10. Л. 110–117.
78. Там же. Д. 11. Л. 2, 18–20, 67; Д. 12. Л. 1.
79. Там же. Д. 11. Л. 37; Д. 14. Л. 24.
80. Там же. Д. 12. Л. 58, 61–62.
81. Там же. Д. 16. Л. 9–10.

82. Всероссийская книга памяти. Т. III. М., 2000. С. 122; Т. V. М., 2002. С. 176; Т. VIII. М., 2004. С. 111; Т. IX. М., 2005. С. 604; Информационный центр Министерства внутренних дел Республики Калмыкия (Далее – ИЦ МВД РК). Фонд 10. Карточки спецучета (Далее – КС) 59, 78.
83. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 19. Л. 32–33.
84. Память – Санл. Т. I. Элиста, 1995; Память – Санл. Т. II. Элиста, 1995; Память – Санл. Т. IV. Элиста, 2010; Солдаты Победы: поименный список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцев Калмыцкого района Ростовской области. Элиста, 2005; ИЦ МВД РК. Ф. № 10. Карточки учета спецконтингента; Улан малч (Красный животновод). № 67 (948). 28 июня 1939 г.; № 101 (982). 29 сентября 1939 г.
85. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 12, 13, 17, 23; Трудящиеся Дона – фронту. Ростов-на-Дону, 1965. С. 6–7, 9.
86. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.
87. Там же. Д. 19. Л. 69, 87, 93; Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. Миус – фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг., 1943 г. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 2011. С. 51.
88. ГА РО. Ф. Р–3737. Оп. 2. Д. 427. Л. 123, 124; Улан малч (Красный животновод). № 1 (1229). 1 января 1942 г.; № 14 (1243). 26 февраля 1942 г.; № 19 (1248). 15 марта 1942 г.; № 22 (1251). 26 марта 1942 г.
89. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 20. Л. 13; Д. 21. Л. 3, 15, 75, 108, 122.
90. Гречко А. А. Битва за Кавказ. Изд. 2-е, доп. М., 1977. С. 52, 60; Дёrr Г. Поход на Сталинград / Роковые решения: Сб. СПб., 2004. С. 433.
91. Гречко А. А. Указ. соч. С. 72–73; Дёrr Г. Указ. соч. С. 450, 465–466; Петросян Л. С. Сводный армейский отряд. Элиста, 1986. С. 6–27.
92. Зенгер Ф. фон. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940–1945 / Пер с англ. М., 2004. С. 95; Шойфлер Ганс. Танковые асы вермахта. Воспоминания офицеров 35-го танкового полка. 1939–1945 / Пер. с нем. М., 2015. С. 296.
93. Шойфлер Ганс. Указ. соч. С. 287, 295, 296.
94. ЦА МО РФ. Ф. № 3432. Оп. 1. Д. 7. Л. 4; Хаунт В. Восточный фронт 1941–1945. Подлинная история / Пер. с нем. М., 2008. С. 458, 460; Меллентин Ф. В. Танковые сражения 1939–1945 гг. М., 1957. С. 178.
95. ЦА МО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 240. Л. 1.
96. Рязанский А. П. В огне танковых сражений. М., 1975. С. 30–33; Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. Т. 4. «Схватка на Юго-Западном направлении». 1 июля – 31 декабря 1942 г. М., 2008. С. 596; Маништейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала / Пер. с нем. М., 2009. С. 335.
97. Рязанский А. П. Указ. соч. С. 34–35.
98. ЦА МО РФ. Ф. № 3432. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–7.
99. ЦА МО РФ. Ф. № 3432. Оп. 1. Д. 9. Л. 6–7; Ф. № 64. Оп. 505. Д. 16. Л. 49.
100. ЦА МО РФ. Ф. № 3432. Оп. 1. Д. 9. Л. 6; Ф. № 64. Оп. 505. Д. 240. Л. 1–3.

Глава VII. Донские калмыки в годы советской власти (1920–1943 гг.)

101. ЦА МО РФ. Ф. № 3432. Оп. 1. Д. 7. Л. 8; Д. 9. Л. 8, 33; Д. 10. Л. 8; Ф. № 303. Оп. 682527. Д. 27. Л. 249.
102. ЦА МО РФ. Ф. № 3432. Оп. 1. Д. 6. Л. 8; Д. 7. Л. 8; Д. 8. Л. 13; Д. 9. Л. 9, 36, 37; Ф. № 64. Оп. 505. Д. 16. Л. 60.
103. ЦА МО РФ. Ф. № 303. Оп. 682526. Д. 623. Л. 113; Д. 1831. Л. 3; Оп. 682527. Д. 27. Л. 235, 249; *Рязанский А. П.* Указ. соч. С. 38.
104. ЦА МО РФ. Ф. № 3432. Оп. 1. Д. 9. Л. 9–10.
105. *Рязанский А. П.* Указ. соч. С. 36, 37; *Дёпп Г.* Указ. соч. С. 593.
106. ЦА МО РФ. Ф. № 3432. Оп. 1. Д. 8. Л. 15, 16; Д. 9. Л. 11–12, 14.
107. *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943 / Пер. с нем. М., 2015. С. 228–239.
108. *Рязанский А. П.* Указ. соч. С. 37–40, 43; *Дёпп Г.* Указ. соч. С. 594; Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. Т. 5 «На пути к Огненной дуге». 1 января – 30 июня 1943 г. М., 2008. С. 60, 67; *Зенгер Ф.* Указ. соч. С. 127.
109. *Шойфлер Ганс.* Указ. соч. С. 297.
110. ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 419. Л. 40 об. – 41, 41 об. – 42, 42 об. – 43.
111. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21а. Л. 1 – 5.
112. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 148. Л. 74; *Крикунов П.* Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. М., 2006. С. 217; ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 545. Л. 37 об., 38–38 об., 51 об.; Ф. 51. Оп. 1. Д. 21а. Л. 6, 8–10, 20, 25, 30.
113. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21а. Л. 42, 44, 135.
114. Улан малч (Красный животновод). № 70 (1339). 23 декабря 1943 г.
115. *Кислицын С. А.* Указ. соч. С. 318.
116. Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. Сб. док. и материалов. Элиста, 1993. С. 18, 19, 25, 31.
117. ГА РФ. Ф. Р–9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 6; ИЦ МВД РК. Ф. 10. Карточки спецучета.
118. ГА РФ. Ф. Р–9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 10–11.
119. *Там же.* Д. 176. Л. 182.
120. *Там же.* Д. 136. Л. 280, 284–285; Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 429–430.
121. ЦДНИ РО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 216. Л. 47; ГА РО. Ф. Р–3737. Оп. 2. Д. 497. Л. 97, 100; Справочник. Территориальные преобразования и переименования населенных пунктов Ростовской области за 1937–1970 гг. Ростов-на-Дону, 1976. С. 34, 45, 47, 54, 61, 69, 76, 82, 90, 99, 102, 154.
122. ГА РФ. Р–9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 133, 138, 140, 141, 143, 151; ИЦ МВД РК. Ф. 10.
123. ГА РО. Ф. Р–4034. Оп. 7. Д. 16. Л. 2, 12, 21–21об., 24–24об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ойраты (калмыки), прикочевав в 1630-е гг. в Поволжье, вступили в контакт с донскими казаками в начале 1640-х годов и в середине XVII в. небольшими группами начали мигрировать на Дон. С переходом части калмыков в иное этносоциальное окружение, другую геополитическую и социокультурную среду в их сообществе происходят процессы трансформации и аккультурации, в результате которых стало формироваться локальная этническая группа – донские калмыки, длительное время сохранявшие свою этническую и конфессиональную идентичности, номадный образ жизни.

К концу XVIII столетия на Дону сложился стабильный калмыцкий социум, инкорпорированный в состав донского казачьего общества, приобретший равностатусное положение с казачеством, типичные формы его военной организации и административного управления, а также поземельного устройства, осваивавший новые виды хозяйствования. В соответствии с новым положением существенно трансформировалась социальная структура донского калмыцкого населения, сложилось и утвердилось военное сословие – служилые калмыки-казаки. Принятие ими адаптационных условий положило начало интеграционному процессу в сферах экономики и торговли, социальной организации, общественном укладе, осознанному восприятию социального статуса казачества, трансформации общественно-бытовой жизни, безболезненной инкорпорации калмыков в новую социальную среду донского общества. Уже в начале XIX в. они по праву считались коренными жителями области Войска Донского.

В адаптационном, интеграционном процессе калмыков важными факторами явились не только гибкая этническая политика администрации области Войска Донского, учитывавшая национальные обычаи, культуру, но и уровень сложившихся межнациональных отношений, комплиментарности местного донского сообщества. Донские власти проводили среди калмыцкого населения просветительскую работу, при этом особое внимание обращалось на открытие образовательных учреждений, способствовавших росту его грамотности,

Заключение

осторожную политику христианизации, основанную на добровольных, поощрительных началах. В результате проводимой политики веротерпимости граждане Войска Донского, в том числе и калмыки, повсеместно пользовались правом свободного отправления обрядов по своей вере. Властные структуры Дона не только не запрещали межэтнические браки, а, наоборот, способствовали созданию национально-смешанных семей, предоставляя крепостным девушкам славянской национальности, вышедшим замуж за калмыка-казака, статус свободной казачки.

К концу XIX в. на Дону имелась не только стабильная локальная группа калмыков, объединенная территориальным единством, со своим административно-территориальным управлением, но и отдельные калмыцкие семьи, расселившиеся по многим станицам, хуторам, селам Сальского и других округов, постоянно там проживали. Приобщившись к новым видам производственной деятельности, характерной для местных условий и особенностей, донские калмыки успешно адаптировались в казачью социокультурную среду. Поэтому не случайно калмыцкое население, постоянно проживающее на Дону, по переписи 1873 г. было причислено к коренным жителям станиц Сальского и других округов.

Со второй половины XVII в. и на протяжении XVIII–XIX, первой половины XX в. калмыки вместе с донскими казаками защищали южные рубежи Российского государства, участвовали во всех войнах России, которые ей пришлось вести, отстаивая свои геополитические интересы и суверенитет.

В первой четверти XVIII в. донские полки в составе российской армии принимали участие в крупных баталиях со шведами, ставших судьбоносными для России, а также многочисленных войнах с Турцией, Персией. На рубеже XVIII–XIX вв. они воевали на стороне антифранцузских коалиций. Приумножили свою боевую славу донские казаки, в том числе и калмыки, участвуя с народами России в Отечественной войне 1812 года против армии Наполеона и его союзников и заграничных походах 1813–1814 гг.

В первой половине XX в. России, защищая свои интересы, территорию, независимость и суверенитет, пришлось участвовать в малых

и крупных войнах – в Русско-японской, двух планетарного масштаба, последствия которых имели глобальное, геополитическое значение. Они оказали принципиальное влияние на судьбы и последующее развитие многих стран, в том числе и России. В начале века Япония, движимая захватническими замыслами на Дальнем Востоке, в частности, притязаниями на Корею и Китай, спровоцировала Россию на войну. В ней калмыки-казаки сражались против японцев в составе донских казачьих полков 4-й Донской казачьей дивизии.

В 1914 г. Российская империя оказалась втянутой в кровопролитную войну мирового масштаба на стороне одной из противоборствующих коалиций. Вместе с другими народами страны в войне приняли участие и калмыки – как непосредственно в боевых действиях в составе донских казачьих военных частей, так и на военных тыловых работах при фронтах. Они оказывали помощь фронту лошадьми и другими видами скота на транспортные и продовольственные нужды армии.

В результате Первой мировой войны, развязанной Австро-Венгрией и Германией, распались и исчезли с карты мира несколько крупных империй. Действительно, пророчество наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, которое он высказал накануне рокового для него выстрела, произведенного террористом, сбылось. Он говорил: «Я никогда не вступлю в войну с Россией. Я готов идти на жертвы, чтобы этого избежать. Война между Австрией и Россией закончится свержением либо династии Романовых, либо Габсбургов, либо обеих династий» [1].

В сложных условиях последних лет Первой мировой войны в России свершились две социальные революции. Большинство калмыков-казаков, участников Первой мировой войны, активно включилось в Гражданскую войну на стороне белого движения, а некоторая их часть выступила за красных. Тем самым донское калмыцкое население в годы революционных событий оказалось в бифуркационном состоянии, имевшем трагические последствия.

Гражданская война для калмыцкого населения Дона имела драматическое продолжение – многие погибли в этой братоубийственной войне, часть эмигрировала за границу, а оставшиеся в своих хуторах

Заключение

и вернувшиеся потеряли все имущество и скот. К 1920 г. калмыцкое население на Дону по сравнению с довоенным периодом сократилось в 4 раза – с 33 тыс. до 8,5 тыс. человек. Для последних донская земля стала родной, которая помогла выжить и выстоять, чему способствовало создание в Ростовской области национальной административно-территориальной единицы – Калмыцкого. В годы Великой Отечественной войны, несмотря на мужественную борьбу донских калмыков на фронте против фашистов и самоотверженную работу тружеников тыла, калмыцкое население Ростовской области в 1943–1944 гг. подверглось депортации, Калмыцкий район был упразднен. Так завершилась трехвековая история калмыцкого населения на Дону.

Несмотря на эту трагическую превратность судьбы в многовековой истории локальной группы народа, потомки донских калмыков сохранили историческую память о славных страницах общей с донскими казаками истории, добрые чувства о малой родине, свято чтут и продолжают патриотические традиции. Потомки калмыков-казачков гордятся и восхищаются комплиментарностью своих предков, их боевым содружеством с донскими казаками, дружелюбием в повседневной жизни, взаимопомощью годы лихолетья. Самое главное – предки донских казаков, калмыков-казачков сумели сохранить общую связь с прошлым и передать эти славные традиции своим потомкам. Трехвековая история (середина XVII – середина XX в.) значительной группы калмыков в составе донского казачества свидетельствует о толерантности народов России, единстве их интересов в отстаивании целостности и безопасности страны, об их умении в грозное время сплотиться и подняться на защиту Отечества. Исторический опыт гибкой и эффективной этнической политики властей Дона по укреплению межнациональных отношений, обеспечению межнационального согласия, воспитанию подрастающего поколения в духе мужества, стойкости, преданности Отечеству является поучительным в современных сложных геополитических условиях.

Примечания:

1. Хейстингс М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года / Пер. с англ. М., 2014. С. 21.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Фонд 728. Оп. 1. Д. 1729, 1740.

Фонд Р-1318. Оп. 1. Д. 16.

Фонд Р-1235. Оп. 44. Д. 35; Оп. 51. Д. 28.

Фонд Р-5677. Оп. 9. Д. 274.

Фонд Р-9479. Оп. 1. Д. 136, 176.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 383. Оп. 29. Д. 1, 114, 56, 357, 358.

Фонд 796. Оп. 24. Д. 349.

Фонд 1281. Оп. 11. Д. 16, 17; Оп. 3. Д. 66.

Фонд 1374. Оп. 2. Д. 1303.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонд 103. Оп. 3. Д. 326, 432, 583, 725, 861, 942; Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1; Д. 7, 8, 10. Ч. 1; Д. 11, 23, 27. Ч. 2; Д. 48, 72, 107. Ч. 41 и 49; Оп. 1/208в. Св. 47. Д. 4(6).

Фонд 331. Оп. 1. Д. 12, 38, 182, 192, 193, 194, 241, 357, 358.

Фонд 395. Оп. 307/147. Д. 2.

Фонд 474. Оп. 1. Д. 204.

Фонд 489. Оп. 1. Д. 3034, 3037, 3039, 3240, 3241, 3275, 3324, 3343.

Фонд 2006. Оп. 1. Д. 19, 20.

Фонд 2007. Оп. 1. Д. 30, 31, 38, 41, 42, 47, 81.

Центральный архив Министерства обороны

Российской Федерации (ЦА МО РФ)

Фонд № 64. Оп. 505. Д. 16, 240.

Фонд № 3432. Оп. 1. Д. 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Фонд № 303. Оп. 682526. Д. 623, 1831; Оп. 682527. Д. 27.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 17. Оп. 123. Д. 148.

Государственный архив Астраханской области (ГА АО)

Фонд № 13. Оп. 1. Д. 55759.

Фонд № 32. Оп. 1. Д. 864.

Фонд № 444. Оп. 1. Д. 837, 936, 991, 1009.

Государственный архив Ростовской области (ГА РО)

Фонд 46. Оп. 1. Д. 31, 104, 168, 254, 254а, 254б, 259, 260, 263, 270, 271, 288, 292, 301, 1065, 1126, 1295, 1339, 3167, 3222, 3226, 3412, 3636, 3652, 3912, 4137; Оп. 2. Д. 11.

Фонд 55. Оп. 1. Д. 42, 861, 1464.

Фонд Р-97. Оп. 1. Д. 147а, 512, 623, 634, 648, 710, 716, 773, 793, 795, 1032, 1034.

Фонд Р-137. Оп. 5. Д. 534.

Библиография

- Фонд 229. Оп. 3. Д. 1004.
Фонд 301. Оп. 8. Д. 1215.
Фонд 309. Оп. 1. Д. 10, 14, 68, 72, 79, 81, 85, 87, 96, 100, 105, 238, 352, 359, 360, 361, 367, 790, 1313, 1379, 1640, 1980, 1983; Оп. 2. Д. 11, 26, 31, 80; Оп. 3. Д. 3, 4, 7, 17, 19, 27, 31, 32, 34, 35, 56, 62.
Фонд 331. Оп. 1. Д. 38.
Фонд 338. Оп. 1. Д. 134, 153, 273, 493, 518, 583, 633, 667, 699, 812, 836.
Фонд 341. Оп. 1. Д. 112, 172, 207, 357, 461, 472, 576.
Фонд 344. Оп. 1. Д. 2871.
Фонд 353. Оп. 1. Д. 82, 132, 150, 317, 387, 404, 421, 494, 525, 603, 628, 674, 712, 728, 758, 787, 853, 878.
Фонд 855. Оп. 1. Д. 58, 123, 128.
Фонд Р-973. Оп. 1. Д. 2.
Фонд Р-979. Оп. 1. Д. 5, 623, 1032.
Фонд Р-980. Оп. 1. Д. 2.
Фонд Р-1185. Оп. 3. Д. 7, 364.
Фонд Р-1485. Оп. 1. Д. 19, 142, 624, 625, 644.
Фонд Р-3737. Оп. 2. Д. 427.
Фонд Р-4034. Оп. 7. Д. 16.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО)

- Фонд 9. Оп. 1. Д. 419, 545.
Фонд 12. Оп. 2. Д. 49, 101.
Фонд 51. Оп. 1. Д. 1, 3, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 16, 19, 20, 21, 21а, 21б.
Фонд 97. Оп. 1. Д. 106, 106а.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

- Фонд И-9. Оп. 1, 2, 4, 5, 6, 11, 12, 13.
Фонд Р-112. Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 7, 233, 247.

Информационный центр МВД Республики Калмыкия

Фонд № 10.

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН)

- Фонд 4. Оп. 2. Д. 82.
Фонд 19. Оп. 1. Д. 4, 7, 8, 11.

Документальные сборники

- Азово-Черноморский край и его районы. Справочник. Ростов-на-Дону, 1935.
Азово-Черноморский край и его районы. Статистические материалы. Ростов-на-Дону, 1937.
Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. I. Донская область (1920–1924 гг.). Справочник. Ростов-на-Дону, 1989.
Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. II. (1924–1937 гг.). Справочник. Ростов-на-Дону, 1996.

Административно-территориальное деление Союза ССР. Районы и города СССР. М., 1931.

Административно-хозяйственный справочник по сельскому хозяйству Северо-Кавказского края. Списки районов, автономных областей, городов, сельсоветов, совхозов, МТС, МСС и колхозов и производственные показатели. Ростов-на-Дону, 1932.

Афанасьев А. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. Диспозиция, подлинные донесения князя Кутузова, Барклая де Толли, Ермолова, Коновницына, Раевского, Дохтурова и других старших начальников, с приложением боевого расписания русской армии и плана сражения. М., 1912.

А. В. Суворов. Документы. Т. IV. М., 1953.

Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1841.

Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1; Т. 2. Ч. 1 и 2. Новочеркасск, 1891; Т. 3. Новочеркасск, 1893.

Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Бородино: Документальная хроника. (Составители: А. М. Волькович, А. П. Капитонов). М., 2004.

Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. Т. 4 «Схватка на Юго-Западном направлении». 1 июля – 31 декабря 1942 г. М., 2008.

Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. Т. 5 «На пути к Огненной дуге». 1 января – 30 июня 1943 г. М., 2008.

Всероссийская книга памяти. Т. III. М., 2000; Т. V. М., 2002; Т. VIII. М., 2004; Т. IX. М., 2005.

Гарин Ф. А. Изгнание Наполеона. Документы, воспоминания. М., 1948.

Донские дела. Кн. 2. СПб., 1906; Кн. 3. СПб., 1909; Кн. 4. СПб., 1913; Кн. 5. Петроград, 1917.

Донские казаки в 1812 г. Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 г. Ростов-на-Дону, 1954.

Донской статистический ежегодник. 1922 г. Ростов-на-Дону, 1922.

Донской статистический ежегодник. 1923 г. Ростов-на-Дону, 1923.

Донской статистический ежегодник. 1924 г. Ростов-на-Дону, 1924.

Емельянов Э. И. Мы не забыли. Книга памяти жертв политических репрессий. Ростов-на-Дону, 1995.

Земля Войска Донского. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864.

Из истории движения за национальную школу в Калмыкии. Сборник документов и материалов. Элиста, 1967.

Казин В. Х. Казачьи войска (хроника гвардейских казачьих частей). СПб., 1912.

Калмыки в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов, Элиста, 1964.

Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России. СПб., 1861.

Колхозы в 1930 году. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б). М.; Л., 1931.

Библиография

Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). Сборник документов. М., 1940.

М. И. Кутузов. Сборник документов. Под ред. Л. Г. Бескровного. Т. IV. Ч. 1 (июль – октябрь 1812 г.). М., 1954; Ч. 2 (октябрь – декабрь 1812 г.). М., 1955.

Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864.

Материалы по истории русско–монгольских отношений, 1607–1636. Сборник документов. М., 1959.

Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. М., 1962.

Народное хозяйство Северного Кавказа. Статистический справочник. Районы, города, автономные области и Дагестанская АССР. Ростов-на-Дону, 1932.

Область Войска Донского по переписи 1873 года. Издание областного Войска Донского Статистического комитета. Под ред. члена-секретаря С. Номикосова. Вып. 1. Кн. 1. Новочеркасск, 1879.

Отечественная война 1812 года. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XIII. Боевые действия в 1812 г. (Июнь месяц). СПб., 1910; Т. XIV. Боевые действия в 1812 г. (Июль месяц). СПб., 1910; Т. XV. Боевые действия в 1812 г. (Июнь – декабрь). СПб., 1911; Т. XVI. Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). СПб., 1911; Т. XVII. Боевые действия в 1812 г. СПб., 1911; Т. XIX. Боевые действия в 1812 г. СПб., 1912; Т. XXI. Боевые действия в 1812 г. (Декабрь месяц). СПб., 1914.

Отечественная война и русское общество. 1812 – 1912. Юбилейное издание. Т. 3. М., 1912.

Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1912 год. (II часть – гражданская). Новочеркасск, 1913.

Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год. (I часть – военная). Новочеркасск, 1915.

Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год. (II часть – гражданская). Новочеркасск, 1915.

Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1915 год. Новочеркасск, 1916.

Отчет Донского областного экономического совещания в Совет Труда и Обороны по 1-е октября 1921 г. Ростов-на-Дону, 1921.

Память – Санл. Т. I, Т. II. Элиста, 1995; Т. IV. Элиста, 2010.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Область Войска Донского. СПб., 1905.

Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо–Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929.

Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. СПб., 1830. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. 1: с 1649 по 1675 гг. ; Т. 2 (Далее – ПСЗ Российской империи).

ПСЗ Российской империи. Т. XXI (1846). № 19820.

ПСЗ Российской империи. Т. XXVII (1803). № 20718.

Поход русской армии в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964.

Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года. Состав войска и их численность. Составители А. Васильев и др. М., 1997.

Северо-Кавказская краевая организация ВКП(б) в цифрах. К VII крайпартконференции. Вып. 11. Ростов-на-Дону, 1932.

Сибирские летописи, изданные императорской археографической комиссией. СПб., 1907.

Солдаты Победы: поименный список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцев Калмыцкого района Ростовской области. Элиста, 2005.

Список населенных мест области Войска Донского по переписи 1873 года. Новочеркасск, 1875.

Список населенных мест области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Часть 1. Новочеркасск, 1905.

Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1925.

Справочник. Территориальные преобразования и переименования населенных пунктов Ростовской области за 1937–1970 гг. Ростов-на-Дону, 1976.

Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. Сб. док. и материалов. Элиста, 1993.

Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005.

Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1925.

Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отдел 2. СПб., 1902; Т. XI. Ч. 3. СПб., 1907.

Мемуарная и эпистолярная литература

Брусилов А. А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2002.

Врангель П. Н. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Часть II. М., 1992.

Глинка Н. Ф. Записки русского офицера. М., 1987.

Голицын Н. Б. Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Голицына Н. Б. М., 1838.

Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014.

Гречко А. А. Битва за Кавказ. Изд. 2-е, доп. М., 1977.

Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917 / Пер. с англ. М., 2007.

Дёпп Г. Поход на Сталинград: Сб. СПб., 2004.

Джевзинов П. Донские калмыки-казаки в борьбе с большевизмом в 1917–1920 гг. Авторская рукопись. Нью-Джерси, 1968.

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). М., 2006.

Записки донского атамана Денисова. СПб.: ВРИД, 1999.

Коленкур А. де. Мемуары: Поход Наполеона в Россию / Пер. с фр. М., 2002.

Куропаткин А. Н. Записки о Русско-японской войне. М., 2015.

Кутузов М. И. Письма, записки. М., 1989.

К чести России. Из частной переписки 1812 года. Сост., авт. предисл. и примеч. М. Бойцов; худож. В. Корольков. М., 1988.

Ломакин Г. П. В боях за власть Советов. Боевое содружество русских и калмыков Сальского округа на фронтах Гражданской войны. Изд 2-е, переработанное. Элиста, 1968.

Маништейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала / Пер. с нем. М., 2009.

Библиография

Меллентин Ф. В. Танковые сражения 1939–1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1957.

Надбитов Э.-Г. Л. Отречемся от старого мира... 2-е изд. Элиста, 1989.

Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: В 2-х книгах. Кн. 1. Нашествие на Москву. Кн. 2. Бегство / Пер. с фр. и нем. М., 2004.

Нокс Альфред. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. М., 2014.

Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками: Воспоминания начальника штаба Донских армий и войскового штаба Генерального штаба генерал-майора И.А. Полякова. М., 2007.

Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.

1812. Бородинская битва. М., 2009.

1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Исторического музея. Составители: Ф.А. Петров и др. М., 1991.

1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

Шойфлер Ганс. Танковые асы вермахта. Воспоминания офицеров 35-го танкового полка. 1939–1945 / Пер. с нем. М., 2015.

Периодическая печать

Астраханский листок. 8 (21) июля 1916 г. № 146; 2 (15 августа) 1916 г. № 164; 18 сентября (1 октября) 1916 г. № 200; 30 сентября (13 октября) 1916 г. № 209; 4 (17 ноября) 1916 г. № 235; 9 (22) декабря 1916 г. № 262; 1 (14) февраля 1917 г. № 26.

Военно-исторический журнал. № 2 (610). 2011.

Вольное казачество. № 75. 25 февраля 1931 г.; № 83. 25 июля 1931 г.; № 130. 10 июня 1933 г. Прага.

Донские областные ведомости. № 160. 17 июля 1914 г.; № 161. 18 июля 1914 г.; № 243. 24 октября 1914 г.; № 254. 6 ноября 1914 г.; № 267. 21 ноября 1914 г.; № 281. 10 декабря 1914 г.; № 129. 9 июня 1915 г.

Донско-Азовский календарь на 1889 год. Редактор-издатель И. А. Тер-Абрамиан. Ростов-на-Дону, 1889.

Донской календарь на 1876 год (высокосный). Составитель и издатель Ф. Траилин. Новочеркасск, 1876.

Ковыльные волны (Цаган овсни дольган). Париж, 1932.

Молот. 17 июля, 7 августа 1930 г.

Памятная книжка области Войска Донского на 1912 год. Новочеркасск, 1912.

Российская история. № 5. 2011.

Русский архив. М., 1915.

Русско-калмыцкий календарь на 1912 год. Астрахань, 1912.

Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1891; Вып. 3. Новочеркасск, 1902; Вып. 11. Новочеркасск, 1912; Вып. 12. Новочеркасск, 1914; Вып. 13. Новочеркасск, 1915.

Советская Калмыкия. 7 апреля 1990 г.

Труды областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1867; Вып. 2. Новочеркасск, 1874.

Улан малч (Красный животновод). № 6. 16 февраля 1932 г.; № 46 (370). 14 апреля 1936 г.; № 46 (806). 10 мая 1938 г.; № 64 (945). 17 июня 1939 г.; № 67 (948). 28 июня 1939 г.; № 101 (982). 29 сентября 1939 г.; № 126 (1007). 5 декабря 1939 г.; № 133 (1014). 29 декабря 1939 г.; № 1 (1229). 1 января 1942 г.; № 14 (1243). 26 февраля 1942 г.; № 19 (1248). 15 марта 1942 г.; № 22 (1251). 26 марта 1942 г.; № 50 (1319). 22 сентября 1943 г.; № 70 (1339). 23 декабря 1943 г.

Литература

Агафонов А. И. История донского края: (XVI – первая половина XIX в.). Исторические источники и их изучение. Ростов-на-Дону, 2001.

Агафонов А. И. Донские казаки. Грудь в крестах ... Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – начало XX вв. Ростов-на-Дону, 2009.

Агафонов О. В. Казачьи войска Российской империи. М., 1995.

Ахиарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819.

Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.

Бабеньшев П. В. Донские казаки в войне 1812 г. Очерк. Ростов-на-Дону, 1940.

Балыков С. Б. Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993.

Балыков С. Б. Сильнее власти: Рассказы и очерки. М., 2014.

Басов А. Ф. Донская лошадь. М.-Л., 1935.

Батмаев М. М. Калмыки в XVI–XVII веках. Элиста, 1993.

Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне значимых событий. М., 1999.

Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста, 1965.

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962.

Бессонов В. А. Тарутинское сражение / Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. V: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2006.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Изд. 2-е. Элиста, 1993.

Богачев В. В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919.

Божерянов И. Н. Война русского народа с Наполеоном 1812 г. СПб., 1910.

Божерянов И. Н. Поход в Москву Наполеона и его бегство из России. М., 1912.

Богданович И. Ф. Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в Войске Донском. Составленные по распоряжению высочайше учрежденного Комитета о устройстве Войска Донского, сенатором генерал-лейтенантом Богдановичем и прикомандированными к нему офицерами того же Войска. С картою и рисунками. Новочеркасск, 1835.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1–3. СПб., 1859–1860.

Броневский В. Б. История Войска, описание донской земли, Кавказских Минеральных вод. Ч. 1, 2, 3. СПб., 1834.

Бурлака В. О. Азов – город с тысячелетней историей. Вып. 10. Азов, 2005.

Библиография

- Бутурлин Д. П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 1. СПб., 1837; Ч. 2. СПб., 1838.
- Быкадоров И. Ф.* Очерк участия Донского войска в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Новочеркасск, 1911.
- Быкадоров И. Ф.* Казаки в Отечественной войне 1812 года. М., 2008.
- Бюлер Ф. А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии ино-родцы. Их история и настоящий быт. Статья 1 / Отечественные записки. Т. XLIX. Науки и художества. СПб., 1846.
- Венков А. В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008.
- Венков А. В.* Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М., 2009.
- Венков А. В.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014.
- Вильсон Роберт Томас.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. / Пер. с англ. М., 2008.
- Владимирцев В. С.* Партия – организатор разгрома контрреволюции на Юге. М., 1971.
- Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
- Воскобойников Г. Л.* Казачество в Первой мировой войне. М., 1994.
- Воскобойников Г. Л.* Казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Ростов-на-Дону, 1995.
- Воскобойников Г. Л., Прилепский Д. К.* Казачество и социализм: исторические очерки. Ростов-на-Дону, 1986.
- Гаскуев Р. Л.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.
- Гарнич Н. В.* 1812 год. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1956.
- Герои Отечественной войны 1812 года. Т. 2. СПб., 1899.
- Геруа А.* Бородино (по новым данным). СПб., 1912.
- Голубинцев А. В.* Казачья Вандея. М., 2012.
- Гордеев А. А.* История казачества. М., 2007.
- Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества / Пер. с нем. СПб., 1771.
- Гурий (архимандрит).* Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Калмыки. Казань, 1915.
- Гурий (иеромонах).* Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам казанского миссионерского съезда. Отдельные оттиски из журнала «Миссионерское обозрение». № 1.
- Гучинов М. И.* Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века / Вестник института. № 3. Элиста, 1968.
- Дарбакова В. П.* К вопросу об этнической структуре донских калмыков / Труды молодых ученых Калмыкии. Вып. 3. Элиста, 1973.
- Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. С 1816 по 1826 год. СПб., 1829.
- Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство). Изд. РГУ, 1977.

- Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004.
- Донские казаки в борьбе с большевиками. М., 2007.
- Донские казаки в войне 1812 г. Очерк. Ростов-на-Дону, 1940.
- Донские казаки в прошлом и настоящем / Под общей ред. проф. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 1998.
- Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1974.
- Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989.
- Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Изд. 3-е. В 3 томах. Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР. Москва – 1938.
- Землеописание Российской империи для всех состояний. Санкт-Петербургского педагогического института ординарного профессора Евдокима Зябловского. Часть VI. СПб., 1810.
- Земцов В. Н., Попов А. И.* Бородино. Южный фланг. М., 2009.
- Зенгер Ф. фон.* Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940–1945 / Пер. с англ. М., 2004.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3-х томах. Т. 1; Т. 3. Элиста. 2009.
- История русской армии. Т. 1. СПб., 2003.
- История Русско-японской войны. Т. III. Редакторы-издатели М. Е. Бархатов и В. В. Функе. СПб., 1907.
- История СССР / Под ред. Б. Д. Грекова и др. 2-е изд. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1947.
- Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990.
- Кабузан В. М.* Народонаселение России с XVIII – пер. пол. XIX в. М., 1963.
- Казаки в Чатаалдже и на Лемносе в 1920–1921 гг. Издание Донской исторической комиссии. Белград, 1924.
- Казачество великое и бесстрашное. АО «Славия». СПб., 2008.
- Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2008.
- Казачий Дон: Пять веков воинской славы / Авторский коллектив: А. В. Венков, А. А. Озеров, Т. С. Рудиченко, В. П. Трут и др. М., 2010.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 5-е. В 3-х книгах. Кн. 3. (тома IX, X, XI и XII). СПб., 1845.
- Кафенгауз Б. Б.* Северная война и Ништадтский мир (1700–1721). М.; Л., 1944.
- Кислицын С. А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015.
- Кичиков М. Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966.
- Кольдонг С.* Судьба донских калмыков, их веры и духовенства. Издание автора. USA. 1984.
- Коновницын А. И.* Подвиги славных предков в годину Отечественной войны. Посвящается потомкам. СПб., 1912.
- Кострюков.* Краткое статистическое обозрение области Войска Донского. Новочеркасск, 1907.

Библиография

- Краснов П. Н.* На внутреннем фронте; В донской станице при большевиках; Всевеликое Войско Донское. М., 2003.
- Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007.
- Крикунов П.* Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. М., 2006.
- Лелина Е. И.* Павел I без ретуши: [антология]. СПб., 2010.
- Лесин В. И.* Генерал Ермолов. М., 2011.
- Липранди И. П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы или кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? Извлечено исключительно из иноземных писателей. М., 1867.
- Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012.
- Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание кочевых донских калмыков. Новочеркасск, 1874.
- Матишов Г. Г.* Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории. Ростов на/Д. 2013.
- Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф.* Миус – фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг., 1943 г. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону, 2011.
- Мезенцев Е. В.* Война России с наполеоновской Францией в 1805 г. (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008.
- Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Полное собрание сочинений. Т. I–VII. СПб., 1850.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Отечественная война. 1812–1912 гг. Юбилейное издание. СПб., 1912.
- Ниве П. А.* Отечественная война. Т. 5. СПб., 1912.
- Никитин В. Ф.* Казачество: Нация или сословие? М., 2007.
- Номикосов С.* Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
- Опыт описания Бородинского сражения. Состоящего при штабе 6-го пехотного корпуса, Генштаба поручика Неелова. М., 1839.
- Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.
- Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / Под редакцией академика Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева. Волгоград, 2014.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Часть 1. Дооктябрьский период. М., 1967.
- Очерки истории партийных организаций Дона. 1 часть (1898–1920). 2-е, доп. издание. Ростов-на-Дону, 1972.
- Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста, 2006.
- Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста, 1992.
- Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007.
- Паскевич И. Ф.* Походные записки / 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

Пашков Б. Г. Русь – Россия – Российская империя: Хроника правлений и событий, 862–1917 гг. 2-е изд. М., 1997.

Перепечаева Л. Б. Азов – пограничная крепость России. Конец XVII – начало XIX в. Вып. 11. Азов, 2011.

Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. / 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Исторического музея. Составители: Ф. А. Петров и др. М., 1991.

Петросян Л. С. Сводный армейский отряд. Элиста, 1986.

Пивоваров А. Донские казаки. Краткий сборник рассказов из военной истории донцов, об их храбрости, находчивости в бою, преданности долгу и проч. Новочеркасск, 1892.

Поликарпов Н. П. К истории Отечественной войны 1812 года. По первоисточникам. Вып. 3. События на Бородинской позиции с 22–24 августа 1812 г. М., 1911.

Попов А. Г. История о Донском войске. 1812 год. Часть 1. Новочеркасск, 1814.

Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 2. Нашествие Наполеона на Россию. М., 2009.

Попов И. И. Донские калмыки. Новочеркасск, 1919.

Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Ставрополь, 1912.

Проништейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.

Решетников Л. П. Русский Лемнос. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012.

Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1846.

Ростовцев Ф. 4-я Донская казачья дивизия в Русско-японскую войну. Киев, 1910.

Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.

Рыжкова Н. В. Донское казачество в войнах начала XX века. М., 2008.

Рязанский А. П. В огне танковых сражений. М., 1975.

Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2007.

Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012.

Сапожников А. И. Казачество в наполеоновских войнах / Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VI: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2007.

Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследования по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Новочеркасск, 1924.

Сергеев В. Н. Донская республика (1917–1918 гг.). Ростов-на-Дону, 2005.

Скорик А. П. 1-й Донской округ: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2012.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.

Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891.

Библиография

- Соловьева С. В.* Войско Донское в период Отечественной войны 1812 г. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Волгоград, 1995.
- Соловьев С. М.* Сочинения. Т. 11/12, 13/14. М., 1991; Т. 15/16, 17/18. М., 1993.
- Такман Барбара.* Августовские пушки / Пер. с англ. М., 1972.
- Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 2009.
- Тельпуховский Б. С.* Северная война. 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946.
- Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014.
- Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943 / Пер. с нем. М., 2015.
- Толь К. Ф.* Описание битвы при селе Бородине, 24 и 26 августа 1812 года. СПб., 1839.
- Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.
- Троицкий Н. А.* 1812: Великий год России. М., 1988.
- Трудящиеся Дона – фронту.* Ростов-на-Дону, 1965.
- Трут В. П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007.
- Управление генерал-интенданта Канкрин.* Генеральный сокращенный отчет по армиям за походы против французов. 1812, 1813 и 1814 годов. Варшава, 1815.
- Францева Л. М.* Участие донских казаков в Отечественной войне 1812 г. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1949.
- Харкевич В. И.* Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 году. Кавалерийские бои при Мире и Романове. СПб., 1910.
- Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М., 2006.
- Хаупт В.* Восточный фронт 1941–1945. Подлинная история / Пер. с нем. М., 2008.
- Хейстингс М.* Первая мировая война: Катастрофа 1914 года. / Пер. с англ. М., 2014.
- Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2014.
- Шкваров А. Г.* Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям» казачьим. СПб., 2012.
- Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста, 1990.
- Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX вв.). Элиста, 1992.
- Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007.
- Чонов Е. Ч.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 г. Очерк, статьи, биография. Элиста, 2006.
- Чуйкевич П. А.* Подвиг казаков в Пруссии. Новочеркасск, 1902.
- Эрдниева У. Э., Максимов К. Н.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Изд. 4-е, перераб. и доп. Элиста, 2007.

Научное издание

Максимов Константин Николаевич

**КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
(XVII – СЕРЕДИНА XX в.)**

Редакторы: А. В. Задорожная, Т. А. Михалева
Перевод Е. В. Куканова
Верстка и дизайн обложки Д. В. Татнинов

Подписано в печать 18.03.2016.
Формат 70х100/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,8. Тираж 500 экз.

Издательство научного центра РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел.: (863)250-98-21, www.ssc-ras.ru

Отпечатано: ИП Лавор И.Н., (типография «Лаки Пак»)
г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 112, тел. (863)256-77-40.
Заказ №782.

**Александр I представляет Наполеону в Тильзите калмыков, башкир, казаков и других инородцев русской армии 9 июля 1807 г.
Картина П. Н. Бержера, 1810, Музей Версальского дворца**

**Аррьергард Донского казачьего полка на походе в Германии в 1813 году.
Раскрашенная гравюра Флейшмана. XIX в. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург**

Знамя Зюнгарского Калмыцкого полка

Знамя Третьего Калмыцкого полка

**Очир-Гаря Шарапов. 1861.
Третья сотня Л.-Гв. Казачьего Его Величества
полка. Фото из музея в Курбевуа (Франция)**

**Костюм калмычки.
Конец XIX в. Реконструкция**

Депутация донских калмыков, прибывших в Санкт-Петербург для представления Государю Императору и выражения верноподданнических чувств калмыцкого населения донских степей, в составе трех хурульных бакшей и трех станичных атаманов, во главе с старшим бакшой донского калмыцкого духовенства г. Менко Барманджиновым. Депутация должна поднести Государю Императору дары – два великолепных кресла черного дерева с серебряными украшениями с серебряную модель буддийского храма. (По фот. К. Булла, 1908г.)

26-го полка казак Бадьма Шаргинов
(станции Платовской)

Б. Наминов – участник
русско-японской войны

19-го полка подъясаул Краснянский со своими разведчиками

Казачи Чоносовской

Группы лошадей, пожертвованные калмыками для нужд войны

**полковник Батыр Мангатов,
герой 1-й мировой войны**

**полковник Азман Батырев,
участник 1-й мировой войны**

**Конь «Кардинал» с седлом подведенный Верховному Главнокомандующему
Его И.В. Великому князю Николаю Николаевичу от калмыков в ноябре 1914 г.**

**Командир 80-го Зюнгарского казачьего
полка Гавриил Эрднеевич Тепкин
(1891–1920)
с женой Ули Санжиновной**

**Есаул Донского казачьего полка
Петр Утнасунович Кусинов,
убит 7 июня 1915 г. Имел все награды
включительно до св. Владимира 4-й
степени с мечами и бантом**

**Старший урядник Лейб-гвардейского
Атаманского полка Е. Е. Шарапов**

**Подхорунжий Андрей Полякович
Шарапов (ст-ца Кутейниковская).
За боевые отличия награжден
Георгиевскими крестами 4-й, 3-й и 2-й
степеней.**

**Герой Первой мировой войны сотник
Церен Джувинов. Воспитал в Болгарии
пять сыновей, в их числе журналиста
Кирилла и ученого Василия**

**Подхорунжий Василий Эрастович Урхусов,
9-й Донской казачий полк генерала Орлова-
Денисова.**

**Лейб-гвардии Казачий Е.В. полк. Сотня Его Величества.
Фотография из музея в Курбева (Франция). Фрагменты**

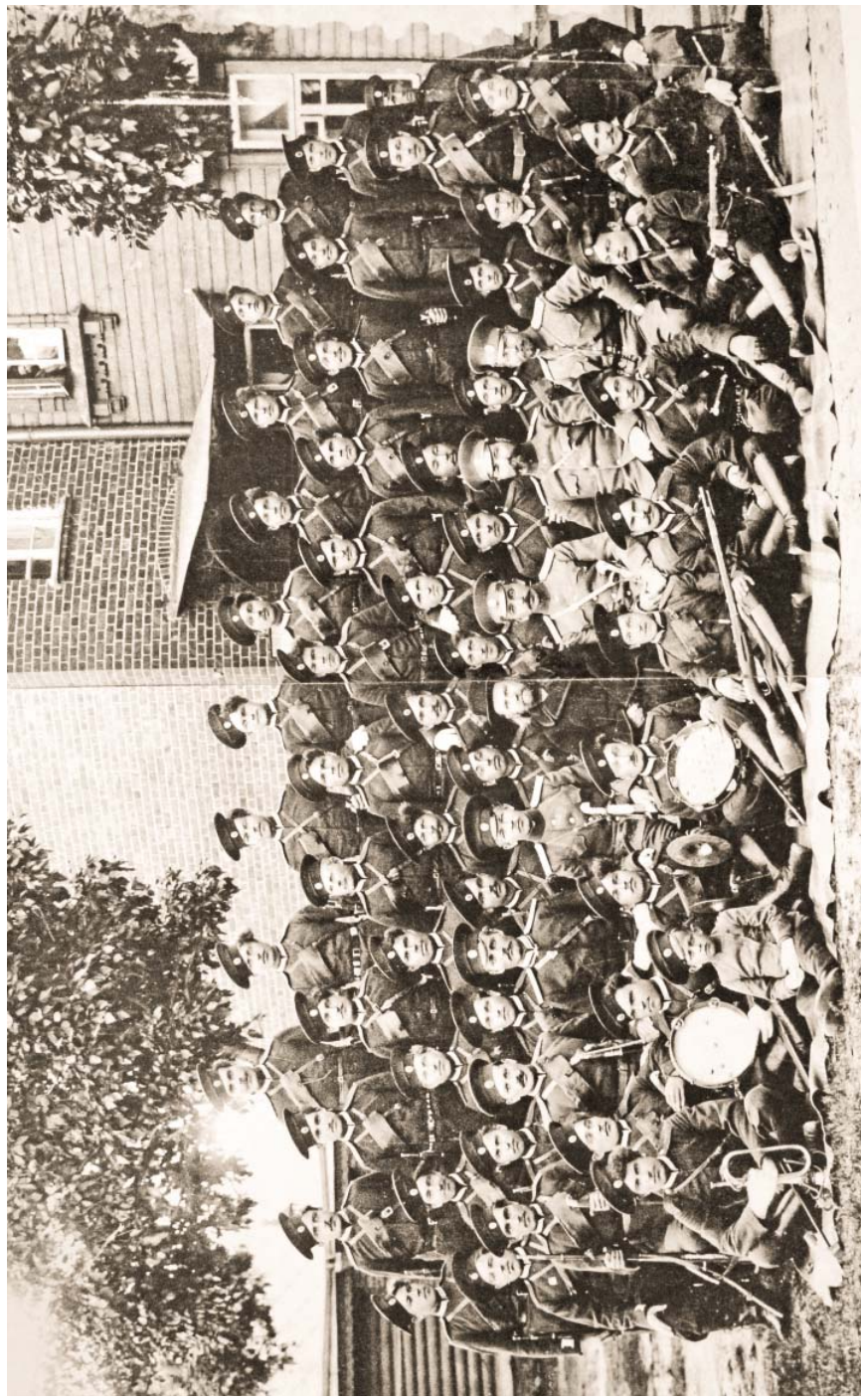
**Казак Козьма Шурашевич Сасыков,
ст. Денисовская. За боевые отличия
награжден Георгиевским крестом 4-й ст. и
Георгиевской медалью 4-й ст.**

**Приказный Гавриил Бодынов,
ст. Эркетинская. За боевые отличия
награжден Георгиевским крестом 4-й ст.**

**Прапорщик Заря Басанович Сафонов
(ст-ца Денисовская, хут. Потаповский).
За боевые отличия награжден
Георгиевскими крестами 4-й и 3-й
степеней и Георгиевской медалью
4-степени.**

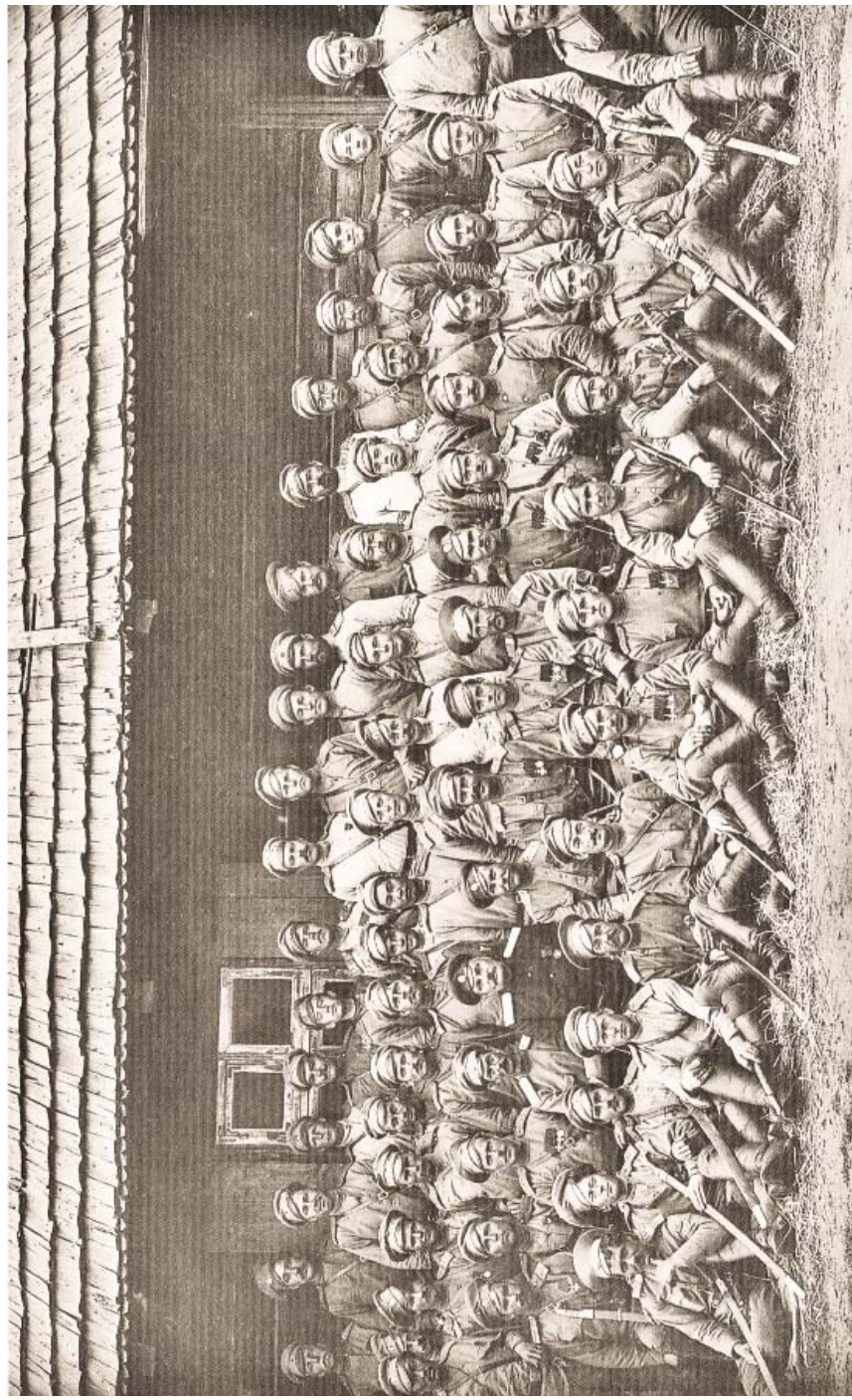

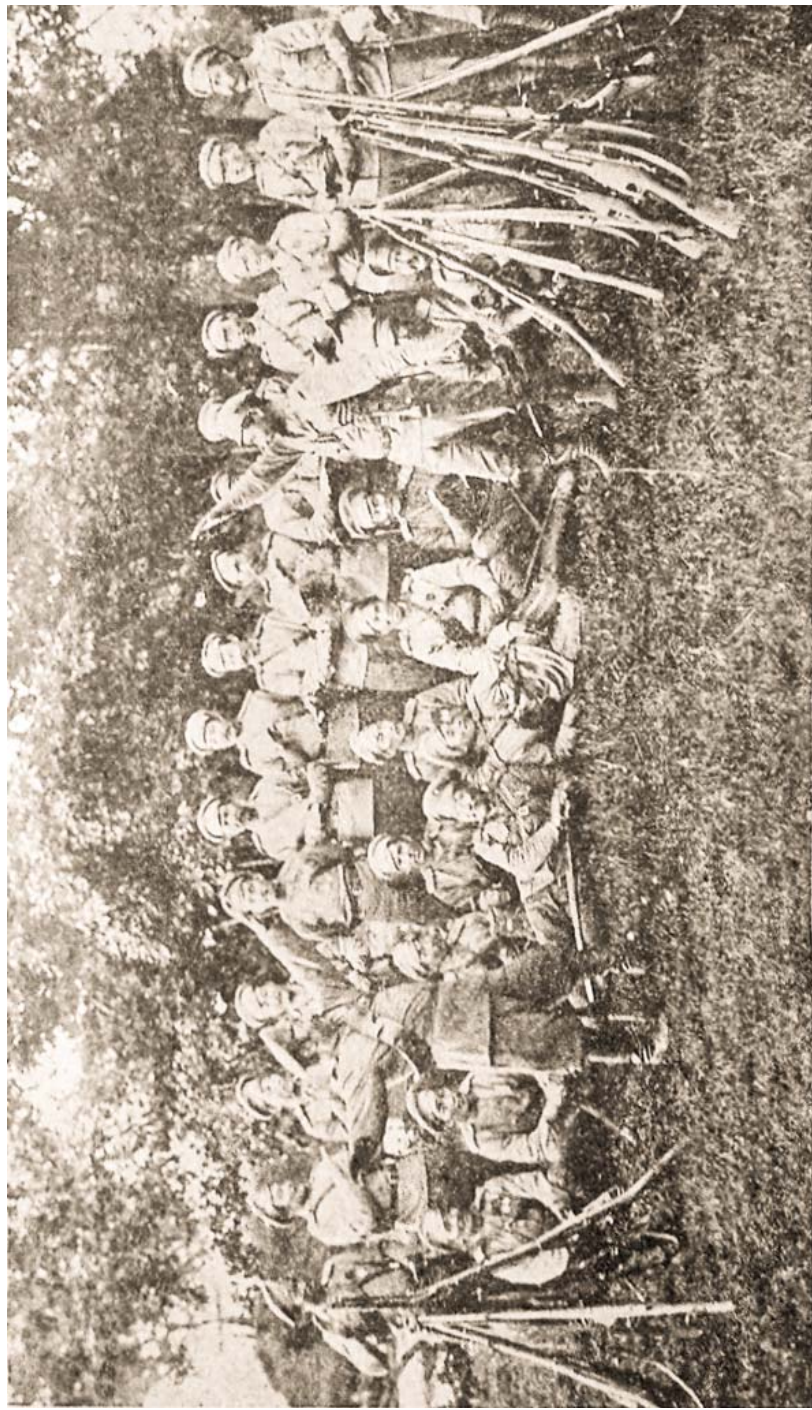
Казачи Донского 1-го казачьего генералиссимуса князя Суворова полка. Фото из коллекции Владислава Середы

Команда казаков — георгиевских кавалеров 26-го Донского казачьего полка

Казаків 26-го Донського казачього полку

Калмыки Донского казачьего полка. Танец «дербет» (в полку свыше 100 калмыков)

Казачи Донского казачьего полка ст-цы Потаповской

5-й Донской казачий полк генерала Власова

Казаци станицы Золотовской

Соколов Макей Никитич с сослуживцами ст. Голубинской.

Станица Платовская. В центре атаман А. П. Богаевский, слева А. С. Сарсинов, справа Б. Н. Уланов. 1919 г.

Атаман А. П. Богаевский, слева Б. Н. Уланов, справа А. С. Сарсинов

Атаман А. П. Богаевский выходит из Денисовского хурула. 1919 г.

**Конвой донского атамана генерала П. Н. Краснова перед Атаманским дворцом. 1918 г.
Фрагменты**

**Члены Совета при правителе и Главнокомандующем П. Н. Врангеле с правом решающего
голоса (в том числе Санджи Баянов). 23 июля 1920 г.**

Хурул ст-цы Денисовской. 1919 год.

Атаман А. П. Богаевский и бакша Шургучи Нимгиров в Денисовском хуруле. 1919 г.

Высадка на Лемнос. Ноябрь 1921 г.

Бакша-лама Шургучи Нимгиров. Духовный лидер Калмыкии. Умер в Лемносе в 1921 г.

Русские и калмыцкие дети, находившиеся на попечении Американского Красного Креста. Февраль 1921 г.

**К. Э. Илюмжинов (1889–1919),
фейерверкер Донской батареи
в I мировую войну. Комбриг 1-й Конной
армии в Гражданскую войну**

О. И. Городовиков

**Группа бывших бойцов – организаторов конных отрядов в Сальском округе в 1918 году
и основателей Первой конной армии. Справа налево сидят: О. И. Городовиков,
С. М. Буденный, Е. А. Щаденко, Д. К. Бондаренко и К. Свиридов; стоят: Н. П. Дубинский,
И. М. Селезнев, Г. П. Ломакин, Г. К. Сиденко, Л. М. Буденный и Л. Л. Клюев**

Председатель Калмыцкого райисполкома Б. Л. Куюкинов (справа),
зампред – секретарь Калмыцкого райисполкома Н. Ц. Максимов. 1931 г.

ЧЛЕНЫ ПРИЗИДИУМА КАЛМ. Р.-НА СОВЕТА ПРОВЕДИЛИ ДНОХ
СОЮЗОВ С УЧАСТИЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ РАЙОНОВ 31/V 322

Участники олимпиады художественной самодеятельности. 1935 г.

Денисовский хурул. Молебн. 1942 г.